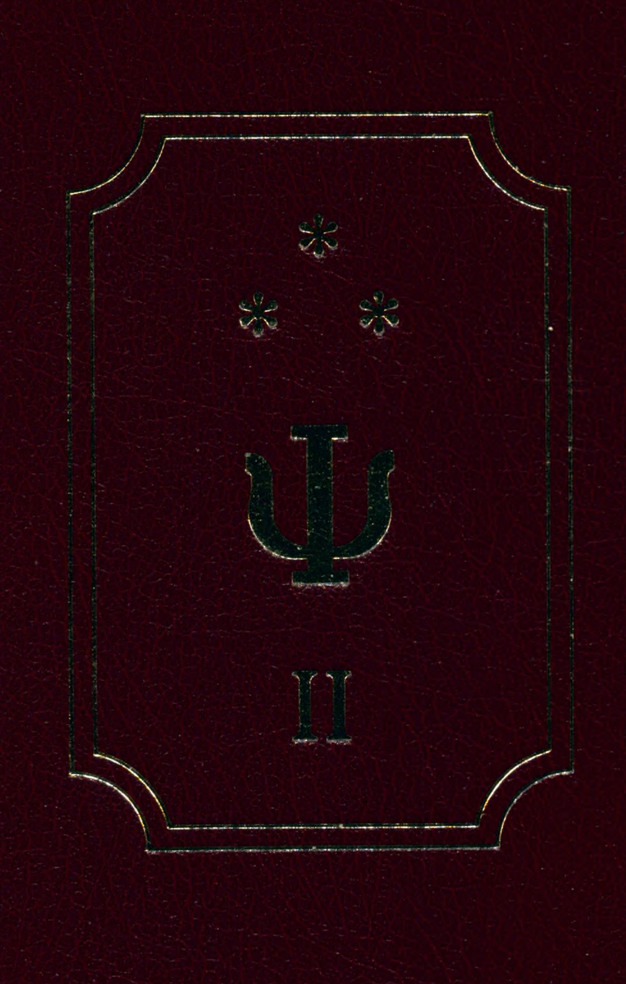

Ψ
II

Biblia Slavica · III 4/b · Trediakovskij, Psalter

Biblia Slavica

Herausgegeben von

Reinhold Olesch und Hans Rothe

unter Mitarbeit von

Friedrich Scholz

Serie III: Ostslavische Bibeln

Band 4: Russische Psalmenübertragungen

b: Vasilij Kirillovič Trediakovskij

1989

Ferdinand Schöningh

Paderborn · München · Wien · Zürich

Vasilij Kirillovič Trediakovskij
Psalter 1753

Erstausgabe

besorgt und kommentiert von

Alexander Levitsky

herausgegeben von

Reinhold Olesch und Hans Rothe

1989

Ferdinand Schöningh

Paderborn · München · Wien · Zürich

CIP-Titelaufnahme der Deutschen Bibliothek

Russische Psalmenübertragungen. — Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh.
(Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln; Bd. 4)
NE: Biblia Slavica / 03
Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Psalter 1753 [Siebzehnhundertdreiundfünfzig]. — 1989

Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Psalter 1753 [Siebzehnhundertdreiundfünfzig] /
besorgt u. kommentiert von Alexander Levitsky. Hrsg. von Reinhold Olesch
u. Hans Rothe. — Erstausg. — Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh 1989
(Russische Psalmenübertragungen) (Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln; Bd. 4)
Psalmi <russ.>
ISBN 3-506-71651-4
NE: Trediakovskij, Vasilij Kirillovič [Übers.]; Levitsky, Alexander [Hrsg.];
Biblia Slavica / 03

Gedruckt mit Unterstützung der Alfried Krupp von Bohlen und Halbach-Stiftung

Herstellung: Ferdinand Schöningh GmbH, Paderborn

ISBN 3-506-71651-4

This Series is dedicated to
the Memory
of all
Russian Poets of Conscience
who found their Voice
in
Psalms

This volume is dedicated to

Vasilij Kirillovič Trediakovskij

I should like to acknowledge

the devoted love, understanding and patience of
my Wife, Children, and Parents

the gracious help and generous assistance of
Vasilij Ivanovič i Ljudmila Vasil'evna Alexeev
Mark Grigor'evich Al'tšuller
John Caemmerer
Anthony G. Cross
Sam Driver
Georgij Pantelejmonovič Makogonenko
Ivan Fedorovič Martynov
Denis Nepveu
Aleksandr Mixajlovič Pančenko
Grace A. Pasigan
Hans Rothe
Victor I. Terras
Irvin R. Titunik
Il'ja Zaxarovič Serman
Andrej Borisovič Šiškin
Joanne Stanley
Vladimir Petrovič Stepanov
Boris Mixajlovič Uspenskij
Ruf' Alexandrovna Zernova
and
Members and Staff of the following
Institutions, Archive Repositories & Libraries:

Department of Slavic Languages & Literatures, University of Michigan; Slavic Department, Brown University; Libraries of Brown University, Harvard University and the University of Michigan,; Leningrad University; Eighteenth-century Group at the Institut Russkoj Literatury (Puškinskij Dom) Akademii Nauk (L.); Gosudarstvennaja Publičnaja Biblioteka (L.); Biblioteka Akademii Nauk, (L.); Central'nyj Gosudarstvennyj Istoričeskij Arxiv (L.) Gosudarstvennaja Biblioteka im. Lenina, (M.); Central'nyj Gosudarstvennyj Arxiv Drevnix Aktov (M.); Central'nyj Gosudarstvennyj Arxiv Literatury i Iskusstva (M.); Gosudarstvennyj Istoričeskij Muzej (M.).

My work received the financial support of
the IREX & Fulbright-Hays Fellowships and Brown University

Without their help this book could not have been completed.

TABLE OF CONTENTS
Vol. II

Subsequent chapters will appear in Vol. III of this series.

TRANSLITERATION

а - a; б - b; в - v; г - g; д - d;
е - e; ж - ž; з - z; и - i; й - j;
к - k; л - l; м - m; н - n; о - o;
п - p; р - r; с - s; т - t; у - u;
ф - f; х - x; ц - c; ч - č; ш - š;
щ - šč; ъ - "; ы - y; ь - '; ѣ - e;
э - è; ю - ju; я - ja

LIST OF ABBREVIATIONS

AN -Akademija Nauk
AN SSSR - AN Sojuza Sovetskix Socialističeskix Respublik
BAN - Biblioteka Akademii Nauk, (L.)
CGADA - Central'nyj Gosudarstvennyj Arxiv Drevnix Aktov (M.)
CGALI - Central'nyj Gosudarstvennyj Arxiv Literatury i Iskusstva (M.)
CGIA - Central'nyj Gosudarstvennyj Istoričeskij Arxiv (L.)
CS - Church Slavic
GBL.-.Gosudarstvennaja Biblioteka im. Lenina, (M.)
GIM - Gosudarstvennyj Istoričeskij Muzej (M.)
GPB. - Gosudarstvennaja Publičnaja Biblioteka (L.)
Imp. AN - Imperatorskaja AN
IRLI.- Institut Russkoj Literatury (Puškinskij Dom) Akademii Nauk (L)
L. - Leningrad
M. - Moskva
M-L - Moskva - Leningrad
Tip. - Tipografija
TODRL - Trudy Otdela Drevne-russkoj Literatury
Un. - Universitet(skaja)

✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ * * * ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠

PREFACE

Virtually all major Russian poets of the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries produced numerous examples of the Sacred Ode (Oda Duxovnaja), as they most often called them. The term *oda duxovnaia* was originally applied to the rhymed versions of the Psalms in Russia, but later it incorporated other versified transpositions of lyrical parts of the Old and New Testaments, Christian hymns and chants, Masonic songs, as well as individual "original" panegyrics to God. Eventually, all kinds of poetry with religious content, often having nothing in common with the ode form, were published under this title. The resultant corpus of verses which can be discussed in connection with *oda dukhovnaia* therefore encompasses thousands of diverse and unstudied texts.

All one hundred fifty Psalms of the Psalter were rendered into verse in countless variants by the end of the eighteenth century. Their transposition became one of the most important literary undertakings of the period and led some Russian poets to treat the Psalter as a kind of laboratory for verse experiments in which various stanzaic, metric and rhythmic arrangements could be tested. The Psalms were also frequently used as the basis for literary dialogues, manifestoes, or as vehicles for literary competitions. Moreover, in the first quarter of the nineteenth century, the practice of borrowing from David was one of the crucial elements in creating the pose of a Romantic poet (persona, separated from society, alienated from it and yet somehow "destined" to speak on its behalf).

Despite the lofty status accorded to the Sacred Ode by the then current literary sensibility (most poets, for instance, would publish their collected works with a sampling of *ody duxovnye* invariably placed in front of their other contributions), the importance of the Psalms is rarely appreciated in modern Russian literary studies, no doubt partly on the account of the general scarcity of the texts involved.

The present publication will attempt to reestablish the proper significance of the Psalms in Russian literary history on the one hand, and, on the other, to make the larger scholarly audience more familiar with these important texts. For this purpose a four-volume series is

planned which will make available all transpositions of the Psalms and most other religious poetry of the period in question.

Each of the volumes will have two parts, Russian and English; the former will feature works of religious poetry, heretofore either available only in manuscript form, or previously published, but no longer accessible. Transpositions into verse of the entire Psalter completed by Polockij, Trediakovskij and Sumarokov will be the centerpieces of the first three volumes; the fourth will focus on Deržavin and his epoch. Texts and notes in Russian are designed, of course, for readers fluent in Russian.

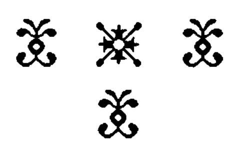
Part II of each volume will consist of commentary in English; it will offer successive chapters of my study, "Russian Sacred Verse from Simeon of Polock to Deržavin," serialized in parts through the four volumes, and roughly corresponding to the accompanying texts. Naturally, there will be some degree of repetition between the commentary in English and notes in Russian, but this is, unfortunately, unavoidable.

This publication is a result of two separate years of intensive research in Russia, sponsored by the IREX program and of over fifteen years of proccupation with this topic. When completed, this collection will provide source materials for scholarship in a wide range of related fields, including Slavic linguistics, history of Russian literature, poetic theory, etc. For the first time, versions written over a hundred years apart on the basis of the same original texts will be made available for easy comparison.

Volume II of the series offers, in addition to other works, the entire Psalter of Trediakovskij. It is printed in advance of Volume I, devoted to Polockij's Psalter and his other Religious Poetry, primarily on account of technical difficulties. It does not seem inappropriate to make Trediakovskij's pivotal work finally available (in advance of other volumes) to a wider forum than envisioned by the self appointed censors, who prevented its publication in his time.

Part 1:

Trediakovskij's Psalter



В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

!!! * !!

Литературное значение Псалтири Тредиаковского.

Публикацией рукописной Псалтири В. К. Тредиаковского[1] предлагается открыть новый этап в изучении русской литературы а именно, наконец уделить надлежащее внимание роли стихотворных переложений Псалмов и других частей Ветхого и Нового Заветов, в ее формировании и эстетическом осмыслении отдельных эпох со времен крещения Руси, к юбилею тысячилетия которого печатание данного памятника приурочено в виде Приношения. Одновременно отмечается и другой юбилей, - два с половиной века русского силлабо-тонического стиха, возможности которого первым обосновал в теории и применил на практике в 1735 г. В. Тредиаковский.

Особый пробел в изучении роли псалмов существует в литературоведческих трудах касающихся истории русской литературы XVIII века. Некоторые аспекты духовной поэзии в русской стихотворческой практике конца XVII-нач. XIX вв. были уже конечно затронуты раньше,[2] но без наличия

---

[1] В настоящее время известны четыре рукописных Псалтири Тредиаковского, две из них находятся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге (под шифрами F XIV 59, 216 л., Собрание Михайловского F 43, 219 лл.) одна в ГИМ в Москве (под шифр. Барс. № 43, 216 лл.) и одна в ЦГАДА в Москве. Все они осмотрены мной и по ряду соображений предпочтена для публикации последняя, хранящаяся под шифром Фонд 381, ед. хр. 1037, [470 стр.], 235 лл. (бумага с гербом Pro Patria). Главнейшими из них являются, во первых, что это авторская рукопись и подписанная (см. стр. 470) и во вторых, что именно она была цитируема в документах „дела“ о Псалтири, публикуемых здесь в Приложении, и попала в рукописное собрание библиотеки Московской синодальной типографии.

[2] В моих трудах я касался этой темы в диссертации, *The Sacred Ode (Oda Duxovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture*, Ann Arbor, Michigan, 1977, а также в следующих статьях: "Early Concepts of the Russian *Oda Duxovnaia*", in A. G. Cross, ed., *Russia and the West in the Eighteenth Century*, Oriental Research Partners (Newtonville, Mass. 1983), стр. 185-95; "M. V. Lomonosov's Psalms of 1751 as an Encoded

текстов доступных более широко, чем в рукописном виде или в виде часто редчайших книг, журналов, альманахов и газет не переиздававшихся со времен их издания, должное изучение таких произведений затрудняется, а осмысление их культурного значения практически невозможно.

Необходимо подчеркнуть, что здесь идет речь не о каком то второстепенном факте литературного развития, которого позволительно не касаться чересчур уж обширно, а о стихотворческой практике, в которой участвовали почти без исключения все поэты XVIII века. Здесь можно говорить даже о своеобразном литературном жанре, который стоял так высоко в сознании эпохи, что именно с поэтических переложений Псалмов, преимущественно называемых в то время Духовными Одами, и начинали часто молодые авторы показывать свои поэтические дарования в печати, а более зрелые авторы, вплоть до времен Пушкина, открывали ими очередные собрания своих сочинений.[3]

Почему же, однако, этот духовный жанр достиг такого престижа в сознании писателей, по сути своей, светской эпохи, открытой одним из наиболее анти-церковно настроенных русских императоров, Петром, который не только основал новую столицу вдали от Москвы -- места Патриаршего Престола, но и в том же самом году лишил на дальнейших два века Русскую Православную Церковь ее главы? В первую очередь, как будет показано ниже, способствовала этому

Syllogistic Medium (With Additional Comments on the Ordering of Psalms by Sumarokov and Derzhavin)," *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*, Vols. 8, 11 & 12 (1981, 1984 & 1985), стр. 215-29; "Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry (Preliminary questions and observations with particular regard to the theoretical stance and practice of Sumarokov and Kheraskov)," доклад, (читанный на Шретьей Международной Конференции Группы по Изучению XVIII века в России в Урбане), опубликован в сборнике *Russia and the World of the Eighteenth Century*, Edited by R. P. Bartlett, A. G. Cross, K. Rasmussen (Slavica, Columbus, Ohio, 1988), стр. 419-436. Шруды других исследователей упомянуты в отдельных сносках.

3 Таким образом, в нашем распоряжении находятся часто десятки вариантов одного и того же Псалма (отделенные друг от друга десятилетиями и даже столетиями литературного развития), перелагаемого разными поэтами разных поэтических направлений, школ и эстетических представлений. Казалось бы, такое обстоятельство должно было давно послужить идеальной почвой для филологичеких изысканий в области изучения развития русского литературного языка, не говоря уже о истории самой литературы, но этого до сих пор не было предпринято.

сознанию литературная деятельность самого Василия Кирилловича Тредиаковского, а также практика его младших соотечественников, Михайла Васильевича Ломоносова и Александра Петровича Сумарокова, трех талантливейших основоположников новой поэтической системы русского стиха, да и вообще эстетических начал новой русской литературной культуры. Способствовали этому и другие аспекты истории русской литературы, которых мы теперь хоть вкратце должны коснуться.

* * *

I. От Поэтики первых Псалмов до Псалтири Полоцкого.

Пожалуй, никакой исследователь не взялся бы описать развитие поэзии какой либо страны за семь веков в рамках одной главки и конечно не это подразумевается в данном заглавии. В действительности цели мои гораздо более скромные и заключаются в попытке создать контекст для изучения полузабытой духовной поэзии XVIII века вообще и значения стихотворческой практики Тредиаковского в этой области в частности. Тем не менее, как это ни странно, такой полет через века литературного развития осуществляется довольно регулярно в обсуждениях аспектов древне-русской поэзии даже в публикациях АН СССР.[4] Причиной этого скоростного полета является до сих пор распространенное убеждение, что у древних обитателей Руси или не было четко определенной стихотворной системы или она передавалась только устной традицией, отголоски которой были записаны гораздо позднее.[5] В сущности же остается то

4 Одним из наиболее обобщающих исследований в этой области является статья А. М. Панченко, „Книжная поэзия древней Руси" в *Истории русской поэзии*, т. I (Л.: АН СССР, 1968), с. 26-52. К сожалению, Панченко уделяет в этом, во многих отношениях блестящем труде, только половину места собственно назначенной им теме; в другой половине он касается исключительно аспектов русской поэзии XVII века, которая входит в состав „книжной поэзии древней Руси" только условно.

5 Некоторые попытки раскрыть суть древне-русской системы стихосложения были предприняты в наше время, как напр. теория *исоколического* построения стиха предложенная профессором Пиккио (Picchio, R., "The Isocolic Principle in Old Russian Prose." In *Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky*, edited by R. Jakobson et al., pp. 299-331. The Hague-Paris), но

печальное обстоятельство, что подавляющее большинство рукописного наследия древней Руси никем не изучено настоль ко внимательно, чтобы делать какие либо выводы о древнем русском стихе, а тем более наследие гимнологической и литургической письменности, составляющее главнейшую долю этого наследия почти полностью обходится литературоведами.[6]

Но ведь именно литургическое действо было центральным проявлением культурной жизни древней Руси: именно в церкви прихожане знакомились с литературой, музыкой, иконописью и архитектурой своего времени и трудно понять, как историки русской литературы, уделяющие столько внимания летописям, житиям и другим жанрам представленным в рукописных памятниках, редко или почти никогда не попадающим в руки рядовому человеку, так старательно обходят историю русской литургии, с которой у древнерусского человека было почти ежедневное общение и которая постоянно подвергалась историческому усложнению и развитию.[7]

ни одна из них пока не оказалась полностью убедительной. Доходят до нас также известия об открытии нескольких десятков тысяч стихов XVI века сделанном недавно Былининым, которое, конечно, значительно расширит диапазон наших представлений о поэзии поздних лет литературы древней Руси, столь радикально расширенном уже трудами и открытиями Панченко, но все же это не стихи первых пяти веков Российского государства.

6 Рукописное наследие гимнологической литературы конечно уже было серьезно изучаемо крупнейшими музыковедами, среди которых невозможно не упомянуть, в их прибл. хронологическом порядке, такие имена как В. Ф. Одоевский, В. М. Ундольский, М. П. Погодин, Д. В. Разумовский, Ю. Арнольд, И. И. Вознесенский, В. М. Металлов, Ст. Смоленский, А. В. Преображенский, Ф. Н. Финдейзен, Н. Д. Успенский, М. В. Бражников, J. von Gardner, A. J. Swan, итд., (с трудами которых я знаком, и перечень их считаю излишним в настоящем исследовании), но редко когда литературоведами.

7 См. об этом пока единственный капитальный труд М. Скабаллановича, *Толковый Типикон*, (Киев, 1910) или то же вып. II (Киев, 1913). Важные замечания по этому вопросу, конечно, даны в исследованиях посвященных более общим темам, как напр. у Е. Голубинского в его *Истории Русской церкви*, 2тт. (М.: 1900-11) и в его же *Истории канонизации святыхЪ вЪ Русской церкви*, (М.: 1903), у прот. В. Металлова в *Богослужебном пении русской церкви*, чч. 1-2 (М.: 1908), или Ф. Г. *Спасского в Русском литургическом творчестве* (Париж, 1951), итд., но детальной истории русской литургии все же еще нет.

В связи с церковной службой трудно предположить, что средневековые Россияне, так высоко ценившие малейшие детали византийского Христианства, не понимали, что многие из текстов переводимых ими для служебных целей были или поэтичными по своей природе или просто поэзией.[8] Они, конечно, также знали, что в расцвете византийской христианской культуры поэзия почти исключительно применялась для церковных целей и опять таки трудно поверить, что они не создали бы себе адекватного эквивалента системе версификации Византии, какого они достигли этого в области музыки. Но где же она?

Ответ на этот вопрос, кажется, всегда находился у нас на виду (или, вернее, на слуху) при посещении какой-либо православной службы, но оставался затемненным не только из-за нашего общего отчуждения от древне-русской эстетики, а, что гораздо важнее, из-за того, что сами формы эстетического воздействия современных искусств, у которых сегодня отсутствует интегрирующая их иерархия ценностей, основаны на совсем других началах, чем прежде. Принцип предлагаемого ниже тезиса о функции стиха в церковной литургике, пожалуй наиболее емко выражен у П. Флоренского в самом заглавии его статьи (писанной в защиту Троице-

---

8 Одним из крупнейших исследователей в области поэтики древне-русского перевода был ныне покойный профессор Н. А. Мещерский, у которого я имел счастье прослушать два семинара в семидесятые годы. Этот блестящий филолог не раз отмечал стремление древне-русских переводчиков к *дальнейшей поэтизации* переводимых ими текстов. См. напр. его *Источники и состав древней славяно-русской переводной пись менности IX-XV веков*, (Л., 1978), где он пишет:

„В отдельных случаях славянский переводчик добивается больших морфологических и ритмических соответсвий между частями текста, вставляя дополнительные слова, отсутствующие в оригинале... Именно такой способ наиболее ярко отражает общую тенденцию славянских переводчиков к сохранению ритмической организованности текста при переводе.

На русской языковой почве эта тенденция явно усиливается... Вот глубокие исторические корни той книжной поэзии с ее морфологической рифмовкой, которая распространяется в русской литературе в XVII в.“ (стр. 67) Шрудно себе конечно представить, что при такой „тенденции к сохранению ритмической организованности“ переводимых текстов, древние русские ограничили бы себя только морфологической рифмовкой без более широкого контекста восприятия и воспроизведения других форм поэтики таких текстов.

Сергиевой Лавры) „Храмовое действо как синтез искусств".[9] Собственно говоря, Флоренский ни в этой блестящей, хотя и написанной на скорую руку, статье, ни в других своих трудах не касается именно духовного стиха. Однако, именно он убедительно намечает методологический принцип, применимый для изучения всех видов церковного искусства, когда он пишет, „что синтез храмового действа не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, — поэзию всех видов, сам являясь в плоскости эстетики — музыкальною драмой. Тут все подчинено единой цели, верховному эффекту кафарзиса этой музыкальной драмы, и потому в с е, соподчиненное тут друг другу, не существует, или по крайней мере ложно существует, взятое порознь".[10]

Итак, когда мы предположим, что во время церковной службы литургический текст сосуществовал с иконой, распевом, жестом священника, фимиамом, да и с самим зданием церкви, погружая прихожанина в ощущение единого синестетического акта, мы также должны предположить, что функции отдельных областей искусства обЪединялись, отождествлялись друг с другом. Как именно присходило это отждествление, какие именно формы восприятий оно производило в душах верующих, вряд ли можно выразить толь ко путем словесного анализа, но нам, должно быть (как и было Флоренскому) очевидно, что эстетическая функция, предположим, иконы при ее свечном освещении, при ее фимиамном одымлении, при поклонении ей священнослужителей и при ее музыкальном оформлении во время церковной службы, совсем другая, чем функция ее осиротевшего аналога в стерильной чистоте музея. Но ведь кроме таких логических предпосылок, сами предметы церковной жизни дают наглядные ключи к расшифровке их полифункциональности. Возьмем ли мы, например, аспекты архитектуры, которые *всегда* соединяют в древних храмах чисто архитектурные принципы с принципами религиозной символики, или малооговариваемую роль надписи в иконописи

9..Впервые в журнале „Маковец", 1, 1922, стр. 28-32; потом, долго совсем недоступное и ходивщее по рукам в самиздате, снова переопубликовано в Свящ. Павел Флоренский, *Собрание Сочинений*, I (YMCA, Paris, 1985), 41-62.

10 Флоренский (1985), 52.

(без словесного знака икона не икона), мы всегда наталкиваемся на одно и то же, а именно на невозможность исчерпывающего описания функции определенного предмета, или даже целой области церковного искусства, без учета всех аспектов его действа в литургическом акте, на исполнение которого была расчитан энергетический запас такой функции. Именно поэтому странно, как мало работ до сих пор уделено таким темам.

Позволю себе сказать несколько слов, касающихся взаимосвязи поэзии с музыкой, заранее оговариваясь, что предлагаемая ниже концепция нуждается в наличии исследовательского аппарата, далеко превышающего реальные возможности какого-либо ученого, проживающего за пределами России и в дальнейшей тщательной разработке возможной только путем сотрудничества музыковедов, филологов, и специалистов в аспектах древне-русской куль туры. Замечу также, что высказываемые здесь положения,[11] являются результатом постоянной работы не столько с памятниками древне-русской письменности, сколько с проблемами русской поэзии XVII — первой половины XVIII вв, — проблемами, которые должны были возникнуть и возникли только из-за разрушения норм исконно русской эстетики.

Связи древне-русской музыки со словом (в его широком понятии) очевидны из многих уже известных, редко однако приводимых вместе, соображений. Во первых, ни одна из древних певческих рукописей (до XV в.) не исполнена только в нотации „невм“, „знамен“ и „крюков“; наоборот, такая нотация всегда связана со словом ее надстрочным положением. Во вторых, ни один из текстов, употребляемых в какой-либо православной службе, никогда просто не читается: он всегда поется! и даже „чтения“ из Евангелия „читаются“ напевно, начиная с низких регистров и кончая на верхах. В третьих, подавляющее большинство т. наз. „музыкальных“ жанров в певческой терминологии древней Руси, как напр. кондак, стихира, догматик, тропарь, ирмос,

---

[11] См. об этом подробнее здесь в Introduction и в моей предстоящей книге *От Псалтири Симеона Полоцкого до Псалмов Державина*, гл. 1.

антифон, гимн, степенна, блаженна, фиксирует даже в своих названиях их генесис в жанрах поэзии а не музыки.[12]

Итак, любой словесный текст, предназначенный для церковной службы, был взаимосвязан с его музыкальным исполнением и вероятно осмыслялся в древне-русской эстетике как *единый* словесно-музыкальный акт. Эта бинарность действа (да и только ли бинарность?) никак не могла быть случайной. Ведь у истоков христианской литургии стояла сначала Псалтирь[13] (принятая древними христианами раньше Евангелия), книга песенных хвалений, которая обладает такой же двойственностью: большинство Псалмов сопровождается указаниями к их музыкально-риторическому исполнению, да и само название Псалтири означало издревле и инструмент и книгу Псалмов.

Остановимся поэтому на Псалтири немного подробнее. Всем уже, кажется, известна неимоверная популярность Псалтири в России.[14] Псалтирь бытовала у народа в разных формах и в разных применениях. По ней учились грамоте, ее читали, по ней служили в церкви, ее философскому и духовному значению учились в Псалтири толковой, по ней даже гадали. Однако было бы ошибкой предполагать, что во всех этих применениях Псалтирь оставалась одним и тем же

---

[12] В связи с последним фактом, любопытно отметить и обратное явление у староверов, которые теперь осознают духовный *стих* как текст неразрывно связанный с его исконно музыкальной для них природой. Среди многих за последнее время работ, посвященных старообрядцам, хотелось бы выделить две, появившиеся одновременно в сборнике *Русские письменные и устные традиции и духовная культура* (МГУ, М., 1982), а именно С. Е. Никитиной, „Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья“ (с. 91-126) и М. Б. Чернышевой, „Музыкальная культура русского населения Верхокамья“ (с. 127-150); в обеих выделяется практика старообрядцев понимать стихи исключительно в музыкальном оформлении. См. об этом подробнее в примечаниях к первой главе по английски.

[13] См. об этом подробно у Скабаллановича всю первую часть книги.

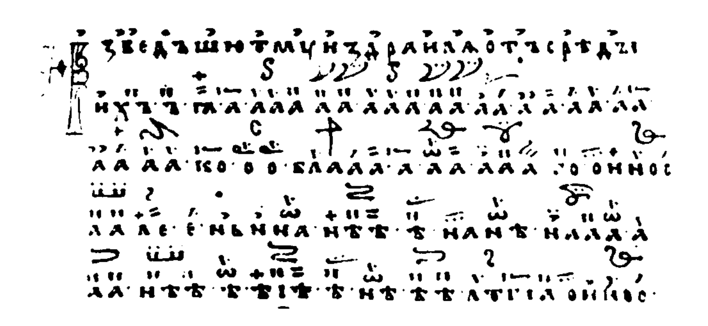
[14] Здесь пожалуй можно привести слова Г.А. Гуковского, который пишет: „Псалтирь издревле была одной из наиболее популярных книг в России и в XVIII веке не утратила своего авторитета. Она читалась как едва-ли не самый любимый лирический сборник, воспринималась непосредственно эстетически и оказывала неизмерное влияние на художественное мышление эпохи.“ в „К вопросу о русском классицизме“, *Поэтика*, IV (Л.: Academia 1928), стр. 139-9

предметом. Я не говорю здесь о разной подборке и последовательности псалмов в разных видах Псалтирей (служебной, толковой, итд.), а о том, что для прихожанина, заранее знавшего в те времена текст псалма наизусть, этот текст видоизменялся в церковном исполнении, на него налагалась музыкальная фразировка, ритмика, интонация, т.е. все те формы членения, которые бы этот текст получил в системе версификации. Существует представление в синкретической теории стиха, что наложение музыкальных ритмообразующих единиц само по себе делало текст поэтическим,[15] но этого вряд ли было достаточно, так как ритмическая проза могла бы также успешно быть названа поэзией.

Поэтизация слова происходила, видимо, в самих метаморфозах, через которые это слово проходило путем его соединения со сферой музыки. Двух примеров, пожалуй, будет достаточно. В музыкальном оформлении слово часто расползалось, набухало, теряя свои прозаические параметры, как напр. в слове ГОСПОДЬ[16]

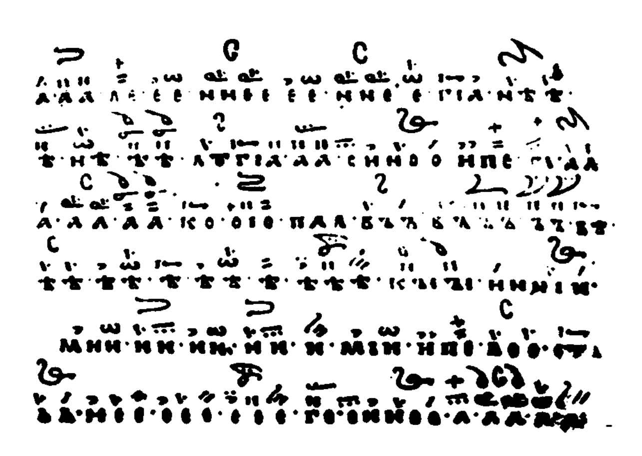
·гоооо·споо·дьььь·

или совсем почти теряло свою информативную функцию, как в тексте псалма двенадцатого века, в который вошли также греческие слова:



[15] См. напр. Л. И Тимофеев, Очерки теории и истории русского стиха, (М.: 1958). Более подробные примечания даны в английском тексте.

[16] Выписка из кондакаря XII в. (ГПБ, Q.I.32, л.103) приводится по Н. Финдейзену, *Очерки по истории музыки в России*, т. 1, (М.-Л.: 1928), с. 90



Второй текст,[17] цитируемый, нами был явно подчинен какому-то греческому музыкальному оригиналу; об этом можно судить не только из-за присутсвия греческих слов „ипе“ и „пал“ в русской транскрипции (в седьмой и восьмой строках), но также из-за непомерной „растянутости“ некоторых слов, как напр. во внедрении двадцати трех гласных „а“ в слово „ако“, раздвигающих его на две строки (вторую и третию). Такие рукописи, указывающие на крайнюю деформацию прозаического значения текста, приводятся обыкновенно музыковедами не только в доказательство господства музыкального образца над литературным значением, присущим гл. обр. в старых кодакарях, но также в пример искусства „неродственного русскому народу“ и постепенно ушедшему с исторической сцены.[18]

С этим вряд ли можно безотговорочно согласиться. Во первых, нужно еще раз подчеркнуть, что до сих пор в России не найдена рукопись ранее XV века, в которой бы музыкальная

---

[17] Текст псалма XII в. перепечатан с книги Н. Успенского, *Древне-русское певческое искусство*, (М. 1965), табл. VII (между 32 и 33 стр.).

[18]..См. Н. Успенского, *Древне-русское певческое искусство* (1965), с.49. Правда во втором издании этой книги (М.: 1971) автор немного смягчает свою позицию по этому поводу, но не отказывается от тезиса „несвойственности русскому пению“ кодакарных записей, причем на основе отсутствия именно *словесной* (а не музыкальной) логики в их построениях (см. стр. 48-60, касающиеся также разбора вышеприведенного псалма).

строка была отделена от словесной, (хотя, конечно, есть в небольшом количестве заведомо музыкальные рукописи без надстрочных знаков, но не наоборот). Видимо музыкальное выражение слова находилось в осмысляемом тогда магическом единстве с самим словом, независимо от того, на каком языке было это слово произнесено или, вернее, пропето.[19] Здесь, конечно, важны были понятия о самом слове как первообразе Бога, ведущие свое начало от известных слов из Иоанна: „В начале было Слово...". Во вторых, как было сказано выше, рядовой прихожанин *заранее знал* наизусть „прозаический" смысл целого Богослужения, а тем более текст какого-либо Псалма (или строки „*Изведшему Израиля от среды их*" начинающей цитируемый нами отрывок), и не нуждался в лишнем повторении его смыслового содержания: наоборот, в церковном исполнении он встречался с обновлением „прозаического" смысла путем симбиоза слова с музыкальной фактурой, т.е. с поэтизацией текста именно в том значении, в котором она понимается сегодня семиотикой. Итак, судя даже только по нашему примеру, можно с основанием предполагать, что в нем поэтизация достигалась не только разрушением чисто прозаических смысловых единиц („набуханием" слов), но также самим присутствием греческих слов, придающих эффект стиха макаронического.[20]

Как именно ощушались эти элементы поэтизации слова в их совокупности прихожанами в церкви предположить пока трудно, так как у нас нет еще расшифровки той системы музыко-поэтического действа, которая господствовала при расцвете средневековой Руси. Нет ее у нас частично потому, что мы, видимо, недостаточно внимательно читаем намеки людей, более близких к этой культуре чем мы. Так напр. в „*Предисловии, откуду и от коего времени начася быти в*

---

[19] Нельзя также забывать, что в церковной музыке разрешалось только устное ее исполнение а не инструментальное. Этим еще раз подчеркивалась связь слова с его исполнением.

[20]..А. Квятковский, конечно, совсем неправ, считая, что „вмонтирование в лексику родного языка чужеземных слов производит [непременно, А.Л.] комический эффект" в его *Поэтическом словаре* (М.:1966), с.149-50. Во многих стихах такое внедрение несет характер употребления отвлеченной лексики.

нашей рустей земли осмогласное пение..." (XVII в.)[21] автор выражает уверенность, что принципы церковной музыки были созданы в России „премудрыми риторы", а не просто певцами; другая рукопись этого же времени настаивает на пении „с разумом."[22] Таким образом, несмотря на то, что две довольно известных рукописи XVII века (и не только они, конечно) давно гласят о возможности *разумного* пения создаваемого *риторами* а не композиторами, старые певческие рукописи изучаются почти исключительно музыковедами а не литературоведами. Но ведь значительное число надстрочных помет в таких рукописях может быть пометами риторического а не сугубо музыкального значения и в этом именно направлении следует вести дальнейшую работу.[23]

Несмотря на то, что вышесказанное предположение потребует дальнейших доказательств, некоторые из которых, пожалуй, должны будут быть продемонстрированы в храмовом окружении, само предположение, однако, помогает объяснить более убедительно важнейшие элементы дальнейшего развития в областях и музыки и поэзии на Руси, многие из которых до сих пор объяснения не имели. В развитии так наз. знаменного распева наблюдается в первую очередь значительное усложнение его мелодического рисунка за счет его ритмообразующего начала в исконных формах псалмодии, что ведет само по себе к новому пониманию функции

---

[21] См. *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, III (1846), с. 19-23.

[22] См. „Предисловие к ирмологу Соловецкого монастыря", там же, с. 39.

[23] Конечно и раньше были высказаны предположения отделявшие верхнюю надстрочную нотацию в кодакарях от сугубо музыкального значения. Среди них стоит упомянуть С. В. Смоленского, который ее считал особым видом знаков экспрессии („Несколько слов данных о так называемом кондакарном знамени" в *Русской музыкальной газете*, № 49 (1913), 1033, или того же Н. Успенского, который во своем втором издании *Др.-рус. пев. искусства* (1971) склонен в них видеть, исходя из трудов H. Riemann, E. Wellesz и K. Levy, особые знаки хирономии (см. особ. с. 55-7). У последнего опять, однако, характерно убеждение, что общие движения рук хирономии указывали „певцу направление и ритм мелодии"(там же, 56), в то время, как литературоведу такие жесты могли бы напомнить, предположим, целую систему жеста, изложенную Ломоносовым в *Риторике* и сопровождающую „направление и ритм" уже *слова* в Одах а не мелодии.

музыки:[24] в XVI веке церковная музыка уже явно осмысляется как форма искусства, независимая от слова, хотя его все еще сопровождаюшая. Музыковеды справляются с расшифровкой знаменных нотаций этого периода видно потому, что они несут информацию уже преимущественно музыкального характера. Более древние рукописи (до XV в.) вероятно фиксируют систему поэтико-музыкального или риторико-музыкального действа и смогут быть полностью раскрыты толь ко с учетом этого обстоятельства.

Примечательно также, что только в XVI веке (т.е. в том же веке, в котором музыкальные рукописи уже поддаются расшифровке совр. музыковедами) русские поэты ощутили необходимость поисков новых систем стихосложения, из которых силлабическая система получила на долгие годы наибольшее распространение, сначала на Украине а потом в Москве. Существует представление, что такие попытки в создании новой системы стиха связаны исключительно с тогдашним культурно-политическим влиянием Польши, но такое представление, хотя и выражает реальные исторические обстоятельства и в значительной мере обЪясняет принятие Россией польской системы версификации (а не, напр., системы Смотрицкого), все же не обЪясняет причин *почему* обитателям Московского государства понадобилась новая система стиха именно в это время, а не раньше. Одной из этих причин, видно, и явилась в эти годы потеря симбиотического родства эстетических функций музыки и поэзии: каждой из этих форм искусства суждено было развиваться в дальнейшем независимым путем.

---

[24]..Н. Успенский комментирует это развитие следующим образом: „Если в XII-XIII веках, а частично еще и в XIV веке широкое использование псалмодии вызывалось слабым развитием мелодики, то для мастерства Московской Руси это - средство достижения художественного разнообразия." (стр. 134)

Одновременно с этим Бражников отмечает значительные перемены, которые происходят в музыкальной мысли XV века: „Азбуки свидетель ствуют о глубоких изменениях, происшедших в практическом применении знаменной нотации и находящихся в свою очередь в глубокой внутренней связи с *перерождением музыкального мышления* русских распевщиков. Эти изменения,. в частности, связаны с изЪятием из певческой практики кондакарного пения." (стр. 60, курсив мой, А.Л.)

Духовная поэзия и особенно стихотворные переложения Псалмов, однако, еще надолго сохранили свою связь с музыкальным оформлением. Не касаясь здесь отдельных анонимных духовных стихов и псалмов бытовавших преимущественно именно в *песенниках* XVII в.,[25] нам невозможно обойти практику крупнейшего силлабиста этой эпохи, о. Симеона из Полоцка. Примечательно, что два его важнейших цикла духовных стихов, Рифмоло́гион и Псалтирь Рифмотворная, задуманы как исполняемые в музыкальном оформлении. Эта связь очевидна не только из того, что автор постоянно указывает, на какой ирмос или глас петь каждое из его произведений, но и из примечаний в разных предисловиях, которыми он обильно снабжает свою Псалтирь, и в которых принципы „чтения" и „пения" псалмов почти всегда упоминаются в одном и том же духе.

Так в его прозаическом „Предисловии к Благочестивому читателю" о. Симеон касается причин, побудивших его к созданию Псалтири, среди которых он отмечает популярность польских Псалмов, исполняемых на территории Руси даже в Москве теми, которые,

> „возлюблше сладкое и согласное пѣние полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти, рѣчей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пѣния увеселяющеся духовнѣ.
>
> Да убо сладостию пѣния и *поемых разум содержаще разумно хвалят* Господа, переведох псалмы славенския на различныя стихов роды, им же вся гласов подзнаменования, яже суть на псалмы полския, приключитися могут."[26]

Симеон кончает свое предисловие следующим образом:

> Сия ти, благочестивый *читателю*, извѣстив, молю, да приятно *читая и поя* псалмы, моя труды воздаси ми, поне единѣм ко Богу молебнаго слова о

---

[25]..О них см. в особенности обширные труды Позднеева, упоминаемые мной в гл. 1 предисловия на англ. языке.

[26] Симеон Полоцкий, *Избранные Сочинения*, (М.-Л.: 1953), 213-4.

спасении души моея грѣшныя возсланием. Аз же ти здраво и весело *читати я и пѣти* чрез многа лета желаю и небесным *пѣснопѣвцем* причтенну быти во странѣ присно веселящихся усердствую.[27]

В его стихотворных предисловиях двойная направленность к чтению и пению псалмов повторяется не раз:

«Первое Предисловие»:

От духа пресвятаго, иже наставляше
его на *глаголы* си, он же *я пояше*..(стихи 7-8)

Тѣмже я церковь мати по вся дни *читает*,
во всяких си *пѣниих* их уподобляет.
Полезно же и в домѣх оны честно *пѣти*,-
но без *глас* подложенных трудно то умѣти.
И разум сокровенный спону содѣваетЪ,-
чтый бо ли *поющ* псалмы с трудом той знает.
Тѣм во инѣх языцѣх в мѣтры преведени,
разумѣти и пѣти удобь устроени.
Им же аз поревновах, тщахся тож творити,
в славенском диалектѣ в мѣру устроити,
Да ся от *чтущих* удобь *уразумѣвают*
и в подложенных *гласѣх* сладцѣ *воспѣвают.* (ст. 21-32)

«Третье Предисловие»:

Тужде аз рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтеннѣй быти,
Но еже в домѣх часто ю *читати*
или сладкими гласы *воспѣвати*
Во славу Богу,- ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает. (Ст. 17-22)

Чти, пой разумно, хвали ими Бога (Ст. 65)

Интересно отметить, что для Симеона смысл (разум) Псалмов видимо хранился более в их музыкальном оформлении, чем в словесном: В третьем "Предисловии" он уделяет значительное место предпосылке „разум един есть,

---

27 там же, 214.

речение ново“ (см. в особенности стихи 27-36), защищая себя явно от возможных нападок со стороны ревнителей каноничности словесного изложения, и во всех трех „предисловиях“ обыгрывает идею „разумного пения“, выделеную мной в цитируемых текстах курсивом. В этом он сходится с прежде упомянутыми текстами его времени, излагающими мысли об истории русского пения, связанной с концепцией „пения с разумом“ и показывает нам, что в его время сама идея симбиоза музыки и слова все еще находилась в силе.

В творчестве самого Симеона, делившего поэтическую речь на потоки рифмованных двустиший, актуализация такой идеи была, однако, вряд ли возможна: поэт сам, видно, понимал, что синхронность поэтических и музыкальных функций теоретически доступна только при тоническом строении поэтической речи или в *vers libre*, , так как в его втором предисловии он писал следующее:

> Стиси древних святи суть,-яко в псалмѣх двостишия. Иная мѣрятся извѣстным слогов числом; тако да первый стих ово есть должший, ово кратший; иная мерою состоят равною, развѣ яко стиси разнствуют числом слогов, не времен; обо то разнствие исполняют чрез ушес согласование и гортанных движения или *поглощают неравенство лагодѣнием и сладкопѣнием.*[28]

Зная все это, он тем не менее, видно, не предвидел обратного действия музыкального оформления на строго упорядоченную природу силлабического стиха, практикуемого в то время в России. Конечно, силлабические стихи можно петь так же успешно, как и любые другие, но разница заключается в том, что само строение музыкальной фразировки чаще всего нивелирует и разрушает сосуществующие принципы свободы ударения с равномерным распределением слогов и обязатель ной рифмой или, выражаясь словами самого Симеона, „поглощает лагодѣнием и сладкопѣнием“ *равенство* а не неравенство. Дальнейшая историческая практика доказала именно это положение. В 1680 г. дьяк В. П. Титов составил

28..там же, с. 213

своего рода шедевр в истории русского пения своим музыкаль ным оформлением Псалтири Симеона и с тех пор прозведение умершего поэта надолго вошло в быт певческой культуры кантов, причем почти сразу выявилось, что в кантовой куль туре периодические музыкальные построения, как указала на многих примерах Ливанова, „*тонизиривали* “ стих, внося *свой* „порядок (пусть еще искуственный) в *его* (С. Полоцкого, А.Л.) ударения...совершенно «не считаясь» со свободой силлабической строки.“[29]

В 1689 г. Псалтирь о. Симеона была запрещена для употребления в православной службе, и так, несмотря на его пожелания, его важнейший поэтический труд уже не смог восстановить, ни по каноническим ни по чисто практическим причинам, того „синтеза искусств храмового действа“, о котором говорил Флоренский.

* ⁂ *

II. ПЕРВОЕ РУССКОЕ ТРИО И АРФА ДАВИДА.

Прошло полвека со времени смерти отца Симеона. Пожалуй, никогда за историю христианской Руси не призошло столько перемен, сколько за эту эпоху. Если при Алексее Михайловиче государственные документы еще подписывал патриарх, то при Петре самого патриаршества не стало а царь себя обЪявил императором именно в западном толковании этого понятия. Если в семнадцатом веке великий град Москва мог претендовать на звание третьего Рима в духовном смысле переемственности этого значения, то новая столица -- „бург“ Петра, -- стала претендовать именно на физическую переемственность „бургов“ западной Европы, а все

29..Т. Ливанова, *Русская музыкальная культура XVIII века*, т. 1 (М., 1952), с.521. Н. Финдейзен, комментируя это явление, дошел даже до абсурдной позиции, обвинив Симеона в „стихотворной бездарности“ из-за того, что его стихи нерегулярны в области ударений, (к чему поэт, конечно, явно не стремился - скорее он стремился к обратному эффекту), и на примере 45-го псалма он хвалит Титова за то, „что композитор вполне правильно нашел оригинальное ритмическое толкование стихосложения «псалма», в котором неправильные ударения должны быть отнесены за счет ритмической нечуткости автора стихотворного текста.“ в *Очерках по истории музыки в России*, 1 (М. - Л., 1928-9), с. 301.

духовное стало подчиняться светской власти до такой степени, что монахам в 1701 году было запрещено не только писать, но даже иметь чернила.[30] Библиотека самого Петра отражает светскую направленность ее владельца, у которого „естественнонаучная литература (в широком смысле этого слова) явно преобладала над гуманитарной: по числу книг значительно более чем в два раза“, как указывает Луппов,[31] а религиозная литература составляла всего одну четверть.[32]

Если отца Симеона иногда называют первым писателем профессионалом на Руси, то он же был последним крупным придворным поэтом духовного чина. Правда, епископы Стефан и Феофан, находившиеся на службе у императора Петра, тоже писали часто незаурядные стихи, но все же весь пафос их деятельности находится не в этой области. Другие же поэты XVIII века, профессионально занявшиеся литературой после петровских реформ, уже в духовном чине не состояли. Это, однако, не значит, что они отказались от духовной литературы вообще и поэзии в частности. Наоборот, на протяжении всего XVIII века, они обращались к ней часто, стремясь найти подходяще налаженные струны для выражения личных переживаний в годы, когда поэзия была преимущественно употребляема для звуков трубных.

Во многом всему этому способствовало событие, мало когда особо выделяемое в историях литературы посвященных XVIII веку. В 1743 г. произошел литературный спор между тремя, как в последствии оказалось, основоположниками куль туры господства русского силлаботонического стиха, который был вскоре после этого предан гласности в форме скромной книжицы под названием „Три ОДЫ Парафрастіческія Псалма 143 сочиненныя чрезЪ Трех СтіхотворцовЪ изЪ которыхЪ

---

30 У П. читаем: В 1701 г. боярину Ивану Алексеевичу Мусину - Пушкину указано Государем ведать дом св. Патриарха, архиерейские дома и монастырские дела. В том же году Мусиным-Пушкиным указано, чтобы

«монахи в кельях, наедине, ничего не писали, и ни чернил, ни бумаги не держали; а если что и запонадобится писать, то писали бы в трапезной с дозволения начальства, по преданию древних отец.»

31..С. П Луппов, *Книга в России в первой четверти XVIII века* (Л., 1973), с. 171.

32..там же, стр. 170. См также Е. И. Боброва, *Библиотека Петра I.* (Л., 1978).

каждой одну сложилЪ особливо".[33] Эта книжица, однако, открывалась довольно нескромно звучащим эпиграфом взятым из Горация, который в не совсем точном преводе гласил по русски следующее: „СимЪ образомЪ искусные Стїхотворцы, и ихЪ Стїхи, честь и славу себѣ получаютЪ." Конечно, как уже хорошо известно, ни один из участников этого спора (ни Василий Кириллович Тредиаковский, ни Михайла Васильевич Ломоносов ни Александр Петрович Сумароков) не был одарен чувством излишней скромности в оценках своих собственных литературных достоинств; однако, у первых двух были веские основания для гордости. Ведь за четырехлетний срок, Тредиаковскому и Ломоносову удалось создать совсем новую систему стихосложения, основанную на просодических особенностях русского языка.

Многие историки русской литературы, которые по совсем понятным причинам ведут начало силлабо-тонической системы от первых теоретических работ Тредиаковского и Ломоносова тридцатых годов,[34] да и от более ранних лет,[35] редко когда учитывают то обстоятельство, что все это были отдельные труды поэтов-одиночек, у которых в свое время не было никаких гарантий на приятие их взглядов более широкими кругами общества, в то время как публикация книги „ТРИ ОДЫ..." в 1743 г. представляла даже сама по себе наличие, пусть даже минимальной, но все же, *группы* лиц делившей общие для них представления об употребляемой системе стихосложения. Итак, впервые читатель XVIII века

---

33 Спб.: Імп. АН, 1744 [1743]; см. ее публикацию в Приложении I.

34 т.е. от книги *Новый и краткій СпособЪ кЪ сложенію РоссїйскихЪ СтїховЪ сЪ определѣніями до сего надлежащихЪ званій*, изданной Тредиаковским в (Спб.: Імп.А.Н.) 1735 г.(далее привожу как *Способ* 1735) и от знаменитой реформы этого Способа в письме „О ПравілахЪ Россїйскаго Стїхотворства" адресованного Ломоносовым в Академию в 1739 г.

35 Здесь в частности надо упомянуть В. Н. Перетца, который утверждал, что основателями „метро-тоническаго" стихосложения (как он его называл) нужно считать паст. Э. Глюка и маг. I. В. Пауса, создавших первые образцы такого стихосложения на русском (правда ломанном) языке и повлиявших, по его мнению, на Тредиаковского (*Историко-литературныя Изслѣдованія и Матеріалы*, т. III (СПб.: 1902), см. особенно стр. 425)

встретился с феноменом эстетической согласованности[36] (нескольких авторов на страницах одной книги), и следователь но, общекультурной значимости, а не только с индивидуаль ным теоретическим положением.[37]

Появление книги „ТРИ ОДЫ...“ оказалось ощутимо важным для дальнейшего развития русской литературной куль туры и по ряду других причин, которые в их совокупности до сих пор не отмечались.

Во первых, для своего времени это было первое литературное состязание одновременно дающее читателям три варианта одного и того же текста, которое создало прецедент для многих идентичных по своей природе состязаний на страницах русской печати XVIII века.[38]

Во вторых, авторство отдельных переводов Псалма 143 не было раскрыто (хотя имена авторов и были упомянуты в „Предуведомлении“) и этот принцип анонимности стал вскоре доминирующим не только при печатании похожих состязаний но и вообще отдельных произведений на страницах русских

---

36 Эстетическая функция здесь применяется в значении впервые выдвинутом Яном Мукаржовским в *Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty* (Praha: 1936)

37 Здесь, пожалуй, можно бы было привести довольно убедительную аргументацию в пользу того взгляда, что напр. *Грамматика* Милетия Смотрицкого в своей потенции в 1619 г. содержала не менее привлекатель ные возможности для системы российскаго стихосложения, чем *Способ* Тредиаковского в 1735-м году. И несмотря на то, что Смотрицкий создал примеры своего способа, его труд не оставил просто никаких следов в истории русской поэзии. С другой стороны, реформы Тредиаковского и даже Ломоносова могли быть не приняты более широкой читательской средой вне зависимости от того, насколько они учитывали „натуральные“ качества разговорного русского языка. Другими словами, чересчур уж часто навязывается точка зрения, дающая представление, что силлабо-тоническая система стихосложения была чуть ли не обречена на победу в свое время, благодаря тому, что тонический стих „органически присущен русскому языку.“ (См. напр. В. Е. Холшевников, *Основы Стиховедения. Русское стихосложение*, [Л.: 1972], с. 21) С этим вряд ли можно безоговорочно согласиться.

38 Значение этого литературного состязания и дальнейших соревнований по образцу 1743-го года пространно обсуждается Г.А. Гуковским в статье „К вопросу о русском классицизме“, *Поэтика*, IV (Л.: Akademia, 1928), 126-48.

литературных журналов, начиная с конца 50-х годов.[39] Небезынтересно заметить, что сам принцип анонимности перевода сакрального текста роднится и с исконно древнерусскими традициями в этой области.

В третьих, видно, не случайно участники этого состязания, ставящего себе задачу на практике испробовать новую систему стихосложения, (или, как они сами заявили с первых слов, „Будучи по случаю совокупно сихЪ слѣдующихЪ ОдЪ Авторы, имѣли довольной между собою разговорЪ о РоссіискихЪ СтіхахЪ *вообще*...“),[40] избрали именно Псалом, а не какую-нибудь, казалось бы для этого периода, более „привлекательную“ модель из древне-греческих или римских традиций. Этим они перебрасывали мосты от современности более к христианской культуре древней Руси (церковнославянский текст помещен в виде модели перед их переложениями), чем к языческой античности, у которой черпал свои образы классицизм, и которому их творчество неоднократно приписывалось.

Тон этому, а также четвертому положению, т.е. тому, что переложения Псалма 143 были названы Одами, задал, видимо, Тредиаковский уже в 1734 году, когда он, полемизируя с Буало, писал в послесловии к „Оде Торжественной о здаче города Гданска“ следующее:

> „И понеже еще я по сїе мѣсто говорилЪ о *ОдахЪ* чужестранными языками написанныхЪ: того ради ОхотникЪ Россїйскїи можетЪ примѣтить высоту слова, какова должна быть вЪ ОдахЪ, вЪ псалмахЪ святаго Пїиты псалтирїческаго, то есть, блаженнаго Пророка и Царя Давїда: ибо псалмы не что иное, какЪ *Оды,* хотя на Россїискїи не стїхами переведенные, как и на прочїе хрїстїанскїе языки, но на ЕврейскомЪ всѣ они стїхами сочиненные, по тогдашнему еврейскихЪ стїховЪ обычаю. УвидитЪ онЪ тутЪ и благородство матерїи, и

---

39 Этот принцип анонимно публиковать свои отдельные произведения в журналах был тогда связан со всеобщеразделяемой эстетикой подчинения идеальному образцу в литературе, модели, или жанру. Читателям предлагались варианты

40 См. Приложение I, стр. 427

богатство украшенія, и великолѣпие слова; увидитЪ мудрую перерывку разума, а отЪ разума не отходящую; увидитЪ удивительное вознесеніе кЪ высотѣ слогомЪ возлетающее, каково *ПіндарЪ* и *Гораціи* имѣетЪ, и каково ГосподинЪ *Боало Депро* иметь приказываетЪ; увидитЪ и скажетЪ, что то самый божіи язык."[41]

Читая эти слова, интересно заметить, что Василий Кириллович противопоставляет Псалмы Давида одамЪ „чужестранными языками написанныхЪ", т.е. для него они (пусть и в переводе) являются достоянием русской языковой культуры, из которой нужно черпать необходимый материал для создания новой. Этим он на целых четверть века предвосхищает знаменитую статью Ломоносова „О пользе книг церковных." Не менее важным оказалось его заявление, что „псалмы не что иное, какЪ *Оды* ". Это положение, видимо, не было оспариваемо в 1743 г. ни Ломоносовым ни Сумароковым. Позднее, однако, они, видно, почувствовали необходимость отделить свои дальнейшие переложения псалмов от жанра торжественной оды и оба начали называть такие переложения, да и другие сочинения с духовным содержанием одами духовными.[42] Для обоих ода духовная отделялась от „оды светской" не только по содержанию, но и по форме: Ни одна из духовных од Ломоносова не написана 10-строчной строфой, типичной в его одах торжественных; у Сумарокова же представлено столько разнообразия в строфике и ритмике духовных сочинений (совсем не характерных качеств в его других одах), что можно даже говорить о его отношении к Псалтири как к своеобразной лаборатории стиха.

---

41 „РАЗСУЖДЕНІЕ о одѣ вообще" в книге *ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ о здачѣ города Гданска сочиненная вЪ вящшую славу имени всепресвѣтлѣишія, державнѣишія Великія Государыни АННЫ ІОАННОВНЫ ІМПЕРАТРІЦЫ и Самодержицы Всероссіиския ЧрезЪ Васілья Тредїаковскаго, Санктпетербургскія Императорскія Академіи НаукЪ Секретаря.* (Спб.: Имп. А.Н., MDCCXXXIV), пятая ненум. стр. приложения (3-я русского текста). См. также ее переиздание в Приложениях в настоящей книге.

42 Хотя Ломоносов в своих более ранних трудах называл свои переложения Псалмов одами парафрастическими, в его „Отчете о незавершенных и завершенных...работах" 1764 г. он называет их уже одами духовными (См. *Полное собрание сочинений*, т. 10, [М.-Л.: 1957], 400). Сумароков же опубликовал уже свой первый набор переводов Псалмов под общим заголовком „Оды духовныя" в *ЕжемесячныхЪ СочиненияхЪ*, Сентябрь (Спб.: 1755), 251

Тредиаковский же, напротив, формально не отделял своих переложений Псалмов от общего жанра оды , несмотря на то, что он употребил все возможные виды строфы (от четырех до десятистишной) в своих, как он их назвал, „Одах Божественных“; однако, они явно отличались в его сознании от „светских“ и не столько своим содержанием (хотя оно само по себе конечно было важным), а именно тем, что Псалмы по его мнению были наилучшими образцами Оды, или просто Одами „совершенными“, как он о них отозвался в 1752 г.[43] „Божественными“ он назвал свои переложения вероятно потому, что в Псалмах он видел уже в 1734 г. отражение языка Бога („то самый божїи язык“).[44]

Независимо от того, чем стали в будущем отличаться друг от друга три основоположника новой стихотворческой культуры, в 1743 году они были очевидно согласны с основным тезисом о Псалмах Тредиаковского и это обстоятельство привело к интереснейшим последствиям на протяжении всего XVIII в. Более молодые поэты, хотя они кажется и понимали, что далеко не все Псалмы написаны в одическом ключе и часто выражают всевозможные душевные состояния, к которым были бы применимы и другие жанровые обозначения, доступные им в эту эпоху, тем не менее начали называть „одами духовными“ все свои переложения псалмов, гимнов, песен, молитв а также свои личные сочинения с религиозным содержанием (были ли это оды, сонеты, рондо и триолеты, масонские гимны и песни, размышления и элегии). Благодаря тому, что под этим названием[45] было создано огромное количество (несколько тысяч) часто разнородных текстов, уже в шестидесятые годы *ода духовная* потеряла свою жанровую окраску и (несмотря на старания Ломоносова и Сумарокова ее

---

43 В. К. Тредиаковский, *Сочиненія и переводы какЪ стіхами такЪ и прозою*, т. 2 (Спб.: Імп. А.Н., 1752), 34. В дальнейшем цитирую как *Соч.* 1752.

44 см. выше цитату из „Разсужденія о Одѣ...“

45..Вскоре этот термин стал синонимом терминов „стихотворения духовные“ и „сочинения духовные“ и следовательно малозначащим с точки зрения его жанровой обособленности. Более подробно об этом вопросе см. мою диссертацию и предстоящую книгу.

обособить) стала служить удобным заглавием для стихов, объединенных религиозным содержанием.[46]

Пятый мало обсуждаемый аспект состязания 1743 г. был заложен (как и четвертый) в самом заглавии книги *Три Оды Парафрастические...* т. е. переложения псалмов были тесно связаны с общей проблемой перевода реально возникшей в эти годы. В сущности переложения псалмов создавали совсем особую проблему, так как поэты не просто расширяли диапозон возможностей родной поэзии ассимилируя тексты и их приемы из других языковых культур (как это уже начал делать в тридцатые годы Тредиаковский),[47] а наоборот состязались с языковой нормой церковно-славянского языка, все еще сильной в России, но значительно устаревшей. Следовательно, процесс такого „перевода" соединял в себе два противоположных принципа: ассимиляции и отталкивания от укоренившихся лингвистических норм, часто граничащего с тенденцией к их полному разрушению и созданию новых норм для языка поэзии. Будто стараясь подчеркнуть это обстоятель ство, канонический текст псалма 143 был помещен отдельно, перед переводами, как нормативный текст и выделен курсивом. В отличие от следующих за ним текстов, псалом свободно вмещался в уделенное ему пространство неполной страницы; сам он не был назван одой, только его варианты

---

46 Здесь нужно заметить, что само слово „ода" употреблялось в XVIII веке не только в узком значении жанра, как его понимал классицизм, а значительно шире, обозначая и отдельно и совместно такие понятия как *лирическая поэзия, приподнятый стиль, высокий жанр, изысканный вкус, парящие мысли, волнующие образы*, и конечно все то, что подразумевал основоположник такого широкого понятия оды, Тредиаковский,, говоря о „высоте слова, какова должна быть вЪ ОдахЪ" (см. цитату выше). Итак, нас нисколько не должно смущать наставление А. Ф. Мерзлякова, который почти восемь десятилетий после первых слов об оде Тредиаковского как бы прямо полемизирует с его заявлением о принадлежности Псалмов к жанру Оды:

> ДавидЪ..одинЪ можетЪ заменить для насЪ Пиндара, Алцея и Флакка. Божественная Псалтирь его представляетЪ *образцы для всехЪ родовЪ лирическаго песнопения*: для высокаго и торжественнаго, для спокойнаго, или философическаго, и для елегическаго или печальнаго, нежнаго...

(см. его статью „О гении, обЪ изучении поэта, о высокомЪ и прекрасномЪ" в *Вѣстнике Европы*, ч.66 [Спб.: 1812], 64).

47 См. напр. его комментарий об употреблении эпитета „трезвое пиянство" к *Оде...на взятие Гданска* в послесловии.

были обозначены таким названием: но не смотря на это, все же именно его поэтика создавала высоту нормы, которой стремились достичь поэты. Для того, чтобы хоть немного понять серьезность проблем, возникших в связи с этим начинанием, необходимо лишний раз подчеркнуть, что собственно литературного языка еще не существовало в 1743 г.; да и вообще, как Виноградов уже давно отметил характеризуя годы середины XVIII в., „вопрос об единой общенацональной норме русскаго языка...еще не мог быть решен.“[48] Одновременно, нужно учитывать и то обстоятельство, что при ежедневных чтениях псалмов в церквах, поэтическая природа псалмов терялась в исполнении чтецов, которые, как выразился Василий Кириллович, „какЪ-отЪ-навыка кЪ борзому прочтенiю ПсалмовЪ, воздухЪ токмо бiя своими изглашенiями безЪ разуменiя“.[49] Из его слов очевидно, что в эти годы древнерусский синтез поэтической и музыкальной функций уже давно не действовал и что для того, чтобы снова почувствовать поэзию псалмов требовалось их новое оформление. Итак, переводы псалма 143 нужно считать первой попыткой группы поэтов именно воссоздать эту норму литературного языка, в сущности не менявшуюся со времен святых Кирилла и Мефодия.

Шестым интересным аспектом книги ТРИ ОДЫ... было явное убеждение авторов, что индивидуальное переложение каждого поэта выражало его личные свойства: „которой изЪ нихЪ которую Оду сочинилЪ, о томЪ умолчевается: знающiе ихЪ свойства и духЪ тотчасЪ узнаютЪ сами, которая Ода чрезЪ котораго сложена.“[50] Конечно, псалмы, как, пожалуй, никакой другой литературный жанр грядущей эпохи были емкой лирической формой для выражения личных чувств и переживаний и стали использоваться для этих целей рядом поэтов XVIII и XIX вв. Это стремление к экспрессии личного „духа“ через переложение псалма было особенно явно начато в этой публикации Ломоносовым, изменившим модальность псалма для выражения протеста против допущенной по

48 В.В. Виноградов, „Основные этапы развития русскаго литературного языка“, *Русский язык в школе*, 4 (М.: 1940), 7.

49 См. стр. 6 настоящего издания.

50 См. стр 6 Предуведомления

отношению к нему несправедливости.[51] В качестве примера изменений, которые Ломоносов внес в свою версию псалма можно выбрать следующий стих псалма: „ихЪ же [сыновЪ чуждихЪ, А.Л.] уста глаголаша суету, и десница ихЪ, десница неправды“ и восьмую строфу, которая ему соответствует:

ВѣщаетЪ *ложь* языкЪ *враговЪ*,
Уста обильны суетою,
Десница ихЪ *полна враждою*,
СкрываютЪ вЪ сердцѣ лесть и ковЪ.

Изменения внесенные Ломоносовым и выделенные здесь мной курсивом наглядно показывают что в этом переложении автор ориентировался не столько на передачу сути древнего текста сколько на выражение собственных чувств. Он заменил сравнительно нейтральные выражения оригинала „сыновЪ чуждихЪ“ и „неправды“ значительно более активными „враговЪ“ и „ложь“, введя одновременно также новые образы „полна враждою“ и „скрываютЪ вЪ сердцѣ лесть и ковЪ.“ Несмотря на такие изменения, нужно отметить, что его Ода наиболее близка к оригиналу в сохранении ключевых образов и стихов и такие колебания между установкой на точность и внедрением автобиографических моментов вообще типичны в его дальнейших обработках псалмов.

Типичны изменения и его коллег в их (впоследствии интенсивной) работе над псалмами. Тредиаковский, например, уже в этом псалме выявил свое тяготение к амплификации библейских образов и сумел вплести мотив того же стиха, которого касался Ломоносов в одной четырехстишной строфе в две десятистишные строфы (последних четыре стиха в вось мой и десятой):

---

[51] Ломоносов находился в это время под домашним арестом, который он конечно считал незаслуженным. О биографическом значении псалмов см. ряд статей упоминаемых мной в статье "M. V. Lomonosov's Psalms of 1751 as an Encoded Syllogistic Medium (With Additional Comments on the Ordering of Psalms by Sumarokov and Derzhavin)," *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*, Vols. 8, 11 & 12 (1981, 1984 & 1985), стр. 215-29

ТакЪ языкомЪ и устами
Сей злословитЪ вЪ суетѣ;
Злый скрежещетЪ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомЪ гордится;
Храбро воруженЪ красится:
А десница хищныхЪ сихЪ,
Есть десница неправдива;
ДушЪ ихЪ скверность нечестива:
ТѣмЪ спаси мя отЪ такихЪ.

Преклонись еще мольбою,
Ту кЪ ТЕБѢ теперь лiю,
СокрушенЪ падЪ ницЪ главою,
Перси, зри, мой бiю:
О! чужихЪ мя отЪ полчища,
САМЪ избави скоро нища.
РѣзвЪ языкЪ ихЪ суета,
ВЪ праву руку кЪ нимЪ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

Важно подчеркнуть, что хотя у Тредиаковского в дальнейших псалмах довольно часто можно заметить элемент разрастания отдельных образов за счет удваивания всевозможных сигналов поэтического значения, его парафразис единственный, который сохраняет присущее самому псалму повторение этого стиха. И именно в этом смысле можно считать его переложение наиболее близким к поэтике оригинала, так как повторение один из самых очевидных приемов библейской поэзии.

В руках же Сумарокова этот стих наоборот до предела сузился и прошел через серьезную трансформацию основного значения в шестой строфе его ОДЫ. :

Простри съ небесъ свою зеницу,
Избавь мя отъ враговъ моихъ;
Подай мнѣ крѣпкую *десницу,*
Изми мя отъ сыновъ чужихъ:
Разрушь бунтующи народы,
И станутъ брань творящи воды.

Здесь нет и речи о повторении стиха „ихъ же уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды"; наоборот он почти исчез в его версии и резонанс к нему сохранен толь ко словом „десница", причем это уже не „десница сыновъ чуждихъ" а „десница Творца". С другой стороны, предыдущие этому стиху слова, которые в нормативном тексте звучат „Избави мя, и изми мя изъ руки сыновъ чуждихъ" он передает очень точно, окаймляя ими третий стих строфы с выделеным мной курсивом обрезком бывшего значения. Такой подход переложения только выборочных тем и образов из псалмов стал в будущем характерной особенностью работы Сумарокова. Он даже создал особое название „Изъ псалма..." своим переложениям в пятидесятые годы, которое ему дало формальную возможность употреблять псалмы для создания новых форм поэзии независимых уже от канонических норм.[52]

Седьмым аспектом состязания 1743 года явилось то обстоятельство, что книга собственно говоря сакральной значимости была напечатана гражданкой при Академии Наук и без видимой апробации Синода, что было для этих лет почти беспрецедентно, но что вскоре стало довольно нормаль ным явлением. Таким образом духовное наследие древней Руси становится даже в графическом смысле предметом светской культуры и не удивительно, что перелагая псалом в рамки создаваемой ими новой стихотворческой системы, три поэта, несмотря на все их старания достичь как можно более адекватного воспроизведения поэтики оригинала, все же внесли столько нового в семантику текста, что навсегда отделили дальнейшую русскую поэзию от церкви. И хоть Россия была способна в будущем произвести своих Гомеров, Пиндаров и Расинов, ни один из них не заслужил и даже не осмелился заслужить звание русского Давида и ни один из

52 См. об этом более подробно в моей диссертации.

стихов новосозданной поэтической системы не был принят для употребления в литургическом действе, как это происходило сплошь и рядом у западных народов. Православию видно был чезчур дорог принцип поэтико-певческого оформления канона достигнутый безымянными риторами - Давидами древней Руси.

С этим однако связано и обратное явление, также сугубо русское по своей природе. Пожалуй у никакого другого народа не боготворят своих поэтов в такой степени как на Руси. Причин этому множество: одна из них, немаловажная - исконно-русское преклонение перед самим принципом „слова" обозначающего высшую Правду. Выбирая для своего состязания именно Псалом, а следовательно и заложенный в нем образ лирического „я" пророка, три участника довольно - таки формального спора о роли метра, вряд ли учли в свое время, насколько высоко они подняли потенцию роли самого поэта в народном сознании. Потребовалось еще несколько десятилетий для того, чтобы образ праведного пророка смешался через призму романтизма с образом романтического героя-поэта (зачастую, „маски" самого автора), судьбой отделенного от общества, но вынужденного высказывать правду данную ему путем откровения (здесь стоит ради примера упомянуть стихотворения Пушкина „Пророк" и „Поэт", которые взаимодополняют эти образы) и были созданы все предпосылки для такого рода отношения. Если учесть также, что у многих поэтов первой трети XIX века сама их биография давала право на мученический статус, то в популярном сознании поза лирического героя стихов чаще всего начала совпадать с его личностью и этим навсегда укоренилась в народной памяти.

Были и другие важные последствия этого соревнования 1743 года, которые, пожалуй, трудно было и предвидеть в свое время. С одной стороны, оно побудило всех трех авторов на дальнейшее переложение псалмов и двое из них настолько увлеклись этой деятельностью, что вслед за о. Симеоном перевели всю Псалтирь стихами. Своей любовью духовной поэзии они заразили и своих младших соотечественников, которые уже, видимо, не считали возможным доказать свою поэтическую одаренность без перевода хоть двух псалмов.

Таких псалмов за весь век набрались тысячи и более известные, появившиеся раньше одиночками в печати, были собраны Решетниковым в начале XIXв. в массивное двухтомное издание под названием *Полное Собраніе ПсалмовЪ Давыда, Поэта и Царя, преложенныхЪ какЪ древними, так и новыми Россійскими стихотворцами изЪ прозы Стихами*...[53] Хотя, это собрание было далеко не полным, несмотря на свое название,[54] но все же оно до сих пор является непревзойденным по своему обЪему и стало неимоверно популярным для своего времени, если судить по тому, что оно прошло через три тиснения за три с половиной года. В Собрание было включено, однако, большинство псалмов, появившихся в XVIII веке на страницах журналов и аль манахов, а также целые Псалтири отца Симеона, Сумарокова, и перевод прозой с еврейского архиепископа Московскаго Амвросія, и оно явно должно служить отправным пунктом в изучении эстетики русской литературной культуры XVIII века.

Роль поэтических переложений Псалмов, да и других сакральных текстов в развитии русской литературы (и не толь ко XVIII в.) еще далеко не оценена надлежащим образом. Для такой оценки, однако, важно наличие самих текстов для более широкой читательской среды. Настоящее издание Псалтири Тредиаковского, дополненное переизданием книги ТРИ ОДЫ с сохраненной ее пагинацией, старается заполнить этот пробел первым томом серии посвященной восстановлению действитель но всех доступных переложений псалмов и с указанием первых дат их публикаций. Дело в том, что без наличия таких текстов, трудно осознать например, что Державин начинает свою знаменитую оду БогЪ той же рифмой (бесконечный / превечный), которую выбрал для начала своего переложения Псалма 143 Тредиаковский, а такая цитата никогда не случайна; что он же мог найти прототип мысли стиха „Я Царь - я рабЪ - я червь - я БогЪ!“ и окружающие его образы в

---

53 А. Решетников, издатель, тт. 1-2, Изд. 1-е (М.: Тип. Решетникова, 1808); 2-е (там же, 1809) и 3-е (там же, 1812)

54 Оно не только обошло целиком доступное тогда рукописное наследие известных поэтов (не говоря уже о менее известных), как напр. Тредиаковскаго, Хераскова, Майкова, Петрова, но и многие печатные труды Капниста, Боброва и даже большинство произведений Державина.

своей девятой строфе не только у Юнга, как повторяется не раз коментаторами его творчества, но и в восклицаниях Тредиаковского: „БОЖЕ! кто я нища тварь?/ КáкЪ? О! кáкЪ могу быть Царь?/Червя точно, а возвелЪ“ (в этом же псалме), итд. Конечно, можно провести нити от державинского „Бога“ не только к Тредиаковскому, но и к творчеству Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и др.,[55] но все же основоположником не только новой системы стиха, но и образности является Тредиаковский и необходимо начинать именно с него.

* ※ *

III. Контрапункт в Поэзии Псалмов Первого Певца Тóники.

Василию Кирилловичу Тредиаковскому мало когда везло в его богатой бурными событиями жизни. Все его успехи и слава, которыми были увенчаны его средние годы, хоть и были несомнено заслужены его неимоверным трудолюбием, оказались столь же мимолетными, как и „птички“, о которых он пел в начале одного из его первых дошедших до нас стихотворений - „Песенки“ 1726-го года. Трудно увидеть в этом простом стишке - канте будущего создателя героического стиха *Тилемахиды*, а все же сопоставить эти два произведения стоит:

4-я строфа „Песенки“

АхЪ! широки
и глубоки
воды морски, разбьютЪ боки.
Вось заставятЪ
не оставятЪ
добры вѣтры и приставятЪ.

55 См. пока мою диссертацию для частичного изложения этой связи.

Тилемахида, кн. 4, ст. 234-9
Бýря внезапна вдругЪ возмутила Небо и-Мóре.
Вырвавшись Вѣтры свистали ужЪ-вЪ-вéрвяхЪ и-пáрусахЪ
грозно;
Черные вóлны кЪ бокáмЪ Корабельным Ъ, какЪ-млатЪ,
приражались,
ТакЪ, что Судно отЪ тѣхЪ ударовЪ шумно стенало.
То на-хребéтЪ мы-взбѣгáемЪ волнЪ, то-низвóдимся вЪ
бездну,
Море когда, изЪ-подЪ-днá разливаясь, зіяло глубя́ми.

Хотя стихи из Тилемахиды приводятся не впервые с целью очистить портрет „дактило-хореического витязя" от пятен скверны: но в сопоставлении с первыми его стихами он явно оживает. Отделенные друг от друга сорокалетним интервалом, эти два описания морской стихии, - образа, истрепанного до уровня клише русским романтизмом, дают наглядно прочувствовать рост творческой зрелости Василия Кирилловича, а вместе с ним и уровня возможностей русской поэзии в целом в это время.

В промежутке он занимался псалмами, которые он, конечно, знал хорошо уже с детства, будучи сыном астраханского священника.[56] Когда он начал интересоваться ими как стихотворец - неизвестно, во всяком случае не позже начала тридцатых годов, когда он был явно потрясен умелым использованием сотаго псалма для создания литературного произведения - Оды на коронацию Петра II епископом Феофаном. Об этом событии он пространно написал в 1734 году следующее:

Говоря о ГрекахЪ, РимлянахЪ, и ФранцузахЪ, не могу я умолчать о природномЪ нашемЪ Россіанинѣ, то есть, о ПреосвященнѣишемЪ Феофанѣ Прокоповичѣ, Архїепїскопѣ ВеликоновгородскомЪ и ВеликолуцкомЪ, Святѣишего Прави тельствующаго Всероссїискаго СVНОДА первенствующемЪ членѣ, которои, поистиннѣ, какЪ другїи *Горацїи,* толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся вЪ

---

[56] О ранних годах В.Т. см. у А. Б. Шишкина, „В. К. Тредиаковский: годы обученья" в Studia Slavica Hungarica, XXX (Budapest 1984), 127-145. О его ранней певческой деятельности и муз. вкусах см. особенно стр. 131.

предражаишеи своей Одѣ, сочиненнои имЪ на латїнскомЪ языкѣ, когда блаженныя и достославныя памяти, ПЕТРЪ ВТОРЫИ, ІМПЕРАТОРЪ и СамодержецЪ Всероссїискїи, отправлялся вЪ Москву для Коронованїя, что *Горацїи* бы самЪ, посмотрѣвЪ оную, вЪ удивленїе пришолЪ, и тужЪ бы его Преосщенству справедливость похвалы учинилЪ, которую я ему теперь отдаю. ВЪ неи самое начало важно, средина великолѣпна, и прямаго Эмтузїасма пїитїческаго, конецЪ удивителенЪ, и достоиннЪ во всемЪ языка священноначальническаго; а наипаче *ПарафразїсЪ* сотаго псалма, толь кЪ стати, толь хитро, толь сЪ мудрымЪ избранїемЪ словЪ равняющихся почти подлинныхЪ высотѣ, на конѣцЪ, толь разсудительно, и остро отЪ его преосвященства положенЪ, что симЪ самымЪ, кажется, и *Пиндара* и *Горацїя*, *Боало* и *Малгерба* превзошелЪ онЪ, и почти отнялЪ у нихЪ всегда зеленѣющїися ЛаврЪ Лурїчества. Я когда прїѣхалЪ изЪ Францїи вЪ СанктпетербургЪ, и чрезЪ прїятство одного мнѣ друга, вЪ Санктпетербургскои Імператорскои Академїи наукЪ, достоинаго АдЪюнкта, лишЪ вЪ первые сталЪ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалЪ ЭнтузїасмЪ Ея превысокїи, то вЪ толь великїи ЭнтузїасмЪ удивленїя и самЪ пришолЪ, что не могЪ, свидѣтельствуюся совѣстїю моею, удержаться, чтобЪ сЪ дважды, или сЪ трижды не вскричать: БОЖЕ МОИ! КакЪ эта Ода хорошо, и мастерски сдѣлана! Начинается сїя *Ода* тако:

Contende Felix, auspice Numine, и проч:57

Первым свидетельством о возможном использовании Тредиаковским псалмического содержания является эпизод описанный в известном документе 1732 года, впервые цитируемом Пекарским:

> ...при пении ТредиаковскимЪ сочинения своего, псалмы, оный [архимандритЪ ПлатонЪ] Малиновский...говорилЪ, что оная псалма вере нашей противная и еретическая....58

---

57 См. Приложение

58 П. П. Пекарский, *История Академии Наук*, II (Спб.: 1873), 36-7. Далее цитирую как *ИАН*. Нам неизвестно содержание „псалмы" В. К. и возможно, что это произведение не было, сугубо говоря, непосредственно связанным с

В угрозе Малиновского, бросивщего дальше даже слова о возможности „пролитпия еретпической крови“ Тредиаковского было какое то пророческое значение, так как последнему предстояли (прибл. через двадцать лет после этого эпизода) еще многолетние и безрезультатные попытки опубликовать свои важнейшие труды „Феоптию“ и „Псалтпирь“ в Синодаль ной Типографии.[59] Обвинения в „сумнитпельсптвах“ находящихся в его трудах в пятидесятые годы будут напоминать слова Малиновского начала тридцатых.

Для нас гораздо важнее, однако, замечание о манере исполнения своей Псальмы Тредиаковским, т. е. именно о *пении*. Ливанова уже давно не только обратила внимание на немоверную популярность произведений Тредиаковского в музыкально-певческой среде того времени, но и на то обстоятельство, что ранняя поэзия автора, как бы вырастала из певческой культуры.[60] Сравнительно недавно, в 1983 году, Копылова прочитала интереснейший доклад в Пушкинском Доме о тонизации силлабической поэзии путем наложения на нее музыкальной фактуры; ее главное положение сводилось к тому, что ритмика музыки конца XVII века в большинстве случаев превращала силлабическую строку с вольным ударением в строку хореическую, что и могло привести молодого Тредиаковскаго к явному предпочтению хорея на первых стадиях его стихотворческой реформы.[61]

Нельзя, однако, упускать из виду, что Тредиаковский в *Способе* (1735) говорил о хорее почти исключительно в связи с героическим стихом (им создаваемым в это время и редко когда встречающимся в кантах), а не с поэзией с более

Псалтирью; оно, однако, должно было включать в себя аспекты духовного содержания, но поэтически настолько измененного, что оно вызвало сомнения в каноничности формы их изложения у Малиновского.

59 Пекарский пространно касается попыток Тредиаковского опубликовать свои труды в *ИАН*, II, 173-7 и 203-5. Однако публикация всех доступных документов „дела о Псалтири“ осуществляется впервые нами в Приложении. См. заключающий их комментарий А. Б. Шишкина.

60 Ливанова, т. I, см особенно стр. 46-56 и 482-3

61 Позднее этот доклад был опубликован в разработанном виде под двойным авторством В. С. Копыловой и А. М. Панченко под названием „Роль музыки в реформе русского стиха“ в *XVIII век*, сб. 15 (Л.: Наука, 1986), 5-20.

короткой стиховой строкой (в девять слогов и меньше, которых было полно в кантовой культуре), за которой он в 1735 году оставлял нужду „*падать* слогами а не стопами и быть без пресечения."[62] А если судить только со стороны теории стиха, то можно придти к более обычному, и совсем не связанному с музыкой, объяснению „почему Тредиаковский предпочитал ямбу хорей", как недавно назвал первую часть своего исследования Холшевников, который окончательно доказал, „что при предпосылках, положенных в основу трактата 1735 г. (триннадцатисложность, двусложная стопа, женская рифма и сильная цезура), хорей был единственным возможным размером"[63] для Тредиаковского в то время.

Но с музыкой его творчество, и раннее и позднее, было явно связано - в особенности его лирика. Заметим, что многие его ранние лирические произведения были предназначены не для чтения а для пения, и что первой в его приложении к роману *Езда вЪ ОстровЪ Любви*, т. е. в „СтихахЪ на разныя случаи" была именно ПѢСНЬ (на коронацию императрицы Анны),[64] которая была издана раньше отдельным листком с нотами. Но эта ПѢСНЬ является ничем другим, как вариантом оды панегирической.[65] Другим вариантом оды, теперь эонического начала,[66] была тоже

---

[62] В. К. Тредиаковский, *Избранные произведения* (М.-Л.: 1963), 406 (Далее привожу как *Избр.* 1963, которым пользуюсь для цитат из *Способа* 1735 переизданным в этой книге, к сожалению по новой орфографии). Отметим здесь слово падать, выделеное мною курсивом о значении которого речь пойдет ниже.

[63] В. Е. Холшевников, „Заметки о русском стихе XVIII века. I. Почему Тредиаковский предпочитал ямбу хорей" - В кн. *XVIII век*, сб. 13 (Л.: Наука, 1981), 234

[64] Ее полное название: ПѢСНЬ. Сочинена вЪ ГАМБУРГѢ кЪ торжественному празнованію КОРОНАЦІИ ЕЯ ВЕЛІЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ІМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІИСКІЯ, бывшему тамо Августа 10-го (по новому стілю) 1730 в кн.: *Езда вЪ ОстровЪ Любви. Переведена сЪ Французскаго на Русскои. ЧрезЪ Студента Василья Тредіаковскаго и Приписана Его Сіятельству Князю Александру Борисовичю Куракину*. ч. II. (Спб.: 1730), 151. Далее привожу как *Езда*, 1730.

[65] См. его разделение видов на 23 вида в новой редакции кн.: „СпособЪ кЪ Сложенію РоссіискихЪ СтіховЪ противЪ выданнаго вЪ 1735 годѣ исправленный и дополненный" (далее цитирую как *Способ* 1752) в его *Соч.* 1752, Гл. 7, § 18

[66] там же, § 20

ПѢСНЬ (Сочиненная на ГолосЪ и Пѣтая предЪ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛІЧЕСТВОМЪ АННОЮ ІОАННОВНОЮ САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССІИСКОЮ), также сочиненная в начале тридцатых годов.[67] Заметим также, что в своем Разсуждении о одѣ...(1734 г.), в котором он кстати сделал два пространных отступления о природе псалмов (см. выше), Тредиаковский испытывает явные затруднения отделить оду от песни. Вот что он пишет:

Всякая мїрская *пѣсня*, буде она отЪ правильнаго сочинена *Пѣснотворца*, подобна есть *Одѣ* тѣмЪ, что и *пѣсня* многими состоитЪ *строфами*, иногда равные всѣ, а иногда неравные стїхи, вЪ себѣ имѣющими. Но важностїю матерїи, и глубокостїю рѣчеи, весьма отЪ *Оды* отлична: понеже матерїя *пѣснеи* часто, и почти всегда есть ЛЮБОВЬ, либо иное что подобное, и легкомысленное, и только что сердце человѣческое улещивающее; рѣчь же самая бываетЪ вЪ нихЪ иногда сладкая, а всегда ль стящая, часто суетная, и шуточная, не редко мужицкая и ребячья.

Есть и еще родЪ *статеекЪ*, которои всегда какЪ около среднеи матерїи, то есть, ни очюнь благороднои, ни весь ма общеи, какЪ *пѣсня*, обращается, такЪ и рѣчами средними, то есть, ни очюнь высокими ни гораздо низкими, больше отЪ высокости нѣчто, нежели отЪ низкости занимающими, идетЪ. Сеи родЪ строфЪ, Французы называютЪ *стансами*. Я, правильно, или неправильно, всегда таковымЪ стїхамЪ налагалЪ имя: ПѢСНЬ, а не пѣсня, хотя бы оная *пѣснь* на голосЪ у меня положена была, хотя быжЪ и просто для чтенїя только предлагалася. Таковыя строфы, пѣснїю отЪ меня названныя, сочинилЪ я поздравительныя новымЪ годомЪ, на голосЪ положенныя, и пѣтыя предЪ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, АННОЮ ІОАННОВНОЮ, Самодержицею Всероссїискою, Всемилостивѣишею Нашею Государынею, вЪ самыи первыи день 1733 года, которыя начинаются чрезЪ:

Новыи годЪ начинаемЪ, [68]

---

[67] См его Способ 1735 в *Избр.* 1963, 412 и 534.

[68] См. Приложение

Касаясь же наконец Способа (1735), исследователи до сих пор не обратили должного внимания на два важных положения, связанных и с аспектом музыки в стихах В. Т.: Первое, среди основных определений способа о стихосложении (в которых В. Т. объясняет, что такое стих, слог, стопа, полстишие, пресечение, рифма, перенос и слитие) восьмым, но никак не менее важным, стоит определение *падения*, о котором он пишет следующее:

> „Чрез *падение:* гладкое и приятное слуху чрез весь стих стопами прехождение до самого конца. Что чинится тем, когда первый слог всякой стопы долгий есть, а по крайней мере нескольких в стихе стоп, или когда одно писмя часто не повторяется, или стопа за стопу вяжется, что самое не делает стих прозаичным. Падение латины, в раасуждении их поэзии, называют cadentia; а французы в рассуждении своей: cadence.“[69]

Читая его Способ дальше, можно убедиться, что для автора именно *падение* отделяет стих от прозы, причем, как мы уже отметили раньше, в сознании В. Т. *падать* стихи могут и стопами и слогами. Как падали эксаметр и пентаметр (единственные стихи нуждающиеся в стопах по его мнению в 1735 г.), Тредиаковский объяснил очень даже точно, но какими средствами достигалось ощущение падения в силлабических стихах, он ясно не ответил, может быть потому, что в его время этот вопрос был совсем очевидным. Удостоил он нас однако следующих слов:

> ...стопы внесены в эксаметр да только в пентаметр и для того еще. чтоб сии наидолжайшие наши стихи от прозаичности избавить: обо чрез стопы стих *поется,* что *всяк читающий* не хотя *признает.* А ежели б в сих долгих стихах не было тонических стоп, как оных нет в старых наших, то оные бы совсем походили больше на прозу, определенным числом идущую, нежели на *поющийся* стих. Но выше помянутые наши стихи [„из девяти, осми, седми, пяти, также и четырех слогов состоящие,“ А.А], о которых доказательное слово, и без стоп, *для*

69 *Избр.* 1963, 369

краткости своей, падают по стиховному и довольно гладко *и* сладко *поются*: о сем всяк собственным своим искусством, ежели *правильно сии стихи* будет *читать*, уверен быть может.[70]

Перифразируя эти слова оказывается, что силлабические стихи можно „читать правильно“ и неправильно. В последнем случае они перестают быть стихами и становятся прозою „определенным числом идущую“, особенно в длинных строках. После реформы В. Т., однако, читать неправильно длинные стихи становится значительно труднее, так как они теперь упорядочены и стабильным пресечением (цезурой) и стопами „чрез [которые] стих поется“ и из-за самого принципа стопности „падает стиховно“, причем падает и к цезуре и к концу стиха, получая двойную ритмическую нагрузку. Более короткие стихи не нуждаются в цезуре и следовательно и в стопности (Тредиаковский не раз повторяет, что стопы ему оказались нужны почти исключительно для упорядочения и усиления [см. его дополнительный и обязательный ударный слог перед цезурой] места пресечения); они же, видно, сами способны из-за *краткости своей* (курсив В.Т.) „падать стиховно“ и их правильное исполнение зависит только от личного искусства „гладко и сладко петь“.

До сих пор такие слова о „пении“ стихов не принимались стиховедами дословно а трактовались как „чтение“ в переносном значении, но этот подход вряд-ли методологически оправдан, а исторически уж совсем нет. Дело в том, что определив стопу для героического стиха, предназначенного гл. обр. для эпической поэзии, он еще боль ше подчеркнул грань между ней и поэзией лирической; главной и в сущности единственной представительницей последней у него являлась Ода, которая „никогда не пишется героїческимЪ стїхомЪ, вЪ Россїискои *Поэзїи* тринадцатью слогами, а шестью стопами состоящимЪ, весьма отЪ эпїческїя *Поэзїи* разнится“, как он заявил уже в 1734 г..[71] И так как в этом же году он включил в жанр Оды и Песню и Песнь (станс), писанные гл. обр. девятисложным (и более

[70] там же, 408, (курсив Тредиаковского, слова подчеркнуты мной. А.Л.)

[71] См Приложение

коротким) стихом, и многие из которых были дословно им петы, следует считать, что в сознании Тредиаковского лирика была тесно связана именно с музыкальным (или певческим) оформлением. Другими словами, второе положение сводится к тому, что зачастую Тредиаковский, говоря о пении, да даже и о чтении, стихов подразумевает именно пение или чтение на распев. Кстати, в этом взгляды В. Т. напоминают, и не случайно, многие заявления о чтении и пении о. Симеона в его трех Предисловиях к Псалтири, приведеные раньше.

Возвращаясь теперь к первому положению заметим, что если в стихах В. Т. должно трактовать слово „пение“ и в переносном и в буквальном смысле, то видимо его понятие „падения“, нужно понимать тоже шире, чем только в переносном значении ритмики стопного стиха. Частично его представление о „падении“ дожно было быть связанным с двумя основными значениями латинского глагола cado (составляющего корень латинского cadentia и французского cadence, данных им самим в обЪяснении падения) - 1. „падаю“, 2. „оканчиваюсь“, оба из которых он явно знал. В силлабике „падение“ конечно ощущалось во втором значении глагола cado через присутствие обязательных тогда рифм *оканчивающих* каждое двустишие, особенно в коротких стихах (по количеству слогов девяти и менее), которые „не принуждали слабым голоса звоном стих *доканчивать*“[72] и следовательно выполняли функцию ритма маркированными „голоса звоном“ окончаниями и следующими за ними передышками. Насколько важен был принцип окончания Тредиаковскому уже известно из его Способа 1735, который можно бы было без особой натяжки назвать развернутым трактатом о пресечении, а следовательно о втором значении слова cado.

Но первое значения глагола cado в буквальном смысле *падения*, а не просто ритма, играло у В.Т. не меньшую роль. Здесь же, однако, нельзя было обойтись без тóна, или как он двадцать лет спустя вспоминал в своем трактате „О ДревнемЪ, СреднемЪ, и НовомЪ Стiхотворенiи РоссiйскомЪ“, „тотчасЪ напалЪ я на возвышенiе и пониженiе голоса вЪ складахЪ Прозодiею, то есть на Тоническое слогов

---

72 *Избр.* 1963, 407 (курсив мой)

Количество. Потом непосредственно и на Стопы..."[73] Дальше, однако, Тредиаковский объясняет его предпочтение хорею в начальных стадиях его реформы не с позиции определения возвышений или понижений ударности на уровне стопы, а с позиции тоники на уровне стиха и дает нам четыре причины. Первая из них для него настолько наглядна, что он ее даже не считает причиной а естественным исходом просодии в его понимании:

> Если голосу на складахЪ повышатся нѣсколько по опредѣленнымЪ разстояніямЪ, то есть, или отЪ ударенія кЪ неударенію, или впреки падать; то не можно при одинакихЪ слогахЪ порознь остаться вЪ мѣрѣ, и не взяться за Стопы, двусложные ль онѣ, или трисложные. ВЪ сихЪ по двухЪ неудареніяхЪ бываетЪ возвышеніе; а в тѣхЪ по одномЪ. ИтакЪ, взялся я всѣхЪ прежде за стопу Хорея, вЪ коемЪ-одно-сперва удареніе, а потомЪ краткій слогЪ."[74]

Другими словами, даже в 1755 году Тредиаковский не принимает тонической просодии, базирующейся исключитель но на совпадении качества [ударения] и количества [длинны] в русском языке и внутристопного ударного повышения в ямбах (.—) и анапестах (..—) или понижения в хореях (—.) и дактилях (—..). В его ощущении, предположим ямбическая строка может тóнически падать и, наоборот, хореическая „повышаться нѣсколько по опредѣленнымЪ разстояніямЪ...отЪ ударенія кЪ неударенію." Итак, Тредиаковский в 1755 году никак не отказывается от того, что он сказал в 1735-м а именно, что ощущение тóнического повышения или падения в русской стиховой строке не зависит от самого принципа тонической стопы.

73..Цитирую по А. Смирдину, *Сочиненія Тредьяковскаго*, т. I (Спб.: 1849), 784. Далее привожу как *Соч.* 1849.

74 Там же, 782-3. Остальные три причины для выбора хорея были, как он пишет, следующими: КЪ Хорею меня привело свойство нашего языка, для того что Періоды наши чаще и мѣрнее окончаваются ХореемЪ; да и Рiөма наша, какЪ-вЪ-СреднемЪ составѣ СтiховЪ, такЪ и называемая нынѣ женскою, есть точный же Хорей: сверьхЪ того, былЪ у меня тогда вЪ рукахЪ нѣкоторый печатный примѣрЪ ІллірическихЪ НародовЪ, составленный Хореіческими Тетраметрами...ИтакЪ, трояків сей поводЪ привелЪ меня кЪ тому, что-я сначала-самаго, а именно вЪ 1735 годѣ, предпочелЪ Стопу Хорея всѣмЪ прочимЪ.

Отчего же оно зависит? Ответов тут теоретически может быть несколько,[75] но о них В.Т. не говорил, а практически только один, о котором он говорил постоянно, а именно о музыкально-певческом оформлении. Только пение, или чтение нараспев, могли дать внеударное ощущение тоники, а с ней и *падения* в силлабо-тонической системе стиха и единственное ощущение тóнического падения в силлабическом стихосложении. Звукозапись голоса Василия Кирилловича конечно решила бы многое, но за неимением такой возможности, мы все же должны предположить, что все его придворные и официальные преподнесения личной лирики, писанные и силлабическими и силлабо-тоническими стихами, он или дословно *пел,* или *напевно* читал.

Более того, музыкальная тоника вероятно сопутствовала ему при самом создании стихов. Для этого у нас есть целый ряд косвенных и прямых доказательств. Начнем с косвенных, так как прямые связаны и с другими положениями. Заметим, что он не только производил, как известно, начало поэзии от музыки, ибо „невероятно, чтобЪ сія его [‘самого первого Піиты’= ‘первого Музыканта’, А.Л.] Поэзія была сперва Стіхами: первая мысль обыкновенно приводитЪ кЪ подобной другой, поемая жЪ матерія (ибо Поэзія его природно долженствовала состоять вЪ песенкахЪ) прямо могла его довесть до исправнѣйшія Мусікіи, а не до состава Стіха,“[76] но и подчинял, что акцентируется гораздо реже, стихотворчество музыке, как выходит, напр., в продожении цитируемых слов: „слабость, кавовá могла быть вначáлѣ Мусікіи, могла подать мысль пóслѣ о сладости рѣчи.“[77] Следовательно, „сладость рѣчи“ не в состоянии заменить „сладость Музікіи“ а только лишь ее „слабость“.

---

75 К примеру приведем одну возможность: чтение стиховой строки могло теоретически давать ощущение повышения или падения в зависимости от постепенного усиления или понижения акустической силы или громкости выговора отдельных ударных слогов (т. е. в четырехстопном ямбе, например, для эффекта падения можно было бы читать первую стопу громче всех, затем следующую тише, но не так тихо, как последнюю), но такая система была бы сама по себе черезчур монотонной

76 См.: его „Мненіе о началѣ Поэзіи и СтіховЪ вообще“ в *Соч.* 1849, 188

77 там же.

Именно поэтому он обращался сплошь и рядом к примерам из музыки, решая спорные места в стихотворчестве: делал он это, во первых, во всех трактатах о поэзии: в Езде, 1730 он ссылался на „всѣхЪ СПАССКАГО МОСТА стіхотворцев", т.е. калик поющих духовные стихи,[78] в качестве авторитетных судей о русскости его рифм, в *Разсуждении*, 1734 он связывал Оду с Песней а Стансы с Песнью, в *Способе* 1735 он утверждал что хоть „французской версификации он должен мешком" а „природной, наидревнейшей [именно произшедшей от музыки А.Л.] старинной российской поэзии всеми тысячью рублями", в „Мненіи о начале Поэзіи и СтіховЪ вообще" [созд. до 1752 г.] сплошь и рядом, а в трактате „О древнемЪ, среднемЪ, и новомЪ Стіхотвореніи Россійском" он не только заявлял, что „народный составЪ СтіховЪ, есть подлинный списокЪ сЪ Богослужительскаго,"[79] [а поэтому и гимнологического] но даже приводил в пример аспекты истории русского церковного пения стараясь доказать иманентность музыкальной формы над словесной.[80] Во вторых, он поступал так же в литературных спорах, одного из которых нам придется коснуть ся более подробно. Следует отметить, что некоторые примеры из теоретических трудов Тредиаковского (приведенные выше) были обсуждены и суммированы Ливановой — первым крупным исследователем, подчеркнувшим влияние музыки на его поэтическую деятельность. Она пришла к следующим, редко повторяемым, выводам: „...у него [В.Т.] теория и практика находились в большом единстве: сочиняя стихи, он сам также

---

78 См. Ливанова, т. I, 48

79 *Соч.* 1849, 759.

80 В примечании к предыдущему заявлению он пишет: „Сіе и собственнымЪ нашимЪ примеромЪ утверждается: ибо сЪ двѣсти лѣтЪ безЪ мала, назадЪ пѣвали у насЪ вЪ Церькви на всенощныхЪ бдѣніяхЪ псаломЪ 103 такЪ, что-по-окончаніи-рѣчи, когда напѣвЪ требовалЪ-гагáканія до начала другія рѣчи, вмѣсто гагаканія онаго употребляемы были незнаменательныя словá, а именно сіи: ай, ненай, ани, ну, унани. РавНо и простый народЪ вЪ нѣкоторыхЪ своихЪ пѣсняхЪ, и вЪ подобномЪ случаѣ, такія жЪ употреблялЪ незначащія ничего словá: здунинай, найна, здуни. Подлаго народа употребленіе сіе и нынѣ-еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновеніе, видимо токмо и доднесь вЪ Псалтири, печатанной вЪ Вильнѣ 1576 года, а хранящейся вЪ Імператорской Академіческой бібліотекѣ." Соч. 1849, 759.

стремился к *песенности* (и создавал канты!). Дело не только в том, что Тредиаковский в своем преобразовании стиха... опирался отчасти на народную поэзию; дело в том, что эта поэзия всегда была *для* него *песней, музыкально-поэтическим началом*... То понимание единства поэзии и музыки, которое проявил Тредиаковский... а также понимание тонического размера как песенного... свидетельствует об одном: о таком опыте лирической поэзии, который неразрывно связывает ее с музыкой, т.е. об опыте кантов, близких к народной песне, к церковному пению.“[81]

Удивительно поэтому, что несмотря на маштабность ее работы над поэтикой Тредиаковского, Ливанова все же смогла прийти к таким важным выводам более путем косвенных, чем прямых доказательств, т. е. она не ответила собственно *как* он мог применять на деле свое понятие о единстве музыки и поэзии в собственном творчестве.[82] Учитывая всю сложность такого вопроса, требующего дальнейшей и тщательной разработки, осмелюсь предложить несколько гипотез, базирующихся на понятиях смежных для стихотворчества и музыки. Выше было показано, что в своей стихотворческой теории В. Т. опирался на падение, в большей степени независимое от тоники стопности и что элемент падения он видимо подчеркивал тоникой пения.

Следует заметить, что и сама концепция падения у него была в неменьшей степени связана с музыкальным осмыслением падения, чем с просодическим. Собственно говоря, пример, приведенный Ливановой, должен были воочию заставить музыковеда обЪяснить слова В.Т. в музыкальном понимании; однако, она это хоть и делает, но слишком общим образом. Приводя одно из писем, собранных Пекарским, касающееся полемики о строфике с Сумароковым 1755 года, она его коментирует следующим способом:

---

81 Ливанова, 54 и 56.

82 В конце первого тома она уделяет много места выявлению тонизации силлабических стихов (см. ее пример «скандирования» на манеру дактиля стихов „Кто крепко на Бога уповая...“ на стр. 521), которая могла привести В.Т. к его реформе (522), но примеры такой его работы над собственными стихами она не дает.

В одном случае, говоря о частых «пресечениях», как о поэтических вольностях, Тредиаковский разсуждает таким образом: «Простительно ль могло быть нашему какому Пииту, который бы слова, например, тя паче ума, так разделил, чтоб в одном стихе поставил тяпа а в другом чеума? Или б какой Композитор Мотетов сперва дал Подголоском заверещать тяпа, тяпа, а потом всем бы вдруг завопить чéума, чéума, чéума?»

Здесь для нас сомнений нет: Тредиаковский отлично слышит хор; его привычный внутренний слух различает выпуклое деление хоровых групп. Ссылки такого рода — именно там, где они даются вскользь, — может делать толь ко человек привычный, только тот, кто ощущает в них подлинную внутреннюю потребность.[83]

Хотя такой коментарий сам по себе ценен и показывает важный аспект „внутренних потребностей“ В.Т., он все же не касается главного вопроса, а именно почему автор привел такой пример в рассуждении о *пресечении*, а не о делении хоровых груп. Правда, вопрос о пресечении и есть вопрос о *делении* , но не столько хора, сколько фактуры материала. В цитате В.Т. находится ключевое слово: *заверещать*, которое и должно было бы привести Ливанову, к музыкальной расшифровке. Верещать, это значит плохо петь трель. Трель, иногда обозначавшаяся во Франции словом tremblement, преимущественно однако служила во французской музыке начала XVIII века вторым главным определением слова cadence, в то время как в русской музыке трель и каденция не были синонимичны, хотя обе они явно исторически связаны с окончанием или музыкальной фразы или целого произведения. Сама трель была повсеместно употребляема в Европе до конца XVIII века для орнаментального решения диссонанса, возникающего в каденции перед концом муз. фразы. Но у Тредиаковского же именно об этом и идет речь, т.е. о несуразности самого окончания, пример которого он дает, и в музыкальном и в логическом смысле.

Кстати, не стоит сомневаться в том, что он хорошо знал именно французское музыкальное осмысление каденции, т.е. и

---

83 Ливанова, 54-5

в смысле падения и трели. В „СтрофахЪ похвальныхЪ Россіи" (переработанном варианте „СтиховЪ ПохвалныхЪ Россіи" 1728-го года) он их применил в обоих значениях. Приведем здесь их первую и последнюю строфу:[84]

Начни, начни моя Свирѣль,
Согласіе СтіховЪ похвальныхЪ;
Веди твою кЪ Россіи трель,
Сквозь множество отЪ ней странЪ дальныхЪ:
Доброты нынѣ всѣ ея
Взять вЪ мысль, охота есть моя

Скончи, скончи, моя Свирель,
Согласіе СтіховЪ похвальныхЪ;
Да замолчитЪ дрожжаща трель:
ОтЪ странЪ зрю на Россію дальныхЪ.
Мне мало сто гласовЪ имѣть,
Ни тысящію не воспѣть.

Здесь важно заметить, что в версии 1752 года В.Т. заменил первоначальную флейту на свирель, видно для рифмы со словом *трель*, которое он хотел поставить (как трели полагалось бы в музыкальном произведении) в *конце*, т.е. в рифмующемся положении, [третьего] стиха в обеих строфах. К тому же, в последней строфе образ голоса одинокой, умолкающей и дрожащей трели *переходит* через паузу двоеточия (таким же приемом как и в музыке) к *контрастному* образу ста, тысячи голосов, требуемых поэту для восхваления Россіи.

Но трель это только второе значение каденции во французской музыкальной культуре, и как уже было сказано, первичное его значение связано с окончанием и с дословным падением к этому окончанию. Насколько важно понятие каденции в музыке, можно судить даже по одному из многих ее проявлений в церковной практике, создавшей целую систему плагальных каденций вокруг слова Аминь. В русской кантовой музыке каденция стала едва ли не самым основным приемом.

---

84 Соч. 1849, т. I, 399 и 401.

Этого и касается вышеупомянутая статья Копыловой и Панченко, в которой авторы не только отмечают, что „каданс разграничивает музыку там же, где членится текст — на месте цезуры, на конце стиха и строфы" (что было давно очевидно Тредиаковскому, А.Л.), но и находят в музыке Титова, одного из влиятельнейших композиторов кантов, в его работе над Псалтирью Симеона три константы: 1.„соответствие одной ноты одному слогу," 2. „обязательная сильная первая доля," и 3. „столь же обязательная сильная предпоследняя доля."[85] Далее они дают много примеров переакцентуации силлабической поэзии в ее певческой тонизации, которая их «хореизировала» благодаря четкости ритмических „констант" Титова, в чем их работа заходит значительно дальше Ливановой, и делают следующий вывод: „Музыкальный такт Титова — в известном смысле предшественник и коррелят стихотворной стопы Тредиаковского. Квадратные построения первого с регулярным чередованием сильных и слабых долей соответствует хореям второго."[86] Как бы ни хотелось согласиться с этим предложением, историческая практика создания хореического стиха немного сложнее: как уже было упомянуто выше, в 1735 году Тредиаковский обосновал хореическую стопу почти исключительно для героического стиха, совсем не типичного в кантовой поэзии, да еще нарушил упоминаемую третью „константу" музыки Титова, приказав последнему слогу перед цезурой быть сильным, а не слабым.

Значительно важнее из констант Титова, видно оказалась вторая и повлияла она, видимо, не столько на стопу, сколько именно на его представление о кадансе как о падении, и соответствующий перевод этого понятия им же на русский язык. Если мы вернемся к цитате Тредиаковского о падении, то слова „Чрез *падение:* гладкое и приятное слуху чрез весь стих стопами прехождение до самого конца. Что чинится тем, когда первый слог всякой стопы долгий есть.." получают бóльшее объяснение, чем могло казаться прежде. Под вопросом должны были раньше стоять слова „первый слог

---

85 Копылова и Панченко, 16.

86 там же, 20.

всякой стопы долгий есть". Ведь только за два параграфа до этого, в Королларии 3 к Определению V о пресечении, В.Т. признал не только пиррихий но и ямб. Не сделал-ли здесь ошибку автор, или не ратовал ли он здесь за безусловное подчинение всех стоп его любимому хорею? Вероятно нет, он не оговорился, а просто не договорил „первый слог всякой стопы долгий есть «в музыкальном оформлении» падения: гладкого и приятного слуху *чрез весь стих* стопами прехождения до самого конца."

Для того, чтобы наконец доказать, что Тредиаковский мыслил именно образом симбиоза функций музыки и поэзии, нам придется вернуться еще раз к примеру псалма 143 и на этот раз уж от псалмов не отходить. В 1743 году, доказывая что у самих стоп нет никакой эмоциональной нагрузки, он писал:

> „ежели бы восхожденїе съ низу въ верьхъ въ Стопѣ было точнымъ зна́комъ благородства, а паденїе съ верьху въ низъ умильности, то бы Гомеровой Іліадѣ, и Вїргїлїевой Энеїдѣ, двумъ найвысочайшимъ Героїческимъ Поэмамъ, должно было состоять АНАПЕСТАМИ, которые также восходятъ съ низу въ верьхъ, а не ДАКТІЛЯМИ, которые падаютъ съ верьху въ низъ, даромъ что ихъ количество слоговъ не состоитъ въ возвышенїи и пониженїи го́лоса, то есть въ различїи то́на, но въ протяженїи и сокращенїи онаго, то есть въ медлѣнномъ и скоромъ произношенїи: ибо сїя ихъ долгота и краткость мѣряющаяся временемъ, всячески не могла быть безъ возвышенїя и униженїя го́лоса, инако бы во всякомъ ихъ Стїхѣ была токмо Монотонїя, которой и въ Прозѣ, то есть не въ пїитической рѣчи, быть непристойно, хотя въ ней и нѣтъ пѣнїя, а *они Стїхи свои произношенїемъ пѣли,* то есть *былъ у нихъ въ нихъ нѣкоторой родъ музыки,* но въ музыкѣ Монотонїи, то есть, оному звону го́лоса, нѣтъ мѣста, и *быть ей тамъ безъ различїя го́лоса по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно.*"[87]

[87] См. Приложение I. (курсив мой)

В 1752 г. В.Т. счел нужным прокомментировать это место следующим образом:

Нѣкто из знающихъ людей, какъ то я объявилъ въ первом Томѣ въ Предисловіи, чувствуя, что сие мое доказательство есть непреодолимое, попытался привесть его въ слабость тѣмъ, что у них количество слоговъ есть не Тоническое; чего ради, по его, ихъ Стіхи съ верьху на низъ не падаютъ. Но сія попытка есть безуспѣшная: ибо всеконечно и необходимо *ихъ Стіхи падаютъ съ верьху на низъ, для того что самый первый слогъ въ ихъ Стіхахъ какъ всегда и непременно долгій, так и всегда ударяемый*, развѣ превесьма рѣтко *когда неударяемый, а сіи не мѣшаетъ, чтобъ ему и въ семъ случаѣ не быть на верьхней степени какъ всегда долгому.* Слѣдовательно , не возможно ихъ Стопамъ не падать съ верьху на низъ. Сие докажется лучше обрасцомъ музыкальными нотами изображеннымъ. Въ немъ Тактъ означаетъ слогъ долгій, а Полтактомъ означается краткій. Притом всѣ ударяемыи слоги стоятъ на верьхней степени, а неударяемые на нижней.

НОТЫ

Tovua leau na lupum sequi tur lupusip secapellam.[88]

Итак Тредиаковский не только убежден что древние поэты свои стихи пели (причем высказывает мнение, что монотонное призношение несродно даже прозе), но в своем примечании 1752 г. он добавляет, что у них первый слог в стихе был всегда и долгим и ударяемым, отчего у него и возникло представление о каденции, как о буквальном падении от первого слога - верхней степени „гладким и приятным слуху чрез весь стих“ прехождении „съ верьху на низъ“ и к концу стиха. Реформируя русское стихосложение, Василий Кириллович не мог не наложить своего представления о падении у древних поэтов на свой стих, так как именно падение а не стопа отделяло у него стих от прозы и определяло его достойным сравнения со стихами античности. Тут и оказалась важна вторая „константа“ Титова и для музыки псальм и для кантов вообще. Именно в ней он слышал сильную долю на первом слоге стиха, определявшую

---

88 Соч. 1849, т. I, 330-1.(Курсив мой)

столь любимое ему падение стиха и маркирующую стих как стих, т.е. своим первым сильным тоном дающую сигнал слушателю, что все дальнейшее или будет стихом или несет в себе потенцию стиха. Его же „любление хорея" возникло видимо как производное от его понимания падения – эта стопа делала идеальное падение возможным, так как первый ее ударный тон совпадал с первым сильным тоном в музыке и даже выполнял условия третьей константы музыки Титова в лирических стихах, (сильный тон на предпоследнем слоге). Слышал он подобное распределение ритмики и в русской народной песне, на которую он постоянно ссылался. Его слух настолько привык к такому ритму, что писать ямбами, ему на первых порах было просто трудно.[89]

Но ни стопа, ни стих, ни даже падение сами собой поэзии, конечно, не составляли. Минимальной единицей лирической поэзии (об эпической, здесь просто нет места говорить), Тредиаковский считал строфу, которая „есть совокупленіе многихЪ СтіховЪ, разумЪ полный содержащихЪ."[90] Что именно строфа была для него важным определением лирики можно убедиться прямо из первых же его слов об Оде, (главнейшим и по сути единственным жанром упоминавшимся им в связи с лирикой), писанных уже в 1734 г.: ОДА ЕСТЬ СОБРАНІЕ МНОГИХЪ СТРОФЪ, ТО ЕСТЬ СТАТЕЕКЪ, СОСТОЯЩИХЪ ИЗЪ РАВНЫХЪ, А ИНОГДА НЕРАВНЫХЪ СТІХОВЪ, КОТОРЫМИ ОПИСЫВАЕТСЯ ВСЕГДА И НЕПРЕМѢННО МАТЕРІЯ БЛАГОРОДНАЯ, ВАЖНАЯ, И ВЕЛИКОЛѢПНАЯ, ВЪ РѢЧАХЪ ПРЕВЕСЬМА ПІИТІЧЕСКИХЪ, И ОЧЮНЬ ВЫСОКИХЪ.[91]

Определив оду а этим и лирику собранием многих строф, В.Т. не замедлил осуществить свое требование к оде - описывать материю благородную, важную и великолепную. Он описал великолепие Анны (в 1734 г.), которое подпадало,

---

89 См. его первую оду Елисавете 1742 г., коментированную Л. И Тимофеевым в Соч. 1763, 36

90 Способ 1752 в Соч. 1849, т. I, 152.

91 См. Приложение.

конечно, под это требование, но видно недостаточно,[92] так как в Способѣ 1752 г., где он впервые выдвигает весь диапазон строфики возможной, по его мнению, в русской поэзии, он приводит примеры не из од императрицам, а из тогда законченных им псалмов и псалмических библейских и новозаветных песен. Делает это он потому, что в 1752 г. он уже относится к псалмам, как к совершенным примерам лирической поэзии в жанре Оды. Вот что он пишет в переделанном „Рассужденіи объ Одѣ вообще" о псалмах.

„Всякъ Россійскіи Охотникъ можетъ примѣтить высоту сло́ва, какова́ приличествуетъ въ Одахъ, въ Псалмахъ Святаго Пѣснопѣвца Псалтірическаго: ибо Псалмы нечто иное, какъ токмо Оды, хотя на Россїискій нашъ и не Стіхами переведены, но какъ на Еврейскомъ всѣ сочинены Стіхами. Увидитъ онъ тутъ и благородство матерїи, и богатство украшенія, и великолѣпіе изображеній; увидитъ мудрое прерываніе разума, а отъ разума не отходящее; увидитъ удивительное вознесеніе слога, и по Ролленневымъ словамъ во втором на десять То́мѣ древнія его Історіи, неисчетное множество живыхъ красотъ и одушевленныхъ. Въ нихъ рѣки возвращаются вспять къ своймъ источникамъ; моря расступаются и убѣгаютъ; холмы, скачутъ; горы таютъ какъ воскъ и исчезаютъ; небо и земля слушаютъ и внушаютъ съ почтеніемъ и въ молчаніи; все естество приходитъ въ движеніе и колеблется отъ лица́ своего Зиждителя: увидитъ он и скажетъ, что то по са́мой истиннѣ есть Божій языкъ. Такова́ долженствуетъ быть совершенная Ода, а особливо благородную матерію воспѣвающая."[93]

Неудивительно поэтому, что он назвал первый и последний опубликованный прижизненный набор своих переложений библейских текстов „Одами Божественными" в 1752 г.; они явно отражали „Божій язык" и ближайший к нему

---

92 Кстати, торжественных од посвященных всевозможным императорам и императрицам , под которыми он жил, он написал значительно меньше, чем его занаменитые соотечественики, а в процентуальном количестве из его целого наследства совсем ничтожное количество.

93 Цитирую по Соч. 1849, т. I, 280-1, сверив и поправив некоторые места по Соч. 1752, т. II, 33-4. (Курсив мой)

эквивалент — язык церковно славянский, к которому в эти годы он вообще стремился.[94]

Неизвестно как далеко зашла его работа над переложением целой Псалтири, которую он начал в 1750-м г.,[95] и почему он выбрал *для* публикации именно десять следующих Псалмов 1, 6, 18, 42, 51, 78, 111, 136, 139, 143 и одиннадцать Псалмических Пѣсен. Однако ясно, что своим выбором он хотел показать все строфические и ритмические возможности, осознаваемые им в то время в двух бинарных метрах, хорее и ямбе, причем в этой публикации была какая то странная упорядоченность: все псалмы были исполнены хореем (что совсем не соответствует распределению в его рукописной Псалтири, в которой ямб и хорей употребляются в переложениях псалмов равномерно), а псалмические песни ямбом. Дело видимо в том, что публикация псалмов является скрытым ответом на публикацию приблизительно такого же количества псалмов Ломоносовым на год раньше, в которой последний употребил почти исключительно ямбы. О том, что дух соревнования, заданный книгой *Три Оды* в 1743 г., оставался в силе, можно судить не только потому, что все псалмы В. Т. написаны хореем, но также потому, что его выбор первого и последнего псалма совпадает с Ломоносовским, и потому, что Тредиаковский перепечатывает (с незначительными изменениями, но с двумя значительными дополнениями, как было сказано выше о падении) целое предисловие 1743-го года к Псалму 143. Ямбом же он перелагает все псалмические песни видимо опять потому, что хочет доказать свое умение и в этом размере.

---

94 См. об этом явлении недавний блестящий труд Б. А. Успенского, Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века. (М.: 1985); особенно стр. 108-131 и 158-199.

95 См. его письмо к Разумовскому у Пекарского, 173. До этого времени, он также соприкасался с псалмами редактируя *Історіческое и Словѣсное ПсалмовЪ ИзЪясненіе* Ивана Горлицкаго, законченное в Спб.: 1741, но так и не дождавшееся публикации, как и его собственная Псалтирь. Рукопись Горлицкого с примечаниями на полях рукою Тредиаковского (как было установлено Е. Бешенковским) до недавнего времени находилась в магазине Руссика в Нью Йорке. Где она теперь мне неизвестно, но поль зуюсь случаем высказать просьбу о сообщении ее местонахождения.

Но если в Сочинениях 1752 г., у него могли быть в некотором смысле ограниченные цели, скажем просветитель ского характера, да и ограниченные самим объемом публикации, в которую он старался вложить как можно боль ше разных примеров из своей литературной деятельности, то в Псалтири, законченной на год позже, он, конечно, стремился достичь чего то значительно большего. В ней он не только хотел показать действительное значение своей реформы русского стихосложения в Способе 1735 г., не только указать на свои заслуги перед отечеством в качестве историка, переводчика, теоретика литературы, филолога и ученого, но и показать свою роль как поэта. Поэтому он в предисловии подчеркивает вдохновляющую природу поэзии Псалтири и создает пламенную, звучащую как барочная проповедь, апологию псалмов, выявляя свое личное к ним отношение:

> Все обоняю въ Псалмахъ Велико, Величественно, Велелѣпно! Все дышущее Божіимъ Духомъ, благоухающее Святостію, и вѣщающее Божественнымъ краснорѣчіемъ ощущаю! Въ нихъ красуется Небо съ златозарными Свѣтилами, и съ силами Полковъ и Круговъ ихъ неисчетныхъ; въ нихъ шумно рыщетъ, въ торжественномъ возмущеніи, воздухъ съ тучами, съ громомъ, съ молніями; въ нихъ земля въ заклепахъ своихъ и твердыняхъ, съ горами и холмами скачетъ; въ нихъ море съ безднами играетъ, а рѣки и источники въ веселіи плещутъ; въ нихъ огнь и са́мый Еѳиръ ликовствуетъ бурно; въ нихъ вся Тварь, весь родъ вещества, все Естество, въ превыспреннихъ мѣстахъ и преисподнихъ, трепещетъ присутствія Владычня, трясется отъ облистанія Его, внемлетъ въ ужасѣ мановеніе вседержавныя Десницы, въ страхѣ чуди́тся всемогущей Силѣ, отъ непостижимыхъ судебъ премудрости Его оцепенѣваетъ, неизреченную Благость превозноситъ, предъ Вѣличествомъ Его благовѣетъ: въ нихъ все хвалитъ Го́спода, и хвалится са́мо свои́мъ превеьрховнымъ Содѣтелемъ и Царемъ.[96]

---

96 Стр. 4-5 наст. издания. Первое издание Предуведомления к Псалтири и нескольких ранее неопубликованных псалмов (14, 81, 103, 116 и 145) с примечаниями А. Б. Шишкина находится в *Венке Тредиаковскому*

Такая высокая поэтика псалмов может быть воссоздана для русского народа, продолжает В.Т., только при помощи экспрессии лирического стиха, которому именно он положил начало, и который отсутствовал, как он думает, и в древние времена и во времена Симеона Полоцкого, переложения которого вряд ли справились с непосильной для него из-за системы стихосложения задачей:

> Преложение Сімеона Пóлоцкаго, есть не токмо не Лíрическое, но и какова бЪ было изЪ Поэзіи вида, определить не безЪ трудности; а что притомЪ-онó-еще какЪ-вездѣ, такЪ и вЪ Сáфіческой его Строфе не Стихами, [выключая Рíфму, которая-отнюдЪ не составляетЪ Стіха по внутренности, но извнѣ токмо украшаетЪ оный], о томЪ ужé между искусными нѣтЪ ни малаго сомнения. Сие впрочемЪ сказано не вЪ укорЪ Чеснóму и Ученому Мужу, успшему ужé о Господѣ: я вѣдаю, что-о-мéртвыхЪ или ничего, или сЪ похвалою говорить должно. Но понеже вЪ его время Стихотвореніе наше не имело-еще ПравилЪ, нé-было приведено вЪ порядокЪ; то каждый не можетЪ не чувствовать, что недостатокЪ былЪ сЪ нашея стороны, а не вЪ немЪ: Благоговейный оный ІеромонахЪ такимЪ прелагалЪ СтіхомЪ, какой-индѣ, тамЪ свойственный, отЪ своихЪ воспріялЪ Учителей, видя что-у-насЪ-сóбственнаго тогда не обрѣталось.[97]

В некотором смысле Тредиаковский соревнуется с Полоцким так же, как последний соревновался с Яном Кохановским, Псалмы которого распространялись в России в семнадцатом веке.[98] Даже их аргументация для создания

(Волгоград, 1976), 3-15, но страдает большим количеством типографских ошибок. Поэтому привожу все цитаты из Псалтири В.Т. по наст. изданию.

97 Стр. 3-4 наст. издания.

98 А. В. Позднеев отмечает, что из 14-ти самых популярных польских псалмов в рукописных песенниках и сборниках XVII века, все принадлежали Кохановскому. См. его неопубликованную диссертацию *Рукописные песенники XVII-XVIII вв.- Из истории силлабической поэзии* (М.: 1956), стр. 21.

Псалмы Полоцкого, в свою очередь вытеснили польские духовные стихи из рукописных сборников XVIII века и скоро почти не стало такого песенника,

своих собственных вариантов Псалтири похожа. Если Полоцкий жаловался в „Предисловии к Благочестивому читателю" , что многие обитатели Руси „обыкоша тыя псалмы [полския Псалтири] пѣти, рѣчей убо мало или ничтоже знающе",[99] то Тредиаковский уже жалуется на непонимание даже церковно-славянских псалмов обитателями той же Руси, которые „какЪ-отЪ-на́выка кЪ борзому прочтенію ПсалмовЪ, во́здухЪ токмо бія своими изглашеніями безЪ разуменія, такЪ другіи и отЪ пренебреженія, слыша ежедневно ихЪ читаемыхЪ, и тѣмЪ бутто бЪ нѣкоторую вЪ нихЪ сытость собою вложившихЪ, и дающихЪ ужé увѣтЪ кЪ отвращенію отЪ многократного повторенія."[100] Оба они также надеются, что их Псалтири послужат поводом к домашнему чтению и пению и люблению псалмов. Тредиаковский тоже выражает желание, чтобы его псалмы были положены на музыку, причем примечательно, что он себя самого считал компетентным в этой области:

> „Было вЪ мысли, положить каждый ПсаломЪ на РаспѣвЪ. Но сіе много бЪ у меня отняло времени, надобнаго мнѣ, по должности, на другое ну́жнѣйшее и полезнѣйшее. Того ради, препоручаю при́кладЪ голосовЪ другимЪ, имѣющимЪ дарЪ Мусікійскаго творенія."[101]

В случае достижения такой цели, Тредиаковский надеялся, что его Псалтирь станет нормативным поэтическим текстом своего времени, как были в свое время Псалтири Симеона и Кохановского, также положенные на музыку. Но если его Псалтири было суждено стать таким памятником и единственной Псалтирью на Руси, как он думал, способной выразить элементы Божественного красноречия и велелепия, то в ней же приличествовало ему выступать не только в качестве поэта (способного также, и это важно, творить

в который они бы не вошли, как отмечает И. З. Серман в „*Псалтырь рифмотворная* Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.", *Т.О.Д.Р.Л.*, XVIII (М.-Л.: 1962), 224

99 Полоцкий, 1953, стр. 213.

100 Стр. 6 наст. издания.

101 Стр. 8 наст. издания.

музыку),[102] но и теологически подкованного ученого, в некотором смысле заменяющего ранних толкователей псалмов — святых отцов Церкви, одного из которых, св. Аѳанасія, он упоминает в самом начале Предуведомления, и на авторитет которого он ссылается как на окончательный. Тем не менее, он дает свои собственные вступления к каждому псалму (которые он, кстати, не включил в Соч. 1752), зачастую дающие читателю понятие об энциклопедических знаниях автора, (напр., перед псалмом 119, где он объясняет происхождение названия ПѢсенЪ Степеней): в других случаях они подготавливают читателя к изменениям проделанным автором в тексте, как например во втором псалме, где он заменяет каноническое чтение библейского текста каноническим пониманием этого псалма Православной Церковью, и в первой же строфе упоминает имя Христа, превращая ее таким способом в анагогический текст:

ПСАЛОМЪ II.

ДавідЪ показываетЪ симЪ ПсалмомЪ достовѢрность свою, что-намѢреніе Царей и НародовЪ, противившихся ему, будетЪ тщетно, и что, несмотря́ на ихЪ стремительство, БогЪ, помазавшій его вЪ Царя, утвердитЪ ему Царство. УвѢщаваетЪ онЪ ихЪ, покориться воли Божіей, и ему служить, дабы не навесть имЪ на себя мщенія Его. Сей ПсаломЪ есть Пророческій, и возносится кЪ Го́споду нашему ІисусЪ-Хрісту.

Почто Язы́ки возмутились?
Народы взяли вЪ мысль тщету?
Цари земли́, на злобу ту,
Предстравши сЪ Князи сЪединились
На Го́спода толь Своего,
И купно на Хріста Его!

Служат Тредиаковскому эти своеобразные вступления и для других целей. Он пользуется ими для определения их бывшей жанровой принадлежности такими изЪяснениями как „сей псаломЪ есть Молитва" (пс. 3, 16, 60 итд.), „сей псаломЪ есть Ученіе" (14), „ПѢснь благодарственная" (17), „Похвала" (102) или „Наставленіе" (31). Он их употребляет и для изЪяснения, как он говорит, „литеральной силы" псалмов, так как его переводы вносят целые пучки новых смысловых

---

[102] Здесь стоит вспомнить его „Мненіе о началѢ Поэзіи и СтіховЪ вообще" в Соч. 1849. 188

ассоциаций, трансформирующих, путем их новой поэтизации, канонический смысл текстов. Предисловия также служат определенным ритмическим элементом целого произведения, прерывающим поэтическую речь псалмов отступлениями в прозе (графически и стилистически похожими друг на друга, как похожи все строфы в его поэтической речи), в которых именно в духе XVIII века, автор как бы наконец получает возможность доказать, свое право, — свою авторитетность писать, творить этот труд.

Словом, в предисловиях, как и в самом Предуведомлении, Тредиаковский создает голос начитанного поэта — ученого, которому читатель может доверять и сердцем (в поэзии) и умом (в прозе), выступающего также в ролях слуги общества (алчность и любопытность общества к его трудам упоминается не раз), филолога — собирателя древних знаний истины-слова, путем выбора достовернейших переводов ѱалтири (он упоминает семидесятную Псалтирь, латинский и французский переводы еврейской Псалтири, послужившие ему в качестве источников) и даже богослова — ревнителя Истины (см. напр. такие слова в Предуведомленіи [с. 6]: „Самыи оныи буйныи духи, высокоумно БогоборнымЪ невѣріемЪ дмящіися, и дерзосно нечестивое свое самомнѣніе изрыгающіи, способнѣе медомЪ СтіховЪ усладиться могутЪ, и равно жЪ чтеніемЪ ПсѧлмовЪ преклониться кЪ Истиннѣ, видя свѣтозарныи Лучи ея блистающіи вЪ нихЪ повсюду, и покланяемыи слѣды Божествѧ; да и быть учасникѧми Свѣтѧ, можетЪ быть и признавши, вЪ тайности своего се́рдца, густоту миракѧ, или и слѣпоты своея всеконечныя“).

В самих стихах, к этому уже многогранному портрету автора добавляется еще один немаловажный контур — в них он выступает в маске самого Давида, Поэта и Царя! Какому либо человеку, невольно запомнившему хоть некоторые, черты биографии Василия Кирилловича, которого избивали палками, над кем издевались публично, кого осмеивали в комедиях и других стихотворных произведениях, кто сам чуть не сгорел от пожара и кто умер в конце концов в крайней бедности, — такая маска может показаться крайне неподходящей. Но такова уж сила литературного действа: эта маска с ним сливается по тем же причинам, по которым не чувствуется

излишней натянутости, когда юный Пушкин выступает в своих стихах в позе человека пожилых лет. Но вписывается она в портрет Тредиаковского также потому, что автор не только был гоним и по настоящему страдал, как был гоним Давид, но и находит новый эквивалент языку Давида, способный выразить эти страдания, да не только страдания, но и похвалы своему видно единственному, не покинувшему его в эти годы, сообщнику-Богу.

Как и Ломоносов до него, Тредиаковский беспокоится о том, как передать наиболее точно и ясно первичный „разум" (смысл) оригинала,[103] сохраняя при этом принципы Божественного краснорѣчія. Но в результате этих чаяний он вовсе не стремится к сокращению тропной экспрессии и к экономии в воспроизведении повторных мест оригинала, характерных качеств в переложениях его соотечественника;[104] наоборот, его псалмы как бы замедляют изложение всего поэтического материала, постоянно возвращаются к теме или к данному образу путем синонимных предложений, инверсий отдельных словосочетаний или целых стиховых строк, его слова обыгрывают схожие корни, семантику, омонимность. Повторяя некоторые опорные пункты его поэзии, эти приемы вовсе не несут функцию рефренов, - собственно говоря мы здесь даже не имеем дело с повторением, а с раздвижением семантики слова путем вечно изменяющихся нюансов значения. Проследим это на примере первой строфы из псалма 107:

Мое готово сердце, Боже,
Готово, Боже, сердце все;
Хваленіе пою я се,
И воспою во славѣ тоже:
Встань съ гусльми Арфа днесь моя́,
И самъ востану рано я.

Почти каждое слово в этой строфе получает дублетную форму на семантическом, грамматическом, фонологическом или

---

[103] См. часто приводимое письмо Ломоносова к Татищеву 1749 г., в котором он выражает „опасеніе...дать в преложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стіхи въ переводѣ имѣютъ," приведенное в его *Полном собрании сочинений*, X (М.-Л.: 1950-83), 462.

[104] Совсем не характерных, однако, в его светских одах.

морфологическом уровнях, создавая этим мастерски сплетенную ткань взаимопроникающих ниток значения: *мое - моя* (ст. 1 и 5); *готово* - дважды (ст. 1 и 2); *сердце* - дважды (ст. 1 и 2); *Боже* - дважды (ст. 1 и 2); *все - се* (ст. 2 и 3); *хваленіе - славе* (ст. 3 и 4); *пою - воспою* (ст. 3 и 4); *я* - дважды (ст. 3 и 6); *и* - дважды (ст. 4 и 6); *воспою - востану* (ст. 4 и 6); *и - тоже* (с. 4); *встань - востану* (с. 5 и 6); *гуськими - Арфа* (ст. 5); *днесь - рано* (ст. 5 и 6); *моя - я* (ст. 5 и 6); *сам - я* (ст. 6), не говоря уже о рифмах и внутренних рифмах. Заметим также, что строфа состоит из трех парных инверсий,

Мое готово сердце, Боже, —
Готово, Боже, сердце все;

Хваленіе пою я се, —
И воспою во славѣ тоже:

Встань сЪ гуськими Арфа днесь моя́, —
И самЪ востану рано я.

вторая и третья из которых подчеркивают импульс рефлексии заданный первой, исполняющей как бы роль поднимающейся (в первом стихе) и падающей (во втором) аппогиатуры. Этот принцип рефлексий, на уровнях слова, стиха нас заставляет, в свою очередь, пересмотреть строфу не только со стороны обычной динамики стиха, обыкновенно ощущаемого в плоскости продвижения по горизонтали [т.е. вперед и назад, как напр. стопа идет за стопой, слово за словом, рифма за рифмой, и тоже напрашиваются на *следующее* их исполнение или неисполнение], но и по вертикали: все три парные инверсии, их образы, словесные дублетные формы, путем постоянных воссозданий их семантики, ритмики итд., дают ощущение их *одновременного* действа на уровне целой строфы, будто Тредиаковский пишет контрапунктом, т.е. будто он видит целую строфу и сверху и вниз, где каждый из ее стихов может быть пет одновременно другим голосом. Конечно, исполнение такого замысла просто даже физически невозможно воспроизвести при чтении одним человеком, но последнее слово в последнем стихе — личное местоимение „я“, заставляет читателя, путем мысленной рефлексии, вернуться к первому слову первого стиха — к местоимению „мое“ и

заново понять строфу, как одно целое, теперь уже по ее вертикальной оси, связанное не только местоимениями *мое - я - моя - я*, но и градацией глаголов *пою - воспою - встань - востану*, рифмами, образами, итд..

Такой принцип повторений, раздвигающий основные понятия употребляемых им образов, категорий слова, итд. на уровне строфы присущ целой его Псалтири. Вернемся ли мы к предыдущей цитате первой строфы из Псалма 2, в которой повторы опять производятся на всевозможных уровнях (см. парные осмысления Стихов 1-2, 3-4, 5-6, или дублеты на уровне семантики слова *Языки-Народы, Цари-Князи, Господа-Хріста*), или выберем наугад первую строфу Псалма 141,

Я кЪ Господу вЪ гласѣ вопіялЪ;
Я кЪ Богу гласомЪ помолился:
ПредЪ НимЪ мольбу я проліялЪ,
ОнЪ о печали-бЪ извѣстился.

мы увидим одно и то же: дублеты на уровне семантики в горизонтали *Господу-Богу, гласѣ-гласомЪ, вопіялЪ-помолился, помолился-мольбу*, итд.; или градации по вертикали на уровне местоимений *Я-Я-НимЪ-ОнЪ*, имен существительных *гласѣ-гласомЪ-мольбу-печали*, глаголов *вопіялЪ-помолился-проліялЪ-извѣстілся*, не забывая о такой ритмической прогрессии образов от стиха к стиху как *Я кЪ Господу - Я кЪ Богу - ПредЪ нимЪ я - ОнЪ*, и других элементов взаимопроникания значений, которые обсуждаются литературоведами более часто, как рифма, эвфония и проч..

В не менее частых случаях Тредиаковский пользуется строфой для расширения библейского стиха в многостишный развернутый образ, как он это делает во второй строфе Псалма 62, в которой он трансформирует изречение „в земли пусте и непреходне и безводне“ в следующую картину:

ВЪ пустой скитаюсь я землѣ,
ВЪ землѣ не токмо непроходной,
Но удаленной и безводной,
Подверженной всегдашной мглѣ,
Не здравой, блатной, и бесплодной.

K. B. Jensen и P. F Møller недавно опубликовали статью, в которой они чутко отметили стремление Тредиаковского к тавтологии.[105] К сожалению, пытаясь сравнить особенности стилей („в разрезе одного и того же времени")[106] участников соревнования 1743 г. (Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова), они отнеслись к стилистическим особенностям Тредиаковского с ненужной предвзятостью, оперируя такими выражениями как „tendency to amplification and tautology" - стремление к амплификации и тавтологии: обе понимаются ими со знаком минуса, „rhetorical profusion and verbocity" (риторическое изобилие и чрезмерное многословие) или „insistent and heavy style" (настойчивый и тяжелый стиль) итд., и все это в главе названной: „Trediakovkij's quantitative rhetoric"[107] (Риторика количества у Тредиаковского [под квантитативной они понимают именно ненужную, излишнюю функцию повторности и амплификации образов]).

Не касаясь вопроса о том, возможно ли по настоящему определить стиль какого либо поэта на примере одного стихотворения, да еще и парафрастического, начнем с того, что нужно относиться с крайней осторожностью к оценке стилистических особенностей такого текста. Ведь повторение, которое зачастую и может нам показаться излишним, есть один из основных приемов ритмики библейских стихов, в которых хвала идет за хвалой, возглас повторяется возгласом, одна молитва льнет к другой, итд., словом в своем переложении Псалма 143, Тредиаковский гораздо ближе к оригиналу и лучше понимает его поэтику в этом аспекте, чем его соотечественники.

Что же касается амплификации образов, изречений итп, то здесь пожалуй и было бы в чем упрекнуть нашего труженника, но только в том случае, если мы полагаем, что обратная функция – редукция, или по крайней мере точность воспроизведения, является нашим идеалом. Но сам автор

---

105 K. B. Jensen and P. F. Møller, "Paraphrase and Style," *Scando-Slavica*, XVI (Copenhagen: 1970), 57-73.

106 там же, на стр. 58 они пишут: "We feel that the three paraphrases of the same model provide us with a rare opportunity of examining these three significant poets' style at that particular time."

107 там же, стр. 59

явно не стремился к этому, как видно даже по одной строфе, только что приведенной из Псалма 62. Через амплификацию он вносил свой голос, свое понимание переводимого текста, иногда даже откровенно наивным тоном, как в Псалме 71, в котором он переводит стих „снидетЪ дождь на руно, и яко капля каплющая на землю“ следующей четвертой строфой:

КакЪ-дóждь онЪ снидетЪ на руно,
Или какЪ-дóждичекЪ росистый
На-лýгЪ, гдѣ-было кошенó,
И нáчалЪ паки быть травистый.

В большинстве же случаев, Тредиаковский старался дойти до предела возможных моральных и философских потенций текста, как в Псалме 118, где его не устраивает уже насыщенное аллегорией изречение „свѣтильникЪ ногáма моима закóнЪ твой, и свѣтЪ стезямЪ моимЪ“, которое он трактует следующим образом в начале тридцать пятой строфы:

Твой ЗаконЪ мнѣ есть Фанарь,
ОнЪ моимЪ ногамЪ СвѣтильникЪ;
Лучь же отЪ его всѣхЪ зарь,
СвѣтЪ стезямЪ, кЪ дѣламЪ БудильникЪ;...

Заметим, однако, что он сохранил почти каждое слово оригинала, что для него довольно типично, но добавил образы фонаря, луча льющегося от всех зарь Свѣтильника - Закона и будильника к делам. Похожее дополнительное поучение он вкладывает в Псалом 116, который нам также дает возможность снова сравнить решение этого Псалма с участниками диспута 1743 г., Ломоносовым и Сумароковым. Добавим еще, для боль шей наглядности, канонический текст и переложение Полоцкого:

Канонический текст Псалма 116:
Хвалите Господа вси̑ іазы́цы,
похвали́те его вси̑ лю́діе:
іакѡ оутверди́ся ми́лость егѡ на нáсЪ,
и и́стина Господня пребываетЪ во вѣкЪ.

Переложение о. Симеона Полоцкого:

Хвалите Господа вси міра языцы,
Хвалите вси имя Его человѣцы:
Яко милость Его на насЪ утвердися,
Истина Господня вѣчна сотворися.

Преложение М. Ломоносова:

Хвалите Господа, всея земли языки
Воспойте Вышняго, вси малы и велики,
Что милость ОнЪ свою вовѣкЪ поставилЪ вЪ насЪ
И истина Его пребудетЪ всякїй часЪ.

Преложение В. Тредиаковского:

Хвалйте Гóспода Народы,
Воздайте всѣ хвалу Ему:
Его на всѣхЪ насЪ по всему
УжЪ утвердилась Милость вЪ роды:
Господь правдивЪ не такЪ, какЪ-всякій человѣкЪ!
Вертяйся значкомЪ отЪ погоды;
Но истинна Того вЪ весь пребываетЪ вѣкЪ.

Преложение А. Сумарокова:

Последние четыре стиха стихотворения:

ИЗЪ 115 - 116 ПСАЛМОВЪ.[108]

Лжи со смерти я не буду
И лукавства почитать:
Щастїя искати стану,
ВЪ добродѣтели одной,
И за истинну святую,

---

108 Печатаю по *НѣкоторымЪ ДуховнымЪ СочиненіямЪ* общей пагинацией идущими с книгой *Стихотворенія Духовныя* (Спб.: [1773-]4), 249. Это последнее прижизненное издание Псалмов автора нужно принимать за окончательное и именно оно будет основой для переиздания всей духовной поэзии Сумарокова в предполагаемом мной втором томе настоящей серии. В первом томе *Полнаго Собранія ВсехЪ Сочиненій...А. П. Сумарокова* (М.:1781), ПсаломЪ 116 отделен от Псалма 115 Новиковым, как он делает это со всеми псалмами объединенными названиями такого типа, разрушая не толь ко единство замысла таких произведений, но и присущие некоторым из них акростихи, что конечно является грубым нарушением воли автора. Для упрощения сравнения отдельных переложений псалма 116 разных авторов, я выделил Сумароковский эквивалент этих стихов курсивом, который отсутствует в его книге.

Не страшуся умереть:
Славьте Бога о народы,
Небеса гласите то жь,
Суша воздухЪ огнь и воды,
И погибни вЪ мирѣ ложь!

Такие сравнительные примеры крайне поучительны и удивительно, что филологи, касающиеся истории русского *литературного* языка, до сих пор не принялись за изучение постепенных изменений в лексике переводов Псалмов, которые часто дают возможность для такого рода изучения буквально по десятилетиям XVIII и XIX вв. Не представляю себе возможным касаться этого вопроса здесь, но не могу не отметить интереснейшую трансформацию в развитии образа от канонического *вси языцы* через Полоцкого *вси мира языцы* и Ломоносовского *всея земли языки*, подменой Тредиаковским слова языцы словом *народы* и до Сумароковского расщепления этого образа в три отдельных стиха, в первом из которых он сохраняет изменение введенное Тредиаковским (*народы* вм. языцы), в третьем он заменяет нововведенное слово Ломоносовым земли словом *суша*, и в четвертом использует слово мiр добавленное первоначально Симеоном для заполнения точного счета слогов в силлабической строке, но теперь уже в совсем другом контексте. Заметим, как, казалось бы, совсем невинное внесение Симеоном одного слова в канонический текст псалма, первоначально ничего существенно не изменившее в его значении, оказалось достаточно важным и именно оно привело к тому, что на уровне лексики в переложении Сумарокова не осталось ни одного слова оригинала кроме союза „и". Но и на уровне семантики у Сумарокова осталось мало общего с первоначальным значением. Он устранил обратное построение силлогизма, присущее этому Псалму и замеченное Ломоносовым[109], заменив его всеобщим тоном похвалы. Кроме того, сама

---

[109] См. его „Краткое руководство к красноречию" (в Полном..., 7, стр. 315) под § 269, где он приводит этот Псалом в пример такого Силлогизма, в котором „следствие" приводится перед „причиной". Кстати удивительно почему этот Псалом почти никогда не приводится в собраниях сочинений автора (кроме *Полного* мне неизвестна ни одна его новая публикация). Ведь он нам дает редчайший пример употребления Ломоносовым шестистопного ямба в четырехстишной строфе.

похвала расширилась образами небес, суши, воздуха, огня и воды, т.е. образами четырех элементов и неба, столь важных для масонства, что можно с уверенностью говорить о внедрении этой философии в Сумароковское переложение.[110] Нам также никак не должно быть безразличным то обстоятельство, что в его обработке Псалом перестал существовать как отдельное произведение, а слился с Псалмом 115 в своеобразное лирическое стихотворение, которому автор дал название „изЪ 115-116 псалмовЪ" и в котором теме 116-го псалма уделено последних четыре стиха.[111] Наконец, все еще говоря о Сумарокове, отметим его интересное ритмическое решение стихов чередующих четырехстопный хорей в нечетных стихах начиная с первого и трехстопный ямб с постоянной анакрузой в четных. Конечно, все четные стихи можно было бы рассматривать и как продолжение четырехстопного хорея с постоянным пиррихием на первой стопе и усечением на последней, но ударения на последнем слоге настолько регулярны в четных и на первом слоге в нечетных стихах, что их невозможно читать иначе как постоянным чередованием падающей и поднимающейся интонации, к эффекту которой он явно стремится. Видно уроки о падении Тредиаковского прошли недаром.

Но если у Сумарокова можно заметить интересное явление на уровне ритмики стиховой строки (интерес этот типичен для всех его духовных сочинений), то строфикой он явно интересуется меньше.[112] Что же касается

---

[110] См. об этом вопросе мою пока предварительную статью "Masonic Elements in Russian Eighteenth-Century Religious Poetry (Preliminary questions and observations with particular regard to the theoretical stance and practice of Sumarokov and Kheraskov)," (читанную на Третьей Международной Конференции Группы по Изучению XVIII века в России в Урбане), опубликованную в сборнике *Russia and the World of the Eighteenth Century*, Edited by R. P. Bartlett, A. G. Cross, K. Rasmussen (Slavica, Columbus, Ohio, 1988), стр. 419-436.

[111] Название „изЪ псалма..." автор применял часто в своих переложениях отдельных псалмов и в его сознании оно получило статус жанрового определения уже в конце 50-х годов (См. об этом пока мою диссертацию).

[112] Его переложение можно, конечно, условно, понимать как своеобразную строфу, в которой первых шесть стихов находятся без рифменных окончаний а последние четыре снабжены рифмой, но скорее он создал это решение, чтобы хоть условно оставить в силе деление таких разнородных произведений, какими являются 115-й и 116-й псалмы. Во всяком случае именно такой строфы не найти в его трудах.

Тредиаковского, то самая наглядная разница, отделяющая его переложение от других четверостиший, это тот факт, что его переложение является строфой. Сохраняя основные лексические импульсы канонического звучания текста в начале и конце строфы („Хвалите Господа“ и „пребываетЪ вѣкЪ“), он расширяет внутреннюю часть Псалма почти вдвое и вкладывает в псалом наставление о разнице между правдой человека и истиной Бога. Конечно в этом утверждении Тредиаковский совсем не оригинален и повторяет традиционное осмысление этой разницы, но спрашивается, почему ему понадобилось включить такое учение в незначительный по размеру Псалом. Ответ тут видимо, очень простой: ему захотелось превратить этот Псалом в значитель ный и по форме и по содержанию. Последнего он достигает нарочитым развитием обратного силлогизма, который у него гораздо более развит чем у Ломоносова, а первое у него подчеркнуто метаморфозой простого четверостишия в нарядную, семистишную и непростую, в стиховом отношении, строфу. Таким образом перед нами действительно амплификация, но конечно не ради самого принципа расширения, но ради перенесения этого Псалма обратно — в сферу поэтического искусства, к которому этот кажущийся „незначительным“ Псалом раньше принадлежал у Евреев, но которое, как думал автор, было потеряно в древнерусской традиции переводов Псалмов.

В других отношениях переложение этого псалма сохраняет принципы организации намеченные нами раньше. Почти каждый стих разрабатывает в своей потенции возможность конечного противопоставления правды человека истинѣ Бога на двух осях эквивалентов сферы Бога (словами Господа - Ему - Его - Милость - Господь - Того) и сферы человека (Народы - всѣ - всѣхЪ насЪ - Роды - человѣкЪ - зна́чкомЪ), сохраняя при этом и повторения, присущие оригиналу, и добавляя к этому эффекту взаимопроникания перекрестную и смежную рифму. Строфа таким образом опять выступаетЪ в подобии сочинения, писанного контрапунктом.

Судя уже по данным примерам мы легко убеждаемся, что в своей работе над псалмами В.Т. пользовался

определенной системой в построении строф. Их нельзя читать быстро и, с одной стороны, его искусство можно приравнить к практике вышивания гобеленов, при изготовлении которых каждое движение вперед сменяется обратным ходом и каждый цвет нуждается по крайней мере в двух нитях, для определения его тона. Но с другой стороны движения его синтаксического хода не напоминают равномерного качания рук мастериц этого дела, постепенно расширяющих свой узор — у него руки часто прячутся за ковром и картина срастается с разных сторон в неожиданных рывках коллизий и инверсий значения, да и нити слов его разношерстные. Он вообще не стремился к однообразию, он не верил в системы, не знающие исключений (в этом смысле его Способ 1735 дает наглядную иллюстрацию), он бы вероятно заболел в комнате обставленной строгим ампиром, и умер бы на месте взглянув на курятнико-коробочную архитектуру новых жилищных комплексов Москвы. Л. Тимофеев, касаясь его стилистических предпочтений затронул этот аспект мышления В.Т. следующим образом:

> В отличие от Ломоносова, стремившегося к строгому единству стиля, что так отчетливо и сказалось в его теории трех стилей, Тредиаковский стремится к многостильности речи, причудливо обЪединяя и архаизмы, и просторечья, и неологизмы и т. д., теоретически обосновывая эту позицию в «ПредызЪяснении» к «Тилемахиде».[113]

Не совсем соглашаясь с термином „многостильность речи“ (так как в это время не существовало главенствующего единого стиля речи) употребленным Тимофеевым и также с тем, что он не упомянул фонда церковно - славянского языка (столь важного элемента в лексике В.Т.) в своем перечислении, мы все же должны согласиться с его основным замечанием, примеров которому в Псалтири В. Т. много и не стоит их здесь даже приводить. Важнее, однако, понять, что в представлении Тредиаковского именно искусство мастера стихотворной формы позволяло отделить принципы Божественного Красноречия от простой речи, а не лексический состав его речи сам по себе и, в этом смысле,

113 Избр., 1963, 45

теория штилей Ломоносова была ему эпистемологически чужда. Речь Пiиты, имеющего возможность диалога с самим Богом, должна быть передаваема методом как можно более затрудняющим упрощенное понимание такого отношения, как напр. в первой строфе Псалма 130:

О! Господи, не вознеслось
Мое внутрь сердце, ни взноситься
Очами мнѣ когда-далóсь;
Не тщался годрымЪ разгласиться.

Такая нео-горацианская сложность в синтаксисе В.Т. достигла своей цели: *читать* его стихи в популярном представлении его же времени было настолько трудно, что стать народным поэтом ему вряд ли когда либо было суждено в этом разрезе понимания. Но это только исключительно с точки зрения осмысления его Псалмов как чтения. Собственно говоря, читала стихи такого рода только незначительная прослойка образованного населения и, к несчастью Тредиаковского, далеко не так хорошо начитанного, как он. Именно эта среда, недопоняв мастерства Василия Кирилловича, обратила свое непонимание в злую насмешку и променяв его гобелены слов на коврики, подражающие более доступным им образцам, сбросила его имя в небытье.

Но так наз. простой народ, как доказала уже Ливанова, высоко ценил мастерство Тредиаковского и в этой среде Тредиаковский был более ценим, чем все его высокопоставленные соотечественники. Эта среда легко ощущала музыкальную сторону лирики его стихов и путем музыкального ее оформления по-видимому понимала и его поэтику. Все его псалмы, доступные народу, были распеты и стали в свое время достоянием народной культуры. Распели бы и его Псалтирь, если бы она была доступна. Недоступной она стала потому, что против Тредиаковского обернулась не только прослойка полуобразованного дворянства, принявшего его литературные распри с Сумароковым на свой счет, но и такая же прослойка в церковных кругах при Синодальной типографии. Именно они действуя совместно, сверху, наложили запрет не только на Псалтирь и Феоптию.

Двадцатый век отнесся к Тредиаковскому значительно лучше, чем его современники, которые терялись в лабиринтах барочной поэтики первого русского ученого из „низов“, открывшего новый путь для русской поэзии. Но принял ли этот же век Василия Кирилловича как поэта? Обыкновено об этом его качестве говорится только с оговорками и, насколько мне известно, его Тилемахиду знал наизусть один лишь американец, удивляя этим покойного Беркова. А значение Псалтири, — квинтэссенции его лирики, воспроизводящей, как он понимал, должные элементы Божественного красноречия, будет определяться читателями, отделенными от ее создателя периодом в два с половиной века. Вряд ли это справедливо по отношению к этому трудолюбивому филологу - поэту, стоявшему у порога новейшей русской литературы, двери истории которой он сам открывал. Нам придется поучиться у него именно чувству вкуса, как видно из качества десятков томов, переведенных им для русского поль зования — десятков томов совсем других достижений и форм эстетики, чем та, которая господствовала в его время в России и обусловленных его глубоким пониманием других культур и необыкновенного чутья при передаче их языковых особенностей. Конечно же этот человек был поэтом: только ход его поэтического мышления настолько оригинален, что потребует от нас не меньших усилий для адекватного восприятия его сути, чем сам Василий Кириллович применял для понимания поэзии других стран.

ДОБАВЛЕНІЕ
к Предисловію и к Приложенію I

ПСАЛОМЪ 143
в нотныхЪ изложеніях середины XVIII в.[114]

ПСАЛОМЪ 143 СУМАРОКОВА

БЛАГОСЛОВЕН ТВОРЕЦ ВСЕЛЕННОЙ

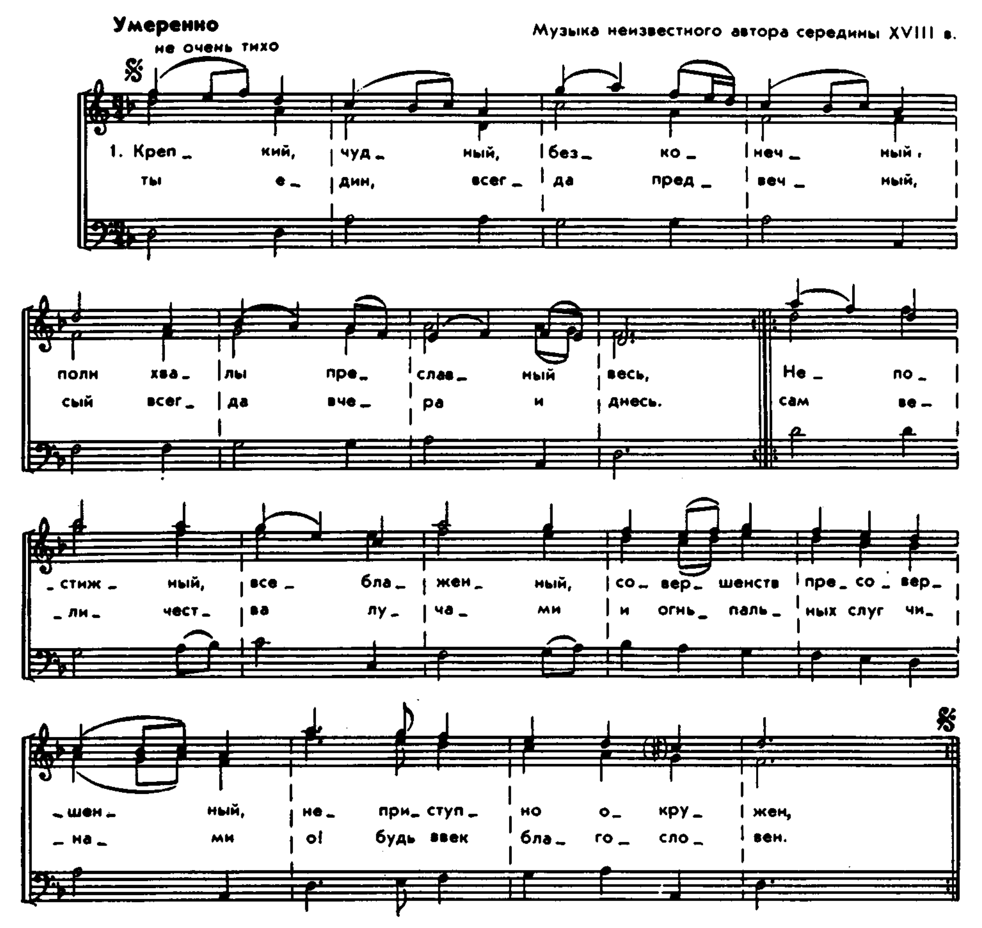
2. Защитник славы я сей груди невидимой свой рукой,
Тобой почтут мои мя люди, подвержены под скипетр мой.
Правитель бесконечна века, кого ты помнишь человека.

3. Его весь век, так тень, преходит, всегда его есть суета,
Как ветер пыль в ничто приводит, так гибнет наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешь, какой ты прах днесь прославляешь?

---

114 Все три примера переложений псалмов Сумарокова, Тредиаковского и Ломоносова в музыкальном оформлении XVIII в. приводятся по их первой публикации в книге В. Копыловой, *Избранные русские канты XVIII века.* (Музыка, Л., 1983), стр. 58 (псалом Сумарокова), стр. 34 (псалом Тредиаковского) и стр. 41-42 (псалом Ломоносова). Пользуюсь лишним случаем выразить благодарность В. Копыловой за разрешение использовать эти ноты. Полные тексты псалма 143 даны в Приложеніи I. Кстати, совсем не исключено, что музыка в псалме Тредиаковского принадлежит самому автору, так как она действительно подчинена аспектам его осмысления *падения*, изложенным выше.

КРЕПКИЙ, ЧУДНЫЙ, БЕЗКОНЕЧНЫЙ



2. Кто ин толь бы храбро руки без тебя мне ополчил?
Кто б и пращу, а не луки в брань направить научил?
Всуе меч извлек я тщетно, ни копьем сразил бы метно,
Буде б ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя, слабость мышцы укрепляя,
Сил правдивых, правды бог.

3. Ныне круг земный да знает милость всю ко мне его;
Дух мой твердо уповает на заступника сего.
Он защитник, покровитель, он прибежище, хранитель,
Повинуя род людей.
Дал он крайне мне владети, дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

ПСАЛОМЪ 143 ЛОМОНОСОВА

БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ МОЙ

2. О боже, что есть человек, что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь, котораго толь краток век.

3. Он утро, вечер, ночь и день во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит, подобно как пустая тень.

Стиховъ начавшаго двойной прежде всѣхъ въ Россіи,
Взоръ художествомъ черты представляютъ сіи;
Онъ есть Тредіаковскій, трудолюбный филологъ,
Какъ то увѣряетъ съ мѣрой и безъ мѣры слогъ;
Почести лишилъ его отрадъ коль ни тщила.
Но воздастъ ему вѣнокъ грядуща похвала.

ELISABETA PRIMA,
Imperatrix et Autocratrix
Omnium Russiarum

ЦРЬ·ДВДЪ

ПСАЛТИРЬ
ИЛИ
КНИГА
ПСАЛМОВЪ
Блаженнаго Пророка и Царя
ДАВІДА

преложе́нныхъ
ЛІРІЧЕСКИМИ СТІХАМИ
и
умноженныхъ
ПРОРОЧЕСКИМИ ПѢСНЬМИ
отъ

Васілья Тредіаковскаго

****

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1753

Псалтирь

или

Книга

Псалмовъ

блаженнаго пророка и царя

Давіда

преложенныхъ

Ліріческими Стіхами

и

умноженныхъ

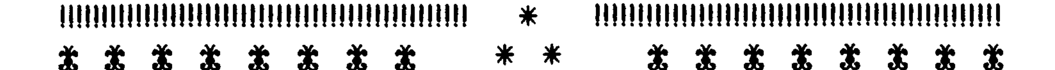
Пророческими Пѣсньми

Отъ

Васілья Тредіаковскаго

Въ Санктпетербургѣ

1753.



ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

О Важности Давідовыхъ Псалмовъ, и пользѣ отъ нихъ Душевной, не меньше продерзосно, коль-было бъ-излишно, предлагать пространно во Святомъ Аѳанасіи, Архіепіскопѣ Александрійскомъ. Сей Богомудрый Святитель, пиша кь Маркелліну о толкованіи Псалмовъ, изъяснилъ все, что-до-ни́хъ касается, и толь, что болѣе о томъ желать, нѣтъ, мнится, потребности. Всякое Писаніе ветхаго и новаго Завѣта, говоритъ онъ съ Учителемъ Язы́ковъ, есть Богодухновенно и полезно къ наученію: каждая въ Обоихъ Книга собственную Повесть произноситъ и возвѣщаетъ. Но книга Псалмовъ, всѣ оные купно, какъ-въ-нѣкоторомъ-Раю имѣя въ себѣ насажденные, пѣснословитъ, и собственную оную каждой Книгѣ изъ всѣхъ, особенно предлагаетъ. Итакъ, раздѣляются Іерархомъ Псалмы, то на произнесенныи въ Історію, то въ утѣшеніе, то въ пророчество, то въ молитву, то въ исповѣдание; изъ которыхъ сіи покаянныи, а тѣ благодарственныи и похвальныи, по различію движеній сердечныхъ. Но изволяющій да чтетъ тамъ обстоятельно всего Псалмамъ претвердаго объясненія дѣло.

Мнѣ должно, увѣдомить токмо Читателей о Причинахъ, которые-меня-возбуди́ли къ преложенію всѣхъ Псалмовъ Стіхами, и совокупно о Способѣ, какой-наблюда́емъ былъ мною въ Преложеніи Оныхъ.

Первая изъ тѣхъ: Подражаніе всѣмъ почитай Хрістіанскимъ Народамъ, по крайней мѣрѣ, населяющимъ Европу. Нѣтъ изъ сихъ ни единаго, у коего Псалмы не-были бъ преложены Стіхами, и Стіхами Ліріческими, какъ-то-и-до́лжно, и Родъ Псалмовъ требуетъ. Но сего са́мого и не-было на нашемъ языке понынѣ, кроме нѣкоторыя частицы. Преложеніе Сімеона По́лоцкаго, есть не токмо не Ліріческое, но и какова бъ было изъ Поэзіи вида, определить не безъ

трудности; а что притомЪ-оно́-еще какЪ-вездѣ, такЪ и вЪ Са́фіческой его Строфѣ не Стіхами, [выключая Ріфму, которая-отнюдЪ не составляетЪ Стіха по внутренности, но извнѣ токмо украшаетЪ оный], о томЪ уже́ между искусными нѣтЪ ни малаго сомнения. Сие впрочемЪ сказано не вЪ укорЪ Чесно́му и Ученому Мужу, успшему уже́ о Господѣ: я вѣдаю, что-о-ме́ртвыхЪ или ничего, или сЪ похвалою говорить должно. Но понеже вЪ его время Стіхотвореніе наше не имело-еще ПравилЪ, не́-было приведено вЪ порядокЪ; то каждый не можетЪ не чувствовать, что недостатокЪ былЪ сЪ нашея стороны, а не вЪ немЪ: Благоговейный оный ІеромонахЪ такимЪ прелагалЪ СтіхомЪ, какой-индѣ, тамЪ свойственный, отЪ своихЪ воспріялЪ Учителей, видя что-у-насЪ-со́бственнаго тогда не обрѣталось.

Вторая причина была: Ревность моя́ кЪ услуженію ОхотникамЪ. Нѣсколько ПсалмовЪ составлено мною, и печатію Обществу по́дано; а числомЪ ихЪ только Десять. Сіи любопытныхЪ СердецЪ не токмо не насытили, но еще-болѣе, чтобЪ такЪ сказать, алчность вЪ нихЪ распалили: пожелали они, чтобЪ имЪ наслаждаться всѣми, составленными равнымЪ о́бразомЪ; а желанія своѣго нѣкоторыи изЪ нихЪ, посѣщавшіи меня по временамЪ, и отЪ меня не скрывали часто. Преисполнились слухи мои повторенія ихЪ, а углубленные рѣчи вЪ сердце, воспламеняли вЪ немЪ гарячесть кЪ начатію.

Они еще́ и еще́ возбуждали меня, что Тре́тіею есть изЪ причинЪ, кЪ предпріятію труда́, и кЪ преложенію всѣхЪ-на-все ПсалмовЪ. КакЪ стало отказаться отЪ удовольствованія, толь достохвальному такихЪ Рачителей вожделѣнію? Чего ради, я имЪ напослѣдокЪ и обѣщался сЪ Божіею помощію, вЪ томЪ служити, и по ихЪ желанію исполнить.

Четвертая: Собственное мое Любленіе ПсалмовЪ. Что бо́лѣе вЪ Псалтирь началЪ я вникать [по случаю CXLIII Псалма, прежде всѣхЪ другихЪ и особенно преложеннаго при нѣкоемЪ любопреніи]; то сильняе отчасу́ сталЪ быть поражаемЪ великолѣпіемЪ Ея слога, и чувствовать Величіе

изображаемыхъ всюду въ ней вещей. Все обоняю въ Псалмахъ Велико, Величественно, Велелѣпно! Все дышущее Божіимъ Духомъ, благоухающее Святостію, и вѣщающее Божественнымъ краснорѣчіемъ ощущаю! Въ нихъ красуется Небо съ златозарными Свѣтилами, и съ силами Полковъ и Круговъ ихъ неисчетныхъ; въ нихъ шумно рыщетъ, въ торжественномъ возмущеніи, воздухъ съ тучами, съ громомъ, съ молніями; въ нихъ земля въ заклепахъ своихъ и твердыняхъ, съ горами и холмами скачетъ; въ нихъ море съ безднами играетъ, а рѣки и источники въ веселіи плещутъ; въ нихъ огнь и са́мый Еѳиръ ликовствуетъ бурно; въ нихъ вся Тварь, весь родъ вещества, все Естество, въ превыспреннихъ мѣстахъ и преисподнихъ, трепещетъ присутствія Владычня, трясется отъ облистанія Его, внемлетъ въ ужасѣ мановеніе вседержавныя Десницы, въ страхѣ чуди́тся всемогущей Силѣ, отъ непостижимыхъ судебъ премудрости Его оцепенѣваетъ, неизреченную Благость превозноситъ, предъ Вѣличествомъ Его благовѣетъ: въ нихъ все хвалитъ Го́спода, и хвалится са́мо свои́мъ преверховнымъ Содѣтелемъ и Царемъ. Словомъ, въ Псалмахъ единственный и точный есть о́бразъ превосходныхъ и прекрасныхъ Піитіческихъ Изображеній, сердце, душу, и умъ въ преестественный нѣкій восторгъ порѣвающихъ и восхищающихъ. Кто жъ, развѣ бесчувственный человѣкъ, не возлюбитъ Псалмовъ? Итакъ, пламень горящій къ Псалмамъ во внутренности моей, почелъ я за нѣкоторое тайное мнѣ побужденіе къ сему преложенія дѣлу, а почетши такъ, и преложилъ, при Божіемъ поспѣшествованіи, всѣ Псалмы Ліріческимъ Стіхомъ, какъ-то-уже́ въ сей Книгѣ явно.

Пятая и послѣдняя, которая-едва́ль не дѣйствитель нѣйшая всѣхъ прочихъ, именно жъ: доказать бы многимъ, кои, углубляясь въ Піндаровъ и Анакрео́нтовъ, не мнятъ уже́ нигдѣ быть подобной Высотѣ и Сладости, что-Язы́ческое оное и Свѣтское Велелѣпіе въ пѣсненныхъ Сло́гахъ, есть токмо тѣнь, или еще-и-та́, Божіяго и Небеснаго Гласа, въ Давідовыхъ Псалмахъ гремящего. Притомъ, изострить бы совокупно охоту къ чтенію Псалмовъ въ такихъ, которыи-и-

любя ихъ, часто цѣльныя въ нихъ силы не чувствуютъ: сіе жъ, иныи какъ-отъ-на́выка къ борзому прочтенію Псалмовъ, во́здухъ токмо бія своими изглашеніями безъ разуменія, такъ другіи и отъ пренебреженія, слыша ежедневно ихъ читаемыхъ, и тѣмъ буттобъ нѣкоторую въ нихъ сытость собою вложившихъ, и дающихъ уже́ увѣтъ къ отвращенію отъ многократного повторенія. Все сіе Стіхъ можетъ исправить, и устремить напряженіе вниманія, то высотою и важностію начертаній, то умильностію и плавностію, то Вѣликолѣпіемъ и Богатствомъ, то краткостію и плодовитостію, то различіемъ Стопъ, и расчетаваемаго Сочетанія, а вездѣ новою красотою и сладостію: такъ-что-всякаго, и нехотящаго, пригвоздятъ Стіхи къ Псалмамъ, и дадутъ чувствовать, колико каждый изъ сихъ умащенъ есть свыше Елеемъ благодати. Самыи оныи буйныи духи, высокоумно Богоборнымъ невѣріемъ дмящіися, и дерзосно нечестивое свое самомнѣніе изрыгающіи, способнѣе медомъ Стіховъ усладиться могутъ, и равно жъ чтеніемъ Псалмовъ преклониться къ Истиннѣ, видя свѣтозарныи Лучи ея блистающіи въ нихъ повсюду, и покланяемыи слѣды Божества; да и быть учасниками Свѣта, можетъ быть и признавши, въ тайности своего се́рдца, густоту мрака, или и слѣпоты своея всеконечныя.

Чтожъ-до-Спо́соба; то слѣдующій употребленъ былъ мною при Преложеніи. Извѣсно, что-многіи обрѣтаются съ Еврейскаго переводы Ветхаго Завѣта. Нашъ Переводъ по тому́ есть древнѣйшій и первѣйшій, что-онъ-съ-Гре́ческаго такъ называемаго-Седмидесятнаго, коего-ни-пе́рвѣе ни старѣе не обрѣтается. Однако, собственно Славенскій нашъ, индѣ нѣсколько примраченъ, а еще-бо́лѣе невѣдающимъ, при незнаніи вобще Грамматіческихъ Пра́вилъ, древностей Еврейскихъ, и свойствъ Еврейскаго Язы́ка.

Трудность сія весьма способно могла отвратить отъ труда́, не взирая на то, что-не-надлежа́ло мнѣ толковать Псалмы, [да и не предпріятія моего, ни силъ] но токмо Разумъ Грамматіческій постигать въ каждомъ; въ чемъ са́момъ и состоитъ оная крайняя трудность. И дабы

преодолѣть нѣсколько сію, воспріялъ я въ по́мощь славнѣйшіи переводы съ Еврейскаго, обрѣтающіися какъ-на-Латінскомъ язы́кѣ, такъ и на Французскомъ, сверьхъ Греческаго Седмидесятнаго, [какой-я-имѣю-въ-двухъ Томахъ въ Листъ, съ присовокупленіемъ по каждомъ Псалмѣ такъ называемыхъ разли́чествующихъ чтеній] съ которымъ Славенскій нашъ во всемъ согласенъ, кромѣ помянутыхъ примрачностей.

Съ сею троякою помощію добирался я, по возможности, до желаемыя мнѣ въ Славенской Псалтирѣ ясности, которую-разлить-всюду и по преложенію моему всемѣрно тщался; чего ради и каждаго Псалма Літера́льную силу кратко изъяснилъ, и положилъ такія Описанія предъ всякимъ: но при свѣтѣ оныя, иногда довольномъ, иногдажъ нѣсколько слабомъ, отъ положенныхъ рѣчей въ нашемъ переводѣ всячески не удалялся, и, сколько возможно было, оными са́мыми Стіхъ мой составлялъ, развѣ когда равномѣрныхъ требовали необходимо или Ме́тромъ, или Рі́ѳма, или Эне́ргія. Получилъ ли я въ семъ успехъ, да видятъ вѣдающіи: мое Разумѣніе во всемъ есть такое, какое-мудрствованіе-всея́ Благочестивыя Церкви, коей-се́й мой трудъ и подвергаю.

Присовокуплены́ здесь къ Псалмамъ и оные Пророческіе Пѣсни, числомъ десять, обыкновенно въ нашихъ Псалтиряхъ во всѣхъ Псалмахъ полагаемые; а съ сими соединена́ и Девво́рина Пѣснь, знаменитое въ Божіемъ Народѣ приключеніе воспѣвающая прекрасно. Сіи Пѣсни и́зданы уже́ въ Свѣтъ; но сюда внесены́ онѣ паки для природнаго ихъ съ Псалмами сходства.

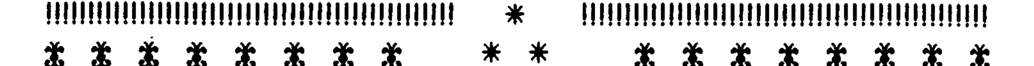
Слово КАѲІСМА, положено у меня не въ Церьковномъ знаменованіи, ни для знанія, сколько на́добно-когда КАѲІСМЪ прочесть: для сего надлежало бъ во всякой КАѲІСМѢ означать и речь СЛАВА, какъ-то-при-Псалмосло́віи обыкновенно бываетъ. Положилъ я, всѣмъ вѣдомое, званіе сіе точно вмѣсто Главъ Раздѣламъ.

Стіхъ на Преложеніе употребленъ мною Тетраметръ какъ-Трохаіческій, такъ и Іамбіческій: онъ Ліріческой Мѣрѣ на нашемъ языкѣ приличнѣе прочихъ. Строфы составлялъ я отъ четырехъ до десяти Стіховъ включительно, то есть, полагалъ ихъ какъ Правильные, такъ и называемые Неправильными для Нечета Стіховъ, всегда нѣкоторыи три Стіха въ себѣ, однимъ звономъ Ріѳмы соглашающими. Но всѣ онѣ вобще Равные по Числу Стопъ; Называемые жъ Неравными, въ двухъ, или въ трехъ только Псалмахъ, да въ трехъ конечно изъ Пророческихъ Пѣсней находятся, прежде всея Псалтири, и для Примѣра сочиненные.

Было въ мысли, положить каждый Псаломъ на Распѣвъ. Но сіе многобъ у меня отняло времени, надобнаго мнѣ, по должности, на другое нужнѣйшее и полезнѣйшее. Того ради, препоручаю прикладъ голосовъ другимъ, имѣющимъ даръ Мусікійскаго творенія: я предлагаю для чтенія токмо мое Преложеніе Боголюбивымъ людямъ, желая всесердечно, да будетъ оно имъ плодоносно по духу.

СВЯТЫЙ ДУШЕ! глаголавшій Пророками! и давшій Псалтирь Соборной Твоей и Апостольской Церкви въ толикую потребность, что-лучше, по слову Златословеснаго Учителя, всемірному Свѣтилу престать отъ теченія, нежели ей отъ Псалмопѣнія! Сотвори, да сіе Преложеніе въ Стіхотворную мѣру Давідовыхъ Псалмовъ, вдохновенныхъ ему древле Тобою, начатое мною нынѣ и оконченное, не для тщеславнаго оказанія искусства, (кое-буде-есть во мнѣ нѣкоторое, то отъ Тебя жъ Подателя есть Дарованій) но вящшаго ради прославленія Божеству, да сіе, молю, Преложеніе, послужитъ Хрістовѣрнымъ Читателямъ Россійскаго Племени въ созиданіе истиннаго Разума о Тебѣ, и въ приращеніе имъ Благодати Твоея; а мнѣ потрудившемуся, о! Утѣшителю Благій, въ очищеніе сердца, и въ обновленіе Духа въ моей утробѣ.

БУДИ! БУДИ!



КАѲІСМА ПЕРВАЯ.

ПСАЛОМЪ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде.

Давідъ представляетъ въ семъ Псалмѣ Блаженство Праведныхъ людей, а злополучіе Нечестивыхъ.

1

Мужъ поистиннѣ Блаженъ!
Кой, съ совѣтомъ нечестивыхъ,
Не́-былъ мнѣніемъ спряже́нъ;
Ни ходилъ въ него при льстивыхъ.

2

Кой ниже́ когда позналъ
Беззаконныхъ путь лукавый;
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

3

Кой не сѣлъ и на престолъ,
Пагубниковъ гордо злобныхъ;
Ни на немъ судя проболъ,
Какъ чужи́хъ, такъ и утробныхъ.

4

Но Закону отдаетъ
Послушаніе Господню;
И Его всегда поетъ,
Всю кленя власть преисподню.

5

Сей, какъ дре́во при вода́хъ,
Процвѣтаетъ насажденный;
Веселится, что-въ-плода́хъ
Правоты есть угобже́нный.

6

Какъ-на-томъ же древѣ листъ,
Чрезъ все время зеленѣетъ;
Такъ весь вѣкъ въ дѣлахъ онъ чистъ,
Что ни начнетъ, преуспѣетъ.

7

Все не такъ съ грѣшащимъ, кой
ни стыда́, ни Вышня знаетъ:
Онъ такія мзды въ день свой
Никогда не получаетъ.

8

Онъ презрѣнъ такъ ра́вно есть,
Какъ валя́йся прахъ въ до́лѣ,
Что метя вихрь бу́йный несть
Можетъ отъ земли́ по волѣ.

9

Тѣмъ то всякъ из таковыхъ
Въ милостивый судъ не встанетъ;
И ниже́ въ числѣ Святыхъ.
Въ вѣчной радости предстанетъ.

10

Праведныхъ стези вѣсть Богъ,
И всегда ихъ Самъ защи́титъ:
Путь же злыхъ, хотя и многъ,
Гро́зна гибель весь похи́титъ.

ПСАЛОМЪ II.

Вскую шаташася Языцы.

Давідъ показываетъ симъ Псаломъ достовѣрность свою́, что-намѣреніе Царей и Народовъ, противившихся ему, будетъ тщетно, и что, несмотря́ на ихъ стремительство, Богъ, помазавшій его въ Царя, утвердитъ ему Царство. Увѣщаваетъ онъ ихъ, покориться воли Божіей, и ему служить, дабы не навесть имъ на себя мщенія Его. Сей Псаломъ есть Пророческій, и возносится къ Го́споду нашему Іисусъ-Хрісту.

1

Почто Языки возмутились?
Народы взяли въ мысль тщету?
Цари земли́, на злобу ту,
Представши съ Князи съединились
На Го́спода толь Своего,
И купно на Христа Его!

2

Расторгнемъ узы, восклицаютъ
Въ презѣльной лютости своей,
Расторгнемъ тѣ мы въ случай сей:
Они насъ всѣхъ отягощаютъ;
Притомъ и свергнемъ ига зло,
Чтобъ рабство съ нашихъ вый сошло.

3

Но, въ небеси всегда Живущій,
Вельми Самъ посмѣется имъ,
И поругается самимъ
Господь Святъ прежде вѣка Сущій;
Къ нимъ въ Словѣ гнѣвъ свой низведетъ,
А яростію ихъ смятетъ.

4

Поставленъ я есмь надъ горою
Сіономъ Святости всея,
Въ Царя всѣмъ онымъ для сея,
Превѣчною Его судьбою:
Господь творить что-повелѣлъ,
Шобъ яжъ все возвѣщать имѣлъ.

5

Онъ Самъ мнѣ рекъ: ты совершенный
Находишся мой точно Сынъ,
И токмо у меня Единъ,
Сего дня мною порожденный:
Проси, въ наслѣдство дамъ тебѣ
Народъ многъ, землю по Себѣ.

6

ИхЪ СкиптромЪ упасешь желѣзнымЪ,
Кой-будетЪ-грóзнѣйшимЪ жезломЪ,
И всяко нестерпимымЪ зломЪ
ИмЪ денно, имЪ и нощно слезнымЪ;
ИхЪ всюду тѣмЪ ты обратишь,
И какЪ скудéльныхЪ сокрушúшь.

7

Теперь, Цари, ужЪ разумѣйте,
И каждый изЪ Судей землú
Познай то нынѣ и внемли;
Рабóтать Богу всѣ радѣйте
Со страхомЪ, вЪ трепетѣ жЪ ктому
И радуйтесь всегда Ему.

8

Вы научúтесь по боязни,
Да не прогнѣвается ОнЪ;
А Правды стезь за вашЪ уронЪ,
Да не постигнутЪ всѣхЪ васЪ кáзни,
КакЪ-вЪ-ярость гнѣвЪ его зажжéнЪ.
ВсякЪ уповаяй Нань, БлаженЪ!

ПСАЛОМЪ III.

Господи, что ся умножиша.

Сей ПсаломЪ есть Молитва, которую Царь ДавідЪ принесЪ, когда-онЪ-былЪ-гонúмЪ АвесаломомЪ сыномЪ своúмЪ, и вЪ коей-жáлуется на множество себѣ враговЪ. ПроситЪ онЪ пóмощи у Бога, и показываетЪ совершенное надѣяніе на Его защищеніе.

1

Господи! что-мно́го стало
Мнѣ стужающихъ враговъ?
Много ихъ на мя восстало!
Вопль отъ многихъ есть таковъ
О душѣ моей презѣльный:
Въ Богѣ, коль есть Сей ни дѣльный,
Ничего отнюдъ ей нѣтъ,
Чтобъ избавиться отъ бѣдъ.

2

Ты жъ мнѣ, Господи, защита,
Ты и слава вся моя́;
Голову, что-ужъ-масти́та,
Взноситъ мнѣ рука Твоя:
Возопилъ къ Тебѣ я гласомъ,
Ты услышалъ тѣмже ча́сомъ
Съ оныя меня горы́,
Гдѣ-всѣхъ-Свя́тостей дворы́.

3

Я возлегъ, спалъ, убудился:
Ибо мя Господь хранитъ;
Страха внѣ совсѣмъ явился:
Не боюсь, когда-Онъ-бди́тъ,
Темъ людей, и темъ премногихъ,
Кои, въ на́бѣгахъ толь срогихъ,
Напада́ютъ всѣ въ округъ
На меня усильствомъ вдругъ.

4

Господи! востани вскорѣ,
И спаси мя, Боже мой!
Мнѣ не попусти быть въ го́рѣ:
Истинно ударъ то Твой
Поразилъ мнѣ супостатовъ,
Зу́бы выбилъ злымъ безъ млатовъ.
Богъ спасеніе явилъ!
Самъ Твоихъ благословилъ.

ПСАЛОМЪ IV.

Внегда призвати ми.

Давідъ проситъ по́мощи на своихъ враговъ. Увѣщаваетъ сихъ, оставить свои́ умышленія, и покориться волѣ Божіей, учредившей его Царемъ. Объявляетъ онъ, что-надѣется-на-Единаго-Бо́га, и что-твѐрдое упованіе на Его милость творитъ его Давида благополучнѣйшимъ, нежели любящіи мірское въ са́момъ крайнемъ своемъ преспѣяніи.

1

Когда-я-при́звалъ Вышню Милость;
Услышалъ правду Богъ мою́.
Ты скорбную во мнѣ унылость,
О! Боже, чрезъ судьбу Твою,
Тогда распространилъ на радость;
И днесь мольбу ущедри въ сладость,
Которую-къ-Тебѣ лію́.

2

Но въ васъ, вельможнѣйшихъ особахъ,
Пока бесславну мнѣ ужъ быть?
Что-вамъ-любить-тщету́ въ утробахъ?
Искать всѣмъ лжи, ея не крыть?
Познайте, что-избра́нный Богу,
Ему возлюбленъ есть помногу:
Услышитъ Онъ, лишъ мнѣ завыть.

3

Во гнѣвѣ вашемъ не грѣши́те;
На ложахъ умилитесь въ томъ,
Чемъ, говоря въ сердца́хъ, спѣши́те:
Представьте Богу, во святомъ
Говѣніи душъ, въ са́му чисту
Всѣ жертву нынѣ, Правду исту,
Надѣясь на Него въ Благомъ.

4

Пусть многiи сiе вѣщаютъ:
Кто насъ Благими насладитъ?
О! Господи, се просвѣщаютъ
Тѣ знаменiя, что-плодитъ
Лице Твое на насъ лучами,
Какъ неисчётными свѣщами;
Насъ то едино богатитъ.

5

Ты взвеселилъ мой духъ Тобою
Обильнѣе, нежъ тѣхъ была
Велика радость суетою,
Какъ нива многи подала
Плоды́, созрѣлые сторицы
Вiна́, и ма́сла, и пшеницы,
И къ нимъ обилiе ввела.

6

Итакъ, уснувъ почiю твердо,
Но и въ спокойствiи моемъ:
Единъ Ты, Боже, милосердо
Меня Единаго въ Твоемъ
Вселилъ покоѣ безопасна,
И ни кому ужъ не подвласна;
На тя надѣюсь житiемъ.

ПСАЛОМЪ V.

Глаголы моя́ внуши, Господи.

Царь Давiдъ, бывши въ печали и гоненiи, проситъ у Го́спода по́мощи. Удостовѣряетъ онъ себя, что-Бо́гъ, ненавидящiй человѣковъ лютыхъ и коварныхъ, препобѣдитъ Гонителей Давiдовыхъ, имѣющихъ толикую суровость, и дышущихъ неправдою, и что-да́руетъ ему, по Своей Милости, способъ къ шествiю въ Храмъ Его, да въ немъ покло́нится Тому. Молитъ онъ Бога о препровожденiи его туда, и о предохраненiи отъ сѣте́й и отъ коварства Злыхъ, дабы онъ Давiдъ, и всѣ Праведники имѣли причину похвалять Его, и надѣяться всегдажъ на Его Покровительство.

1

Глаголы, Господи, внуши,
Я коими къ Тебѣ вѣщаю;
И ра́вно въ разумъ Твой впиши
Желаніе, что-я́жъ собщаю.

2

О! Царь мой, о! и Боже мой,
Вонми и гласъ, и вопль презѣльный:
Тебѣ молюсь, Тебѣ, рабъ Твой,
Взывая Тя, о! беспредѣльный.

3

Услышь заутра сей мой гласъ:
Заутра предъ Тобой предстану;
Самъ у́зришь Ты меня въ тотъ часъ,
Какъ припада́ть къ Тебѣ я стану.

4

Затѣмъ что Ты Богъ не таковъ,
Преступствами чтобъ любоваться:
Лукава се́рдца кто, и словъ,
Къ Тебѣ не можетъ приближаться.

5

Преступники не устоятъ
Всѣ предъ Твоими въявь очами:
Они тѣхъ въ ненависти зрятъ,
Которы-скве́рны суть дѣлами.

6

Ты всеконечно погуби́шь
Неправедныхъ людей и лживыхъ:
Ты Самъ же съ гнусностію зришь
На кровопивцовъ и на льстивыхъ.

7

Но я во множествѣ такомъ
Ко мнѣ Твоихъ щедротъ толикихъ,
Въ Твой вниду покланяясь домъ,
Въ благоговѣніяхъ великихъ.

8

О! Господи, препроводи
Меня Самъ Правдою Твоею;
Отъ всѣхъ врагъ путь мой огради,
И предъ Тобой твори правъ Ею.

9

Нѣтъ истинны, нѣтъ въ ихъ устахъ;
Гортань ихъ, гробъ на все открытый;
Ихъ сердце въ злѣ, и въ суетахъ;
Одна лесть, ихъ языкъ несытый.

10

Суди имъ, Боже, да гонзнутъ
Тѣ сами отъ своихъ смышленій;
Низринь за многу злость, падутъ:
Къ Тебѣ ихъ много озлобленій.

11

Надѣющiисяжъ на Тя,
Да веселятся человѣки;
Да радуются сосѣдя́
Тобою покровенны въ вѣки.

12

Всѣ возлюбившiи Твое
Толь Имя, Славу вседостойну,
Да похваляютъ обое,
Всегда хвалу поя́ пристойну.

13

Ты, Боже, праведника Самъ
Благословишь вездѣ обильно:
Благословенiе бо намъ
Щитъ, коимъ-оградилъ нас сильно.

ПСАЛОМЪ VI.

Господи, да не яростiю твоею.

Сей Псаломъ есть Молитва. Давiдъ, будучи въ прекрайней горести, предъизъявляетъ остроту своего страданiя, и проситъ Бога, не казнить его въ своемъ гнѣвѣ, но отпустить ему согрѣшенiя, и его избавить.

Приноситъ онъ сію мольбу съ твердымъ упованіемъ, что-Богъ-его-услышитъ, а враги ему потребятся.

1

О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;
Золъ же всѣхъ за тяшко бремя,
И за многое тѣхъ племя,
Въ казнь не въ гнѣвѣ повлачи.

2

Но помилуй, попремногу
Изнемогшаго меня:
Кости страждутъ муку срогу,
Покажи къ цѣльбѣ дорогу,
Боже! вопію стеня.

3

Духъ въ смятеніи мой зѣльномъ;
Сокрушаюсь повсегда;
Тыжъ, о мнѣ толь неисцѣльномъ,
Въ милосерди беспредѣльномъ,
Воспомянешь ли когда?

4

Господи мой! обратися;
И, по благости Твоей,
Самъ отъять отъ Тьмы потщися
Душу бѣдну, и явися
Преклоненъ к мольбѣ моей.

5

Нѣтъ по смерти таковаго,
О Тебѣбъ кто вспомнить могъ;
Возблагодарить за благо,
И за все, что-въ-жизни драго,
Кой во гробѣ есть предлогъ?

6

Обессилѣнъ воздыхаяй!
Есмь еще-на-всяку нощь
Ложе плачемъ умываяй,
И слезами напаяяй,
Отчужденъ всего и тощь.

7

Очи съ плача помутились;
Отъ враговъ весь сокрушéнъ:
Пагубно въ себѣ озлились,
Къ ненависти уклонились;
Я надежды ужъ лишенъ.

8

Отступи́те прочъ лукавцы:
Богомъ вопль услышанъ мой.
Отступи́те всѣ тщеславцы,
И вы, лжи за правду давцы,
Злобѣ прéданны самóй.

9

Богъ ужъ отъ меня молитву
Милостивымъ слухомъ внялъ;
Презираю вашу битву,
Лéсныхъ и сѣтéй ловитву:
Богъ моленіе пріялъ.

10

Стыдъ, смятеніе въ презорѣ
Всѣмъ да придетъ здѣсь врагамъ!
Стыдъ, съ бесчестіемъ тѣмъ въ гóрѣ,
Какъ-не-обратя́тся вскорѣ!
Ихъ сломленіе рогамъ!

ПСАЛОМЪ VII.

Господи Боже мой, на тя уповахъ.

Давідъ проситъ Гóспода, защитить его отъ враговъ; Онъ свидѣтельствуется имъ самимъ въ своей невиновности. Совершенно притомъ надѣется, что-Богъ-его-услы́шитъ. Но ежели враги его не оставятъ своихъ умышленій; то все предпріятіе ихъ на него, обратится имъ самимъ въ пагубу.

• 1 •

Господи мой! Боже Сильный!
Точно на Тебя всегда,
О! во Благости обильный,
Уповавша, отъ вреда́
Ты меня спасти́ потщися,
И избавить ополчися
Отъ презлобныхъ всѣхъ враговъ,
Всякимъ образомъ тѣснящихъ,
Всюду въ ярости гоня́щихъ:
Ослабѣлъ я отъ трудо́въ.

• 2 •

Да не тѣ, какъ Левъ алкающъ,
И разинувшій ужъ пасть,
И ужа́снѣйше рыкающъ,
Чтобъ на ловъ ему напасть,
Въ пазногть мя похитятъ грубы,
И пожрутъ своими зубы;
Видя, что-нѣтъ-никого́,
Ктобъ-въ-спасе́ніи пробавить,
И возмогъ меня избавить
Отъ нещастія сего.

• 3 •

Боже! если что-худо́е
Всѣмъ я онымъ сотворилъ;
Если въ ру́ки дѣло кое
По неправдѣ захватилъ;
Если зло мнѣ воздающимъ
Во́здалъ зломъ еще-я-пу́щимъ:
То да ниспаду въ нихъ тощъ;
Врагъ гоняй мя да нагонитъ;
Въ землю мой животъ да склонитъ;
Славу въ прахъ вселитъ и въ нощь.

4

Господи! воздвигнись въ гнѣвѣ,
Надъ врагами вознесись;
При моемъ толикомъ ревѣ
Въ должномъ правѣ понесись:
Сонмы Тя да окружаютъ,
Въ высотѣ да ублажаютъ:
Ты судящій всѣхъ людей,
Самъ суди мя по уставу,
По не злобному и нраву,
И по правотѣ моей.

5

Злоба грѣшныхъ да скончится;
Праведныхъ Самъ утверди:
Внутренность Тебѣ вся зрится;
Око къ Правдѣ возведи.
Помощь мнѣ отъ Спаса Бога;
Въ Немъ есть истинна премнога:
Онъ есть долготерпѣливъ,
Онъ правдивѣйшій Судитель,
Крѣпокъ, силамъ Предводитель,
Онъ на всякъ день не гнѣвливъ.

6

Вы, когда-всѣ-не-смягчитесь;
Онъ оружіе остритъ:
Лукъ уже напрягъ, не льститесь;
Смертный и сосудъ горитъ;
Стрѣлы уготовилъ въ жарѣ
Вамъ гонителямъ въ томъ сварѣ.
Се неправдой кто-болѣлъ;
Зачалъ тотъ болѣзнь жестоку,
Беззаконіежъ изъ боку
Въ Свѣтъ родивши поблѣднѣлъ!

• 7 •

ВырылЪ ровЪ хоть ухищренный,
И копая углубилЪ;
Но онЪ самЪ падетЪ сотренный
ВЪ я́му ту, что-соруди́лЪ:
Обратится злый вредЪ ле́сти,
На его главу для ме́сти.
ЯжЪ, о! Господи, Твою
Правду вЪ похвалѣ поставлю,
Ту повсюду воспрославлю,
Купно Имя воспою.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ VIII.

Господи, Господь нашЪ.

ДавідЪ прославляетЪ Величество и Силу Божію; а тѣ великолѣпно зрятся вЪ дѣлахЪ Творенія Его. ПриноситЪ онЪ Богу особливую Хвалу за Сотвореніе Человѣка по о́бразу своему, и за то, что-ОнЪ-далЪ-ему-вла́сть надЪ всею прочею Тварію.

• 1 •

О! Господи, Господь нашЪ БогЪ!
Твое коль Имя есть пречудно
По всей Вселенной неоскудно!
ТамЪ, гдѣ-превѣ́чный Твой чертогЪ,
ТвоихЪ Величі́й родЪ премногЪ
Превыше всѣхЪ небесЪ сіяетЪ:
ИзЪ устЪ младенцевЪ Ты свершилЪ
Хвалу себѣ, какЪ-сокруши́лЪ
Врага и вЪ коемЪ месть зіяетЪ.

2

Зря небеса, Твои Дѣла́,
Луну, и весь соборъ тотъ звѣздный,
И чинъ въ особности ихъ гнѣздный,
Что-все-Твоя́ Мощь извела,
И основаніе дала,
Что-Человѣкъ, въ себѣ вѣщаю?
Ты по́мнишь Самъ всегда его;
Что-человѣчъ Сынъ? и того
Ты посѣщаешь, какъ-то-зна́ю.

3

Однакъ, его Ты малымъ чемъ
Отъ Ангельска умалилъ лика;
Ты сотворилъ его толика,
Что-слава, честь, вѣнецъ на немъ:
Поставилъ Ты егожъ присемъ,
Владѣтельнѣйшимъ Господиномъ
Надъ всѣми дѣлы рукъ Твоихъ;
Все покорилъ ему изъ нихъ,
Въ егобъ быть правѣ всѣмъ единомъ.

4

Какъ-о́вцы, такъ и всѣ волы,
Ещежъ и всяки звѣри въ по́лѣ,
И птицы въ во́здухѣ на волѣ,
И рыбы всѣ морскія мглы,
Ему послушны, и валы:
Все; словомъ, зданіе подсудно.
О! Господи, Господь нашъ Богъ!
Твоихъ Величій родъ премногъ!
Твое и Имя есть пречудно!

!! * !!

КАѲІСМА ВТОРАЯ.

ПСАЛОМЪ IX.

Исповѣмся Тебѣ Господи.

Сей Псаломъ есть благодарственный отъ Давіда, за одержанные имъ побѣды надъ непріятелями. Побуждаетъ онъ Праведныхъ, съ великою ревностію, Хвалить съ собою купно Силу, Мудрость, и Правду Го́спода избавляющаго уповающихъ на Него, и потребляющаго злость и коварство злыхъ людей. Молитъ онъ Бога, да будетъ всегда Заступникъ добрымъ, и да избавляетъ ихъ отъ наглости Ненавистниковъ. Пото́мъ описываетъ онъ наглость, лютость, и ухищренія злыхъ людей на незлобивыхъ. Молитъ паки Бога, да будетъ онъ Заступникъ Праведнымъ, и уповаетъ, что-моли́тва его услышится.

1

Всѣмъ сердцемъ, Господи, прославлю
Тебя за все благое мнѣ;
Достойну проповѣдь уставлю
Всѣмъ чудесамъ и внутрь и внѣ:
Веселіе мое и радость,
И купно в жизни всяка сладость,
Единъ Ты будешь повсегда;
О! Вышній, Имя Твое славно
Самъ нынѣ воспою исправно:
Настала ужъ моя́ чреда.

2

Враги мои преобратились,
Не могши въ силахъ устоять;
Они отъ крѣплшаго тулились,
И смѣсомъ побежали вспять:
Изнемоглй и ослабѣли,
Противиться ктому не смѣли:
Они отъ Твоего лица́,
Мой Боже, скорый Покровитель,
И мой всегдашнїй Заступитель,
Погибли прахомъ доконца.

3

Ты, Судїя нелицемѣрный,
Мою Самъ распрю разрѣшилъ
Ты, сѣвши на Престолъ Твой вѣрный,
По правдѣ дѣло мнѣ вершилъ:
Едва Ты окрикъ Твой суровый
На всѣ Іазы́ки далъ готовый,
Какъ-нечести́вый человѣкъ
И сталъ быть то́тчасъ погубле́ннымъ,
И имя также истребле́ннымъ
Его Тобою стало въ вѣкъ.

4

Престалъ ужъ разорять Противный,
Оружїя съ нимъ больше нѣтъ;
Града́мъ онъ, въ нихъ творя бой живный,
Хотя нанесъ премного бѣдъ;
Но нынѣ самъ у всѣхъ ужъ глумомъ
Его погибла память съ шумомъ:
Господь того разя проболъ;
Единъ Господь въ вѣкъ пребываетъ,
Всякъ Правосудїе позна́етъ,
Къ суду готовъ Его Престолъ.

5

Господь прибѣжище убогу,
Прибѣжище надежно всѣмЪ;
ОнЪ по́мощь подаетЪ премногу
Во благовременіе темЪ,
Которы-вЪ-ско́рбь и вЪ бѣдство впали,
И мнятЪ, что-ужЪ-вконе́цЪ пропали.
Всѣ, Имя знающи Твое,
Что, Боже, оное взываютЪ,
На Тя во всемЪ да уповаютЪ:
Ищай вЪ Тебѣ, найде́тЪ свое.

6

Живущу Господу вЪ Сіонѣ
Бы пойте пѣсненну хвалу;
ІАзыкамЪ, вь сладоснѣйшемЪ звонѣ,
ИхЪ разгоняя моракЪ и мглу,
Дѣла́ Его провозвѣстите,
И Славу имЪ благовѣстите:
ОнЪ сЪискиваетЪ льющихЪ кровь;
ОнЪ по́мнитЪ лютое нахальство,
И грубое вЪ томЪ самохвальство;
А кроткихЪ вопль, Его любовь.

7

Помилуй, Господи, мя вскорѣ;
Виждь скорбь мою́ отЪ врагЪ моихЪ;
Ты всѣхЪ не забываешь в го́рѣ,
Уносишь и меня отЪ злыхЪ,
Да не возмогутЪ яро смерти,
Уносишь и отЪ вратЪ мя смерти:
Дабы Твою мнѣ возвѣщать
Хвалу вЪ вратахЪ Сіонски Дщери,
И вЪ радости при всякой двери
ОбЪ избавленіи плескать.

8

ІАзы́ки въ пагубу ввалились,
Котору-здѣлали они;
Въ сѣть, кою-скры́ть потщились,
Увязла ихъ нога во дни;
Господь увѣданъ есть судьбами:
Грѣшащій спутался дѣлами.
Всѣ пойдутъ Грешники во Адъ;
ІАзы́камъ позабывшимъ Бога
Туда проложена́ доро́га,
Гдѣ-пра́хъ, и тля, и вѣчный смрадъ.

9

Вконецъ изъ бѣдныхъ всякъ не будетъ
Поистиннѣ отнюдъ забвенъ;
Терпѣнія Богъ не забудетъ,
Печальный всякъ Имъ покровенъ:
Восстани, Господи, восстани,
Самъ ополчись на злобныхъ въ бра́ни,
Да не крепится человѣкъ;
Отмсти ІАзы́камъ предъ Тобою,
Страхъ наведи на нихъ грозою,
Да знаютъ что-ихъ-сме́ртенъ вѣкъ.

10

Почтожъ бы, Господи, во время
Печали нашей и бѣды,
Когда-несно́сно намъ золъ бремя,
И удалять Твои слѣды́?
Тогда гордится нечестивый;
Гони́мъ есть бѣдный и нельстивый:
Но въ ухищреніяхъ своихъ,
Что-на-беззло́бныхъ злобно вы́и
Всѣ вымышляютъ таковыи,
Увязнутъ, и погибнутъ въ нихъ.

∽ 11 ∾

Затѣмъ что прихотію грѣшный
Тщеславится въ душѣ своей;
Блаженнымъ называть онъ спешный
Обидящаго въ жизни сей;
Тебя онъ, Боже, раздражаетъ;
Безъ совѣсти все разряжаетъ:
Всѣ помышленія его,
Его вся вѣра всеконечно,
Что-Бога-нѣтъ отнюдъ всевѣчно,
Нача́ла, и Творца всего.

∽ 12 ∾

Пути его благополучны
Во всяко время, въ каждый часъ;
Твои судьбы ему толь скучны,
Что-всѣ онъ удалилъ отъ глазъ;
Дышать на всѣхъ онъ злобой смѣетъ,
Противящимися владѣетъ;
Внутрь се́рдца мысль всегда была:
Въ вѣкъ неколеблемъ я пребуду,
И не подвигнусь ниоткуду:
Мнѣ нѣтъ во семъ ни бѣдствъ, ни зла.

∽ 13 ∾

Уста его клятвъ, лсти, обмана
Исполнены всякъ часъ верьхо́мъ,
Слова́ всѣ, преглубо́ка рана;
А подъ язы́комъ, со грѣхомъ
Мученіе, трудъ, и досада,
Оклеветаніе, навада:
Въ жилищахъ тайно присѣдитъ,
Да убіетъ онъ неповинныхъ,
Умножить бы вездѣ бесчинныхъ:
Его глазъ, бѣдныхъ зрѣть, не спитъ.

14

Хищеніемъ онъ втайнѣ ловитъ
Как-злый въ оградѣ левъ своей;
На нища хитрости готовитъ,
Да привлечется въ сѣти сей:
То клонится, то онъ ложится,
То восстаетъ, то вдругъ таится;
Пока ему не попадетъ
Тотъ въ остры пазногти беззлобный,
Да онъ его, что-ужъ-удобный,
И растерзаетъ, и пожретъ.

15

Онъ въ сердцѣ такъ самъ помышляетъ:
Забытъ напаствуемый есть;
Лица Его не сподобляетъ
Уже Богъ отвращенный въ месть;
Отнюдъ его не хощетъ видѣть:
Почтожъ и мнѣ такъ не обидѣть?
Но Ты восстани, Боже мой;
Рука Твоя да вознесется;
Убогій скоро да спасется;
Не позабудь вконецъ, кто-Твой.

16

Чегожъ для нечестивый Бога
Бесчиніемъ своимъ гнѣвитъ?
Не взыщетъ Богъ, душа пресрога
Его въ себѣ такъ говоритъ.
Но Ты скорьбь, Боже, назираешь,
Скорбящихъ въ руки принимаешь:
Тебѣ оставленъ нищій весь;
Твоя къ нему велика милость;
Тобой отъемлется унылость:
Ты будь Помощникъ Сиру днесь.

• 17 •

Самъ мышцу сокруши въ лукавомъ,
И въ прегрѣшающемъ вездѣ;
Ищи грѣха на немъ неправомъ,
Чтобъ нé-былъ больше тотъ нигдѣ.
Господь, есть Царь ввѣкъ безконечный,
Господь, единъ есть Богъ превѣчный:
IАзы́ки, отъ земли́ Его,
Погибелію истребятся,
Да не ктому во злобѣ зрятся,
Ни начинаютъ ничего.

• 18 •

О! Господи, Ты всѣхъ смиренныхъ
Желанія услышать скоръ,
Бонми ихъ сердцу покоренныхъ,
Прочъ отжени отъ нихъ укоръ;
Молитву оныхъ слуху внятну,
И сотвори Тебѣ пріятну:
Содѣлай праведный Твой Судъ
Живущу въ кротости и Сиру,
Да величавъ ужъ больше міру
Не зрится человѣкъ, кой-Ху́дъ.

❦ ✠ ❦

ПСАЛОМЪ X.

На Господауповахъ.

Давідъ, гонимый отъ своихъ враговъ, объявляетъ, что-онъ-во-всéмъ уповаетъ на Гóспода, и не сомнѣвается, что-Бóгъ, какъ праведный Судія, не оставитъ никогда добрыхъ, и что-поразитъ своими судьбами злыхъ.

• 1 •

Я на Господа всечасно
Сердцемъ твердо уповалъ:
Кáкъ же скажете мнѣ гласно,
Чтобъ на гóры я бѣжалъ,
И какъ Птицабъ тамъ виталъ?

2

Знаю, ЛукЪ ужЪ натянули
Злыи человѣки свой;
ИзЪ калчана обернули
Остротою стрѣлы вЪ бой,
ИхЪ и мечутЪ тетивой.

3

Но кого убить желаютЪ?
Всякого, кто-сéрдцемЪ правЪ:
Боже! сильно разрушаютЪ
Утвержденный твой уставЪ;
Правый толь имЪ тяжекЪ нравЪ!

4

ЗнайтежЪ, что-Госпóдь вЪ Святынѣ
Чýдна Храма Своего,
Есть Господь всегда и нынѣ:
ВЪ небеси ПрестолЪ Его;
БѣдныхЪ зритЪ и злыхЪ сЪ того.

5

ПравыхЪ вѣсть и нечестивыхЪ;
ОпытЪ сряду всѣмЪ творитЪ:
На неправедныхЪ и льстивыхЪ
Ненависть онЪ ускоритЪ,
И навѣкЪ ихЪ уморитЪ.

6

НáшлетЪ ОнЪ на всѣхЪ грѣшащихЪ
Петли, сѣру, огнь, и жарЪ;
ВЪ питіе свистЪ бурь дышащихЪ,
БудетЪ имЪ повсюдный даръ,
И между самими в сварЪ.

7

ПраведенЪ Господь отЪ вѣка;
ЛюбитЪ правду ОнЪ суда:
ОнЪ и права человѣка,
Не творяща и вреда,
ЗритЪ своимЪ лицемЪ всегда.

ПСАЛОМЪ XI.

Спаси мя Господи.

Сей Псаломъ есть Молитва, въ коей-Давідъ-жа́луется, что-то́ль мало находится людей Справедливыхъ и чистосердечныхъ, и что-лю́ди Его времени обманщики и лукавцы. Молитъ онъ Бога, да, по истиннѣ своего сло́ва и обѣщанія, защититъ неповинныхъ отъ несправедливости и наглости такихъ, кои-стара́ются ихъ утѣснить.

1

Господи! спаси меня:
Добрыхъ нынѣ скудно стало;
Буди повсегда храня:
Въ людяхъ истинны здѣсь мало.

2

Каждый дру́гу своему
Говоритъ во лжи пустое;
Лесть у всѣхъ въ устахъ ктому,
И у всѣхъ же въ сердцѣ злое.

3

Господи! благоволи
Потребить устна невѣрны;
На язы́ки распали
Гнѣвъ, что-та́къ высокомѣрны.

4

Говорятъ: велику власть
Возмемъ мы и верьхъ словами:
Быть намъ сильнымъ, наша часть;
Кто́ есть Господинъ надъ нами?

5

Вставъ, печальныхъ всѣхъ за страхъ,
За вздыханія убогихъ,
Говоритъ Господь, Я въ прахъ
Положу лукавцовъ многихъ.

6

Но Господни словеса
Чисты, какъ-сребро-разже́нно,
Въ коемъ-вѣстна ужъ краса,
И седмижды очище́нно.

7

Господи! Ты сохранишь
Отъ сего во вѣкъ насъ рода;
Ты соблюсть благоволишь
Отъ коварна къ намъ подхода.

8

Ходятъ нечестивы вкругъ;
Се превознеслись негодны:
Злыи человѣки вдругъ
Злыми въ насъ сына́ми плодны.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ XII.

Доколѣ Господи забудеши мя.

Давідъ, впадъ въ крайнюю печаль, приноситъ жалобу, что-Богъ-его-оставилъ. Молится, да пріидетъ къ нему утѣшаяй и избавляй его отъ страха: Однако, въ семъ са́момъ воспламененъ онъ есть святымъ на Него надѣяніемъ, которое-возбудило-въ-немъ-похва́лу Господу.

1

Доколѣ, Боже, до конца
Имѣть въ забвеніи мя станешь?
Доколѣ отъ меня лица́
Ты отвращать ужъ не престанешь?
Пока душѣ моей дряхлѣть?
Врагу надъ мною верьхъ имѣть?
Иль на меня Самъ гнѣвомъ встанешь?

2

Но, Господи и Боже мой,
Благоволи призрѣть печальна;
Услышь меня, я рабъ есмь Твой:
Ту са́му свѣтлость, что-нача́льна,
Подай въ свѣтъ оку моему;
Да не когда меня во тьму
Сномъ усыпитъ вдругъ смерть нахальна.

3

Дабы и не сказалъ такъ врагъ:
Вельми предъ нимъ я укрѣпился;
Онъ предо мной есть подлъ и нагъ,
Хотябъ колико ни щитился:
Да, и стужающи мнѣ всѣ,
Не взвеселятся въ томъ часѣ,
Когдабъ-я-къ-низу преклонился.

4

Однакъ, какъ-все-я-уповáлъ
На милости Твои Богаты;
То благодушенъ нынѣ сталъ,
Что-будутъ-срéдства не отъяты,
Избаву получить Твою:
Тебѣ, о! Вышній, воспою,
За благодѣйствія пріяты.

ПСАЛОМЪ XIII.

Рече безуменъ.

Давідъ предлагаетъ здѣсь двоякое. Первое, описываетъ онъ превеликое и общее поврежденіе въ людяхъ своего времени, ихъ нечестіе, и законопреступства. Второе, Грозитъ судомъ Божіимъ грѣшникамъ, а праведникамъ обѣщаетъ пóмощь Его и избавленіе.

1

Въ сердцѣ мыслилъ такъ безумный:
Бога нѣтъ, и нѣтъ отнюдъ.
Сей хоть страшенъ помыслъ шумный;
Но ужъ исказился людъ.

2

Всѣ дѣлами мерзски стали;
Гнусны въ замыслахъ своихъ;
Добродѣтели пропали;
Нѣтъ творяща Благо въ нихъ.

3

Богъ приникъ съ высотъ небесныхъ
Къ человѣческимъ сына́мъ,
Чтобъ увидѣть, обще въ лѣсныхъ
Есть ли не тако́въ-кто тамъ.

4

Есть ли кто-разумѣва́ющъ
Хоть одинъ своимъ умомъ;
Иль и Го́спода взыскающъ
Всѣмъ усердіемъ притомъ.

5

Горе! всѣ въ нихъ уклонились
Совокупно отъ Него;
Скверностями заразились;
Нѣтъ побожна никого.

6

Беззаконники такіи
Въ разумъ придутъ ли когда?
Ахъ! людей съѣдаютъ сіи,
Бога не боясь всегда.

7

Въ страхѣ тамъ они великомъ,
Гдѣ боязни слѣда нѣтъ:
Знайте, что-Господь-есть-съ-ликомъ
Праведныхъ, и въ нихъ Онъ Свѣтъ.

8

Бѣднаго вы посрамили,
И совѣтъ его, и честь:
Но ему, вы не помни́ли,
Сильный Богъ надежда есть.

9

Кто намъ можетъ отъ Сіона
Избавленіе пода́ть?
Мы не должны отъ закона
Божіяго всѣ отстать.

10

Богъ какъ-возвратитъ изъ плѣна
Всѣхъ Людей своихъ во градъ;
Що Іаковъ отъ колѣна,
И Ізраиль будетъ радъ.

❀ ❀ ❀

ПСАЛОМЪ XIV.

Господи, кто обитаетъ.

Сей Псаломъ есть ученіе. Въ немъ Давідъ научаетъ, кои-достойны-служи́ть Богу въ Храмѣ Его, и наслаждаться Его присутствіемъ, также и какіи-тѣ-зна́ки, по коимъ-мо́жно достойныхъ признать.

1

Въ жилищѣ, Господи, Твоемъ,
Кто обитаетъ какъ-досто́йно?
Или святый Твой Домъ пристойно
Въ сельбу кому есть отдаемъ?
Тому, кто-хо́дитъ непорочно,
Правдивъ есть словом, дѣлом точно.

2

Язы́комъ кто-свои́мъ не льститъ;
И кто-единосверсну-дру́гу,
Приличну по́мня самъ услугу,
Зла не наноситъ, злу не мститъ:
Притомъ, и ближнихъ не ругаетъ,
И ни кого не облыгаетъ.

3

Лукавнующій всякъ предъ нимъ
Презрѣнъ во всяко время зрится:
Онъ честь отдать повсюду тщится,
И прославленіе такимъ,
Которы-стра́хъ имѣютъ къ Богу,
И къ Го́споду любовь премногу.

4

Клеврету оный своему
Стоитъ въ присягѣ данной твердо;
Ни не́-далъ въ ростъ немилосердо;
И не винилъ на мздѣ ктому.
Сіе творящи Человѣки,
Недвижимы пребудутъ въ вѣки.

ПСАЛОМЪ XV.

Сохрани мя Господи.

Сей Псаломъ есть Молитва, которою-Давідъ-про́ситъ Бога о защищеніи его, потому что онъ на Него уповаетъ. Объявляетъ, что-онъ-всегда́ любилъ особливо добрыхъ людей, а Ідолопоклонство имѣлъ въ мерзости. Показываетъ онъ себя исполнена святыя радости отъ Божіея благодати; и утверждаетъ, что-не-боится-са́мыя смерти, уповая всегда быть благополучнымъ въ собщеніи съ Господемъ.

1

Господи! мя сохрани:
Ты надежда искони.
Господу изрекъ я слово:
Ты Господь мой, Ты и Богъ;
Все мое добро готово,
И да внидетъ въ Твой чертогъ:
Но не требуешь Благаго
Моего Ты и драгаго.

2

Мнѣ жъ всегда въ Святыхъ Его,
Самъ и лю́битъ-Онъ-кого,
Да и въ каждомъ отмѣнитомъ
На землѣ живущемъ здѣсь,
Правотою знаменитомъ,
Къ удивленію всѣмъ днесь,
Вся бываетъ токмо радость:
Всякъ таковъ, моя́ есть сладость.

3

Гореснѣйшая тоска,
Въ множествѣ своемъ блиска́
Онымъ всѣмъ скорящимъ
Законопреступный слѣдъ;
И другихъ еще-гоня́щимъ
За собою на обѣдъ,
Въ развращенную доро́гу,
Къ скверному чужому Богу.

4

Я не вниду въ ихъ соборъ
Въ превеликій мнѣ укоръ;
Я не сотворю кропленій,
Кровь ихъ жертвъ и требъ гнусна́:
Я ниже́ вспоминовеній,
Бдящій, вставшій и отъ сна,
Изнесу объ нихъ устами,
Ни взову ихъ именами.

5

Богъ наслѣдства часть мнѣ есть,
Пища, питіе, и честь.
Самъ, о! Боже, мя вселяешь
Въ землю, коя-не-пуста́:
Мѣру верви изволяешь
Весть на тучныя мѣста́;
Я и получилъ, на славу,
Пребогатую державу.

6

Го́спода я восхвалю,
Го́спода благословлю́,
Мнѣ подавшаго совѣты,
Тѣжъ и въ день, и въ са́му нощь;
Я, чрезъ внутренни увѣты,
И позналъ, что-е́смь не тощъ:
Непрестанно одесную
Го́спода зрѣлъ, да ликую.

7

Сердце весело во мнѣ,
Радостенъ языкъ извнѣ;
Вся въ надеждѣ плоть вселится:
Не оставишь, Боже, въ плѣнъ
Духа гробу, кой-ужъ-злится;
Не попу́стишь, чтобъ взялъ тлѣнъ
Мужа толь Тебѣ любима,
И Тобою въ вѣкъ хранима.

8

Жизни Ты пути сказалъ,
Мнѣ ихъ всѣ и показалъ:
Ты Лицемъ Твоимъ веселость
Преисполнишь всю мою́,
Тѣмъ мнѣ утверждая цѣлость;
На Десницу зря Твою,
Вижу красоту въ ней вѣчну,
И Добро́ту бесконечну.

* * *

ПСАЛОМЪ XVI.

Услыши Господи Правду.

Сей Псаломъ есть молитва. Давідъ проситъ Го́спода, призрѣть на его невинность, утолить злобу гонящихъ его, и защитить Праведныхъ отъ наглости злыхъ. Объявляетъ онъ притомъ, что-не-искалъ-себѣ-никогда́ блаженства въ свѣтѣ, но единственно ищетъ онаго въ присутствіи и въ милости своего Бога.

1

Правду, Господи, мою
Самъ услыши во Святынѣ;
И внуши молитву нынѣ
Теплую къ Тебѣ сію,
Я которую лію:
Да изъидетъ и расправа
Мнѣ отъ Твоего Лица́;
Очи спе́рва до конца
Правоту да зрятъ устава.

2

Ты мое ужъ испыталъ
Сердце всѣми образа́ми;
Слѣдовалъ его нощами,
Ежедневно опытъ бралъ;
По всемужъ Ты и познаλъ,
Что-отнюдъ не находилась
Ни неправда, и ни лесть,
Ни во мнѣ-какая месть:
Токмо искренность явилась.

3

Человѣческихъ я дѣлъ
Не говаривалъ ни мало;
Слово какъ-повелѣва́ло
Мнѣ Твое, такъ былъ я бѣлъ,
И охранность въ томъ имѣлъ:
Да стопы́ мои сверше́нны
Будутъ во стезяхъ Твоихъ;
Да не удалюсь отъ нихъ,
Тѣ содѣлай утвержденны.

∙ 4 ∙
Боже! Тя зову́ вЪ день сЪ дня,
СЪ ТѣмЪ что-вы́слушать Ты вскорѣ,
И не оставлять вЪ презорѣ
СамЪ всегда обыкЪ меня:
Ухо нынѣ приклоня,
Всѣ вонми мои глаголы;
ВЪ диво милость вознеси;
УповающихЪ спаси;
Потреби вЪ врагахЪ изволы.
∙ 5 ∙
Но меня такЪ сохрани,
Зѣницу какЪ-са́му о́ка;
А отЪ бы́стра злыхЪ наско́ка
КрилЪ покровомЪ осени,
ГрабящихЪ всѣхЪ отжени:
ДухЪ враги мой окружили;
Горделиво говорятЪ;
Сильными себя ужЪ зрятЪ,
ТѣмЪ что-вы́и утучнили.
∙ 6 ∙
Обошли меня се вкругЪ
Тѣ гонители породны;
И какЪ-Львы́ давно голо́дны,
Обхватили злобно вдругЪ,
ВЪ множествѣ сомкну́тыхЪ дугЪ:
ВсякЪ изЪ нихЪ усмотрѣваетЪ,
КакЪ-ему́бЪ меня попрать,
И низвергнувши раздрать:
СкiменЪ скрывшись такЪ алкаетЪ!

7

Господи! восстани Самъ;
Предвари толику злобу,
Всельшуюся въ ихъ утробу;
Низложи самихъ къ ногамъ,
Положивши всѣхъ ихъ въ срамъ:
Мой животъ отъ нихъ избави
Пламеннымъ мечемъ твои́мъ;
Непреоборима симъ
Предъ врагами мя постави.

8

Ихъ удѣлъ, есть жизнь сія;
Море, и земля, и древо,
Насыщаютъ оныхъ чрево,
Все дала Рука Твоя:
Не благодаряжъ Ея,
Купно чадъ увеселяютъ
Изъ того довольства всѣмъ;
А останки всѣ за тѣмъ
Отрочатамъ оставляютъ.

9

Но я, Господи, явлюсь
Въ сущей Правдѣ предъ Тобою,
Ту одну ведя съ собою,
И Тебѣ въ той помолюсь,
Да ктому злыхъ не боюсь:
Насыще́нъ я быть имѣю,
Какъ-меня́ къ Тебѣ вселишь,
Славу мнѣ Твою явишь,
Да Ея уразумѣю.

⁂

КАѲІСМА ТРЕТІЯ.

ПСАЛОМЪ XVII.

Возлюблю тя Господи.

Сей Псаломъ есть пѣснь благодарственная, коею-Давідъ, избавленный отъ своихъ непріятелей, творитъ обѣтъ любить Бога, и Его хвалить непрестанно. Описываетъ онъ превеликія бѣдствія, въ коихъ-находился, удивительный способъ, какимъ-его-Бо́гъ изъ нихъ избавилъ, побѣды одержанные имъ, при Его по́мощи, надъ врагами; да и прославляетъ Силу, Справедливость, и Благость, явленные Бо́гомъ избавляющимъ его.

1

ІА, Господи, Тя возлюблю:
Моя́ Ты крѣпость и твердыня!
Тебя по долгу восхвалю,
Прибѣжище, и благостыня!
О! Спасъ мой, и Помощникъ мой,
Надѣюсь на Тебя рабъ Твой:
Защитникъ мой и Заступитель!
Тебя взываю, Ты мой Богъ!
Всего Спасенія мнѣ Рогъ!
И Ты отъ врагъ моихъ Спаситель!

2

Нашли́-было болѣзнь и смерть;
Злотворны то́ки устрашили;
Скорбь гробна мя хотѣла стерть;
Смертельны сѣти предварили:
Я призвалъ Го́спода скорбяй,
И къ Богу крѣпку вопіяй;
Услышалъ Онъ мой гласъ отъ Храма
Святаго вскорѣ своего,
Во уши вшелъ мой вопль Его;
И сталъ ужъ я предъ Нимъ безъ срама.

3

Тогда подвиглась вся земля,
ОтЪ ужаса вострепетала,
И купно сЪ нею всѣ поля́,
И горЪ основа смя́тна стала;
ЗатѣмЪ что-Бо́гЪ себя явилЪ,
КакЪ-вЪ-я́рости ОнЪ исходилЪ:
Густый шелЪ отЪ Его дымЪ гнѣва,
А огнь и пламень отЪ Лица́,
Но такЪ, что-у́глемЪ до конца
Все стало, бывши какЪ-изЪ-дре́ва.

4

ОнЪ небо приклонивЪ сшелЪ близЪ,
МракЪ подЪ Его стоялЪ ногами;
Слетѣвъ на ХерувімахЪ вЪ низЪ,
Пари́лЪ по вѣтрамЪ, ихЪ крила́ми:
Тму положилЪ вЪ Свою печать,
При той бы дѣйствіе начать;
Его селеніе вкругЪ было,
То тучЪ возду́шныхЪ темный родЪ,
И хля́би, вЪ облака́хЪ-что, водЪ;
ПредЪ НимЪ, за НимЪ, и сЪ НимЪ все плыло.

5

Всѣ тучи блескомЪ ОнЪ разгналЪ;
Тогда вдругЪ угли вЪ низЪ горящи,
Со снѣгомЪ купно градЪ упалЪ:
ОбЪяты страхомЪ были зрящи;
Господь отЪ небо возгремѣлЪ,
Весь во́здухЪ ре́вомЪ зашумѣлЪ:
Разгнать ихЪ, ниспослалЪ онЪ стрѣлы,
УмножилЪ молніями страхЪ,
Тотча́сЪ ОнЪ смялЪ всѣхЪ оныхЪ вЪ прахЪ,
Которыи-толь-были смѣлы.

6

И се пучинѣ явилось дно;
Земныи грунты показались,
Какъ-окрикъ далъ на всѣхъ равно,
И гнѣвомъ как-Его-терзались:
Простеръ десницу Онъ съ высотъ,
Извлекъ меня изъ многихъ водъ;
Избавилъ отъ враговъ мя сильныхъ,
Отъ ненависниковъ моихъ,
Въ то само время, какъ-зрилъ-ихъ
Въ числѣ и въ крѣпости обильныхъ.

7

Тѣ поимали-было въ день
Меня великаго толь бѣдства;
Но Богъ мнѣ твердость и кремень;
Не допустилъ до злаго слѣдства:
Извелъ меня на широту,
Прогналъ далеко горесть ту,
Отъ зла всего тотчасъ избавилъ;
Часть восхотѣлъ мнѣ дать сію,
Предъ ними Правду зря мою;
За чистость рукъ мя не оставилъ.

8

Я путь Господень сохранилъ,
Предъ Богомъ не-былъ нечестивымъ,
Его всегда уставы чтилъ,
Ни повергалъ ихъ людямъ льстивымъ;
Я искренно съ нимъ поступалъ,
Отъ преступленій отбѣгалъ:
Тѣмъ воздалъ мнѣ за правду точну,
И за извѣданну во всемъ
Моихъ рукъ чистоту при семъ,
Сію Самъ видя беспорочну.

9

О! Боже, Ты съ благимъ Самъ благъ;
Ты къ чистосердну чистосердный;
Въ Тебѣ, Избранну много влагъ;
Ты къ лютому немилосердный;
Спасаешь кроткихъ Ты мужéй,
Надменныхъ мечешь какъ-пыжéй:
Ты мой свѣтильникъ просвѣщаешь,
О! Господи, О! Боже мой,
Во мракѣ и во Тмѣ самóй
Мнѣ пребывать не попущаешь.

10

Тобой избавлюсь отъ вреда,
Метнуться возмогу за-стѣну:
Путь Бога моего всегда
Есть правъ, и чистъ, и безъ примѣну;
Его словá горятъ какъ-жáръ;
Щитъ уповающимъ и даръ:
Кто есть другой Богъ, развѣ Бога?
Кто и Господь, Его кромѣ,
Въ могутствѣ, в благости, въ умѣ,
Чья милость къ дольнимъ намъ премнога?

11

Онъ препоясалъ и меня
Толико силою днесь въ крѣпость,
Путь отъ преступства мой храня,
Всю вражію попралъ свирѣпость:
Еленю скорость давъ ногамъ,
Къ высокимъ мя привелъ брегáмъ;
Онъ къ брáни научилъ такъ рýки,
Что, отъ способности тоя,
Лукъ мышца мѣдяный моя́
Тотчáсъ весь сокрушила въ штуки.

• 12 •

Ты, Господи, Ты Самъ далъ мнѣ
Спасенія всего Защиту;
Мнѣ нужды не́-было въ бронѣ,
Имѣлъ Твою ту многочиту,
Покры́ла-кoя мя рука,
И воспріять была блиска́;
Мнѣ совершенно послужило
Все наказаніе Твое,
На исправленіе мое,
И то вконецъ мя научило.

• 13 •

Стопы́ мои Ты расширилъ,
И тѣмъ не поскользнулись но́ги;
Погнать враговъ я ускорилъ,
Которы-были-то́ль премноги:
Постигъ, не отвратился прочъ,
Пока не истребилъ ихъ вточь:
Проболъ; тѣ не могли отъ бою
И отъ ударовъ устоять,
Къ ногамъ моимъ упали вспять,
Всѣ-на́-всѣ згибши головою.

• 14 •

Затѣмъ что-Ты-меня-на-бра́нь
Самъ ополчилъ въ толику силу;
Отбилъ на мя восставшихъ длань,
Усильность здѣлавши ихъ гнилу;
Всѣхъ низложилъ ихъ подъ меня,
Какъ-вса́дника, такъ и коня:
Тобой вра́ги мои хребтами
Преобратились въ смятный бѣгъ;
И ненавидящи за смѣхъ
Потреблены́ во вѣки сами.

15

Взывали въ пагубѣ они,
Но не́-было, ктобъ-мо́гъ избавить;
И къ Богу звали: возбрани,
И повели всѣхъ насъ оставить;
Но Богъ, какъ-положилъ-предѣлъ,
Услышать ихъ не восхотѣлъ:
Я въ ча́сти ихъ истнилъ возможны,
Какъ-бурею-тончи́тся прахъ;
Я оныхъ всѣхъ загладилъ въ махъ,
Какъ-грязь, и сме́тища дорожны.

16

О! Господи, меня Ты спасъ
Отъ всѣхъ людскихъ уже́ раздоровъ;
Поставилъ мя въ главу тотча́съ
Народамъ, по́слѣ всѣхъ ихъ споровъ:
Мнѣ людъ, я коего-не-зна́лъ,
Порабощеннымъ нынѣ сталъ:
Едва о мнѣ всѣмъ рассказали,
Какъ-вся́каго явился взоръ,
Къ повиновенію мнѣ скоръ;
Одни пришельцы мнѣ солгали.

17

Пришельцы убрались всѣ вдаль
Своимъ побѣгомъ скоротечнымъ;
Самихъ себя имъ стало жаль,
Да о́стріемъ не згибнутъ мечнымъ:
Пришли въ великую боязнь,
Готовую себѣ зря казнь:
Въ пути отъ бѣгства охрамѣли,
И сшиблись съ своея стези,
Убѣжища себѣ въ близи
Чрезъ долго время не имѣли.

18

Господь БогЪ живЪ, благословенЪ;
Спаситель мой да вознесется:
ОнЪ БогЪ, я коимЪ-не-забве́нЪ,
ИмЪ месть мнѣ на враги дается,
И онЪ далЪ надЪ людьми мнѣ власть,
ОтгнавЪ прочЪ всякую напасть:
О! Господи, отЪ врагЪ гнѣвливыхЪ
Толь славно нынѣ мя спасый,
ПредЪ восстающими взнесый,
Избавь отЪ всѣхЪ несправедливыхЪ.

19

За все Тя, Боже, прославлять
Я долженЪ есмь между Язы́ки;
И также Имя проявлять
Твое вЪ нихЪ сЪ пѣніемЪ и лики,
Вѣщая: сей БогЪ, СпасЪ Царю;
Сей утолилЪ вЪ мятежныхЪ прю;
Сей милостивЪ есть толь кЪ Давіду,
Помазанному отЪ Него;
Сей ра́вно сѣмени его
Не дастЪ претерпѣвать обиду.

ПСАЛОМЪ XVIII.

Небеса повѣдаютЪ.

Сей ПсаломЪ имѣетЪ двѣ ча́сти. ВЪ пе́рвой, ДавідЪ прославляетЪ славу Божію, видимую вЪ порядочномЪ составѣ Естества всего, а особливо вЪ Небѣ и вЪ Солнцѣ. Во второй, говоритЪ онЪ о преизящности Закона Господня: молитЪ Его, да проститЪ ему согрѣшенія, да предохранитЪ отЪ всякаго зла, и да освятитЪ его мысли, слова́, и всѣ поступки.

⁂ 1 ⁂

Слава Божія отъ дѣлъ
Возвѣщается толь гласно,
Что-помыслить есть ужасно,
А не то, чтобъ кто-былъ-смѣлъ
Говорить: се Тварь обширна;
Но Творца ей нѣтъ-Премірна.

⁂ 2 ⁂

Всякъ на небеса воззри:
Ктобъ возмогъ, кто, развѣ Бога,
Синій тотъ сводъ безъ прилога
Распестрить толь? Рукъ, безъ при,
Божіи всемощна сила,
И премудрость украсила.

⁂ 3 ⁂

День всегда плыветъ за днемъ;
Нощь же нóщи премѣняетъ;
Волю благу чинъ являетъ,
И строеніе о всемъ;
Нѣтъ сомнѣнія ни мало:
То отъ твéрди твердо стало.

⁂ 4 ⁂

Съ нашимъ въ ней несходенъ гласъ;
Слышать звоны невозможно:
Строемъ всѣхъ свѣтилъ неложно
Дольнихъ увѣряетъ насъ:
Вся земля внушаетъ слово,
Міра всѣмъ концамъ не ново.

⁂ 5 ⁂

Рекъ Господь, и подаетъ
Солнце свѣтлость всю златое;
Такъ женихъ лице младое
Кажетъ, какъ-онó встаетъ,
Всѣмъ лучи лія собою,
Согрѣвая теплотою.

6

Красный бѣгъ его толь скоръ,
Что-не-можно-исполи́ну,
Какъ-мече́тъ въ верьхъ и въ долину,
Быть сравне́нну съ онымъ въ споръ,
Коль къ предѣлу ни стремится,
Да за трудъ вѣнцемъ почтится.

7

Встока шествуя съ границъ,
Въ вечеръ въ западѣ съ заря́ми,
Препоножнымъ за моря́ми,
Да подастъ своихъ зѣни́цъ
Тотже лучъ благотворящій,
Непрестанно въ службѣ бдящій.

8

Но его свѣтъ, красота,
Толь къ себѣ не превращаютъ,
И ни столько просвѣщаютъ
Взоръ людскій; коль высота
Божія Закона точно,
Чтобъ пожить всѣмъ непорочно.

9

Завѣщаніе того
Безъ погрѣшностей, и вѣрно;
Мудрый умъ нелицемѣрно
Малымъ дѣтямъ отъ него:
То свѣтъ моего есть о́ка!
Радость сердцу то глубо́ка!

10

Господи! страхъ Твой есть святъ,
Пребываетъ онъ всевѣчно;
Кривдами нигдѣ конечно
Судъ Твой, Боже, не запя́тъ:
Онъ неумоли́мъ дарами;
Лжи не потемне́нъ играми.

11

Злато, ни камыкЪ толь драгЪ!
МедЪ, и сотЪ не толь есть сладокЪ!
Не отЪиметЪ мзды припадокЪ,
КакЪ-Тебѣ не буду врагЪ,
Заповѣдей тѣхЪ презоромЪ,
И премногихЪ сквернЪ зазоромЪ.

12

Кто грѣхамЪ число могЪ знать?
Я отЪ тайныхЪ преступленій,
И чужихЪ отЪ озлобленій,
Очище́нЪ, молю́, предстать:
Да не буду гордыхЪ лика;
Убѣгу грѣха велика.

13

Боже! о! да все сіе
Исповѣмъ Тебѣ во славу;
И да научатся праву
Мысль, и сердце все мое!
Есмь Твоя тварь, есмь проситель:
Ты мнѣ По́мощь и Спаситель.

ПСАЛОМЪ XIX.

УслышитЪ мя Господь.

НародЪ Ізраильскій молится за Давіда Царя своего, и проситЪ Бога, защитить Его, и побѣдоносна сотворить; да и уповаетЪ, что-БогЪ-услы́шитЪ молитву.

1

УслышитЪ тя Господь нашЪ вЪ день
Твоей печали, и злой ча́сти;
Защи́титЪ и твою степень
ІАковль БогЪ отЪ всей напасти.

2

Съ святыхъ Онъ мѣсть тебѣ своихъ
Дастъ пóсланную пóмощь вскорѣ;
И отъ Сіоновыхъ самúхъ
Заступитъ тя въ несносномъ горѣ.

3

Онъ жертву всякую твою
Помя́нетъ, и не позабудетъ;
А всесожженіе въ зною́
Испепелившись, тучно будетъ.

4

По сердцу дастъ, сразивъ навѣтъ;
И все что-у́зритъ вождел̀енно,
Намѣреніе, иль совѣтъ,
Исполнитъ такъ Онъ неотмѣнно.

5

Мы о спасеніи твоемъ
Возрадуемся попремногу;
И велегласно воспоемъ
Торжественные пѣсни Богу.

6

Въ Господне Имя всѣ бой,
Одéржимъ купно всѣ побѣды:
Богъ прозбы совершитъ твои;
Мы возвеличимъ наши слѣды.

7

Се явно, что-Господь-ужъ-спáсъ
Помазаннаго милосердо;
Услышитъ Онъ его и насъ:
Спасеніе Того есть твердо.

8

Тѣ колесницами вездѣ
Толь величаются тщеславно;
А сіи въ кóняхъ, и въ ѣздѣ,
Кладутъ себѣ блаженство главно.

9

Но намъ Господне Имя есть,
Которое-мы-призываемъ,
Вся слава, красота, и честь;
На Господа и уповаемъ.

10

Тѣ збиты, вспять обращены,
И отъ меча преостра пали;
А мы на нихъ напущены,
Исправившисяжъ бодро встали.

11

О! Господи, Царя спаси;
А нашего въ день обща зова,
Имъ слухъ Твой вскорѣ огласи,
И намъ не отреки покрова.

ПСАЛОМЪ XX.

Господи силою твоею.

Содержаніе сего Псалма есть тожъ, что-и-прошедшаго. Ізраильтяне хвалятъ Бога съ Давідомъ за дарованія имъ преимущества, уповая на продолженіе покровительства и помощи отъ Господа.

1

Твоею силою нашъ Царь,
О! Господи, возвеселится;
И, какъ-подобна всѣмъ намъ тварь,
Вельми онъ радостенъ явится,
Спасеніемъ какъ ободрится.

2

Его Ты сердца далъ ему
Желаніе все такъ и точно;
И не лишилъ его къ тому,
Чего-онъ-ни-просилъ оброчно,
Молясь устами денно, ночно.

3

Благословляя предварилъ
Его именіемъ довольнымъ;
Вѣнцемъ главы верьхъ озарилъ,
И каменемъ, и златомъ го́льнымъ,
Поставивъ Самъ его престольнымъ.

4

Просилъ себѣ онъ живота;
И подана́ ему Тобою
Премногая дней долгота:
Ему сей славы больше ко́ю
Имѣть избавою драгою!

5

Благословеніе Ты далъ
Во вѣкъ ему Твое святое;
Лице на радость показалъ:
На Тя Царь уповаетъ вдвое;
Твоя дастъ милость спать въ покоѣ.

6

Обрящетъ всѣ Рука Твоя
Враговъ и супостатовъ лица;
Не убѣжитъ же отъ тоя
И ненависниковъ станица:
Обрящетъ ихъ Твоя Десница.

7

Какъ огненную Ты ихъ пещь
Разже́шь Лицемъ Твоимъ въ то время;
Смятенія подашь имъ вещь,
И тяжести несносно бремя:
Огнь съѣстъ ихъ, поглощая племя.

8

Погу́бишь отъ земли́ ихъ плодъ,
И человѣковъ межъ сынами
Отнюдъ не на́йдется ихъ родъ:
Зло вздумали на Тя сердцами;
Но то свершить не могутъ сами.

9

Поло́жишь Ты себѣ ихъ въ цѣль;
Стрѣламъ Твоимъ ихъ зракъ представишь;
Ихъ растрѣляешь въ части, въ мѣль;
Ни слѣ́да ихъ Ты не оставишь:
Тѣмъ са́мымъ насъ отъ нихъ избавишь.

10

Въ сей силѣ, Господи, восстань,
Надъ ними возносясь ужасно,
И сполчаясь такъ на брань:
Но мы всѣ воспоемъ согласно
Тебѣ хвалъ пѣснь, гласяя прекрасно.

❦ ❦ ❦

ПСАЛОМЪ XXI.

Боже, Боже мой вонми ми.

Давідъ жалуется, что-Богъ-оста́вилъ его въ крайней печали, и предалъ ярости непріятелей. Представляетъ печальное состояніе, въ коемъ-уже́ находится, и молитъ Го́спода о по́мощи себѣ. Засвидейтельствуетъ притомъ твердое надѣяніе на Бога; уже́ и хвалитъ его за избавленіе ожидаемое отъ его благости, да и возбужда́етъ-еще всѣхъ вѣрныхъ къ хваленію того. Должно знать, что-сей-Псаломъ-есть-проро́чество, а избавляетъ особливо страданіе Мессіино и его Царствіе.

I

Боже! Боже мой вонми!
Ты почто меня оставилъ,
И понынѣ не избавилъ,
Милость удаливъ вельми?
Боже! въ дни Тебя взываю;
Но услышанъ не бываю:
Токи слезъ лію нощми́,
И рыдаю беспрестани;
Но подъемлю всуе длани.

2

Впрочемъ, Ты Богъ пресвятый;
Отъ Ізраиля гласимый,
Въ немъ живешь превозносимый,
Сущій, бывый, и грядый:
Пре́дки наши уповали,
Въ по́мощь Тя всегда взывали;
И спасенъ Тобой всякъ чтый:
Всѣ они Тебѣ молились;
И ниже́ не постыдились.

3

Яжъ червь, а не человѣкъ,
Поруганіе прямое;
Я презрѣніе людское,
И подобенъ тинѣ рѣкъ:
Всѣ, которыи-мя-ви́дятъ,
Такъ съ бесчестіемъ обидятъ:
Богъ ему надежда ввѣкъ;
Пусть его Онъ избавляетъ,
И любви да сподобляетъ.

4

Правда, Ты меня изъялъ
Отъ Родившія утробы;
Какъ-и-сса́лъ сосцы мнѣ собы,
Ты тогда мя въ кровъ пріялъ:
Отъ ложеснъ Тебѣ счетался,
И приверженъ обрѣтался;
О! чтобъ Ты мя нынѣ внялъ:
Скорбь ужъ блиско становится;
Помогающій не зрится.

5

Се обстали мя тельцы́,
И кругóмъ всѣ обхватили;
Зѣвъ на мя свой растворили,
Какъ-левъ-хищникъ, тѣ лесцы́:
Я истекъ весь какъ водою;
Сыплются мои бѣдою
Кости внутрь во всѣ концы;
Сердце воскомъ въ чревѣ таетъ,
Вся утроба обмираетъ.

6

Глинянъ ра́вно какъ-сосу́дъ,
Высохла во мнѣ вся сила;
И языкъ мой прилѣпила
Ужъ къ себѣ гортань въ сей трудъ;
Мнѣ подвигнуться не можно,
Погибаю неотложно:
Тыжъ, чрезъ Твой жестокій судъ,
Въ персть меня приводишь смерти,
Попуская онымъ сперти.

7

Псовъ премножество лихихъ
На меня въ округъ напало,
И лукавство мя обстало;
На рукахъ, ногахъ моихъ
Язвы лютые пробили;
Ре́бра также содроби́ли;
Есмь въ посмѣхѣ зримъ отъ нихъ:
Ризы раздѣливъ, въ надеждѣ
Мечутъ жребій объ одеждѣ.

8

Господи! не удали
ОтЪ меня Ты СамЪ призора;
Пóмощь мнѣ да будетЪ скóра;
Заступить меня внемли:
Жизни токмо не остави,
ОтЪ оружiй ту избави;
Точный способЪ мнѣ пошли,
КакЪ-спастись-отЪ-Псá пресрога,
КакЪ-отЪ-Львá, и Однорога.

9

Братству моему явлю
Я Твое толь Имя славно;
Мнѣ и дѣло будетЪ главно,
Да вЪ соборѣ Тя хвалю:
О! Вы, кои-тóль боитесь
Гóспода, теперь явитесь;
ВасЪ зову я и молю́:
Вы Iаковли, хвали́те;
Вы, Iзраиль, сЪ страхомЪ чтите.

10

ОнЪ мя не уничижилЪ,
Ни молитвЪ не презрилЪ слезныхЪ;
ВзоровЪ ОнЪ меня полезныхЪ
Всеконечно не лишилЪ:
При́званный ОнЪ воплемЪ новымЪ,
СталЪ услышать мя готовымЪ:
Гóсподи! я положилЪ,
Да Тя вЪ храмѣ восхваляю,
СЪ страхомЪ обще умоляю.

⁂ 11 ⁂

Кроткіи ужъ начнутъ ѣсть,
Будутъ же и насыщенны;
Къ Господу всѣ обращенны,
Господу дадутъ и честь:
Живо сердце ихъ пребудетъ;
Богъ вселенны не забудетъ;
Истребится всяка лесть;
Всѣ Іазыки и Народы
Припадутъ предъ Нимъ въ Родъ-Роды.

⁂ 12 ⁂

Царь единъ, Господь есть Богъ;
Каждое Того есть царство,
Не возможетъ чрезъ коварство
Всякъ туда найти дорогъ:
Онъ Языками владѣетъ,
И надъ ними власть имѣетъ:
Хоть ѣдятъ земный тукъ многъ;
Но припадъ Ему покорно,
Будутъ кланяться бесспорно.

⁂ 13 ⁂

Мой послужитъ родъ тому,
Поработаетъ и сѣмя:
Да и будущее племя
Міру возвѣститъ всему
Божескую справедливость,
И судебъ тѣхъ особливость,
Чрезъ которы-быть чему
Положилъ Господь дѣлами,
И содѣялъ-что Онъ съ нами.

ПСАЛОМЪ XXII.

Господь пасетъ мя.

Давідъ предъизъявляетъ Отеческія попеченія отъ Господа объ немъ: и представляетъ оныя подъ образомъ Пастыря, стрегущаго своихъ овецъ,

питающаго ихъ, и защищающаго. Описываетъ онъ милости, коими надѣется наслаждаться всегда въ собщеніи съ Господемъ.

1

Господемъ пасо́мъ бываю,
Студѣнія мнѣ нѣтъ;
Въ злачномъ мѣстѣ отдыхаю,
Гдѣ благоуха́нный цвѣтъ:
При вода́хъ есмь тихихъ, чистыхъ,
Безъ волненія игристыхъ,
И безъ всякихъ бу́ри бѣдъ.

2

Онъ мой духъ возобновляетъ,
По пути водя, кой-пра́въ;
Всѣхъ благихъ мя сподобляетъ,
Зная мой смиренный нравъ:
Хоть по смертной бы долинѣ
Темноты пошелъ въ срединѣ;
Небоюсь и тамъ злыхъ травъ.

3

Боже! Ты вездѣ со мною;
Жезлъ и палица Твоя,
Мнѣ утѣхою драгою,
И надежда вся моя́:
Самъ мнѣ пи́щу учреждаешь,
Сладостями насыщаешь,
Отъ противныхъ не тая́.

4

Се моя́ и намаще́нна
Отъ Тебя глава мастьми́;
Мнѣ и чаша позлащенна
Пить дана́ полна́ вельми:
Моея всю жизни гнилость
Препрово́дитъ крайня Милость;
Въ Домъ вселитъ Твой предъ очми́.

ПСАЛОМЪ XXIII.

Господня земля.

Царь Давідъ признаваетъ въ семъ Псалмѣ, что-Богъ, создавшій весь Міръ, царствуетъ надъ всѣми вещами, а особливо надъ Соборомъ вѣрныхъ. Показываетъ онъ, кои-суть-прямыи члены Церкви, и по какимъ-знáкамъ познаваются они. Наконецъ, прославляетъ онъ Славу и Силу того Всемогущаго Царя.

1

Господня есть Земля, на ней
И въ исполнéніи-что зрится;
Его Вселенна, и по сей
Живущее, и что-родйтся:
Онъ на моряхъ ту основалъ,
И на рѣкахъ Ей твердость далъ,
Преукрашéнной велелѣпно,
И расширéнной достолѣпно.

2

На гóру къ Богу кто взойдéтъ,
Его всея въ домъ Благостыни?
Или кто, ставъ тамъ, поживетъ
На мѣстѣ Онаго Святыни?
Тотъ, кто-рукáми безъ вины;
Кто-сéрдцемъ чистъ изъ глубины;
Отъ лжи душею кто-блюдéтся;
И кто-обмáномъ не кленется.

3

Господь сего Благословитъ;
Ему, нашъ Богъ и нашъ Спаситель,
Свою всю милость въ томъ явитъ,
О чемъ восхощетъ быть проситель:
Блаженъ сей человѣковъ плодъ!
Сей ищетъ Гóспода весь родъ;
Іаковля сей ищетъ Бога,
И дйвна Божія чертога.

• 4 •

Отверзите входъ, о! врата,
Раздвойтесь вы, о! двери вѣчны,
Да ваша двигнется пята́;
Царь внидетъ Славы безконечны:
Кто сей грядый Царь Славы есть,
Должна́-которому вся честь?
Господь, Онъ крѣпокъ, силенъ въ бра́ни;
Единъ отъ всѣхъ пріемлетъ дани.

• 5 •

Отверзите входъ, о! врата,
Раздвойтесь вы, о! двери вѣчны,
Да ваша двигнется пята́;
Царь внидетъ Славы безконечны:
Кто сей грядый Царь Славы есть,
Котораго-намъ-до́лжно ввесть?
Господь Силъ, и всея Державы,
Тотъ Самъ, который-Ца́рь есть Славы.

⁂

!! * !!

КАѲІСМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПСАЛОМЪ XXIV.

Къ тебѣ Господи воздвигохъ дýшу.

Въ семъ Псалмѣ Давідъ проситъ Милости Божіея съ великою горячестію. Особливожъ молится онъ Ему, да научитъ его стезямъ своимъ, да дастъ ему Давіду свой Страхъ, да проститъ ему согрѣшенія его, и да избавитъ его отъ печалей. Притомъ, преизрядно изображаетъ онъ Богочестіе, и блаженство, къ коему-то-возвóдитъ человѣковъ. Псаломъ сей содержитъ наставленія всякаго примѣчанія достойныя, и прекрасную ревность Набожности.

1

Господи! воздвигъ къ Тебѣ
Я мой духъ нелицемѣрно;
Боже мой! надѣюсь вѣрно
На Тебя во всемъ себѣ:
Да не зломъ враги упьются,
И стыдомъ мнѣ ввѣкъ смѣются.

2

Чающимъ Тя, нѣтъ стыдá,
Нé-было, и впредъ не будетъ;
Зла сего всѣмъ преизбудетъ,
Всякаго при томъ вредá,
Беззаконнующимъ зѣльно,
Въ то стремящимся бездѣльно.

3

Господи! путь Твой скажи;
А стезямъ мя научая,
Въ непрямы́хъ же обличая,
Точные мнѣ покажи:
Истинну Твою да знаю;
Ты Богъ Спасъ, Тебя желаю.

4

Всѣ щедроты помяни,
Милости Твои суть вѣчны;
Юности, грѣхъ премини,
И незнанія конечны:
Но меня Ты незабуди,
Добросердъ ко мнѣ пребуди.

5

Благъ Господь, и всяко Правъ;
Тѣмъ грѣшащихъ Онъ наставитъ
Всѣхъ на путь, и ихъ исправитъ,
Очищая гнусный нравъ:
Правоту Онъ дастъ смиреннымъ,
И науку покореннымъ.

6

Всѣ стези Господни суть:
Милость, Правда, и Щедрота;
Но сія для тѣхъ добрóта,
Кои-тщáтся стать на путь
Божіихъ какъ-всѣхъ-завѣтовъ,
Такъ свидѣтельствъ, и обѣтовъ.

7

Господи! и Боже всѣхъ!
Ради Имени велика,
Моего не презри клика,
Но во мнѣ очисти грѣхъ;
Не прошу Тебя я тщетно:
Онаго число несчетно.

8

Кто-изъ-человѣковъ-éсть,
Сердцемъ Гóспода боящися;
Въ семъ будь мнѣніи бодряйся,
Истинна сіе, не лесть:
Чисту Богъ ему дорóгу
Къ своему явитъ чертогу.

9

Онаго душа въ благихъ
Изобильно водворится;
Все потомство одарится,
Каждый въ жизни дней своихъ,
Тучною весьма землею,
Да владѣетъ рядомъ ею.

10

Всѣмъ боящимся Его
Есть Господь единъ держава,
Силу бъ имъ сказать Устава,
И Завѣта своего:
Къ Богу долгъ всегда мнѣ зрѣти:
Нóги извлечетъ отъ сѣти.

11

Обрати ко мнѣ Твой взоръ,
Господи! помилуй вскорѣ:
Я единъ есмь, нищъ, и въ гóрѣ;
Въ сердцѣ многъ скорбей есть зборъ:
Изведи меня отъ нужды;
Бѣдства всѣ да будутъ чужды.

12

Кротость вижды мою́ и трудъ;
Всѣ грѣхи мои заглади:
Вижды, враги мои коль ради;
Много ихъ, да мя запну́тъ:
Тѣ меня всѣ ненавидятъ,
И неправдою обидятъ.

13

Ду́шу сохрани мою́;
Ту избавь, да не стыжуся,
Ни да больше илъ боюся:
Ибо токмо на Твою
Я всегда надѣюсь милость;
Ободри во мнѣ унылость.

14

Да незлобіе мое
Мя отъ тѣхъ предохраняетъ,
Правость же да заслоняетъ;
Ты спаси за обое:
Боже! Тя всегда я чаялъ;
Впредь Ізраиль бы не таялъ.

ПСАЛОМЪ XXV.

Суди ми Господи.

Давідъ проситъ Го́спода, укрѣпить его невинность. Объявляетъ онъ, что-всегда́ удалялся отъ злыхъ, и что-все-его-увеселеніе-въ-то́мъ, дабъ служить Богу въ Его храмѣ. Съ сими склонностями надѣется, что-Господь-не-предáстъ его врагамъ.

1

Господи! мя рассуди:
Мой поступокъ весь беззлобный;
Всю надежду утверди,
И не буду неудобный.

2

Господи! мя искуси;
Испытай мою́ утробу;
Все и сердце раструси;
Слѣдуй всю мою́ особу.

3

Узришь, что-Твоя-всегда́
Милость есть мнѣ предъ очами;
И отъ правды никогда
Я не отбѣгалъ стопáми.

4

Съ сонмомъ чвановъ не сидѣлъ,
И ниже́ не обходился;
Дружбы жъ во́вся не имѣлъ,
Кто-мнѣ-беззако́нникъ зрился.

5

Ненавидѣлъ всѣхъ я злыхъ,
И соборище лукавыхъ;
Удалялся отъ худыхъ,
И нечестіемъ неправыхъ.

6

Я въ невинности моей
Умываю токмо ру́ки;
Жертвенникъ горы́ Твоей
Обхожу кругомъ безъ скуки.

7

Мнѣ дабы услышать гласъ
Тамъ похвалъ Твоихъ прекрасныхъ;
И Твоихъ вѣщать всякъ часъ
Истинну чудесъ ужасныхъ.

8

Господи! я возлюбилъ
Домъ Твой дивно благолѣпный;
И то мѣсто, гдѣ-вселйлъ
Славу Ты, о! Велелѣпный.

9

Съ грѣшниками не собщай
Моея души́, молюся;
И животъ мой отвращай,
Съ кровопивцы да не зрюся.

10

Въ ихъ рукахъ неправота
Беззаконій есть премногихъ;
А въ десницѣ полнота
Мзды и взятковъ отъ убогихъ.

11

Яжъ конечно поступалъ
По незлобѣ беспрестани;
Да спасешь меня, взывалъ,
И помилуешь отъ бра́ни.

• 12 •

Ногу твердо становлю,
На прямой всегда дорогѣ:
Боже! Тя благословлю
Я при всѣхъ въ Твоемъ чертогѣ.

❦ ❦ ❦

ПСАЛОМЪ XXVI.

Господь просвѣщеніе мое.

Царь Давідъ засвидѣтельствуетъ здѣсь, 1) что-онъ-имѣлъ-совершённое надѣяніе на Бога въ са́мыхъ великихъ своихъ бѣдствіяхъ. 2) объявляетъ свою ревность и усердіе къ служенію Богу. 3) Молится, да дастъ ему Богъ засвидѣтельствованіе своея къ нему Благости; да и показываетъ себя совершенно удостовѣреннымъ, что-Богъ-его-не-оставитъ-никогда́. Въ семъ Псалмѣ много Умащенія, Вѣры, Набожности, и Богочестія.

• 1 •

Все просвѣщеніе мнѣ есть
Господь, и Онъ же мой Спаситель;
Ктожъ можетъ въ страхъ меня привесть?
Богъ Самъ мнѣ въ жизни Споручитель.

• 2 •

Когда-прибли́жились ко мнѣ,
На мя имѣющіи злобу,
Чтобъ плоть мою съесть на войнѣ;
То сами пали всѣ ко гробу.

• 3 •

Хотя весь ополчится станъ,
Но сердцемъ я не унываю;
Ни въ бра́ни буду я попранъ:
На Бога твердо уповаю.

• 4 •

Отъ Го́спода сего просилъ
Единаго я велегласно,
Къ чему-весь-ду́хъ мой возносилъ;
Чего-и-поищу́ всечасно.

5

Чтобъ мнѣ въ Дому Господнемъ жить,
Но жизни моея всѣ лѣта;
Да красоту бъ зря тамъ служить,
И учащать въ немъ безъ навѣта.

6

Укроетъ Онъ меня въ день зла
Въ селеніи Святаго Храма;
Покроетъ тайною села́;
На твердость вознесетъ без срама.

7

И нынѣ се главу вознесъ,
Сверьхъ всѣхъ враговъ мнѣ и противныхъ;
Ему я жертву тамъ принесъ
Хвалъ, всклкновеній, пѣсней дивныхъ.

8

О! Господи, услыши гласъ,
Твою взываю я щедроту;
Мнѣ сердце говоритъ въ сей часъ:
Ищи, найду Твою добро́ту.

9

Не отврати въ страну лица́;
Не отрѣвай мя прочъ во гнѣвѣ:
Помощникъ будь мнѣ доконца;
Спаси, спасый меня во чревѣ.

10

Отецъ мой, ра́вно какъ и мать,
Оставили мя сиротою;
Ты, Господи, меня пріять
Къ себѣ благоволи судьбою.

11

Твоимъ мя научи путямъ,
И поведи меня по правымъ
Закона Твоего стезямъ;
Да я отъ злыхъ пребуду здравымъ.

• 12 •

Желанію враговъ моихъ
Не предавай мя беспосредно:
Въ неправдахъ встали ужъ своихъ
Свидѣтели на мя толь вредно.

• 13 •

Когдабъ-не-вѣрилъ-прямо я,
Что-ўзрю Божіе Благое;
Тобъ на землѝ живыхъ моя
Гонзнула ужъ давно жизнь въ злое.

• 14 •

Чай Го́спода себѣ, Давідъ;
Мужайся сердцемъ всѣмъ не нѣжно;
Да возметъ крѣпости то видъ:
Чай Го́спода себѣ надежно.

ПСАЛОМЪ XXVII.

Къ тебѣ Господи воззову.

Царь Давідъ проситъ Бога, защитить его отъ злости и отъ ухищреній людей злыхъ, и отъ суда, который-до́лженствуетъ ихъ постигнуть. Хвалитъ онъ Бога за призрѣніе къ нему, уповаетъ на его по́мощь, и молится о благополучіи Ізраильскаго народа.

• 1 •

Господи! толь велегласно
Днесь къ Тебѣ я вопію;
Боже! мнѣ въ напасть сію
Ты не будь молчай: опасно,
Ябъ не сталъ какъ-ме́ртвый власно.

• 2 •

Гласъ услышь мой и молитву,
Я Тебѣ когда-моло́сь,
И воздѣвшій ру́ки зрюсь
Святости Твоей въ селитву;
Да не злымъ впаду въ ловитву.

3

Не влеки за ихъ слѣдами,
Ни не погубляй мя въ тожъ,
Съ дѣлающими здѣсь ложь:
Миръ, вѣщая тѣ устами,
Помышляютъ зло сердца́ми.

4

Дай имъ, Господи, по дѣлу,
По заслугамъ злости ихъ
Въ предпріятіяхъ такихъ;
Заплати за руку смѣлу
Имъ достойно мзду всецѣлу.

5

Не брегутъ всѣ дѣлъ Господнихъ,
И ниже́ дѣлъ рукъ Его:
Ты ихъ, Боже, для того́
Разоришь до преисподнихъ,
И не зиждя сгладишь схо́дъ-ихъ.

6

Богъ благословенъ всевѣчно!
Онъ мольбу мою́ внушилъ:
Мнѣ въ защиту поспѣшилъ;
Уповаю я сердечно
На Него всегда конечно.

7

Подалъ мнѣ Онъ по́мощь ско́ру;
Плоть моя́ вся процвѣла;
Воля стала быть смѣла́,
Да Его предстану взору,
И да славлю тамъ собору.

8

Людямъ Богъ своимъ твердыня;
Щитъ Помазаннику сей:
Господи! спаси людей;
Да не будетъ какъ-пусты́ня
Ча́сти Твоея Святыня.

ПСАЛОМЪ XXVIII.

Принесите Господеви.

Сей Псаломъ есть увѣщаніе къ признанію величества Божіяго, которое-видно-въ-его-Твореніи, а особливо въ Громѣ. Пророкъ предлагаетъ-еще о покровительствѣ, какое-Богъ-показываетъ-Народу Ізраильскому.

1

О! Богодѣти, принесите
Вы славу Господу и честь;
Его вы жертвою просите
Въ дворѣ Его, гдѣ-Святость есть:
Вы съ поклоненіемъ гласите,
Пѣснь Имени Его похвалъ,
Чтобъ всякъ живущій Бога зналъ.

2

Гласъ Божій на водахъ бываетъ;
Во славѣ крѣпкій Богъ гремитъ;
Господь моря всѣ разливаетъ;
Онъ воздухъ силами стремитъ:
Богъ велелѣпно возвѣваетъ;
Господень трѣскомъ гласъ страшитъ,
Ливански Кедры какъ-крушитъ.

3

Имъ скачетъ холмъ тельцу подобно;
И всякихъ горъ хребетъ премногъ
Колеблется, но толь удобно,
Младый коль рыщетъ Однорогъ:
Господь вжигаетъ огнь способно;
Пустыню Божій гласъ трясетъ;
Въ Кадійску трепетъ степь внесетъ.

4

Творитъ Елени плодородны;
Дубравы открываетъ Онъ;
Всѣ кро́въ, что-Ему́ природны,
Его вѣщаютъ Славы звонъ:
Господь ліе́тъ пото́пы во́дны;
Все есть, и движестя о Немъ;
Надъ всѣмъ ввѣкъ предсѣдитъ Царемъ.

5

Господь своимъ дастъ людямъ силу,
И въ крѣпость препояшетъ ихъ;
И сотворитъ свою́ часть милу,
И обще насладитъ благихъ:
Съ высотъ приникнетъ къ ихъ кадилу;
Спокойствіе возобновитъ,
И миромъ ихъ благословитъ.

ПСАЛОМЪ XXIX.

Вознесу Тя Господи.

Давідъ благодаритъ торжественно Богу за избавленіе, и за преложеніе гнѣва своего на милость. Исповѣдуетъ, что-позабывшагося-въ-преспѣяніи Богъ наказалъ его, и привелъ въ должность, дабы онъ призывалъ Бога съ бо́льшимъ усердіемъ. Обѣщается прославлять Его всегда за избавленіе и услышаніе.

1

Господи! Тя вознесу;
Ты, по Твоему изволу,
Выспрь подъя́лъ меня отъ до́лу,
Гдѣ-мнѣ-бы́ть не давъ часу́:
Я по долгу Тя прославлю;
Ты враговъ не взвеселилъ,
При́званный мя исцѣлилъ,
Рекши: бѣднаго избавлю.

2

Мой отъ гроба духъ возвелъ,
Да не буду въ ровъ сходящимъ:
О! кто-у-Него-есть-вя́щшимъ,
Каждый чтобъ ему въ васъ пѣлъ,
Славилъ бы его Святыню,
Всемогущество, и Власть;
Отгоняетъ Онъ напасть,
Показуя благостыню.

3

Ярость и Его гнѣвъ здѣсь,
Есть мгновенія едина;
Милости жъ всея пучина,
На животъ всецѣло весь:
Если въ вечеръ плачъ, несладость,
Водворяются къ кому;
То заутра се ему
Подается впо́лнѣ радость.

4

Я когда-оби́ленъ сталъ,
То сіе вѣщалъ устами:
Не колеблемъ есмь бѣдами,
И не можно, чтобъ я палъ:
Сила моея добро́ты
Вся была въ горѣ моей;
Но смутился безъ Твоей,
Боже! бѣдственно щедроты.

5

Господи! тогда въ себѣ
Я отъ се́рдца помолился,
И притомъ же прослезился,
Словомъ вопія къ Тебѣ:
Что́ въ моей прибытка кро́ви,
Какъ-сойду́ во тлю съ труда́?
Персть прославитъ ли когда
Правду древности и но́ви?

6

Боже мой! услышь меня,
Самъ помилуй, не забуди;
Мнѣ Помощникъ скорый буди,
Гнѣвъ на милость преклоня:
Се жъ Ты днесь и соизволилъ
Преложить плачъ въ торжество,
И въ прекрасно ликовство;
Да и всѣмъ мя удоволилъ.

7

Рубище раздралъ на мнѣ;
Препоясалъ мя въ веселость;
Уяснилъ мою и бѣлость
По всему разливъ ту внѣ:
Да пою Тебѣ прославленъ;
Да немолчно Тя хвалю;
И да истинно люблю:
Боже! ввѣкъ почту избавленъ.

ПСАЛОМЪ XXX.

На Тя Господи уповахъ.

Царь Давідъ проситъ Бога, что-понеже-онъ-уповáетъ на Него, то да будетъ Ему угодно защитить его отъ претерпѣваемыхъ золъ, наносимыхъ врагами, и притомъ сáмыми Ближними Его; а совершенно надѣясь, что-молитва-его-бýдетъ услышана, радуется объ избавленіи, чаемомъ отъ Божіея Благости, и возбуждаетъ Праведныхъ къ хвалѣ Господней.

1

Господи! на Тя надежда
Точно вся моя́ была,
Да не буду, какъ-невѣжда,
Постыжденъ во вѣкъ отъ зла;
Правдою избавь Твоею,
И изми мя купно ею:
Слухъ ко мнѣ Твой приклони;
Поспѣши меня исхи́тить;
Богъ, благоволи защи́тить;
Спасъ, въ домъ буди, и храни.

2

Ты мнѣ крѣпкая держава;
Ты прибѣжище мое;
И да превозноситъ слава
Имя дивное Твое,
То мнѣ буди Предводитель,
Богъ, Господь, и Заступитель:
Извлеки мя отъ сея
Скрытыя толь хитро сѣти;
Духомъ Самъ изволь владѣти:
Истинна спасетъ Твоя.

3

Ненавидишь величавыхъ,
Возлюбившихъ суету,
Горделивыхъ, и лукавыхъ,
Въ вещь имѣющихъ мечту;
Яжъ на Тя и уповаю,
Тя и Бога величаю:
Милостію веселюсь;
Въ ско́рби прежде мя призрѣлъ,
Спасъ отъ нужды, и согрѣлъ;
Симъ я славно похвалюсь.

•• 4 ••

ВЪ вражіихЪ рукахЪ и вла́сти,
Ты меня не заключилЪ;
Но землй бЪ вЪ пространной ча́сти
СталЪ ногой я, и почилЪ:
Господи! помилуй нынѣ,
Се печали есмь вЪ пелынѣ:
Весь ужé смущенЪ мой зракЪ;
Расторгается утроба;
СЪ скóрби жизнь почти у гроба;
СЪ стоновЪ крѣпость и́детЪ вЪ station.

•• 5 ••

ВЪ поношеніе укорно
СталЪ я быть моимЪ врагамЪ;
ВЪ диво такожде позорно
Есмь сосѣдамЪ и друга́мЪ;
ЗнаемымЪ моимЪ, я страхомЪ;
Зрящіи бѣгутЪ прочЪ махомЪ:
КакЪ-умéршій, такЪ забвенЪ,
ОбщимЪ здѣлался я худомЪ;
Иль негоднѣйшимЪ сосудомЪ,
Кой-вЪ-чрепкй есть истребленЪ.

•• 6 ••

Я бесчестіе отЪ многихЪ,
ОбитающихЪ кругóмЪ,
Слышу, какЪ-на-мя́ то вЪ срогихЪ
ЗлостяхЪ произносятЪ ртомЪ;
СтрахЪ мя се обЪялЪ отвсюду,
Для собравшагося люду,
Кои-на́чали ковЪ шить:
Разны козни вымышляютЪ,
ВЪ то и мысли устремляютЪ,
ЖизнибЪ имЪ меня лишить.

7

Но я, Боже, непрестанно
УповалЪ на Тя во всемЪ;
Для того есть и не странно,
Что-я-такЪ сказалЪ при семЪ:
Ты мой БогЪ вЪ нощь, при зарницѣ;
Жребій мой вЪ Твоей десницѣ:
ИзЪ руки враговЪ избавь;
Запрети и всѣмЪ гонящимЪ;
ВзоромЪ зри раба свѣтящимЪ,
Милостію воспрославь.

8

Боже! да не постыжуся,
Что-Тебя-и-призвалЪ такЪ,
Ни врагами да свижуся;
Нечестивыи всѣ вЪ меракЪ
СойдутЪ гробнаго пусть ада,
Гдѣ отЪемлется отрада
Нѣмы сталибЪ лжи уста,
Праведнаго что-обидятЪ,
И презорно ненавидятЪ;
ИмЪ сія да будетЪ мзда.

9

О! коль множество несмѣтно,
Господи, ТвоихЪ благЪ всѣхЪ,
СохраненныхЪ безнавѣтно
Ради человѣковЪ тѣхЪ,
Кои-Тя-всегда боятся,
И на Тя вЪ надеждѣ зрятся:
Ты ихЪ скроешь отЪ людей,
И отЪ всѣхЪ людскихЪ смятеній;
Ты покроешь ихЪ отЪ рвеній,
И отЪ тяжбЪ, и отЪ судей.

• 10 •

Богъ благословенъ во вѣки;
Милость мнѣ свою явилъ,
Ей дивятся человѣки,
И меня толь удивилъ,
Что-я-мнился быть въ заградѣ
Въ укрѣпленномъ твердо градѣ:
В исступленіи вѣщалъ:
Я отверженъ есмь Тобою,
Но услышанъ, какъ-мольбою
Я Тебя ко мнѣ взывалъ.

• 11 •

О! Ему Любимцы, чтите
Господа на всякій часъ,
И въ души Его любите:
Истинны Богъ ищетъ въ насъ;
Онъ тому, кто-спѣсь имѣетъ,
Съ лихвой воздавать умѣетъ:
Выжъ, мужайтесь повсегда,
Внутрь да будетъ крѣпость многа:
Всякъ надѣяйся на Бога,
Не презрѣнъ имъ никогда.

ПСАЛОМЪ XXXI.

Блажени, ихже оставишася.

Сей Псаломъ есть наставленіе, кое-научаетъ, что-истинное человѣческое благополучіе состоитъ въ оставленіи грѣховъ, и въ чистой совѣсти: а благодать сія получается чистосерднымъ исповѣданіемъ согрѣшеній, и истиннымъ обращеніемъ къ Богу. Потомъ Давідъ увѣщаваетъ человѣковъ не пренебрегать сего ученія, и отъ ожесточенія удаляться. Угрожаетъ онъ злымъ, крайнимъ злополучіемъ, а праведнымъ обѣщаетъ совершенное блаженство.

1

Благополучны тѣ, которымъ
Оставлены преступства ихъ!
И кои-во-грѣхáхъ своихъ
Прощенiемъ покрыты скорымъ,
Да въ гнусностяхъ не зрятся сихъ!
Блаженъ, кому-Богъ-всемогýщiй
Грѣха не вмѣнитъ, чтобъ причесть!
И кой-самъ-Гóспода есть чтущiй,
Изъ устъ всегда гонящiй лесть!

2

Когда-я-замолчáлъ; то кости
Всѣ изветшали такъ во мнѣ,
Какъ-весь-въ-блеющемъ день овнѣ:
Твоя рука, за всѣ мя злости,
Отягощала, Боже, внѣ:
Моя́ вся сила измѣнилась
Въ презнойну лѣтню сухоту;
Тогда сильняе мýка злилась,
Какъ-сóвѣсть тернъ вонзила въ ту.

3

Се я познал мое преступство,
И согрѣшенiя не скрылъ;
Въ себѣ сказать такъ не забылъ:
Моихъ я беззаконiй глупство,
Вельми́-за-кое сталъ унылъ,
Помщусь днесь исповѣдать Богу;
И Ты, по Благости Твоей,
Оставилъ мнѣ погрѣшность многу,
Смылъ скверну съ внутренности всей.

4

Тѣмъ всякъ Тебѣ молиться станетъ
Мужъ добродѣтельный тогда,
Пристойно предъ Тобóй-когда
Онъ въ сокрушенiи предстанетъ:
Но такъ, что-онаго-бѣдá,
Когда-и-мóжетъ прикачнуться,
Отнюдъ не поколеблетъ стопъ;
Нижé, хоть блиско бъ былъ, коснуться,
Водъ многихъ грóзнѣйшiй потóпъ.

5

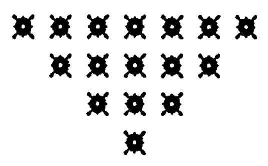
О! Боже, Ты мое извѣсно
Прибѣжище въ печаляхъ всѣхъ,
Ты радость мнѣ, и Ты успѣхъ
Во всемъ, коль нú-было бъ мнѣ тѣсно;
Избавь, да я не буду въ смѣхъ:
Самъ вразуми мя и настави
На путь, которымъ-я-пойдý;
Смотри за мной, и не остави,
Не уклонился бъ ко вреду.

6

Не будьте, Люди, толь безумны,
Коль дикiй Конь, и подлый мескъ;
Не зрится разума въ нихъ блескъ,
Они въ себѣ предъ нами глумны,
Ихъ ржущихъ есть не стройный врескъ:
Ихъ должно челюсти уздами
Для укрощенiя встягать,
Притомъ вервмú, дабы ногами
Не возмогли они лягать.

7

Болѣзни многи злымЪ бываютЪ;
Но Милость оныхЪ окружи́тЪ
ОтЪ Го́спода, и ублажитЪ,
Которыи-Нань-упова́ютЪ;
ИмЪ все благое предлежитЪ:
О Го́сподѣ всѣ веселитесь,
У коихЪ-пра́ведный есть нравЪ;
О немЪ всегда вездѣ хвали́тесь,
И вЪ коихЪ-ду́хЪ сердечный правЪ.



!!! * !!!

КАѲІСМА ПЯТАЯ.

ПСАЛОМЪ XXXII.

Радуйтеся праведніи.

Сей Псаломъ есть пѣснь, коею-Давідъ-увѣщаваетъ-Праведныхъ хвалить Бога сердцемъ и устами, рассуждая Его Благость, Силу, и Правду, кои-явны-всѣмъ въ дѣлахъ Его Творенія и Провидѣнія. Потóмъ представляетъ онъ, что-Богъ-видитъ-всé, слѣдуетъ человѣческія дѣлá, и подаетъ свою Милость боящимся Его, и на Него уповающимъ.

1

Праведныи! ваша бъ радость
Здѣсь о Господѣ была:
Правымъ, пѣть его, есть сладость,
И пристойна похвала.

2

Въ гусляхъ Гóспода блажѝте;
Въ десять струнъ на Арфѣ въ гласъ:
Пѣсньми крáсно возносѝте;
Пойте Гóсподу всякъ часъ.

3

Нынѣ пѣснь воспойте нову
Съ восклицаніемъ ему;
Возглашайте пѣснь готову,
И преслатку по всему.

4

Словеса Господни правы;
Вѣрны всѣ дѣлá Его:
Любитъ Богъ судъ, добры нравы;
Въ милости земля Того.

5

Словомъ Бога утвердились
Круги, бѣги, небеса;
Духомъ Устъ Его скрасились
Силы ихъ и чудеса.

6

Во́ды мо́ря собираетъ
Онъ какъ-бутто-въ-нѣкій-мѣхъ;
Въ нѣдра бездны укрываетъ,
Какъ-въ-сокро́вища, отъ всѣхъ.

7

Вся земля да убоится
Божіихъ толикихъ славъ;
Въ страхѣ всякъ на ней да зрится,
И Вселенны весь составъ.

8

Онъ изрекъ; тотча́съ и сталось,
Вдругъ явившись веществомъ:
Онъ велѣлъ; такъ и созда́лось,
Исходя все естествомъ.

9

Разоряетъ Богъ совѣты
И народовъ, и людей;
Онъ ничтожитъ всѣ увѣты;
Отметаетъ мысль князей.

10

Божія жъ совѣта вѣчно
Пребываетъ въ дѣйствѣ плодъ;
Помышленія конечно
Онаго суть въ родъ и родъ.

11

О! народъ благополученъ,
Коему-Госпо́дь, есть Богъ;
О! такой людъ славно тученъ,
Взятъ наслѣдства-кой въ залогъ.

12

Богъ, съ высо́тъ своихъ небесныхъ,
Видитъ всѣхъ людскихъ сыновъ;
Зритъ Онъ, отъ жилищъ чудесныхъ,
Всѣхъ живущихъ, кто-како́въ.

13

Наединѣ созидаяй
Внутренность и ихъ сердца́,
Точно есть разумѣваяй
И дѣла́ всѣ доконца́.

14

Не спасается обильнымъ
Воинствомъ какъ-ца́рь своимъ;
Такъ ни Исполинъ толь сильнымъ,
Чтобъ премочь собой, не Имъ.

15

Не спасаетъ быстротою
Всадниковъ своихъ ни конь:
Борзость спо́ткнется ногою;
Сила станетъ отъ погонь.

16

Се Господни видятъ очи
Всѣхъ, Его имущихъ страхъ;
Уповающихъ въ дни, въ но́чи
На Него жъ, что-Онъ-есть-Бла́гъ.

17

Чтобъ избавить ихъ отъ мора,
Чтобъ и препитать ихъ въ гладъ:
Чаемъ Бога; по́мощь ско́ра
Онъ намъ, щитъ нашъ, и укладъ.

18

Судемъ свѣтлы по печали,
Сердцемъ веселясь о Немъ:
На Него мы уповали,
Въ жизни нашей всякимъ днемъ.

19

Боже! милость свыше буди
Повсегда на насъ и намъ;
Призри всѣхъ и не забуди:
Ты Надежда былъ рабамъ.

ПСАЛОМЪ XXXIII.

Благословлю Господа.

Сей Псаломъ есть благодарственный и учительный. Давідъ въ немъ славитъ Бога за избавленіе, когда-Его-узнали-филистімляне въ городѣ Геѳѣ. Представляетъ онъ здѣсь попеченіе Господне о чадахъ своихъ, покровительство Его къ нимъ, преимущества, кои-пріобрѣтаетъ имъ страхъ Господень, а злыхъ смертоносную участь. Все то Изображено въ семъ Псалмѣ особливо краснымъ способомъ и сильнымъ.

1

Я Господа благословлю
На всяко время неотложно;
Его всегда изъ устъ хвалю,
О Немъ и похвалюсь неложно.

2

Да слышатъ кроткіи гласъ мой,
И веселятся о заступѣ:
Величте Бога вы со мной;
Его вознесемъ мы Имя вкупѣ.

3

Какъ-Господа я поискалъ;
Меня Онъ и услышалъ вскорѣ:
Дѣйствительно избаву далъ,
И быть не попустилъ мнѣ въ горѣ.

4

Приступятъ кои-въ-насъ-къ-Нему,
Они тотчасъ и просвѣтятся:
Взирайтежъ на Него ктому,
Всѣхъ лица васъ не постыдятся.

5

Сей въ горести взывалъ Его,
Услышалъ Богъ мольбу въ тожъ время;
Отъ всѣхъ скорбей Онъ спасъ того,
И облехчилъ ему золъ бремя.

6

Господень Ангелъ станетъ Самъ
Боящихся вкругъ ополченный,
Избавитъ ихъ, не вдастъ бѣдамъ;
И будетъ всякъ въ нихъ защищенный.

7

Вкусите, чувствуйте коль благъ
Господь, единъ премилосердый:
Блаженъ! его и жребій драгъ!
Кто-на-Него́ въ надеждѣ твердый.

8

Святыи! страхъ въ васъ къ Богу бъ былъ:
Въ любви кто-Го́спода боится;
Не будетъ никогда унылъ,
И въ оскудѣніи не зрится.

9

Богатыи въ себѣ самихъ
Отъ обнищанія алкаютъ;
Но Бога ищущіи, сихъ
Лишенія добръ не позна́ютъ.

10

Ко мнѣ, о! дѣти, отъ потѣхъ,
Послушайте меня вы внятно;
Господню страху я васъ всѣхъ,
И научу что-е́сть пріятно.

11

Себѣ кто-хочетъ-живота́,
И онъ желаетъ здѣсь благаго;
Егобъ ни лсти отнюдъ уста,
Ни говорилъ языкъ бы злаго.

12

Да тотъ укло́нится отъ зла,
И да творитъ всегда Благое;
Чтобъ миръ и тишина была
Ему за все́ что-есть-драго́е.

13

Господни очи правыхъ зрятъ,
Къ мольбѣ ихъ, слухъ Онъ прикланяетъ;
Грозитъ взоръ тѣмъ, что-зло́ творятъ,
И память всю ихъ истребляетъ.

14

Какъ-праведныи-вопіютъ,
Господь ихъ слышитъ всеконечно;
Избавлшись отъ скорбей, поютъ
Они хвалу Ему сердечно.

15

Господь близъ; Самъ Онъ тѣхъ пасетъ,
Которы-сердцемъ-всѣмъ сотренны:
Онъ вѣрно таковыхъ спасетъ,
Внутрь духомъ-кои суть смиренны.

16

Есть много праведнымъ скорбей;
Но тѣ отъ всѣхъ спасутся Богомъ:
Ниже одна изъ ихъ костей
Въ храненіи скрушится многомъ.

17

Злодѣямъ люто въ смерти есть;
Погибнетъ ненавидяй правыхъ:
Душамъ же слугъ избава, честь;
На Бога всякъ надежный въ здравыхъ.

ПСАЛОМЪ XXXIV.

Суди Господи обидящія мя.

Давідъ проситъ помощи отъ Бога на своихъ враговъ, коихъ-онъ-описываетъ-злость, несправедливость, неблагодарность, и люпость. Говоритъ онъ о своей невинности, и какъ онъ съ ними поступалъ. Возвѣщаетъ имъ паденіе ихъ; и благословляетъ Бога напредь за избавленіе, коего-ждетъ-отъ-всемогущества Его и Благости.

1

Суди, о! Господи, ихъ всѣхъ,
Меня-которы ненавидятъ,
И наглостію толь обидятъ:
Самъ побори, молю, и тѣхъ,
Которы-борютъ мя войною,
Несправедливою и злою.

⁂ 2 ⁂

Оружіе и щитъ возми;
На по́мощь скоро мнѣ восстани;
Мечь обнажи, взмахни и длани;
Гоня́щихъ заключивъ сломи;
Скажи душѣ моей то слово:
Спасеніе тебѣ готово.

⁂ 3 ⁂

Да станутъ въ срамѣ и въ стыдѣ,
Души́ моей которы-и́щутъ,
И въ буйности своей толь рыщутъ;
Да возвратятся вспять въ бѣдѣ:
Всѣ мнѣ готовящіи злое;
Да постыдятся сами вдвое.

⁂ 4 ⁂

Да будутъ, какъ-отъ-вихря-пра́хъ;
Да Ангелъ оныхъ возражаетъ;
Да путь ихъ темнъ и скользкъ бываетъ;
Да поженетъ гоня́й ихъ въ страхъ:
Безъ дѣла пагубу мнѣ скрыли,
Безъ дѣла ровъ на мя изрыли.

⁂ 5 ⁂

Да найдетъ вдругъ на нихъ напасть,
Которой не могли тѣ чаять;
Чтобъ имъ въ своемъ обманѣ таять,
Да и самимъ въ свою́ сѣть пасть:
Мой взрадуется духъ о Богѣ,
Спасенія Его въ чертогѣ.

⁂ 6 ⁂

Всѣ кости скажутъ такъ мои:
О! Боже, Боже, кто́ особенъ,
И кто́-Тебѣ-есть-гдѣ подобенъ?
Щедроты кло́нятся Твои,
Исторгнуть слабаго отъ силныхъ,
А бѣднаго отъ изобильныхъ.

7

На мя свидѣтели ужé
Во лжи неправедно восстали;
О томъ меня всѣ вопрошали,
Чего-не-вѣдалъ я нижé:
Зломъ за добро мя наградили,
Едва живаго не сглотили.

8

Когда жъ болѣли тѣ при мнѣ;
То въ рубище я облекался,
Постý въ смиреніи вдавался,
Внутрь удручалъ себя и внѣ:
Но та молитва возвращалась,
Въ моемъ и нѣдрѣ оставалась.

9

Какъ-ближнему я угождалъ,
Какъ-брáту моему родному;
Служилъ, какъ-бутто-не-чужóму;
Такъ горьки слéзы проливалъ,
Какъ-бы-о-мáтери жалѣя,
И сердцемъ внутрь по нихъ какъ-тлѣя.

10

Но я когда-въ-чемъ-проступлю́сь,
Они собравшись веселились;
Збираясь, къ язвѣ мнѣ глумились,
И такъ, что-я-тому-дивлюсь:
Смѣялись мнѣ, ругали странно,
На мя скрежеща непрестанно.

11

О! Господи, пока ихъ зрѣть?
Отъ нихъ мою исторгни дýшу,
Отъ водъ ихъ изведи на сýшу,
Не дай свирѣпымъ той имѣть:
Я восхвалю Тебя въ народѣ,
При множествѣ людей въ свободѣ.

12

Пусть тѣ, которыи-на-мя́
Неправедно, и толь враждуютЪ,
О бѣдствующемЪ не ликуютЪ;
А вЪ ненависть себя стремя́,
Пусть сЪ злости всѣ, и купнымЪ разомЪ,
УжЪ больше не мигаютЪ глазомЪ.

13

Хотя о мирѣ говорятЪ,
Но ихЪ исполнены утробы
Обмана, лсти, лукавства, злобы,
Противно тишинѣ творятЪ;
ЗѣваютЪ, и кричатЪ устами:
А-а́! мы зримЪ его глазами.

14

О! Боже, Ты все видѣлЪ СамЪ;
Не покажижЪ себя молчащимЪ;
Умилосердись надЪ служащимЪ,
Припа́даю кЪ ТвоимЪ стопа́мЪ:
Ты отЪ меня, чтобЪ зло престало,
Не отступи ниже́ на мало.

15

Восстани, выслушай мой судЪ,
По правдѣ рассмотри все дѣло;
Да тѣ не веселятся смѣло,
Ни да вЪ сердца́хЪ своихЪ рекутЪ:
О-о́! намЪ любо! намЪ изрядно!
ОнЪ нами поглощенЪ нарядно.

16

Да постыдятся вкупѣ всѣ,
КоторымЪ-то́ль велика радость,
И толь есть всепріятна сладость,
О злополучномЪ мнѣ часѣ:
Да велерѣчивы смятутся,
И вЪ стыдЪ, и вЪ срамЪ да облекутся.

17

Усердствующіижъ моей
Невинности и правдѣ чистой,
Да веселятся внутрь отъ истой
Душй и совѣсти своей;
Да изрекутъ: Богъ велій дѣломъ,
Хотяй рабу быть въ мирѣ цѣломъ.

18

Тогда языкъ мой проявлять
Твою имѣетъ справедливость;
И пребогатую всю милость,
Вседолжно будетъ прославлять:
Благодарить онъ не престанетъ,
И весь хвалить Тебя день станетъ.

ПСАЛОМЪ XXXV.

Глаголетъ пребеззаконный.

Царь Давідъ представляетъ сугубое въ семъ Псалмѣ. 1) описываетъ онъ нечестіе и злобу Беззаконниковъ. 2) Прославляетъ благость Божію ко всѣмъ его Тварямъ, а особливо, превосходство благъ, коимъ-онъ-творитъ-учáсниками Боящихся Его.

1

Беззакóнѣйшій-когда
Толь прескверно согрѣшаетъ;
То мнѣ сердце возвѣщаетъ,
Что-нѣтъ-въ-óномъ никогда
Страха Божія съ грозами,
И ни предъ его глазами.

2

Представляется ему
Беззаконіе пріятно,
И утѣшно, и опрятно,
И со лщеніемъ кому:
Прямо онъ того не видитъ;
Тѣмъ ни мало ненавидитъ.

3

Устъ его рѣчь, лесть для всѣхъ;
Разумѣть престалъ конечно,
Чтобъ добро творить сердечно;
Мыслитъ и на ложѣ грѣхъ:
На пути зломъ становится;
Вотъ онъ злобой не мерзится.

4

Боже! милость до небесъ
Есть Твоя всѣмъ безъ прилога;
Истинна до облакъ многа;
Всюду множество чудесъ:
Правда гóры, судъ Твой бéздна;
Благость Тварямъ всѣмъ безмездна.

5

О! дражайша благодать;
Для того и человѣки,
Крилъ Твоихъ въ покровъ во вѣки,
Непрестанутъ прибѣгать:
Въ томъ всѣ домѣ утучня́тся;
Токомъ сладкимъ упоятся.

6

Весь источникъ живота
У Тебя, и отъ обѣта
Твоего свѣтъ узримъ свѣта,
Гдѣ-есть-вѣчна долгота:
Милость вѣрнымъ самъ пробави,
Правыхъ правдою настави.

7

Гордости ко мнѣ нога
Чтобъ отнюдъ не подходила;
Ни рукабъ мнѣ завредила
Нечестиваго врага:
Злыи тѣмъ стремглавъ упали,
И не можно, чтобъ восстали.

ПСАЛОМЪ XXXVI.

Не ревнуй лукавнующимъ.

Сей Псаломъ есть наставленіе и ученіе: предъизвляетъ онъ, что-не-дóлжно удивляться, когда-злыи-иногда-благополу́чны въ сей жизни, и когда-добрыи-въ-ней-претерпѣвáютъ. Давідъ показываетъ, что, скоро или не скоро, Богъ не оставляетъ того, чтобъ не избавить добродѣтельныхъ, и чтобъ не учинить возмездія ихъ благочестію; а на противъ того, чтобъ не дать чувствовать злымъ дѣйствія своего гнѣва. Сей Псаломъ содержитъ удивительныя наставленія, и такія, кои-весьмá сильны къ тому, дабъ въ насъ возбудить страхъ Божій, и отвратить насъ отъ злыхъ дѣлъ.

1

Отнюдъ ты не ревнуй лукавымъ,
Ни злымъ завидуй и не правымъ;
Они скосятся какъ-травá,
Падутъ какъ-сѣно и плевá:
Въ надеждѣ прибѣгай все к Богу,
И съ правдою твори добро;
Симъ населишь землú часть многу,
Полу́чишь злато и сребро.

2

Господь тебѣ да будетъ сладость,
Онъ сердцу твоему дастъ радость;
Путь твой на Бога положи,
Надежду на Него держи:
Во всемъ Онъ дѣйствовать Самъ будетъ;
Онъ правду изведетъ какъ-цвѣтъ,
Того, что-дóлжно, не забудетъ,
Явитъ то какъ-полднéвный свѣтъ.

3

Будь Гóспода всегда взыскуяй,
Такомужъ въ смертныхъ не ревнуяй,
Кой-спѣетъ на своемъ пути
Отъ преступленія и лсти:
Оставь гнѣвъ, прелагай тотъ въ жалость;
Лукавымъ быть не тщись отнюдъ,
Сихъ истребится пóдла малость;
А все наслѣдитъ Божій людъ.

4

ВотЪ скоро, злаго какЪ-не стáнетЪ,
И слава вся его престанетЪ;
Поищешь мѣста ты его,
Но ужЪ не нáйдешь ничего:
Наслѣдитъ землю всякЪ смиренный,
Шакіи насладятся всѣмЪ;
Кто-Бóгу сердцемЪ покоренный,
ВЪ спокойствіи тотЪ будетЪ ШѣмЪ.

5

Злый правому вредЪ стрóя плещетЪ,
Зубами на него скрежещетЪ;
Но посмѣется БогЪ тому,
ОнЪ видитЪ близкій день ему:
МечЪ извлекли ужЪ свой злотворцы,
Они и напряглú ужЪ лукЪ,
Заклать тѣхЪ, правдѣ что-побóрцы,
ЕщежЪ, чтобЪ изЪ своихЪ то рукЪ.

6

ШотЪ мечЪ внутрь ихЪ сердецЪ вонзится,
А лукЪ ихЪ вЪ трѣски сокрушúтся;
Есть лучше правымЪ мáла часть,
Богатство нежель злыхЪ и власть:
Расслабнутъ мышцы вЪ злобѣ мочныхЪ;
Господь СамЪ правыхЪ утвердитЪ,
Пути ОнЪ знаетЪ непорочныхЪ,
НаслѣдствомЪ ввѣкЪ обогатитЪ.

7

ВЪ часЪ лютЪ имЪ будетЪ вся отрада,
Насытятся во время глада;
Но злыи згибнуть навсегда:
Враги Господни здѣсь-когда
Прославятся и вознесутся,
ВЪ тотЪ сáмый часЪ они какЪ-дымЪ
ВдругЪ исчезая разнесутся,
Со всѣмЪ тѣмЪ ИменемЪ пустымЪ.

8

Злодѣй займа не возвращаетъ;
Но Праведный не похищаетъ:
Даетъ Самъ щедро и даритъ,
Когда-убожество чье зритъ:
Земель наслѣдствомъ богатятся,
Съ хвалой ему́-класъ-кои-жнутъ;
Но оныи всѣ потребятся,
Которыи-его-кленутъ.

9

Стопы́ Богъ человѣку правитъ,
Его на добрый путь наставитъ;
Сей не разбье́тся, хоть падетъ,
Богъ за́-руку его ведетъ:
Я былъ младъ, сталъ ужъ престарѣлымъ;
Но никогда того не зрилъ,
Чтобъ праведникъ былъ запустѣлымъ,
Иль хлѣба бъ Родъ его просилъ.

10

Онъ ежедневно сожалѣетъ,
Даетъ въ заемъ, что-ни-имѣетъ;
Затѣмъ весь онаго и родъ
Пріемлетъ благодатей плодъ:
О! всякъ, отъ зла прочъ уклоняйся,
Твори благое каждый день,
И въ то едино устремляйся;
Ты станешь ввѣки на степень.

11

Господь судъ любитъ, а любезныхъ
Отнюдъ Онъ не оставитъ слезныхъ;
Хранимы непрестанно тѣ,
Чтобъ какъ-не-бы́ть имъ въ тѣснотѣ:
Но беззаконники, какъ-въ-гно́ѣ,
Вдаль отгоняются отъ всѣхъ,
Да истребится сѣмя злое
Преступниковъ, и оныхъ грѣхъ.

12

Обширно правыи полями,
Владѣть имѣютъ и землями;
Премудрость праваго отъ устъ,
Въ судѣ языкъ его не пустъ:
Законъ въ его есть сердцѣ божій,
Запненія нѣтъ и стопа́мъ;
Злый съ правымъ есть отнюдъ несхожій,
Убить сего, тотъ ищетъ самъ.

13

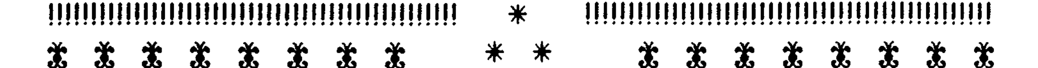
Въ рукѣ жъ его, и у гнѣвлива,
Богъ не оставитъ справедлива;
Не дастъ сего отнюдъ нигдѣ
И осудитъ Онъ на судѣ:
Ты Го́спода чай непрестанно,
И весь Его путь сохрани;
Наслѣдіе удержишь данно,
И у́зришь злыхъ смертельны дни.

14

Я злаго видѣлъ пренадменна,
Какъ-Кедръ-Ліва́нскій вознесенна;
Шелъ паки мимо; но ужъ нѣтъ
Ни мѣсту онаго примѣтъ:
Взирай всегда Ты на беззлобныхъ,
И искреннихъ на правоту;
Конецъ такихъ благоутробыхъ,
Есть миръ съ покоемъ въ долготу.

15

Но злыи всѣ искоренятся,
И ихъ остатки потребятся;
Спасеніе Благимъ есть Богъ,
Защитникъ бѣднымъ, имъ и Рогъ:
Господь помощникъ ихъ избавитъ
Отъ зла бессовѣсныхъ всего;
Онъ ихъ спасетъ, и Онъ прославитъ,
Что-упова́ли на Него.



КАѲІСМА ШЕСТАЯ.

ПСАЛОМЪ XXXVII.

Господи да не яростію твоею.

Сей Псаломъ есть горячая молитва, коею-Давіидъ-проситъ-Господа, да не наказываетъ его во гнѣвѣ своемъ. Жалуется онъ на страданіе за свои грѣхи, и на то что-оставленъ отъ пріятелей, а гонимъ есть отъ враговъ. Изъявляетъ онъ свое смиреніе, набожность, и надѣяніе на Бога.

1

Боже! въ ярости Твоей
Обличать не соизволи,
Ни во гнѣвѣ мя при сей
Наказуй за злые воли:
Стрѣлы Ты въ меня вонзилъ,
И рукой ужъ поразилъ;
Нѣтъ, чтобъ было въ плоти цѣло,
Тѣмъ что-гнѣвъ-жестокъ есть Твой;
Весь костямъ отъятъ покой,
Многихъ толь грѣховъ за дѣло.

2

Превзошла главу мою
Беззаконій мерсскихъ скверна;
Тягость гнусностей сію,
Чувствую, что-есть-безмѣрна:
Раны гнойные смердятъ,
Мнѣ за глупости вредятъ;
Стражду, скорченъ и въ печали,
Жаръ не токмо въ раменахъ,
Но во всѣхь внутри мѣстахъ;
Всѣ составы обетшали.

3

Въ крайней слабости се я,
Весь изломанъ обрѣтаюсь;
Внутренность рычитъ моя́,
Самъ съ стенанія шатаюсь:
Всѣ желанія во мнѣ,
Боже, предъ Тобой суть внѣ;
Какъ-вздохну́, Тебѣ не тайно;
Въ сердцѣ, зри, моемъ силъ нѣтъ,
И очей померкъ ужъ свѣтъ,
Кой-меня-оставилъ-кра́йно.

4

Дру́ги, искренни мои,
Отъ меня всѣ удалились;
Ближніи также въ свои
Храмы о́даль уклонились:
Но которы-погуби́ть,
И хотятъ мя потребить,
Только что-бѣды́ смышляютъ,
Говорятъ зло и обманъ;
Да умножится мнѣ ранъ,
Всякъ день лесть употребляютъ.

5

Яжъ не слышалъ какъ-бы-глу́хъ,
Устъ какъ-нѣмъ отверсть не смѣя;
Былъ мой какъ-заткне́нный слухъ,
Самъ, взрази́ть-чемъ, не имѣя:
На Тебя іа уповалъ,
Да услышишь, Боже, ждалъ;
Мнилъ, враги не взвеселятся,
Какъ-нога́ моя́ скользи́тъ;
Но тогда зло и грозитъ,
И тогда они бодрятся.

6

Я на раны есмь готовъ,
Вся моя скорбь предо мною;
Грѣхъ являю мой каковъ,
И въ раскаяніи вою:
Но враги мои живутъ,
Крѣпче на меня ревутъ;
Ненависти больше стало,
Больше и неблагодарствъ,
И за благо мнѣ коварствъ,
Чтобъ во мнѣ то быть престало.

7

Господи! мя не оставь;
Да не будетъ и угодно
Отступить отъ бѣдна въявь,
Не погибъ бы я безгодно:
Въ помощь самъ мнѣ поспѣши,
И мольбу мою внуши;
Ты Господь, мой Сотворитель,
Безъ призора Твоего
Буду я лишенъ всего;
Господи! Ты мой Спаситель.

* * *

ПСАЛОМЪ XXXVIII.

Рѣхъ: сохраню пути моя.

Давідъ объявляетъ въ семъ Псалмѣ, что онъ воспріялъ твердое намѣреніе, не роптать видя преспѣяніе злыхъ, и чувствуя острое свое страданіе. Чтожъ бъ преодолѣть сіе искушеніе; то онъ принялъ въ рассудокъ краткость сея жизни, и суету благъ въ семъ мірѣ. Проситъ онъ у Бога прощенія своимъ грѣхамъ, и избавленія отъ претерпѣваемыхъ золъ. Подвергается онъ въ смиреніи наказанію, какое Богъ на него насылаетъ.

1

Рекъ я: сохраню путь мой;
Не грѣшить чтобъ мнѣ языкомъ,
И ни устъ бы ра́вно зыкомъ;
То связалъ я ихъ уздой,
Какъ-предста́лъ злый пышно съ рыкомъ.

2

Я нѣмъ сталъ быть и смире́нъ;
О добрѣ молчать я тщился:
Но болящимъ паки зрился:
Былъ я сердцемъ распале́нъ;
Размышлять воспламенился.

3

Такъ я на́чалъ говорить:
Господи! Скажи кончину,
И числу всѣхъ дней причину;
Чтобъ мнѣ въ разумъ то вперить,
Коль кратка́ есть жизнь по чину.

4

Се пядь мѣра днямъ моимъ,
Время все ничто есть точно;
Всякъ въ насъ, су́етство непрочно:
Пу́стошь животомъ своимъ,
Мы когда-и-здра́вы мочно.

5

Втунежъ хва́токъ человѣкъ:
Онъ сокровище збираетъ,
А кому, того не знаетъ;
Не великъ его есть вѣкъ:
Въ скорости онъ умираетъ.

6

Но когожъ я чаю днесь?
Не Тебяль прещедра Бога?
Не къ Тебѣль мнѣ и доро́га?
Отъ Тебя составъ мой весь,
И въ составѣ дивность многа.

7

ОтЪ преступствЪ избавь мя всѣхЪ;
Не предаждь мя вЪ смыслѣ шумнымЪ,
И всемѣрно пребезумнымЪ,
ЧтобЪ у нихЪ мнѣ быть вЪ посмѣхЪ,
И вЪ поносЪ всегда имЪ глумнымЪ.

8

Я предЪ ними онѣмѣлЪ,
Ни не двигнулЪ и устами;
А не то чтобЪ я словами
Возразить ихЪ какЪ посмѣлЪ:
Тварь Твоя они и сами.

9

Язвы прочЪ всѣ отврати,
ОтЪ Тебя что получаю;
Больше я ужé не чаю
Тягость РукЪ ТвоихЪ снести:
ОтЪ болѣзни исчезаю.

10

Ты когда-казни́шь кого
Беззаконія за скверну;
Жизнь его тончи́шь невѣрну
ВЪ паутину, и всего
Сводишь вЪ малость непомѣрну.

11

Боже! мя услышь любя,
Всю мольбу мою́ внушая,
Всѣ и слéзы утѣшая:
Я есмь путникЪ у Тебя,
Мнѣ в пришельствѣ часть большáя.

12

Прéдки всѣ примѣрЪ сему:
Ты ослабь, почить бы мало,
Прежде нежЪ пойти настало,
По предѣлу Твоему,
СмертныхЪ вЪ общее начáло.

✠ ✠ ✠

ПСАЛОМЪ XXXIX.

Терпя потерпѣхъ Господа.

Пророкъ Давідъ благодаритъ Богу за избавленіе и за милость воспріятую отъ Его Благости. Предается Ему въ служеніе и признаваетъ, что-болѣе-покореніемъ воли Господней, нежели жертвами, можетъ онъ Ему быть пріятенъ. Обѣщается онъ хвалить Его предъ всѣми, и молитъ, да поможетъ ему Давіду противъ золъ и бѣдствій, въ коихъ-онъ-еще находится, а особливо, да спасетъ его отъ грѣховъ.

1

Чаялъ Бога терпѣливно;
Онъ ко мнѣ склонившись внялъ,
И помиловалъ мя дивно,
И мольбу внушивъ пріялъ.

2

Вывелъ мя изъ рва глубока,
И изъ грязной лужи въ разъ;
Се и твердь стопамъ высока!
Взвелъ на камень мя тотчасъ.

3

Онъ въ уста вложилъ пѣснь нову;
Мнѣбъ хвалу его воспѣть;
Бодрость емлющимъ готову
Многимъ то въ боязни зрѣть.

4

Мужъ блаженъ! кой-уповаетъ
На Господне Имя здѣсь;
Онъ отъ гордыхъ убѣгаетъ,
И не зритъ на лживыхъ смѣсь.

5

Боже! сотворилъ Ты много
Славныхъ, ради насъ, чудесъ;
Отъ Тебяжъ есть не убого
Милостей для нашихъ слезъ.

⁂ 6 ⁂

КакЪ-хощу́ я тѣ исчислить;
То безмѣрное число
Не даетЪ мнѣ и примыслить,
Что-вЪ-нихЪ-бо́льше бЪ быть могло.

⁂ 7 ⁂

Приношенія и жертвы
Ты не хощешь никогда;
Всесожженія суть ме́ртвы:
ЧистЪ слезами грѣхЪ всегда.

⁂ 8 ⁂

РекЪ сіе: я вотЪ явился;
Писано то вЪ Книгѣ есть,
О Твоей ябЪ волѣ тщился,
Господи, Закону вЪ честь.

⁂ 9 ⁂

Чре́ва ОнЪ во мнѣ вЪ срединѣ:
Правду я благовѣстилЪ
ВЪ храмѣ и не наеди́нѣ;
Да и устЪ не заградилЪ.

⁂ 10 ⁂

Самому́ Тебѣ то вѣсно;
ВЪ сердцѣ не укрылЪ Ея;
И спасеніе чудесно,
ВЪ сонмѣ проповѣдалЪ я.

⁂ 11 ⁂

Господи! Твоей щедроты
ОтЪ меня не удали;
Истинною мя сЪ добро́ты
Заступить благоволи.

⁂ 12 ⁂

Ско́пы золЪ мя окружили,
ТакЪ что ужЪ числа́ имЪ нѣтЪ;
И преступства нагонили,
Обозрѣть не можно бѣдЪ.

13

Больше ихъ весьма предстало,
Нежель на главѣ власо́въ;
Сердце въ обморокъ упало,
Безъ печали нѣтъ часо́въ.

14

Восхощи меня избавить,
Господи, и мнѣ помо́щь;
Душегубцовъ же представить,
Не́-былъ въ нихъ всякъ срамабъ тощь.

15

Сіи вспять да возвратятся,
Кои-зла́го мнѣ хотятъ;
Сами тѣ да постыдятся,
Что-мнѣ-о́-о! въ стыдъ вопя́тъ.

16

Ищущимъ Тя, буди радость;
Любящимъ же возглашать
Такъ да будетъ въ крайню сладость:
Должно Бога величать.

17

Чтожъ я въ babкѣ го́ря вредно;
То мя, Боже, уясни:
Ты спасеніе безбѣдно,
Въ щитъ мнѣ быть не закосни.

ПСАЛОМЪ XL.

Блаженъ разумѣваяй на нища.

Давідъ обѣщаетъ особливое благословеніе поступающимъ милостивно съ бѣдными. Потомъ жалуется онъ на жестокость своихъ враговъ, еще-притомъ-и-на друго́въ своихъ, кои-не-сожалѣли объ немъ бѣдствовавшемъ, говорили, что-Богъ-его-казни́тъ за грѣхи, и желали ему смерти.

1

Призираяй мужа бѣдна,
Попремногу есть блаженъ;
Какъ-онъ-будетъ-окружéнъ
Отъ ключенія зловрéдна,
И постигнетъ лютость блѣдна:
То спасетъ Богъ отъ всего;
Сохранитъ жизнь безнавѣтно;
Счастіе дастъ долголѣтно;
Не предастъ врагамъ его.

2

На одрѣ при всемъ скорбяща,
Помощію утвердитъ,
Все и ложе обратитъ;
Здраво сотворитъ ходяща,
И дѣлá свои творяща:
Тѣмъ я: Господи! меня
Ты помиловать склонися;
Дýшу исцѣлить потщися:
Въ ней грѣховна есть воня.

3

Недруги, мнѣ зла желая,
Чтожъ мя согрѣшивша зрятъ,
Такъ предъ всѣми говорятъ:
Смерть его когда съѣстъ злая,
Съ именемъ всѣмъ посѣкая?
Еслижъ придетъ кто ко мнѣ;
То все предлагаетъ ложно,
Огорчить бъ, какъ возмóжно;
Вышедъ, онъ злословитъ внѣ.

⁂ 4 ⁂

Вѣ ненависти я которымѣ;
Шепчутѣ всѣ между собой,
Мыслятѣ злобный мнѣ убой;
А стремительствомѣ толь скорымѣ,
И отѣ ихѣ свирѣпства спорымѣ,
Взводятѣ злопреступства рѣчь;
Нужѣ, сразимѣ его бессудно:
Встать ужé такому трудно,
Коему-случилось лечь.

⁂ 5 ⁂

Дивно! кто-со-мной-былѣ-вѣ-мирѣ,
На кого я уповалѣ,
Мой который-хлѣбѣ ѣдалѣ,
И сидѣлѣ всегда на пирѣ;
Тотѣ зѣваетѣ прочихѣ ширѣ;
Мечется и впредь, и вспять,
Бѣгаетѣ повсюду смѣло,
Увеличиваетѣ дѣло,
И стремится мя запять.

⁂ 6 ⁂

Боже! Ты помилуй славно,
Нá-ноги восставь мя Самѣ;
Я врагамѣ ужé воздамѣ,
Все что-дóлжно имѣ, исправно:
Отѣ сего мнѣ есть то явно,
Что-ко-мнѣ-Ты-восхотѣлѣ
Милостивѣ быть всеконечно:
Ибо врагѣ о мнѣ сердечно
Радости здѣсь не имѣлѣ.

• 7 •

Ты меня пріялъ беззлобна,
Не творяща и вреда,
Укрѣпилъ здѣсь навсегда;
Есть Твоя благоутробна
Милость мнѣ, во всемъ особна;
Вся къ Тебѣ пылаетъ грудь:
Богъ Ізраилю почтенный,
Есть вовѣкъ благословенный;
О! сіе такъ будь и будь.

ПСАЛОМЪ XLI.

Имже образомъ.

Давідъ изображаетъ сильно чувствуемую болѣзнь, что-удале́нъ есть отъ Дому Божіяго гоненіемъ враговъ; и притомъ гарячее желаніе, приближить ся къ тому, да служитъ в немъ Богу съ вѣрными. Предъизъявляетъ онъ внутреннее свое смущеніе въ семъ печальномъ состояніи, и какъ онъ то преодолѣлъ упованіемъ на по́мощь Господню.

• 1 •

Коимъ-образомъ-Еле́нь
Ищетъ водъ въ презнойный день;
Такъ душа моя́ желаетъ
Быть къ Тебѣ, о! Боже мой:
Къ Богу крѣпкому пылаетъ
И живому та со мной:
Но когда жъ пришедъ явлюся
Го́споду, и помолюся?

• 2 •

Слезъ обильныхъ не́-былъ тощь,
Въ хлѣбъ мой были день и нощь,
Какъ-всегда-мнѣ-говори́ли:
Гдѣ твой нынѣ Богъ ужъ есть?
Сіи въ память приводили
Рѣчи мнѣ преславну честь,
Какъ-ходилъ-въ-домъ-Божій-съ-кра́снымъ
Шумомъ Хвалъ, и велегласнымъ.

• 3 •

Что́, душа моя́, скорбишь?
И почто мя толь мути́шь?
Токмо уповай на Бога:
Восхвалю еще́ Его,
И приближусь до чертога;
Зрѣть на Бога моего,
Есть спасеніе драгое,
Купно все, что-есть-благо́е.

• 4 •

Господи! мой духъ сотренъ;
Тѣмъ что-Ты́ мнѣ не забве́нъ:
Отъ земли́ Тя Іордански,
Отъ Ермоніимскихъ странъ,
Отъ горы́ еще Міцга́рски,
Отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ мой станъ,
Всюду, Боже, поминаю,
И единаго Тя знаю.

• 5 •

Бездна бездну каждый часъ
Кличетъ хлябій всѣхъ чрезъ гласъ:
Глубина Твоя съ волнами
Шла по мнѣ, се неиссякъ:
Милости велитъ Богъ съ нами
И щедротѣ быть день всякъ;
Пѣсньми въ нощь Его прославлю,
И мольбу мою́ представлю.

6

КЪ Богу такЪ реку стеня:
О! почто забылЪ меня?
Долголь мнѣ ходить вЪ печали?
Зришь, какЪ-оскорбля́етЪ врагЪ;
Изможденны кости стали;
ОтЪ враговЪ коликЪ мнѣ страхЪ:
Каждый день меня поносятЪ,
И, твой-гдѣ-БогЪ, произносятЪ.

7

Что́, душа моя́, скорбишь?
И почто мя толь мути́шь?
Токмо уповай на Бога:
Восхвалю еще́ Его,
И приближусь до чертога;
Зрѣть на Бога моего,
Есть спасеніе драгое,
Купно все, что-есть-благо́е.

❧ ❧ ❧

ПСАЛОМЪ XLII.

Суди ми, Боже, и рассуди прю.

ВЪ семЪ Псалмѣ, также какЪ-и-вЪ-проше́дшемЪ, Царь ДавідЪ гонимый и удаленный отЪ храма Господня, проситЪ у Бога избавленія отЪ враговЪ, и возвращенія драгія свободы служить Ему, и хвалить Его всенародно. Утѣшается чаяніемЪ по́мощи отЪ Бога.

1

Боже! пря моя́ безвинна:
Ту судить благоволи;
Правды дѣло убѣли:
ОтЪ народажЪ пребесчинна,
И отЪ злобныхЪ человѣкЪ,
Не́мощь, что-во-мнѣ-трости́нна,
Восхощи исторгнуть вЪ вѣкЪ.

2

Ты Единъ мой щитъ и сила;
Ты и крѣпость мнѣ единъ:
Чтóжъ, высотъ Твоихъ съ срединъ,
Милость мя не заградила?
Всель въ печалибъ я стеналъ?
Та всегдаль меня бъ томила,
Мнѣ бъ коль врагъ ни досаждалъ?

3

Но да пóслется Тобою
Истинны и мира свѣтъ;
Симъ я свобождусь от бѣдъ:
Какъ-пребудетъ-онъ-со-мнóю;
То въ селеніе Твое
Приведетъ меня собою,
Сердце веселя мое.

4

Вниду къ Твоему престолу,
И въ Олтарь священный Твой,
Проявлéнъ въ горѣ святой;
Въ немъ паду предъ тѣмъ ницъ долу;
Ты желаніямъ конецъ,
Исполненіе изволу,
И любви моей вѣнецъ.

5

Въ гусляхъ проповѣмъ играя,
Что-Ты-Богъ-непобѣдимъ,
Что-Ты-правымъ-всѣмъ-любимъ,
И что-радость-всеблагáя:
Боже! Боже мой, и Силъ!
Отжени далеко злая,
И Тебѣ да буду милъ.

6

О! душа, почто въ печали
Сокрушаешся еще?
Въ страхѣ и отъ врагъ вотще!
Горести чтобъ все престали:
Вся тебѣ надежда Богъ;
Коль враги бъ ни возставали,
Спасъ мой, истребить налогъ.

* * *

ПСАЛОМЪ XLIII.

Боже, ушима нашима.

Сей Псаломъ составленъ въ такое время, когда-народъ-Іѕраилскій-былъ въ напасти, и Гоненіи. Пророкъ въ немъ воспоминаетъ чудеса, явленныя Богомъ, вводящимъ ихъ Отцовъ въ Ханаанскую землю: и уповаетъ, что-Богъ-явитъ-и-еще тужъ са́мую силу для бѣдствующихъ Іѕраилтянъ. Описываетъ онъ оплакуемое состояніе, въ коемъ-тогда-сей-народъ-находился, и лютость гоненій, которымъ-онъ-былъ-подве́рженъ.

1

Боже! нашими ушами
Слышали мы много кратъ
Дѣла чуднаго прикла́дъ;
И возвѣщено́ отцами,
Что-Ты-въ-дня́хъ ихъ сотворилъ,
Какъ-ведя́ тѣхъ ободрилъ.

2

Тамъ Языки потребила
Сильная Твоя рука,
Той не премогла река;
Нашихъ пре́дковъ насадила:
Утѣснившижъ многій людъ,
Отнялъ Ты его пріютъ.

❧ 3 ❧

Пре́дки землю завладѣли
Не мечемъ отнюдъ своимъ;
Не была въ избаву имъ
Мышца, что-оний имѣли:
Но Твоей десницы даръ
Былъ то, за любви къ нимъ жаръ.

❧ 4 ❧

Богъ и Царь мнѣ пребываешь;
Заповѣдь Самъ предаешь,
Какъ-Іа́кова блюдешь,
И его отъ бѣдъ спасаешь:
О Тебѣ мы много темъ
Супостатовъ избодемъ.

❧ 5 ❧

Имя намъ Твое послужитъ
Всѣхъ къ попранію тѣхъ вразъ,
Кои-восстаю́тъ на насъ;
Горько всякъ такой потужитъ!
Не надѣюсь я на лукъ,
Мечъ, и ни на силу рукъ.

❧ 6 ❧

Ты спасешь насъ отъ противныхъ,
И отъ стужающихъ намъ;
Посрамишь конечно Самъ
Ненавистниковъ тѣхъ дивныхъ:
Мы восхвалимъ Тя день весь,
И прославимъ Имя здѣсь.

❧ 7 ❧

Но отринулъ насъ Ты нынѣ,
И ввесть въ стыдъ не пощадѣлъ;
Исходить не восхотѣлъ
Войска нашего въ пусты́нѣ:
Обратилъ вспять отъ враговъ,
Расхищали тѣ съ задо́въ.

8

Отдалъ какъ-овéцъ насъ кушать,
Се мы врозь расселены́;
Предалъ всѣхъ насъ безъ цѣны́,
И не хощешь ужъ послушать:
Далъ въ поносъ сосѣдамъ вдругъ,
И въ посмѣхъ живущимъ вкругъ.

9

Мы въ присловіе народу,
Всѣмъ въ киваніе главы;
Срамъ, стыдъ, предо мной и рвы,
Такъ что-нѣтъ ужъ мнѣ уходу:
Всюду понося́щихъ крикъ,
Всюду супостатовъ ликъ.

10

Все сіе на насъ напало;
Ты однакъ намъ не забвенъ,
Ни законъ Твой поврежденъ;
Сердце наше не отстало;
Мы не сшиблись съ Твоего
Никогда пути сего.

11

Ты хоть насъ смирить изволилъ,
И на мѣсто всѣхъ привесть,
Озлобле́ніе-гдѣ есть;
Гнѣвъ толикъ на насъ Ты про́лилъ,
Что-стерть-могутъ-всѣ́ насъ такъ;
И покрылъ ужъ смерти мракъ.

12

Еслибъ мы Тебя забыли,
И къ чужому Богу всѣ
Взняли ру́ки въ семъ часѣ́;
Не Тобой либъ грозно были
Мы истязаны вконецъ?
Знаешь тайну всю сердецъ.

13

Но за Тя на насъ толь гнѣвно
Прочіи всѣ восстаютъ,
Насъ и смерти предаютъ
Въ лютости такой вседневно:
За овецъ мы на убой
Имъ вмѣняемся собой.

14

Господи! теперь восстани;
Медлишь толь почто во снѣ?
Возбудись, изъиди внѣ;
Отрѣвать ужъ насъ престани:
Что́ Твой отвращаешь взоръ,
Скорбь забывъ въ насъ и позоръ?

15

Въ прахъ животъ нашъ преклонился,
Мы всѣмъ чревомъ на землѣ,
Обрѣтаясь въ крайнемъ злѣ:
Боже! встань; что-удалился?
По́мощь, и избаву намъ
Даждь, по милости, рабамъ.

ПСАЛОМЪ XLIV.

Отрыгну сердце мое.

Сей Псаломъ есть пѣснь на бракъ Царю Саломону, въ коей-описывается-сла́ва сего Царя и Супруги его: но притомъ онъ есть и пророчество, возносящееся къ Го́споду нашему Іисусу Хрісту, жениху и Царю своея Церкви. Предлагается въ немъ точно о Божествѣ его, помазаніи, силѣ, славѣ, и о вѣчномъ пребываніи его Царствія.

1

Рѣчь сердце отрыгаетъ кра́сну:
Вѣщаю я теперь Царю;
Языкъ перомъ мой, въ должность гласну,
Здѣсь скорописцовымъ творю.

⁂ 2 ⁂

ЛюдскихЪ сыновЪ Ты всѣхЪ краснѣйшій:
Пріятность на устахЪ твоихЪ;
ЗатѣмЪ благословилЪ Святѣйшій
Тебя БогЪ ввѣкЪ сЪ высотЪ своихЪ.

⁂ 3 ⁂

О! Сильный, мечЪ твой препояши
ВЪ величествѣ и высотѣ;
СамЪ вполнѣ преспѣвай вЪ дни наши,
По велелѣпной красотѣ.

⁂ 4 ⁂

Взыдь, царствуй Правды на престолѣ,
И милости всея при ней;
Десница кЪ доброму оттолѣ
НаправитЪ насЪ твохЪ людей.

⁂ 5 ⁂

Остры́ твои безмѣрно стрѣлы;
Народы предЪ тобой падутЪ:
Враги на тя не будутЪ смѣлы;
Попраны дань тебѣ дадутЪ.

⁂ 6 ⁂

ПрестолЪ твой; Боже, вЪ вѣки вѣчно;
СкиптрЪ Царства, СкиптрЪ есть правоты:
Ты любишь правду всеконечно,
А кривду ненавидишь Ты.

⁂ 7 ⁂

ТѣмЪ БогЪ Тебя помазалЪ, Боже,
ЕлеемЪ радости всея;
Ему всегда ты всѣхЪ дороже;
Часть выше сверсныхЪ есть твоя.

⁂ 8 ⁂

СЪ Ало́емЪ, Смирна, и Касія
БлагоухаютЪ всѣмЪ отЪ ризЪ;
КакЪ-ты-исходишь-изЪ-драгія
Палаты, вЪ радости, кЪ намЪ вблизЪ.

9

Стоятъ тебѣ въ честь Царски дщери;
На правой какъ-Царицу-зря́тъ
Съ Тобою купно, не при двери,
И весь златый ея нарядъ.

10

Внимай, Дщерь, рассмотряй прилѣжно,
И восклони твой слухъ притомъ;
Зри, слушай все́-что здѣсь есть нѣжно;
Забудь родъ, и отеческъ домъ.

11

Се Царь добротъ твоихъ желаетъ;
Онъ есть тебѣ ужъ Господинъ:
Твой нравъ ему да угождаетъ;
Да будетъ помыслъ съ нимъ единъ.

12

Дщерь придетъ Тірская съ дарами,
И изъ богатшихъ на поклонъ;
Введется присный родъ внутрь нами;
И внидетъ честь со всѣхъ сторонъ.

13

Сама ты предъ Царемъ въ богатствѣ
[Пришедшіе и Дѣвы въ слѣдъ]
Пребудешь: о! Царь, въ семъ изрядствѣ
Въ храмъ внидешь твой на много лѣтъ.

14

Отцевъ на мѣстѣ чада будутъ;
Поставишь ихъ въ Князей земли́:
Тебя всѣ роды не забудутъ;
Хвалу отъ нихъ во вѣкъ внемли.

ПСАЛОМЪ XLV.

Богъ намъ прибѣжище.

Сей Псаломъ есть благодарственный за по́мощь, кою-Богъ-даровалъ-Ізра́илтянамъ въ такое время, въ которое было на нихъ нападеніе отъ многихъ народовъ.

• 1 •

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ, въ скóрби-мы-когда;
Его такъ милость учинила,
Что-обрѣтáемъ есть всегда.

• 2 •

Затѣмъ отнюдъ не будемъ въ страхѣ,
Хотя мятется вся земля;
Иль падаютъ въ понтъ гóры въ прахѣ;
Иль пустошитъ вселенну тля.

• 3 •

Того шумятъ пусть смятно вóды;
И движетъ хóлмы пусть волна:
Градъ Божій веселятъ рѣкъ роды,
Онъ освященна есть страна.

• 4 •

Богъ посредѣ его селится;
Не можно рýшиться тому:
Едва день утромъ появится,
Поможетъ вскорѣ своему.

• 5 •

Народы страшно возмутились;
Воздвиглись царства съ мѣстъ своихъ:
Но Вышнимъ всѣ какъ-огласились;
Объялъ трусъ землю; трепетъ, ихъ.

• 6 •

Господь Силъ выспреннихъ есть съ нами,
Заступникъ нашъ Іаковль Богъ:
Дѣлá Его вы зрúте сами,
И коль землѣ былъ вашей срогъ.

• 7 •

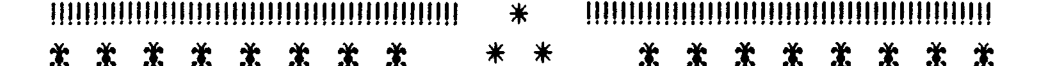
Онъ брáни ýнялъ по вселенной;
Лукъ сокрушилъ, копье сломилъ;
Щиты сжегъ вь крѣпости явлéнной,
И вражій станъ вашъ разгромилъ.

8

Престаньте, такъ Онъ Самъ вѣщаетъ,
И знайте: Я есмь Богъ единъ;
Ничто взнестись мнѣ не мѣшаетъ,
Всѣмъ Я верьховный Господинъ.

9

Взнесусь въ народахъ чудесами;
Взнесу на всей землѣ мой Рогъ.
Господь Силъ выспреннихъ есть съ нами!
Заступникъ нашъ Іаковль Богъ!



КАѲІСМА СЕДМАЯ.

ПСАЛОМЪ XLVI.

Вси языцы восплещите.

Пророкъ возбуждаетъ всѣхъ земнородныхъ хвалить Го́спода, покланяться Его Величію и Силѣ, и признавать, что-Вы́шній, утвердившій Завѣтъ съ Ізраилскимъ народомъ, есть Царь всея Вселенныя, которому-всѣ народы покориться долженствуютъ.

1

Руками, Роды всѣ, плещите,
Всклицайте Богу, каждый часъ,
Торжествъ и радованій гласъ:
Что-стра́шенъ Вышній, то кричите;
Что-велій-всю́ду Царь, и въ насъ.

2

Онъ покорилъ ужъ намъ народы,
Людей подъ но́ги низложилъ;
Избравъ наслѣдство разложилъ,
Іакову добро далъ въ роды,
Чтобъ сей взлюбившему служилъ.

3

Се въ радосномъ восшелъ Богъ кликѣ,
Господь при звукѣ трубъ восшелъ;
Въ васъ каждый Богу пѣть бы шелъ:
Ему вы пойте, пойте въ ликѣ,
Чтобъ пѣснь сему Царю всякъ велъ.

4

Богъ нашъ, есть Царь всея Вселенны;
Всѣ пойте кра́сно пѣснь Ему,
По смы́слу-кои своему
Разумнымъ свѣтомъ одаренны,
И человѣки потому.

5

Богъ надъ народами вцарился;
Богъ на престолѣ своея
Сѣлъ святости уже́ всея:
Князей людскихъ соборъ явился
Въ премножествѣ Ему поя.

6

Онъ Авраамовъ Богъ державный;
Владѣніемъ кто-ни-почте́нъ,
И на землѣ такимъ явле́нъ,
Тотъ Богомъ токмо есть толь славный:
Господь вельми есть вознесенъ.

ПСАЛОМЪ XLVII.

Велій Господь, и хваленъ зѣло.

Сей Псаломъ сочиненъ по причинѣ избавленія, дарованнаго Богомъ Іерусалиму. Пророкъ хвалитъ въ немъ Бога за то, что-онъ-разрушилъ-совѣты и стремительства Царей нападшихъ на градъ. Описываетъ онъ силу Іерусалимскую, и ка́къ-Богъ покрылъ свой народъ.

1

Великъ Богъ! и вельми хвали́мъ
Въ особенном Его семъ градѣ!
Горы́ святыи здѣсь въ прохладѣ,
Служащими Ему люби́мъ!
Она краса странѣ, а радость
Землѣ, и сѣверу вся сладость.

2

Въ ея чертогахъ вѣдомъ Богъ,
Какъ ско́рый всѣмъ намъ Заступитель,
И милосердый нашъ Спаситель:
Се собрался́ Царей скопъ многъ;
Сошлись; увидѣвъ удивились,
Вдругъ смялись, въ бѣгство попустились.

3

На всѣхъ ихъ трепетъ тутъ напалъ;
Напала и болѣзнь такая,
Родящую бодетъ какая:
Какъ-бу́рный вихрь въ нихъ засвисталъ,
Какъ-корабли-Ѳарсíйски въ морѣ
Разбилъ и потопилъ ихъ вскорѣ.

4

Какъ-прежде-слы́шали о Немъ;
Такъ видѣли уже́ мы сами
Содѣланное Богомъ съ нами,
Во градѣ силъ Господнихъ семъ:
Во градѣ нашего здѣсь Бога;
Имъ крѣпость оному вѣкъ многа.

5

О! Боже, мы уже́ Твою
Прещедру милость воспрiяли,
О коей-въ-хра́мѣ вопiяли;
По Имени, я признаю́,
Твоемъ хвала Тебѣ велика;
Десница жъ правдою колика!

6

Сiонска дивная гора,
Да нынѣ свѣтло веселится;
Да кажда въ радости явится
Дщерь Iудейска, изъ двора
Исшедши смѣлою ногою,
Твоею, Господи, Судьбою.

7

Вы, Дщери, обходя Сiонъ,
Со всѣхъ его странъ окружи́те;
Въ мысль стрѣльницы его вложи́те;
Каковъ спреди стѣнами онъ;
Въ немъ созерцайте всѣ палаты,
Да скажете, коль тѣ богаты.

8

Да скажете потомкамъ то,
И что-Богъ-нáшъ, есть Богъ во вѣки;
И Онъ Спасъ намъ, не человѣки;
Мыбъ были безъ него ничто:
Онъ насъ храня всѣхъ непрестанно,
Отъ зла избавитъ несказанно.

ПСАЛОМЪ XLVIII.

Услышите сiя вси языцы.

Сей Псаломъ есть наставленiе и ученiе. Пророкъ показываетъ въ немъ разными рассужденiями, что-блаженство-человѣческое-не-состоитъ въ богатствѣ, ни въ свѣтскихъ честяхъ; что-полагáющiи во сихъ свое благополучiе, безумны; и что-потому-не-дóлжно прилѣпляться къ временнымъ преимуществамъ, ни бояться имѣющихъ то все, ни также имъ завидовать: но надлежитъ токмо уповать на единаго Бога, который-можетъ-ублажить-и-по-смéрти боящихся Его, и надѣющихся на Него.

1

Сiе услышьте всѣ народы,
И кои-на-землѣ живутъ
Всея подсолнечныя роды,
Къ томужъ да свой слухъ призовутъ;
Щожъ да внушáютъ-кои жнутъ,
И кои-нúвами владѣютъ;
Которы-въ-бѣдной нищетѣ,
И вкупѣ кои-тóль-здѣсь спѣютъ
Въ богатствѣ, и на высотѣ.

2

Уста мои премудрость скажутъ;
И что-мой-ни-размыслилъ умъ,
Тѣ вещи всякаго накажутъ
Въ претвердый разумъ, а не въ глумъ;
Вонмите всѣ неложный шумъ:
Я въ притчу ухо приклоняю,
И все гаданіе мое
На Орфѣ въ звонѣ представляю;
Да слышитъ каждый обое.

3

Почто боюсь во дни я люты,
Какъ-не-порóчитъ грѣхъ меня?
Но суть, которыи-надýты
Надеждой силъ своихъ лжемня,
А все обиліе храня
Тщеславятся своимъ богатствомъ:
Когда-не-избавляетъ-братъ;
То не спасетъ ужé безбратствомъ
Другой никто отъ смертныхъ вратъ.

4

Сего никакъ не сотворится,
Чтобъ за себя обмѣнъ кто далъ;
И да увóльненымъ-кто зрится
Цѣной отъ смерти, чтобъ не палъ,
Чтобъ вѣчно въ жизни пребывалъ,
И чтобъ погибели послѣдни
Ему не видѣть, ни конца;
А такъ раскошствовать бы всѣ-дни,
Чтобъ возмощи забыть Творца.

5

Онъ зритъ, что-му́дрый умираетъ,
И ра́вно въ коемъ-смы́сла нѣтъ;
И что-бога́тый погибаетъ,
Родившись для того на свѣтъ;
Пойти всѣмъ должно смерти въ слѣдъ:
Такіи здѣсь свое оставятъ
Богатство людямъ все чужимъ;
А тѣмъ ихъ также не избавятъ,
Чтобъ не гонзну́ть-когда и имъ.

6

Они хотятъ, чтобъ здѣсь ихъ домы
Стояли твердо повсегда,
Палаты въ родъ и родъ въ обломы
Не ру́шились бы никогда;
Земля зовется и вода́
Ихъ собственными именами:
Но въ че́сти человѣкъ есть скотъ,
Подобенъ всѣми имъ дѣлами,
И также гибнетъ, какъ-и-то́тъ.

7

Сей путь ихъ точное безумство;
Однакъ, наслѣдники ихъ всѣ
Приказъ исполнить тѣхъ не въ глумство
Стремятся, въ каждомъ здѣсь часѣ:
По смертной же и тѣ косѣ,
Какъ-о́вцы со́йдутъ въ землю прямо;
Питаться ими станетъ смерть:
А что-держали-толь-упря́мо,
То Правымъ дастъ дѣляща жердь.

8

Ихъ изнеможетъ крѣпка сила,
Когда-положатся во гробъ;
Объ нихъ коль Слава ни гласила,
Не найдется тамъ ихъ утробъ,
Ниже съ костьми бесстыдный лобъ:
Тѣмъ вмалѣ испадутъ отъ славы,
Извергнутся изъ памятей,
Явятся, были коль не правы,
И въ жизни наглы коль своей.

9

Но душу Богъ мою избавитъ
Отъ гробищнаго ада рукъ,
Къ себѣ какъ-приметъ, и поставитъ
Въ всевѣчной радости внѣ скукъ,
И гдѣ-ни-каковыхъ нѣтъ мукъ:
Не бойся всякъ, обогатѣвша
Какъ-узришь здѣсь кого нибудь,
Иль славой дому разботѣвша;
Безъ зависти смотря пребудь.

10

Ему какъ-умереть часъ придетъ;
Съ собой не возметъ ничего,
Пустъ славы въ землю тлимый снидетъ,
И не проводитъ та его;
Онъ узрится лишенъ всего:
Хоть въ жизни былъ благословеннымъ,
И похваляемымъ вездѣ,
И купно всѣми толь почтеннымъ;
Вдругъ не услышится нигдѣ.

• II •

Отцевъ своихъ сойдетъ до рода,
Не ýзритъ паки свѣта въ вѣкъ;
Отъ гроба нѣтъ ужé исхода:
О! коль тотъ бѣденъ человѣкъ,
Кой-въ-чéсти отъ ума далекъ,
Не мня, что-къ-смерти-тóль-есть близокъ:
Онъ тѣмъ нечтó, какъ-глýпый скотъ,
Тому подобенъ, столькожъ низокъ,
И также гибнетъ какъ-и-тóтъ.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ XLIX.

Богъ Боговъ, Господь глагола.

Намереніе сего Псалма есть, чтобъ обличить лицемѣріе въ Ізраилтянахъ, уповавшихъ на жертвы и на обряды, а не радѣвшихъ исполнять должности сáмые существенные Закона. Богъ говоритъ здѣсь Самъ своему народу, что-Онъ-не-взирáетъ на жертвы и на внѣшніи обряды; но хощетъ, да служитъ Ему тотъ хваленіемъ и искреннимъ Его призываніемъ. Обличаетъ Онъ сильно лицемѣровъ живущихъ въ Его Завѣтѣ, и хвалящихся служеніемъ Ему, однакожъ попускающихся въ согрѣшенія. Грозитъ Онъ своимъ судомъ, и возбуждаетъ ихъ къ покаянію.

• I •

Богъ сильный, Богъ, Господь вѣщалъ,
И гласомъ землю пріобщалъ,
Отъ встока солнца, до заката;
Богъ отъ Сіона возблеснулъ,
Гдѣ-и-красы, и много злата:
Богъ придетъ явно, не уснулъ;
Онъ гнѣвенъ; огнь предъ нимъ взгорится;
Вкругъ бýря зѣльна изострится.

• 2 •

Онъ свыше Небо призоветъ,
И землю ра́вно приведетъ,
Дабы людей Его судили;
Онъ словомъ такъ имъ повелитъ:
Зберите, предо мною бъ были,
На коихъ-жа́ръ любви изли́тъ,
Со мной Завѣтъ мой утвердившихъ,
А жертвъ толико расплодившихъ.

• 3 •

Не могутъ Небеса польстить,
И правды всей не возвѣстить.
Услышите мои всѣ Люди,
И возглаголю слово вамъ;
Ізраиль, внятенъ также буди,
И докажу тебѣ я Самъ:
Я Богъ есмь, Богъ твой, Всемогущій,
Всевѣдущій, и всюду Сущій.

• 4 •

Я въ жертвахъ тя не обличу,
Ни въ нихъ тебя на судъ влачу:
Твои всѣ жженія предъ мною,
Они мнѣ вѣдомы всегда;
Но не приму Тельцо́въ къ убою
Отъ дому твоего когда;
Ниже́ Козловъ твоихъ отъ Стада:
Отнюдъ я не имѣю глада.

• 5 •

Мои всѣ звѣри, что-въ-лѣса́хъ,
Скоты́ съ Волами на горахъ;
Возду́шныхъ птицъ число я знаю,
Со мной вся по́ля красота:
Хоть ябъ алкалъ, такъ полагаю;
Тебѣ не скажетъ Высота
Того Моя́ всѣмъ проявле́нна:
Моя́ вся впо́лнѣ есть Вселенна.

6

ВоловЪ плоть вЪ пищуль есть мою?
Или я кровь КозловЪ пію?
Мнѣ приноси Хваленій жертву;
Мнѣ Вышнему воздай обѣтЪ;
ВЪ день скорби, черзЪ сію не мертву,
Мя призови, и весь навѣтЪ
ПрочЪ отжену, да мя прославишь,
Что-внѣ-всѣхЪ-бѣдЪ себя ты ставишь.

7

Но грѣшнику сказалЪ БогЪ то:
Ты Право чтешь мое почто?
Почто и мой ЗавѣтЪ пріемлешь
Ты во твои ужé уста?
Ты исправленію не внемлешь;
Мoя́ рѣчь для тебя пустá:
КакЪ-татя-вúдишь, сЪ нимЪ ты ходишь;
СЪ прелюбодѣемЪ часть находишь.

8

Уста умножили зло, месть:
ЯзыкЪ сплеталЪ вседневно лесть;
На брата сидя ты клевещешь,
Его ты хулишь и бранишь;
Творя такЪ, все в ничто ты мещешь,
ТѣмЪ что-молчáщаго мя зришь:
Быть мнишь себѣ меня подобна,
И рáвно столькожЪ неудобна.

9

Эй! я за все тя накажу,
Грѣхи твои всѣ покажу:
Ну знайтежЪ вы, которы-Бóга
ТакЪ забываете со всѣмЪ;
Моя́ на васЪ есть ярость многа,
ЧтобЪ не восхитила затемЪ;
Никто не будетЪ избавляяй,
Ни милости васЪ сподобляяй.

10

Хвалу кто-въ-чисту-жéртву мнѣ
Приноситъ въ искреннемъ огнѣ;
Тотъ сáмымъ тѣмъ меня прославитъ:
Кто-на-еди́нъ прямый сей путь
Свою по всякъ день ногу ставитъ;
Въ того не премину вдохнуть,
И объявить ему нелесно,
Спасеніе мое небесно.

ПСАЛОМЪ L.

Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости.

Въ семъ Псалмѣ изображено покаяніе Царя Давіда. Взываетъ онъ милосердіе Божіе съ великою горячестію и сокрушеніемъ. Исповѣдуетъ свои грѣхи, и молитъ Бога, обновить его своймъ духомъ, и отдать совѣсти его спокойствіе, дабы, соединившійся паки съ его благодатію, хвалилъ онъ его самого, и былъ въ óбразъ грѣшникамъ. Уповаетъ, что-Богъ-воспріиметъ его покаяніе, и молится объ Іерусалимѣ, и о благополучіи Ізраильскому народу.

1

Помилуй мя, о! Боже мой,
По милости Твоей великой;
И по щедротѣ всѣмъ толикой,
Сойми злодѣйствіе долой:
Но больше, смой съ меня преступство,
И все грѣха очисти глупство,
Его и скверное сугубство.

2

Я беззаконіе мое
Самъ вѣдаю, и точно знаю;
На грѣхъ мой повсегда взираю,
И зло въ немъ вижу обое:
Тебѣ единому виною
Я согрѣшилъ, и предъ Тобою
Бесчинно здѣлано то мною.

3

Чтобъ былъ въ словахъ Твоихъ Ты правъ,
Да и судомъ преодолѣешь;
То се зачатаго имѣешь
Въ преступствѣ мя, и весь мой нравъ:
Притомъ, и мать мя какъ-родила,
Такъ во грѣхахъ и воздоила;
Жизнь грѣхъ съ грѣхомъ соединила.

4

Ты истинну внутрь возлюбилъ;
Ты сердцу моему Самъ тайну
И ту глубо́ку, чрезвычайну,
Премудрости Твоей явилъ:
Іссопомъ окропи, да нѣга
На мнѣ бѣляе будетъ снѣга,
И стану при Тебѣ безъ бѣга.

5

Дай слышать слуху моему
Веселіе и свѣтлу радость;
Почувствуютъ безмѣрну сладость
Всѣ стренны кости потому:
Твой взоръ отъ грѣхъ да отвратится,
И чистъ тѣмъ весь мой духъ явится,
Что-беззако́ній удалится.

6

Все сердце чистое во мнѣ
Содѣлай, Боже; Духъ въ утробѣ
Возобнови по всей особѣ;
Не восхощи извергнуть внѣ
Отъ Твоего Лица́ драгѡго;
И Духа Твоего Святаго
Не отъими благъ отъ нагѡго.

7

Отдай мнѣ паки Твоея
Веселіе ужé избавы,
И духомъ воли, купно славы,
Мя нынѣ утверди всея:
Я научу всѣхъ беззаконныхъ;
И тѣ къ Тебѣ съ своихъ злововонныхъ
Стезь обратятся въ воляхъ склонныхъ.

8

О! Боже, Боже мой, и Спасъ,
Избавь мя отъ кровей премногихъ,
И отъ смышленій всѣхъ пресрогихъ;
Возрадуется мой въ тотъ часъ
Языкъ поющій Справедливость:
Устенъ отверзи особливость,
Да рѣчь скажу хвалъ въ нетоскливость.

9

Когдабъ Ты жертвы восхотѣлъ,
Я бъ далъ; но неудостояешь,
И жженій всѣхъ не изволяешь,
Ктобъ приносить ихъ ни имѣлъ:
Тебѣ есть жертва, духъ сотренный;
Тобою тотъ есть удобрéнный,
Кто-сердцемъ-сокрушéнъ смиренный.

10

О! Боже, ублажи Сіонъ,
Какъ-блáгъ, прочъ отгоняя тлѣны;
Зиждь Іерусалиму стѣны,
Да укрѣпится сей и онъ:
Тогда Правдъ жертвы выспрь почтýтся,
Всѣ приносимыя сожгýтся,
И на Олтарь Тельцы взнесутся.

ПСАЛОМЪ LI.

Что хвалишися во злобѣ.

Давідъ возвѣщаетъ судъ Божій нѣкоему изъ Совѣтниковъ Сауловыхъ, именемъ Доику, который-клеветою-своею-раздражилъ Саула на Него, и былъ причина смерти великому множеству Священниковъ, коихъ-Саулъ-умертвилъ бесчеловѣчно. Чтожъ бы лучше выразумѣть сей Псаломъ; то должно прочесть Історію, содержащуюся въ 22й Главѣ Первыя Книги Царствъ.

1

Что́ во злобѣ, Сильный, похваляешься всегда?
въ беззаконіи вседневно?
Твой языкъ и помыслъ безъ лукавства никогда:
Льщеніе, втай не безгнѣвно,
Ты какъ-бритву изострилъ;
Злобу паче возлюбилъ,
Нежель мирну благостыню,
И неправду нежъ Святыню;
Всѣ слова́ твои бѣда;
Отъ злорѣчій же плачевно.

2

Богъ, по сей причинѣ, разруши́тъ тебя вконецъ;
Онъ и яро толь восторгнетъ
Отъ утѣхъ сладчайшихъ, и ласкающихъ сердецъ,
Что-ни-глазъ такъ скоро мо́ргнетъ:
Темъ себя не удовлитъ;
Но тотча́съ же преселитъ
Отъ жилищъ твоихъ природныхъ:
Такъ, едина изъ негодныхъ,
Корень отъ земли́ твой, Льстецъ,
Весь исчезнетъ, духъ не коргнетъ.

3

Праведны то у́зрятъ, придутъ всѣ и сами въ страхъ;
Но потóмъ тѣ засмѣются,
И между собою скажутъ: человѣкъ сей прахъ
Ка́зни-коему даются,
Бога въ пóмощь не хотѣлъ,
Тѣмъ что-мнóгое имѣлъ
Съ велелѣпіемъ богатство:
И превозмогалъ за братство:
Онъ былъ добрымъ главный врагъ;
Се тщеты́ съ нимъ расстаются.

4

Я Твой рабъ, о! Боже, масличина какъ-съ-плодомъ,
При Твоемъ священномъ храмѣ
Не отступно буду, уповаяй не съ стыдóмъ
На щедроты, и не въ срамѣ:
Исповѣмъ Тебя во вѣкъ
Тварь Твоя, и человѣкъ;
Что-Твое-я-Имя-зна́ю,
Избавленія тѣмъ чаю:
Благо то, по Авраамѣ,
Любящимъ Святымъ Твой домъ.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ LII.

Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ.

Пророкъ описываетъ крайнее нечестіе, и общее искаженіе, бывшее въ его время. Возвѣщаетъ онъ злымъ месть отъ Бога, а праведнымъ обѣщаетъ пóмощь и спасеніе отъ Гóспода.

1

Глупый въ сердцѣ рéкъ-вотъ-что:
Бога нѣтъ, и не бывало;
Званіе пустое то,
И ниже́-чему нача́ло.

— 2 —
Исказили всѣ себя;
Ихъ беспутство мерско злое:
Никого нѣтъ, ктобъ-любя́
Дѣлалъ все что-есть-благо́е.

— 3 —
Съ зрачныхъ Богъ приникъ небесъ,
Чтобъ людей ему увидѣть;
Есть ли, умъ когобъ-такъ-не́съ,
Чтобъ Творца́ толь не обидѣть.

— 4 —
Отступили всѣ назадъ
Нѣтъ ни одного, хоть сколько,
Не́-былъ-ктобъ негодный гадъ,
И о добромъ мни́лъ-бы только!

— 5 —
Иль отнюдъ ума въ сихъ нѣтъ
Человѣкахъ нечестивыхъ?
Въ хлѣбъ людъ мой ѣдятъ безъ бѣдъ;
Бога чтобъ призвать, нѣтъ въ льстивыхъ.

— 6 —
Гдѣ-нѣтъ-стра́ха, тамъ имъ страхъ:
Богъ рассыпалъ всюду кости
Таковыхъ льстецовъ какъ-пра́хъ;
Въ стыдъ и срамъ пришли за злости.

— 7 —
Но Іѕраилю кто въ даръ
Отъ Сіона дастъ избаву?
Кто́ прогонитъ всякій сваръ?
Облечетъ его во славу?

— 8 —
Какъ-изъ-плѣ́на людъ его
Богомъ точно возвратится;
То Іаковъ для того,
И Іѕраиль взвеселится.

ПСАЛОМЪ LIII.

Боже, во имя твое спаси мя.

Саулу когда-сказано отъ Зіфеевъ, что Давідъ укрылся въ ихъ землю, и когда-онъ-пошéлъ туда, поимать его тамъ; то Давідъ проситъ Бога, защитить его отъ хотящихъ ему смерти. Творитъ онъ обѣтъ, хвалить Его и прославлять, пóслѣ какъ-услы́шанъ будетъ. Случай, подавшій причину къ сей молитвѣ, предлóженъ в Первой Книгѣ Царствъ, въ Главахъ 23, и 24.

1

Боже! Именемъ Твоимъ
Да спасусь я и избавлюсь;
Да, Твоею жъ и води́мъ
Силою, на судъ поставлюсь.

2

Боже! днесь услышь мою́
Теплую къ Тебѣ молитву:
Се чужіи ставъ, свою́
Производятъ мнѣ ловитву.

3

Встали также на меня
Крѣпкіи всемѣрно люди;
Ищутъ, каждаго тѣ дня,
Жизни моея и груди.

4

Сіи Бога предъ собой
Никогда не предлагали;
Ихъ неправеденъ что-бóй,
Такъ отнюдъ не рассуждали.

5

Се мнѣ помогаетъ Богъ;
Моея души́ любитель,
Ей избава, твердый рогъ,
И всегдашній Заступитель.

6

На враговъ зло отвратитъ:
Боже! Правдою Твоею,
Да напасть мнѣ не вредитъ,
Потреби самихъ и съ сею.

7

Жертву чисту принесу
Я Тебѣ, но всесердечно;
И Твое превознесу
Имя благо всеконечно.

8

Избавленіе Ты далъ
Мнѣ отъ всякія печали;
На врагахъ я видѣть сталъ,
Все что-очи-зрѣть желали.

❧ ❧ ❧

ПСАЛОМЪ LIV.

Внуши, Боже, молитву мою.

Давідъ, боясь попасться въ рýки своимъ врагамъ, представляетъ Гóсподу крайнее бѣдствіе, въ коемъ-онъ-обращáется. Жалуется что-прéданъ и оклеветанъ отъ тѣхъ, кои-къ-нему-бóльшую дружбу являли, и на которыхъ-наибóльше онъ надѣялся. Однако, утѣшается надеждою, что-Богъ-его-не-остáвитъ, и истребитъ хотящихъ ему погибели.

1

Внуши, о! Господи, мольбу;
Не презри моея молитвы;
Вонми, услышь, дай мнѣ цѣльбу;
Скорблю смущенъ всегда отъ битвы,
Отъ воплей вражіихъ и стопъ,
И отъ лукавнующихъ злобъ:
На мя злодѣйство уклонили,
Враждуютъ въ гнѣвѣ и огнѣ;
Смутилось сердце ужъ во мнѣ;
Отъ смерти страхи мя сломили.

⁂ 2 ⁂

Въ боязни трепетъ мя объялъ;
И мракъ покрылъ густый со тьмою;
Я въ мысль сіе ужъ воспріялъ:
Кто-дастъ-мнѣ-крила съ быстротою,
Но крила голубины днесь,
Чтобъ, тѣми облехченный весь,
Я взвившись залетѣлъ высо́ко,
И нѣгдѣ бъ тамъ отъ золъ почилъ?
Я бѣгомъ бы хоть отскочилъ
Въ пустыню, гдѣ-не-у́зритъ око.

⁂ 3 ⁂

Я поспѣшилъ бы такъ спастись
Отъ вихря и отъ бу́ри сильны,
И отъ ненастья унестись
Враговъ моихъ, что-неуми́льны;
Ихъ, Боже, потопи, спали́,
Язы́ки оныхъ раздѣли:
Я видѣлъ наглости во градѣ,
И распрь премножество и ссоръ;
Тамъ злостей окружаетъ зборъ
Его всѣ стѣны, какъ-въ-осадѣ.

⁂ 4 ⁂

Не престаютъ, ни въ день ни въ нощь,
Досада, трудъ въ его срединѣ;
Вездѣ зло, добраго онъ тощь;
Въ немъ кривда ужъ не наеди́нѣ;
На стогнахъ лихва, ложь, и лесть,
Убійственна съ коварствомъ месть:
О! еслибъ лютый непріятель,
Мя столько поносилъ въ чело;
Шобъ не почелъ того я въ зло,
Терпѣлъ бы ла́етъ-что зіятель.

5

Когдабъ-и-на-меня́ восталъ,
Который-я́вно ненавидитъ;
Тобъ отъ него укрыться зналъ,
Да больше тотъ мя не обидитъ:
Но ты, негодный человѣкъ,
Ты жилъ со мною весь твой вѣкъ,
Ты дому моему прави́тель,
Мнѣ равнодушный купно другъ,
Былъ собщникъ брашенъ, таинъ, слугъ,
И въ Божій храмъ мнѣ предводитель.

6

Итакъ, да придетъ смерть на нихъ;
Да снидутъ за́-живо въ могилу:
Живетъ зло всяко и въ самихъ,
И взяло тожъ въ жилищахъ силу:
Но къ Богу воззову я въ гласъ,
Господь спасетъ меня тотча́съ:
Я въ вечеръ, въ утро, в полдень знойный,
Глаголя буду возвѣщать,
И мой вопль самому́ собщать;
Услышитъ Богъ гласъ беспокойный.

7

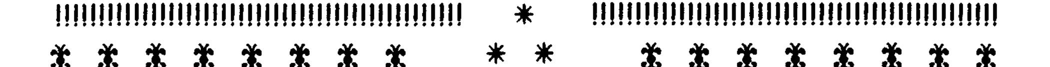
Избавитъ ду́шу отъ войны
Святымъ и вожделѣннымъ миром;
Отъ вшедшихъ многихъ съ стороны́
Спасетъ, и насладитъ мя пиромъ:
Услышитъ Богъ, и ихъ смиритъ,
Но такъ, что-о́ныхъ покоритъ:
Онъ прежде всѣхъ вѣкъ пребываетъ;
Въ тѣхъ никакой премѣны нѣтъ,
И что-они-отъ-да́внихъ лѣтъ
Къ нему безъ страха, онъ все знаетъ.

8

ПростерЪ вЪ нихЪ руку всякЪ свою
На мирно съ ГосподемЪ живущихЪ;
Нарушили при семЪ бою
ЗавѣтЪ Его, и вЪ ономЪ сущихЪ:
Казались тихими съ лица́,
Приближили свои сердца́;
Слова́ ихЪ какЪ-Еле́й смягчились,
Но были стрѣлы то вЪ красѣ:
ВзложижЪ твои печали всѣ
На Бога, чтобЪ тѣ облегчились.

9

ОнЪ препитаетЪ и не вЪ растЪ;
Подвигнуться ОнЪ справедливу
СмятеніемЪ отнюдЪ не дастЪ,
КЪ нему за милость особливу:
Ты, Боже, вЪ кладязь тѣхЪ сведешь,
И пагубу на нихЪ нашле́шь:
Льстецы и кровопивцы, знаю,
Не до́йдутЪ половины дней:
О! Боже, я вЪ надеждѣ всей
На Тя конечно уповаю.



КАѲІСМА ОСМАЯ.

ПСАЛОМЪ LV.

Помилуй мя Боже, яко попра мя человѣкъ.

Давідъ, бывши взятъ Філістімлянами въ городѣ Геѳѣ, какъ-то-сіе-видимо въ Главѣ 21, Книги I Царствъ, проситъ Го́спода, помиловать его въ той крайней напасти. Присовокупляетъ къ своей молитвѣ хваленія и благодаренія, показывающія великое упованіе, бывшее въ немъ на Бога.

1

Боже! Самъ меня помилуй,
Тя Единаго избра́лъ;
Въ милости мнѣ изобилуй:
Человѣкъ меня попралъ.

2

Озлоблялъ меня онъ много,
Сильно кажда дня боролъ;
А враги и ввергли срого,
Ибо ихъ довольно, въ долъ.

3

Устрашусь ли въ день который?
Уповаю на Тебя:
Хваленъ Богъ въ щедротахъ скорый;
Чту его слова́ любя.

4

Можноль мнѣ терзаться страхомъ?
Что́ мнѣ плоть здѣсь сотворитъ?
Пусть меня осыплютъ прахомъ,
И въ зло пусть ихъ мысль пари́тъ.

5

Тѣ збираются скрываясь,
Слѣдъ весь наблюдаютъ мой;
Ду́шу вырвать порѣваясь,
Ждутъ часа́ на умыслъ злой.

6

Прочъ уходятъ тѣ съ хулами:
Боже! весь низринь сей родъ,
Гнѣвомъ ярымъ и съ грозами,
Въ пропасть крайнѣйшихъ безгодъ.

7

Вся Тебѣ поступка вѣсна;
Предъ Тобой слезъ токъ моихъ;
Прозьбу зришь, коль та нелѣсна:
Все то въ Книгахъ есть Твоихъ.

8

Вспять враги да возвратятся,
Въ кой-Тебя́ день призову;
Мнѣ щедроты да явятся:
Ты мой Богъ, клоню́ Главу.

9

Въ Богѣ восхвалю я слово,
Въ Го́сподѣ я рѣчь хвалю;
Какъ-въ-надеждѣ былъ неново,
Такъ Его о всемъ молю́.

10

Я на Бога уповаю;
Страхъ не силенъ уморить:
Что́жъ мнѣ человѣкъ, не знаю,
Можетъ злаго сотворить?

11

Боже! всѣ на мнѣ обѣты,
Я воздамъ Тебѣ хвалу:
Згибли на животъ надѣты;
Ты не предалъ смертну злу.

12

Самъ отъ слезъ меня избавилъ,
Поползнутьсяль дашь ногамъ?
Да ходяй Тябъ въ свѣтѣ славилъ,
Собщникъ всѣмъ живымъ слугамъ.

❧ ✱ ❧

ПСАЛОМЪ LVI.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Давідъ въ бѣгствѣ своемъ убѣжавъ въ пещеру, въ коей поималъ его Саулъ, какъ-то-видимо есть въ I Книгѣ Царствъ, въ Главѣ 24, приноситъ сію молитву къ Богу, которою-призываетъ его въ по́мощь, и засвидѣтельствуетъ твердое надѣяніе на его покровительство.

1

Боже! умились надъ мною,
Щедро мя помилуй днесь;
На Тебя душа собою,
И надѣется духъ весь.

2

Ухожду подъ сѣнь прохладну
Непремѣнно крилъ Твоихъ,
Зрю пока напасть, толь гладну,
Не прошедшую Благихъ.

3

Къ вышнему я нынѣ Богу
Гласомъ крѣпкимъ воззову:
Онъ благъ Датель безъ прилогу,
Онымъ я хранимъ живу.

4

Съ неба пошлетъ, и избавитъ;
Съѣсть хотяща постыдитъ:
Милость Онъ въ округъ поставитъ;
Истинною заградитъ.

5

Здѣсь душа моя со Львами;
Нахожусь въ срединѣ злыхъ:
Съ человѣчими сынами,
Съ множествомъ звѣрей прямыхъ.

6

Зубы ихъ не что́ какъ-стрѣлы;
Какъ-ору́жіе устъ рѣчь;
Всѣ стремительства въ нихъ смѣлы;
А языкъ, преострый мечъ.

7

Боже! вознесись отнынѣ
На прегорьни Небеса;
Будетъ на землѣ въ святынѣ
Слава вся за чудеса.

8

Уготовили, и клали
На́-ноги мои тѣ сѣть;
Смяли, я́му ископали:
Но пришло самимъ слетѣть.

9

Сердце, Боже мой, готово,
Се готово есть мое;
Воспою прекрасно слово,
Похваленіе Твое.

10

Возбудись моя́ ужъ слава,
Встаньте Гусли и Псалтиръ;
Встану рано: мнѣ избава,
Всѣмъ же тишина и миръ.

11

Господи! Тебя прославлю
Воспѣвая межъ людьми;
И въ языкахъ я отправлю
Славну пѣснь Тебѣ вельми.

12

Милость такъ Твоя велика,
Даже неба до круго́въ;
Истиннажъ Твоя толика,
Что-достигла-облако́въ.

13

Боже! вознесись отнынѣ
На прегорьни небеса;
Будетъ на землѣ въ святынѣ
Слава вся за чудеса.

ПСАЛОМЪ LVII.

Аще воистинну.

Сей Псаломъ есть Давідова жалоба на неправедныхъ Судей, коихъ-онъ-описываетъ нечестіе и ожесточеніе во злѣ. Предвозвѣщаетъ, что-мéсть Божія истребитъ ихъ вскорѣ. Видимы въ семъ уподобленія, бывшія въ употребленіи въ то время. Вѣроятно, что-Давідъ-говоритъ-здѣсь-о-Совѣтникахъ Сауловыхъ.

1

Вы если вѣрно такъ въ совѣтѣ,
Чтобъ въ правдѣ былъ вашъ приговоръ;
То, дѣти человѣковъ въ свѣтѣ,
Творите правъ судомъ разборъ.

2

Ахъ! сердцемъ дѣлаете злобу;
Вы наглость вѣсите рукой:
Шли злыи отъ ложеснъ вдаль собу,
Отъ чрéда сшиблись къ лжи одной.

3

Ихъ ярость какъ-змїина рáвно;
Какъ-Аспідъ-глýхъ, такъ всѣ они:
Онъ затыкаетъ уши справно,
Предъ нимъ коль громко ни звони.

4

Затѣмъ онъ и не слышитъ гласа
Отъ опѣвающихъ Его,
Колика бъ ни была прикраса
Въ искусномъ звукѣ для того.

5

О! Боже, сокруши имъ зубы,
Сломи симъ львищамъ въ ихъ устахъ
Всѣ коренныи и сугубы,
И бóльше быть не дай въ деснáхъ.

6

Да, какъ-водá, они иссякнутъ,
И мимо вскорѣ протекутъ;
Да въ силахъ изнемогши смякнутъ,
Ни лýка да не напрягутъ.

7

Подобно воску да растаютъ,
И да огонь падетъ на нихъ;
Да солнца такъ не созерцаютъ,
Какъ-выкидышъ сосцовъ двоихъ.

8

Еще вотъ не вскипятъ сосуды
Отъ терній вашихъ на огнѣ,
Какъ-жаркій вихрь живыхъ, что-худы,
Васъ вринетъ бездны быть на днѣ.

9

Се праведникъ возвеселится,
Когда-сію-увидитъ месть;
Онъ руки самъ умыть потщится
Злыхъ въ крови, ихъ за скверну лесть.

10

Всякъ человѣкъ разумный скажетъ:
Когда-плодъ-Праведнику-многъ;
Що на землѣ, такъ он докажетъ,
Конечно есть судящій Богъ.

ПСАЛОМЪ LVIII.

Изми мя отъ врагъ моихъ, Боже.

Давідъ, бѣдствуя быть взятъ отъ людей, Сауломъ посланныхъ въ его домъ, дабы онаго захватить, представляетъ Господу крайнюю напасть, въ коей-обращается, да и не сомнѣвается, чтобъ Богъ не избавилъ его отъ непріятелей, не унялъ бы ихъ злости, и чтобъ не показалъ надъ ними образца. Історія, подавшая случай сему Псалму, содержится въ I. Книгѣ Царствъ, въ 19 Главѣ.

1

О! Боже, отъ враговъ изми,
И отъ восставшихъ въ ловъ съ сѣтьми;
Избавь меня отъ беззаконныхъ,
Отъ кровопивныхъ всѣхъ мужей:
Ужé въ рукахъ я у несклонныхъ,
Се уловили мя въ день сей,
О! Господи, не за преступство,
Нижé за грѣхъ мой, ни за глупство.

2

Тó бѣгаютъ повсюду врозь;
Тó стрóятся всѣ впрямь и вкось;
Однакъ за что, того не знаю:
Самъ, Господи, восстань, узрú,
Выдь въ стрѣчу мнѣ, изнемогаю:
О! Боже Силъ, злыхъ толь сотри;
А внявъ и навѣстивъ народы,
Всѣхъ нечестивыхъ вринь въ безгоды.

3

Похаживаютъ въ вечеръ тѣ,
Урчатъ какъ-алчны-псы въ ѣдѣ;
Тогда вкругъ городъ весь обходятъ,
Устами въ ярости бранятъ,
Мечи съ ихъ словъ всегда не сходятъ;
Кто-возбранúтъ-намъ? говорятъ:
Но посмѣешся Ты надъ ними,
О! Господи, и надъ самими.

4

Къ Тебѣ взираю нынѣ я,
Державы ради моея;
Ты, Господи, мой заступитель:
Богъ мой меня предупредитъ,
Богъ Самъ мнѣ будетъ объявитель,
Враговъ моихъ чемъ укротитъ:
Не убивай ихъ, чтобъ урону
Въ лишенiи не быть закону.

5

Ихъ токмо силой расточи,
Ихъ низложи, и обличи;
О! Боже, Ты моя защита:
Ихъ устъ великій самый грѣхъ,
Есть рѣчь не скромна, не пришита:
Итакъ, за гордость, и за смѣхъ,
Къ концу да будутъ сами взяты,
И тѣмъ отъ лжи, и клятвъ запяты.

6

Скончи ихъ въ грозный самый гнѣвъ,
Развѣй, не будетъ ихъ какъ плевъ:
Что-Богъ-Іаковомъ-владѣетъ,
И что-вселенна-вся-Его;
То всякъ изъ нихъ уразумѣетъ,
Познавъ отъ бѣдства своего:
Скончи ихъ грознымъ самымъ гнѣвомъ,
Да не ктому возлаютъ зѣвомъ.

7

Пусть идутъ подъ-вечеръ вездѣ,
Урчатъ какъ-алчны-Псы въ ѣдѣ;
Пусть городъ весь кругомъ обходятъ;
Да рыщутъ, чтобъ найти поѣсть,
Да цѣлую ночь препроводятъ
Не могши ни на часъ присѣсть,
И да не будутъ насыщенны,
Но токмо ропотомъ смущенны.

8

Но я заутра воспою
Здѣсь Силу крѣпкую Твою;
Возрадуюсь весьма за милость,
Что-Самъ меня Ты заступилъ,
И что-разгналъ-мою унылость:
Помощникъ мой! Тебя взлюбилъ,
Тебя и прославляю; Боже!
Щедротъ Твоихъ мнѣ нѣтъ дороже.

ПСАЛОМЪ LIX.

Боже, отринулЪ ны еси.

Царь ДавідЪ говоритЪ вЪ семЪ Псалмѣ о раззореніяхЪ и о войнѣ, какимЪ-Ізра́илтяне были подвержены; и также о побѣдахЪ и обЪ избавленіи, кои-Бо́гЪ имЪ даровалЪ. Видимо есть вЪ Главѣ 8, Книги 2, ЦарствЪ, какая-была-причи́на, и что́ подало случай сему Псалму.

1

Боже! Ты насЪ всѣхЪ отринулЪ;
АхЪ! повсюду насЪ раскинулЪ,
И разгнѣвался на насЪ;
Но ущедрить соизволи:
Се растрясЪ всю землю вЪ доли,
Расщели́лЪ вездѣ тотча́сЪ.

2

Исцѣли ея провалы,
Колебанія не малы;
Ты ТвоимЪ ужЪ показалЪ
ЛюдямЪ жестоту пресрого,
И віно уже́ премного
НамЪ беспамятствія далЪ.

3

Но пото́мЪ страхЪ Твой имущимЪ,
И Тебя усердно чтущимЪ,
ДаровалЪ Хоругвь ТыжЪ СамЪ;
Да подЪимутЪ ту высо́ко,
ЧтобЪ отвсюду зрило око,
ЧтобЪ збѣгались всѣ кЪ ряда́мЪ.

4

ЧтобЪ избавиться жЪ любезнымЪ,
И ТвоимЪ не быть бы слезнымЪ:
О! Твоею мя спаси,
Боже, крѣпкою рукою,
Твердо защищая тою,
И услышавЪ вознеси.

5

Во Святилищѣ БогЪ главномЪ
ВЪ гласѣ возглаголалЪ славномЪ:
ТѣмЪ я веселЪ раздѣлю
Весь СіхемЪ на многи ча́сти,
И юдоль Сукко́ѳЪ, по вла́сти,
Всю размѣрять повелю.

6

Манассі́й мой сЪ Галаа́домЪ;
А ЕфремЪ, сЪ свои́мЪ всѣмЪ стадомЪ,
Крѣпость главная моя́;
Мой Іуда уложитель,
ВсѣмЪ МоавЪ мнѣ споспѣшитель,
И прострусь вЪ Едомѣ я.

7

Инородныи бесспорно
Поддаются мнѣ покорно:
Палестіна торжествуй!
Кто́-внутрь града мя поставитЪ?
Кто́-меня вЪ ЕдомЪ наставитЪ?
Кто́-мнѣ скажетЪ, ликовствуй?

8

Иль не Ты, отверчі́й Боже?
Наказуяй насЪ всѣхЪ сроже?
Не водяй ни нашихЪ силЪ?
Ты намЪ даруй по́мощь вЪ го́рѣ,
СамЪ избавь отЪ бѣдства вскорѣ,
ЧтобЪ Тебя вЪ насЪ каждый чтилЪ.

9

Человѣческа избава,
Суетна есть и не права:
БогЪ насЪ сильно ободри́тЪ;
Непріятелей низло́житЪ,
СЪ прахомЪ вЪ равенство поло́житЪ,
И поправЪ, намЪ покоритЪ.

ПСАЛОМЪ LX.

Услыши, Боже, моленіе мое.

Псаломъ сей есть молитва и утѣшеніе. Давідъ въ немъ молитъ Го́спода, воспріять его въ свое защищеніе; да и показывается наполненъ радостію и благодарностію въ чувствованіи благодати Божіея, и въ упованіи на его по́мощь.

1

Самъ услышь мольбу мою́,
Боже, и вонми молитву;
Я къ Тебѣ возопію
Отъ концевъ землй, въ ловитву,
И въ коварную мнѣ битву.

2

Въ по́мощь я Тебя зову,
Что-внутрь-се́рдцемъ унываю,
И въ прискорбности живу:
Мя вэнеси на камень, къ кра́ю
Твердости, какъ-то-жела́ю.

3

Ты моя́ надежда былъ,
Ты столпъ крѣпкій предъ врагами;
Въ храмъ Твой шелъ я не унылъ:
Въ немъ вселюсь ввѣкъ, подъ крилами
Весь его гнѣздясь, дѣлами.

4

Боже! Ты уже́ мольбу
Самъ услышалъ милосердо;
Ты, явивъ Твою судьбу,
Далъ наслѣдіе мнѣ твердо,
Любящихъ Тя чистосердо.

5

Ты къ Царевымъ днямъ еще́
Дни приложишь безъ навѣта;
А живущаго вобще́
Здраво по срединѣ свѣта,
Продолжа́тся въ роды лѣта.

6

ПредЪ Тобой ввѣкЪ будетЪ онЪ:
СЪ истинною милость многу
Уготовь ему безЪ спонЪ;
Да, на правую доро́гу
Ставшій, сохранится Богу.

7

Имени я Твоему
Воспою, Тя прославляя;
Принесу обѣтЪ ктому
Ежедневно умоляя,
И колѣна преклоняя.

❧ ✳ ❧

ПСАЛОМЪ LXI.

Не Богу ли повинется.

Давідъ объявляетъ, что-упова́ніе на Бога дѣлаетъ его всесовершенно спокойнымъ, не взирающаго на всѣ умышленныя предпріятія на него отъ враговъ. Показываетъ, что-не-до́лжно надѣяться на человѣковъ, ни на добро міра сего, но токмо на единаго Бога, который-владѣетъ-всѣмъ, и есть Судія всѣмъ Человѣкамъ.

1

Не Богу ль духЪ мой покорится?
Избава отЪ Него мнѣ зрится:
ОнЪ БогЪ, и купно есть мой СпасЪ,
Прибѣжище и Заступитель,
Вся крѣпость и оборонитель,
Я не поколебну́сь отЪ васЪ.

2

Пока ужЪ дѣлать вамЪ нападки
На человѣка отЪ повадки?
Готовьтесь быть умерщвлены́:
И какЪ-стѣна́ что-похили́лась,
И какЪ-загра́да что-свали́лась;
ТакЪ будете истреблены́.

3

Но умышляютъ межъ собою,
Стремглавъ егобъ метнуть съ бѣдою:
Во лжи, и прямо къ лжи бѣгутъ;
Его устами похваляютъ,
И рѣчію благословляютъ,
А сердцемъ злобно внутрь кленутъ.

4

Душа моя! тиха́ пребуди,
Смириться Богу не забуди:
Онъ чаяніе все мнѣ есть;
Моя́ Онъ твердость и держава,
Надежда, по́мощь, вся и слава;
Въ Немъ имамъ непреходну честь.

5

О! на Него́-то уповайте,
Сердца́ Ему вы изливайте;
Онъ Богъ нашъ, щитъ и правота:
Но подла чернь, есть пыль пустая,
А знатныи, тлетворна стая,
Всѣжъ лехче въ вѣсъ нежъ пустота.

6

Не полагайте вы надежды
И на неправду, о! невѣжды;
Не раззоряйте и вконецъ:
Когда-течетъ-рѣко́й богатство,
И умножается вамъ бра́тство;
Не льсти́те симъ своихъ сердецъ.

7

Богъ возглаголалъ мнѣ однажды,
А я услышалъ все то дважды;
Затѣмъ что-Всемогу́щъ Богъ Самъ:
О! Господи, щедролюбивость,
И Ты единъ вся Справедливость,
Воздашь комуждо по дѣламъ.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ LXII.

Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреню.

Царь Давідъ, бывши гонимый и находившійся въ пустынѣ Іудовой, куда-онъ-убѣжа́лъ, какъ-то-чте́тся въ 1. Книгѣ Царствъ, въ главѣ 23, приноситъ къ Богу молитву, содержащуюся въ семъ Псалмѣ. Объявляетъ, что-ничего́ не желаетъ онъ съ толикимъ усердіемъ, какъ-чтобъ-бы́ть въ дому Божіемъ, и что-чувствованіе-Благости-Госпо́дни наполняетъ его несказанною радостію, и непоколебимымъ упованіемъ, коль не силятся на него стремительно всѣ непріятели.

1

О! Боже, Боже мой, ищу
На са́момъ я Тебя рассветѣ,
И жаждетъ Тя душа какъ-въ-лѣтѣ,
Вся плоть, и весь я самъ хощу
Къ Тебѣ изъ дебри, гдѣ-въ-навѣтѣ.

2

Въ пустой скитаюсь я землѣ,
Въ землѣ не токмо непроходной,
Но удаленной и безводной,
Подверженной всегдашной мглѣ,
Не здравой, блатной, и бесплодной.

3

Избавь, Твоюбъ мнѣ Силу зрѣть,
Увидѣть бы притомъ и славу;
Такъ ра́вно, какъ-Твою-Держа́ву
Зря можно было въ храмѣ пѣть,
И прославлять Тя по уставу.

4

Твоя есть лучше живота
Велика милость и богата,
Всего дражайше та и злата;
Затѣмъ Тебя мои уста
Восхвалятъ съ сихъ мѣстъ отъ возврата.

5

Во всю жизнь Тя благословлю,
Объ имени Твоемъ воздѣю
Къ Тебѣ я ру́ки, какъ-успѣю
Въ желаніяхъ, и преломлю
Все бѣдствіе, которымъ-тлѣю.

6

Душа, и Духъ мой насыще́нъ,
Какъ-ту́комъ съ мастію какою,
Единымъ, Боже мой, Тобою;
Въ устахъ языкъ обогащенъ
Тебѣ съ веселіемъ хвалою.

7

Когда-Тебя́ воспоминалъ
Въ нощи́ я на моей постелѣ;
То утреннюя въ са́момъ дѣлѣ,
Къ Тебѣ всю мысль я воссылалъ,
И не радѣлъ не спяй о тѣлѣ.

8

Ты былъ всегда помощникъ мой;
Тѣмъ получу велику радость
Я въ кровѣ крилъ Твоихъ, и сладость:
Иде́тъ душа въ слѣдъ за Тобой;
Въ Твоей десницѣ ввѣкъ мнѣ младость.

9

Но тѣ, которы-моея
Души́ къ погибели искали,
И на меня толь восставали,
Всѣ со́йдутъ съ злобы своея
Въ ровъ преисподній, гдѣ-близъ-ста́ли.

10

Вдадутся тѣ меча рукамъ,
Въ участокъ пищи будутъ птицамъ,
И плотояднѣйшимъ лисицамъ,
И непрестанно алчнымъ псамъ,
И кровопивнымъ купно львицамъ.

11

А Царь о Богѣ повсегда
Имѣетъ свѣтло веселиться;
О Немъ всякъ можетъ похвалиться,
Кленется Онымъ-кто-когда:
Устамъ лжи долгъ былъ заградиться.

ПСАЛОМЪ LXIII.

Услыши Боже гласъ мой.

Псалмістъ проситъ Бога, защитить его отъ лютости и отъ ухищреній непріятельскихъ: Предвозвѣщаетъ ихъ гибель, и говоритъ, что-будетъ-она-видима-всѣми.

1

Боже! мой услыши гласъ,
Какъ-къ-Тебѣ въ мольбахъ вѣщаю;
Жизнь храни на всякій часъ:
Въ страхѣ отъ враговъ бываю.

2

Самъ меня отъ злыхъ укрой,
И отъ ихъ всего навѣта;
Сокровеннѣйшажъ устрой
Отъ неправедна совѣта.

3

Острь, какъ-мечъ, языкъ ихъ сталъ;
И какъ-изъ-лука, за стрѣлы,
Каждый токмо-что металъ
Рѣчи горесны и смѣлы.

4

Тѣмъ безвинна бъ застрѣлить,
Въ чемъ бы ихъ тотъ ни скрывался;
Да-ещебъ-и-вдругъ свалить,
Всякъ бесстрашно порывался.

5

Въ злѣ упрямо тѣ стоя́тъ,
И какъ-сѣть скрыть, рассуждаютъ;
Межъ собой такъ говорятъ:
Кто́ увидитъ? и скрываютъ.

6

Ищутъ любопытно зла;
Все испы́тываютъ точно,
И, какъ-мо́жно есть, до тла;
Се́рдца сходитъ въ глубь нарочно.

7

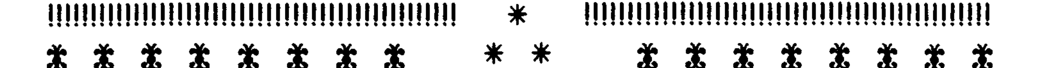
Но Богъ вдругъ ихъ поразилъ;
Язвы се на нихъ явились:
Ихъ языкъ на нихъ озли́лъ;
Зрящіи то, всѣ смутились.

8

Всякъ пришелъ, то видя, въ страхъ;
Все́-что видѣли, расславятъ,
Въ дивныхъ Божіихъ дѣлахъ,
И себѣ въ мысль предпоставятъ.

9

Праведникъ же о своемъ
Господѣ возвеселится;
Уповаяй Нань всякъ Штѣмъ
Правый о хвалѣ потщится.



КАѲІСМА ДЕВЯТАЯ.

ПСАЛОМЪ LXIV.

Тебѣ подобаетъ пѣснь.

Сей Псаломъ имѣетъ двѣ ча́сти. Въ первой Давідъ говоритъ о благословеніяхъ духовныхъ, кои-Бо́гъ ниспослалъ покланяющимся Ему въ Сіонѣ. Но во второй о временныхъ благословеніяхъ, которыя-Господь-да́рствовалъ Ізраилскому народу, а особливо въ плодоносіи Ханаанскія земли́.

1

О! Боже, пѣснь Тебѣ въ Сіонѣ
Въ хвалу прилично воспѣвать,
И въ Іерусалимѣ звать
Обѣтами Тебя въ поклонѣ:
Ты слышишь те́плу тамъ мольбу;
Къ Тебѣ всякъ при́детъ по судьбу.

2

Ужъ премогли насъ всѣхъ преступства,
Но Ты грѣхи очистишь Самъ:
Блаженъ! кого Ты, по дѣламъ,
Избра́лъ и принялъ для присутства
Во вѣкъ ему въ Твоихъ Двора́хъ,
И тамъ селиться бъ на горахъ.

3

Насытимся мы всѣ благими,
Что-ди́вный Твой имѣетъ домъ,
И въ хра́мѣ-что Твоемъ святомъ:
Услыши, Боже, насъ, Твоими
Отвѣтъ дѣлами намъ дая;
Ихъ правда извела Твоя.

4

Ты, Господи, всѣмъ намъ избава,
Надежда всѣхъ концевъ землѝ,
И кои-моремъ-вда́ль прошли,
Да и вездѣ Твоя держава:
Горамъ твердъ Богомъ данъ законъ;
Самъ препоясанъ Силой Онъ.

5

Морскіе глу́би утоляетъ,
И волнъ ужасныхъ буйный шумъ,
Въ народахъ же мятежный умъ:
Земель край кто ни населяетъ,
Боится всякъ Твоихъ погодъ;
Красѝшь лучей встокъ и исходъ.

6

Тобою землю посѣщаешь,
И по́слѣ какъ-ту-напойшь,
И жажду всю въ ней утолишь,
То оную обогащаешь:
Полна́ водъ Божія рѣка,
Быстра́, чиста́, и глубока́.

7

Готовишь такъ Ты пищу нашу,
Толико нивамъ давши нѣгъ;
По орошеніижъ браздъ тѣхъ,
Збираешь плодъ какъ-бутто-въ-ча́шу:
Отъ капль играетъ тамъ дождей,
Желтѣя па́ромъ спѣетъ сей.

8

Обиліемъ вѣнчаешь лѣто,
Поля̀ всѣ источаютъ тукъ,
И древъ-обремененный сукъ;
Се красотою есть одѣто
И мѣсто всякое пустынь,
На хо́лмахъ множество густынь.

• 9 •

Покрыты луги всѣ стада́ми;
Пшеницею вознесся долъ,
И ею загустилъ свой полъ,
Колебляся бутто какъ-волна́ми:
Какъ-въ-торжествѣ онъ вопіетъ,
И какъ-съ-веселія поетъ.

❧ ✕ ❧

ПСАЛОМЪ LXV.

Воскликните Господеви вся земля.

Сей Псаломъ есть возбужденіе къ прославленію силы Господни, и избавленій дарованныхъ Имъ своему народу, въ изведеніи его изъ Египта, и въ другихъ многихъ случаяхъ. Потóмъ пророкъ хвалитъ Бога за милости полученные отъ Него, и побуждаетъ всѣхъ боящихся Гóспода соединить хваленія ему съ его Давідовыми, и купно утвердиться, смотря на него, въ уповаініи на Бога, и въ Его страхѣ.

• 1 •

Всклицайте на землѣ всѣ Богу,
Воспойте Имени Его,
Прославьте похвалу Того,
Воздайте честь Ему премногу:
Скажите Гóсподу: О! коль
Твоими страшенъ Ты дѣлами;
Великость предъ Твоей, врагами
Пусты́хъ представится ложь доль.

• 2 •

Поклóнится Тебѣ вселенна,
И воспоетъ хвалу Твою,
О! Вышній, Имени сію;
И та есть всюду проявленна:
Всѣ зрите Божія дѣла́;
Въ своихъ совѣтахь коль Онъ страшенъ,
И коль тѣхъ болѣе укра́шенъ
Сыновъ, земля́-что родила́.

• 3 •
Онъ сушу произвелъ изъ моря;
Мы водъ прошли по глубинѣ
Не омочившись въ самомъ днѣ,
И стали всѣ о Немъ безъ горя:
Владычествуетъ силой въ вѣкъ,
Его на всѣхъ людей зрятъ очи;
Въ противникахъ нѣтъ столько мочи,
Изъ нихъ чтобъ взнесся человѣкъ.

• 4 •
Благословите, о! народы
Всѣ Бога нашего всякъ часъ
Да взносится Ему хвалъ гласъ
За толь намъ многіе выгоды:
Онъ душу нашу оживилъ,
Ногамъ Онъ не-далъ запинаться,
Ниже смятеніемъ шататься;
Ходъ прямъ и твердъ нашъ весь явилъ.

• 5 •
Ты, Боже, испыталъ насъ точно,
Узрѣлъ, въ насъ будетъ ли добро,
Разжегъ такъ равно какъ-сребро,
Проникнулъ до сердецъ нарочно:
Затѣмъ и всѣхъ насъ ввелъ Ты въ сѣть,
Хребты и чресла свелъ недугомъ,
Во времени далъ жить упругомъ,
И нами людямъ злымъ владѣть.

• 6 •
Прошли сквозь огнь мы, сквозь и воду,
Потомъ извелъ Ты насъ въ покой;
Я вниду съ жертвою въ домъ Твой,
Воздамъ моленія съ приходу:
Моленія, что-говорилъ
Языкомъ и устами сими,
Устами собственно моими,
Когда-себя-въ-печали зрилъ.

7

Взнесу Тебѣ я въ сердцѣ миломъ
Всежженіе, овецъ, и тукъ,
И купно изъ моихъ же рукъ,
Взнесу воловъ съ козла́, съ кадиломъ:
О! вы, въ которыхъ-Бо́жій страхъ,
Придите слышать не игрою,
Скажу, что-здѣлалъ о́нъ со мною,
Коль есмь ни недостойный прахъ.

8

Его я призвалъ велегласно,
И въ томъ языкомъ превознесъ;
Какъ-въ-се́рдцѣ бъ былъ неправды вѣсъ,
Меня бъ Богъ не услышалъ власно:
Но моея мольбы гласъ внялъ
Благословенъ Господь! который
Былъ воспрія́ть молитву скорый,
И ми́лости-кой не отъялъ.

ПСАЛОМЪ LXVI.

Боже ущедри ны.

Ізраилскій народъ проситъ Бога о благословеніи Его себѣ, и желаетъ, да Богъ будетъ хвали́мъ и прославляемъ всѣми народами по вселенной.

1

Боже! милость намъ яви,
Всѣхъ Твоимъ насъ просвѣщая
Здѣсь лицемъ, и освящая;
Купножъ и благослови,
И помилуй насъ прощая.

2

Да познается путь Твой
Нами на землѣ исправно;
И спасеніе преславно
Да увѣдаютъ, въ рядъ свой,
Всѣ вездѣ языки равно.

3

Боже! славу принесутъ
Должную Тебѣ народы;
Люди всѣ Тебя и роды
Похвалами вознесутъ,
Нынѣ и въ текущи годы.

4

Взвеселятся племена
Радуясь между собою:
Ты людей всѣхъ правотою
Су́дишь, коя-всѣмъ одна,
Всѣхъ и наставляешь тою.

5

Боже! славу принесутъ
Должную Тебѣ народы;
Люди всѣ Тебя и роды
Похвалами вознесутъ,
Нынѣ и въ текущи годы.

6

Плодъ земля свой подала;
Боже! да благословятся
И пріятны да явятся
Наши всѣ Тебѣ дѣла́:
Тя концы земли́ боятся.

ПСАЛОМЪ LXVII.

Да воскреснетъ Богъ.

Давідъ прославляетъ силу Господню, кою-Богъ-явилъ низвергая непріятелей своему народу, препровождая Его въ пустынѣ, и поселяя въ землѣ Ханаанской, гдѣ-оный-народъ-по́льзовался совершеннымъ преспѣяніемъ под покровительствомъ Божіемъ. Сей Псаломъ воспѣтъ тогда, когда-Кивотъ-завѣта пренесенъ въ Іерусалимъ: онъ частію пророческій, и содержитъ многое, возносящееся къ Іисусу-Хрісту, и къ его Царствію.

❧ 1 ❧

Да Самъ воскреснетъ въ силѣ Богъ,
И всѣ враги вдругъ расточатся;
Всѣ ненависники съ дорогъ
Толпами нарозно умчатся;
Какъ исчезаетъ вѣтромъ дымъ,
Исчезнуть вскорѣ равно злымъ:
Какъ отъ огня воскъ тотчасъ таетъ,
Такъ всякій грѣшникъ отъ лица
Всесильна Бога, до конца,
И въ вѣчны вѣки погибаетъ.

❧ 2 ❧

Но праведныи купно всѣ,
Въ веселіе и въ крайню радость
Предъ Богомъ придутъ въ томъ часѣ
Еще и радованій въ сладость;
Прославьте Бога вы поя,
Путь взнесшусь въ запады дая:
Хвалою вы Его воспойте;
Господь по Имени Онъ есть,
Его владычество и честь;
Предъ Нимъ вы торжество удвойте.

❧ 3 ❧

Онъ есть Отецъ всѣмъ Сиротамъ,
Онъ Судія нелицемѣрный
Оставленнымъ отъ всѣхъ вдовамъ,
Онъ въ святости своей есть вѣрный;
Тому, одинъ кто животомъ,
Даетъ Богъ домочадцовъ въ домъ:
Он скованыхъ отъ узъ изводитъ;
Но непокорный всякъ, хоть съ устъ,
Находится всего ввѣкъ пустъ,
И только въ гробища уходитъ.

4

О! Боже, Ты какъ-исходилъ
Тогда Самъ предъ людьми Твоими,
И шествіе Твое явилъ
Въ пустынѣ той далекой съ ними;
То вся земля въ кругъ затряслась,
Отъ неба капля пролилась,
Гора Сінай вострепетала,
Что-Богъ присутствуяй былъ тамъ;
Но Богъ Ізраилевъ, Тотъ Самъ;
Тварь въ ужасѣ великомъ стала.

5

О! Боже, Ты обильный дождь
Се пролилъ на Твое наслѣдство,
Которому-Тыжъ-пребылъ вождь;
А отъ трудовъ какъ-было-бѣдство,
То всѣхъ Тобою облехчилъ,
И вредъ отъ нихъ прочъ отлучилъ:
Твое тамъ стадо пребывало;
Тобой утѣшился унылъ,
Обогащенъ, убогъ-кто былъ;
Всѣхъ сердце веселясь играло.

6

Господь всѣмъ подалъ много словъ;
Гонцы съ предобрыми вѣстями
Отвсюду прибѣгая въ кровъ,
Пріемлемыи тамъ властями,
Всѣ сами были полкъ великъ,
И радостей гласили кликъ:
Цари силъ съ войскомъ убѣжали,
Зубами устъ не смогши грысть;
Но бывшіи въ дому, корысть
Въ подѣлъ премногу раздавали.

7

Когда-случится-вамъ-поспать
Въ особенныхъ уже предѣлахъ;
Тогда всѣ можете вы встать,
Посребрены такъ, какъ-въ-раздѣлахъ
Крилъ голубиныхъ цвѣтъ блеститъ,
Средижъ раменъ и златомъ лститъ:
Когда-россыпалъ Всемогущій
Въ землѣ наслѣдной всѣхъ Царей;
Явился бѣлости снѣгъ въ ней,
Не зрится ни въ Селмонѣ пущій.

8

Сія есть Божія гора,
Васанска есть гора толь тучна:
Что-кажда горъ скакать скора?
Что-и-плесканіемъ толь звучна?
Горы сея Богъ возжелалъ,
Дабы на ней Онъ пребывалъ;
Господь во вѣкъ тутъ и вселится:
Но конница, что-есть-при-Немъ,
Счисляется вся тмами темъ,
И тысящами та дѣлится.

9

Господь между рядами ихъ,
Господь въ святомъ своемъ Сінаѣ:
Ты выспрь восшелъ ужъ при Твоихъ,
Привелъ и всѣхъ плѣненныхъ въ стаѣ;
Взялъ дары, чтобъ ихъ раздѣлить
По людямъ, купнобъ удовлить
Непокоривыхъ тѣми жъ рядомъ;
Дабы всѣмъ онымъ въ житіе
Могло быть мѣсто, что-Твое,
И поселиться бъ въ немъ обрядомъ.

10

Господь Богъ есть благословенъ,
Насъ снабдѣваетъ ежедневно;
Изъ насъ всякъ Онымъ покровенъ,
Его какъ-сердце-есть-не-гнѣвно;
Богъ нашъ, есть Богъ спасать бы насъ,
Въ его есть волѣ смертный часъ:
Пронзитъ въ врагахъ Богъ са́мыхъ главныхъ,
И растерзаетъ верьхъ власо́въ
Не слушая ужъ ихъ гласо́въ,
Затѣмъ что-имъ-не-зритъ въ злѣ равныхъ.

11

Господь рекъ: Самъ я возвращу
Моихъ всѣхъ нынѣ отъ Васа́на,
И возвращая отвращу
Ихъ отъ морскихъ глубинъ до стана;
Ты бъ ногу, а языкъ съ усы́
Въ крови́ враговъ смочили псы:
О! Боже, слѣдъ Твой былъ всѣмъ зримый,
Былъ шествія слѣдъ явенъ Твой;
Ты Царь мнѣ, и Господь Богъ мой,
Въ дому святомъ Твоемъ хвалимый.

12

Пѣвцы тогда шли напередъ,
Пото́мъ свиряющи въ сопѣли;
Среди устроенъ былъ чере́дъ
Тimпанницъ дѣвъ, и сіижъ пѣли,
И купно били въ свой тімпанъ,
Какъ-былъ-уста́въ имъ каждой данъ:
Собора общаго во время,
Сплетайте Богу хвалъ вѣнецъ,
Благословляя отъ сердецъ,
Вы всѣ, Ізраильское племя.

13

Юнѣйшій тамъ Веніаминъ
Господствовалъ надъ ними страхомъ;
Начальныхъ отъ Іуды чинъ
Ихъ ка́мнями и купно прахомъ,
Владычествуя, подавлялъ,
И такъ противныхъ истреблялъ:
Имъ Князижъ и отъ Вавило́на;
И Князь же Нефѳалі́мъ владѣлъ,
А власть не слабую имѣлъ,
Такъ что-тѣ-не́-были безъ стона.

14

Твой Богъ тебѣ ту твердость далъ:
О! Боже, Самъ подай намъ силу,
И укрѣпи, что-Ты́ созда́лъ,
И что-содѣлалъ роду милу;
Отъ храма, Іерусалимъ
Что-взноситъ-зда́ніемъ драгимъ,
Къ Тебѣ уже́ явятся сами,
Да на колѣна припадутъ,
И по́честь должну воздадутъ,
Цари съ богатыми дарами.

15

Дай грозный окрикъ на звѣрей
Тростинныхъ тѣхъ и грубо дикихъ,
На сонмъ тельцовъ, то на людей,
И на воловъ тѣхъ превеликихъ;
Дай на красящихся сребромъ,
И расточи всѣ недобромъ
Язы́ки, бра́ни-что заводятъ:
Се отъ Египта на мольбу
Спѣшатъ, а Ху́сы по судьбу
Заранѣй къ Го́споду приходятъ.

16

Земныя Царства! пойте днесь
Вы Богу, Го́споду воспойте,
Восшедшему вЪ восточну весь,
НебесЪ на небо; зрите, стойте:
Се далЪ ОнЪ гласу своему
ЗвонЪ зѣльный, слышимый всему:
Воздайте Богу честь и славу;
Всю велелѣпій высоту
Его прiялЪ Iзраиль ту,
Что-движетЪ облачную Лаву.

17

БогЪ дивенЪ во своихЪ СвятыхЪ,
ЕдинЪ Iзра́илю-кой БогомЪ,
А прочiи сему вЪ пусты́хЪ,
И вЪ омерзѣнiи премногомЪ;
ОнЪ силу подаетЪ и власть,
ОнЪ преблагополучну часть
Свои́мЪ всѣмЪ людямЪ неоскудный;
ОнЪ вЪ обѣщанiяхЪ есть твердЪ,
И ввѣкЪ кЪ избраннымЪ милосердЪ:
БлагословенЪ БогЪ буди чудный.

ПСАЛОМЪ LXVIII.

Спаси мя Боже, яко внидоша во́ды.

Царь ДавiдЪ, бывши вЪ превеликой печали, предЪизЪявляетЪ трoякое вЪ семЪ Псалмѣ.. Первое, молится Богу, да помилуетЪ его, и да ему поможетЪ, и притомЪ представляетЪ крайность, вЪ кою-приведенЪ-не́навистiю и злостiю своихЪ непрiятелей. Второе, возвѣщаетЪ имЪ гнѣвЪ отЪ Бога. Третiе, окончаваетЪ Хвалою Богу и благодаренiемЪ.

❧ 1 ❧

Боже! днесь спаси мя вскорѣ,
Вóды въ дýшу мнѣ вошли;
Лужъ погрязъ глубокихъ въ зборѣ,
Нóги стать, къ дну не дошли;
Глубина ужъ поглотила,
Бýря въ низъ отягготила:
Утрудился вопія,
Нѣтъ и ни въ гортани мóчи,
Свѣтъ померкъ, исчезли очи;
Шокможъ чаю Бога я.

❧ 2 ❧

Ненавидящихъ напрасно,
Больше нежъ въ главѣ власóвъ;
А гонящихъ повсечасно,
И враговъ, какъ-ужъ-лѣсóвъ;
Совокупно всѣ скопились,
И на мя въ злѣ укрѣпились:
Я чего-и-не-взимáлъ,
Что-восхитить-опасáлся,
И къ чему-не-прикасáлся;
Шо все онымъ отдавалъ.

❧ 3 ❧

Боже! Ты мое безумство
Вѣдаешь конечно Самъ;
Отъ Тебя не тайно глумство,
Ни грѣхи мои, ни срамъ:
За менябъ не постыдились,
И нижéбъ тѣ посрамились,
Кои-Гóспода Тя силъ,
Господи,. усердно чаютъ,
И снискуя величаютъ;
Богъ Ізраилевъ имъ милъ.

4

За Тебя поносъ бесчесный
Горесно я претерпѣлъ;
Чуждь сталъ братій, братъ нелесный,
Быть, какъ-пришлый, въ нихъ не смѣлъ;
Ревность, коя-вспламенѣла,
Дому Твоего мя съѣла:
Поносящихъ Тя хула
Прямо на меня упала;
Постъ душа весь наблюдала;
Но и тѣмъ въ позоръ ввела.

5

Взялъ я на себя въ одежду
Рубищный прегрубый мѣхъ;
Но ругали какъ-невѣжду
Мя воспріимая въ смѣхъ;
При вратахъ надъ мной глумились,
При вінѣ язвить стремились:
Боже! я Тебѣ молюсь;
Какъ-благоволишь-во-время,
Соймешь въ милости золъ бремя;
Въ истиннѣ спасенъ явлюсь.

6

Извлеки меня изъ лужи,
Чтобъ не пасть мнѣ на исподъ;
Чтобъ спастись отъ злобныхъ стужи,
И отъ преглубокихъ водъ;
Быстрина да не уноситъ,
Ни во глубину да броситъ:
Пропасть челюстей своихъ
Да не стиснетъ надо мною,
Смертоносною бѣдою
Да не попаду я въ нихъ.

7

Господи! услышь мя нынѣ,
Много въ милости есть благъ;
А щедротъ по благостынѣ,
Призри отъ небесныхъ влагъ;
Да Лице Твое священно
Зритъ къ рабу неотвращенно:
Въ скóрби скоро не оставь;
Дýшу внять мою́ изволи,
Искупи ту отъ неволи,
Для враговъ моихъ избавь.

8

Ты бесчестіе мнѣ знаешь,
Вѣдаешь мой срамъ и стыдъ;
Предъ Тобою созерцаешь
Всякъ враговъ мнѣ, всякъ не скрытъ;
Срамота меня сломила,
Слабость зѣльно утомила:
Сожалѣющаго ждалъ,
Но такóва не бывало;
Рáвно тѣшащихъ хоть мало,
Но и сихъ не обрѣталъ.

9

Въ пищу желчь мнѣ предложили,
Въ жажду жъ óцтомъ тѣ меня,
Сверьхъ довольства, напоили,
И еще-притомъ-кленя́;
Столъ ихъ буди въ сѣть предъ ними,
Все бъ мѣнялось въ зло самими:
Чтобъ не зрѣть имъ ничего
Помраченными глазами,
За текущими слезами,
И трястись всегдабъ съ того.

10

Гнѣвъ пролей на нихъ жестокій,
Ярость да постигнетъ тѣхъ;
Дворъ да будетъ пустъ высокій,
Не́-былобъ живыхъ у всѣхъ,
Ни въ жилищахъ ихъ конечно;
Всебъ имъ было злосердечно:
Поразйлъ-кого Самъ Ты,
Онаго тѣ го́нятъ срого,
Прйдали-еще язвъ много
Толь всѣ злясь безъ правоты.

11

Приложи имъ злобу къ злобѣ;
Да не внидутъ тѣ къ Твоей
Правдѣ, и ниже́ къ Особѣ;
Да пребудутъ въ тмѣ своей;
Да отъ Книги потребятся,
Гдѣ-живы́и токмо зрятся:
Съ праведными оныхъ часть
Да не впишется пристойно;
Пагубная, какъ-досто́йно,
Да восхйтитъ ихъ напасть.

12

Я и нищъ, и есмь болящій;
Тѣмъ въ спасеніи Твоемъ,
Боже, да узрю́сь стоя́щій,
И всегда да буду въ немъ:
Моего я Имя Бога,
Пѣсньми внутрь и внѣ чертога,
И повсюду восхвалю;
Возвеличу и хвалою,
Прославленіе устрою,
Благодарность воспалю.

13

Що угоднѣй будетъ Богу,
Нежель молодый телецъ,
Рогъ носяй, и ногу
Раздвояяй гдѣ-конéцъ;
Зря смиренны взвеселятся,
Чрезъ сіе всѣ ободрятся:
Бога снискивайте вы,
Сердце ваше будетъ живо;
Бѣдныхъ Богъ услышалъ тщиво,
Плѣнныхъ не презрѣлъ молвы.

14

Да его восхвалятъ въ зборѣ
Небеса, Понтъ, и Земля,
И живущее все въ мóрѣ,
Вся да славитъ Тварь хваля;
Богъ спасетъ Сіонъ въ отрады,
Іудейски зиждя грады:
Ихъ наслѣдятъ въ житіе,
Боже, въ нихъ и укрѣпятся;
Въ томъ раби Твои вселятся
Имя любящи Твое.

❧ ❧ ❧

ПСАЛОМЪ LXIX.

Боже въ пóмощь мою вонми.

Давідъ, гонимый непріятелями своими, молитъ Гóспода, да благоволитъ поспѣшить Ему на пóмощь.

1

Боже! въ пóмощь мнѣ вонми;
Господи! помóщь потщися:
Ищущи моей вельми
Жизни, злобнѣй поднялися.

2

Да посрамятся въ округъ,
И да сіи постыдятся;
Зложелатели всѣ вдругъ
Смятно вспять да возвратятся.

3

Да бѣгутъ прочъ со стыдомъ,
Кои-превесьма досадно
Мнѣ на смѣхъ кричатъ всѣмъ ртомъ:
О́-о! ну́-вотъ! та́к-то ладно!

4

Да возрадуются всѣ,
Боже, кои-Тя́ снискуютъ;
Да во всякомъ и часѣ
Веселясь они ликуютъ.

5

Любящихъ Тебя весь ликъ
Да вѣщаетъ непрестанно:
Буди нашъ Господь великъ!
Въ немъ Спасеніе желанно.

6

Се есмь бѣденъ: возблесни
По́мощь, Боже, мнѣ и вскорѣ;
Мя спасти́ не закосни,
Господи, въ толиком го́рѣ.

⁂⁂⁂⁂⁂⁂⁂
⁂⁂⁂⁂⁂
⁂⁂⁂
⁂

!! * !!

КАѲІСМА ДЕСЯТАЯ.

ПСАЛОМЪ LXX.

На тя господи уповахъ.

Царь Давідъ произнесъ сей Псаломъ въ глубокой уже́ своей старости, и знатно во время восстанія сы́на его Авесалома. Молитъ онъ Бога, избавить его, и явить ему тужъ са́мую благость, кою-онъ-чувствовалъ-во-время-юности своея. Жалуется онъ на бесчеловѣчіе и нападенія своихъ враговъ; а въ надеждѣ, что-Богъ-его-засту́питъ, наполняется святою радостію, и творитъ обѣтъ, благословлять Бога непрестанно.

1

На тя, о! Господи, всегда
Я уповалъ, и Твой зовуся,
Да здѣсь отнюдъ не постыжуся;
Избавь мя правдой, се бѣда;
Изми, да буду безъ вреда́:
Твое мнѣ приклони днесь ухо,
Спаси отъ водъ, изведъ на су́хо.

2

Будь мнѣ Защитителемъ Богъ,
И мѣстомъ, чтобъ спасти́ мя, твердымъ;
Ты былъ мнѣ всюду милосердымъ,
И крѣпости всея мнѣ рогъ,
Убѣжище и отъ налогъ:
Отъ грѣшныхъ рукъ меня избави,
Въ обиду злому не остави.

3

Ты чаяніе все мое,
О! Господи, о! Боже вѣчный,
Предѣлъ надеждѣ Ты конечный;
Мнѣ Милосердіе Твое
Отъ юности въ то обое:
Отъ чре́ва утвержденъ Тобою,
Покрытъ пою́ Тебя хвалою.

4

Въ чудовище я многимъ сталъ;
Но Ты всегда мнѣ по́мощь си́льна:
Да будетъ похвала обильна
Въ устахъ моихъ, чтобъ воспѣвалъ
Твою я славу, и давалъ
Знать велелѣпность ежеденно
Твою всѣмъ, въ гласѣ учрежденно.

5

Мя не отвержи, какъ-пришла́
Ко мнѣ вотъ старость совершенна;
Какъ-крѣпость бодрости лишенна,
Оскудѣвать ужъ начала́,
И въ слабость члены привела,
Мя, Боже, не оставь, молюся;
Да не пренебреженъ явлюся.

6

Врагамъ о мнѣ премного словъ;
Подстерегающіи злобно
Мою́ жизнь (всякъ изъ нихъ особно,
И всякъ изъ оныхъ есть готовъ
Въ свой вринуть ухищренный ловъ)
Всѣ совокупныи совѣты
Имѣли въ зло мнѣ и въ навѣты.

7

Они другъ дру́гу говорятъ:
Ужъ Богъ его совсѣмъ оставилъ,
Коль много онъ Того ни славилъ;
Гони́те вы его, велятъ;
Схвати́те нынѣ, такъ твердятъ:
Нѣтъ, ктобъ-избáвилъ ужъ отъ му́ки,
Хватайте достовѣрно въ ру́ки.

8

О! Боже Мой, не удались,
Самъ поспѣши мнѣ въ по́мощь вскорѣ;
Въ стыдѣбъ исчезли и въ позорѣ,
Которы-клевета́ть взялись;
А въ срамотубъ тѣ облеклись,
Остервѣнившись кои-ры́щутъ,
И зла на жизнь мою́ толь ищутъ.

9

Всегда Тебя я буду ждать,
Хвалы къ хваламъ Твоимъ прибавлю;
Устами правду воспрославлю;
Избаву всякъ день возвѣщать,
И буду къ славѣ пріобщать;
Тя возвеличить бодръ бываю,
Хоть милостямъ числа́ не знаю.

10

Пойду въ Господнѣ силѣ я;
Твоей я правды не забуду,
Воспоминать едину буду:
О! Боже, Истинна моя!
Тому Наука мя Твоя
Отъ юности доднесь учила,
Рѣчь чудесабъ Твои всѣ чтила.

11

Учила повсегда мя та
До сихъ лѣтъ старости самы́я,
До престарѣлости сѣды́я:
О! Боже, вѣчна правота!
Величество! и высота!
Въ сіе мя время не остави,
Въ способность мой языкъ направи.

12

Пока я точно возвѣщу
Твою сему здѣсь мышцу роду,
А силу будущему плóду;
Твоей я правды не вмѣщу,
Ума толь выспрь не возращу;
Тобой все здѣлано велико:
Подобенъ ктó Тебѣ толико?

13

Въ печаль Ты многу мя вводилъ,
Болѣзни претерпѣть далъ многи;
Но обратившись съ той дорóги,
Мя паки оживотворилъ,
Изведъ изъ безднъ земны́хъ явилъ:
Дашь паки въ мѣстѣ быть высокомъ,
Утѣшишь, премѣнившись, óкомъ.

14

Тѣмъ, Боже, буду я радѣть
О похвалѣ Тебѣ прекрасной,
На Арфѣ во Псалмахъ согласной,
Твоюбъ мнѣ истинну воспѣть:
Я въ Гусли стану тужъ гремѣть,
Тебѣ Іраилеву Богу,
Тебѣ Святому безъ прилогу.

15

Когда Тя, Бóже, воспою;
Коль я возрадуюсь устнами!
И коль возвеселюсь словами!
Что-Ты-избáвилъ жизнь мою́;
Всѣмъ правду проповѣмъ Твою:
Мнѣ ищущи зла постыдятся,
И срамомъ зѣльнымъ всѣ заря́тся.

ПСАЛОМЪ LXXI.

Боже, судъ твой цареви даждь.

Сей Псаломъ сочиненъ тогда, когда-Саломóнъ поставленъ Царемъ. Давідъ молитъ Бога, даровать Саломону сыну своему Мудрость и Правду къ правленію подданными. Потóмъ, видимо здѣсъ описаніе славы и пространства, какое-есть-въ-Саломóновѣ царствѣ, и также благополучія, коимъ-Ізрáилскій народъ насладится при его державѣ.

1

О! Боже, дай Царю судъ Твой,
А правду сыну днесь Цареву;
Судилъ бы онъ по ней самóй
Людей многовѣтвисту древу.

2

Чтобъ гóры людямъ миръ несли;
Чтобъ хóлмы правду приносили;
Бессильныхъ бы правá спасли,
Клевещущаго жъ тѣ скосили.

3

Пребудетъ въ нихъ во всѣхъ твой страхъ,
Коль солнце и луна пребудутъ
Свѣтящими во всѣхъ вѣкáхъ;
И никогда тя не забудутъ.

4

Какъ-дóждь онъ снидетъ на руно,
Или какъ-дóждичекъ росистый
На-лýгъ, гдѣ-было кошенó,
И нáчалъ паки быть травистый.

5

Въ его державу процвѣтетъ
Всякъ мужъ, который-есть-правдúвый;
Пока луна кругóмъ идéтъ,
Миръ многій станетъ и нельстивый.

6

Отъ мóря будетъ онъ владѣть,
До сáмаго другаго моря;
Отъ рѣкъ въ концахъ землú имѣть
Его въ владыку всѣмъ не спóря.

7

Всѣ Ефіопляне предъ нимъ
Припасть съ почтеніемъ имѣютъ;
Врагижъ упорствомъ злымъ своимъ
Лизать персть то́лько-что посмѣютъ.

8

Цари Ѳарсісти, Острова́,
Къ нему быть поспѣшатъ с дарами;
Цари Аравсти, и Сава́
Дань принесутъ, и придутъ сами.

9

Земны́и всѣ Цари ему
Покло́нятся, и повинутся;
Царю всѣ роды своему
Служа въ работу отдадутся.

10

Онъ въ слабыхъ каждаго спасетъ
Къ нему отъ сильныхъ вопіюща;
Онъ помощію вознесетъ
Безъ по́мощи отъ нуждъ гніюща.

11

Убога съ нищимъ пощадитъ,
Избавитъ ду́ши са́мыхъ бѣдныхъ;
Неправду, лихву побѣдитъ;
Драгою кровь почте́тъ наслѣдныхъ.

12

Затѣмъ всегда онъ будетъ живъ;
Аравскимъ златомъ збогатится:
Помо́лятся о немъ, что-щи́въ;
Всякъ день отъ всѣхъ благословится.

13

Одна горсть на горахъ сѣменъ,
Посѣянныхъ какъ-бы-опри́чно,
Подастъ плоды́ его временъ
Лівансхихъ выше, и сторично.

14

Всѣ пóдданныи какЪ-травá
Одѣнутся вЪ оградахЪ цвѣтомЪ;
Восхвалится его глава,
Пока есть солнце круглымЪ лѣтомЪ.

15

О немЪ всякЪ будетЪ покровенЪ;
ОнЪ ублажится всѣми главный:
Господь БогЪ нашЪ благословенЪ,
ЕдинЪ чудесЪ Творитель славный.

16

Сего преславно Имя есть
Во вѣкЪ и вЪ вѣки единако;
По всей землѣ Сему и честь
Да полнится: о! буди тако.

ПСАЛОМЪ LXXII.

Коль благЪ БогЪ ІзраилевЪ.

АсафЪ представляетЪ вЪ семЪ Псалмѣ, что, видя преспѣяніе злыхЪ, а худое состояніе добрыхЪ, поколебался онЪ крайно симЪ искушеніемЪ; но размысливЪ пути Господни, призналЪ, что-благополу́чіе нечестивыхЪ приводитЪ ихЪ кЪ вѣчной бѣдности. ОтЪ сего онЪ заключилЪ, что-все-его-блаже́нство состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ твердо быть вЪ соединеніи сЪ БогомЪ. Сей ПсаломЪ содержитЪ великія наставленія кЪ побожности.

1

Коль БогЪ ІзраилевЪ есть благЪ!
Но благЪ есть ОнЪ чистосердечнымЪ:
ЯжЪ устоялЪ чуть на ногахЪ,
Не сшибся разомЪ чуть конечнымЪ:
Я позави́дѣлЪ-было злымЪ,
Блаженство видя беззаконныхЪ;
Они отЪ смерти вЪ посторонныхЪ,
Отмѣнны взоромЪ не прости́мЪ,
И зрятЪ кЪ себѣ всѣхЪ благосклонныхЪ.

2

Когда-другіи суть въ трудѣ,
Они не зрятся купно съ ними;
Хоть на бою, нѣтъ ранъ нигдѣ,
Руками все творятъ чужими:
Тѣмъ гордость окружаетъ ихъ,
Неправды наглы одѣваютъ;
Глаза́ имъ съ тука заплываютъ;
Сверьх мыслей щаслив ы своихъ,
И ни о чемъ не унываютъ.

3

Лукавсту оныхъ нѣтъ конца,
Смышляютъ то́лько-что нападки;
Рѣчь висока́ ихъ и сердца́;
По небу мысли, всѣ ухватки,
Языкъ хоть рыщетъ по землѣ:
Тѣмъ въ людяхъ помыслъ коренится,
Когда-въ-нихъ-ка́ждый не цѣни́тся
Оставленъ въ подлости и тлѣ;
А въ свѣтлости изъ злыхъ всякъ зрится.

4

Тогда они такъ говорятъ:
Или ужъ Богъ отнюдъ не знаетъ?
Иль очи ничего не зрятъ?
Знать Онъ того не понимаетъ:
Се кривдъ дѣльцы обильнѣй всѣхъ;
У нихъ въ рукахъ и все богатство;
Они имѣютъ всюду братство;
Во всемъ добро имъ и успѣхъ;
Намъ бѣдность, нужда, и ощадство.

5

И я: не втунель, рекъ, давалъ
Такъ сердцу чисту непорочность?
Не втунель рýки умывалъ
Въ невинности, мня то быть прочность?
На всякъ день уязвляемъ былъ,
Зло каждымъ утромъ возвращалось:
Какъ-внутрь-то-мнѣніе вмѣщалось;
Се роду я невѣрнымъ слылъ,
И сердце страхомъ возмущалось.

6

Однакъ хотѣлъ я разумѣть,
Но то и былъ мнѣ трудъ великій:
Пока я вниду, чтобъ имнѣть
О всемъ томъ разумъ мнѣ толикій,
Въ Святилище предъ Бога самъ;
Да рассужду о сихъ негодныхъ,
Надменныхъ, и непѣшеходныхъ,
По ихъ концу и смерти тамъ;
Коль ни живутъ въ сластяхъ выгодныхъ.

7

Но какъ ни есть; однако Ты,
О! Боже, положилъ имъ злое
За всѣ ихъ люты высоты;
И въ разгордѣніе самóе
Ихъ въ прóпасти низвергъ стремглавъ:
Какъ-вдругъ-оний толь запустѣли!
Какъ-нѣтъ ихъ, сколько ни густѣли!
Исчезли въ гибели безъ славъ,
И съ беззаконіемъ истлѣли.

• 8 •

Такъ стали, какъ-мечта́ и сонъ,
Когда-кто-восстаетъ отъ ложа;
О! Господи, сотре́шь безъ спонъ
И о́бразъ въ градѣ ихъ, ничтожа:
Но сердце въ то́мъ-мое-когда
Толь неприлично распалялось,
И въ затрудненіи являлось;
Былъ я Тебѣ какъ-ско́тъ тогда,
Все знаніе прочъ удалялось.

• 9 •

Тѣмъ за́все буду я съ Тобой;
Уде́ржишь мя Ты за десную
Самъ руку, и совѣтъ дашь Твой,
И въ славу примешь мя чесну́ю:
Кто-мнѣ-друго́й на небѣ есть?
Кто-на-землѣ живущу сладость?
О комъ мнѣ есть толика радость?
Моя́ плоть съ сердцемъ токмо лесть;
Ты часть моя́, и вѣчна младость.

• 10 •

Погибнутъ, кои-отъ-Тебя́,
Нечестіемъ свои́мъ и глупствомъ,
Здѣсь удаляютъ толь себя;
Кто-любодѣйствія-престу́пствомъ
Есть гнусенъ, потребишь:
Но мнѣ быть съ Богомъ, есть то благо,
Все упованіе толь драго;
И не хвалю, Самъ, Боже, зришь,
Въ вратахъ Сіонскихъ я инаго.

ПСАЛОМЪ LXXIII.

Вскую Боже отринулъ еси доконца.

Сей Псаломъ сочиненъ по случаю разрушенія Іерусалимскаго Храма. Соборъ Іудейскій воспѣваетъ въ немъ сіе двоякое. Первое, говоритъ онъ о сожженіи и паденіи Храма, и о печальномъ состояніи, въ кое-приведенъ-

Са́мъ плѣненіемъ, будучи лишенъ зна́ковъ Божія Завѣта и благодати Его. Второе, проситъ по́мощи у Го́спода, и утѣшается избавленіями, дарованными прежде того собственному его народу, и знаками Всемогущества являемыми въ порядкѣ міра, и въ обыкновенномъ теченіи Естества.

1

О! почто Ты, Боже, насъ
Доконца уже́ отринулъ?
Ярость дышетъ каждый часъ
На Овецъ, Что-ихъ-поки́нулъ,
Пажити жъ тѣхъ Твоея!
Помяни, Соборъ Твой нынѣ,
Пріобрѣ́тенный въ святынѣ
Древности Тобой всея;
Гору, Ты́-гдѣ въ благостынѣ.

2

Ру́ки подъими Твои
На гордыню ихъ конечно;
Зри всѣ вражіи бой;
Зри, коль не добросердечно
Злился въ Храмѣ врагъ святомъ:
Ненависники ввалились,
Службъ Твоихъ среди хвалились;
Съ знаменемъ своимъ притомъ
Всюду тамъ они толпи́лись.

3

Всякъ изъ нихъ себя казалъ
Вверьхъ сѣкиру подъимая;
Стѣ́ны всяко рассѣкалъ,
Молотомъ съ пазо́въ збивая:
Все Святилище огнемъ
Съ основаній потребили;
И жилище осквернили,
Не смотря́ что-Ты́ былъ въ немъ;
Все ужъ на́-все раззорили.

• 4 •

Такъ вѣщали межъ собой:
Ну, опустошимъ всѣхъ купно!
Мы не зримъ ужъ головой,
Хоть и просимъ неотступно,
Нашихъ собственныхъ знаме́нъ:
Нѣтъ уже́ у насъ Пророка,
Злу никто не знаетъ срока;
Боже! долголь врагъ надменъ
Тя ругаетъ отъ оброка?

• 5 •

Руку что́ относишь прочъ?
Что́ относишь Ты Десницу?
Ту изми отъ нѣдра въ мочь,
Истреби враговъ Станицу:
Богъ нашъ, Царь намъ съ древнихъ лѣтъ,
Насъ всегда Онъ избавляетъ;
Посредѣ земли́ являетъ
Свой Спасенія извѣтъ,
И того всѣхъ сподобляетъ.

• 6 •

Ты Самъ море раздвоилъ
Силою тогда Твоею;
Ты въ вода́хъ главы разбилъ
Ки́тамъ превеликимъ ею:
Ты расшибъ же и главу
Змійственному Крокоді́лу,
Въ пи́щу Ефіопамъ милу
Давъ того на сладость жву,
И на множимую силу.

7

Полный Ты отверзъ истокъ,
Осушилъ Иѳамски рѣки;
Твой день, нощь; Твой западъ, встокъ;
Ты зари́ отъ насъ далеки,
Ты свершилъ и солнца лучъ;
Далъ свои землѣ предѣлы;
Лѣто, зиму съ снѣги бѣлы,
Ты созда́лъ и мраки тучъ;
И обнесъ въ кругъ вѣтры смѣлы.

8

Боже! помяни сіе:
Го́спода ругалъ врагъ Си́льна!
Раздражилъ Имя Твое
Людъ безъ разума обильна!
Не предай звѣря́мъ такимъ
Славящей души́ Тя вѣрно;
Бѣдныхъ не забудь всемѣрно;
На Завѣтъ воззри къ Твоимъ:
Всюду въ земской Тмѣ есть скверно!

9

Кто-есть-кро́токъ и смире́нъ,
Да не будетъ тотъ посрамленъ;
Бѣдностію кто-сотре́нъ,
Непрестанно да направленъ
Зрится къ похвалѣ Тебѣ:
Боже! Самъ восстани вскорѣ,
Рассуди Твое, что-въ-спо́рѣ,
Дѣло правое въ себѣ,
И не дайся быть въ укорѣ.

10

Вспомяни Тебѣ поносъ,
Ежедневно кой-творится
Отъ безумнаго въ наносъ;
Онъ неистово ярится:
Но молитвенниковъ всѣхъ
Не забуди гласа званный:
Се въ гордынѣ вопль изда́нный
Ненавидящихъ Тя, въ смѣхъ
Происходитъ непрестанный.

ПСАЛОМЪ LXXIV.

Исповѣмыся Тебѣ Боже.

Давідъ хвалитъ Бога, что-по-многихъ-препо́нахъ, утвердилъ Онъ его въ царствіи; да и творитъ обѣтъ, правитъ онымъ справедливо, и не попущать злымъ и надменнымъ. Показываетъ онъ притомъ, что-Богъ-есть-всему́ предводитель; что-Онъ-возно́ситъ однихъ, а низлагаетъ другихъ; и что, какъ-Судія́ всему Свѣту, казнитъ согрѣшающихъ, но праведныхъ защищаетъ.

1

Тя прославимъ, Боже нашъ;
Господи! мы Тя прославимъ;
Имени хвалу уставимъ:
Призываемо намъ стражъ;
Чудеса Твои расславимъ.

2

Съ временемъ пріявъ наказъ,
Я судить по правдѣ стану;
На нечестіе восстану,
Избоду неправдѣ глазъ;
Хитрость сотворю изгна́ну.

3

Расплылась-было земля,
Купно всѣ на ней живущи;
Но столпы съ основъ ползущи,
Чтобъ не ухватила тля,
Я самъ утвердилъ вновь гнущи.

4

Беззаконникамъ сказалъ:
Беззаконичать престаньте;
Злымъ же: вы отъ зла отстаньте,
Рогъ себябъ вашъ не казалъ,
Онымъ никого не раньте.

5

Не вздымайте въ верьхъ его;
Ни не лгите вы на Бога:
Высотѣ сюда дорóга
Есть не съ встока самого,
Ни не съ запада полóга.

6

Не приходитъ ни отъ горъ,
Пустотá-гдѣ пребываетъ:
Судія Богъ содѣваетъ,
Что-сего-ничтóжитъ въ соръ,
А того выспрь подъимаетъ.

7

Есть у Гóспода въ рукахъ
Чаша, но съ віномъ презѣльнымъ,
Смѣсомъ пѣнится то цѣльнымъ:
Изъ нея ліетъ Онъ въ махъ;
Людямъ пить даетъ бездѣльнымъ.

8

Много есть-ещé дрождей,
Шѣ на днѣ неистощéнны,
Но и пуще возмущенны;
Злыи выпьютъ ихъ изъ ней,
И познаютъ коль згущéнны.

9

Яжъ пребуду радъ всегда;
Богу пѣсни хвалъ дамъ многи;
Всѣмъ сломлю грѣшащимъ роги:
Правымъ настоитъ чреда,
Былибъ взнесшись не убоги.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ LXXV.

Вѣдомъ въ Іудеи Богъ.

Сей Псаломъ есть пѣснь благодарственная, воспѣтая по случаю одержанныя великія нѣкоторыя побѣды, дарованныя Богомъ своему народу. Онъ притомъ и напоминаніе, къ признанію силы и величія Божіяго.

1

Богъ въ Іудѣе вѣдомъ есть;
Въ Ізраилѣ велика слава:
Въ Салімѣ храмъ Его и честь;
Хвала Ему въ Сіонѣ пра́ва,
Жилище купно и держава.

2

Тамъ крѣпость сокрушилъ Луко́въ
Сіяющихъ, богатыхъ, чудныхъ;
Тамъ поразилъ Онъ и враговъ,
Содѣлавъ всѣхъ ихъ намъ подсудныхъ;
Сломилъ мечъ, щитъ на браняхъ трудныхъ.

3

О! коль отъ вѣчныхъ, Боже, горъ,
Ты просвѣщаешь Самъ предивно:
Всѣ сильны сердцемъ въ оный споръ
Творили, что-Самимъ противно,
Въ смятеніе пришедши сливно.

4

Они уснули сномъ своимъ;
И ничего вотъ изъ богатства
Найти ужъ не случилось имъ
Въ рукахъ своихъ, ниже́ изрядства,
Ни обстоящаго вкругъ братства.

5

Іаковль Боже! Ты́-когда
На конницу далъ окрикъ грозный;
Вздремали всадники тогда,
И съ колесницами обозный:
Явился каждый къ дѣлу позный.

6

Ты страшенъ, сташенъ толь! и кто,
Чтобъ устоять могъ предъ Тобою,
Какъ-скоро-гнѣвъ-явишь на что?
Услышанъ Ты съ небесъ судьбою;
Боясь молчитъ земля собою.

7

Молчитъ, что-Богъ-восста́лъ на судъ,
Дабы Тебѣ спасти смиренныхъ:
Вся Человѣковъ мысль и трудъ,
Всякъ Тя изъ нихъ прославитъ бренныхъ;
Остатки будутъ въ покоренныхъ.

8

Моли́тесь Го́споду вы вдругъ,
Воздайте Богу днесь обѣты;
Несите даръ живущи вкругъ:
Вождямъ отъемлетъ Онъ совѣты;
Царей страшняе чрезъ увѣты.

ПСАЛОМЪ LXXVI.

Гласомъ моимъ ко Го́споду воззвахъ.

Псалмістъ описываетъ здѣсь многіе горести, какіе-ему́ были, и претерпѣнныя внутренно въ себѣ само́мъ сраженія отъ боязни, что-Богъ-не-отве́ргъ-ли его во́вся. Показываетъ притомъ, ка́къ-онъ утѣшился въ

томѣ печальномѣ состояніи, именножѣ, размышленіемѣ о милосердіи Божіемѣ, объ его обѣщаніяхѣ, и о чудесахѣ Его, явленныхѣ вѣ пользу народу Іѕраилскому.

1

Гласомѣ кѣ Богу возопилѣ,
И взывалѣ Его я сильно;
Гласомѣ кѣ Богу и умильно;
Онѣ услышавѣ мя скрѣпилѣ:
Го́спода искалѣ я грѣшный
Вѣ день печали моея;
Воздѣвалѣ вѣ нощь ру́ки я,
Пребывая не утѣшный.

2

Какѣ-я-Бога-вспомина́лѣ,
Весь тогда увеселялся;
Духѣ кѣ нему хоть устремлялся,
Вѣ малодушіи жѣ стеналѣ:
Очи на стражбѣ не спали;
Совершенно я унылѣ,
И вѣ смятеніи весь былѣ;
А уста мои молчали.

3

Мыслилѣ я о первыхѣ дняхѣ,
Поминалѣ прошедши лѣта;
Нощію искалѣ я свѣта
Се́рдца и ума вѣ заряхѣ:
Говорилѣ: или отринулѣ
Ужѣ Господь меня вовѣкѣ?
Иль помиловать далекѣ
Паки, что-мя-та́кѣ покинулѣ?

4

Милость Онъ или вконецъ
Пресѣчетъ свою отъявши?
Иль, словъ толь удостоявши,
Въ роды замолчитъ Творецъ?
Богъ ли жалость позабудетъ?
Иль во гнѣвѣ ужъ Его,
В Немъ отнюдъ ни для кого,
И никакъ щедротъ не будетъ?

5

Я вѣщалъ потомъ сіе:
О! коль въ горесть то мя вводитъ!
Но Всевышній производитъ
Премѣненіе свое:
Вспомнилъ я дѣла Господни;
Вспомнилъ, Боже, чудеса,
Сперва, до сего часа;
Вспомнилъ мощь Твою сегодни.

6

Я размыслилъ о Твоихъ
Начинаніяхъ душею;
Поучился внятно ею
Въ рассужденіяхъ моихъ:
Боже! Твой въ Святомъ путь Храмѣ;
Кто есть болѣе Тя Богъ?
Чудеса творишь въ залогъ;
Силенъ, да не будемъ въ срамѣ.

7

Мышцею Твоихъ людей
Самъ Ты крѣпкою избавилъ;
Ихъ на сушу всѣхъ поставилъ,
Изъ расдѣльшихся глубей:
Спасъ Іаковле все племя,
И Іосифовыхъ чадъ;
Не погибъ ни старъ ни младъ;
Вышли цѣлы всѣ въ то время.

8

Видѣли Тя во́ды тамъ,
Боже! видѣли Тя во́ды;
Въ страхѣ удержали ходы;
Бездны отперлись ногамъ,
И въ смятеніи предстали:
Пролилсяׂ изъ облакъ дождь,
Какъ-Ты-славно-бы́лъ имъ вождь;
Стрѣлы съ свистомъ врозь летали.

9

Восшумѣлъ вокругъ Твой Громъ;
Молніи вдругъ освѣтили,
Въ крайній трепетъ приводили
Землю всю, Вселенны домъ:
Въ морѣ путь Твой показался,
И стези Твои въ вода́хъ;
Но ниже́, какъ-на-брега́хъ,
Слѣдъ пото́мъ весь не познался.

10

Наставленіе Твое
Видимо себя явило,
И людей Твоихъ-дивило;
Ты препоручилъ сіе
Моісею, и Арону:
Весть тѣхъ, какъ-ове́цъ, велѣлъ,
Чтобъ въ рукѣ ихъ всякъ имѣлъ
Изъ ведомыхъ оборону.

ж ж ж ж ж ж ж
ж ж ж ж ж
ж ж ж
ж

КАѲИСМА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ LXXVII.

Внемлите людіе мои.

Сей Псаломъ есть Історіческій, гдѣ-видима-краткая повѣсть объ Ізраилскомъ народѣ, и сказаніе о милостяхъ показанныхъ отъ Бога въ разныя времена сему народу; о различныхъ ихъ согрѣшеніяхъ, о казняхъ, какіе-Богъ на нихъ насылалъ, а особливо о бывшемъ тогда, когда-они-побѣждены, и Кивотъ завѣта былъ взятъ Філістімлянами во время Илія первосвященника, какъ-то-явствуетъ въ Книгѣ первой Царствъ, въ главахъ 4. 5. и 6. Сія Історія распространяется отъ Исхода изъ Египта, до Царствованія Давідова, въ которое-время-Кивотъ, бывшій прежде въ Сіломѣ, а потомъ въ Каріаѳіарімѣ, пренесенъ въ Іерусалимъ, гдѣ-служеніе-Богу-паки возобновлено.

I

О! Людіе мои, внемлите
Всѣ завѣщанный вамъ Законъ;
И ухо ваше приклоните
Словесъ изъ устъ моихъ днесь въ звонъ:
Я притчами начну все слово,
И все гаданіе не ново:
Что-слышали мы отъ кого,
И что-мы-видѣвши познали,
Или Отцы намъ рассказали,
Не опущу я ничего.

• 2 •

Не скрою и отъ младолѣтныхъ:
Они Потомкамъ то собщатъ,
И хвалъ Господнихъ, толь несмѣтныхъ,
Отнынѣ впредь не умолчатъ;
Мощь возвѣстятъ Его и Славу,
Повѣдятъ Силу и Державу;
И не оставятъ ни чудесъ
Всевышнимъ Богомъ сотворенныхъ,
Ка́къ-Пре́дковъ нашихъ изнуренныхъ
Благоволилъ спасать съ небесъ.

• 3 •

Онъ Самъ свидѣтельство неложно
Въ Іаковѣ здѣсь утвердилъ;
Въ Ізраилѣ все, что-возмо́жно,
Законами опредѣлилъ:
Онъ далъ Отцамъ здѣсь нашимъ дѣло,
Сказать сына́мъ свои́мъ то смѣло;
Да будущій позна́етъ родъ,
Отъ нихъ родящіися чада;
А сіи своего тѣмъ сада
Да наставляютъ дальній плодъ.

• 4 •

Да упованіе на Бога
Поло́жатъ всѣ свое они;
Да память пребываетъ многа
О здѣланномъ Имъ искони;
Да заповѣди соблюдаютъ,
И никогда не забываютъ:
Какъ-ихъ-Отца́мъ, не быть бы имъ:
Штотъ весь родъ пребывалъ строптивый,
И сердцемъ толь непокоривый,
Что-онъ-не-вѣрилъ-Бо́гу симъ.

5

Ефремли дѣти, межъ стрѣлцáми,
Въ день брáни обратились вспять;
Завѣта Божія сердцáми
Не восхотѣли сохранять;
Благодѣянія забыли,
Чудесъ не памятуя были:
Онъ предъ Отцами ихъ творилъ
Въ Египтѣ сáмомъ, и на пóлѣ,
Которо-въ-Танеóсскомъ долѣ;
Тѣ всѣ въ нихъ всякъ собою зрилъ.

6

Разверзъ имъ море нá-двѣ чáсти,
По дну невлажному провелъ;
Отъ водъ имъ нé-было напасти,
Въ нихъ каждый какъ-въ-стѣнáхъ тамъ шелъ;
Въ день облако ихъ провождало,
Сіяніе въ нощь просвѣщало:
Въ пустынѣ камень имъ рассѣкъ,
И напоилъ ихъ всѣхъ обильно;
Изъ безднъ какъ-бутто-чéрпалъ сильно,
Толь вóдныхъ произвелъ имъ рѣкъ!

7

Однакъ не престая́ грѣшили,
И вышняго въ пустынѣ той
Во всемъ вельми преогорчили;
Еще-и-нáчали собой
Тамъ искушать Его нарочно,
Да брашно имъ подастъ бессрочно:
Такъ говорили въ клеветѣ:
Или сіе возможно Богу,
Да уготовитъ пищу многу
Всѣмъ намъ въ такой здѣсь пустотѣ?

8

Хоть поразилЪ ОнЪ камень дикій,
Хоть изЪ него вода текла,
Хоть наводнился токЪ великій,
Свѣтляе чистотой стекла́;
Но можетЪ ли ОнЪ намЪ всѣмЪ ра́вно
Дать хлѣбЪ и мясо здѣсь исправно?
Услышавъ, ихЪ Господь презрѣлЪ:
Огнь на Іакова вспалился,
ГнѣвЪ на Ізраиля озлился,
Что-вѣры-Богу не имѣлЪ.

9

Хотя повелѣно́ ужЪ было
ОтЪ выспреннихЪ мѣстЪ облако́мЪ,
И небо двери растворило,
Росой шла Манна кЪ ѣдокамЪ:
ИтакЪ, ОнЪ далЪ имЪ хлѣбЪ небесный,
ХлѣбЪ Ангелскій ѣлЪ всякЪ тѣлесный;
До сытости кЪ нимЪ мясЪ послалЪ:
ВозвѣялЪ сЪ неба вѣтрЪ подвсточный,
А сей навелЪ отЪ юга сочный,
И дуть сЪ дождемЪ на оныхЪ сталЪ.

10

КЪ нимЪ мя́са ниспустилЪ какЪ-пра́ха,
Или морскаго какЪ-песка́;
Се налетѣло кЪ нимЪ безЪ страха
ПернатыхЪ птицЪ, для ихЪ куска;
ВЪ средину стана тѣхЪ напало,
И было ихЪ круго́мЪ немало:
Они наѣлись вЪ сытость ихЪ;
И всѣ чего-себѣ-жела́ли,
То все сЪ довольствіемЪ достали,
И были вЪ полнотахЪ своихЪ.

11

Еще-желаній-не-лишились,
И брашно было въ ихъ устахъ;
Какъ-во́тъ предъ Богомъ провинились,
И гнѣвъ Его на нихъ всталъ въ махъ;
Убилъ изъ нихъ тогда Онъ многихъ,
Въ Ізраилѣ свергъ не убогихъ:
И съ симъ грѣшили тѣ Еще́,
Его дѣламъ не няли вѣры;
Щѣмъ исчезали всѣ безъ мѣры,
Шли дни и лѣта ихъ вотще́.

12

Когда-Он-убива́лъ ихъ грозно;
Искали всѣ тогда Его,
Всѣ обращались ужъ непозно,
Молили Бога своего;
Всѣ по́мнили, что-Заступи́тель,
И есть имъ Вышній Богъ Спаситель:
Но только все устами то,
Языкъ отъ се́рдца лгалъ неправа;
Ихъ вѣра пребыла не здрава;
Завѣтъ Его имъ былъ ничто.

13

Однакожъ Онъ, какъ-милосе́рдный,
Нечестія ихъ очищалъ,
Не истреблялъ, былъ къ нимъ усердный,
И часто гнѣвъ свой отвращалъ.
Всей ярости воспламеняться,
Ни не давалъ за всѣхъ приняться:
Воспоминалъ, что-пло́ть они,
Что-вѣтръ ходящій невозвратно,
И вѣющій неоднократно,
Откуду онымъ ни дыхни.

14

Коль много кратъ преогорчали
Они Его въ пустынѣ той!
Коль много кратъ и раздражали
Въ землѣ безводной и пустой!
Все искушали Преблагаго,
Ізраилеваго Святаго:
Его не помянули Силъ;
И са́мый оный день забыли,
Въ кой-избавля́емы тѣ были
Изъ рукъ того, кто-ихъ-тѣсни́лъ.

15

Егіпетски забыты знаки,
И всѣ преславны чудеса
На по́лѣ Танеосскомъ паки,
Безъ коихъ-не́-было часа́;
Какъ-въ-кровь-преложены́ тамъ рѣки,
Пить не моглибъ ихъ человѣки:
Заѣлибъ тѣхъ, наслалъ Психъ Мухъ;
Наслалъ и жабъ, чтобъ повредили;
Ржа плодъ, сранчи́ трудъ потребили,
И всякій сѣвъ тамъ сталъ быть сухъ.

16

Велѣлъ; и всѣ ихъ Віногра́ды,
И всѣ смоковницы ихъ тамъ
Дожди побили, также грады;
Онъ предалъ скотъ ихъ тѣмже Самъ;
Пожгли, какъ-мо́лніи, такъ громы,
Стада́, имѣніе и домы:
Послалъ на нихъ свой гнѣва жаръ,
И въ ярости все что-есть-зло́е;
Такъ что-посла́ніе такое
Имъ было токмо, лютый даръ.

17

Далъ гнѣву своему дорóгу,
Не спасъ отъ смерти душъ ихъ всѣхъ;
Скотъ сáмый заключилъ въ смерть срогу,
Его за нѣкій бутто грѣхъ;
Сразилъ въ Египтѣ первородныхъ,
Начатки отъ растѣній плодныхъ:
У Хама стáвки-были-гдѣ,
Трудъ всякаго тамъ уничтоженъ,
И толь въ нихъ каждый изубоженъ,
Что-былъ-лишенъ-всегó вездѣ.

18

Забыто, какъ-своихъ-восстáвилъ,
Провелъ въ Пустыню какъ-овéцъ,
И тамъ какъ-стáдо ихъ наставилъ,
Въ надежду вывелъ наконецъ;
Итакъ отъ страха ужъ возбнули,
Когда-врагú ихъ потонули:
Въ святую гору оныхъ ввелъ,
Десницею завоевáнну,
Введеннымъ же обѣтовáнну;
И ту назначилъ имъ въ удѣлъ.

19

Отгналъ отъ нихъ прочъ сопротивныхъ,
Имъ жребіемъ всю раздѣлилъ;
Ізраилски колѣна въ дивныхъ
Мѣстахъ всѣ оныхъ поселилъ:
Но чья-была-къ-нимъ-мúлость многа,
Того разгнѣвали тамъ Бога:
Въ завѣтѣ каждый сталъ смущенъ;
Отвергли тотъ, и возмутились,
И, какъ-отцы́ ихъ, отвратились,
Прегнулись всѣ въ лукъ развращенъ.

20

Его они всѣ прогнѣвили
На холмахъ высочайшихъ горъ;
Тамъ Ідолами раздражили,
Къ которымъ-обращали взоръ:
Богъ слыша то, се поражаетъ,
Ізраиля уничижаетъ;
Отвергъ Сіломсиій Онъ шатеръ,
Гдѣ-межъ-людьми было-вселился;
Въ плѣнъ силу предалъ, удалился;
А врагъ всю красоту ихъ стеръ.

21

Пришелъ въ гнѣвъ на свое наслѣдство!
Мечемъ всѣ врядъ истреблены;
Ихъ юношамъ огонь былъ въ бѣдство,
И дѣвы не похвалены;
Священный палъ чинъ отъ десницы,
По нихъ не плакали вдовицы:
Потомъ Господь всталъ какъ-отъ-сна,
Сразилъ враговъ своихъ Онъ съ тыла,
Сихъ вѣчна срамота покрыла;
Самъ былъ какъ-шуменъ отъ віна.

22

Онъ станъ Іосифовъ отринулъ;
Ефремля не избралъ тогда
Себѣ колѣна, то покинулъ,
Іудово взялъ на всегда;
Избралъ Сіонскую Онъ гору,
Премного возлюбилъ-котору:
Святилище свое создалъ,
Какъ-Столпъ взвелъ въ высоту возможну,
Внутрь положилъ красу чертожну,
И на землѣ ввѣкъ основалъ.

23

Избра́лъ раба себѣ Давіда,
Его отъ овчихъ взявши стадъ;
Взялъ отъ доилищнаго вида,
Пасти́ Іакова, свой градъ,
Пасти́ Ізраиля владома,
Свои́мъ наслѣдіемъ зовома:
Незлобнымъ сердцемъ онъ и пасъ,
И поступалъ въ нихъ правотою,
Благоразумною рукою
Ихъ управляя всякій часъ.

ПСАЛОМЪ LXXVIII.

Боже пріидоша языцы.

Іудеи жалуются въ семъ псалмѣ, что-Ідолопоклонники-разорили-Хра́мъ и градъ Іерусалимъ. Молятся они Го́споду, да помилуетъ свой народъ, и да нашлетъ свою казнь на лютость и хуленіе ихъ враговъ.

1

Се языки ворвали́сь,
Боже, во Твое наслѣдство;
И, святому храму въ бѣдство,
Съ оскверненіемъ внеслись:
Градъ, и все его пространство,
Обратили безъ слѣдо́въ
Во хранилище плодовъ,
Все расхитивши убранство.

2

Трупы на-пова́лъ лежатъ
Всюду слугъ Твоихъ толь вѣрныхъ,
Пре́даны отъ тѣхъ пресквернихъ
Птицамъ, крикомъ что-глуша́тъ:
И тѣла́ мужей удобныхъ
Въ снѣдь повержены звѣрямъ,
Воющимъ въ страхъ по зоря́мъ;
Пло́ти всѣхъ и преподобныхъ.

3

Кровь ихъ льется по пути
Не рѣкою, но потопомъ,
И весьма ужаснымъ сопомъ,
Такъ что-нѣгдѣ и пройти:
Но толико милосердна,
Въ землюбъ ихъ кому погребсть,
Чтобъ отъ алчности унесть,
Нѣтъ и толь ужé усердна.

4

Злоключенiе сiе
Намъ, сосѣдъ презлобный видя,
И ктому еще обидя,
Тѣшитъ сердце тѣмъ свое:
Стали мы и всѣмъ окольнымъ
Въ поруганiе и смѣхъ;
Нашъ сей горесный успѣхъ
Сладостiю своевольнымъ.

5

Но доколѣ Ты на насъ
Будешь, Господи, во гнѣвѣ,
И не прiзришь бѣдныхъ въ ревѣ,
Нашъ услышавши сей гласъ?
О! доколѣ толь палится
Рвенiе Твое огнемъ,
Нощiю, и всякимъ днемъ,
И нижé не утолится?

6

На языки гнѣвъ, пролей,
Кои-Тя-весьмá не знаютъ,
Отъ Тебя прочъ отбѣгаютъ
Въ непотребности своей;
И на тѣ пространны царства,
Коими-не-прiзванъ Ты,
И ни Имя съ слѣпоты,
Рáвно и съ неблагодарства.

7

На такихъ употреби
Всю Твою судьбы жестокость;
Самъ безумную высокость
До конца въ нихъ потреби:
Сердце ихъ всегда готово
Грады наши пустошить,
И вконецъ все разрушить
Безъ пощады, и сурово.

8

Первыхъ беззаконій днесь
Помняй, Господи, не буди;
Нынѣ токмо не забуди,
Что-ужъ-гибнетъ родъ нашъ весь:
Скоро да Твои щедроты
Предварятъ все наше зло;
Обнищали мы зѣло,
Чужди Твоея доброты.

9

Боже! помощь сотвори,
Ради Твоея державы;
Величайшіяжъ для славы
Наши всѣ грѣхи сотри,
Чтобъ языки не сказали:
Гдѣ Богъ сильный оныхъ есть?
И да зримъ за ту кровь месть,
Какъ-Твоихъ-слугъ-здѣсь-пронзали.

10

Да отъ узниковъ къ Тебѣ
Воздыханіе пріидетъ;
Мышца къ намъ Твоя да снидетъ
Отъ величія въ себѣ,
Всѣхъ спасти чадъ изможденныхъ,
Вопіющихъ въявь и тай:
Боже! Боже не предай,
Люто на-смерть осужденныхъ.

11

Вѣ седмерицу заплати
Онымѣ гордымѣ всѣмѣ сосѣдамѣ,
Вѣ коихѣ-кѣ-на́мѣ, и кѣ нашимѣ дѣдамѣ
Не́-было толико льсти,
Коль Тебѣ злыхѣ поношеній:
Славно низложи ихѣ вѣ долѣ;
Нѣдро ихѣ исполни золѣ,
И повсюдныхѣ кѣ нимѣ гнушеній.

12

Насѣ избавь: мы всѣ Твои,
Твоея и паствы о́вцы;
Мы, всегдашни доброcловцы,
Вѣ дальни возвѣстимѣ край,
И впредь будущіи вѣки,
Сквозь языческую мглу,
Должную Тебѣ хвалу,
Какѣ-всевѣрны человѣки.

ПСАЛОМЪ LXXIX.

Пасый Ізраиля вонми.

Ізраилтяне представляютѣ крайнее запустѣніе, вѣ коемѣ нахо́дятся. Молятся они Го́споду, да избавитѣ ихѣ, и да воспомя́нетѣ завѣщанный имѣ Завѣтѣ; да и творятѣ обѣтѣ обратиться, и его славословить.

1

Пасый Ізраиля, вонми;
Іосифа ведый какѣ-ста́до,
И то какѣ-о́вчее, и младо,
Докладѣ нашѣ вѣ слухи восприми:
Сидяй на Херувімахѣ, тщися,
И вѣ свѣтлости Твоей явися.

2

Швою воздвигни силу днесь
Какъ-предъ-Ефре́момъ, Веньямі́номъ,
Предъ Манассіевымъ такъ чиномъ;
Предстани поспѣшая здѣсь,
И пріиди насъ избавляя,
Спаси отъ бѣдъ не оставляя.

3

О! Боже, насъ всѣхъ обрати
Къ Шебѣ Заступнику Благому,
Къ Шебѣ Всевышнему, Святому:
Лицемъ Швоимъ насъ просвѣти;
И мы немедлѣнно спасемся,
А о Шебѣ превознесемся.

4

О! Господи, и Боже силъ,
Доколѣ гнѣваться Ты будешь,
И рабъ Швоихъ мольбу забудешь?
Хлѣбъ слёзы намъ, что-ка́ждый лилъ;
Шѣмъ насъ ужъ напиталъ Ты больно,
И плачемъ напоилъ довольно.

5

Въ преку́ сосѣдамъ отдалъ насъ,
И положилъ межъ ними въ ссору;
А супостаты, намъ къ позору,
Ругаются надъ нами въ гласъ:
Смеются намъ, и раздражаютъ,
Поносятъ, и уничижаютъ.

6

О! Боже, насъ всѣхъ обрати
Къ Шебѣ Заступнику Благому,
Къ Шебѣ Всевышнему, Святому:
Лицемъ Швоимъ насъ просвѣти;
И мы немедлѣнно спасемся,
А о Шебѣ превознесемся.

7

Ты изъ Египта Віноградъ
Пренесъ, изгнавъ предъ нимъ народы;
Ты насадилъ его здѣсь въ роды,
И вкоренилъ, давъ мѣсто въ садъ:
Онъ плодоносенъ сотворился,
И по землѣ ужъ расширился.

8

Покрыла горы сѣнь его,
Какъ-Кедры вѣтви въ верьхъ взбѣжали;
До моря розги всѣ достали,
До рѣкъ и отрасли того:
Почто Ты испровергъ ограду?
Всѣ рвутъ плодъ ходя мимо саду.

9

Вепрь кисти зоблетъ изъ дубравъ,
Всякъ дикій звѣрь тѣ поѣдаетъ;
Се зелень Сада увядаетъ!
О! Боже силъ, и всѣхъ расправъ,
Воззри съ небесъ къ намъ обратившись,
И посѣти Садъ умилившись.

10

Сверши сей нынѣ Віноградъ,
Который-насажденъ Твоею
Десницею давно, и ею
Въ немъ было множество оградъ:
Пожгли враги, и весь разрыли;
О! чтобъ въ погибели тѣ были.

11

Да будетъ же Твоя рука
При мужѣ Твоея десницы,
И съ сыномъ всѣ Твои бойницы;
Былабъ ихъ крѣпость не шатка:
Мы пойдемъ въ слѣдъ Твой неотступно;
Ожить дай, призовемъ Тя купно.

12

О! Боже, насъ всѣхъ обрати
Къ Тебѣ Заступнику Благому,
Къ Тебѣ Всевышнему, Святому:
Лицемъ Твоимъ насъ просвѣти;
И мы немедлѣнно спасемся,
А о Тебѣ прсвознесемся.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ LXXX.

Радуйтеся Богу помощнику.

Сія пѣснь сочинена на хваленіе Богу во время Празниковъ, торжествуемыхъ Іудеами въ первый день каждаго мѣсяца. Богъ говоритъ рѣчь своему Народу, и укаряетъ его, что-онъ, не взирая на благословеніе Его, и на дарованный ему отъ Него Законъ, отступилъ отъ Благодѣтеля. Господь здѣсь изъявляетъ свое желаніе, да сей Народъ будетъ Ему послушенъ; сіежъ, дабы Ему быть совершенно благополучнымъ.

1

Пойте въ радости всѣ Богу
Помогающему намъ;
Восклицайте по чинамъ,
Онъ Іаковль попремногу:
Пойте, и въ литавры стукъ,
Дѣлайте и въ гусли звукъ.

2

Въ мѣсяцъ новый вострубите,
Въ свѣтлый день сей торжества,
Празника и ликовства;
Дать Ему честь возлюбите:
Такъ Іраилю данó,
Богомъ то повелѣнó.

3
Во Свидѣтельство неложно
Все въ Іосифѣ то ввелъ,
Какъ-вонъ-изъ-Египта шелъ;
Гдѣ-языка мнѣ неможно
Точно-было разумѣть,
Ни бесѣду тамъ имѣть.

4
Я съ его хребта снялъ бремя;
Ужъ работало въ котлáхъ,
И вареній въ промыслáхъ,
Оного тогда все племя:
Въ скорби призвалъ ты Меня,
Я и спасъ тебя храня.

5
Я тебя услышалъ тайно,
Спрятавшись за бурный громъ;
Я тогда Собой притомъ,
Искусилъ тя чрезвычайно
На Мерібскихъ тѣхъ водáхъ,
Прерѣканія въ слѣдáхъ.

6
Слушайте, мои всѣ люди,
Я вамъ буду говорить,
Все что-дóлжно вамъ творить;
Ты Ізраиль, скроменъ буди:
Послушаніе Ты Мнѣ
О! чтобъ вóздалъ внутрь и внѣ.

7
Богъ въ тебѣ не будетъ новый,
Кланяться Богáмъ чужимъ,
И ни скверны́мъ никакимъ,
Ты не бýди весь готовый:
Ибо Я Господь твой Богъ,
Я во всемъ тебѣ помогъ.

8

Я извелъ тебя на волю
Изъ Египетской землй;
Расшири уста, внемли,
И твою исполню долю:
Но Израиль сей мой гласъ
Пренебрегъ, его-кой пасъ.

9

Шѣмъ ихъ всѣхъ Я и оставилъ,
Хоть имъ былъ всегда Отецъ,
Въ той жестокости сердецъ;
И ужъ оными не прáвилъ:
А они и разошлись,
Своеволію вдались.

10

О! когдабъ мой людъ наслѣдный
Мнѣ послушенъ пребывалъ;
О! когдабъ не отставалъ
Отъ меня Израиль блѣдный:
Ябъ враговъ низвергъ ихъ вдругъ,
Вредъ весь отразилъ бы вкругъ.

11

Ненавидящіи Бога
Не пришлибъ во лжи на нихъ;
Бóдрыбъ были ввѣкъ на сихъ:
Имъ цвѣлабъ Пшеница многа,
Всѣхъ бы Ею напиталъ,
И отъ камнябъ медъ имъ далъ.

ПСАЛОМЪ LXXXI.

Богъ ста въ сонмѣ боговъ.

Сей Псаломъ есть важное наказаніе Градоначальникамъ и Судіямъ. Пророкъ имъ представляетъ, что-Богъ-предстоитъ-между-ними: онъ ихъ увѣщаваетъ, чтобъ производили правосудіе беспристрасное, говоря, что-хотя-они-и-влáсть имѣютъ, однако суть люди, подверженныи смерти, и что-Бóгъ, Судія всѣмъ, будетъ ихъ судить, и воздастъ каждому по его дѣламъ.

1

Богъ предстоитъ боговъ въ соборѣ,
Судъ внемлетъ Онъ среди Судей:
Пока жъ судить неправо въ спорѣ?
Пока на лица зрѣть людей?

2

Расправу сиротамъ давайте,
И всѣмъ изъ маломощныхъ въ васъ;
Смиренныхъ, нищихъ оправдайте,
И беспомощнѣйшихъ тотчасъ.

3

Вы страждущихъ напасть измите
Ихъ сильныхъ и тѣснящихъ рукъ;
Отъ человѣковъ злыхъ спасите,
Ихъ избавляйте и отъ мукъ.

4

Но ахъ! тѣ коль сего не знаютъ!
И разумѣть коль не хотятъ!
Въ своей тмѣ ходя пребываютъ!
Земной основѣ тѣмъ вредятъ!

5

Я рекъ: вы на землѣ здѣсь боги,
И дѣти вышняго притомъ;
Но въ тѣжъ вы идете дороги,
И въ тотъ же человѣчій домъ.

6

Вы умираете какъ-люди!
Хотяжъ при васъ и главна власть;
Однакъ издохнутъ ваши груди,
Вы въ гробъ не можете не пасть.

7

О! Боже, Самъ восстани славно,
Суди, за всѣ неправоты;
Судъ здѣлай на землѣ исправно:
Народамъ всѣмъ наслѣдникъ Ты.

ПСАЛОМЪ LXXXII.

Боже, кто уподобится тебѣ.

Многіи народы, сосѣдніи Ізраилтянамъ, когда-восстали-на-нихъ-войнóю: то пророкъ проситъ Гóспода, низложить всѣ тѣ народы, какъ-то-прежде-низложи́лъ нападáвшихъ на Сыновъ Ізраилевыхъ.

• 1 •

О! Боже, безъ подобныхъ сущій,
Теперь отнюдъ не замолчи;
Не буди кротокъ но вскочи,
И виждь толикъ народъ идущій:
Шумятъ ужé враги Твои;
И Тя которы-ненави́дятъ,
Хуленіями толь обидятъ,
Се подняли главы свои́.

• 2 •

Они въ лукавствѣ наступили
На всѣхъ въ округъ Твоихъ людей,
И на особенныхъ дѣтей;
Совѣтомъ такъ опредѣлили:
Рекли: ну пóйдемъ всѣхъ избыть,
Тѣ нé-были бъ ктому народомъ,
Ни особливѣйшимъ заводомъ,
И всѣмъ Ізраиля бъ забыть.

• 3 •

Такъ совокупно совѣщались
Въ единомысліи на насъ;
Такъ исполняютъ ужъ въ сей часъ,
Какъ-кля́твою тѣ обязались:
Въ нихъ Ідумéйскіи жильцы,
Ізмáилтяне въ нихъ съ Моáвомъ,
Агáряне въ нихъ съ тѣмъ же нравомъ,
И мнóгіи-еще бойцы́.

~ 4 ~
Гева́лъ, Аммо́нъ тутъ съ Амали́комъ,
И съ Тı́рянами Фıлıстı́мъ,
Ассу́ръ, и кто-ему-люби́мъ,
При оныхъ же въ числѣ великомъ:
Всѣ прежде Ло́товымъ сына́мъ
Рукою сильно помогали;
А нынѣ се на насъ восстали,
И люто угрожаютъ намъ.

~ 5 ~
Какъ-Мадıа́му, и Сıса́рѣ,
Такъ всѣмъ имъ точно сотвори;
Какъ-Іавı́ма пребори,
Въ потокѣ Кı́ссонъ бывша въ сварѣ:
Всѣ головой потреблены́
И тамъ разбиты въ Аен-до́рѣ;
Но такъ, что-преложи́лись вскорѣ
Въ земный гной изъ своей стѣны́.

~ 6 ~
Всѣхъ положи изъ нихъ Начальныхъ,
Какъ-положе́нъ Тобой Орı́въ,
И какъ-низве́рженъ-оный Зивъ;
А ихъ вождей низринь нахальныхъ,
Зеве́й какъ-сши́бенъ и Салма́нъ,
Которы-было-восхотѣли,
Чтобъ Божıи мѣста́ имѣли;
Но свой весь погубили станъ.

~ 7 ~
Мой Боже! здѣлай ихъ что-ко́ло,
Или предъ вѣтрами что-тро́сть;
Да поженется вся ихъ злость,
И такъ бы ревнıе спололо,
Какъ-лѣсъ сжигается огнемъ,
Какъ-о́ныи сухıи бо́ры;
Или какъ-загорѣвшись-го́ры,
Пылаютъ нощıю и днемъ.

∙ 8 ∙
Бесчестіемъ наполни лица,
Да ищутъ, Господи, въ Тебѣ;
Да придутъ въ стыдъ и въ срамъ въ себѣ,
И ввѣкъ да згибнетъ ихъ станица:
Сіежъ, чтобъ знать имъ не во мглѣ,
Что-Ты, по Имени Святому,
Господь всея Вселенны дóму,
Единъ и Вышній на землѣ.

ПСАЛОМЪ LXXXIII.

Коль возлюбленна селенія.

Пророкъ, будучи въ отдаленіи отъ Святилища, желаетъ съ великою горячестію приближиться къ Тому. Прославляетъ онъ въ святомъ восторгѣ блаженство могущихъ въ немъ быть непрестанно, и объявляетъ, что-предпочитаетъ-сіе-блаженство-всѣмъ благополучиямъ въ свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что-Царь-Давідъ-принесъ-сію-молитву Богу, когда - восстáніе Авесалома сына его, принудило онаго выйти изъ Іерусалима.

∙ 1 ∙
Господи Силъ! коль Твои
Суть возлюбленны жилища!
Мысли, быть бы въ нихъ, свой
Всѣ душа возводитъ ница.
∙ 2 ∙
Та желаетъ во Дворáхъ
Быть Господнихъ по толику,
Что-ужъ-истончилась-въ-прáхъ,
Скорбь имѣя превелику.
∙ 3 ∙
Сердцежъ, вся и плоть моя́
Въ радость входятъ особливу,
По стремленію, что-я́
Изъявляю къ Богу живу.

4

Обрѣтаетъ птичка домъ;
Горлица гнѣздо имѣетъ,
И птенцовъ выводитъ въ томъ:
Та Тебѣ олтарь симъ дѣетъ.

5

Боже! Силъ Господь, мой Царь,
Несказанно тѣ блаженны,
Что-въ-дому Твоемъ отъ зарь
Пребываютъ просвѣщенны.

6

Въ вѣки тамъ Тебя вѣковъ
Всякъ изъ оныхъ восхваляетъ:
О! блаженъ есть мужъ таковъ,
Кой-себя-Твоимъ считаетъ.

7

Прямъ есть въ сердцѣ путь его,
Шествуя, Юдоль плачевну
Претворяетъ для того,
Онъ въ прохладу ежедневну.

8

Таковыхъ благословишь,
Утверждая ихъ въ законѣ;
Силу въ нихъ возобновишь,
Да являются въ Сіонѣ.

9

Господи! о! Боже силъ,
Самъ услышь мольбу сердечну;
О! Іаковль, я гласилъ,
Ты внуши ея конечну.

10

Боже! нашъ Защитникъ! зри
На Помазанна Тобою;
Все лице въ немъ рассмотри,
Съ ревностію, виждь, какою!

11

День въ Дворáхъ Твоихъ единъ
Лучше есть пребыть благому,
Нежель тысящи, гдѣ-инъ
Пребываетъ, жить такому.

12

Лучше при вратахъ быть мнѣ
Дóму Божія стоящимъ,
Нежъ въ шатрахъ у злыхъ, не внѣ,
Пребывать, ктомужъ и вящимъ.

13

Милость Богу есть любá,
Истинна Ему любезна;
Не отъемлетъ отъ раба
Благодати, что-полéзна.

14

Славу Онъ ему даетъ;
Богатитъ того благими,
Кто-безгрѣшенъ предстаетъ,
И незлобивъ предъ другими.

15

Господи! о! Боже силъ;
Человѣкъ блаженъ бываетъ,
Есть Тебѣ-который милъ,
И на Тя-кой уповаетъ.

ПСАЛОМЪ LXXXIV.

Благоволилъ еси Господи.

Іраилтяне, избавившись отъ нѣкотораго великаго бѣдствія, благодарятъ Богу, что-умилостивился Онъ надъ ними, и молятся, да довершитъ ихъ возобновленіе: обѣщаются они, быть Ему вѣрными непоколебимо, и надѣются, что-Богъ-имъ-дáруетъ обильныя свои благословенія.

1

Господи! благоволилъ
Ты къ землѣ сей укротиться;
Плѣнъ Іаковль умолилъ,
Что-ему-далъ-возвратиться.

2

Беззаконія людей
Всѣ Твоихъ ужé оставилъ,
И грѣхи покрылъ въ день сей;
Въ непорочность ихъ восставилъ.

3

Усмирилъ и гнѣвъ Твой весь;
Да и точно отвратился
Самъ отъ ярости всей днесь:
Милостію просвѣтился.

4

Паки насъ всѣхъ посели,
Боже нашея избавы;
Гнѣвъ на насъ Твой утоли,
Ярость погаси для славы.

5

Въ вѣкъ ли гнѣвенъ на народъ,
И неумолимъ пребудешь?
Иль прострéшь отъ рода въ родъ
Ярость, насъ же всѣхъ забудешь?

6

Паки всѣхъ насъ оживить,
Тыль, какъ-щéдръ, не обратишся?
Тыль, людей благословить
Радостію, воспятишся?

7

Господи! Твою яви
Пребогатую намъ милость;
Насъ къ избавѣ воззови,
И развѣй во всѣхъ унылость.

8

Я услышу, что-речётЪ
Мой Господь и БогЪ предивный:
СЪ миромЪ рѣчь Его течетЪ,
КЪ всякому кто-непротивный.

9

КЪ тѣмЪ, которыхЪ-любитЪ ОнЪ,
Кои-сердце-обращаютЪ,
И Его святый ЗаконЪ
ВЪ глубину того вмѣщаютЪ.

10

Подлинно, Избава близЪ
ВсѣхЪ боязнь Его имущихЪ;
Славѣбъ не слетѣть на низЪ,
Нашей быть Странѣбъ вЪ цвѣтущихЪ.

11

Истинна и Милость вдругЪ
МежЪ собою повстрѣчались;
Правда же и МирЪ вокругЪ
При лобзаніяхЪ свѣнчались.

12

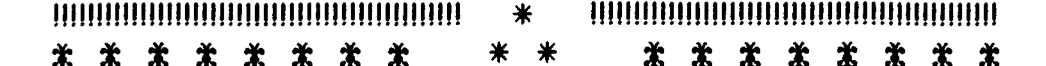
ОтЪ землй ужЪ процвѣтетЪ
Истинна собой блистая;
Правда кЪ небу возрастетЪ,
СЪ горьнихЪ кЪ дольнимЪ приникая.

13

ДаруетЪ своихЪ добротЪ
НамЪ Господь всѣмЪ изобильно;
Наша дастЪ земля свой плодЪ,
Угобжая нивы сильно.

14

Правда пойдетЪ ужЪ предЪ НимЪ;
ОнЪ гдѣ-путь-свой-ни-проложитЪ,
СлѣдЪ ея тамЪ будетЪ зримЪ,
И вездѣ себя размножитЪ.



КАѲІСМА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ LXXXV.

Приклони Господи ухо.

Давідъ, съѣдаемый зѣльною горестію, взываетъ Го́спода съ гарячею ревностію, и съ твердымъ на него упованіемъ. Проситъ онъ Его особливо, да знаетъ Его, да имѣетъ Его страхъ, и да по милости Его ходитъ въ его путяхъ: притомъ молится, да по щедротамъ, своимъ и обѣщаніямъ защититъ Его Давіда отъ ищущихъ ему гибели.

1

О! Господи, днесь приклони
Твое, меня услышать, ухо;
Печаль и бѣдность отгони;
Мой духъ и ду́шу сохрани;
Отри очей токъ слезный сухо.

2

Я есмь возлюбленный Тебѣ;
Спаси раба, О! Боже сильный,
Кой-упова́ніе себѣ
Щедротъ Твоихъ кладетъ въ судбѣ,
Затѣмъ что-ими-Ты-оби́льный.

3

Помилуй, Господи, меня,
Весь день ужé Тебя взываю;
Возвесели мой духъ храня,
Возносится къ Тебѣ стеня,
Что-въ-го́рести я унываю.

4

Ты кротокъ, Господи, и благъ,
Ты многомилостивъ явленно
Ко всѣмъ зовущимъ Тя для благъ,
Которымъ-Ты-Единъ толь драгъ;
Къ Тебѣ ихъ сердце распаленно.

5

Молитву, Господи, внуши,
Вонми и гласъ моихъ моленій;
Зову Тя въ скорби, поспѣши;
Услышать скорый, утиши
Мя на волнахъ отъ озлобленій.

6

Въ Богахъ Тебѣ подобна нѣтъ,
Ниже кто-и-въ-делахъ есть равенъ;
Народы всѣ созданны въ свѣтъ,
Которы-по-числу-безъ-смѣтъ,
Къ Тебѣ пріидутъ, Ты преславенъ.

7

Поклонятся тѣ предъ Тобой,
И Имя всѣ Твое прославятъ:
Ты велій, Господи, собой;
И чудеса Твоей судьбой
Себя къ намѣренному правятъ.

8

Единъ Ты Богъ; меня на путь,
О! Господи, Твой Самъ настави;
Пойду я къ истиннѣ, покудь,
Мнѣ Предводителемъ Ты будь,
Святый Твой страхъ во мнѣ постави.

9

Я сердцемъ всѣмъ Тя воспою,
И Имя ввѣкъ Твое прославлю:
Твоихъ щедротъ мнѣ не таю,
Великость оныхъ признаю;
Отъ гроба спасшу честь уставлю.

10

О! Боже, злыи люди вдругъ
Преступствуя, на мя восстали;
Сонмъ сильныхъ охватилъ мя вкругъ,
Не изъ Твоихъ всякъ въ оныхъ слугъ,
Душй моей искать всѣ стали.

11

Но, Боже, Ты щедръ, милосердъ,
Ты долготерпѣливъ предивно,
Ты многоблагостенъ, усердъ,
Ты истиненъ, и въ правдѣ твердъ,
Зряй Правотѣ что-есть-противно.

12

Помилуй, и ко мнѣ воззри;
Дай Твоему рабу державу;
Спасеніе мнѣ сотвори:
Есмь сынъ Твоей рабы, скорй
Подáть мнѣ отъ враговъ избаву.

13

Яви къ добрý полезный знакъ,
Да, зря враги томъ, постыдятся,
Затѣмъ что-Тый поможешь такъ,
И прогоняющіе мракъ
Тобой утѣхи просвѣтятся.

ПСАЛОМЪ LXXXVI.

Основанія Его на горахъ.

Пророкъ описываетъ славу Іерусалимлю и Сіоню; и говоритъ, что-всѣ народы удивятся щастію сего града, и Божіяго Народа, а притомъ и пожелаютъ имѣть въ томъ блаженствѣ участіе.

1

Жилища Божія твердыня,
Оснóвана есть на горахъ,
Отмѣнный коихъ-знáкъ, Святыня,
И та во всѣхъ Его дворáхъ.

2

Господь свою любовь являетъ
Оградъ Сіонскихъ ко вратамъ,
Казать ея не изволяетъ
Толь всемъ Іаковлимъ мѣстамъ.

3

Градъ Божій! какъ-что-говорится
Повсюду нынѣ о Тебѣ;
Такъ все преславное то зрится
И превосходное въ себѣ.

4

Раáва сверьхъ и Вавілона
Во всемъ межъ знающими Ты:
Въ нихъ нѣтъ святѣйшаго закона,
Толикія ни красоты.

5

Се племена предстали съ Тіромъ,
Се Ефіопія предъ насъ;
Рекли: въ немъ родились мы съ миромъ,
Тамъ первый изнесли мы гласъ.

6

А о Сіонѣ такъ вѣщаютъ:
Онъ намъ природный есть Отецъ;
Сей изъ него, иль тотъ, глашаютъ;
И, основалъ его Творецъ.

7

Господь расписывать какъ-бýдетъ
Народы всѣ, и всѣхъ людей;
То объявить Самъ не забудетъ
Рожденныхъ въ ономъ и Князей.

8

Пѣвцы, и Игроки въ Свирѣли,
И всѣхъ веселій красота,
Въ тебѣ вселиться восхотѣли:
Ты всѣмъ истокъ, и высота!

ПСАЛОМЪ LXXXVII

Господи Боже спасенія моего.

Пророкъ, составившій сей Псаломъ, являетъ себя въ немъ находящагося въ прекрайней горести, и почти не могущаго утѣшиться. Представляетъ онъ остроту и долготу своего страданія, страхи, кои-мучатъ его, и скорбитъ, что-Богъ-не-хощетъ его услышать, хотя онъ и съ превеликимъ усердіемъ его взываетъ.

1

Господи! о! Боже мой,
Боже моея избавы!
День и нощь я предъ Тобой,
Толь желающій исправы,
Вопію, притомъ и въ вой;
Да мольба тебѣ явится,
И къ Тебѣ дошедша зрится.

2

Слухъ къ молитвѣ приклони;
Золъ душѣ моей премного,
Блиски къ гробу жизни дни,
Примѣнéнъ къ такимъ я срого,
Кои-сходятъ-въ-род-вони́:
Я ужъ пóмощи лишенный,
Человѣкъ какъ разрушéнный.

3

Какъ-межъ-мертвыми-отки́дъ
Иль какъ-рáненый валяюсь,
Кой-ужъ-бездыхáненъ спитъ;
Тутъ какъ-всѣми ограбляюсь,
И непамятенъ мой видъ:
Словомъ, какъ-Тобой-поки́нутъ,
И рукою прочъ отринутъ.

• 4 •

Въ преисподнiй Ты мя ровъ
Положилъ и въ са́мый темный,
Глубины въ сѣнь, бездны въ скровъ,
Въ оный смертный мракъ подземный;
Ярости Твоей сталъ въ ловъ:
Всѣми затопилъ волнами,
Вселютѣйшими бѣдами.

• 5 •

Отъ меня Тыжъ удали́лъ
И которыи-мя-зна́ли,
Въ крайню мерзость имъ явилъ;
Тѣ гнушаться мною стали:
Члены всѣ мне раздробилъ,
Такъ что-я-ужъ-погиба́ю,
Неисходенъ пребываю.

• 6 •

Се отъ горести мои
Нынѣ очи помутились;
Господи! зову́ Твои
Милости, на мнѣбъ явились:
Слезные лiю струи,
Весь день воздѣваю руки,
Да престанутъ люты му́ки.

• 7 •

Иль для мертвыхъ сотворишь
Чудеса Твои преславны?
Иль врачамъ ихъ повелишь
Воскресить, да станутъ справны?
Въ ихъ Хвалѣ ль благоволишь?
Милость кто́ повѣсть во гробѣ?
Истинну жъ, земли́ въ утробѣ?

8

Могутъ ли быть въ темнотѣ
Чудеса Твои явленны?
Правду ка́къ знать въ пустотѣ
Са́мыя страны забвенны?
Господи! Я въ тѣснотѣ;
Но молитву ускоряю,
И съ утра Тя предваряю.

9

Отвергаешь мя почто?
Взоръ зачемъ Твой отвращаешь?
Въ го́рѣ я, и бѣдство то
Отъ младыхъ мнѣ лѣтъ, какъ-зна́ешь;
Тма печалей, а не сто:
Пораженъ Твоимъ я страхомъ,
Изнемогъ, и сталъ ужъ прахомъ.

10

Всякъ Твой гнѣвъ по мнѣ прешелъ,
Устрашенія смутили,
Какъ-пото́къ круго́мъ обшелъ,
И какъ-во́ды затопили;
Дивно, какъ я не исшелъ!
Удале́нъ Тобой отъ дру́га,
И отъ искреннихъ всѣхъ круга.

ПСАЛОМЪ LXXXVIII.

Милости твоя Господи.

Сей Псаломъ сочиненъ въ печальное и бѣдственное время Народу Божіему. Пророкъ описываетъ въ немъ Величество, Силу, и благость Господню; Говоритъ объ избавленіи Ізраилевыхъ Сыновъ изъ Египта, также и о завѣщаніи съ Давідомъ, коимъ-Господь-обѣщалъ-утвердить его престолъ, и его Потомковъ. Посемъ представляетъ,что, не взирая на такія обѣщанія, Царство Іудово находится въ великомъ запустѣніи, безъ славы, и предано въ ру́ки врагамъ. Наконецъ молится, да сжалится Господь.

1

Господи! я воспою
Милости Твои во вѣки;
Вѣрность возвѣщу Твою
Въ родъ и родъ предъ человѣки:
Милость, я такъ рассуждалъ,
Вѣковѣчно продолжйтся,
Вѣрность въ небѣ совершится;
Для тогó что-Ты́ вѣщалъ,
Какъ-то-мнóю повторится.

2

Здѣлалъ я, Ты говорилъ,
Мой завѣтъ съ моимъ избраннымъ;
Клятвою тотъ утвердилъ,
Обѣщая словомъ даннымъ
Вѣрно моему рабу,
Сердцемъ кроткому Давiду:
Къ сѣмени я вѣчно сниду,
Въ родъ престолъ Твой и судьбу
Дамъ, наслѣдства безъ откйду.

3

Годподи! се небеса
Явно сами прославляютъ
Всѣ толики чудеса,
Кои-нáмъ себя являютъ;
Вѣрность славится Твоя
Рáвножъ во святыхъ соборѣ:
Ктó на небѣ съ Богомъ въ спóрѣ?
Мощь сыновъ пресильныхъ чья
Можетъ быть въ подобномъ взорѣ?

4

Похваляется вельми
Богъ Святыхъ своихъ въ Совѣтѣ;
Страшенъ же Онъ есть кольми́
Во Своемъ предъ всѣми свѣтѣ,
Кои-вкругъ-Его-стоятъ!
Господи! Богъ Силъ особенъ,
Кто́ Тебѣ есть гдѣ-подо́бенъ?
Силенъ Ты, и необъятъ,
Истиненъ, благоутробенъ.

5

Ты владычествуешь Самъ
Надъ морской Державой главно;
Возмущеніе волнъ тамъ
Укрощаешь Ты преславно:
Гордаго такъ низложилъ,
Какъ-бы-на́-смерть уязвле́нна,
Мышцею, что-проявле́нна,
Всѣхъ враговъ Ты расточилъ;
Злоба ихъ ужъ потребле́нна.

6

Небеса Твои всѣ суть,
И земля Твоя есть точно;
Всю Вселенну, всякъ въ ней путь,
Полноту ея всю прочно,
Тыжъ Превелій основалъ:
Сѣверъ, Югъ, Ѳаво́ръ, съ Ермо́номъ,
Радуются тѣмъ закономъ,
Ты который-имъ-созда́лъ,
И своимъ Тя чтутъ поклономъ.

7

Мышца есть Твоя сильна́,
Вся крѣпка́ рука собою,
И Десница взнесена́;
Правда, купно съ правотою,
Грунтъ Престола Твоего;
Милость предъ лицемъ ступаетъ,
Истинна Тя провождаетъ;
Та не зритъ ни на кого,
Ни не льститъ, ни угождаетъ.

8

О! блаженъ народъ такой,
Восклицаній громкихъ въ радость,
Всеконечно зна́етъ-кой
Толь чувствительную сладость:
По́йдутъ, Господи, они
Твоего лица́ во свѣтѣ;
Именемъ Твоимъ въ привѣтѣ
Всѣ возвеселятся дни;
Правда ихъ взнесетъ въ совѣтѣ.

9

Ты Самъ слава вся ихъ силъ:
Рогъ Тобой нашъ вознесется;
Щитъ намъ быть благоволилъ;
Царъ Святый, кѣмъ-все́ пасется:
Ты въ видѣніяхъ-когда
Изглаголалъ о Любимомъ
Чадамъ, въ словѣ нынѣ чтимомъ;
То сказалъ имъ всѣмъ тогда
Такъ Тобой о немъ хранимомъ.

10

Я на сильнаго мою
Помощь возложилъ велику,
И всегда ту подаю;
Я вознесъ и въ честь толику
Здѣсь Избранна отъ людей:
Я нашелъ раба Давіда;
А достоинству для вида,
Освященъ Елеемъ сей;
Прочъ вся отъ него обида!

11

Въ щитъ ему, Моя Рука,
Ту въ заступу онъ имѣетъ;
Мышца съ нимъ моя крѣпка;
Врагъ ничемъ нань не успѣетъ:
Беззаконный озлоблять
Впредь не будетъ ужъ толь злосно;
Супостатовъ всѣхъ не косно
Стану сѣчь и истреблять;
Ихъ и побѣжду поносно.

12

Истинность моя есть съ нимъ,
Съ нимъ пребуду милосердо;
Токмо Именемъ моимъ
Онъ возвыситъ Рогъ свой твердо:
Я на морѣ положу
Руку Онаго престранну,
А десницу, мнѣ избранну,
На рѣкахъ всѣмъ покажу;
Дамъ и область не раздранну.

13

Онъ взоветъ мя, говоря:
Ты Отецъ мой, Богъ мой дивный,
Заступаяй мя Царя,
Спасъ, гоняй всякъ вредъ противный:
Да и я его взнесу
На высокость перворoднымъ;
Будетъ паче благороднымъ
Всѣхъ Царей, и всѣмъ въ красу́,
А по сердцу, мнѣ угоднымъ.

14

Милость ввѣкъ съ нимъ сохраню,
Мой завѣтъ пребудетъ вѣренъ;
Родъ вѣка́ми ограню;
Но престолъ въ дняхъ равномѣренъ
Небу станетъ долготой:
Еслижъ отъ его всѣ сада
Породившiися чада,
Здѣсь законъ оставятъ мой,
Судъ изринутъ вонъ изъ града.

15

Если также оскверняТъ
Чемъ ни будь мои уставы,
И притомъ не сохранятъ
Заповѣдей, что-толь-пра́вы:
То жезломъ я посѣщу
Беззаконны ихъ преступства;
За неправдыжъ и беспутства
Люты раны напущу;
Ка́зни наведу за глупства.

16
Но однакъ ихъ не лишу
Милости Моей всемѣрно;
Истинства не нарушу́,
Ни завѣта данна вѣрно:
Я во всемъ не премѣнюсь,
Что-говорено́ устами;
Я, по Святости, дѣлами
Клятвы ввѣкъ не устранюсь:
Рекъ Давіду не играми.
17
Ввѣкъ его пребудетъ родъ,
И престолъ его предъ Мною
Какъ-бы-Со́лнце съ года въ годъ,
Твердъ, иль какъ-луну́, устрою;
Есть Свидѣтель Небо въ томъ:
Впрочемъ, Ты меня отринулъ,
И Помазанника кинулъ;
Се наслалъ и гнѣва громъ;
Рабі́й весь завѣтъ съ мѣстъ здвинулъ.
18
Въ скверну обратилъ вѣнецъ,
На́-землю повергъ ничтожно;
Грады, съ крѣпостьми́, вконецъ
Всюду разруши́лъ не ложно:
Всѣ ходящіи путемъ
Наглостію расхищаютъ;
А сосѣды обращаютъ
Въ смѣхъ его ужъ каждымъ днемъ,
И еще-бѣдо́й стращаютъ.

• 19 •

Досаждающихъ ему
Ты возвысилъ толь десницу:
И обрадовалъ ктому
Вражію вельми станицу:
Ты его мечъ притупилъ,
А на кроволитной брáни
Какъ-біющіяся-длáни
Ты отнюдъ не заступилъ,
Такъ и на предѣлахъ грáни.

• 20 •

Свѣтлость онаго пресѣкъ,
И престолъ повергъ ужъ долу;
Дней его умалилъ вѣкъ,
Ввергнувъ въ стыдъ не поднялъ съ пóлу:
Но пока, Владыко мой,
Станешъ такъ Ты отвращаться?
И доколѣ разжигаться
Будетъ, какъ-огóнь, гнѣвъ Твой?
Долголь мнѣ отъ зла терзаться?

• 21 •

Вспомни краткій мой составъ;
Тыль создáлъ людей напрасно?
Ктó есть человѣкъ, тѣмъ ставъ,
И поживъ на свѣтѣ власно,
Чтобъ онъ смерти не узрѣлъ?
И отъ гробаъ жизнь избавилъ?
Древни гдѣ, что-Ты-постáвилъ
Милости, и къ намъ имѣлъ,
Да и толь насъ тѣми славилъ?

22

Оными Давіду Ты
Въ истиннѣ Твоей заклялся:
Вспомни, Боже, срамоты,
Коими-всякъ-обліялся
Нынѣ изъ рабовъ Твоихъ;
Кои-отъ-народовъ-мнóгихъ
Въ нѣдрахъ у меня убогихъ;
И которыми-въ-своихъ
Насъ ругаютъ злобахъ срогихъ.

23

Господи! враги Твои
Обесчестили презѣльно
Всѣ ужé пути мои,
Кто-Помáзанникъ Твой дѣльно:
Но Господь благословенъ,
Богъ отнюдъ непостижимый,
Всею тварію блажимый,
Будь и ввѣкъ воскликновенъ:
Имъ единымъ есмь держимый.

ПСАЛОМЪ LXXXIX.

Господи прибѣжище былъ еси.

Къ уразумѣнію сего Псалма должно знать, что, когда-Ізраилскіи-дѣти-были-въ-Пустынѣ, Богъ, раздраженный ихъ недовѣриваніемъ и невѣрностію, объявилъ, что-всѣ изъ нихъ, вышедшихъ изъ Египта, имѣвшихъ свыше двацати лѣтъ, умрутъ въ пустынѣ во время сóрока лѣтъ, и не вступятъ въ Ханаанскую землю. Сіе чтется въ Главѣ 14 Книги Числъ. По сей точно причинѣ, и въ то сáмое время, какъ-смерть-похищáла великое множество людей, Моісей принесъ сію молитву къ Богу. Описываетъ онъ въ ней суету и бѣдность человѣческія жизни. Признаваетъ, что-то-грѣхи Ізраилтянъ распалили гнѣвъ его на нихъ, и подали случай къ сокращенію ихъ дней тѣмъ образомъ. Проситъ Бога, да, по милости Его, возмогутъ они употребить въ свою пользу казнь оную, и да уразумѣютъ суету жизни. Молится, да Онъ къ нимъ обратится, и да гнѣваться престанетъ.

1

Господи! Ты былъ всегда
Намъ прибѣжище въ родъ роды:
Прежде нежель го́ры, во́ды,
И была-земля́-когда,
Прежде Міра съ человѣки;
Ты́-Самъ, отъ вѣковъ и въ вѣки.

2

Смертна человѣка Ты
Попремногу толь смиряешь,
Что-приве́сть ужъ ускоряешь
До ничтожныя тщеты;
Впрочемъ рекъ имъ: обрати́тесь,
Дети лю́дски, и не льститесь.

3

Тысяща, о! Боже, лѣтъ
Предъ Твоими есть очами,
Какъ-вчерашній-де́нь съ часами,
Коего-уже́ въ дняхъ нѣтъ;
Иль едина стра́жа но́щи:
Толь всѣ предъ Тобою то́щи!

4

Множество уносишь такъ,
Быстрымъ нѣкимъ какъ-пото́комъ;
Всѣ какъ-со́нъ свои́мъ тѣ срокомъ,
Иль какъ-нѣкій-со́нный мракъ:
Ра́вно какъ-трава́ и злаки,
Измѣняемыи паки.

5

Утромъ оныи цвѣтутъ,
И пріятно зеленѣютъ,
Но тотча́съ они жестѣютъ,
Какъ-ихъ-по́дъ-вечеръ ссѣкутъ:
Такъ упадши увядаютъ,
Напослѣдокъ засыхаютъ.

6

Мы отъ гнѣва Твоего
Всѣ ужé исчезли прахомъ;
И отъ ярости со страхомъ
Се достигли до того,
Что-конéчно ужъ смутились,
И во всемъ преобратились.

7

Предъ Тобою положилъ
Беззаконій нашихъ дерзость;
Тайныхъ согрѣшеній мерзость,
Ты ужé всю обнажилъ
Твоего Лицá предъ свѣтомъ,
И предъ грóзнѣйшимъ совѣтомъ.

8

Оскудѣли наши дни;
Мы твоимъ изгибли гнѣвомъ
По пути ходивши лѣвомъ:
Паутины жизнь одни!
Тóлько-что она сплетется,
Какъ-почти-ничéмъ и рвется.

9

Вся дней нашихъ долгота
Седмдесятъ есть лѣтъ, не болѣй;
Кто-когда-живетъ-и-дóлѣй,
Чуть за осмьдесятъ до ста:
Но всѣ нá-все жизни крýги,
Только трудъ, скорбь, и недуги.

10

Ктó вѣсть въ силѣ всей гнѣвъ Твой?
Ярости кто-счéлъ всѣ кáзни?
Отъ толикія при насъ боязни,
Всѣмъ дай числить такъ вѣкъ свой,
Чтобъ мы сердцемъ мудры были,
И Тебябъ впредь не забыли.

11

Господи! ужъ обратись;
Гнѣваться Тебѣ доколѣ?
По Твоей святѣйшей волѣ
Надъ рабами укротись:
Полни намъ заутра милость,
Исцѣливъ въ насъ всяку гнилость.

12

Толь ужъ насъ возвесели,
Чтобъ во всю жизнь наша радость
Нову подавала сладость;
Боже! такъ быть повели:
Дай за лѣта намъ благое,
Въ кои-насылáлъ Ты злое.

13

Призри на рабовъ Твоихъ;
Объяви Твою державу,
И Твоихъ дѣлъ купно славу
Въ свѣтлости на чадахъ ихъ:
Самъ насъ на делá настави,
Дѣло нашихъ рукъ исправи.

ПСАЛОМ ХС.

Живый въ пóмощи вышняго.

Псалмістъ описываетъ въ семъ Псалмѣ, что-Богъ-подаетъ-свое-покровúтельство боящимся Его, и уповáющимъ на него: и что-Онъ-ихъ-попремнóгу всякими дарами благословляетъ.

1

Кто-въ-пóмощи живетъ у Бога,
Въ небесный водворится Кровъ!
Тѣмъ Гóсподу речешь дхрóвъ:
Тобою мнѣ застýпа многа;
Прибѣжище Ты отъ всего;
На Тя надѣюсь для тогó.

2

Отъ сѣти Онъ тебя избавитъ,
И отъ мятежныхъ всѣхъ рѣчей;
Не спуститъ никогда съ очей,
Подъ крила осѣнивъ поставитъ:
А истинна Его щитомъ
Вездѣ тебѣ послужитъ въ томъ.

3

Нощныхъ не убоишся зраковъ,
Ниже во дни летящихъ стрѣлъ;
Предъ зломъ тлетворнымъ будешь смѣлъ,
Отъ смертныхъ уцѣлѣешь знаковъ:
Не поразятъ въ тмѣ страхи слухъ,
Ни встрѣтитъ въ полдень лютый духъ.

4

Падетъ близъ тысяща тя съ-лѣва,
А съ-права десять тысящъ всѣхъ;
Но смерть тебя не счислитъ въ тѣхъ,
Не коснется къ тебѣ та съ гнѣва:
На то ты станешь только зреть,
И предъ очми злымъ месть имѣть.

5

Затѣмъ что-твердо уповаешь
На Господа ты повсегда,
И отъ Него ниже-когда,
Какъ-отъ-покрова, отбѣгаешь:
Тебѣ въ прибѣжище Онъ Самъ;
Не дастъ на тя упасть бѣдамъ.

6

Ничто къ тебѣ не придетъ злое,
Ни къ обиталищамъ твоимъ;
Богъ Ангеламъ велитъ своимъ
На всѣхъ тя весть путяхъ въ благое:
Тѣ на рукахъ тя понесутъ,
Отъ камня ногу да спасутъ.

7

На Аспіда и Васіліска
Наступишь безъ вреда́ ногой,
Льва съ зміемъ поперешь другой
Безъ зла тебѣ, въ зло имъ отъ тиска:
Затѣмъ что-Бо́гъ то сотворитъ,
Кой-о-тебѣ-такъ-говори́тъ.

8

Меня взлюбилъ онъ толь усердно;
А я ему пребуду Спасъ,
И отъ всего покрою въ часъ,
Храня Его премилосердно:
Мое познал онъ Имя здѣсь,
И прославляетъ мя день весь.

9

Когда-меня-взывать-онъ-ста́нетъ;
Его услышу скоро я,
Съ нимъ будетъ по́мощь вся моя́,
Прочъ отъ него и скорбь отстанетъ:
Отъ всѣхъ печалей свобожду,
Прославленнаго посажду.

10

Его насыщу долготою
Исполненною въ жизни дней;
Онъ въ старости пребудетъ въ ней,
Не обетшавъ нимало тою:
Спасеніе мое ктому,
Явлю не скрытно зрѣть Ему.

⁂

КАѲІСМА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ XCI.

Благо есть исповѣдатися.

Сей Псаломъ долженствовалъ быть воспѣтъ въ день Субботы. Пророкъ прославляетъ въ немъ съ великою ревностію и въ святомъ веселіи удивительныя Божія дѣла́. Особливо чудится онъ премудрой Судьбѣ Провидѣнія о злыхъ и благихъ. Показываетъ онъ, что-хотя-злыи-и-преуспѣва́ютъ, но всегда на горшее: на противъ же того, Богъ увѣнчаваетъ Праведныхъ пребогатою милостію.

1

Са́мое благое дѣло,
Богу славу воздавать;
И Тебя, о! Вышній, смѣло
Псалмословя воспѣвать.

2

Утромъ милости безмѣрность
Возвѣщаю я Твою;
И на всякую нощь вѣрность
Истинны Твоей пою.

3

Ту на арфѣ возглашаю,
Въ десять струнъ что у меня;
Съ нею Гусли соглашаю
Краснопѣсненно звоня.

4

Господи! Ты Самъ дѣлами
Чудно мя возвеселилъ;
Радуюсь, что-ихъ-рука́ми
Ты Твоими сотворилъ.

⁂ 5 ⁂

Коль величіемъ высо́ки,
Господи, Твои дѣла́!
Мысли коль Твои глубо́ки!
Коль судьба Твоя бѣла́!

⁂ 6 ⁂

Мужъ, кой-смы́сла не имѣетъ,
Не позна́етъ ничего;
Глупый всякъ не разумѣетъ,
И не по́йметъ онъ того.

⁂ 7 ⁂

Злыи вскорѣ прозябаютъ
Какъ-трава́ и мяхкій злакъ;
Нечестивы Процвѣтаютъ,
Ихъ сіяетъ свѣтлый зракъ.

⁂ 8 ⁂

Для чего́ жъ? Да человѣки
Сіи, толь что-взнесены́,
Будутъ отъ среды на вѣки
Грозно всѣ истреблены́.

⁂ 9 ⁂

Тыжъ, въ Превыспреннихъ живущій,
Господи, во вѣкъ всегда,
Пребываешь всюду сущій,
Не нача́вшійся-когда.

⁂ 10 ⁂

Се тотча́съ погибнутъ прахомъ,
Господи, Твои враги!
Се рассыплются со страхомъ
Беззаконія слуги!

⁂ 11 ⁂

Рогъ мой взнесшись утвердится,
Какъ-Единоро́говъ здѣсь;
Старость купно умасти́тся
Ра́вно какъ-Еле́емъ днесь.

12

Око на врагахъ увидитъ
Все, чего-я-имъ-хотѣлъ;
То на всѣхъ, кто-ни-обидитъ;
Мой услышать слухъ приспѣлъ.

13

Праведникъ въ своемъ такъ санѣ,
Какъ-добръ-Фи́никъ процвѣтетъ;
Иль какъ-Ке́дръ, кой-на-Ліва́нѣ,
Умножаясь возрастетъ.

14

Сіи, бывши насажде́нны
Здѣсь въ Господнемъ всѣ дому́,
Будутъ цвѣтомъ угобже́нны
Въ Божіихъ двора́хъ ктому.

15

Са́мая сихъ престарѣлость
Принесетъ сторичный плодъ;
Зеленѣющуся зрѣлость
Та представитъ въ дальній годъ.

16

Да онибъ провозвѣстили,
Что-Господь-Богъ-пра́въ во всемъ;
Всѣмъ бы то благовѣстили,
Что-и-нѣтъ неправды въ Немъ.

ПСАЛОМЪ XCII.

Господь воцарися.

Пророкъ прославляетъ сею пѣснію Величество Божіе, и владычественную Его Державу, съ коею-онъ-ца́рствуетъ надъ всѣми вещами, а особливо надъ своимъ Народомъ.

1

Господь надъ всѣми воцарился;
Онъ вь велелѣпность облеченъ:
Одѣянъ въ силу ободрился,
И препоясался мечемъ.

2

Се произвелъ всю Онъ вселенну;
И толь Имъ та утверждена́,
Что-крѣпость, всѣмъ свою́ явленну,
Недвижимо хранитъ она.

3

Престолъ Твой, Господи, оттолѣ;
Отъ вѣка пребываешь Самъ:
Вознесли гласъ, по Твоей же волѣ,
Вознесли шумъ рѣки къ облака́мъ.

4

Господь, живущій на высокихъ,
Сильняе всѣхъ морскихъ есть волнъ;
Сильняе са́мыхъ водъ глубокихъ:
Всемощія Его міръ полнъ.

5

О! Господи, суть достовѣрны
Твои свидѣтельства зѣло;
Правдивостію тѣ безмѣрны,
Ихъ всяко слово есть бѣло́.

6

Святыня всюду огласила
Предивный, Господи, Твой домъ;
Его собою украсила;
И будетъ въ долготу дней въ томъ.

ПСАЛОМЪ XCIII.

Богъ отмщеній, Господь.

Дѣти Ізраилскіи представляютъ Богу въ семъ Псалмѣ печальное состояніе, въ которое-они-приведены лютостію своихъ непріятелей, коихъ-описываютъ-нечѐстіе, непотребство, и хулу. Между тѣмъ Пророкъ

покланяется Мудрости и Милости Божіей въ печаляхъ, насылаемыхъ на Человѣковъ: притомъ, предвозвѣщаетъ избавленіе Праведнымъ, а злымъ паденіе.

1

О! Господи, Ты мщеній Богъ,
Яви себя, колико срогъ;
Взнесись судяй землѣ неложно,
Надменнымъ здѣлай, по суду,
Въ награду кázни должну мзду,
И воздаяніе возможно.

2

Пока, о! Господи, пока
Толика будетъ злыхъ прекá?
Доколѣ всѣмъ имъ похваляться,
Несправедливость говорить,
Несправедливѣй же творить,
И радованій сподобляться?

3

Се смяли всѣхъ Твоихъ людей:
Народъ, Тебѣ наслѣдный, сей,
Озлобили они въ сторицу,
Пришельцу дали люту смерть,
Убога рассудили стерть,
Убили сúра и вдовицу.

4

Господь не ýзритъ, говорятъ,
Ни Богъ Іаковль, такъ тѣ мнятъ,
Сіе отнюдъ уразумѣетъ:
Но о! Безумные главы,
Познайте всеконечно вы;
Да каждый смыслъ изъ васъ имѣетъ.

5

Кто-ухо-сáмо насадилъ,
Въ томъ къ слышанію нѣтъ ли силъ?
Или кто-Сотворитель-óка,
Тотъ Самъ не можетъ ли смотрѣть?
Кто-рáзумъ всемъ велѣлъ имѣть,
Не знаетъ ли Онъ всѣхъ порока?

6

Господь изобличитъ такихъ;
Онъ вѣдаетъ всѣ мысли ихъ,
Онъ вѣдаетъ, что-тѣ-пустые:
О! коль тотъ человѣкъ блаженъ,
Тобóй-кто, Боже, окружéнъ,
Науки получилъ святые.

7

Дабы спокойну быть ему,
И злаго, я́мы зрѣть въ дому:
Господь Своихъ всѣхъ не отринетъ!
Ужъ Правда будетъ на судѣ,
Всякъ правый сердцемъ не въ трудѣ:
Господь Наслѣдія не кинетъ!

8

Ктобъ-всталъ на злыхъ толь за меня?
Ктобъ-отъ-лукавыхъ-былъ храня?
Когдабъ-Господь, мой Заступитель,
Здѣсь помощію нé-былъ мнѣ;
Тобъ былъ я тóтчасъ тамъ на днѣ,
Гдѣ-гробныхъ-тéмная обитель.

9

Вотъ сшибся, я лишъ то сказалъ;
Ты, Господи, мя удержалъ:
Когда-внутрь-сéрдцемъ унываю;
То милость тѣшитъ мя Твоя:
Сидитъ кто-злость-всегдá куя;
Съ Тобой не содружи́тся, знаю.

10

На праваго взнося тѣ бровь,
Невинну осуждаютъ кровь:
Но мнѣ Господь всегда предстатель;
Онъ упованіе мое,
Дастъ вспоможеніе свое,
Какъ-справедливѣйшій Создатель.

• 11 •

Господь воздастъ такимъ за зло,
Которое-отъ-нихъ къ намъ шло;
Лукавствомъ ихже за досады
Онъ всѣхъ ихъ люто погубитъ;
Въ-конецъ всѣхъ-на-все истребитъ
Такихъ Господь Богъ безъ пощады.

ПСАЛОМЪ XCIV.

Пріидите возрадуемся.

Сія пѣснь имѣетъ двѣ части. Въ первой Псалмістъ призываетъ Ізраилтянъ Хвалить Бога, и покланяться Его величію: но во второй увѣщаваетъ слушать Божіяго Гласа, и не слѣдовать ожесточенію своихъ Отцовъ, которымъ, за сопротивленіе ихъ Ему въ пустынѣ, возбраненъ входъ въ Ханаанскую землю.

• 1 •

Пріидите, воспоемъ
Господу, Онъ наша радость;
Воскликнемъ, гласъ да издаемъ
Богу Спасу, Онъ намъ сладость.

• 2 •

Пойдемъ купно предъ Него
Съ красною Ему Хвалою;
Славя во Псалмахъ Того,
Воскликнемъ пѣснію такою.

• 3 •

Богъ нашъ, есть Господь великъ,
Онъ и Царь есть надъ Царями;
А по всей землѣ толикъ,
Что-подобна-нѣтъ зарями.

• 4 •

Всѣ земные широты
У Него въ рукѣ стисне́нны;
Всѣхъ горъ ра́вно высоты
Ономужъ суть подчине́нны.

5

Море подлежитЪ Ему,
ОнЪ его есть и Создатель;
По изволу Своему
Су́ши ОнЪ же СамЪ Издатель.

6

Пріидите на поклонЪ,
ПрипадемЪ Ему покорно;
ВсѣмЪ намЪ Сотворитель ОнЪ,
Го́спода почтимЪ соборно.

7

ОнЪ нашЪ истинный есть БогЪ,
О́вцы мы, СамимЪ пасомы;
Люди мы, кЪ Нему вЪ чертогЪ
Онаго рукой ведомы.

8

Днесь, ОнЪ СамЪ намЪ говоритЪ,
Если гласЪ мой слышимЪ будетЪ;
Што себя да покоритЪ
ВсякЪ мнѣ, спорЪ свой да забудетЪ.

9

И ни вашихЪ ужЪ сердецЪ
Предо Мной ожесточи́те:
ВсякЪ то здѣлалЪ вашЪ ОтецЪ;
Вы безЪ ропота молчи́те.

10

Штѣ вЪ пустынѣ вЪ оный день
Всячески Мя искушали;
Вещь дѣлЪ зрели, а не тѣнь,
Слыша все то, не внушали.

11

Со́рокЪ лѣтЪ негодовалЪ
Я на оный родЪ невѣрный;
НапослѣдокЪ ужЪ сказалЪ:
РопотЪ сихЪ есть пребезмѣрный.

12

Сердцемъ то́кмо-что всегда
Сіи люди заблуждаютъ;
Но отнюдъ и никогда
Всѣ путей моихъ не знаютъ.

13

Тѣмъ закля́лся Я Собой,
Будучи въ великомъ гнѣвѣ:
Внидутъ жель они въ покой!
Пусть вь ихъ ропотъ будетъ зѣвѣ.

ПСАЛОМЪ XCV.

Воспойте Господеви пѣснь нову.

Сей Псаломъ призываетъ Ізраилтянъ, и всѣхъ прочихъ людей, къ благословенію и взыванію Го́спода, да и къ поклоненію Ему, какъ-Еди́ному Истинному Богу; къ прославленію Его державы, и къ покоренію съ радостію Владычеству Господню.

1

Воспойте Господу пѣснь нову,
Земля вся, Господу воспой;
Воспойте пѣснь Ему готову,
Воспѣвши, всякъ еще удвой.

2

Его вы всѣ благословляйте
Хваля Святое Имя здѣ;
Спасеніе съ-дня-въ-де́нь являйте;
Гласите Славу въявь вездѣ.

3

Всѣмъ людямъ чудеса ужасны
Вы проповѣдуйте Его;
Народамъ дѣйствія прекрасны
Отъ се́рдца славьте своего.

4

ВеликЪ Господь! зѣло и ХвáленЪ!
Страшняе ОнЪ другихЪ боговЪ!
ВсякЪ богЪ ЯзыческЪ, бѣсЪ умáленЪ:
Господь ТворецЪ небЪ и кругóвЪ.

5

ПредЪ НимЪ вся красота и слава
Предшествуютъ по всѣмЪ мѣстамЪ;
ВЪ Святилищѣ Святыня права,
И сЪ велелѣпностiю тамЪ.

6

Воздайте Богу, о!-вы Роды,
Воздайте славу, купно честь;
Во всѣ прославьте Имя годы,
Несите жертву вЪ храмЪ, не лесть.

7

ВЪ томЪ Гóсподу всѣ поклонитесь,
ПолнЪ Святости есть Божiй дворЪ;
ВЪ немЪ, люди вЪ трепетѣ молитесь:
СiяетЪ тамЪ Господень взорЪ.

8

Скажите всѣмЪ: БогЪ воцарился:
Вселенна ИмЪ утверждена́;
ВсѣмЪ правый судЪ ужЪ отворился,
ТѣмЪ не подвижится она.

9

Да небеса возвеселятся,
Да радуется и земля;
Моря́ сЪ всей полнотой да дмятся;
СЪ всѣмЪ да взыграютЪ и поля́.

10

ЗаскачутЪ всѣ древа́ дубравны
Тогда предЪ БожiимЪ лицемЪ:
Явятся вЪ ликовствѣ исправны,
ПредЪ ГосподемЪ, и предЪ ТворцемЪ.

11

Грядетъ онъ, и грядетъ поспѣшно
Всю землю въ правотѣ судить,
Вселенну въ правдѣ беспомѣшно,
И въ истиннѣ всѣхъ разрядить.

❦ ❦ ❦

ПСАЛОМЪ XCVI.

Господь воцарися, да радуется.

Содержаніе сего Псалма есть тожъ, что-и-прошéдшаго. Онъ есть возбужденіе къ прославленію величества и всемогущества Божіяго, и купно Славы Царствія Его; притомъ къ радованію о преимуществахъ, кои-сіе-Царствіе-подаéтъ подчиненнымъ оному.

1

Господь ужé Самъ воцарился!
Да радуется вся земля;
Веселіемъ чтобъ озарился
Многъ острововъ ликъ не боля.

2

Мракъ, облакъ Гóспода обстали;
Судъ съ правдою престолу грунтъ:
Предъ Нимъ идя огни вспылали,
Жгутъ на Него творящихъ бунтъ.

3

Ужé Вселенну освѣтили
Лучи тончайшихъ молній вдругъ:
На то землй какъ-очи-зрйли;
Вся въ трепетѣ та стала вкругъ.

4

Какъ-воскъ растаяли тамъ гóры
Отъ Гóспода, и отъ Творца;
Отъ Гóспода землй, кой-взóры
Вперилъ въ то Своего лицá.

5

Се возвѣщаютъ Справедливость
Его ужé всѣмъ Небеса;
Се люди зрятъ ту особливость,
Его зрятъ Славы чудеса.

6

Поклонники всѣ Истука́ннымъ
Да при́дутъ въ стыдъ и срамоту,
Что-льстя́тся Ідоломъ болваннымъ;
Честь Богу Боги дайте ту.

7

Сіонъ услышавъ взвеселился,
И стали въ радости о семъ,
Еврейски дщери, что-вселйлся
Въ судбахъ къ намъ, Господи; тя чтемъ.

8

Ты Самъ Господь, и Богъ всевышній,
Всея превыше Ты земли́;
Боговъ полкъ при Тебѣ есть лишній,
Ты превознесся сверьхъ сей тли.

9

Вы, къ Го́споду любовь имущи,
Возненавидьте злую мглу:
Хранитъ Онъ ду́ши Богочтущи,
Не дастъ ихъ въ ру́ки злымъ, ни злу.

10

Тому, кто-пра́веденъ, сіяетъ
Ужé чистѣ́йшій са́мый Свѣтъ;
Себѣ веселость присвояетъ,
Кто-сердцемъ-пра́въ; въ комъ-кри́вды нѣтъ.

11

О! праведны, всѣ веселитесь
О Господѣ, вы безъ вреда́;
Святынею Его хвали́тесь,
И память славьте повсегда.

ПСАЛОМЪ XCVII.

Воспойте Господеви.

Сей Псаломъ есть возбужденіе къ восхваленію Бога за искупленіе, кое-дóлженствовалъ Онъ послать своему Народу, и къ радованію о пришествіи Царствія Его.

1

Господу пѣснь нову пойте,
Дивное содѣялъ Онъ;
Вы Его Десницѣ свойте
За Избаву Хвалъ поклонъ.

2

Мышца васъ спасла святая,
Далъ Господь Избаву знать;
Правдѣ, коя-всеблагáя,
Повелѣлъ въ народахъ стать.

3

Онъ къ Іакову безмѣрность
Милости воспомянулъ;
И на домъ Ізраилскъ вѣрность
Истинны своей блеснулъ.

4

Всѣ концы земныи зрили,
Какъ-Господь-избáвилъ насъ;
Вы, что-землю-населúли,
Богу вскликните всѣ въ гласъ.

5

Вспойте съ радости велики,
Забрячите въ гусли въ махъ;
Пойте Господу вы съ лики,
Возглашайте и въ Псалмахъ.

6

Кóваными какъ-Трубáми,
Такъ трубою изъ рогóвъ,
Вострубúте предъ судбѡми
Гóспода Царя безъ словъ.

7

Да шумитъ же съ полнотою
Море, и Вселенна днесь;
Всякъ на ней живущій съ тою,
И да движется Міръ весь.

8

Да рукой восплещутъ рѣки,
Гóры купно да поютъ;
Предъ лицемъ Господнимъ вѣки
Крáсну пѣснь да издаютъ.

9

Онъ грядетъ, онъ йдетъ вскорѣ
Весь судить Міръ въ правотѣ;
Чтобъ его не быть ужъ въ гóрѣ
Людямъ, и ни въ тѣснотѣ.

ПСАЛОМЪ XCVIII.

Господь воцарися, да гнѣваются.

Псаломъ сей опредѣленъ на прославленіе Величества Божіяго, и славы Царствія Его. Предлагается въ немъ о благодѣяніяхъ и милостяхъ, показанныхъ Ізраилтянамъ во время Моісеево, Аароново, Самуилово, и въ премногія другія.

1

Господь се есть ужé Царемъ!
Да всѣ народы вострепещутъ;
Сидитъ на Херувімахъ въ семъ!
Да чáсти всѣ землѝ восплещутъ.

2

Господь великъ въ Сіонѣ есть,
Высокъ, людей сверьхъ попремногу;
Да будетъ Имени вся честь,
Што страшно, свято безъ прилогу.

3

Держава Царска любитъ судъ!
Ты, Боже, правоту поставилъ,
Суды, въ нихъ правда, Твой есть трудъ,
Ихъ Ты въ Іаковѣ уставилъ.

4

Господь нашъ, превосходный Богъ!
Тѣмъ онаго всѣ возносите;
Къ подножію припадши ногъ,
Что-Свя́то Есть Оно, гласите.

5

Мойсей въ Священныхъ, Ааронъ,
Предъ Господемъ тамъ пребывали,
Самуилу Богъ былъ же Онъ;
Въ томъ Го́спода всѣ призывали.

6

Господь имъ подавалъ отвѣтъ,
Из о́блака глаголалъ съ ними;
Велѣнія всѣ, и Завѣтъ
Имъ данный былъ хранимъ Самими.

7

О! Боже, благость Ты являлъ,
Ты слушалъ ихъ толь милосердо;
Прощенія ихъ сподоблялъ,
И мстилъ за нихъ противнымъ твердо.

8

Вносите Го́спода всѣ въ рядъ,
Въ горѣ святой Его въ поклонѣ;
Господь Богъ нашъ вельми есть Святъ,
Въ Его пребудите законѣ.

ПСАЛОМЪ XCIX.

Воскликните Богови.

Всѣ народы увѣщаваются отдавать Поклоненіе Богу, хвалить Его какъ-Созда́теля своего, и прославлять милость Его и Истинну.

• 1 •

Богу вся земля воскликни;
Го́споду всякъ работа́ть
Въ васъ съ веселiемъ здѣсь вникни;
Въ радости предъ Нимъ долгъ стать.

• 2 •

Что-Господь, есть Богъ намъ, знайте;
Онъ, не мы, созда́лъ всѣхъ насъ:
Люди мы Его, внимайте;
Овцы паствъ Его всякъ часъ.

• 3 •

Во врата Его входи́те
Съ благодарствiемъ Ему;
Съ пѣсньми во дворы грядите,
И съ хвало́й-еще ктому.

• 4 •

Всѣ тамъ прославляйте Бога,
Имя вознося Его;
Благъ Господь, и Милость многа,
Въ роды истинна Того.

❦ ❦ ❦

ПСАЛОМЪ С.

Милость и судъ.

Сей Псаломъ есть Извѣтъ Давiда Царя, что-Онъ-пра́вилъ своими людьми справедливо: а особливо, что-Онъ-нака́зывалъ и отдалялъ отъ себя злыхъ, но милость являлъ къ добрымъ.

• 1 •

Милость, Господи, и судъ,
Воспою днесь предъ Тобою;
Чтобъ-уразумѣть, въ мой трудъ,
Непорочный путь къ покою.

⁂ 2 ⁂

Ўзришь Самъ пришедъ ко мнѣ,
Что-я-сéрдцемъ-шел-незлобнымъ;
Внутрь какъ-въ-дóмѣ, такъ и внѣ,
Былъ онъ многихъ въ томъ особнымъ.

⁂ 3 ⁂

Я на злую не взиралъ
Никогда вещь и глазами;
Ненавидя презиралъ
Непотребныхъ всѣхъ дѣлами.

⁂ 4 ⁂

Уклонялось отъ меня
Сердце каждо развращенно;
Былъ лукаваго кленя,
И лукавство намащéнно.

⁂ 5 ⁂

Тайнаго клеветника
Отъ себя вонъ гналъ я вскорѣ;
Гордъ видъ, мысль-чья-высокá,
Съ симъ не ѣлъ: Былъ мнѣ въ укорѣ.

⁂ 6 ⁂

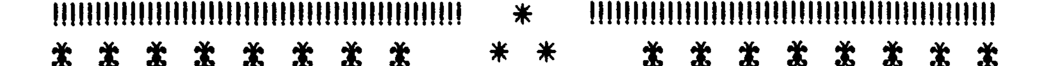
Зрю на вѣрныхъ я землѝ,
Имъ со мной сидѣть бы купно;
По пути ходяй не тли,
Сей мнѣ служитъ неотступно.

⁂ 7 ⁂

Въ домѣ не живалъ моемъ
Всякъ надменный, лицемѣрный;
Лютъ тому мной былъ пріемъ,
Лжѝвый-кто, и въ лжи безмѣрный.

⁂ 8 ⁂

Утромъ побивалъ я злыхъ;
Отъ Господнябъ грала срого
Истребить мнѣ таковыхъ:
Беззаконствуютъ премного.



КАѲИСМА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ СІ.

Господи услыши молитву.

Сей Псаломъ есть молитва отъ плѣненныхъ Іудеевъ, коею-доносятъ-Богу-опустошéніе Іерусалима, и оплакуемое свое состояніе, да и молятся, паки ихъ восставить и возвратить. Предъизъявляютъ они свое упованіе и надѣяніе, что-Бóгъ, который-всегдá тотже и неизмѣненъ въ своихъ обѣщаніяхъ, рáвно какъ-и-въ-существѣ своемъ, ихъ утвердитъ попрежнему: такъ что-вéсь народъ удивится блаженству и славѣ Сіоновой, и будущіи Іудейскіи Роды прославятъ Гóспода.

1

Услыши, Господи, молитву,
И вопль къ Тебѣ да придетъ мой;
Не отврати лицá, есмь Твой,
Воззри на скорбь мнѣ и ловитву:
Зовý Тя, слухъ Твой приклони,
Помиловать не премини.

2

Какъ-дымъ мои всѣ дни гонзнули,
Иссохла, как-горнúло, кость;
Надкóшенъ я какъ-рыхла трость,
Увялъ, и чáсти внутрь поснули:
Вздыхая хлѣба ужъ не ѣмъ,
Присохла плоть къ костямъ затѣмъ.

3

Весь какъ-Неясыть сталъ степная,
Или на дикихъ Вранъ мѣстахъ;
Не сплю, какъ-птúчка на кустахъ,
Иль подъ застрѣху убѣгая:
Поносятъ мя враги всякъ день,
Бранятся мною, я имъ пень.

4

За хлѣбъ я пепелъ ѣмъ отъ рева,
А плачъ, мнѣ стало питіе;
Зрю огорченіе Твое,
И чувствую всю ярость гнѣва:
Ты мя вознесъ на высоту,
И се низвергъ ужъ въ пустоту.

5

Какъ-тѣнь моя жизнь уклонилась,
И я какъ-сѣно весь иссохъ;
Но Ты Господь, и ввѣки Богъ,
Твоя въ родъ память огранилась:
Ущедришь Ты Сіонъ восставъ,
Настало время, Твой уставъ.

6

Раби Твои вельми усердны
И къ каменіямъ всѣмъ Его;
А отъ жалѣнія того,
Явятся къ пыли милосердны:
Тогда народы придутъ въ страхъ,
Цари предъ славой будутъ прахъ.

7

Какъ-Господемъ-Сіонъ-создáстся,
И въ славѣ тотъ восстанетъ весь;
И что-закóваннымъ всѣмъ здѣсь
По ихъ моленію подастся:
То въ родъ запишется онъ часъ,
И людіе восхвалятъ въ гласъ.

8

Что-Богъ-приникъ съ высотъ святѣйшихъ,
Что-съ-неба-зéмлю Онъ призрѣлъ;
Услышать плѣнныхъ бы имѣлъ,
Ихъ отъ смертéй спасти лютѣйшихъ:
Его въ Сіонѣ бъ возвѣстить,
Хвалой въ Ерусалимѣ чтить.

9

Какъ-люди-вкупѣ-соберу́тся
Цари, чтобъ Богу работа́ть;
А стану я въ пути хворать,
И краткостію дни сотру́тся:
Скажу: о! Боже, пощади,
Не восхищай мя дней среди.

10

Твои отъ рода въ роды лѣта,
Ты древле землю основалъ;
И небеса Ты Самъ созда́лъ,
Погибнутъ отъ сего тѣ свѣта:
Тыжъ пребываешь повсегда,
Не измѣняясь никогда.

11

Тѣ какъ-оде́жда, обветшаютъ,
Какъ-ри́зу въ смѣну ихъ совье́шь;
Но Ты все то^тже, и живешь,
Твои ни лѣта убываютъ:
Вселятся сыны рабъ Твоихъ,
Исправится ввѣкъ сѣмя ихъ.

ПСАЛОМЪ CII.

Благослови душе моя Го́спода, и вся.

Сей Псаломъ есть похвала, коею-Давідъ-благословляетъ-Го́спода, за всѣ Его милости къ нему, и къ Ізраилскому Народу. Предлагаетъ о превеликой Божіей благости къ людямъ всѣмъ, объ ономъ милосердіи, коимъ-проща́етъ Онъ имъ грѣхи, и о твердой и гарячей любви къ боящимся Его. Наконецъ, призываетъ онъ всю тварь, хвалишь совокупно съ нимъ Го́спода.

• 1 •

Го́спода благослови,
О! Душа моя, конечно;
Святости Его сердечно,
Внутренность, Хвалу яви:
Го́спода, Душа, прослави,
Въ память дары предпостави.

• 2 •

Онъ преступства всѣ твои
Беззаконныя прощаетъ;
Онъ единъ же очищаетъ
Скверныхъ мерзостей слой:
Избавляетъ жизнь отъ тлѣна,
И недуговъ злыхъ изъ плѣна.

• 3 •

Тя увѣнчаваетъ Онъ
Милостію по щедротѣ;
Какъ-жела́ешь, такъ въ добро́тѣ
Быть тебѣ даетъ безъ спонъ:
Юности велѣлъ явиться,
И какъ-о́рлей обновиться.

• 4 •

Правду всѣмъ Господь творитъ,
Кои-по-суду́ въ обидѣ;
Моісею въ явномъ видѣ
Путь сказалъ, да оный зритъ:
Далъ позна́ть Свою́ Онъ волю,
Тѣмъ Ізраилскую долю.

• 5 •

Щедръ, и Милостивъ есть Богъ,
Терпѣливъ, Благоутробенъ;
Не вконецъ гнѣвливъ, незлобенъ,
Ни враждуетъ ввѣкъ, ни строгъ:
Здѣлалъ съ нами не по вѣрѣ,
Во́здалъ ни грѣховъ по мѣрѣ.

6

Сколько небо отъ земли́
Есть несмѣтно высотою;
Толь велика долготою
Милость, всякъ сіе внемли,
Къ онымъ, что-Его-боя́тся,
И къ Нему въ любви стремятся.

7

Разстоянія есть коль
Промежъ Запада и Встока;
Дальностью отъ насъ прескока
Отлучилъ грѣхи Онъ толь:
Какъ-Отецъ-Сыно́въ лелѣетъ,
Такъ Господь своихъ жалѣетъ.

8

Вѣсть Онъ, что-Его́ мы тварь,
И что-пе́рсть мы, поминаетъ;
Человѣкъ такъ процвѣтаетъ,
Какъ-трава́, что-вско́рѣ старь:
Иль какъ-цвѣтъ прекрасный въ по́лѣ
Вдругъ отцвѣвъ лежитъ ужъ въ долѣ.

9

Вотъ по немъ лишъ про́йдетъ духъ,
То́тчасъ и попалъ онъ въ нѣты;
Мѣсто само безъ примѣты,
И какъ-сѣно сталъ тотъ сухъ:
Но со страхомъ Человѣки,
Въ милости Его во вѣки.

10

Правда на сына́хъ сыно́въ,
Весь завѣтъ Его хранящихъ,
Заповѣди всѣ творящихъ;
Се его престолъ готовъ
Въ небеси уже́ преславно:
Царствуетъ надъ всѣмъ Богъ главно.

11

О! вы, Ангели при Немъ,
Го́спода благословите;
Сильны, крѣпки, и стойте
По словамъ Его во всемъ:
Къ дѣйству слушаетесь гласа,
Ваша въ томъ есть вся украса.

12

О! Его и Силы всѣ,
Вы благословите Бога;
Купно и Его чертога
Въ каждомъ, вы слуги, часѣ:
Волю вы Его творящи,
Въ кругъ съ почтеніемъ паря́щи.

13

О! Господни всѣ Дѣла́,
Го́спода и велегласно,
И благословите кра́сно;
Власть Его все извела:
Ты, Душа моя́, не спяща,
Бога жъ будь благословяща.

ПСАЛОМЪ CIII.

Благослови душе моя́, Го́спода, Господи.

Давідъ покланяется величію Божіему, и прославляетъ оное, зримое во всѣхъ дѣлахъ Творенія и провидѣнія. Описываетъ онъ Силу, Мудрость, и Благость, коими-Богъ-храни́тъ толь многіе твари во всемъ Мірѣ, и правитъ въ немъ оными. Наконецъ, желаетъ да Богъ будетъ хвали́мъ и благослови́мъ во вѣки.

⁂ 1 ⁂

Благослови, Душа моя́,
Владыку, Го́спода поя;
О! Господи, о! Всемогущій,
Во всемЪ Ты и зѣло великЪ:
ВеличествомЪ одѣянЪ сущій,
И велелѣпіемЪ толикЪ;
БогЪ, свѣтЪ какЪ-ризу облекаетЪ,
Руно́мЪ же небо простираетЪ.

⁂ 2 ⁂

ПревыспреннихЪ Селеній сводЪ
ОнЪ кровомЪ разграждаетЪ водЪ;
Его изЪ облакЪ колесница,
На крилахЪ вѣтра ходитЪ СамЪ:
ТворитЪ ОнЪ Ангелски духЪ лица,
Слуги всѣ огнЪ и пламень тамЪ;
ПоставилЪ землю на твердынѣ,
Да не прекло́нится ввѣкЪ нынѣ.

⁂ 3 ⁂

Одеждой бездны ту покрылЪ,
ЧтобЪ на горахЪ потокЪ водЪ былЪ;
ОтЪ грозЪ ТвоихЪ побѣгли во́ды,
Пришли отЪ грома, Боже, вЪ страхЪ:
ВозносятЪ го́ры кЪ верьху всходы,
Поля́ сошли, и дольній прахЪ;
ЗаемлютЪ тѣ мѣста́ и ча́сти,
Гдѣ-ты-велѣлЪ имЪ быть по вла́сти.

⁂ 4 ⁂

Вода́мЪ Ты положилЪ предѣлЪ,
За сей ступить бы токЪ не смѣлЪ;
Онѣ уже́ не возвратятся
Ктому всю землю покрывать:
Ведешь струи́, вЪ дола́хЪ крутя́тся,
Ты далЪ межЪ горЪ имЪ протекать;
Собой звѣрей тѣ напаяютЪ,
Она́гри жажду утоляютЪ.

5

Витая птицы тамъ поютъ,
Отъ камней клики раздаютъ;
Съ высотъ Ты орошаешь гóры,
Сытá земля отъ всѣхъ плодóвъ:
Цвѣтъ веселитъ людскіи взоры,
Трава прозябла для скотóвъ;
Земля класъ въ злакѣ жъ производитъ,
Что-человѣкъ-на-пищу кóситъ.

6

Сердцáмъ въ веселость есть віно,
Лице у насъ умащенó
Елеемъ мяхкимъ, тѣмъ и чистымъ;
Для укрѣпленія намъ хлѣбъ:
Древá взнесъ ростом Ты вѣтвистымъ,
Лівански Кедры для потребъ;
Тамъ птицы съ гнѣздами своими,
И вьется Еродíй надъ ними.

7

Еленямъ высота есть горъ,
Прибѣгшимъ зайцамъ камень дворъ;
Лунѣ Ты для временъ далъ бѣги,
Познало солнце западъ свой:
Навелъ тьму, се и нощь для нѣги,
Всякъ дикій рыщетъ звѣрь при той;
Рыкаетъ львичищъ плотоядный,
Да искъ себѣ восхи́титъ рядный.

8

Лишъ восcіяетъ солнца кругъ,
Уходятъ въ логови́ща вдругъ;
Но человѣкъ ужъ на работу
До вéчера идéтъ тогда:
Ты, Господи, Твоихъ доброту,
Дѣлъ возвеличилъ навсегда;
Во всемъ Твоя премудрость зрится,
Тварь многа на землѣ роди́тся.

9

Въ пространномъ океанѣ томъ,
Бесчисленнымъ гада́мъ есть домъ;
Живетъ тамъ Малое съ Великимъ,
Тамъ плаваютъ и корабли:
И Китъ, что-сотворенъ-толи́кимъ,
Въ глуби́ играетъ и въ мѣли́;
Тебя ждетъ оныхъ всяко племя,
Да пищу имъ въ свое дашь время.

10

Когда-пода́шь, ту и берутъ,
И насыщаясь такъ живутъ;
Едва твою отверзешь руку,
Все исполняется благихъ:
Въ тоску приходятъ, въ крайню скуку,
Какъ-отвраща́ешся отъ нихъ;
Отъимешь духъ? тотча́съ слабѣютъ,
И въ прахъ свой возвратившись тлѣютъ.

11

Какъ-дхне́шь въ нихъ, сотворятся всѣ,
Въ томъ землю обновишь часѣ;
Господня буди ввѣки слава!
Да веселится Онъ въ дѣлахъ!
Господь, что-въ-то́мъ Его держава,
На-зе́млю призираетъ благъ,
И ту въ трясеніе приводитъ;
Къ горамъ коснулсяль? дымъ исходитъ.

12

Владыку всѣхъ я воспою
Во весь животъ мой, въ жизнь сію;
Доколѣ есмь, и пребываю,
Я Бога моего хвалю,
Ему и пѣсни воспѣваю,
Его о всемъ благомъ молю́:
Слатка́ Ему моя́ бесѣда,
Мнѣ веселиться, много слѣ́да.

~ 13 ~

Да грѣшники ужъ отъ земли́
Исчезнутъ всѣ гонзая къ тли!
Да нынѣ безаконныхъ болѣй
Не будетъ вдругъ на ней ктому!
Да не преступствуютъ тѣ долѣй,
Ни зла да не творятъ кому!
Душа! ты Го́спода съ дѣлами,
Благослови всегда Хвалами.

* * *

ПСАЛОМЪ CIV.

Исповѣдайтеся Господеви.

Пророкъ возбуждаетъ Іраилтянъ хвалить Бога, и прославлять Его силу, благость, и вѣрность. Повѣствуетъ онъ, что́ Богъ сотворилъ въ пользу ихъ отцовъ, по силѣ завѣта положеннаго съ Авраамомъ. Предлагаетъ приключившееся потомкамъ сего праотца, а особливо Іосифу; также пришествіе Іаковле въ Египетъ, гоненіе, которое-народъ-Іра́илскій тамъ претерпѣлъ, язвы, коими-Богъ-поразилъ Египтянъ, пребываніе Іраилтянъ въ пустынѣ, и наконецъ поселеніе ихъ въ землѣ Ханаанской.

~ 1 ~

Славя Бога признавайте,
Имя Божие взывайте;
Возвѣстите Вы дѣла́
Всѣ народамъ несравненны:
Съ пѣсньми будь Ему хвала,
Славьте чудеса явленны;
Будьте Имъ Святымъ хвалясь,
И о Немъ же веселясь.

2

Шведро Го́спода взыскуйте,
ПредЪ лицемЪ Его ликуйте;
Помяните чудеса,
Сотворенны древле БогомЪ:
Помяните словеса
И суды вЪ числѣ премногомЪ;
Авраамль вЪ раба родЪ данЪ,
СынЪ Іаковль есть избра́нЪ.

3

ОнЪ Господь, БогЪ нашЪ державный,
На землѣ Его судЪ главный;
ВЪ вѣкЪ, свой помянулЪ завѣтЪ,
ВЪ тысящу родовЪ и слово:
Аврааму свой отвѣтЪ,
Клятву Ісааку ново;
ВсежЪ Ізраилю вЪ уставЪ
ПодтвердилЪ на вѣки давЪ.

4

ДамЪ, ОнЪ рекЪ, тебѣ я землю,
Что отЪ Хананей отЪемлю;
БудетЪ вамЪ вЪ наслѣдство та.
Было хоть числомЪ ихЪ мало,
И вЪ пришельствѣ заня́та́,
Преходить имЪ надлежало:
ОтЪ народа тѣ кЪ другому,
И отЪ царства шли кЪ иному.

5

Не́-далЪ ихЪ кому обидѣть,
ДалЪ ЦарямЪ за нихЪ казнь видѣть;
Не касайтесь, говорилЪ,
Вы кЪ ПомазаннымЪ симЪ Мною:
ВсякЪ моимЪ бы не творилЪ
И пророкамЪ зла бѣдою;
Се на зе́млю при́звалЪ гладЪ,
СтерЪ классЪ хлѣбный для отрадЪ.

• 6 •
Пóсланъ человѣкъ предъ ними,
Прóданъ Братами самими
Былъ Іосифъ тамъ въ раба;
Тамъ Ему сковали нóги:
А желѣзныхъ узъ скоба
Заклепала всѣ дорóги;
Заключенъ въ томъ пребывалъ,
Богъ пока Его воззвáлъ.

• 7 •
Царь послалъ, и поспѣшили,
Князь велѣлъ, и разрѣшили;
Имъ поставленъ Господинъ
Надъ его всѣмъ домомъ славный:
Произрекъ, чтобъ сей единъ
Былъ во всей Державѣ главный;
Онъ вельможей бы смирялъ,
И старѣйшинъ умудрялъ.

• 8 •
Вшелъ въ Египтъ Ізраиль въ гладѣ,
Въ Хáмлемъ жилъ Іаковъ градѣ;
Расплодивъ людей Своихъ,
Богъ усилилъ надъ врагами:
Сердце превратилъ Онъ въ сихъ,
Да взгнушаются слугами;
Тамъ на Божіихъ рабовъ
Умыслъ да творятъ и ковъ.

• 9 •
Моісея изъ Закона
Къ нимъ послалъ и Аарона;
Далъ словамъ ихъ твердый знакъ,
Чудеса чрезъ нихъ содѣялъ:
Тьму наслалъ и черный мракъ,
Чтобъ никто прекй не сѣялъ;
Въ кровь ихъ вóды премѣнилъ,
Рыбу всю въ тѣхъ уморилъ.

10

Жабами земля вскипѣла,
Вся Палата жабъ имѣла;
Рекъ, Психъ родъ мухъ налетѣлъ,
Всюду червь вшаный родился:
Полнъ былъ гада всякъ предѣлъ,
Дождь ихъ градомъ опустился;
Зѣльный огнь въ землѣ ихъ сталъ,
Попаляя ту свисталъ.

11

Віноградъ побилъ ихъ съ гнѣва,
Смоквы, ни оставилъ дрéва;
Рекъ онъ, мшицы и сранчи
Пребесчисленны напали:
Всю траву, въ день и въ ночи,
Всякъ и плодъ ихъ позобали;
Первородныхъ поразилъ,
Всѣ начатки ихъ скосилъ.

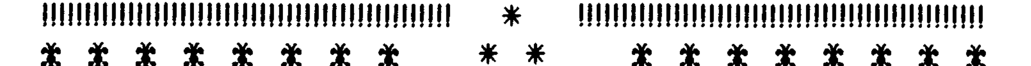
12

Но своихъ съ сребромъ и златомъ,
Вывелъ съ рождшимъ ихъ и братомъ;
Нé-было въ колѣнахъ всѣхъ
Ни болящихъ ни печальныхъ:
Весь Егіптъ тогда для тѣхъ,
Что-исходомъ-были-въ-дáльныхъ,
Взвеселившись пѣлъ въ играхъ;
Мня, не будутъ тѣ ужъ въ страхъ.

13

Облакъ онымъ для покрова,
Распростеръ огнь ночью снова;
Тѣ просили, и пришло
Крáстелей къ нимъ стадо сильно:
Всякъ насытился зѣло,
Хлѣбъ небесный ѣлъ обильно;
Камень Онъ разверзъ, водá
Имъ текла рѣкой тогда.

Къ Аврааму Онъ святое
Вспомнилъ слово, и благое;
Вывелъ въ радости людей,
И съ веселіемъ избра́нныхъ:
Далъ страны́ чужи́ въ вѣкъ дней,
Трудъ наслѣдили попранныхъ;
Всежъ, уставъ да сохранятъ,
И драгимъ законъ цѣнятъ.



КАѲІСМА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ CV.

Исповѣдайтеся Господеви.

Прошедшій Псаломъ есть Сказаніе о милостяхъ Божіихъ Іѕраильскимъ Сынамъ; но сей повѣствуетъ и исповѣдуетъ грѣхи и роптанія, коими-они-преступи́ли, по исходѣ изъ Египта, въ пустынѣ, и въ землѣ Ханаанской. Видимъ мы ещѐ въ немъ разные ка́зни отъ Бога тому Народу, да и знаки милосердія Его къ нему, терпѣніемъ и спасеніемъ при многихъ случаяхъ.

1

Вы славьте Го́спода всегда,
Онъ благъ, Его и милость ввѣки;
Кто-си́лы изрече́тъ-когда
Господни всѣ межъ человѣки?
Кто-возглашая-Самого́,
Услышать дастъ Хвалу Его?
Блажени! и блаженно племя
Хранящихъ справедливый судъ,
И правду бѣднымъ, а не трудъ,
Во всяко дѣлающихъ время!

2

Ты, Господи, насъ по́мяни
Въ благой Твоей всѣмъ людямъ волѣ;
Спасти́ насъ Тыжъ непремини,
И крѣпость намъ подай на по́лѣ:
Да зрю избранныхъ я въ добрѣ,
Да съ родомъ веселюсь въ игрѣ;
Да купно съ симъ Твоимъ наслѣдствомъ
Возможетъ духъ Хвалиться мой:
Мы согрѣшили предъ Тобой,
Какъ-и-Отцы́ всѣ наши, бѣдствомъ.

3

Мы беззаконновали всѣ,
Неправды многи сотворили;
Отцы въ Егiптѣ въ томъ часѣ
Чудесъ Твоихъ въ умъ не вперили:
Не вспомянулижъ и Твоихъ
Премногихъ милостей самихъ;
Преогорчили Тя, ахъ-горе!
Когда-и-были-точно близъ
Спасенiя, сходя на низъ,
И въ чермное ногою море.

4

Но впрочемъ, ихъ тогда Онъ спасъ,
Да Имя всѣмъ Свое имъ скажетъ,
И превеликую въ тотъ часъ
Да мощь и силу тамъ покажетъ:
Чермному морю повелѣлъ,
Иссякло то, песокъ бѣлѣлъ;
Ведя по безднѣ такъ наставилъ,
Какъ-и-въ-пустынѣ въ путь водилъ;
Из рукъ враговъ, ихъ свободилъ,
Отъ ненавидящихъ избавилъ.

5

Покрыла нагло тѣхъ вода
Что-имъ-гоненiемъ стужали;
Никто не отбылъ отъ вреда,
Погрузнуть прямо въ глубь вбѣжали:
Тогда всѣмъ Божiимъ словамъ
Повѣрили они ужъ тамъ;
Се и хвалу Ему воспѣли:
Но буйность въ то ихъ привела,
Что-позабыли всѣ дѣла,
Совѣтовъ чаять не хотѣли.

6

Вѣ пустынѣ вѣ прихоти пришли,
Вѣ безводной искусили Бога;
По прозбѣ тѣ своей нашли,
Дана душамѣ ихѣ сытость многа:
Вотѣ Моісея ужѣ вѣ Стану́,
И, вѣ распрю тужѣ тамѣ и одну,
Прогнѣвали тѣ Аарона:
Разверзла челюсти Земля,
Даѳана пожрала́, и тля
Покрыла вѣ сонмѣ Авірона.

7

У нихѣ разжегся тамѣ огонь,
Злотворцовѣ попалилѣ всѣхѣ пламень;
Вола вѣ Хоривѣ ихѣ ладонь
Толь тве́рда здѣлала, коль камень:
Поклономѣ Истука́нну тѣ,
Вѣ своей припали суетѣ;
Всевышня измѣнили славу,
Вѣ ядущаго траву тельца,
Забыли Бога, и Творца,
И Спаса, и Его державу.

8

Кой-ве́ліе вѣ нихѣ сотворилѣ,
Вѣ Егіптѣ чудеса предивны;
А море страшно раздвоилѣ,
Погиблибѣ вѣ ономѣ имѣ противны:
Затѣмѣ рекѣ, всѣхѣ ихѣ погубить,
И корень са́мый истребить;
Когда бѣ Мойсей, Его избранный,
Не сталѣ предѣ Нимѣ весь сокруше́нѣ,
Да гнѣвѣ вѣ Немѣ будетѣ погаше́нѣ,
И родѣ не згибнетѣ зломѣ раздранный.

9

Желанна имъ земля ничто,
Словамъ Его не няли вѣры;
Въ шатрахъ роптали всѣ чрезъ то,
Не слушались они безъ мѣры
Господня Гласа въ томъ бою:
Се поднялъ руку Онъ свою,
Чтобъ ихъ низвергнуть всѣхъ въ пустынѣ,
Чтобъ низложить въ языкахъ плодъ,
И чтобъ ихъ будущій весь родъ
Въ страны разсѣять ужъ отнынѣ.

10

Веел-фегóръ былъ оныхъ часть,
Всѣ ѣли съ сладостію жертвы;
Пренебрегли отъ тѣхъ напасть,
И не взирали, что тѣ мертвы:
Такъ Бога раздражили темъ,
Умножился падежъ имъ всѣмъ:
Всталъ Фінеéсъ, проболъ въ палаткѣ,
Престала сѣчь; а самомý
Вмѣнилось правдой въ родъ Ему,
По ревноснѣйшей той ухваткѣ.

11

Прогнѣвали жъ и на водѣ
Мерібской зѣльно прерѣкая;
Былъ Моісей для нихъ въ трудѣ,
Духъ горестью свой устрѣкая:
Онъ разнствовалъ устами въ томъ;
Они не истребили зломъ,
Какъ-имъ-сказáлъ Господь, Языки:
Затѣмъ смѣсились съ ними тамъ,
Во вредъ навыкли ихъ дѣламъ,
Служили Истукáннымъ съ лики.

12

ТутЪ жертвовали какЪ-сынóвЪ,
ТакЪ дщерей тѣмЪ бѣсáмЪ нечистымЪ;
Кровь прóлили невинну вЪ ровЪ
СвоихЪ техЪ порожденій истыхЪ:
Пожерли ІдоламЪ и тлѣ,
Текла кровь скверны по землѣ;
Дѣлами сими осквернились,
А вЪ начинаніяхЪ всезлыхЪ,
И вЪ предпріятіяхЪ вЪ свой пыхЪ,
Премерзосно толь заблудились.

13

Господь разжегЪ гнѣвЪ на людей,
СвоймЪ наслѣдствомЪ омерзился;
ИхЪ предалЪ вЪ рýки врагЪ вЪ срокЪ дней,
Владѣтель ненавистникЪ зрился:
Преозлобляли ихЪ враги,
ВЪ рукахЪ смирились отЪ тугú:
ОнЪ избавлялЪ ихЪ многократно;
Но огорчали сЪ слѣпоты
Его вЪ совѣтахЪ правоты,
ВЪ преступствахЪ пребыли развратно.

14

ОднакЪ Господь всю скорбь ихЪ зря,
УслышалЪ какЪ-вЪ-мольбѣ стенали;
А памятенЪ себѣ творя
ЗавѣтЪ свой, да и тѣбЪ не пали,
Раскаялся о кáзни сей
По многой милости своей:
ВложилЪ вЪ сердцá плѣнившихЪ жалость,
Щедротѣ вЪ нихЪ далЪ кЪ плѣну быть;
Но ПлѣннымЪ зло велѣлЪ забыть,
И толь уничиженну малость.

• 15 •

Самъ Боже нашъ, Ты всѣхъ спаси,
И собери насъ отъ народовъ;
Да Имя чтемъ Твое, взнеси,
Да славимся мы отъ исходовъ,
И да похвáлимся въ себѣ,
Хвалою должною Тебѣ:
О! Господи, насъ не забуди!
Благословенъ Господь Богъ ввѣкъ!
И всякъ речетъ то человѣкъ,
Рекутъ всѣ купно: Буди, Буди!

ПСАЛОМЪ CVI.

Исповѣдайтеся Господеви.

Намѣреніе сего Псалма есть, дабы показать, что-Прóмыслъ божій наводитъ на человѣковъ разныя искушенія, и подвергаетъ ихъ премногимъ бѣдствіямъ; сіежъ для того, чтобъ они прибѣгали къ Богу, боялись Его, и прославляли милость Господню. Сіе сáмое Пророкъ предъизъявляетъ примѣромъ скитающихся въ чужихъ земляхъ, плѣнниковъ, болящихъ, и страждущихъ бýрю морскую. Говорúтъ-онъ-еще о гладѣ, о засухѣ, о пониженіи великихъ, и о возвышеніи малыхъ: да и утверждаетъ, что-всé сіе Богъ творитъ премудро, праведно, и въ пользу Человѣкамъ.

• 1 •

Воздать потщитесь Богу честь,
Онъ благъ, Его и Милость ввѣки;
Спасенны Господемъ рѣчь весть,
Избáвленны межъ человѣки,
Изъ рукъ жестокихъ толь враговъ,
И странѣ собрáнны отъ кругóвъ:
Отъ встока, запада, и мóря,
Отъ сѣвера, гдѣ-нóщь и хладъ:
Въ пустынѣ заблуждали въ гладъ,
Въ безводной въ жажду, въ крайность гóря.

2

Градо́въ въ пути томъ не нашли,
Алчба́, и жажда ихъ терзала;
Вездѣ имъ бѣдство, гдѣ-ни-шли́,
Отъ золъ душа въ нихъ исчезала:
Ко Го́споду въ печа́ль-когда
Всѣ возопили отъ вреда;
Господь отъ нуждъ ихъ и избавилъ,
Путь правый всѣмъ имъ показалъ,
Вступить тогда въ жилы́й градъ далъ,
И въ шествіи тамъ ихъ наставилъ.

3

Да Милость славятъ же Его
Предъ Господемъ Самимъ и Богомъ;
Да хвалятъ чудеса Того
Предъ человѣки въ дивѣ многомъ:
Насытилъ ду́шу тщу въ тѣлахъ,
Исполнилъ алчущую благъ;
Сѣдящихъ въ тмѣ и смертной тѣни,
Око́ванныхъ и нищетой,
Желѣзомъ у́зъ-еще при той,
Въ прохладъ извелъ под вольны сѣни.

4

Они всѣ Божіи слова́
Противностьми уничижили;
Совѣтъ Всевышня и права́
Своимъ презоромъ раздражили:
Смирилось сердце ихъ въ трудѣ,
Изнемогли весьма въ бѣдѣ;
Ктобъ-по́мощь далъ им, не имѣли:
Ко Го́споду въ печа́ль-когда
Всѣ возопили отъ вреда́;
Господь ихъ спасъ, нуждъ не терпѣли.

5

Изъ смертныхъ тѣней, и отъ тьмы
Благоволилъ известь въ свободу;
Дверь сокрушилъ Онъ ихъ тюрьмы́,
Росторгъ и узы для исходу:
Да милость славятъ же Его,
И Спаса Бога самого,
Да чудеса предъ человѣки:
Онъ мѣдныя врата разбилъ,
Желѣзны верей сломилъ,
Все потребляя то на вѣки.

6

Ихъ принялъ отъ пути преступствъ;
Тѣ для своихъ и укроще́нны
Пребеззаконныхъ такъ беспутствъ;
И были чуть непоглоще́нны:
Ѣстъ брашенъ не могли какъ блатъ,
Приближились до смертныхъ вратъ;
Какъ-къ-Го́споду въ скорбь возопили,
Господь отъ нуждъ ихъ всѣхъ и спасъ,
И словомъ исцѣлилъ тотча́съ;
Отъ тлѣній въ бодрость тѣ вступили.

7

Да милость славятъ же Его
Предъ Господемъ Самимъ и Богомъ;
Да хвалятъ чудеса Того
Предъ человѣки въ дивѣ многомъ;
Да жертву хвалъ несутъ Ему,
Да возвѣстятъ дѣла́ ктому:
По мо́рю въ корабляхъ пловущи
Для купли чрезъ пространство водъ,
Зрятъ дѣлъ Господнихъ велій родъ,
И чудеса Его тамъ сущи.

8

Велитъ, и встанетъ бурный духъ,
Тамъ вóлны грозно вознесутся,
То выспрь, то къ безднамъ льютъ шумъ глухъ;
Отъ страха дýши тѣхъ трясутся;
Шатаются какъ-отъ-віна́,
Вся мудрость ихъ поглощена́:
Какъ-къ-Гóсподу въ скорбь возопили,
Господь отъ нуждъ ихъ всѣхъ и спасъ:
Онъ бýрю утиши́лъ тотча́съ,
Умолкли вóлны, что топили.

9

Всѣ веселятся въ тишинѣ,
Что-ихъ-въ-пристанище-жела́нно,
По той ужасной глубинѣ,
Принесъ безвредныхъ невозбранно:
Да Милость славятъ же Его,
И Спаса Бога самого;
Да чудеса Его предъ взоромъ
Сыновъ Людски́хъ превознесутъ;
Хвалу Ему да принесутъ
Старѣйшинъ важныхъ предъ соборомъ.

10

Онъ рѣки дѣлаетъ степьми́,
Источники водъ осушаетъ;
А плодоносную вельми
Въ соль землю Онъ преобращаетъ,
За грубы злости тѣхъ людей,
Которы-живýтъ на ней:
Но и въ Езéра степь приводитъ;
Имъ изъ земли́ безводны сокъ,
И са́мый вóдныхъ струй истокъ
Въ обиліи вдругъ происходитъ.

11

Тамъ алчущихъ Онъ населилъ,
Тѣ и построили тутъ грады;
Поля́ засѣять попустилъ,
И насадить вкругъ віограды;
Но такъ, что-имъ-на-вся́кій годъ
Приноситъ обое свой плодъ:
Благослови́въ их удоволилъ,
Умножились они зѣло;
Не умалять скота, село
Ихъ утучнять благоизволилъ.

12

Пото́мъ умалились они
Отъ золъ, печалей, и налоговъ;
Въ позорѣ Князи ихъ въ тѣ дни
Быть стали отъ своихъ подлоговъ;
Зашли въ такія ужъ мѣста́,
Гдѣ-ни-пути́ нѣтъ, ни моста́:
Однако, бѣдну и убогу
За скудость Онъ помогъ притомъ,
Его какъ-стадо-о́вче домъ,
И челюдь расплодилъ премногу.

13

Сіе все Праведныи зрятъ,
Затѣмъ они и веселятся;
Устажъ свой тѣ заградятъ,
Которы-въ-беззако́нствѣ злятся;
Нечестій другъ, а правды врагъ,
Всякъ потребится бѣдно въ прахъ:
Кто-есть-прему́дръ, тотъ порадѣетъ
Прилѣжно все то наблюдать;
Да можетъ Го́спода познать,
И милости да разумѣетъ.

ПСАЛОМЪ CVII.

Готово сердце мое, Боже.

Давідъ хвалитъ Бога съ великою ревностію, и молитъ Его о по́мощи себѣ. Уповаетъ онъ, что, при вспоможеніи Его, преодолѣетъ всѣхъ своихъ непріятелей.

1

Мое готово сердце, Боже,
Готово, Боже, сердце все;
Хваленіе пою я се,
И воспою во славѣ тоже:
Встань съ гусльми Арфа днесь моя́,
И самъ востану рано я.

2

Такъ въ людяхъ, Господи, прославлю
Твое Величіе въ хвалахъ;
Воспѣть, колико Ты всѣмъ благъ,
Въ народахъ всюду не оставлю:
Твоя вся милость сверьхъ небесъ,
Сверьхъ облакъ истинна словесъ.

3

Вознесись на небеса во славѣ,
И будетъ та по всей землѣ;
Любезнымъ Ти не быть бы въ тлѣ,
Избавиться бъ отъ золъ имъ въ правѣ:
Спаси Твоей десницей ихъ,
Услыши мя съ высотъ Твоихъ.

4

Вѣщалъ въ Святилищѣ Богъ вѣрно,
Вознесусь; Сіхемъ я раздѣлю;
Юдоль Суккоѳску повелю
Распредѣлить на ча́сти мѣрно:
Уже́ весь Галаа́дъ мой есть,
Моимъ быть Манассе́й взялъ въ честь.

5

Ефремъ главѣ моей вся сила,
Іуда чинъ, и весь уставъ;
Измытія Лахань Моа́въ,
Надежда всѣхъ мнѣ союзила:
Сапогъ мой брошу на Едомъ,
Покоренъ Палестінскій домъ.

6

Кто-въ-градъ-меня-введе́тъ претвердый?
Въ Едомъ меня наста́витъ-кто?
Не Тыль, о! Боже нашъ, Самъ-то́,
Хоть зришся къ намъ немилосердый?
И Ты хотя отринулъ насъ,
Ни не исходишь съ войскомъ въ часъ?

7

Ты по́мощь намъ подай въ печали:
Спасаютъ человѣки тще;
Мы храбры будемъ и еще́,
Тобою прежде какъ бывали.
Богъ пошлетъ сильный намъ покровъ,
А нашихъ поперетъ враговъ.

ПСАЛОМЪ CVIII.

Боже хвалы моея не премолчи.

Въ семъ Псалмѣ описываетъ Давідъ злость и несправедливость своихъ непріятелей; да и грозитъ имъ проклятіемъ отъ Бога.

• 1 •

Боже моея хвалы!
Самъ не замолчи Ты нынѣ;
Льстивны, и отверзлись злы
Се на мя уста въ пелынѣ;
Говорятъ языкомъ лесть,
Стали брань ни зá-что весть:
Вмѣсто, что-любилъ-я-прямо,
Въ лжи, коль ни молю́, встаютъ;
Зло за-благо воздаютъ;
Ненавидятъ мя упрямо.

• 2 •

Злого Ты поставь надъ нимъ,
Врагъ при немъ да станетъ съ права;
Тяжущагося съ другимъ,
Да осудятъ какъ-лукáва;
Чтобъ-мольбѣ его быть въ грѣхъ,
Самому́жъ бы всюду въ смѣхъ:
Дни его да будутъ кратки;
Санъ его да возметъ инъ;
Да вдова его, всякъ сынъ
Сирый страждетъ отъ нападки.

• 3 •

Да скитаются съ сумой,
И да милостыни просятъ;
Да не придутъ ни домой,
Изъ домовъ ихъ да избросятъ:
Да заимодавецъ вдругъ
Возметъ зá-долгъ все въ округъ;
Да чужíй труды заграбитъ;
Безъ засту́пъ да будетъ самъ;
Щедростію сиротамъ
Да никто его ослабитъ.

— 4 —

Да потомство все Его
Въ погубленіе стремится;
Да въ одномъ имя того
Родѣ згибнувъ потребится;
Да Господь вспомянетъ зло,
Отъ отцевъ Его что-шло́:
Матерня грѣха все глупство
Да не счистится-когда;
Предъ очми Господь всегда
Да имѣетъ ихъ преступство.

— 5 —

Отъ земли́ да память ихъ
Истребится всеконечно:
Онъ въ поступкахъ самъ своихъ
Не́-былъ милостивъ сердечно;
Бѣднаго весьма гонилъ,
Кро́тка умертвить возмнилъ:
Въ клятвѣ быть ему любезно,
Клятвою да будетъ ровенъ;
Не́-былъ бы благословенъ,
Ни да на́чнетъ что-поле́зно.

— 6 —

Какъ-въ-оде́жду онъ свою́,
Въ клятву такъ да обвіе́тся;
Въ сердце какъ-вода́ въ зною́
Въ кости какъ-Еле́й впіется;
Да разо́льется ктому
Внутрь и внѣ та по всему:
Будь ему какъ-бы-въ-срачи́цу;
И да оная жъ притомъ
Опояшетъ вся круго́мъ,
Не въ единъ рядъ, поясницу.

7

Есть отъ Господа сія
Мзда на мя всѣмъ лгущимъ злобно!
Но, о! Господи, Твоя
Щедрость да Благоутробно
Мя помилуетъ всего,
Имени для Твоего:
Самъ избавь мя толь убога;
Сердце мучится всякъ день,
Весь шатаюсь я какъ-тѣнь,
Какъ-саранча́ отъ вѣтра срога.

8

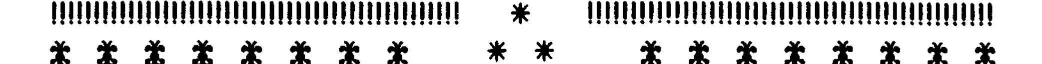
Отъ поста́ уже́ мои
Преизнемогли колѣни;
Пло́ти здравыи слои
Похудѣли, близъ и тлѣна;
Я врагамъ сталъ быть въ позоръ,
Лбомъ киваютъ зря мой взоръ:
Боже! помоги мнѣ вскорѣ,
Милостію мя спаси;
Руку, зналибъ ту, взнеси,
Ею не оставь мя въ го́рѣ.

9

Коль тѣ мя ни прокленутъ,
Ты благоловишь обильно;
Хоть взнестись не преминутъ,
Но и постыдятся сильно;
А по сей причинѣ Твой
Взвеселится рабъ въ день свой:
Лгущіи да облекутся,
Какъ-въ-одѐжду, въ срамоту;
Да покроютъ наготу
Тѣ стыдомъ, и да влекутся.

Го́спода прославлю здѣ
Попремногу я устами;
МногихЪ Богу посредѣ
Дать хвалу потщусь словами:
КакЪ-ослабѣва́ть я сталЪ,
Одесную ОнЪ предсталЪ;
Да избавитЪ отЪ-тѣсня́щихЪ,
И да жизнь мою́ спасетЪ,
СамЪ которую-пасе́тЪ,
ОтЪ злосовѣсно гоня́щихЪ.

⁂



КАѲІСМА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ СІХ.

Рече Господь Господеви моему.

Святый Духъ предвозвѣщаетъ въ семъ Псалмѣ, что-Мессія-вознесе́тся, и сядетъ одесную Бога, что-Онъ-будетъ-Ца́рь и Архіерей въ Церкви, что-утвердитъ-пресла́вно свое Царствіе, и что-имѣетъ-торжествова́ть надъ всѣми своими врагами.

1

Господь рекъ Го́споду сіе:
Сиди при мнѣ Ты одесную;
Пока въ подножіе Твое
Враговъ Тебѣ я повиную.

2

Господь жезлъ силы дастъ на сихъ,
И по́шлетъ оный отъ Сіона;
Ты посредѣ враговъ Твоихъ
Господствуй, имъ для зѣльна стона.

3

Съ Тобой Нача́ло, и водилъ
Ты свѣтло Силу во Святынѣ;
Денни́цы прежде Тя роди́лъ
Изъ чре́ва Са́мъ-я въ благостынѣ.

4

Господь такъ кля́лся: Ты во вѣкъ,
Не каюсь, Іерей великій;
Тѣмъ чиномъ, какъ-Мелхіседе́къ
Священствуя былъ Царь толикій.

5

Съ Тобой Господь на-правѣ сей,
Тогожъ Ты плодъ и корень древа;
Онъ сокрушилъ уже Царей,
Въ день ярости своей и гнѣва.

6

Онъ всѣмъ Народамъ Судія,
Исполнитъ труповъ все и смерти;
Онъ многіе земли сея
Главы имѣетъ грозно стерти.

7

Идя путемъ Онъ испіетъ
Отъ струй потока всеконечно;
Тѣмъ торжествуя воспоетъ,
И вознесетъ главу Самъ вѣчно.

ПСАЛОМЪ СХ.

Исповѣмся тебѣ Господи.

Псалмистъ хвалитъ Бога за дивныя дѣла Его, а особливо за милости какъ-для-временнаго, такъ и ради духовнаго, дарованные Іраилскому народу.

1

Сердцемъ Господа прославлю
Изъ глубокости всея;
Въ правыхъ сонмѣ я представлю
Похвалы Пѣснь моея.

2

Божіи дѣла велики!
Ихъ изыскиваютъ тѣ
Человѣковъ бодры лики,
Коихъ-воля въ правотѣ.

3

Есть Величество, все дѣло,
Велелѣпность токмо то;
Правда въ вѣкъ Его всецѣло,
Несравненно съ ней ничто.

4

Достопамятны изволилъ
Чудеса содѣлать намъ;
Милостїю удоволилъ
Насъ и щедростїю Самъ.

5

Кои-Го́спода боятся,
Пищу далъ тѣмъ, да во свѣтъ
По-любви къ Нему стремятся:
Въ вѣкъ Онъ по́мнитъ свой завѣтъ.

6

Тверду крѣпость, многолѣтство,
Людямъ возвѣстилъ своимъ;
Да въ бесспорное наслѣдство
Всѣ отдастъ народы имъ.

7

Рукъ Его дѣла́ всемѣрны,
Истинна во всемъ и судъ,
Заповѣди достовѣрны
Всѣ Его суть, и не въ трудъ.

8

Въ вѣкъ и въ вѣкъ тѣ утвержденны;
Истинна и Правота,
Въ коихъ о́ны сотворенны,
Ихъ едина есть чета.

9

Самъ своимъ послалъ избаву,
Въ вѣкъ Завѣтъ свой утвердилъ;
Что-есть-свя́то Имя въ славу,
И что-стра́шно, всякъ бы мнилъ.

• 10 •

Всей премудрости начáло
Есть единъ Господень страхъ;
Въ вѣки хвáленъ Онъ не мало,
И къ Нему боязнь, умъ благъ.

❀ ✡ ❀

ПСАЛОМЪ CXI.

Блаженъ мужъ боящйся Гóспода.

Сей Псаломъ, есть описаніе набожности, и блаженству пребывающихъ въ ней.

• 1 •

Щáсливъ! Бóга-кто боится:
Заповѣдей всяко не преступитъ онъ того;
Родъ его благословúтся;
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверьхъ всего;
Славенъ и Богатъ домъ радосный;
Правды плодъ въ самóмъ ввѣкъ сладосный.

• 2 •

Онъ какъ-свѣтъ сіяетъ правымъ;
Милость и щедрота справедлива въ немъ вездѣ;
Стрóитъ сердцемъ не лукавымъ,
Но и откровеннымъ рѣчи и дѣлá въ судѣ:
Всякъ къ нему вредъ не приближится;
Въ твердости онъ не подвижится.

• 3 •

Память будетъ бесконечна,
И велико имя во Вселенной процвѣтетъ;
Добродѣтель въ немъ сердечна
Въ свѣтлость и въ блаженство беспорочнаго введетъ:
Нѣтъ отъ слуха зла опасности,
Ни хуламъ къ нему причасности.

4

Уповаетъ онъ на Бога;
Любитъ чистымъ сердцемъ, и взывать Его готовъ;
Крѣпость въ немъ о Вышнемъ многа,
И не устрашится бѣдства отъ сѣтéй и словъ:
Презритъ всѣхъ онъ непріятелей,
Лишъ воззритъ на техъ зіятелей.

5

Онъ даетъ и расточаетъ;
На него убогимъ твердая надежда есть;
Сихъ онъ прочъ не отлучаетъ;
Шѣмъ и вознесется въ силу и въ отмѣнну честь:
Ни хвалúмъ никто-есть-стрóйнѣе,
Ни хвалить есть что-достóйнѣе.

6

Грѣшникъ такъ его узрѣвши,
Приметъ то въ досаду, и разжется въ наглый гнѣвъ;
Поскрежещетъ поблѣднѣвши,
И остервѣнúтся въ зѣльной ярости, какъ-Лéвъ:
Но въ грѣшащемъ изволеніе,
Самомý въ вѣкъ погубленіе.

ПСАЛОМЪ CXII.

Хвалúте отроцы Гóспода.

Похвальный сей Псаломъ есть возбужденіе къ признанию и проповѣданію Божіяго величія, и Его Всемогущества, являемаго делами Провидѣнія, а особливо что-Богъ-возносúтъ и благословляетъ тѣхъ, коихъ-ему-угодно-снабдѣвáть своею Благостію.

1

Вы, Отроки, и Вы жъ Слугú
Господни, Гóспода хвалúте;
Всѣ вы, которы-безъ-тугú,
Рѣчь Имени Его хвалъ шлите.

⁂ 2 ⁂
Благословенно Имя будь
Господне нынѣ и во вѣки;
Да всякая то хвалитъ грудь,
И всѣ да хвалятъ человѣки.
⁂ 3 ⁂
Отъ встоковъ солнечныхъ конца,
До са́мыхъ западовъ подножныхъ,
Прехвально Имя есть Творца,
И Го́спода Господъ вельможныхъ.
⁂ 4 ⁂
Господь сверьхъ всѣхъ есть превысокъ,
Его надъ всѣми и Держава;
Несмѣтный до небесъ прескокъ,
И тѣхъ Его превыше Слава.
⁂ 5 ⁂
Кто-и́нъ, какъ-Са́мъ Господь нашъ Богъ?
Въ превыспреннихъ Онъ обитаетъ;
Небесъ зритъ и земли́ порогъ,
И всѣхъ смиренныхъ созерцаетъ.
⁂ 6 ⁂
Подъемлетъ нища отъ земли́,
Убога съ гноища и съ грязи
Возноситъ, всякъ сіе внемли,
Да онаго поса́дитъ съ Князи.
⁂ 7 ⁂
Неплодныя Онъ множитъ домъ,
Имъ въ чадахъ матерь веселится;
Хвали́те Го́спода притомъ,
Господь отъ насъ не удалится.

⁂ ⁂ ⁂

ПСАЛОМЪ CXIII.

Во Исходѣ Израилевѣ.

Псалмістъ описываетъ въ семъ Псалмѣ Силу, явленную Богомъ тогда, когда-Ізраилтяне-вышли-изъ-Егі́пта, перешли чрезъ Чермное море, и когда-Іорданъ-рѣка-престала-тéчь при вступленіи ихъ въ Ханаанскую землю. Потóмъ предлагается молитва отъ Ізраилтянъ, коею-просятъ-

избавле́нія себѣ, для Славы Имени Его Святому: описывается пустота Ідоловъ, и безуміе Ідолопоклонниковъ: наконецъ представляется блаженство уповающихъ на Бога, и боящихся Его.

1

Израиль изъ Египта весь,
Какъ-вышелъ-и-отъ-ва́рваръ му́ки
Іаковль съ чады домъ и съ внуки;
Въ святыню сталъ Іуда здѣсь,
А самъ Ізраиль въ область Богу:
Зря Море побѣжало прочъ,
Зря Іорданъ Его всю мочь,
Вспять обратилъ свою̀ доро́гу.

2

Взыгрались Го́ры какъ-Овцы́,
Какъ-Агнцы-Хо́лмы заскакали:
О! Море, что-толь-утека́ли
Всѣ во́лны, то съ какой вины?
Что жъ, Іорданъ, назадъ катились
Твои струи, то отъ чего?
Вы Го́ры, Хо́лмы, для кого
Въ толику радость попустились?

3

Земля! трепе́щи отъ Лица́
Господня, и едина Бога
Іаковля, кой-безъ-прило́га;
Симъ трепетомъ почти Творца:
Обращша въ Е́зера глубо́ки
Тамъ Камень, и сей твердый Родъ,
Текущихъ изобильно водъ
Въ преслатки къ питію истоки.

4

Не намъ, о! Господи, не намъ;
Но Твоему вседолжну славу
Воздай ту Имени по праву,
За милость и за Правду Самъ:
Чтобъ Зло Родо́въ не говорило:
Гдѣ Богъ ихъ?... Богъ нашъ въ небесахъ,
И на Землѣ Онъ въ чудесахъ;
Всхотѣлъ, и то быть ускорило.

5

Ихъ Боги, злато и сребро,
Людскими здѣланы руками:
Уста имѣютъ, но устами,
Отнюдъ ни въ худо ни въ добро,
Не подаютъ они увѣта,
Да и вконецъ не говорятъ;
Глаза́ у нихъ, однакъ не зрятъ,
Для оныхъ нѣтъ конечно свѣта.

6

Не слышатъ ничего ушми́;
Ноздрями тѣ не обоняютъ;
Ниже́ руками не стисняютъ,
Хоть есть у нихъ видъ рукъ съ плечми́:
Пусть имутъ но́ги, но не ходятъ;
Гортанію, хотябъ на-вла́съ,
Не могутъ изразить свой гласъ,
Сего ни пи́скомъ не заводятъ.

7

Которыи-творятъ такъ ихъ,
Да будутъ имъ подобны точно;
И всѣ надѣющися прочно
На тѣхъ въ потребностяхъ своихъ:
Но Домъ Іраилскъ уповаетъ
На Го́спода, тому сей честь,
Сей по́мощь и защита есть;
Симъ тотъ невреденъ пребываетъ.

8

НадеждєнЪ АароновЪ домЪ
На Го́спода и Бога сла́вна;
ОнЪ по́мощь и защита главна,
Ему и вѣрная при томЪ:
Всѣ кои-Го́спода боятся,
На Го́спода надежда имЪ;
ОнЪ по́мощь подаетЪ Свои́мЪ,
ВЪ Его они защитѣ зрятся.

9

Господь насЪ всѣхЪ воспомянулЪ,
ОнЪ насЪ благословилЪ обильно;
На домЪ ІзраилскЪ зритЪ умильно,
На домЪ Аро́нь вЪ щедротѣ дхнулЪ:
ВеликихЪ, малыхЪ отЪ породы,
Боящихся благословитЪ;
Господь еще́ то возновитЪ
И вамЪ, и чадамЪ вашимЪ вЪ роды.

10

Благословенны вы ТворцемЪ
НебесЪ, Земли́, и Твари многи!
Господь себѣ избра́лЪ вЪ чертоги
ВерьхиНебесЪ сЪ ихЪ всемЪ лицемЪ:
Но повелѣлЪ владѣть землею
Потомству человѣчу ОнЪ;
ЧтобЪ былЪ Ему отЪ всѣхЪ поклонЪ,
ИзвелЪ имЪ всю потребность Ею.

11

О! Господи, не мертвыхЪ знобЪ
ВозможетЪ Тя хвалить прилично;
Ниже́ прославить могутЪ слично
Всѣ нисходящіи во гробЪ:
Но мы живыи человѣки,
Тя Го́спода превознесемЪ,
И Тя благословимЪ о всемЪ,
Поя отнынѣ и во вѣки.

ПСАЛОМЪ CXIV.

Возлюбихъ, яко услышитъ.

Давідъ благодаритъ Богу въ горячей и святой ревности, радости, и любви за избавленія дарованныя Ему, и за все благое воспріятое имъ отъ Него.

• 1 •

Го́спода я возлюбилъ,
Онъ услышалъ гласъ моленій;
Слухъ ко мнѣ Свой приклонилъ,
Призову въ дни озлобленій.

• 2 •

Мя объя́ла-было смерть,
Встрѣтила бѣда ужъ гробна;
Скорбь не возмогла чуть стерть:
Я такъ звалъ Благоутробна.

• 3 •

Господи! избавь животъ:
Справедливъ Богъ, Милосерденъ;
Ми́луетъ Онъ отъ щедротъ;
Богъ, Господь нашъ, есть усерденъ.

• 4 •

Имъ хранимъ, Незло́бивъ-кой;
Я смирился, Онъ избавилъ;
Возвратись, Душа, въ покой:
Благотво́рецъ мя оздравилъ.

• 5 •

Се отъ смерти жизнь мою́
Онъ исторгъ уже́ руками;
Сле́зы стеръ, да не гною́
Очи токовъ тѣхъ рѣками.

• 6 •

Но́ги далъ мнѣ утвердить,
Не скользились бы въ идущихъ:
Тѣмъ предъ Господемъ ходить
Стану на землѣ живущихъ.

ПСАЛОМЪ CXV.

Вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ.

Содержаніе сего Псалма есть одно съ прошедшимъ. Давідъ продолжаетъ благодарить Го́споду, въ восторгѣ радованія, за богатую Его и великую къ нему Милость.

1

Вѣровалъ, тѣмъ сталъ вѣщать:
Въ скорби зѣльной пребываю;
Въ спѣхѣ повторялъ врещать:
Всякъ ложь человѣкъ, какъ знаю!

2

Что́-я Господу воздамъ,
За Его все мнѣ благое?
Съ чашею Избавы самъ
Имя призову драгое.

3

Господу мою́ мольбу,
И отдамъ Ему обѣты
Я предъ всѣми не въ татьбу,
Но людей Его съ привѣты.

4

Смерть предъ Господемъ чесна́
Всѣхъ Ему коль есть любезныхъ:
О! мой Господи, тѣсна́
Мнѣ была жизнь, бы́лъ-я въ слезныхъ.

5

Что жъ-твой-ра́бъ есмь, ра́бъ-есмь я,
Пусть томили тяшки грузы,
Что-рабы́ сынъ Твоея;
То расторгъ мои Ты узы.

6

Жертву хвалъ пожру Тебѣ,
Имя въ гласъ Твое взывая
Въ по́мощь вѣрную себѣ,
И изъ устъ не испуская.

⁂ 7 ⁂

Господу воздамъ обѣтъ
Предъ людьми въ душѣ палимѣ;
Въ домѣ Божіемъ въ мракъ, въ свѣтъ,
Въ са́момъ Іерусалимѣ.

ПСАЛОМЪ CXVI.

Хвалите Го́спода вси языцы.

Псалмістъ призываетъ всѣ народы, живущіи на землѣ, хвалить Бога, что-Онъ-благостенъ, милостивъ, и правдивъ.

*

Хвали́те Го́спода Народы,
Воздайте всѣ хвалу Ему:
Его на всѣхъ насъ по всему
Ужъ утвердилась Милость въ роды:
Господь правдивъ не такъ, какъ-вся́кій человѣкъ
Вертяйся зна́чкомъ отъ погоды;
Но истинна Того въ весь пребываетъ вѣкъ.

ПСАЛОМ CXVII.

Исповѣдайтеся Господеви.

Давідъ возбуждаетъ всѣхъ Ізраилтянъ къ прославленію благости Божіея. Хвалитъ Онъ самъ Его съ великою ревностію за дарованное торжество Ему надъ врагами. Народъ отвѣтствуетъ Его призыву благословеніемъ же Го́спода, и молится Ему о преспѣяніи Давідовѣ. Конецъ сего Псалма возносится къ Господу нашему Іисусу-Хрісту.

1

Всѣ славьте Го́спода; Онъ Благъ,
Его и Милость бесконечна:
Да рцетъ Іѕраильскъ Домъ: есть Вѣчна
Господня Милость, Самъ Онъ Драгъ:
Да рцетъ Аро́нь Домъ: Благосерденъ,
И въ вѣкъ Господь есть Милосерденъ.

2

Господня въ коихъ-е́сть боязнь,
Да отъ сердецъ всѣ возвѣщаютъ,
И каждому то да собщаютъ,
Что-Онъ-есть-Бла́гость и Пріязнь,
Что-Си́ленъ, Праведенъ, Беззлобенъ,
И что-во-вѣ́къ Благоутробенъ.

3

Я призвалъ Го́спода въ печаль;
Онъ слухомъ все мое внялъ странство,
И Самъ извелъ меня въ пространство:
Господь мнѣ по́мощь; страхъ весь въ даль:
Что-мо́жетъ человѣкъ? не знаю:
Онъ мой; враговъ узрю́ въ злѣ стаю.

4

На Бога лучше уповать,
Что-Бла́го то изъ са́мыхъ главныхъ;
А нежель на Князей толь славныхъ
Въ надеждѣ слѣпо пребывать!
Всѣ окружили мя народы:
Но я самихъ привелъ въ безгоды.

5

Я Господемъ проти́въ сталъ ихъ;
Они обшедши окружили,
И погубить мя положили;
Но оныхъ я разбилъ самихъ:
Противился я всѣмъ имъ съ Богомъ,
Нань въ упованіи бывъ многомъ.

6

Какъ-пчелы окружили сотъ,
Какъ-терній огнь воспламенились;
Толь на меня остервѣнились!
Но я разбилъ скопъ въ части тотъ:
Противился имъ Богомъ мощнымъ,
И Именемъ Его помощнымъ.

7

Ты, врагъ, меня-было сломилъ,
Едва я пасть не превратился;
Но всуе Ты успѣхомъ льстился:
Господь подъявъ не посрамилъ:
Моя Онъ Крѣпость, Пѣснь, и Слава,
Затѣмъ и былъ Онъ мнѣ Избава.

8

Гласъ радости, Гласъ торжества,
Гремитъ въ шатрахъ у справедливыхъ:
Десница Вышня на бранливыхъ!
Десница Силъ сего родства́!
Его Десница побѣдила!
Она мя взнесть благоволила!

9

Я не умру, но буду живъ,
И возвѣщу дѣла́ Господни,
Что-вы́спренни, что-преиспо́дни
Мѣста́ являютъ разложивъ:
Казнилъ мя Богъ чрезъ многи му́ки;
Однакъ не предалъ смерти въ ру́ки.

10

Отверзите дверь Правды мнѣ,
Да вшедъ внутрь тамъ прославлю Бога,
Его ко мнѣ есть милость многа:
Сія Господня дверь въ стѣнѣ;
Въ храмъ праведныи входятъ ею,
Предстать въ хвалахъ предъ Судіею.

• 11 •

Тя, Боже мой, прославлю я;
Ты мя услышать соизволилЪ,
Ты всячески мя удоволилЪ,
И былЪ Избава вся моя:
Тобой спасеніе мнѣ стало,
А бѣдствіе вконецЪ пропало.

• 12 •

ТотЪ камень, кой-пренебрежéнЪ,
ОтЪ зиждущихЪ какЪ-не-пригóдный,
УжЪ нынѣ сталЪ весьма угодный,
И главнымЪ углу положéнЪ:
Господними есть то судьбами,
Что-дивенЪ оный зрится нами.

• 13 •

Сей день, Господь Его создáлЪ!
ВЪ немЪ радостію убѣлимся;
И свѣтло всѣ возвеселимся,
На то онЪ сáмое насталЪ:
О! Господи, спаси насЪ нынѣ,
О! Боже, дай быть вЪ благостынѣ.

• 14 •

ВЪ Господне Имя кой-грядéтЪ,
Да будетЪ ОнЪ благословенный;
ГосподнимЪ ДомомЪ покровенный
ПрославленЪ есть, и не падетЪ:
ЧтобЪ всякЪ изЪ смертныхЪ оживился,
НамЪ Крѣпкій БогЪ, Господь явился.

• 15 •

Составьте велій ПразникЪ днесь,
СвященнымЪ строемЪ всѣ идите,
ВЪ дарЪ жертву кЪ Олтарю ведите,
Да та за родЪ пожрéтся весь:
Ты БогЪ мой, я Тебя прославлю,
Ты БогЪ, всехЪ выше Тя поставлю.

• 16 •

Тебя, мой Боже, вознесу,
Услышалъ Ты меня гласяща,
И Благости Твоей просяща;
Затѣмъ хвалу Тебѣ несу:
Богъ Благъ, прославьте все Превѣчна,
Его есть Милость безконечна.

КАѲИСМА СЕДМАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ CXVIII.

Блажени непорочніи.

Псаломъ сей есть удивительное описаніе превосходству, закона Божіяго, и блаженству наблюдающихъ оный. Онъ преисполненъ побожности усердныя и гарячія; рассѣяны въ немъ многіе прекрасные молитвы, различныя движенія Богочестія, и премножество святыхъ пра́вилъ для обращенія въ жизни. Можно получить великій плодъ отъ его чтенія; только бъ то было со вниманіемъ и набожностію.

Съ нача́ла са́маго Давідъ представляетъ благополучіе хранящихъ заповѣди Божія. Объявляетъ онъ, что-все́ его намѣреніе и желаніе есть, дабъ въ оныхъ единственно пребывать; и проситъ у Бога съ великимъ усердіемъ, да даруетъ Ему, по милости Своей, позна́ть Святый Свой Законъ, и хранить оный постоянно.

Пото́мъ, отъ Стро́фы ю, по Стро́фу 22. включительно, умоляетъ Бога, даровать Ему благодать къ изрядному уразумѣнію Святыхъ Его законовъ, и къ твердому соблюденію оныхъ. Молится, да укрѣпитъ его симъ способомъ во всехъ своихъ Ему искушеніяхъ. Признаваетъ, что-Сло́во Божіе, и размышленіе о судьбахъ Господнихъ, были Ему укрѣпленіемъ и утѣшеніемъ въ его злоключеніяхъ. Утверждаеть, что-поле́зно ему было въ нещастіи быть, длятого чтобъ научиться, хранить Уставы Господни. Объявляетъ, что-хо́четъ онъ къ нимъ прилѣжать отчасу болѣе, что-избра́лъ законъ Божій въ свой себѣ жребій, и что-почита́етъ оный выше всякаго блага, и выше всѣхъ Мірскихъ преимуществъ.

Третіе, отъ Стро́фы 23. по 34. Стро́фу включительно, продолжаетъ Давідъ предъизъявлять свою́ ревность и любовь къ Закону Божіему; да и молится Богу, просвѣтить его Давіда и утѣшить. Засвидѣтельствуетъ, что-се́й са́мый Законъ былъ Ему единою надеждою въ его прискорбностяхъ; что-прилѣпи́лся онъ къ тому, и прилѣпляется вящше; что-почита́етъ оный за крайнее совершенство въ Мірѣ; что-лю́битъ его паче всѣхъ вещей; что-о́ный подаетъ ему все просвѣщеніе и Мудрость потребную; и что-несказа́нную чувствуетъ сладость въ его храненіи.

Четвертое, отъ Стро́фы 35. по 45. Стро́фу включительно, Давідъ говоритъ еще́ о пользѣ отъ Закона Божіяго, и творитъ обѣтъ, хранить Его во все

теченіе своея жизни. Предъизъявляетъ, что-уничижа́етъ Богъ всѣхъ злыхъ, и уклоняющихся отъ правыя стези, а боящимся Его помогаетъ; что-нѣчего Праведнымъ бояться отъ злыхъ, и что-никако́е зло къ тѣмъ не прикоснется. Возвращается паки къ описанію Закона Господня; показываетъ въ себѣ живую болѣзнь, что-наруша́ется оный; возвѣщаетъ, что-хо́четъ онъ его любить, и прилѣжать къ нему болѣе и болѣе: молитъ Го́спода, да умножитъ въ немъ разумѣніе.

Пятое и послѣднее, отъ Строфы 46. до са́маго конца, призываетъ онъ Бога себѣ въ по́мощь. Молится Ему, да изслѣдуетъ Его печали, и да защититъ его отъ сильныхъ гонителей Ему. Засвидѣтельствуетъ, что-все́ его желаніе, да соблюдаетъ Законъ своего Бога, да хвалитъ его, и да прославляетъ во всѣ дни живота своего.

1

Благосчасны! на пути
Кои-правомъ-непоро́чно,
И въ Господнемъ безо льсти
Шествуютъ Законѣ точно;
Благосчасны! испытающи,
Слово Божіе читающи:
Истинныхъ Его Свидѣтельствъ
Сїи сердцемъ ищутъ всѣмъ;
Не творятъ преступствъ затѣмъ,
На стезяхъ суть добрыхъ дѣтельствъ.

2

Ты намъ заповѣди далъ,
Ихъ хранилибъ мы презѣльно;
О! чтобъ правымъ путь мой сталъ,
Судъ бы мнѣ соблюсть Твой дѣльно:
Не приду въ стыдъ и въ презрѣніе,
Правъ Твоихъ за рассмотрѣніе:
Сердцемъ чистымъ Тя прославлю,
Какъ-я-пра́вдѣ научусь;
Не оставь мя, ополчусь,
И на кривду брань поставлю.

3

Юный человѣкъ чемъ-пу́ть
Можетъ прямо свой исправить?
Тѣмъ, когда-онъ-ни-засну́ть
Не восхощетъ, чтобъ не славить,

По словамЪ ТвоимЪ, Создателя,
И Тебя всѣхЪ благЪ Подателя:
Я искалЪ Тя всеусердно;
Не отринь мя Ты отЪ сихЪ
Заповѣдей всѣхЪ ТвоихЪ;
Пригвозди кЪ нимЪ милосердно.

• 4 •

ВЪ сердцѣ скрылЪ Твои слова́,
Не грешить бы предЪ Тобою;
Господи! всему Глава!
Ты благословенЪ собою!
Научи мя оправданiямЪ,
По моимЪ кЪ нимЪ возжаданiямЪ:
Возвѣщая всѣмЪ уставы,
Что-Твойхъ ГосподнихЪ устЪ,
ТакЪ я сладости не пустЪ,
КакЪ-для-всѣхЪ-бога́тствЪ и славы.

• 5 •

Заповѣдьми поумлю́сь,
И стези уразумѣю;
Знать мнѣ право, радЪ явлюсь,
СловЪ забыть я не имѣю;
Даждь рабу добро живущее;
Слово сохраню тѣмЪ сущее:
СамЪ мои отверзи очи,
Да законЪ Твой ясно зрю,
ВЪ разумЪ чудеса вперю,
И да тьму избуду но́чи.

• 6 •

Я пришлецЪ есмь на землѣ;
Мнѣ не тай ТвоихЪ велѣнiй,
Да не буду темЪ во мглѣ;
Много вЪ сердцѣ вожделѣнiй,
И любовь есть непрестанная
КЪ всей расправѣ, на́мЪ-что данная:

Былъ Твой окрикъ на надменныхъ;
Отъ Твоихъ Законовъ прочь
Всякъ кто-отступать охочь,
Прóклятъ есть, и въ погублéнныхъ.

7

Весь сойми съ меня позоръ;
Я къ Свидѣніямъ не ложно
Обращалъ Твоимъ мой взоръ:
Насѣдали какъ-безбóжно
Князи на меня съ ругательствомъ,
И съ премногимъ оболгательствомъ;
Рабъ тогда Твой поучался
Оправданіямъ Твоимъ:
Тѣ ученіемъ моимъ;
Всякъ совѣтъ мой въ тѣхъ кончался.

8

Духъ къ землѣ мой весь прильнулъ;
По словамъ Твоимъ изволи
Мя живить, чтобъ воспрянулъ:
Я Тебѣ мой путь и воли
Какъ-донéсъ, Ты возотвѣтствовалъ;
Научижъ мя, ябъ не бѣдствовалъ,
Всѣмъ Правáмъ Твоимъ избрáннымъ;
Разумѣть дай ходъ ихъ мнѣ,
Да чудесъ Твоихъ я внѣ,
И да въ нихъ не буду страннымъ.

9

Отъ унынія вздремалъ
Съ сердцемъ духъ мой и съ душею,
Утверди, какъ-слóво далъ,
Милостію мя Твоею;
Удали ложь всю разгонами,
И помилуй мя законами:
Путь мнѣ правды полюбился,
Не забылъ Твоихъ правъ самъ;
Боже! не введи мя въ срамъ,
Къ истиннѣ я прилѣпился.

10

По пути Твоихъ я текъ
Заповѣдей и Завѣтовъ,
Ты когда-мое-облékъ,
Благодатію совѣтовъ,
Сердце въ радость расширенія,
И въ одежду удобренія:
Господи! Твоимъ уставамъ
Научи и днесь меня;
Буду ихъ всегда храня,
И къ моимъ ища исправамъ.

11

Нынѣ Ты мя вразуми,
И Законъ Твой испытаю;
Сохраню Его вельми,
Все имъ сердце напитаю;
Правдъ Стезей веди хожденіе,
Въ нихъ мое все угожденіе:
Преклони, всѣмъ для приклада,
Сердце къ слóву Твоему;
А не попусти тому
Лихоимства ныть отъ глада.

12

Очи отврати мои,
Пустоты бъ отнюдъ не видѣть;
Оживи мя чрезъ Твои
Правости, чтобъ не обидѣть
Ни единаго мнѣ ближняго,
И ни сáмаго въ нихъ нижняго:
Самъ рабу постави слово,
Чтобъ мнѣ было то въ страхъ Твой;
Отъими поносъ весь мой,
Въ правдѣ благо есть готово.

13

Се къ Твоимъ Завѣтамъ я
Толь усердствомъ вспламеняюсь;
Мя да оживитъ Твоя
Правда, къ ней да уклоняюсь;

И да придетъ благосердіе,
Господи, и Милосердіе:
Самъ Ты словомъ обѣщался
Мнѣ избаву даровать,
И Спасеніе подáть,
Токмобъ я съ Тобой собщался.

14

Дамъ ругателямъ отвѣтъ,
На словá Твои надежда;
Не отъемли правдъ, въ нихъ свѣтъ,
И не буду я невѣжда;
На Твои опредѣленія
Уповалъ я съ изволенія:
Сохраню Законъ Твой въ вѣки;
Правомъ шелъ я въ широтѣ;
Правъ вѣщалъ о высотѣ;
Не стыдясь, Царямъ въ упрéки.

15

Заповѣди я взлюбилъ,
Въ нихъ едина мнѣ угодность;
Къ Заповѣдямъ прилѣпилъ
Рýки, къ нимъ любви за плодность;
Всѣмъ Твоимъ расправамъ слѣдовалъ,
Съ ними токмо я бесѣдовалъ:
Вспóмни, коль словъ исходило,
Рабъ бы Твой въ надеждѣ сталъ;
Симъ утѣху въ скорби далъ,
Слово мя Твое живило.

16

Гордыхъ надо мной былъ смѣхъ,
И ругались мнѣ безмѣрно;
Но хотя стремились въ грѣхъ,
Я стоялъ въ Законѣ вѣрно;
Было памяти сношеніе
Съ древностьми, мнѣ въ утѣшеніе:

Но печаль на мя напала,
Что-отъ-злы́хъ Законъ Твой весь
Оставляется толь здѣсь,
И что-ихъ-въ-насъ-ча́сть не ма́ла.

✤ 17 ✤

Яжъ Твой Судъ весь воспѣвалъ,
Въ са́момъ домѣ непрестанно,
Гдѣ-какъ-Стра́нный пребывалъ,
Истинство вездѣ попранно;
Я Твое звалъ Имя нощію,
Блюлъ Законъ Твоею жъ Мощію:
Такъ Тебѣ я былъ въ поклонѣ,
Ибо судъ я Твой хранилъ;
Господи! я говорилъ,
Часть моя́, пребыть въ Законѣ.

✤ 18 ✤

Сердца Твоему Лицу
Въ глубинѣ я всей молился;
Мя помилуй, чтобъ къ концу
Злаго я не уклонился;
Есть Твое мнѣ обѣщаніе,
И такое провѣщаніе:
Я когда-мои-доро́ги
Мыслію все рассмотрѣлъ;
Обратить долгъ изобрѣлъ
Вспять къ Свидѣніямъ вдругъ но́ги.

✤ 19 ✤

Въ скорости я поспѣшалъ,
И ни мало не смущенный;
Къ Заповѣдямъ такъ бѣжалъ,
Съ ними бъ токмо былъ собщенный;
Мнѣ отъ злыхъ хоть было рвеніе,
Но Законъ не палъ въ забвеніе:
Въ по́лнощь я вставалъ прославить
Правды Твоея весь судъ;
Я не воспрималъ то въ трудъ,
Токмо бъ должность мнѣ исправить.

• 20 •

Іа всегда клевретъ такимъ,
Твой которы-страхъ имѣютъ;
Непрестанный собщникъ имъ,
Кои-по-завѣтамъ дѣютъ;
Боже! вся полна́ явленная
Милостей Твоихъ вселенная:
Научи Твоимъ мя пра́вамъ;
Господи! съ Твоимъ рабомъ
Поступилъ Ты Самъ добромъ,
По словамъ Твоимъ и нравамъ.

• 21 •

Тѣмъ добру́ наставь меня,
Разуму, и всей Наукѣ;
Заповѣдямъ, ихъ храня,
Вѣровалъ въ благомъ порукѣ;
Прежде нежъ смирили горести,
Прегрѣшалъ, за грѣхъ безъ болести:
Нынѣ слово соблюдаю;
Господи! вельми Ты благъ,
Самъ одѣнь мя, да не нагъ
Буду правдъ, и ихъ да знаю.

• 22 •

Гордыи на мя взвели
Множество не правды лжею;
Я однакъ, чтобъ ни плели,
Правду сохраню душею;
Ихъ хоть ссѣлось сердце бѣлію,
Ревность имамъ къ правдѣ велію:
Чтожъ-смири́лъ мя Ты, мнѣ благо,
Право бъ зналъ я не отвнѣ;
Предъ Твоимъ Закономъ мнѣ
Ни сребро, ни злато драго.

• 23 •

Ру́ки точно мя Твои
Сотворили и созда́ли;
Мысли вразуми мои,
Мнѣ бъ Законы вѣсны стали;

КоимЪ-Тя-бояться сладосно,
Зря на мя взыграютЪ радосно:
На Твое надѣюсь слово!
Разумѣю, Боже, іа,
Правда есть, судьба Твоя,
ВЪ Правдѣ мя смирилЪ суро́во.

24

Но ужЪ милость, я болю́,
Нынѣ мя да утѣшаетЪ;
Твой обѣтЪ былЪ, Тя молю́,
Та кЪ рабу да поспѣшаетЪ;
Да пріидутЪ сожалѣнія,
Ими оживу отЪ тлѣнія:
Ибо красное изрядство
ПравдЪ Закона Твоего,
Се́рдца точно моего
Вся Наука и пріятство.

25

Гордыи да придутЪ вЪ стыдЪ,
Что-на-мя́ они вставали;
И что-ровЪ-ихЪ-бы́лЪ изрытЪ,
ВЪ кой непра́вдой мя врѣвали;
Я пребуду не качаяйся,
ЗаповѣдямЪ обучаяйся:
Да ко мнѣ тѣ обратятся,
Весь вЪ которыхЪ-стра́хЪ Твой есть,
ВсѣхЪ ТвоихЪ свидѣній честь
ВѣдаютЪ, и вЪ нихЪ твердятся.

26

Все да будетЪ сердце такЪ
ВЪ заповѣдяхЪ беспорочно,
ЧтобЪ не постыдиться какЪ,
Господи, мнѣ не нарочно;
Все души́ моей несеніе
Прямо есть вЪ Твое Спасеніе:

На слова́ Твои надѣюсь!
Очи къ сло́ву токмо зрятъ,
И когда, такъ говорятъ,
Іа утѣшусь и взъяснѣюсь?

27

Сталъ ужъ я какъ мѣхъ въ пара́хъ!
Токможъ Твоего Устава
Не забылъ внѣ и въ двора́хъ,
Зная, что-мнѣ-о́нъ Избава:
Сколько мнѣ, рабу глашенія,
Дней осталось до скошенїа?
Ты когда́ мнѣ на гоня́щихъ
Судъ правдивый сотворишь?
И когда́ тотъ ускоришь
На неправедно виня́щихъ?

28

Злыи мнѣ болтали глумъ;
Но тотъ, Господи, не сроденъ
Твоему Закону умъ,
Смыслъ во всемъ томъ сумазброденъ;
Истинна вся, уложеніе,
Въ немъ не зрится правъ сраженіе:
За него мя злыи гонятъ;
Сколькожъ то не право, зри,
По́мощь мнѣ на нихъ скори́;
Тѣ къ погибели мя клонятъ.

29

Привели почти въ ничто,
И повергли мя на зе́млю;
Но и въ бѣдствіе я то,
Заповѣди всѣ объемлю;
Оживи мя Самъ по милости,
Сохраню законъ безъ гнилости:
Сохраню Твоихъ устъ Право!
Господи! гдѣ-вы́шній градъ,
Тамъ Твое въ вѣкъ безъ утратъ
Слово пребываетъ здраво.

30

Истинна Твоя есть въ родъ,
Землю основалъ, и длится;
Тыжъ Самъ здѣлалъ день и годъ,
Все Тебѣ повинно зрится:
Если бъ Твой Законъ ученіемъ;
Не́-былъ мнѣ, и всѣмъ раченіемъ;
Тобъ погибъ ужъ я во мраки:
Но Твоихъ я правъ во вѣкъ
Не забуду человѣкъ,
Въ нихъ Ты оживилъ мя паки.

31

Твой есмь я, меня спаси,
Я расправъ искать старался;
Злыхъ мя скопъ, самъ тотъ гаси,
Погубить ждалъ, ужъ и крался;
Яжъ внималъ тогда Свидѣнія,
Не дая трудамъ щадѣнія:
Зрилъ въ вещахъ я край свершеній;
Заповѣдь же отъ лица́
Не имѣетъ ужъ конца;
Толь пространныхъ изглашеній!

32

О! коль Твой люблю Законъ,
Господи, и вѣчный Боже;
Мнѣ наука въ всякъ день онъ,
И его мнѣ нѣтъ дороже;
Имъ Ты просвѣщая долѣе
Умудрилъ мя всѣхъ врагъ болѣе:
Заповѣдь Твоя всѣгдашно
Есть моя́, и есть со мной;
Та мнѣ подана́ Тобой,
И она мое все брашно.

33

Выразумѣлъ больше тѣхъ,
Кои-оной-мя-учи́ли;
Сами Правды больше всѣхъ
Умъ мой смысломъ ополчили;

Старшихъ больше имамъ знанія,
Заповѣдей отъ сниканія:
Я ходить на путь лукавый
Возбранилъ моимъ ногамъ;
Чтобъ хранить мнѣ по дѣламъ
Слово, и Законъ Твой правый.

• 34 •

Всѣмъ суды Твои блажилъ,
Отъ расправъ не уклонился;
Ты въ уставъ ихъ положилъ,
Къ нимъ я и воспламенился;
О! коль сладки провѣщанія!
Что́-медъ? какъ-Твой вѣщанія!
Наставленіе прямое
Заповѣди дали знать;
Ненавидя тѣмъ ругать
Сталъ я кривду всю и злое.

• 35 •

Твой Законъ мнѣ есть Фанарь,
Онъ моимъ ногамъ Свѣтильникъ;
Лучь же отъ его всѣхъ зарь,
Свѣтъ стезямъ, къ дѣламъ Будильникъ;
Клявшись, я поставилъ дѣльнѣйше,
Сохранить уставъ Твой зѣльнѣйше:
Господи! се весь смирился;
Оживи меня ктому
Самъ по сло́ву Твоему;
Отъ скорбе́й я изнурился.

• 36 •

Добровольно что-глашу́
Я моими такъ устами;
То пріять, Тебя прошу,
И судамъ учить судами;
Хоть всегда моя́ жизнь бѣдствуетъ,
Въ памяти Законъ Твой лѣтствуетъ:

Злыи сѣть мнѣ растягали,
Но я въ заповѣдяхъ шелъ;
Въ нихъ наслѣдіе нашелъ,
Въ радость сердцу тѣ ужъ стали.

37

Въ сердцѣ склонность я палю́,
Чтобъ творить ввѣкъ по уставу;
Злыхъ клену, Законъ люблю,
И Твоихъ велѣній славу;
По́мощь Ты, защитъ поданіе,
На Тебя все упованіе:
Прочь Лукавцы, отрѣваю;
Божій внемлю я Законъ!
Боже! заступи отъ спонъ,
Даждь не въ стыдъ, чего-жела́ю.

38

Помоги мнѣ, и спасусь,
И всегда къ Твоей я волѣ
Размышляя понесусь;
Всѣхъ попралъ Ты, сущихъ въ долѣ
Отъ Твоихъ правъ оступленіемъ,
И не правымъ помышленіемъ:
Ты въ ничто привелъ всѣхъ грѣшныхъ,
И надменну гордо бровь;
Тѣмъ горитъ моя́ любовь
Во Свидѣтельствахъ успѣшныхъ.

39

Встрепетала плоть моя́
Предъ Твоимъ толь страхомъ цѣло
Что, Судебъ Твоихъ всѣхъ я
Убоявшись, мыслилъ дѣло;
Судъ творилъ и правду дро́бнѣйшимъ,
Мя не дай въ обиду зло́бнѣйшимъ:
Споручись по мнѣ во благѣ,
Гордымъ на рабабъ не лгать;
Долголь о́ку не видать
Праведныхъ избавъ на прагѣ?

40

Поступи съ рабомъ Твоимъ,
Милостивый, милосердо;
Оправданiямъ благимъ
Научи меня самъ твердо;
Рабъ Твой, вразуми обильнѣйше,
И увѣмъ законы си́льнѣйше:
Боже! сотворить ужъ время,
Раззоренъ Законъ Твой весь;
Сей люблю я паче здѣсь,
Нежъ и чи́ста злата бремя.

41

Такъ я Заповѣдямъ всѣмъ
Неусыпно направляюсь;
Всякъ неправды путь затѣмъ
Ненавидѣть устремляюсь;
Весь уставъ Твой удивителенъ:
И храню тотъ, что-прави́теленъ:
Лишъ слова́ Твои явятся,
То и просiяетъ свѣтъ;
Всякъ просты́й, всѣ малыхъ лѣтъ,
Тѣми то́тчасъ вразумятся.

42

Се мои уже́ уста́
Я отверзъ, духъ напрягаю;
Не была́бъ душа пуста́,
Заповѣдей внутрь желаю;
О! воззри на мя во благости,
И помилуй мя въ сей нагости:
Щедръ мнѣ такъ будь, какъ-прiе́млешь
Любящихъ Имя Твое;
Какъ-и-хва́лящихъ сiе
Милостiю Ты объемлешь.

43

Самъ направь стопы́ мои
Къ Твоему Святому Сло́ву;
Беззаконiе въ свои
Не́-взялобъ мя ру́ки снову;

Мя избавь отъ обнесенія,
Сохраню Заветъ спасенія:
Просвети раба мя взоромъ,
Воссіяй на мя лицемъ;
Буди мя учай отцемъ,
Да не въ гладъ правъ згибну моромъ.

44

Излилъ слезъ я токъ изъ глазъ,
Что-Законъ-Твой не-хранится;
Праведенъ Ты, правъ указъ,
Правъ и судъ Твой, Боже, зрится;
Далъ свидетельствъ правду точную,
Далъ Ты Истинну въ нихъ прочную:
Ревность мя къ Тебе изъела,
Что-слова́, враги мои,
Толь забы́ли все Твои,
И что-вера оскудела.

45

Вычищено есть Твое
Слово жаромъ без подлогу;
Рабъ Той, я взлюбилъ сіе;
Хоть презренъ, хоть малъ помногу,
Но во мне права́мъ забытія,
Нетъ и ни отъ нихъ отбытія:
Правда вся Твоя есть вечно,
Истинна, Законъ весь Твой;
Въ ско́рби, Онъ мне ра́змыслъ мой;
Дай умъ, буду жить конечно.

46

Сердцемъ всемъ къ Тебе вопилъ,
Господи! услышь мя вскоре;
Сохраню изъ всехъ я силъ
Право все Твое и въ го́ре;
Звалъ, Спаси меня въ последнейшихъ,
Для Свиденій мне наследнейшихъ:

Предварилъ свѣтъ я вставая,
Въ бѣдности Тебя я звалъ;
На Твои я уповалъ
Словеса, ихъ въ мысль влагая.

47

Каждо утро предварилъ,
Очи въ темность отверзались;
Къ мудрости я такъ скорилъ,
Той Слова́ Твои казались;
Гласъ услыши мой усерднѣйшій,
Господи, о! милосерднѣйшій:
Оживляй Твоимъ мя Правомъ;
Всякъ гоняй, съ зломъ близокъ мужъ,
Всѣжъ отъ Правъ далéки ужъ;
Но близъ съ вѣрнымъ Ты Уставомъ.

48

Я то вѣдаю давно,
Что-Свидѣнія-съ-нача́ла
Пребываютъ въ вѣкъ равно́,
Правда такъ ихъ удѣнчала;
Виждь скорбь, мя изми изъ трудности,
Не забылъ правъ съ нерассудности:
Самъ суди мое Ты дѣло,
Отъ нападокъ мя избавь,
Жи́ва, по словамъ, поставь;
Господи! молю́ Тя смѣло.

49

Далека́ отъ злыхъ ужъ есть
Вся спасительна избава;
Не искали, какъ-за-лéсть,
Твоего они Устава;
Милостей Твоихъ есть множество,
Оживляй мое убожество:
Мнѣ гонители суть многи,
Токможъ не отсталъ отъ правъ;
Жалко зрѣть безумныхъ нравъ!
Правой не хранятъ доро́ги.

• 50 •
Зри, коль я Законъ люблю,
Оживи мя отъ щедроты;
Главность словъ Твоихъ молю́,
Та́-есть, Истинна добро́ты;
Да и каждо приказаніе,
Вѣчныхъ Правдъ есть Указаніе:
Князи безъ вины мя гнали;
И пришелъ я сердцемъ въ страхъ,
Что-Твои-слова́ имъ въ прахъ,
И противиться тѣмъ стали.

• 51 •
Я однако веселюсь
О словахъ Твоихъ дражайшихъ;
Радостію такъ бѣлюсь,
О корыстяхъ какъ-множа́йшихъ;
Ненависна мнѣ ложь мерзосна,
Всяка и не правда дерзосна:
Мнѣ въ законѣ быть любезно!
Тя хвалю седмь-кра́тъ я днемъ,
За Твой судъ и правду въ немъ;
Все въ уставѣ есть полезно!

• 52 •
Любящимъ Законъ, миръ многъ,
Нѣтъ имъ никогда соблазна;
Господи! Надежды рогъ!
Та и не была внутрь пра́зна;
Я себѣ ждалъ избавленія,
Заповѣдей отъ любленія:
Соблюла душа уставы,
И вельми взлюбила ихъ;
Рабъ хранящій пребылъ въ сихъ;
Зришь путей моихъ исправы.

• 53 •
Господи! да будетъ близъ
Предъ Тобой моя́ молитва;
Да не свергнусь я на низъ,
Да не обольститъ ловитва;

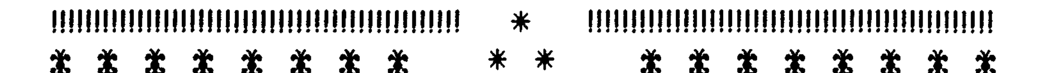
Вразуми чрезъ облистаніе,
По словамъ Твоимъ, въ востаніе:
Буди прозьба предъ Тобою,
Ты рекъ, и спаси отъ зла;
Вполнѣ будетъ Ти хвала,
Какъ-научишь мя судьбою.

54

Станетъ всюду говорить
Мой языкъ слова́ священны;
Заповѣдибъ мнѣ творить,
Истинны Тобой собщенны;
Заповѣдь Твоя ведущая,
Правда токмо, правда сущая:
Да рука Твоя избавитъ,
Да спасаетъ мя вездѣ;
Заповѣдь, всего средѣ,
Я избра́лъ, да та мной правитъ.

55

Я спастись толь возжелалъ,
Боже! благъ всѣхъ источитель!
Что-Зако́нъ Твой мнѣ ужъ сталъ,
И наука и учителъ;
Да душа, съ симъ возраженіемъ,
Живо хвалитъ Тя служеніемъ:
Помощь отъ судебъ взываю;
Есмь заблуждшій, какъ-овца́,
Згибша мя съищи слѣпца:
Словъ Твоихъ не забываю.



КАѲИСМА ОСМАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ СXIX.

Ко Господу внегда скорбѣти ми.

Пророкъ молитъ Бога, да сохранитъ его отъ льстецовъ и отъ оболгателей; да и скорбитъ, что-онъ-принужденъ-жить между ними.

Впрочемъ, сей Псаломъ надписанъ ПѢСНІЮ СТЕПЕНЕЙ, какъ-и-слѣдующіи четырнатцать во всей Каѳисмѣ, отъ Еврейскаго слóва МАГАЛОТЪ. Слово сіе не токмо значитъ СТЕПЕНЬ, но и ПРЕВОСХОДНОСТЬ. Чего ради, нѣкоторыи толкователи, пріемля сіе слово въ послѣднемъ второмъ знаменованіи, мнятъ, что Псалмы сея Каѳісмы названы ПѢСНЬМИ ПРЕВОСХОДНЫМИ, за ученіе содержащееся въ нихъ. Другіи, толкуя сіе слово СТЕПЕНЬМИ, утверждаютъ, что-сіи-Псалмы-сочинены́, да воспѣваются отъ приходящихъ въ Іерусалимъ на торжественныи празники; сіежъ для тогó, чтобъ имъ было чемъ себя упражнять въ святыхъ размышленіяхъ, при затверженіи ихъ Псалмовъ, которыи-воспѣты бы имъ въ Собраніи. Третіи Толкователи прилагаютъ сіе Слово къ возвращенію изъ Вавілонскаго плѣна, и думаютъ, что-сіи-Псалмы-посвящены́-особли́во на воспоминаніе того Избавленія. Четвертыи, переводя тожъ слово СТЕПЕНЬМИ и ВОСХОЖДЕНІЯМИ, возносятъ сіи Псалмы къ чину Священныхъ пѣвцовъ, упоминаемыхъ въ первой Книгѣ Параліпоменонъ [Лѣтописей или Дополненій] въ Главѣ 25. и содержатъ, что-они-были-воспѣваемы-отъ-Левíтовъ, когда-они-восходили-на-СТЕПЕ́НЬ Мойсееву, для чтенія на ней Закона, какъ-то-объявляется въ Главѣ 9. въ Стіхѣ 4. Неемiи.

1

Какъ-Гóспода въ скорбь звалъ унылъ;
Услышалъ Онъ меня слезлива:
О! Боже, дай, спасенъ ябъ былъ,
Отъ кривдъ, и отъ язы́ка льстива.

2

Что-дáстъ ти лесть? Иль принесутъ
Словá тебѣ что-ухищрéнны?
То угль, кой-сильныи пасутъ;
То ихъ и стрѣлы изощренны.

3

АхЪ-горе-мнѣ! что-толь мое
У сихЪ пришельство продолжилось:
ВЪ шатрахЪ КидарскихЪ, за свое,
Селеніе мнѣ положилось.

4

Душа моя толь пребыла
ВЪ сихЪ странствующи долго время:
МирЪ коимЪ-ненавистенЪ сЪ зла,
Я МиренЪ сЪ тѣми былЪ, о! бремя.

5

БылЪ, и о томЪ какЪ-говорилЪ;
Што вдругЪ они мнѣ зла желали:
КЪ оружію вЪ нихЪ порывЪ зрилЪ,
Войною втуне всѣ пылали.

ПСАЛОМЪ CXX.

ВозведохЪ очи мои вЪ горы.

Творецъ сего Псалма предъизъявляетъ въ немъ, что-онъ-имѣлъ-твердое упованіе на Божію помощь, и былъ удостовѣренъ, что-Богъ-всегда будетъ имѣть промыслъ о безопасности своего народа и всѣхъ вѣрныхъ.

1

ВозвелЪ кЪ горамЪ выспрь очи я,
Ко мнѣ откуду помощь снидетЪ:
ОтЪ Бога Помощь вся моя,
Творца Земли и Неба, придетЪ.

2

Смятенія ногѣ Твоей
Не дастЪ, ни СамЪ-когда воздремлетЪ
Тебя Хранящій бодро Сей:
Его отнюдЪ сонЪ не обЪемлетЪ.

3

Се не воздремлетъ никогда;
Не можетъ сномъ отяготиться,
Храняй Ізраиля всегда,
Ни отъ него прочь отвратиться.

4

Господь Тя всюду сохранитъ:
Онъ сѣнь твоя, и покрываетъ;
Рука десная; возбранитъ,
Да зло на тя не возвѣваетъ.

5

Отъ Солнца въ день безвредна мощь,
И отъ Луны та не опасна
Тебѣ пребудетъ въ са́му нощь:
Отсту́питъ вся боязнь ужасна.

6

Господь отъ зла тебя спасетъ;
Господь жизнь, входъ, исходъ отнынѣ,
И до конца въ вѣкъ упасетъ:
Господь прещедръ по Благостынѣ.

ПСАЛОМЪ CXXI.

Возвеселихся о рекшихъ мнѣ.

Давідъ изображаетъ ревность свою́ и любовь къ Божіему Дому и къ Граду Іерусалиму. Молится онъ, о преспѣяніи сего града, и творитъ обѣтъ, промышлять всѣми силами о Божіей славѣ, и о добрѣ Ізраилскому народу.

1

О всѣхъ я взвеселился въ томъ,
Которы-та́къ мнѣ говорили:
Мы по́йдемъ всѣ въ Господень домъ;
Сіежъ они и сотворили.

• 2 •

О! Іерусалимъ, въ вратахъ
Уже́ Твоихъ остановились:
Есть Іерусалимъ въ града́хъ,
Въ кой-ку́пно, какъ-сэида́ть, явились.

• 3 •

Колѣна сходятся въ него,
Хвалы дать Го́споду безмѣрны;
Ізраилю залогъ съ того:
Господни то колѣна вѣрны.

• 4 •

Престолы для судовъ суть тамъ,
Давідска дому тѣ престолы:
Да граду всякъ о мирѣ Самъ
Помо́лится припадъ на долы.

• 5 •

О! Градъ, да любящимъ тебя,
Довольство, счастіе, богатство,
Имѣть бы вполнѣ у себя!
И да умножится имъ братство!

• 6 •

Въ твоихъ предградіяхъ миръ буды!
Обильность въ За́мкахъ и палатахъ!
Предательна да гибнетъ груды!
Пребуди весь твердъ, какъ-бы-въ-ла́тахъ!

• 7 •

Для братій, для друговъ моихъ,
Молюсь я о твоемъ покоѣ;
Для Божіихъ всѣхъ зданій сихъ,
Тебѣ добро снискую вдвое.

❧ ✠ ☙

ПСАЛОМЪ CXXII.

Къ тебѣ возведохъ очи.

Ізраилскій народъ, въ утѣсненіи и гоненіи отъ своихъ неприятелей, проситъ по́мощи у Го́спода.

1

Къ Тебѣ я очи возвожду,
Живущему на небѣ Богу;
Тщусь, да Тебѣ и угожду,
И да иду въ Твою дорогу.

2

Се у рабовъ глаза́-какъ-зрятъ
Господску руку повелѣній;
Какъ-и-рабы́ни зря творятъ
Госпожину власть безъ медлѣній.

3

Такъ взоры къ Господу у насъ
Выспрь созерцаютъ непрестанно;
Пока благоволитъ намъ въ часъ
Дать избавленіе желанно.

4

Помилуй! о! помилуй всѣхъ
Насъ, Боже, по щедротамъ вышнимъ:
Наполнились ужъ мы отъ тѣхъ
Враговъ презрѣніемъ излишнимъ.

5

Мы отъ бога́тѣйшихъ мужей
Исполнены злыхъ поношеній!
Отъ гордыхъ оныхъ и пыжей,
Премного намъ уничиженій!

ПСАЛОМЪ CXXIII.

Яко аще не Господь бы былъ.

Ізраилскій народъ признаваетъ въ семъ Псалмѣ, что-Богъ-избавля́лъ-Его-при-мно́гихъ случаяхъ, и что-безъ-защищенія-отъ-Го́спода былъ бы уже́ онъ искорененъ давно.

1

Когдабъ-за-насъ-Господь не сталъ,
Теперь Ізраиль да вѣщаетъ;
Когдабъ-не-Онъ намъ помощь далъ
На сонмъ людей, кой-насъ-стращаетъ.

2

Кой-сильно-толь возсталъ отъ внѣ!
Тобъ всѣхъ живыхъ ужъ поглотили,
Въ своемъ тѣ яросномъ огнѣ;
Иль какъ-вода бъ насъ затопили.

3

Ещебъ-тогда уже Потокъ
Вдругъ залилъ грозно душу нашу;
Ещебъ-тогда, и преглубокъ,
Насъ погрузилъ въ себя какъ-въ-чашу.

4

Благословенъ Господь нашъ Богъ,
Не давъ насъ ихъ зубамъ въ ловитву!
Какъ-птица мы, съ главы до ногъ,
Сквозь ловчу сѣть пробились въ битву.

5

Та прервалась ловящихъ сѣть,
Избаву нашу ускоривша:
Тѣмъ намъ долгъ помощь Бога пѣть,
Съ землею небо Сотворивша.

ПСАЛОМЪ CXXIV.

Надѣющіися на Господа.

Давідъ описываетъ твердость уповающихъ на Господа, также покровительство Божіе Іерусалиму, и народу Ізраилскому. Говоритъ онъ, что-хотя-Праведныи-и-бѣдствуютъ; однако не навсегда: но отступающіи отъ Господа, погибаютъ бѣдно во вѣкъ.

1

Надéжду-кои оборонъ
На Бога имутъ человѣки;
Тѣ, рáвно какъ-гора-Сіóнъ,
Недвижимо стоя́тъ во вѣки.

2

До Іерусали́мажъ-что;
Весь гóры оный окружаютъ:
А кругъ людей, Богъ силъ; чрезъ то
Враговъ всегда тѣ поражаютъ.

3

Не продолжитъ Богъ злыхъ жезла
На жребіи людей всѣхъ правыхъ;
Чтобъ не простерли рукъ до зла,
И къ беззаконію лукавыхъ.

4

Господь Богъ Самъ творитъ Благимъ,
И подаетъ всегда Благое;
За правоту сердецъ Онъ имъ
Блаженство устрояетъ вдвое.

5

Но шествующимъ по пути
Неправедномъ и развращенномъ,
Богъ съ злыми повелитъ итти.
Миръ на Ізраилѣ священномъ!

ПСАЛОМЪ CXXV.

Внегда возвратити Господу.

Сія пѣснь есть благодарственная. Ею радость свою изъявляютъ Іудеи о чудесномъ избавленіи изъ плѣна имъ дарованномъ. Молятся Гóсподу, да совершитъ и утвердитъ ихъ возобновленіе.

1

Когда-Господь-въ-домъ-возвращáлъ
Сіонскій плѣнъ благополучно;
Всякъ въ насъ сіе въ свой умъ вмѣщалъ
Какъ-въ-снѣ: толь было то несручно!

2

Тогда исполнились уста
И радости въ насъ и забавы;
Въ веселіи рѣчь не пустá
Говоренá языкомъ славы.

3

Тогда рекли народы такъ:
Господь велико здѣлалъ съ ними!
Господь разгналъ отъ нихъ весь мракъ,
Велико сотворивъ съ самими!

4

О! Боже, возвращай нашъ плѣнъ,
Какъ-вѣтромъ-южнымъ быстры токи:
Всѣ сѣющи съ слезами въ тлѣнъ,
Жнутъ съ пѣсньми класы превысоки.

5

На ниву шедшіи путемъ,
Толь плакали тамъ рассѣвая;
Но стали въ радости отъ темъ
Сноповъ своихъ, тѣ въ зборъ свивая.

ПСАЛОМЪ CXXVI.

Аще не Господь созиждетъ.

Мы видимъ въ семъ Псалмѣ, что-попечéнія, возпріемлемыя о преспѣяніи Градовъ и домовъ, всѣ тщетны безъ Божіяго покровительства; и что-Онъ-токмо-Сáмъ, который-подаéтъ, въ милости своей, чадъ всѣмъ, коихъ-хóщетъ благословить.

1

КакЪ-не-Господь домЪ сорудитЪ;
То всуе здатели трудятся:
КакЪ-не-Господь градЪ сохранитЪ;
То всуе стражи вЪ немЪ толпятся.

2

Встаете утромЪ вы вотще,
ВЪ трудахЪ васЪ вечерЪ изнуряетЪ;
А вЪ нуждѣ есть чуть хлѣбЪ-еще:
КЪ любезнымЪ БогЪ покой внѣдряетЪ!

3

ДаетЪ наслѣдство ОнЪ единЪ,
Есть награжденіе, плодЪ чрева:
Что-сильный сЪ стрѣлы ГосподинЪ;
ОтецЪ то сЪ чады красна древа.

4

БлаженЪ! кто-удоволенЪ есть,
КакЪ-самЪ-желалЪ себѣ, сынами;
Его не постыдится честь,
ВЪ вратахЪ какЪ-говоритЪ сь врагами.

ПСАЛОМЪ CXXVII.

Блажени вси боящіися Господа.

Прелагается вЪ семЪ Псалмѣ о набожныхЪ людяхЪ, о временныхЪ также благословеніяхЪ, даруемыхЪ отЪ Бога, когда-ОнЪ-приводитЪ-вЪ-преспѣяніе ихЪ трудЪ, подаетЪ имЪ чадЪ, и благополучное потомство.

1

БлаженЪ! вЪ комЪ-есть-Господень страхЪ,
И кто-Его-стезями ходитЪ!
Твой плодЪ ѣсть будешь по трудахЪ;
Носить, что-сЪ-ТвоегожЪ приходитЪ.

2

Ты щасливЪ, и добро тебѣ;
Жена твоя такЪ плодовита,
Гроздинна какЪ-лоза́ вЪ себѣ,
И вЪ похвалѣ, что-домови́та.

3

А дѣти, какЪ-сЪ-цвѣта́ми лугЪ,
Иль масличны какЪ-новоса́дки,
СидятЪ сЪ тобой стола́ вЪ округЪ,
ВамЪ обоимЪ родившимЪ сладки.

4

Боя́йся Бога ЧеловѣкЪ
ТакЪ ГосподемЪ благословится!
Господь благословитЪ тя вЪ вѣкЪ,
Благословенна жизнь явится!

5

Господь Тебя благословитЪ
ОтЪ изобилій всѣхЪ Сіона;
А Іерусалимле вЪ видЪ
Добро ти дастЪ зрѣть для Закона.

6

ТвоихЪ ты у́зришь чада чадЪ;
И никогда тя не забудетЪ
Израстшій отЪ твоихЪ чреслЪ СадЪ
МирЪ на Ізраилѣ пребудетЪ!

ПСАЛОМЪ CXXVIII.

Множицею брашася со мною.

ДавідЪ возбуждаетЪ вѣрныхЪ кЪ признанію, что-хотя-и-ча́сто они гонимы были, однако БогЪ ихЪ не оставилЪ; да и предвозвѣщаетЪ, что-всѣ враги вѣрѣ искоренены будутЪ.

1

Да рцетъ теперь Ізраиль весь:
Боролись многажды со мною,
Отъ юности моей до днесь;
Но не збороли мя ногою.

2

Презлыи на моемъ хребтѣ
Возили тяшкое толь рало;
Держали долго въ хомутѣ,
И браздѣ взорали тѣ не мало.

3

Однакъ Господь, какъ-справедлйвъ,
Пресѣкъ гужи́ у злыхъ удобно:
Всякъ по́йдетъ вспять въ стыдъ особливъ,
Въ комъ-ненависть-къ-Сіо́ну злобно.

4

Всѣ тѣ, на кровляхъ какъ-трава́,
Предъ исторженіемъ посохнутъ;
И будутъ ра́вно какъ-плева́:
А напослѣдокъ и подохнутъ.

5

Травою оною всякъ жнецъ
Руки́ своей не наполняетъ;
Ни собирающій дѣлецъ
Снопами вкупѣ ту ссолоняетъ.

6

Ниже́ въ идущихъ ми́мо-кто
Речетъ: Богъ въ по́мощь! успѣвайте!
Господнимъ Именемъ за то
Благословенны вы бывайте!

ПСАЛОМЪ CXXIX.

Изъ глубины воззвахъ къ тебѣ.

Давідъ въ семъ Псалмѣ молится о Милосердіи Богу, и о прощеніи своихъ грѣховъ. Предъизъявляетъ онъ въ немъ притомъ надѣяніе свое на Его Благостыню.

1

О! Господи, Тебя зову
Изъ мѣстъ къ себѣ я преглубокихъ:
Услыши, Господи, реву;
Услышь мой гласъ въ мѣстахъ высокихъ.

2

Да внемлютъ ушеса Твои
Взывающую Тя молитву,
И всѣ моленія мои;
Внявъ, отжени грѣховну битву.

3

Ты если, Господи, взирать
На беззаконія имѣешь;
Что въ злѣ кому не умирать?
Самъ очищеніе всѣмъ дѣешь.

4

Прощенія себѣ я ждалъ,
Душа моя́ внутрь ожидала:
Въ томъ на слова́ я уповалъ,
Твоя ихъ милость утверждала.

5

Прилѣжнѣйше я ждалъ того,
Нежъ стража бодрствуетъ нощна́я:
Ізраиль! ты на Своего
Будь Го́спода здѣсь уповая.

6

Вся милость у него всегда,
Премного всякія избавы:
Тебя спасетъ Онъ отъ вреда́,
Отъ беззаконій злыхъ отравы.

ПСАЛОМЪ CXXX.

Господи не вознесеся сердце.

Давідъ торжественно объявляетъ симъ Псалмомъ, что-не́-было въ немъ не надменія ни гордости, но что-всегда́ тщался онъ быть незлобивъ и кротокъ.

• 1 •

О! Господи, не вознеслось
Мое внутрь сердце, ни взноситься
Очами мнѣ когда-далóсь;
Не тщался годрымъ разгласиться.

• 2 •

Въ великости я не ходилъ,
Ни въ томъ, находится что-въ-дивныхъ,
И было что-моихъ сверьхъ силъ:
Все полагалъ я то въ противныхъ.

• 3 •

Но если нé-былъ я въ чемъ-тихъ,
И буде превознесъ духъ зѣльно,
Какъ-отдоенный-óтрокъ лихъ
Бываетъ къ матери не дѣльно.

• 4 •

Какъ-былъ-такóй я человѣкъ;
Що мнѣ не дай быть въ благостынѣ:
На Гóспода Ізраиль въ вѣкъ
Да уповаетъ здѣсь отнынѣ.

ПСАЛОМЪ CXXXI.

Помяни Господи Давiда.

Давiдъ объявляетъ въ семъ Псалмѣ, что-положитъ-онъ-на-себя-Обѣтъ, не быть въ покоѣ, пока Кивотъ Завѣта не будетъ въ Іерусалимѣ, и служенiе Богу тамъ не возобновится. Хвалитъ Бога, что-тотъ-обѣтъ-исполненъ. Надѣется, что Богъ, по обѣщанiю своему, благословитъ Его Потомство. Молится за Священнослужителей, за Левiтовъ, и за Народъ.

• 1 •

Давiда, Боже, помяни,
И кротость, Господи, всю въономъ;
Печалей мраки разгони,
И даруй быть ему съ Закономъ.

2

Онъ Господу заклялся здѣсь,
Обѣтъ Іаковлю далъ Богу;
И поступаетъ такъ онъ днесь,
Какъ-обѣща́лся, безъ подлогу.

3

Не вниду, говорилъ, въ покой
Моихъ жилищъ, ни дому въ кровы;
Ниже́ на одръ я взыду мой,
Ни на постели тамъ готовы.

4

Не дамъ я сна моимъ очамъ,
Ни вѣкамъ дамъ я воздрематься;
Въ спокойство въ день, и по ночамъ,
Виски не будутъ полагаться.

5

Доколѣ мѣста не найду
Я Господу, Ему палаты;
Къ Іаковлю я не приду
Пока въ жилища пребогаты.

6

Се слышали мы что Киво́тъ
Въ мѣстахъ находится Евфраѳскихъ;
Однакъ изобрѣли мы тотъ,
Ища, въ поляхъ дубравъ Іагарскихъ.

7

Въ жилища войдемъ мы Его,
Припадши мѣсту поклони́мся,
Стояли но́ги-гдѣ Того,
И прочъ уже́ не устрани́мся.

8

Восстань, о! Господи; гряди
Въ покой Твой, гдѣ-Тебѣ-любе́зно:
Ты Самъ, и Твой Кивотъ иди,
Твоя онъ Святость; молимъ слезно.

9

Священники ужé Твои
Въ одежду правды облекутся;
Угодники Тебѣ, въ свои
Охотно радости влекутся.

10

Давіда для, Тебѣ раба,
Не дай Помазанну Тобою,
Чтобъ ревность въ немъ была слабá,
И отвратилсябъ онъ собою.

11

Господь Давіду клялся такъ,
Но истинною то своею;
Не отречется онъ никакъ,
И сотворитъ, какъ-клялся-Éю.

12

Я посажду твой чрéва плодъ
Царемъ здѣсь на твоемъ престолѣ;
И если отъ него Твой родъ,
Моихъ завѣтовъ будетъ въ волѣ.

13

Тотъ буде сохранитъ Законъ,
И всѣхъ моихъ Свидѣтельствъ слово,
Мной научи́тся-коимъ онъ;
То и ему тутъ сѣсть, готово.

14

Господь себѣ Сіонъ избрáлъ,
И взять благоволилъ въ столичный;
Сей есть въ покой мнѣ, такъ сказалъ,
Къ селенію мнѣ въ вѣкъ приличный.

15

Успѣхами благословлю
Я промыслы Его, и сильно;
Я нищихъ хлѣбомъ накормлю,
И въ немъ всему быть дамъ обильно.

16

Священниковъ Его спасу;
Въ немъ добрый всякъ возвеселится;
Давідовъ рогъ взраствиъ взнесу:
Помазанный мой тамъ продлится.

17

Ужъ уготовила Ему
Моя Свѣтильникъ благостыня;
Враговъ въ стыдъ врину и во тьму:
И процвѣтетъ вѣнца Святыня.

ПСАЛОМЪ CXXXII.

Се что добро.

Сей Псаломъ представляетъ блаженство живущихъ въ согласіи и въ мирѣ, и отъ того благословенія, даруемыя имъ отъ Бога.

1

Сего добра́, что-е́сть красняй,
Какъ-жи́ть чтобъ братіямъ всѣмъ дружно!
Драгое Міро не чесняй
Стекаетъ тихо и окружно.

2

Сперва́ оно съ главы течетъ
Близъ на браду Ароню въ долы;
Пото́мъ свой нѣжный токъ влечетъ,
Съ брады, одеждъ его на по́лы.

3

Иль Аермонска что-роса́,
И коя-на-Сіо́нски го́ры
Сходяща есть, и имъ краса:
Въ тѣхъ капляхъ пишетъ лучъ узоры.

4

Быть приказалъ Господь Богъ тамъ
Благословенію успѣшну;
И тутъ опредѣлилъ же Самъ,
Стать животу въ вѣкъ беспомѣшну.

ПСАЛОМЪ CXXXIII.

Се нынѣ благословите.

Сей Псаломъ есть возбужденіе Служившимъ въ древнемъ Храмѣ, призывающее ихъ къ Хваленію Гóспода.

1

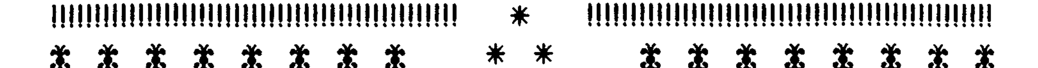
Благословите Бога всѣ,
Раби Господни, православно:
О всякомъ въ Храмѣ вамъ часѣ
Предъ нимъ долгъ предстоять исправно.

2

Къ Святилищу вы и нощми́
Отъ сéрдца рýки возводи́те;
Въ семъ воздѣяніи вещми́
Тамъ Гóспода благословите.

3

Господь васъ Самъ благословитъ
Сотворшій Небеса съ Землею;
Онъ отъ Сіона проявитъ
Вамъ милость, и покроетъ Ею.



КАѲИСМА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ

ПСАЛОМЪ CXXXIV.

Хвалите имя Господне.

Пророкъ возбуждаетъ Левітовъ къ хваленію Бога, къ проповѣданію безконечныя Его Силы, коею-Сотворилъ-онъ-всѣ вещи, и къ особливому прославленію чудесъ, явленныхъ древле на избавленіе своего народа изъ Егіпта, и на приведеніе его въ наслѣдство Ханаанскія Землѝ. Говорйтъ-онъ-еще о пустотѣ Ідоловъ, и о безуміи Ідолопоклонниковъ.

1

Господне Имя всѣ хвалите;
Раби Владыку, тварь Творца:
О! вы, которы-предстойте
Во Храмѣ Вышняго Отца,
Прославьте Бога безъ конца.

2

Онъ Благъ, а Имя есть полезно;
Іакова себѣ избралъ,
Ізраиля пріялъ любезно:
По истиннѣ и я позналъ,
Что-Велій Богъ, кой-насъ взыскалъ.

3

Что-нашъ Господь, надъ всѣми Боги;
И что-всхотѣлъ, то сотворилъ;
На небѣ, на землѣ, и многи
Повсюду вещи расширилъ;
Въ моряхъ, и безднахъ затворилъ.

4

Онъ въ вóздухъ облака́ встягаетъ,
Въ пара́хъ изъ влажныхъ нѣдръ земли́;
Въ дождѣ онъ молнiей сверкаетъ:
Державно вѣтры, всякъ внемли,
Изводитъ да развѣетъ тли.

5

Въ Египтѣ поразилъ толь сильно
Всѣхъ Первенцовъ Онъ точно Самъ,
Людскихъ, и скотскихъ не умильно:
Египтъ! чудесъ коль было тамъ,
Въ тебѣ самóмъ по всѣмъ мѣста́мъ.

6

Онъ тѣ послалъ на Фараона,
И на его всѣхъ ра́вно слугъ;
Побилъ народы для отгона;
Царей не помянулся духъ:
Всѣхъ въ страхъ привелъ толь грозный слухъ!

7

Онъ О́га истребилъ Васанска;
Сiона Аморрейска тожъ;
Всѣ Царства рода Ханаанска
Постигло смертоносно зложъ:
Почувствовали мечъ и ножъ!

8

Потóмъ ихъ землю далъ въ наслѣдство,
Въ наслѣдство, говорю, Своимъ;
Iзраилю ту въ долголѣтство:
Всѣмъ въ роды ей владѣть бы имъ,
Въ котору введены́ Сами́мъ.

9

Твое, о! Боже, Имя въ вѣки;
Твоя и Память въ родъ и родъ:
Изслѣдуются человѣки,
Помилуетъ Богъ рабiй плодъ;
Господь, намъ вмѣсто всѣхъ Господъ!

10

Язычески кумиры, злато,
Иль только иногда сребро:
Уста не говорятЪ, какЪ-бла́то;
Не зрятЪ глаза́, что-е́сть добро;
Не слышатЪ уши, какЪ-ведро́.

11

ВЪ ихЪ нѣтЪ ни внутренностяхЪ духа!
ЧтобЪ всѣ не разнилисЪ отЪ нихЪ,
Творящіи такЪ ихЪ безЪ слуха!
И уповающи на сихЪ
Во всѣхЪ потребностяхЪ своихЪ!

12

ІзраильскЪ ДомЪ! благословите
Вы купно Го́спода всегда;
ДомЪ Аароны! вы тожЪ явите;
ЛевїинЪ ДомЪ и вамЪ чреда,
БлагословляющимЪ же мзда.

13

Имущіи вЪ душѣ палимѣ
Любовь, и вЪ ней Господень страхЪ!
Живуща вЪ Іерусалимѣ
Благословите, ОнЪ есть БлагЪ.
БлагословенЪ, вЪ Сіонѣ драгЪ!

ПСАЛОМЪ CXXXV.

Исповѣдайтеся Господеви.

Сей ПсаломЪ есть похвальный, вЪ коемЪ Ізраилтяне воспѣваютЪ вопервыхЪ дѣла́ Творенія, а пото́мЪ чудеса, явленныя БогомЪ при исшествіи ихЪ ОтцовЪ изЪ Египта, и при вшествіи вЪ Ханаанскую землю. Должно вѣдать, что-Левіты-и-наро́дЪ дѣлаютЪ другЪ-дру́гу отвѣтЪ чрезЪ весь ПсаломЪ, и благость Божія прославляется тутЪ вЪ каждой Строфѣ сими Словами: МИЛОСТЬ БО ЕГО ВО ВѢКЪ [нашимЪ точнымЪ ПсалтирнымЪ изображеніемЪ: ЯКО ВЪ ВѢКЪ МИЛОСТЬ ЕГО]. Сей былЪ о́бразЪ похваленія, употребляемый тогда, и посвященный особливо на хваленіе Богу вЪ храмѣ.

1

Благъ Господь! Его прославьте,
Долгъ Хваленія исправьте;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

2

Всѣмъ Бога́мъ прославьте Бога,
Свя́та, Ди́вна, безъ прилога;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

3

Го́спода надъ господа́ми,
Прославля́йте вы устами;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

4

Толь чудесъ предъизъявивша;
И Единa Сотворивша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

5

Небеса умомъ создавша;
Красоту ихъ показавша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

6

Здѣлавшаго учрежденну,
Землю сверьхъ водъ утвержденну;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

7

Сотворившаго Свѣтила,
Коихъ-ве́лія толь Сила;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

8

Произведша Солнце въ Славу,
Дня въ господство и въ державу;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

9

Положившаго, по мóщи,
Звѣзды и луну для нóщи;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

10

Пораженiями смявша,
Первенцы въ Египтѣ взявша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

11

И оттуду въявь Изведша,
И съ Израилемъ пошедша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

12

А изведша Силъ рукою,
Мышцы купно высотою;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

13

Предѣливша въ морѣ вóды,
Стѣнъ среди подавша ходы;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

14

И проведша безъ напасти
Дномъ Израиля по влáсти;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

15

Силу всю, и съ Фараономъ,
Въ море вринувша со стономъ;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

16

Ведшаго Своихъ въ пустынѣ,
Ихъ и любяща понынѣ;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

17

Стершаго Царей толикихъ,
Поразивша толь великихъ;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

18

И убившаго тѣхъ сильныхъ,
Въ крѣпости своей обильныхъ;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

19

Аморрейскому Сіону
Скоро Давшаго смерть ону;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

20

И царю Васанску О́гу
Въ гробъ отверзша тужъ доро́гу;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

21

Землю оныхъ всѣхъ избравша,
И рабу въ наслѣдство давша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

22

Давша въ область милосердо,
Ту Ізраилю толь твердо;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

23

Помянувша насъ смиренныхъ,
И едвá-ужъ несотренныхъ;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

24

Всѣхъ насъ отъ враговъ избавлша,
И въ свобóдѣ сей поставлша;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

25

Пищу всякой плóти шлюща,
Ту въ обиліи дающа;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

26

Бога славьте всѣ Небесна,
И всегда во всемъ чудесна;
Всякъ да славитъ человѣкъ:
Милость бо Его во вѣкъ.

ПСАЛОМЪ CXXXVI.

На рѣкахъ Вавілонскихъ.

Говорятъ въ семъ Псалмѣ Іудеи, плѣненныи въ Вавілонѣ. Объявляютъ они острую сéрдца болѣзнь въ своемъ изгнаніи, и гарячую ревность къ Іерусалиму. Пророкъ предвозвѣщаетъ въ немъ и о паденіи Ідумеянъ, радовавшихся объ опустошеніи сего Града, и притомъ о раззореніи Вавілона.

1

Сѣдши купно на брегахъ рѣкъ мы Вавiлонскихъ,
Всѣ точили слезный токъ;
И воспоминали тамъ о градахъ Сiонскихъ,
Зря нашъ нестерпимый рокъ.

2

Тамъ обѣсили среди Вербныхъ древъ органы:
Плѣншiижъ просили насъ,
Коль ни сокрушались мы въ горести, раздра́ны,
Пѣснь вознесть Господню въ гласъ.

3

Ка́къ-бы мы въ землѣ чужой оную воспѣли?
Ка́къ въ Поганскихъ бы края́хъ,
Коль предивенъ Богъ нашъ есть, прославлять имѣли?
Ка́къ и плача во струя́хъ?

4

Если Iерусалимъ, я Тебя забуду;
Да забвенъ я отъ руки́
Благъ спасительныхъ Твоихъ самъ во вѣки буду,
Все да и́детъ мнѣ впреки́.

5

Да прилпне́тъ же и языкъ весь къ моей гортани,
Какъ-Тебя́ не вспомяну;
Иль не будешь въ мысли все, да приму казнь въ бра́ни:
Внѣ веселiй да гонзну.

6

Но Едомскiй днесь народъ вспомни, о! мой Боже;
Какъ-на-Iерусали́мъ
Грознымъ воплемъ онъ рыкалъ, всякаго Льва сроже!
Былъ ни чемъ не умоли́мъ!

7

Въ ярости онъ повторялъ: ну́-ну, обваляйте
Съ основанiй са́мыхъ градъ;
А живущихъ всѣхъ мечемъ люто истребляйте,
Должны пастъ округу въ смрадъ.

• 8 •
Тыжъ, о! Вавілонска дщерь, жди зла въ окаянствѣ:
Щáсливъ! кто-тебѣ-отмститъ
За погибель смертну намъ отъ тебя въ наянствѣ,
И ниже́ тебя проститъ.

• 9 •
Щáсливъ! въ мѣсто-кто-твое́ ме́тнетъ зѣльный пламень;
И твою кровь проліетъ:
Иль младенцовъ, ухвативъ, о жестокій камень
Головою разбіетъ.

ПСАЛОМЪ CXXXVII.

Исповѣмся тебѣ Господи.

Давідъ, распале́нный святою ревностію, объявляетъ, что-хочетъ-хвалу-принесть-всенаро́дно Богу за всѣ его милости, и возбудить Царей и народы къ похваленію Его съ собою. Молитъ Его о продолженіи себѣ покровительства, и предъизъявляетъ совершенное упованіе на его по́мощь по обѣщаніямъ.

• 1 •
О! Господи, Тебя прославлю
Повсюду сердцемъ всѣмъ моимъ;
Предъ Ангелами пѣсни симъ,
Съ языкомъ купно, я исправлю:
Ты внялъ моихъ всѣ рѣчи устъ,
Которы-предъ-Тобо́ю ставлю,
Твоихъ благихъ всегда не пустъ.

• 2 •
Во храмѣ Твоея Святыни,
Тебѣ припадши поклонюсь;
Тамъ славя Имя подчинюсь:
Всѣ Истинны и Благостыни
Я восхваляя вознесу:
Коль возвеличенъ, и пустыни
И Сонмамъ всѣхъ мѣстъ пронесу.

3

Въ кой-де́нь-Тебя́ къ себѣ взываю,
Ты скоро приклоняешь Слухъ;
Мой крѣпльше утверждаешь духъ;
Къ Тебѣ какъ-ру́ки воздѣваю:
О! Господи, да всѣ Цари
Тя восхваляютъ, порѣваю:
Блеснули имъ Твои зарі́.

4

Господня велія есть слава!
Твои пути, всѣ да поютъ;
Высокъ Господь, да признаю́тъ:
Смиренныхъ зритъ Его держава;
Высокихъ издале́ка слѣдъ,
И знаетъ, чья-стезя́ есть права,
И правоты въ которой-нѣтъ.

5

Когда-хожу-я-по-среди́нѣ
Сопротивленій и скорбей;
Ты оживляешь мя въ Твоей
Мнѣ милости Самъ наеди́нѣ:
Ты руку на моихъ враговъ
Всѣхъ простираешь въ той годинѣ;
Ихъ разганяешь гнѣвъ и ковъ.

6

Господь воздастъ за мя обильно!
О! Господи, призналъ ужъ я,
Что-милость-есть-вовѣ́къ Твоя;
Меня Ты защищаешь сильно:
Есмь нынѣ предъ Тобою смѣлъ,
И умоляю Тя умильно;
Не презри впредь Твоихъ рукъ дѣлъ.

ПСАЛОМЪ CXXXVIII.

Господи искусилЪ мя еси.

Давідъ признаваетъ въ семъ Псалмѣ, что-Богъ-есть-вездѣ, и знаетъ совершенно все, еще-и-сáмое тайное. Хвалитъ онъ бесконечную Божію премудрость, видимую особливо въ составѣ человѣка; а удивляясь всѣмъ симъ чудесамъ, объявляетъ, что-рассмотрѣніе-дѣлъ-Господнихъ, подаетъ ему причину благословлять Его, бояться Его, и радоваться о немъ. Наконецъ, Говоритъ, что-Упованіе-его-на-Милость и на Силу Господню Утвердитъ Его всегда противъ стремительствъ вражіихъ, что-не-убоится-ихъ-никогдá, и что-не-будетъ-съ-ними-имѣть-никакóва сообщенія.

1

Ты, Господи, мя испыталЪ,
И совершенно Ты позналЪ,
КакЪ-востаю́, и какЪ-сѣдáю;
Ты издалéка разумѣлЪ,
Что-вЪ-помышлéніе влагаю:
Какой бы путь я ни имѣлЪ,
ИсслѣдовалЪ ты тотЪ конечно;
ПровидѣлЪ, что-не-льщу́ сердечно.

2

О! Господи, Ты знаешь се
КакЪ-прéдне, такЪ и задне все;
Ты СамЪ мой купно и Зиждитель,
И Твоея рукú на мнѣ,
По вещи дѣйства, положитель:
Твоей Премудрости отвнѣ,
Я удивлялсь пребезмѣрно,
Зрю, что-той-не-постúгну вѣрно.

3

КудажЪ пойти я возмогу?
И отЪ Тебя гдѣ убѣгу?
Хотя на небо взыду само,
Ты пребываешь тамЪ всегда;
Хоть сниду и во адЪ, Ты тамо:
Хоть залетѣлЪ-бы-я-когда
За мóря край, и за границу;
И тамЪ узрю́ Твою Десницу.

• 4 •

Скажуль? Меня укроетъ нощь;
Но и ни тьмы толика мощь,
Чтобъ отъ Тебя мя утаила;
И нощь, какъ-де́нь, свѣтла́ Тебѣ:
Твоя меня стяжала Сила,
И воспріяла мя къ себѣ,
Отъ матерняго чре́ва точно,
Въ немъ са́момъ соблюдая прочно.

• 5 •

Прославлю Тя, есмь удобре́нъ,
И толь я дивно сотворенъ;
Твои дѣла́ всѣ суть пречудны!
Духъ знаетъ мой изрядно ихъ!
Тебѣ всѣ ча́сти толь подсудны,
Что-ни-одна́ костей моихъ
Внутрь отъ Тебя не утаилась,
Тобой, съ составомъ, какъ-твори́лась.

• 6 •

Но око видѣло Твое,
Еще-не-здѣланно мое;
Все въ Книгѣ у Тебя писалось!
Всѣ времена, мои всѣ дни,
И все что-дѣйствомъ совершалось,
Тебѣ извѣсно искони;
Есть зримо ра́вно все Тобою,
Что-и-прошло́ уже́ собою.

• 7 •

Тѣмъ чту Твоихъ друговъ весьма,
Тверда́ ихъ стала власть сама́;
Сочтуль? Число ихъ необъятно,
Въ пескѣ всѣхъ кру́пинъ столько нѣтъ:
Я всталъ, и чувствую пріятно,
Что-мой-еще́ съ Тобою слѣдъ:
Чтожъ-побива́ешь Ты всѣхъ грѣшныхъ;
Всякъ, Мужъ крове́й, отъ мѣстъ прочь здѣшны×!

8

Тѣ говорили о Тебѣ,
Но помышляя зло въ себѣ;
Твоихъ враговъ возносятъ лжею,
И грады взять Твои хотятъ
Они вдругъ суетою сею:
Толь о своихъ тѣ силахъ мнятъ!
Яжъ, Господи, всѣхъ ненавижу,
Къ Тебѣ въ которыхъ-злобу вижу.

9

Я таю, зря Твоихъ враговъ,
Какъ-рыщутъ изъ своихъ круговъ;
Къ самимъ къ нимъ ненависть имѣю,
И должно презираю всѣхъ;
Собщаться съ ними не умѣю,
Врагами почитаю тѣхъ:
И какъ мнѣ не враги презѣльны,
Что-предъ-Тобою-толь бездѣльны?

10

О! Боже, Самъ мя испытай,
Мое все сердце рассуждай;
Мя истязать благоизволи,
Стези мои уразумѣй;
Во мнѣ, виждь, суть ли злые воли:
Когдажъ-обрящешь; такъ содѣй,
Чтобъ я Тобою былъ наставленъ
На вѣчный путь, и тамъ поставленъ.

ПСАЛОМЪ CXXXIX.

Изми мя Господи.

Давідъ молитъ Бога, избавить Его отъ ухищреній, и отъ злобы хотящихъ ему паденія: да и угрожаетъ онъ имъ мщеніемъ небеснымъ.

1

Господи! изми меня
Отъ лукава человѣка;
И да будеши броня́
Защищающа до вѣка,
Повсегда готовый Самъ
Къ избавленію отъ мужа,
Въ коемъ-есть-мутна́, какъ-лу́жа,
Вся неправда по словамъ,
Дѣломъ море, вѣчна стужа.

2

Въ сердцѣ ихъ всегдашня лесть,
Шокмо ту и помышляютъ;
Не извѣсно, что́-за-въ-месть,
Бра́ни всякъ день ополчаютъ:
Весь языкъ ихъ изощренъ
На злорѣчіе какъ-бри́тва;
Въ ихъ рукахъ сѣть и ловитва;
Слѣдъ къ дну злобы приведенъ;
Ядъ изъ устъ течетъ и битва.

3

Сохрани, о! Боже мой,
Самъ меня отъ рукъ грѣшаща,
И людей отъ рода, кой
Не таитъ себя дышаща
Кривдою и крайнимъ зломъ:
Сихъ мысль въ злобѣ непрестанна,
Да меня въ пути семъ странна
За́пнутъ объишедъ круго́мъ,
И да падша зрятъ попранна!

• 4 •

Въ гордости мнѣ скрыли сѣть;
И съ сило́мъ ужъ вервь простерли,
Но́гибъ имъ мои задѣть,
Иль чтобъ выю мнѣ тѣмъ стерли:
Всюду ими при стезяхъ
Расположены́ соблазны,
И вездѣ обманы ра́зны;
На землѣ и на моря́хъ,
Мнѣ бѣды́ лежатъ непразны.

• 5 •

Боже! я къ Тебѣ вѣщалъ:
Ты мой Богъ, Тѣ мнѣ Зиждитель;
Ты всегда не запрещалъ,
Яжъ и есмь всегда молитель:
Господи! о! Боже силъ,
Ты отъ крѣпости въ твердынѣ,
И въ превелiей Святынѣ,
Самъ главу въ брань осѣнилъ,
По Твоей мнѣ благостынѣ.

• 6 •

Такъ и нынѣ не предай
Въ грѣшничи меня здѣсь ру́ки;
Но желанiе познай,
И спаси отъ оныхъ му́ки:
Тѣ взвели; и се бѣда!
Не остави бѣдна суща,
Не престанно вопiюща
Отъ великаго труда́;
Не вознеслась бы часть ковъ шьюща.

7

ВЪ нихЪ скружившись голова
Да повергнетЪ ихЪ на зе́млю;
Да покроются слова́
ТѣмЪ стыдо́мЪ, кой-я́ пріемлю:
Угли огненны падутЪ
Во Твоем на нихЪ изволѣ;
Больше не пребудутЪ вЪ хо́лѣ,
КакЪ-напа́сти нападутЪ
Низложи и будутЪ вЪ долѣ.

8

МужЪ злорѣчивЪ на землѣ
Не возможетЪ быть исправенЪ;
МужЪ живяй неправды вЪ злѣ,
Пагубному тлѣну равенЪ:
Знаю, Боже, сотворишь
СудЪ и месть Ты за бессильныхЪ,
ПравыхЪ же для хвалЪ умильныхЪ,
ПредЪ лице Твое вселишь,
ВЪ радости блаженствЪ обильныхЪ.

ПСАЛОМЪ CXL.

Господи воззвахЪ кЪ тебѣ.

ДавідЪ, гонимый неправдою и клеветою непріятелей своихЪ, молится Богу, да услышитЪ милостивно Его молитву. ПроситЪ у Него благодати, чтобЪ не согрѣшать Ему своимЪ языкомЪ, и чтобЪ избавлену быть отЪ сѣтей ГрѣшничихЪ. ЖелаетЪ онЪ быть наказанЪ и исправленЪ праведными. УповаетЪ на по́мощь Божію, будучи увѣренЪ, что-БогЪ-его-спасе́тЪ отЪ ищущихЪ Ему паденія.

1

Господи! Тебя взываю,
Мя услышать поспѣши;
ГласЪ мольбы моей внуши,
На Тебя я уповаю:
Ту кЪ Тебѣ всегда лїю,
ТѣмЪ кЪ Тебѣ жЪ днесь вопїю.

2

Да мольба, статЪ предЪ Тобою,
Взно́сится какЪ Өіміа́мЪ,
Воздѣянїежъ рукЪ тамЪ
СтанетЪ какЪ-та-же́ртва, кою
ВЪ вечерЪ долгЪ есть приносить,
И да примешь, Тя просить.

3

Господи! храни прилѣжно
СамЪ уста мои всегда;
Да заграда никогда
Не отверзется не нѣжно:
Дверь будь затворенна ихЪ,
И языкЪ мой запертЪ вЪ сихЪ.

4

Се́рдца моего ко злому,
И кЪ лукавству не клони;
ТакЪ чтобЪ я, вЪ мои всѣ дни,
Злобно не пришелЪ кЪ какому,
СЪ Беззаконными, грѣху:
ИхЪ не стать бы зла вЪ верьху́.

5

ПраведникЪ мя да накажетЪ,
И поставлю вЪ милость то;
Но изЪ грѣшниковЪ никто
Мнѣ главы да не помажетЪ:
ВпрочемЪ, коль ихЪ ни моли́,
Воля ихЪ отЪ благЪ вЪ дали́.

6

Ихъ когда съ горъ властелины
Будутъ свéржены стремглавъ;
Гласъ услышится мой правъ,
Ни почтéтся вмѣсто слины:
Трѣснутъ тóлста-какъ земля,
Кости возметъ гробна тля.

7

Господи! къ Тебѣ очами
Съ упованіемъ я зрю;
Духъ оставь, да преборю
Злыхъ добромъ, а нé мечами:
Сохрани мя отъ сѣтéй,
И отъ хитрыхъ тѣхъ людей.

8

Дай отъ лести ихъ избаву,
И отъ ухищреній всѣхъ;
Да увязнутъ сами въ тѣхъ,
Впадши въ сѣть свою́ лукаву:
Яжъ пройти да возмогу,
И отъ той да убѣгу.

ПСАЛОМЪ CXLI.

Гласомъ моимъ ко Господу.

Давідъ, въ вертепѣ Энигаддійскомъ окруженный войскомъ Сауловымъ, проситъ Бога, подать Ему свою́ помощь въ крайней той напасти. Творитъ онъ обѣтъ, возблагодарить Господу достойно. Причина, подавшая случай къ сему Псалму, описана въ Книгѣ 1. Царствъ, въ Главѣ 24.

1

Я къ Господу въ гласъ вопіялъ;
Я къ Богу гласомъ помолился:
Предъ Нимъ мольбу я проліялъ,
Онъ о печали бъ извѣстился.

2

Какъ-исчезáлъ во мнѣ мой духъ;
Позналъ ужъ Ты мои дорóги:
На семъ пути, вѣсть взявши въ слухъ,
Они мнѣ скрыли сѣти сроги.

3

На право я взиралъ, смотрѣлъ;
Но нé-былъ-кто меня узнавшій:
Кудабъ бѣжать, я не имѣлъ;
Никто мнѣ нé-былъ помогавшій.

4

Къ Тебѣ, о! Боже, возопилъ;
Рекъ: Ты единъ моя надежда:
Ты часть моя́ всегда здѣсь былъ
Въ землѣ живыхъ, хоть-есмь-невѣжда.

5

Моленіе мое вонми;
Уничиженъ весь я попранный:
Избавь, мя гонятъ ужъ вельми,
И сталъ ихъ жаръ сильняе бранный.

6

Самъ изъ Темницы изведи,
Чтобъ Имя мнѣ Твое прославить:
Ждутъ Праведники мя; приди,
И въ ихъ мя кругъ изволь поставить.

ПСАЛОМЪ CXLII.

Господи услыши молитву.

Молитвенный сей Псаломъ произнесенъ есть тогда, когда-Авесалóмъ гонилъ своего отца Давіда. Сей въ немъ вопервыхъ смиряется глубóко предъ Богомъ, исповѣдуя свои согрѣшенія. Потóмъ, проситъ онъ Бога, да умилится на Его оплакуемое состояніе, да милостиво услышитъ Его молитву, да его ведетъ Святымъ Своúмъ Духомъ, и да избавитъ отъ настоящія напасти.

1

Господи! мольбу мою́
Въ истиннѣ услыши нынѣ;
Прозьбу, въ правду днесь Твою,
Самъ внуши Ты по Святынѣ.

2

Но съ рабомъ не вниди въ судъ,
Мнѣ Тобою бъ не судиться:
Предъ Тобой всякъ, добръ и худъ,
Не возможетъ оправдиться.

3

Се уже́ погналъ мя врагъ,
Онъ попралъ низвергши долу;
Бросилъ въ мракъ, гдѣ-вѣ́чный страхъ,
Бутто ме́ртва, мнѣ въ назо́лу.

4

Духъ во мнѣ уже́ унылъ,
Сердце страждетъ онъ напасти:
Древнихъ дней я не забылъ,
Всѣхъ и Твоея дѣлъ вла́сти.

5

Воздѣваю я къ Тебѣ
Въ горести толикой ру́ки;
Какъ-земля-безъ-во́дъ въ себѣ,
Такъ моя́ душа отъ му́ки.

6

Скоро, Боже, помоги,
Духъ во мнѣ оскудѣваетъ;
Не отверги, да съ туги́
Смертнымъ то́ченъ не бываетъ.

7

Милость утрѣ слышать дай,
На Тебя всегда надѣюсь;
Путь, пойти́-въ-кой, пролагай,
Духомъ предъ Тобой имѣюсь.

8

Отъ враговъ меня избавь,
Что-къ-Тебѣ я прибѣгаю;
Воли мя Твоей наставь,
Бога моего Тя знаю.

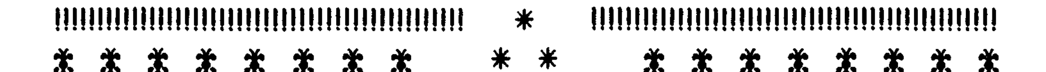
9

Да Благій Твой Духъ меня
Водитъ гладкою землею;
Правдой въ жизни мя храня,
Изведи изъ гóря ею.

10

Милостію потреби
Всѣхъ враговъ меня гоня́щихъ;
Рабъ Твой есмь, Ты погуби
Злобно толь меня тѣсня́щихъ.

⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂
⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂
⁂ ⁂ ⁂
⁂



КАѲІСМА ДВАДЕСЯТАЯ

ПСАЛОМЪ CXLIII.

Благословенъ Господь Богъ мой.

Сей Псаломъ, есть Благодарственная Пѣснь за Побѣду и Избавленіе, дарованныя Богомъ Давіду: и притомъ Молитва о благополучіи своемъ въ Іраильскомъ Народѣ. Утверждается обще, что-воспѣта сія Пѣснь Давідомъ по его Побѣдѣ надъ Голіаѳомъ.

1

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, всеблаженный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна сокровенъ
Самъ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ чинами,
О! Будь ввѣкъ благословенъ.

2

Кто́-инъ толь бы храбро ру́ки
Безъ Тебя мнѣ ополчилъ?
Кто́бъ и пращу, а не лу́ки
Въ брань направить научилъ?
Всуе мечъ извлекъ бы въ дѣло,
Ни копьемъ сразилъ бы смѣло;
Буде бъ Ты мнѣ не помогъ,
Перстовъ трепетъ ободряя,
Слабость мышцы укрѣпляя,
Силъ Господь, и Правды Богъ.

3

Нынѣ кругъ земный да знаетъ
Милость всю ко мнѣ Его;
Духъ мой твердо уповаетъ
На Заступника Сего:
Онъ Защитникъ, Покровитель;
Онъ Прибѣжище, Хранитель:
Повинуя родъ людей,
Далъ Онъ крайно мнѣ владѣти,
Далъ правительство имѣти,
Чтобъ народъ прославить сей.

4

На мою какъ-зрю-я-пóдлость,
И на то, что-бѣднъ и малъ,
А на прочихъ верьхъ и годность,
Чтожъ-ихъ-жребій-не-избрáлъ;
Вышняго судбѣ дивлюся,
Такъ глася, въ себѣ стыжуся:
Боже! ктó я ни́ща тварь?
Отъ кого жъ и порожденный?
Пастухóмъ быть учрежденный!
Кáкъ? о! кáкъ могу быть Царь?

5

Толь ничтожному познался!
Червя точно Ты призрѣлъ!
Благъ и щедръ мнѣ показался!
И по сердцу изобрѣлъ!
Лучшель добрыхъ и великихъ?
Лучшель я мужей толикихъ?
Ахъ! и всякъ изъ смертныхъ насъ,
Гниль и прахъ есть предъ Тобою;
Нашъ животъ тѣнь съ суетою,
Дни и стá-лѣтъ токмо часъ.

6

Ты противныхъ истребляешь:
Преклони жъ Твой звѣздный сводъ;
И какъ-громы-устремляешь,
Осмотри, снисшедъ, злый плодъ:
Лишъ-коснись горамъ, вздымятся;
Лишъ-пролей гнѣвъ, убоятся;
Грозну молнію блесни,
Тотчасъ сонмъ ихъ разженеши,
Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
Возъярись, не укосни.

7

На защиту мнѣ смиренну,
Руку самъ простри съ высотъ;
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ-буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

8

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Онъ скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомъ гордится;
Стройно воруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

9

Боже! воспою пѣснь нову,
Ввѣкъ Тебѣ благодаря:
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Краснымъ строемъ въ слухъ гласящихъ
Славу Спаса всѣхъ Царей:
Спаса и рабу Давіду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

10

Преклонись ещé мольбою,
Се къ Тебѣ ея лію,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мои бію:
О! чужихъ мя отъ полчúща,
Самъ избави скоро нúща:
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

11

Сіи славу посвящаютъ
Токмо множеству богатствъ;
Духъ свой гордо напыщаютъ
Отъ драгихъ вещей и братствъ:
Всѣ красуются сынáми,
Рáвно какъ-веснá цвѣтами;
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрятъ,
Въ златѣ, нѣжно намащéнныхъ,
Толь нѣтъ Хрáмовъ испещренныхъ:
Тѣмъ о Вышнемъ не радятъ.

12

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ довольство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
О́вцы въ по́лѣ многоплодны,
И воловъ стада́ породны;
Ихъ оградамъ не́льзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Всѣ тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

13

Васъ, толь счастіемъ цвѣтущихъ,
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Малъ чтитъ и великъ идущихъ,
Уступая жъ путь, дрожитъ:
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогаще́нны:
Токмо тотъ народъ блаженъ,
Бо́гъ-съ-которымъ пребываетъ;
И всевѣ́чнаго-кой-знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукраше́нъ.

ПСАЛОМЪ CXLIV.

Вознесу Тя Боже мой.

Давідъ въ семъ Псалмѣ покланяется Богу, и хвалитъ въ гарячей ревности и любви величіе Его, дивныя дѣла́, силу, правду, а особливо Благость Его къ человѣкамъ, и любленіе къ Боящимся Его и призывающимъ. Сей Псаломъ есть изъ такихъ, кои-могутъ-прочи́тываться съ великою душевною пользою.

1

Тя возносяя восхвалю,
О! Боже, о! Царю, сердечно;
И Имя я благословлю
Твое всякъ день во вѣкъ конечно:
Великъ Господь! зѣло хвалимъ!
Величію конца нѣтъ съ Нимъ!
Дѣла́ Твои восхвалятъ роды,
И роды жъ силу возвѣстятъ;
Всѣ славу гласно умастятъ,
Святыню всклиќнутъ въ вѣчны годы.

2

Твои повѣдятъ чудеса,
Повѣдятъ мощь, дѣлъ страшныхъ, сильну;
Величествъ многа коль краса́,
Рекутъ и красоту обильну:
Вспомя́нутъ Благость всю Твою;
А въ свѣтлости явятъ свою́
Всѣ о Твоей здѣсь правдѣ радость:
Го́сподь щедрота са́ма есть,
Долготерпѣніе, не месть,
И милосердіе, и сладость.

3

Господь всегда есть Благъ ко всѣмъ!
Его на всѣхъ дѣлахъ щедроты!
Восхвалятъ, Господи, затѣмъ
Дѣла́ Твои Тя и добро́ты;
Благословляя потекутъ
Твои Любимцы, и рекутъ,
Колика Царствъ Твоихъ есть слава;
Не премину́тъ и всѣмъ сказать,
И велелѣпно доказать,
Коль веліа Твоя Держава.

4

Есть Царство всѣхъ-Твое вѣковъ!
Владычество во всякомъ родѣ!
Господь толь, что-никтó таковъ
Во всемъ здѣсь людствѣ и народѣ,
И вѣренъ есть въ словахъ Своихъ,
И праведенъ въ дѣлахъ благихъ:
Господь всѣхъ падщихъ утверждаетъ;
Господь всегда ко всѣмъ есть близъ,
Онъ, кто-низвéрженъ есть на низъ,
По правотѣ въ верьхъ поднимаетъ.

5

Тя ожидаютъ очи всѣхъ!
Даешь Ты пищу всѣмъ во время;
Ты руку отверзаешь въ спѣхъ,
Тварь всяку, всяко ихъ и племя
Самъ тучно насыщаешь въ прокъ,
Платя имъ бýтто-какъ оброкъ:
Господь есть праведенъ всемѣрно
Путей своихъ во всѣхъ слѣдáхъ;
Исполненъ Благости въ дѣлахъ,
И милостивъ ко всѣмъ онъ вѣрно.

6

При всѣхъ онъ блиско предстоитъ,
Егó-которы призываютъ;
На всѣхъ онъ призирая зритъ,
Нань въ и́стиннѣ-что уповаютъ;
Творитъ Онъ волю для тогó
Въ любви боящихся Его:
Молитву ихъ Онъ слухомъ внемлетъ,
Имъ всяко благо Онъ пасетъ,
Да по желаніямъ спасетъ;
Ихъ благосердно всѣхъ пріемлетъ.

7

Хранитъ Господь такихъ всегда,
Къ нему любовь въ которыхъ-зѣльна;
Всѣмъ грѣшнымъ пагубна бѣда,
Онъ кажда потребитъ бездѣльна:
Изъ устъ рѣчь Господу собщу,
Хвалу Его всѣмъ возвѣщу:
Да всяка плоть, сверьхъ человѣка,
Благословляетъ должно здѣсь
Его Святое Имя днесь,
И ра́вно тожъ гласся въ вѣкъ вѣка.

ПСАЛОМЪ CXLV.

Хвали, душе моя́, Го́спода.

Пророкъ творитъ обѣтъ, хвалить Бога вовсѣ дни живота своего: да и научаетъ онъ, что-должно-токмо-уповать-на-Бо́га, который-есть-Влады́ка всему Міру, и особливое имѣетъ попеченіе о праведныхъ.

1

Хвали, душа моя; хвали
Надъ всѣми Го́спода Всесильна;
Ему будь похвала умильна;
Всегда едину ту внемли:
Въ жизнь Бога восхвалю прекрасно,
Пока есмь, буду пѣть возгла́сно.

2

О! вы, изъ смертныхъ всѣ людей,
На бренны́хъ вы не уповайте;
Ниже́ на́дежду возлагайте
На толь бодря́щихся Князе́й:
Спасать, не ихъ отнюдъ есть дѣло,
Ихъ также тлѣ подсудно тѣло.

3

Изъ человѣча сына духъ,
Исшедъ, отъ узъ какъ-свободится;
То трупъ его и возвратится
Въ свою персть, прахъ, и въ землю вдругъ:
Въ тотъ день всѣ замыслы растаютъ,
Намѣренія погибаютъ.

4

Блаженъ! кому-Іаковль Богъ
Помощникъ есть и Заступитель;
Кому-Господь Богъ Покровитель,
И самыя Надежды Рогъ:
Сотворшій Небо, Море, Землю,
И все, что-счислить не поемлю.

5

Онъ истинну хранитъ во вѣкъ;
Обидимымъ творитъ расправу;
И подаетъ тѣмъ пищу здраву,
Которыи-отъ-человѣкъ
Ослабѣваютъ алча въ гладѣ:
Онъ ставитъ всѣхъ и все въ прохладѣ.

6

Господь рѣшитъ въ оковахъ-кто;
Господь слѣпцовъ толь умудряетъ;
Господь возведши удобряетъ
Низверженныхъ особъ въ ничто:
Онъ любитъ, правдою пространныхъ;
Блюдетъ сиротъ; и вдовъ, и странныхъ.

7

Господь Самъ истребляетъ путь,
И беззаконія грѣшащихъ;
Онъ ненавидитъ зломъ дышащихъ,
Сражаетъ полну скверны грудь:
Господне Царство въ вѣчны годы;
Онъ Богъ Твой, о! Сіонъ, въ родъ-роды.

ПСАЛОМЪ CXLVI.

Хвалите Господа.

Ізраильтяне возбуждаются къ Хвалѣ Господу, за дѣла Его Созданія, и за Милость Провидѣнія Его.

1

Господа вы всѣ хвалите,
Благо, пѣть Ему Псаломъ;
Богу гласы усладите
Мѣрою Стопъ и числомъ.

2

Іерусалима Здатель,
Сей Господь и Богъ нашъ есть;
Онъ Ізраиля Собратель
Изъ рассѣяній, Онъ честь.

3

Сокрушеннымъ Онъ Цѣлитель,
Ихъ и язвамъ врагъ Онъ Самъ;
Неисчетныхъ звѣздъ Числитель,
Зватель всѣхъ по именамъ.

4

Велій нашъ Господь и Силенъ!
И премудръ Есть безъ числа!
Къ кроткимъ милостивъ, умиленъ!
Злыхъ Смиритель, ихъ и зла!

5

Богу славу начинайте
Въ благодарности своей;
Въ гусляхъ пѣснь Ему взыграйте,
И воспойте всѣ по ней.

6

Небо кроетъ облаками,
Дождь землѣ готовитъ Онъ;
Плоденъ лугъ, Его травами,
Онъ расти даетъ законъ.

• 7 •
Подаетъ скота́мъ всѣмъ пи́щу,
Птицамъ, рыбамъ, и всему;
Быть не попускаетъ нищу
Человѣку самому́.
• 8 •
Въ конской силѣ и опрятствѣ,
Нѣтъ Ему забавъ драгихъ;
Нѣтъ ни въ бѣгѣ ни въ урядствѣ
Также и мужей самихъ.
• 9 •
Люб̆ы Господу имущи
Страхъ Его Святый всегда;
И въ надѣяніи ждущи
Отъ щедротъ Его плода.

❧ ✠ ❧

ПСАЛОМЪ CXLVII.

Похвали Iерусалиме.

Псаломъ сей того жъ есть содержанія, что-и-проше́дшій. Увѣщаваются Iзраилтяне Хвалить Го́спода за Милости Его, изліянные особливо на весь ихъ Родъ.

• 1 •

Iерусалимъ! Владыку
Похвали; и ты, Сiонъ,
Приставай Его жъ Хвалъ къ зыку:
Твой Господь и Богъ есть Онъ.
• 2 •
Тѣмъ что-верей толь твердо
Онъ Твоихъ вратъ утвердилъ;
А Сыновъ премилосердо
Внутрь Оградъ благословилъ.

3

Самъ Онъ, Самъ въ твоихъ предѣлахъ
Полагаетъ сладкій Миръ;
Тукомъ отъ пшеницъ въ удѣлахъ
Всѣхъ питая ставитъ пиръ.

4

Шлетъ свое на зе́млю Слово,
Кое-въ-быстротѣ течетъ;
Во́зглас дѣетъ не сурово,
Въ тишинѣ сердца́ влечетъ.

5

Снѣгъ какъ-во́лну ниспускаетъ,
Какъ-бы-пе́пелъ сыплетъ мглу;
Гололе́дь какъ-кро́хи пхаетъ:
Кто́ мразъ стерпитъ въ зиму злу?

6

Повелитъ? все таять станетъ;
Духъ Его лишъ токмо дхнетъ,
То́тчасъ все льдомъ быть престанетъ:
Въ во́дный съ ревомъ токъ возбне́тъ.

7

Онъ Іакову Священный
Проявляетъ свой Глаголъ;
Судъ Ізраилю собщенный
Весь творитъ и произволъ.

8

Изъ народовъ прочихъ равно
Такъ не здѣлалъ ни съ какимъ;
Всѣхъ Законовъ сихъ исправно
Не предуложилъ Онъ имъ.

ПСАЛОМЪ CXLVIII.

Хвали́те Го́спода съ небесъ.

Давідъ, въ восторгѣ своея ревности, призываетъ всю тварь небесную и земную къ похваленію Бога, но особливо человѣческій родъ, и въ немъ особеннѣйше Ізраилтянъ. Пламенное зрится усердіе въ семъ Псалмѣ, и превеликая побожность.

1

Господа съ небесъ хвалите,
Въ вышнихъ такожде мѣстахъ;
Ангели, Его почтите,
Будь Ему жъ честь Силъ въ устахъ.

2

Солнце, и Луна, вы славьте,
Звѣзды всѣ, и купно Свѣтъ;
Небеса небесъ, тожъ правьте,
И вода́, сверьхъ небъ, имъ въ слѣдъ.

3

Рекъ Господь, и такъ вдругъ сталось,
Все да Хвалитъ тѣмъ Его;
Повелѣлъ Онъ, и созда́лось
Въ бытіе́ изъ ничего.

4

Онъ поставилъ то на вѣки,
И всему порядокъ далъ;
Сей, какъ-ви́дятъ-человѣки,
По Его твердъ волѣ сталъ.

5

Отъ земли́ Хвали́те Бога,
Зміи, съ рыбами въ глуби́;
Огнь, градъ, снѣгъ, паръ, бу́ря срога,
Все хвалу Ему труби.

6

Сами го́ры и съ хребтами,
Сами холмы, и древа́;
Безъ плодовъ, и что-съ-плода́ми,
Кедръ высокій, и трава.

7

Звѣри, вы Скоты́ рогаты,
И безъ рогъ, и всякій гадъ;
Птицы также всѣ пернаты,
И рой не зримыхъ стадъ.

8

Тожъ Цари, тожъ и народы,
Князи, Судіи землй;
Сонмы отроковъ, дѣвъ роды,
Старъ, младъ, всякъ Хвалить внемли.

9

Все да Хвалитъ Всемогуща,
Имя вознеслось вездѣ;
Слава всюду есть присуща,
И Величество средѣ.

10

На землѣ, и Онъ же въ небѣ,
И людей своихъ взнесъ рогъ;
Што Любимцамъ всѣмъ къ потребѣ:
Онъ Ізраилевъ есть Богъ.

11

Богъ Ізраилю Хвалимый,
Роду точно своему;
Коимъ-есть-всегда́ молимый
Приходящимъ близъ къ Нему.

ПСАЛОМЪ CXLIX.

Воспойте Господеви.

Сей Псаломъ есть похвальный и благодарный, за одержанные побѣды Ізраильскимъ Народомъ надъ многими Царями, при по́мощи Божіей.

1

Господу пѣснь нову вспойте;
Красную Хвалу Его
Съ прелюбезными удвойте,
Отъ усердія всего.

2

Да Ізраиль веселится,
Что-его-Онъ-сотворйлъ;
Да Сіонь сынъ радъ явится,
Своего Царя сей зрилъ.

3
Имя Божіе всѣ Ликомъ,
Да восхвалятъ и Трубой;
Да поютъ сладчайшимъ кликомъ,
Гуслемъ и Тімпанамъ въ строй.

4
Возлюбилъ Богъ милосердо,
И пріялъ людей своихъ;
Кроткихъ вознесетъ онъ твердо,
И спасетъ неложно ихъ.

5
Прелюбезныи во славѣ
Процвѣтутъ Хвалясь отднесь;
И въ своемъ на ложахъ правѣ
Будутъ радуясь вѣкъ весь.

6
Бога ихъ гортань прославитъ;
Въ остротѣжъ мечи рука
Обоюдны предпоставитъ:
Будетъ и разить рѣска́.

7
На отмщеніе народамъ,
Людямъ въ до́лжнѣйшую казнь;
На скованіе исходамъ
Всѣхъ Царей на насъ въ ихъ блазнь.

8
Да они бъ тѣмъ сотвори́ли
Преднаписанный весь Судъ:
Честь свою́ симъ озарили
Прелюбезныи за трудъ!

ПСАЛОМЪ CL.

Хвали́те Бога.

Псалмістъ возбуждаетъ всѣхъ людей хвалить Бога за Величество Его, за Высоту, и за предивныя Его дѣла́, съ употребленіемъ Священныхъ Мусікійскихъ органовъ. Симъ Псалмомъ окончавается Книга Псалмовъ.

1

Хвали́те Бога за Святыню,
Хвали́те за пространство Силъ;
Хвали́те дѣлъ за Благостыню,
Хвали́те, что-ихъ-утверди́лъ.

2

Хвали́те, множество Величій,
Хвали́те и по симъ Его;
Хвали́те въ Гласѣ Трубъ и Сличій,
Хвали́те въ Гу́сляхъ вы Того.

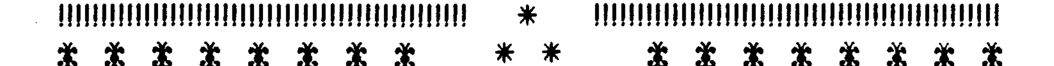
3

Хвали́те въ Ликѣ и въ Тімпа́нѣ,
Хвали́те Звона въ красотѣ;
Хвали́те въ Стру́нахъ и Органѣ,
Хвали́те, зря на высотѣ.

4

Хвали́те въ строй Кімва́лъ бряцая,
Хвали́те гласно, всѣмъ Онъ Царь;
Хвали́те Го́спода, всклицая:
Да Хвалитъ вся дышаща Тварь.

КОНЕЦЪ.



ПСАЛОМЪ

Малъ бехъ въ братіи.

Сей Псаломъ написанъ особно, и не включается въ число Ста Пятидесяти Псалмовъ. Случай къ сочиненію сего былъ, Единоборство Давідово на Голіаѳа.

1

Малъ изъ братій я моихъ,
Въ домѣ отческомъ юнѣйшій;
Я пасъ о́вцы токмо ихъ,
Прочихъ какъ-сыно́въ худѣйшій.

2

Я содѣлалъ самъ Органъ
Собтвенными весь руками;
Я составилъ и Тімпа́нъ,
И Псалтиръ, и Гусль перста́ми.

3

Го́споду ктожъ возвѣстилъ
О ничтожномъ мнѣ толико,
Что-ужъ-Онъ-мя-возрасти́лъ
Въ состояніе велико?

4

Самъ Господь, Самъ точно внялъ,
Ангела ко мнѣ пославшій;
Самъ Онъ отъ овецъ мя взялъ,
Скиптръ елеемъ въ жезлъ подавшій.

5

Братія мои добры́,
Сановиты, и возра́сны;
Но Господь, кой-безъ-игры́,
Не избра́лъ ихъ, коль ни кра́сны.

6

Вышелъ въ стрѣчу я противъ
Чужестранца преогромна;
Ідолами, онъ ретивъ,
Прóклялъ мя толь видя скрóмна.

7

Вырвавъ: отъ него я мечъ
Въ разъ его тамъ обезглавилъ:
Тѣмъ, природно сынъ отечь,
Чадъ Ізраильскихъ прославилъ.

❧ ✠ ☙

ПѢСНИ

РАЗНЫХЪ ПРОРОКОВЪ И ПРОРОЧИЦЪ
ВЪ
ВЕТХОМЪ И НОВОМЪ ЗАВѢТѢ
ОБРѢТАЮЩІЕСЯ
И
ОБЫКНОВЕННО
ВЪ
ПСАЛТИРЯХЪ ПО ПСАЛМАХЪ
ПОЛАГАЕМЫЕ.

КЪ СИМЪ
ПРИСОВОКУПЛЕНА
И

ДЕВВОРИНА
ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

ПоемЪ Господеви, Славно бо прославися.

Моисеева, Исхода Глава 15.

ПослѢ какЪ-ФараóнЪ, Египетский Царь, гнавшійся за Сынами Ізраилевыми, погрязЪ со всею своею Силою вЪ ЧермномЪ мóрѢ, а Ізраилтяне прошли по дну его сухо: то, вЪ возблагодареніе Богу, воспѢли они слѢдующую пѢснь.

1

Мы Господу днесь воспоемЪ:
ОнЪ превознесся вЪ насЪ преславно;
ПовергЪ, вЪ отмщеніи своемЪ,
Коня и всадника вЪ глубь рáвно.[1]

2

СталЪ мнѢ ОнЪ помощь и покровЪ,
И былЪ кЪ спасенію виною;
Его я восхвалить готовЪ:
Мой БогЪ, и БогЪ Отцу Собою!

---

[1] Тредиаковский в своей ранее опубликованной версии этой ПѢсни Моисея в Сочинениях и Переводах проводит рифмовку АббА ВггВ, итд. и поэтому третий и четвертый стихи в каждой строфе заменяют место другого, с надлежащими переменами в пунктуации. Так напр. первая строфа этого переложения опубликована следующим образом:

Мы Господу днесь воспоемЪ:
ОнЪ превознесся вЪ насЪ преславно;
Коня и всадника вЪ глубь рáвно
ПовергЪ вЪ отмщеніи своемЪ.

Опубликованную версию невозможно считать окончательным замыслом автора, так как в „Предуведомлении" к публикуемой нами рукописи он упоминает эту публикацию а, следовательно, кончает свою рукопись позже выхода в свет его Сочинений. Тем не менее, считаем необходимым включить все разночтения Песен с их первой публикацией и с изданием Смирдина. Ниже цитаты разночтений приводятся по Смирдину.

3

Господь нашъ сокрушаетъ брань!
Господь, Ему и Имя точно!
Къ дну тьмы низвергъ Онъ силы длань,
И Фараоновъ строй оброчно.

4

Избранныхъ конниковъ Онъ тѣхъ,[2]
И въ морѣ потопилъ Трістаты[3];
Тамъ погрузилъ какъ-камень всѣхъ,
Что-быть[4] могли намъ Супостаты.

5

Десница, Господи, Твоя,
Есть въ крѣпости всегда велика:
Противныхъ стерла намъ Сія,
Враговъ не пощадила лика.

6

Ты Самъ послалъ на нихъ Твой гнѣвъ;
Какъ-стебла ихъ поѣлъ онъ купно:
Водъ расступился духомъ ревъ;
Была тамъ ярость неотступно.

7

Згустѣли воды какъ-стѣна
Всего тамъ моря посрединѣ;
Згустѣла также и волна:
Никто сего не зрилъ[5] понынѣ!

---

[2] В Соч. *всадниковъ* вместо конниковъ.

[3] В Соч. сделана следующая заметка: «Трістатами означается, что древніи дѣлали большіе военные колесницы, так что в нихъ по-три человѣка сражающихся было. Или: Трістатами назывались, кои, сидя на одной лошади, имѣли двухъ запасныхъ. Или: Чрезъ Трістатовъ разумѣются самыи сильныи люди, которыи противъ трехъ могли биться. Или: Трістатъ сидѣлъ на третіемъ мѣстѣ отъ Царя, каковъ былъ Давідъ у Саула.»

[4] В Соч. *Что жъ быть* вместо Что-быть.

[5] В Соч. *его не зрѣлъ* вместо сего не зрилъ.

8

Постигну ихъ, вѣщалъ такъ врагъ;
Корысти на раздѣлъ похищу;
Я буду Господиномъ въ страхъ:[6]
Меча убійствомъ духъ насыщу.

9

Но силою Ты дхнулъ средѣ;
Нахлынуло на нихъ всѣхъ[7] море;
Погрузли оловомъ въ водѣ,
И[8] вскликнуть не могли: ахъ-горе!

10

Подобенъ кто́ Тебѣ въ богахъ?
Кто, Господи, Тебѣ-подобенъ?
Вельми предивенъ въ чудесахъ!
Святымъ Прославленъ, и Особенъ!

11

Простерлъ десницу?[9] Пожрала́
Земля въ свой противныхъ нѣдра:
Но[10] всѣхъ людей Тобой спасла,
И укрѣпила Правда бе́дра.

12

Утѣшилъ крѣпостію насъ,
Въ обитель всѣхъ призвавъ Святую:
Язы́ки впали въ гнѣвъ тотча́съ;
Въ болѣзнь вотъ Филистимцы злую.

13

Тогда Едомскіи Вожди,
Съ Моавли Князи въ смѣсь[11] потщались;
Ты, Ханаанъ, растай, зла жди:
Всѣ[12] слѣпо въ трепетѣ помчались.[13]

6 В Соч. *И буду господиномъ* вместо Я буду Господиномъ.

7 В Соч. *такъ* вместо всѣхъ.

8 В Соч. *Что* вм. И.

9 В Соч. запятая вместо вопросительного знака.

10 В Соч. *И* вм. Но.

11 В Соч. *вдругъ* вм. въ смѣсь.

12 В Соч. *И* вм. Всѣ..

13 В Соч. *и мчались* вм. помчались.

14

Страхъ, ужасъ нападетъ на нихъ
Отъ Мышцы Твоея глубо́ко;
Да жизнь окаменѣетъ сихъ
Величіемъ Твоимъ жесто́ко!

15

Всѣ про́йдутъ дондеже Твои
Владѣемы Тобою люди:
Да внидутъ[14] и въ мѣста́ свои́;
Къ наслѣдію сему щедръ буди.

16

Готовое жилище дай,
Избавивши уже́ отъ му́ки;
Горы́ въ Святыню провождай:
Твои ту учредили Ру́ки.

17

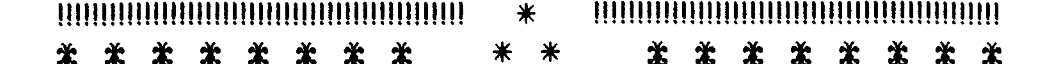
Господь во вѣкъ вѣковъ Царитъ!
Вшелъ Фараонъ со всѣмъ ужъ въ во́ды!
Іѕраиль се благодаритъ,
Прешедшій сухо тѣ безгоды.[15]

✻ ✻ ✻
✻

---

[14] В Соч. ***внидетъ*** вм. __внидутъ__.

[15] В Соч. последних два стиха исполнены след. образом:
Израиль сухо тѣ бѣзгоди / Прѣшелъ, и се благодаритъ.



ПѢСНЬ ВТОРАЯ

Вонми небо, и возглаголю.

Моисеева, Второзаконія Глава 32.

Богъ объявилъ Моисею, что-по-смéрти его Израильтяне отступятъ отъ Божіяго Закона, и что-Тогда-Онъ-Самъ-исполнитъ свои на нихъ угроженія дѣломъ: да и повелѣлъ Моисею написать Пѣснь, которой-бы-свидѣтельствовать-всегдá о семъ предвозвѣщеніи, присовокупить Ея къ Книгѣ Закона, при Кивотѣ Завѣта, и воспѣть оную всенародно и явно предъ всеми Ізраильскими Колѣнами. Пѣснь сія имѣетъ двѣ чáсти. Въ первой Моисей описываетъ иносказательнымъ образомъ Милости Господни къ Сынамъ Ізраилевымъ; а потóмъ грѣхи, коими-они-возбудйли, и возбудятъ впредь Бога на гнѣвъ. Во второй, предвозвѣщаетъ, что-Богъ-показнйтъ Іудеевъ за Ідолопоклонство, и за другія законопреступленія; что-Рассѣетъ ихъ по лицу всея землй; что-Язычники призваны будутъ на ихъ мѣсто, а однако не всеконечно истребитъ онъ Іудеевъ; и что-нѣкогда-соберéтъ ихъ изъ того Рассѣянія.

1

Вонми, о! Небо, и реку;
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ-дóждь я словомъ потеку;
И снидутъ, какъ-росá къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на дóлы.

2

Какъ-туча-падаетъ-на-злакъ;
Или какъ-йней гдѣ на сѣно:
Господне Имя есть мнѣ въ знакъ,
Што мыслей призвано не въ мракъ;
Славь Бога всяко въ насъ колѣно.

3

Богъ: истинны Его дѣлá;
И всѣ пути Его, судъ прáвый;
Богъ вѣренъ; а неправда зла
Не зрится, ни тоя въ немъ мгла,
Святый весь, Онъ душамъ свѣтъ здравый.

4

Согрѣшшіи вельми предъ Нимъ,
Не чада стали ужъ порокомъ!
О! Родъ строптивъ, развратенъ симъ,
Сіе ль ты Господу твоимъ
Воздать заблаго могъ оброкомъ?

5

Сихъ оный есть народъ делецъ,
Кой-весь не мудръ, и пребезуменъ:
Тебяжъ не Самъ ли Сей Отецъ[16]
Пріялъ, и былъ тебѣ Творецъ?
Доколѣ въ помыслахъ ты шуменъ!

6

Воспомяни тѣ дни вѣковъ,
И купно разумѣй всѣ лѣта
Отъ рода древняго родóвъ:
Спроси у родшаго слѣдóвъ,
Познаешь Старшихъ всѣ отъ свѣта.

7

Какъ-Богъ-Языки раздѣлялъ,
Сыновъ Адамлихъ рассѣвая;
Предѣловъ столько поставлялъ,
Коль вѣрныхъ слугъ себѣ счислялъ,
Отъ Ангельска числá то зная.

8

И стала быть Господня часть:
Іаковъ, родъ Его избранный;
Наслѣдіемъ возмогъ подпасть
Ізраиль весь Ему во власть;
Всякъ прочій людъ ужъ былъ какъ-стрáнный.

9

Въ пустынѣ всѣмъ Его снабдилъ:
Онъ жажду, въ превеликомъ знoѣ,
Въ землѣ безводной утолилъ;
Обвелъ Его, и сохранилъ,
Какъ-зѣницу очей, въ покоѣ.

---

[16] В Соч. *Сѧбѧ жъ* не Самъ ли *сей* Отецъ

10

Гнѣздо какъ-кроетъ всякъ Орелъ,
И надъ птенцами сей летаетъ:
Простеръ такъ крила Онъ, и сшелъ,
На рамена его возвелъ;
Подъемлетъ, взноситъ, соблюдаетъ.

11

Вождемъ имь былъ Господь Единъ;
Никто богъ чуждий не-былъ съ ними:
Взвелъ ихъ на верьхъ земныхъ плотинъ;
Поставилъ свыше всѣхъ судьбинъ;
Насытилъ житами благими.

12

Изъ каменя потекъ имъ медъ;
Елей изъ тверда жъ камня равно:
Млеко, тукъ, масло скотъ даетъ;
И цвѣтъ пшеничный всѣмъ растетъ;
Ихъ питіе, віно преславно.

13

Іаковъ въ сытости процвѣлъ;
Отвергся вскорѣ толь любимый:
Утылъ, и толсто расширѣлъ;
Отступствомъ Бога онъ презрѣлъ;
Забылъ, что-Спасъ ему Онъ чтимый.

14

Во нравахъ всѣ Творца чужихъ
И въ мерзостяхъ преогорчили;
Бѣсамъ пожерли въ скверна хъ сихъ,
Богамъ, отцамъ что-странны ихъ:
Отъ Напитавша жъ отступили.

15

Узрѣвъ Господь возревновалъ,
И раздражился Онъ презѣльно;
Въ сынахъ и дщеряхъ злость познал ъ,
Которыхъ-Самъ Онъ снабдѣвалъ,
Се взбѣсновавшихся бездѣльно.

16

Господь рекЪ: СамЪ Я отвращу
Лице Мое отЪ всѣхЪ ихЪ нынѣ;
И напослѣдокЪ имЪ отмщу:
РодЪ развращенный, вѣру тщу,
Не буду видѣть вЪ благостынѣ.

17

ВЪ гнѣвЪ привели тѣмЪ, что-не-БóгЪ;
И раздражили суетою:
НародомЪ ихЪ сломлю Я рогЪ,
Кой-не-нарóдЪ, хотя и многЪ,
ОтЪ глупыхЪ и людей бѣдою.

18

ОтЪ ярости ужЪ Моея,
Разжегся огнь палящЪ до ада;
СЪѣстЪ землю, и плоды ея;
Всѣ попалитЪ страны всея
ГорЪ основанія для глада.

19

Употреблю премного золЪ;
Пущý на нихЪ мои всѣ стрѣлы:
ВЪ снѣдь птицамЪ ляжетЪ плоть на дóлЪ;
Пожрéтъ живыхЪ звѣрь вЪ произволЪ;
Не будутЪ и отЪ ЗміевЪ цѣлы.

20

Внутрь истребитЪ ихЪ сáмый страхЪ;[17]
Извнѣ мечЪ острый обесчáдитЪ:
ЮнЪ сЪ дѣвою погибнетЪ вЪ прахЪ;
СЪ сѣдымЪ младенца при сосцахЪ
Смерть люта вЪ вѣкЪ и вЪ вѣкЪ изгладитЪ.

21

ИзрекЪ бы: ихЪ разсѣю всѣхЪ,
И память вЪ людяхЪ уничтожу;
Когда бЪ-не-для-протйвныхЪ тѣхЪ,
КоторымЪ-бы-не-збйть вЪ поспѣхЪ,
Я вЪ гнѣвѣ коихЪ-СамЪ убожу.

[17] В Соч. отсутствует слово сáмый

22

Еще-чтобъ-не-сказали-такъ:
Рукою мы свершили сею,
А не Господь то все никакъ:
Сей родъ, въ чіемъ-совѣтѣ-мра́къ,
Весьма глупъ мыслію своею.

23

О! ежели бъ все разумѣть,
И возмогли понять то ясно,
Чтобъ нынѣ налящи́ посмѣть,
И все въ рукахъ уже́ имѣть,
Что-впре́дь велитъ Онъ самовласно.

24

Какъ-тысящи-еди́нъ гонить,
Какъ-двигнуть-два́бъ могли тмы цѣлы?
Когдабъ-не-пре́далъ Богъ Самъ бить,
И не́-далъ бы Господь сломить,
Творя ихъ воины толь смѣлы.

25

Но Боги ихъ не таковы,
Каковъ-есть-Богъ нашъ, Велій, Сильный;
Враги жъ всѣ наши хоть-какъ-Львы́,
Хотящи нашея главы́;
Однакъ въ нихъ разумъ необильный.

26

Ихъ изъ Содо́ма Віноградъ,
И отъ Гомо́рры всѣ ихъ розги;
Ихъ гроздъ, есть токмо желчъ и смрадъ;
Ихъ ягода горька́ сто кратъ,
Сокъ отравляетъ шумны мозги.

27

Зміина ярость ихъ віно,
И Аспідовъ злость неисцѣльна:
Не Богомъ ли отведено́,
Въ Сокровищахъ заключено́,
Печать на всемъ томъ злѣ презѣльна?

28

Вѣ день мести то воздастѣ Онѣ Самѣ,
Когда-тѣ-преткнутся ногами:
О! Гибели день близокѣ вамѣ;
И быть-чему, стойтѣ ужѣ тамѣ;
Тѣмѣ движете Его вы сами.

29

Своимѣ Богѣ правду сотворитѣ,
И умоленѣ обѣ нихѣ Онѣ будетѣ;
Расслабленныхѣ, бессильныхѣ зритѣ,
Истаявшихѣ не уморитѣ,
Вконецѣ рабовѣ Самѣ не забудетѣ.

30

Такѣ рекѣ Господь: ихѣ боги гдѣ,
На коихѣ-всѣ вы уповали?
Тукѣ ѣли оныхѣ жертвѣ вездѣ,
И пили трѣбѣ віно вѣ чредѣ;
А о Сотворшемѣ не внимали.

31

Да встанутѣ, и да васѣ спасутѣ;
Да вѣ помощь вашу тѣ потщатся;
На васѣ покровѣ пусть нанесутѣ;
Враговѣ за васѣ да потрясутѣ,
И да исполнить то помчатся.

32

Но зрите, зрите, что-Есмь Я;
И нѣтѣ нигдѣ другаго Бога:
Мертвитѣ, живитѣ рука моя,
Цѣльба и язва отѣ нея;
Нѣтѣ, ктобѣ-исторгѣ, когда-та-срога.

33

На небо ону возведу,[18]
Кленясь Десницею моею,
Вѣщая словомѣ на среду,
Да будетѣ слышимо преду:
Живу во вѣки Самѣ Я сѣ нею!

---

18 В Соч. *Оно* вм. <u>ону</u>

34

Когда-я-изострю́ мой мечъ,[19]
И на престолъ судебный сяду;
То тѣмъ враговъ хощу посѣчь,
И въ месть нелюбящихъ повлѣчь,[20]
И ненавидящихъ по-ря́ду.

35

Я кровью стрѣлы напою́,
Наѣстся мечъ мой мясъ отъ тѣла,
Отъ тѣла я́звенныхъ въ бою́,
Отъ главъ Князей, что-убiю́,
Ихъ поплѣнивши грады, се́ла.

36

Возвеселитесь, Небеса,
Вы съ Богомъ нашимъ совокупно;[21]
Да прославляетъ чудеса,
Отъ древняго уже́ часа́,
Весь Ангельскiй чинъ неотступно.

37

Язы́ки! вы, съ Его людьми,
Въ веселiи сердецъ ликуйте;
Сыновъ родъ! крѣпость восприми,
И радостiю возгреми:
Всѣ нынѣ славно торжествуйте.

38

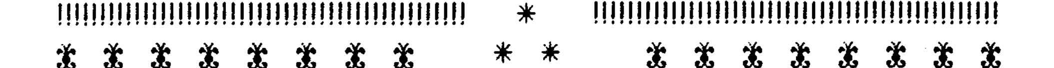
Отмщаетъ Богъ за васъ въ день сей,
И ненавидящимъ, суро́во
Онъ въ Правдѣ воздаетъ своей:
Землѣ жъ Его чадъ и людей,
Есть очищенiе готово.

* * *
*

[19] В Соч. *изощрю* вм. изострю

[20] В Соч. *вместь* вм. въ месть

[21] В Соч. *купно* вм. совокупно



ПѢСНЬ ТРЕТІЯ

Утвердися сердце мое во Господѣ

Анны Матери Самуила Пророка.
Царствъ кн. I, Гл. 2.

Анна, пришедши со всѣми своими въ Сіонъ на поклоненіе Богу, просила Го́спода о дарованіи себѣ Сына: да и обѣщала отдать Того въ служеніе Ему. По нѣкоторомъ времени Самуилъ родился; а Анна, въ возблагодареніе Богу, и воспѣла слѣдующую Пѣснь.

1

Мое все сердце утвержде́нно
О Господѣ, Онъ есть мой Богъ;
О Немъ се вознесенъ мой рогъ;
О Немъ уже́ зло побѣжде́нно:
Разверзлись на враговъ устнѣ;
Спасеніе настало мнѣ.

2

Весь духъ мой нынѣ веселится;
Что-спа́съ меня Господь Мой Самъ:
Его святяй нѣтъ по дѣламъ;
Онъ всюду правосуденъ зрится;
Его ни милостивѣй нѣтъ;
Единъ спасаетъ Онъ отъ бѣдъ.

3

О! не хвали́тесь, вы тщеславны,
Ни говорите гордыхъ словъ;
Языкъ чтобъ не́-былъ вашъ суровъ;
Устабъ безъ велерѣчій плавны:
Господь верьхъ разумовъ есть всѣхъ!
Въ Немъ начинаніямъ успѣхъ!

• 4 •

Лукъ изнемогъ вконецъ ужъ сильныхъ,
А въ силу слабыи пришли;
Се многохлѣбнымъ гладъ въ землѝ,[22]
Алкавшихъ зримъ въ ней изобильныхъ:
Неплóдна родилá седмь кратъ;
Родивша немощнá, безъ чадъ.

• 5 •

Господь мертвитъ и оживляетъ,
Возводитъ, и низводитъ въ гробъ;
Убожитъ, богатѝтъ особъ,
Кротѝтъ, и высинтъ; восставляетъ
Ниспадшихъ нищетою въ долъ,
Да ихъ посáдитъ на престолъ.

• 6 •

Молящимся даетъ обѣты;
Вѣкъ праведныхъ благословилъ:
Не отъ своихъ мужъ крѣпокъ силъ:
Господь Святъ раззоритъ навѣты,
Отъ супостата рáвно вредъ
Его жъ отъ силы въ немощь сведъ.

• 7 •

Затѣмъ, премудръ чтобъ не хвалился
Отнюдъ въ премудрости своей;
Ни сильный также въ силѣ всей;
Богатъ, въ богатствѣ бъ не гордился:
Но всѣмъ бы Бога знать и чтить,
И въ правдѣ судъ Земнымъ творить.

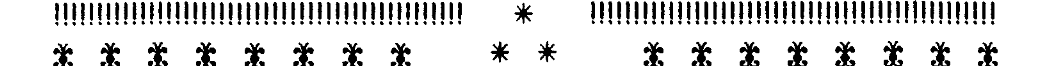
• 8 •

Господь восшелъ на Небо въ славѣ,
И се Онъ страшно возгремѣлъ;
Судить всю землю восхотѣлъ,
Какъ-справедлѝвъ, и дивенъ въ правѣ:
Царямъ Онъ крѣпость въ насъ пасетъ;
Рогъ Своего Хрїста взнесетъ.

❧ ❧ ❧

---

22 В Соч. *многохлѣбнихъ* вм. многохлѣбнымъ



ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Господи, услышахъ слухъ твой.

Аввакумова, и въ немъ Глава 3.

Въ сей пѣсни Аввакумъ прославляетъ великолѣпно величіе Божіе, который дре́вле явился въ дарованіи Закона на горѣ Сінаѣ, и въ чудесахъ истребленіемъ Царей и народовъ Ханаанскія Земли́, и поселеніемъ тамъ Сыновъ Израилевыхъ. Намѣреніе сея пѣсни, чтобъ утѣшить Іудеевъ, и ихъ удостовѣрить, что-Богъ-не-оста́витъ ихъ, и покажетъ еще́ свою́ Силу къ избавленію ихъ отъ Халдейскаго ига.

1

Услышавъ, Господи, слухъ Твой,
Боязнію содрогся крайно;
Я дѣло выразумѣлъ тайно,
И сталъ быть въ ужасѣ духъ мой:
Смотреніемъ грядешъ Отрада;
Душа трепещетъ предъ Тобой,
Спасенная во вѣкъ отъ Ада.

2

Двоихъ животныхъ посредѣ
Ты будешь истинно позна́нный;
Предстанешь явно въ насъ желанный,
Какъ-лѣта придутъ тѣ въ чредѣ:
Явишся, какъ-наста́нетъ время;
И милостиво всехъ въ бѣдѣ
Помянешь, облехчивъ золъ бремя.

3

Отъ Юга́ придетъ Богъ Святый,
И отъ горы́ дубравъ сѣнистыхъ:
Величія добротъ отъ чистыхъ
Покровъ есть Небесамъ златый;
Полна́ земля Его вся славы;
Онъ Свѣтъ, въ рукахъ лучъ непросты́й;
И то печать Его Державы.

4

ПредЪ нимЪ предЪидетЪ вЪ словѣ смерть,
ИзЪйдетЪ на поля́ поносно;
ПадетЪ подЪ но́ги та не косно,
КакЪ-предпрíйметЪ ону стерть:
ОнЪ сталЪ, и вся земля трясется;
Подвиглась и высо́ка твердь;
Язы́ки таютЪ, вѣсть несется.

5

Хребты вЪ той нуждѣ стерлись горЪ;[23]
Растаяли и холмы вѣчно;
ВЪ трудѣ ихЪ древнíй путь конечно:
Боится ЕѳíóплянЪ зборЪ,
Селенíя ихЪ пасть готовы;
Весь вЪ страхѣ Мадíамскíй взорЪ,
И вЪ трепетѣ ихЪ ра́вно кро́вы.

6

На рѣки ль, Господи, твой гнѣвЪ?
Вода́мЪ отЪ ярости ль есть горе?
Или стремительство на мо́ре?
На коней бурныхЪ тако всѣвЪ,
Ты борзо шествуешь повсюду:
Но шествíе Твое узрѣвЪ,
Я и спасенíе зрю люду.

7

Твой ЛукЪ уже́ есть налячé нЪ,
По сло́ву Твоему, на Скиптры;
Ты далЪ струямЪ вЪ долЪ ходы хитры;
ВерьхЪ горЪ Тобою удрученЪ;
ТекутЪ вЪ стремленíи всѣ во́ды;
ГласЪ бездны са́мыя промченЪ;
И высота всклицаетЪ вЪ роды.

---

23 В Соч.: *Верьхи за нужду* стерлись горЪ.

8

ВЪ чинЪ стали Солнце и Луна,
Они шли стрѣлЪ ТвоихЪ по свѣту,
Оружій и по блѣску вЪ мѣту:
Земля уже́ уменьшена́
ПрещеніемЪ ТвоимЪ жестокимЪ;
И ярость всѣмЪ обЪявлена́
ЯзыкамЪ гордымЪ и высокимЪ.

9

ИшелЪ спасти людей ТвоихЪ,
ТвоихЪ помазанныхЪ всѣхЪ ра́вно;
И положилЪ Ты СамЪ исправно
Смерть беззаконныхЪ сверьхЪ главЪ ихЪ:
Оковы сЪ ногЪ на нихЪ до выи,
Да мерзостей ктому своихЪ
Творить не могутЪ вольно злыи.

10

Ты палицею сокрушилЪ
Во всехЪ града́хЪ враговЪ тѣхЪ сильныхЪ,
КакЪ-шли, вЪ толпахЪ они обильныхЪ,
ЧтобЪ каждый насЪ опустошилЪ;
Пожрать и вЪявь и втай бѣжали:
Но Ты кЪ намЪ ко́ньми поспѣшилЪ,
И мы избавлены тѣмЪ стали.

11

КакЪ-уж-и-спря́тался сЪ труда́?[24]
И всѣмЪ я сердцемЪ убоялся,
Утробою поколебался
ОтЪ гласа устЪ ТвоихЪ: тогда
ВшелЪ трепетЪ преужасный вЪ кости,
Настала крѣпости бѣда,
Всего обЪяли смертны злости.

---

[24] В Соч.: *Хотя и спрятался сЪ труда.*

12

Возлягу почивая днесь,
До дня скобе́й неизреченныхъ;
Ты Самъ Твоихъ Рукъ ополченныхъ
До тѣхъ не хощешь двигнуть здѣсь:
Какъ-въ-люди-вни́ду я пришелецъ,
Воздвигнется и брань и смѣсь;
Всякъ возрыдаетъ Земледѣлецъ.

13

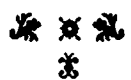
Плодовъ ужъ Смоквь не принесетъ;
Не будетъ рода Вiнограду;
Печаль всему настанетъ граду;
И стару, юну, и кой-Ссе́тъ:
Солже́тъ въ успѣхѣ и Олiва;
Гладъ измождитъ всѣхъ и стрясетъ,
Что-хлѣба-не-пода́стъ имъ Нива.

14

Умалится число Овецъ;
Воловъ при Ясляхъ ужъ не будетъ;
Всего и всѣхъ Зло не забудетъ,
Всему, и всѣмъ есть лютъ конецъ:
Но мнѣ о Господѣ есть радость;
Онъ мой Единъ Богъ и Творецъ,
Мнѣ въ Немъ Спасителѣ вся сладость.

15

Господь Богъ сила есть моя́;
Кладетъ стези мнѣ безопасны,
Творитъ мои Онъ ноги кра́сны;
Въ верьхъ взноситъ милость подая́;
Да побѣдивъ враговъ ликую,
И да, Хвалу Ему поя́,
Въ той пѣсни свѣтло торжествую.



ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Отъ нощи утренюетъ духъ мой.

Исаiна, и въ немъ Глава 26.

Исаiя въ прошедшей Главѣ приноситъ Хваленiе Богу, да и въ сей продолжаетъ Хвалить Его, и изъявляетъ надѣянiе, кое-Пра́ведныи имѣютъ на Бога.

1

Къ Тебѣ отъ нощи востаетъ,
О! Боже, въ утро духъ мой вольно:
Твое велѣнiе престольно,
Спасительный Землѣ есть свѣтъ.
Весь родъ живущихъ Земнородныхъ,
Ты научиться Правдѣ тщись:
О! Злый, блаженнымъ быть не мнись,
Дѣлъ за нечестiе не плодныхъ.

2

Да потребится отъ среды
Всякъ безъ пощады нечестивый,
И духъ его толико льстивый:
Да не имѣетъ онъ чреды́
Господню славу видѣть съ нами.
Твоя́-что, Господи, рука,
Вельми и мышца высока́,
Не знаютъ; но въ стыдъ придутъ сами.

3

Не наученныхъ всѣхъ людей
Объиметъ скрежетъ, зависть злая;
Огнь, супостаты пожигая,
Конечно истребитъ въ день сей.
Но насъ любезнымъ, Боже, миромъ,
Пославъ тотъ намъ, благослови;
Сію намъ милость въ вѣкъ яви,
Толь всякимъ насладивъ насъ пиромъ.

4

О! Господи, и Боже нашъ:
Мы много отъ чужихъ терпѣли;
Едва въ Господъ не возъимѣли.
Но мо́лимъ, Ты намъ буди стражъ;
Твоя надъ нами власть и воля:
Кромѣ Тебя мы никого,
Не знаемъ ра́вно ничего;
Въ Твоемъ намъ Имени есть доля.

5

Къ тому уже́ тѣ живота
Не могутъ видѣть всѣ отнынѣ,
Зримъ гробы токмо мы въ пустынѣ,
Гдѣ вся была ихъ высота:
Ихъ воскресить враги не сильны;
Ты Самъ ихъ въ вѣки погубилъ,
И память съ шумомъ потребилъ,
Коль Мужи были не обильны.

6

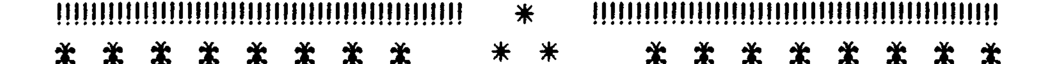
Самъ, Господи, зла приложи
Тѣмъ, кои-на-землѣ толь славны,
Что-мнятся-быть съ Тобою ра́вны,
Но насъ всѣхъ вмалѣ накажи:
Тебя мы въ скорби поминаемъ:
Хоть совокупно, хоть и въ разнь,
Мы получаемъ должну казнь;
Однакъ къ Тебѣ всѣ прибѣгаемъ.

∙ 7 ∙

Какъ-мучащаяся родить,
Въ болѣзни вопіетъ великой;
Такъ всѣмъ намъ повелѣлъ въ толикой
Ты скорби предъ Тобой ходить:
Зачавъ, во чрево мы вселили;
А бремя такъ свое нося,
И повсегда къ Тебѣ глася,
Спасенія мы духъ родили.

∙ 8 ∙

Не мы; но славныи падутъ,
И овладѣвшіи землею:
Восстанутъ мертвыи душею,
Воскреснутъ въ жизнь, гласъ издадутъ,
И о Тебѣ возвеселятся:
Роса Твоя имъ есть цѣльба.
Есть нечестивымъ та Судьба,
Да падши въ дольняя вселятся.



ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Возопихъ въ скорби моей.

Іонина, и въ немъ Глава 2.

Іона, поверженный въ море, поглощенъ Китомъ, у коего-во-чревѣ пребылъ онъ три-дни, и три нощи. Воссылаетъ онъ свою Молитву къ Богу, и благодаритъ, что-Богъ-избавилъ его: а Китъ изрыгнулъ его на-берегъ.

1

Я въ скорби къ Господу моей
Отъ сердца возопилъ стеная;
Богъ мой меня въ печали сей
Услышалъ милость поминая.
Услышалъ Ты, о! Боже, гласъ,
И вопль мой изъ звѣрина чрева:
Хоть въ глубину низвергъ отъ гнѣва,
Хоть рѣки залили тамъ въ разъ:
Однакъ не презрилъ[25] горька рева.

2

Вся высота по мнѣ прешла;
Вся глубина меня пріяла;
Вся и широкость обошла;
Отверста мраковъ бездна стала;
Всего покрыли горы водъ:
Шумъ токовъ оглушилъ ужасный;
Всему явился видъ золъ власный,
И влажный пропастей исподъ.
О! коль тогда я былъ злощастный.

25..В Соч. *призрилъ*.

3

Изрѣкъ я въ горести сіе:
Отринутъ обрѣтаюсь нынѣ,
И все стенаніе мое,
Здѣсь отъ Твоихъ очей въ долинѣ;
Ужé ктому я не узрю́
Живъ Храма Твоего Святаго,
Ни въ немъ сіянія драгаго:
Влилась водá къ душѝ за прю;
Се въ безднѣ смерть мнѣ, а не Благо!

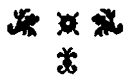
4

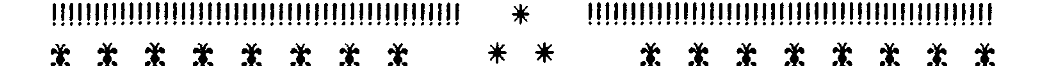
Глава моя́ въ рассѣле горъ
Ужъ всеконечно понырнула;
Снисшелъ въ мѣстá подземны взоръ,
Земля заклепъ свой гдѣ-замкнула,
Въ вѣкъ положивши верей.
О! Боже, да животъ спасется,
И на верьхи да изнесется;
Да внидутъ слез къ Тебѣ струѝ;
Да духъ въ пучинѣ не стрясется.

5

Когда-вельмѝ душа моя́
Въ страданіяхъ тамъ сихъ томилась;
То милость, Господи, Твоя
Во время въ память мнѣ вселилась:
Молитву Самъ мою́ Ты внялъ;
Дошла въ Храмъ къ Твоему Престолу,
Судебъ Твоихъ по произволу,
Ты ону въ Благости пріялъ;
Возведъ меня, не прéдалъ долу.

Хранящіи ложь, суету,
ПренебрегаютЪ благодарность;
За то пріимутЪ срамоту,
И казнь за лесную коварность.
Но я со гласомЪ похвалы,
И вЪ исповѣданіи Богу
ВоздамЪ спасенный жертву многу,
Котора-сéрдце, не волы,
И весь обѣтЪ мой безЪ подлогу.





ПѢСНЬ СЕДМАЯ.

Благословенъ еси Господи Боже.

Въ Даніилѣ Глава 3.

Когда-по-Навуходоносóрову повелѣнію три отрока, други Даніиловы, не поклонились Ідолу златому; то Царь, въ зѣльномъ гнѣвѣ, повелѣлъ ихъ вринуть въ пещь горящую, и седмижды раскалéнную. Вверженныи отроки приносятъ свою молитву къ Богу объ избавленіи.

⁂ 1 ⁂

Благословенъ, о! Боже Сильный,
Господь и нашимъ всѣмъ Отцамъ;
Ты славоюИменъ обильный;
Въ вѣкъ хвáленъ по земнымъ концамъ;
Ты праведенъ во всемъ предъ нами,
Твоими Истинны дѣлами;
Твой правосуденъ путь во всемъ
На насъ Тобою наведенномъ,
И на Святый Градъ въ напряженном:
Ты за грѣхи казнишь насъ тѣмъ.

⁂ 2 ⁂

Мы предъ Тобою согрѣшили,
И беззаконно отъ Тебя
Въ бесстудствѣ[26] нашемъ отступили,
Прельщая суетой себя:
О Заповѣдяхъ не радѣли,
Ни ихъ соблюсть мы восхотѣли:
Мы дѣлали единый срамъ;
Все правое пренебрегали,
Что-отъ-Тебя́ воспріимали,
Да Благо будетъ въ жизни нам.

---

26 В Соч.: *бесспудствѣ*.

3

Се въ ру́ки пре́далъ беззаконныхъ,
И вла́сти насъ лукавой, злой,
И всѣхъ тѣхъ Ідолопоклонныхъ,
И ихъ неправдѣ головой:
Не можемъ устъ отверсть мы нынѣ,
Толико въ горесной пелынѣ;
Уже́ мы въ стыдъ рабамъ Твоимъ,
И въ поношеніе всѣмъ чтущимъ,
Тебя Единаго поющимъ;
Мы въ тягость и себѣ сами́мъ.

4

Но не предай насъ всеконечно
Для Имени днесь Твоего;
Мы молимся Тебѣ сердечно,
Не раззори Самъ ничего
Въ Твоемъ толь истинном Завѣтѣ:
Не попусти намъ быть въ навѣтѣ,
Для Авраама, кой-прія́тъ
Въ любленіе къ Тебѣ и въ дружбу,
За Ісаакову всю службу,
И для Ізраиля, кой-Свя́тъ.

5

Ты Самъ имъ, Боже, обѣщался,
Умножить сѣмя оныхъ толь,
Какъ-съ-ними-у́стно сообщался,
Блистаетъ звѣздъ на не́бе коль,
И сколько есть песку при мо́рѣ:
Теперь мы въ превеликомъ го́рѣ,
Умаленныи паче всѣхъ;
Уже́ мы на землѣ смиренны,
И всюду и отъ всѣхъ презрѣнны
Къ Тебѣ за нашъ великій грѣхъ.

6

Начальника въ сіе ужъ время,
Нѣтъ ни Пророка, ни Вождя;
Несемъ мы нестерпимо бремя,
Насъ всюду обстоитъ бѣда:
Нѣтъ мѣста къ жертвѣ всесожженій,
И всѣхъ Кадильныхъ приношеній,
Гдѣ-мы-моглй пожреть Тебѣ;
А отложившимъ всю унылость,
Твоюбъ намъ пребогату милость
Возможно пріобрѣсть себѣ.

7

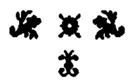
Однакъ, да въ сердцѣ мы сотренном
Пріяты будемъ вопія,
И въ духѣ по всему смиренномъ
Мольбу сію къ Тебѣ лія:
Какъ-въ-Тéльчихъ жженіяхъ всештучныхъ,
Какъ-въ-Óвнихъ, въ тмахъ и Агнцовъ тучныхъ,
Такъ жертва наша предъ Тобой,
О! Господи, днесь да явится,
И да въ угодность совершится:
Мы въ вѣрности къ Тебѣ прямóй.

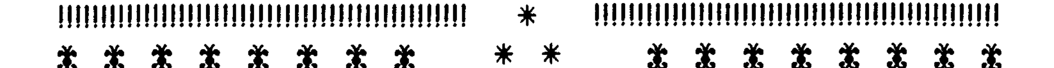
8

Се мы отъ глубины утробной
Возслѣдуемъ Тебѣ боясь;
Къ Тебѣ въ сей прибѣгаемъ гробной
Печали нашей не стыдясь:
Не посрами, но кротокъ буди,
И въ милости насъ не забуди:
Сія премнога по всему.
Изми насъ по Твоей державѣ,
И по великолѣпной Славѣ
Въ вѣкъ Имени здѣсь Твоему.

9

Являющіи люто злая,
О! Господи, Твоимъ рабамъ,
Да постыдятся всѣ, гонзая
Въ погибель сами по судьбамъ:
Да всякаябъ своя ихъ Сила,
И крѣпость сло́млена срамила:
Да знаютъ, что-Единъ Ты Богъ,
Что-по-вселенной-все́й Ты славенъ,
И токмо Ты Единъ Державенъ;
Съ Тобой несмѣненъ всякъ прилогъ.





ПѢСНЬ ОСМАЯ.

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ.

Въ Даніилѣ Глава 3.

По сохраненіи Ангеломъ трехъ Юношъ въ оной горящей пе́щи, благодарятъ они Господу за чудесное избавленіе.

1

Благословенъ, Господь, Богъ нашихъ всѣхъ отецъ
Прехвальный и превозносимый;
Благословенъ въ своей и Славѣ нашъ Творецъ,
По долгу всѣми толь гласимый;
Благословенъ всѣ бездны зряй,
На Херувімахъ Самъ сѣдяй:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

2

Благословенъ Престолъ, и Царствіе Его
Прехвально и превозносимо;
Благословенно все Величіе Того
По долгу всѣми толь гласимо;
Благословенъ на Небесахъ,
Всего и Міра въ колеса́хъ:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

3

Благословите вы всѣ Господа дѣлá;
Всѣ купно Ангели Господни;
Всѣ Силы, всяка Тварь, и также всѣ Тѣлá
Превыспренни, и преисподни;
Всѣ вóды сáмыхъ сверьхъ небесъ;
Всякъ óбразъ дивнѣйшихъ чудесъ:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

4

Благословите, Твердь, и Солнце, и Луна,
Толь многій Хоръ Звѣздъ распещренный;
И всякій Духъ, Душа, Дождь, всѣхъ и Росъ винá;
Огня и вара родъ небренный;
И всяка стужа, всякъ и зной;
И иней, ледъ, и мразъ хвалой:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

5

Благословите, снѣгъ, слотá, и день, и нощь,
Свѣтъ, молнія, тма, мраки;
Вы купно облакá, и вóздухъ силъ не тощь,
Земля, плоды растущи паки;
И Гóры, Хóлмы, и Древá;
И злаки всѣ, и вся трава:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

6

Благословите, Мгла, Источники, Морѧ́,
Езéра, Рѣки, Рыбы, Киты
И все что-есть-въ-водáхъ; вы Птицы выспрь парѧ́,
И тмы мшицъ, Рóи знамениты;
И звѣри, и число Скотовъ,
И всякихъ множество гадóвъ:
Его воспойте Человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

∾ 7 ∾

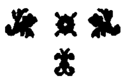
Благословите днесь, о! Людіе и вы,
И ты Ізраиль предЪизбранный;
Служащіи Ему Священные Главы;
РабЪ, властелинЪ, природный, странный;
ДухЪ ПравыхЪ, кроткія сердцá,
Блажите общаго Творца:
Его всѣ пойте Человѣки,
И славно величайте вЪ вѣки.

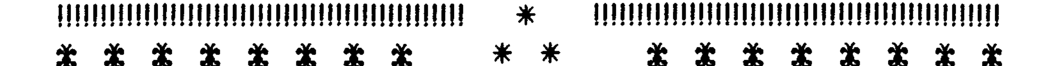
∾ 8 ∾

БлагословимЪ Того и мы превознося,
Ананій и Азарій крáсно,
МисаилЪ третій вЪ насЪ; Хваленіе жЪ гласяя,
ПочтимЪ Всевышняго согласно,
И воспрославимЪ отЪ сердецЪ
Всея Вселенны до конецЪ:
А воспѣвая сЪ Человѣки,
Достойно возвеличимЪ вЪ вѣки.

∾ 9 ∾

ОнЪ СамЪ исторгнуть насЪ отЪ Ада днесь судилЪ;
ОнЪ спасЪ отЪ сáмыя насЪ смерти;
ОтЪ пещнаго огня соблю́сть благоволилЪ,
И злымЪ не попустилЪ насЪ стерти:
ОнЪ БлагЪ, кЪ Нему всѣ воззовемЪ,
Да вЪ Благостынѣ поживемЪ:
Его поемЪ мы Человѣки,
И славно величаемЪ вЪ вѣки.





ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Величитъ душа́ моя́ Го́спода.

Богородицына, у Луки въ Главѣ 1.

Пѣснь сію воспѣла Пренепорочная Дѣва Богородительница, когда-Она́, зачении Бога Сло́ва, посѣтила Елісавету Матерь Іоанна Предотечи.

• 1 •

Величитъ Го́спода поя
Все сердце, вся Душа моя́:
Имъ Богомъ Спасшимъ Духъ пришелъ мой въ крайню радость,
И чувствуетъ Небесну Сладость.

• 2 •

На нискость Онъ мою́ призрѣлъ,
Рабу Смиренну изобрѣлъ:
Всѣ роды ублажатъ меня уже́ отнынѣ,
Въ толикой вѣчно благостынѣ.

• 3 •

Велико сотворилъ со мной
Всесильный, и Святый Собой!
Отъ рода въ родъ Его всѣмъ милости творятся,
Которы-Онаго-боятся.

• 4 •

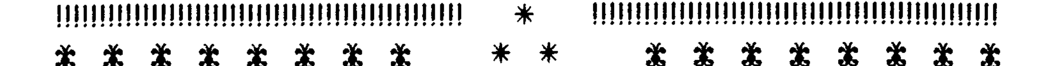
Державу мышцею явилъ,
И Самъ Своею утвердилъ:
Гордящихся всю мысль развѣялъ напыще́нну,
Въ ничто въ сердца́хъ ихъ обращенну.

5

Низвергъ въ глубокій Сильны[x] долъ;
Вознесъ Смиренныхъ на Престолъ:
Наполнилъ алчныхъ всѣхъ премногими Благими,
Богатыхъ отпустилъ нагими.

6

Ізраиля пріялъ всего;
Раба Онъ вспóмнилъ Своего:
Такъ Аврааму Самъ далъ клятву издалéка,
И Сѣмени Его до вѣка.



ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Благословенъ Господь Богъ Ізраилевъ.

Захаріина, у Луки Глава 1.

По наступленіи времени къ Рожденію Елісаветѣ, родила Она сына, который-согла́сно отъ обоихъ Родителей нареченъ Іоанномъ. Захаріа, Отецъ Отрочаревъ, исполнившись Духа Святаго воспѣлъ съ прорицаніемъ слѣдующую благодарственную Пѣснь.

1

Благословенъ Господь и Богъ,
Ізраилю себя явивый,
Избаву людямъ сотворивый,
И всѣмъ воздвигнутый нам Рогъ
Въ селеніи раба и отрока Давіда;
Да не ктому язвитъ насъ лютая обида!

2

Такъ Самъ Онъ провѣщалъ
Святыхъ Пророковъ всѣх устами,
Дать верьхъ намъ славный над врагами;
Изъ ихъ отъять рукъ обѣщалъ,
Съ отцами сотворить свою́ богату милость,
Завѣтъ Свой помянуть, отгнать отъ насъ унылость.

3

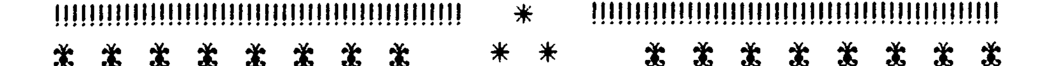
Онъ кля́лся Аврааму тѣмъ,
Что будемъ мы Ему́, [безъ страха,
Отъ вражія спасе́ны праха],
Служить и Правдою, и всѣмъ
Говѣніемъ предъ Нимъ святым и преподобным,
И всякъ день въ животѣ хваленіем особнымъ.

• 4 •

Но о! Младенецъ, ты Пророкъ
Всевышняго пронаречешся:
Ты въ силу свыше облечешся,
Предшествовать пред Нимъ въ свой срокъ;
Да уготовишь всѣ пути Его нелесны,
И всѣ стези Его здѣсь на землѣ небесны.

• 5 •

Да людямъ умъ подашь Его,
Въ чемъ есть спасительна отрада
Отъ всякаго грѣховна смрада,
За милость Бога Самого́:
Востокъ насъ присѣтилъ отъ тѣней тмы избавить,
А но́ги наши въ вѣкъ на миренъ путь направить.



ПѢСНЬ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Внегда начати вождом во Ізраили.

Девворина, Судей Глава 5.

Деввора Пророчица, жена Лафідоѳова, настала по смерти Самегаровѣ, Судіею Ізраилтянамъ. Когдажъ-Она-одержáла, съ Варакомъ, преславную надъ Царемъ Асорскимъ Іавіномъ побѣду, и разбила совершенно Сісару военачальника Его, убѣгшаго въ шатеръ къ Іаили, женѣ Хаверъ-КинеЕвѣ, и умерщвленнаго тамъ отъ нея древяннымъ гвоздемъ въ високъ: тогда воспѣла сію пѣснь въ похвалу и въ торжественное возблагодареніе Господу, даровавшему полное на враговъ одолѣніе.

1

Когда-въ-Ізраилѣ-вождú
Мстить начали прехрабро съ Богомъ;
Когда-въ-числѣ-и-люди многомъ
Текли такъ вóльно, какъ-дождú:
То Господу Хвалу явите,
И Вышняго Благословите.

2

Услыште, о! Царú землú;
И каждый изъ Князей внушая,
А вопли Сонмовъ утишая,
Съ благоговѣніемъ внемлú:
Я воспою Пѣснь велегласно,
Я Гóсподу пою днесь крáсно.

3

Какъ-скóро, Боже, Ты исшелъ,
Возвигшись грозно на Сїúра,
И въ молніяхъ Твоя Порфіра
Блеснула отъ Едóмскихъ Селъ;
Вся потряслась Земля съ Водáми,
Смутилось Небо съ Облакáми.

4

Подвиглись Горы отъ Лица́
Тогда всѣ Господа Превѣчна,
Подвиглись тѣ отъ Бесконечна
Царя, и Бога, и Творца:
И самъ Сінай такъ колебался,
Что-на-твердынѣ-волновался.

5

Въ дни, въ кои-пребывалъ-Самгаръ,
Анаѳовъ сынъ, въ дни Іаили,
Уже по стогнамъ не ходили;
Не зрился путникъ младъ, ни старъ:
Всякъ отъ пути былъ воспященный,
Иль шелъ въ кривый и развращенный.

6

Ізраительски всѣ мѣста́,
И всѣ жилища опустѣли;
Домо́въ ужъ грады не имѣли,
Была и кажда грань пуста́:
Пока Деввора не восстала,
И Ма́терію быть не стала.

7

Едва Ізраиль изберетъ
Боговъ, какъ-новый-хлѣбъ-ячме́нный;
То вдругъ подъ грады людъ военный:
А со́рокъ тысящь общій вредъ
Моглиль прочь отгонять пустою,
Безъ копій и щитовъ, рукою?

8

Но во Ізраилѣ всѣхъ главъ,
И отъ народа добровольныхъ,
Собравшихся отъ мѣстъ окольныхъ,
Какъ-любитъ-се́рдце, такъ мой нравъ:
О! сильныи Людей, гласи́те,
И Го́спода превозноси́те.

9

Вы ѣздящiи вполы дня
Въявь на своихЪ ОслятахЪ бѣлыхЪ,
И вы сидящiи на цѣлыхЪ
СудищахЪ, кривду прочь гоня,
И вЪ СонмЪ Ходящiи, собщайте
Дѣла́ ДругЪ Дру́гу, и вѣщайте.

10

ШумЪ ополченныхЪ ужЪ престалЪ;
Да будетЪ плещущихЪ гласЪ тамо,
О Правдѣ слово токмо са́мо,
Гдѣ-во́дЪ ИсточникЪ БогЪ нам далЪ:
ОнЪ утвердитЪ вЪ насЪ Правды дѣло;
НародЪ пошелЪ во грады смѣло.

11

Ты встань, ты встань, Девво́ра, днесь,
И вЪ Пѣсни сей рцы вѣрно слово:
Вара́кЪ! востань и ты готово,
Востань Авiнее́мль сынЪ здѣсь;
Веди Тобою побѣжденныхЪ,
Яви, колико есть плѣненныхЪ.

12

Уже́ ты вЪ силахЪ превозмогЪ;
НародЪ Господень торжествуетЪ,
Обрадованный ликовствуетЪ:
Мнѣ си́льнейшихЪ уже́ СамЪ БогЪ
ПодвергЪ Десницею Своею,
ДалЪ быть подЪ властiю моею.

13

ОтЪ мѣстЪ ЕфремлихЪ корень ихЪ,
И даже ОнЪ до Амали́ка:
Но былЪ ВенiаминЪ отЪ Ли́ка,
КакЪ-бра́тЪ тебѣ, тогда твоихЪ;
МахíрЪ моя́ былЪ оборона,
И ПисменникЪ отЪ Завуло́на.

⁂ 14 ⁂

Начальникъ Іссахáрскій съ странъ
Деввóринныхъ сталъ посрединѣ;
Былъ съ пѣшими Варáкъ въ долинѣ,
Рувúмъ раздѣломъ гдѣ-раздрáнъ:
Противъ противныхъ тамъ стояли,
И въ сердце бодрость воспріяли.

⁂ 15 ⁂

Чтожъ-тотъ-Хлѣвóвъ въ забрáла сѣлъ?
Мѣстá оградъ сихъ толь не чисты:
Иль скотски слышать тамо свисты,
И шествующихъ шумъ хотѣлъ
Въ Рувúмовы тогда раздѣлы?
Всѣ мыслей суетны предѣлы!

⁂ 16 ⁂

Збѣгъ Галаáдъ за Іорданъ;
Асúръ, что-на-брегáхъ бываетъ?
Отъ пристаней не отбѣгаетъ?
Почто и совокупно Данъ
Изъ кораблей есть неисходенъ?
Или онъ ни къ чему не годенъ?

⁂ 17 ⁂

Но Завулóнъ есть сей Народъ,
Который-сáмъ подвергся смерти,
Или чтобъ супостатовъ стерти;
И Нефѳалíмъ, подобный родъ,
Безъ дѣйствъ не пребыл празно въ дóлѣ:
И сшелъ, и сталъ на чистомъ пóлѣ.

⁂ 18 ⁂

Цари къ нему пришли ужъ вблизь,
Тѣ ополченны восстали;
Тамъ въ Ѳанаáхѣ воевали,
У Магеддóнскихъ водъ сошлись:
Однакъ, коль крóви не точили,
Сребра себѣ не получили.

19

Се что? Чинъ воружился Звѣздъ!
Онъ сталъ противъ того Сісáры!
Вонзаетъ смертныи удары
Лучами отъ своихъ Самъ гнѣздъ:
Се небеса всѣ ополчились,
И на негожъ ожесточились!

20

Потокъ Кісóновъ ихъ зглотилъ,
Токъ наводненія подобно
Въ нихъ прóлилъ Кадимінъ способно:
Потокъ Кісóновъ затопилъ!
Душа моя! Тѣмъ всюду рана,
И сила ихъ Тобой попрана.

21

Съ ристанія, отъ Конскихъ ногъ
Скочилъ, на пóлы рассѣкаясь,
Или на чáсти сокрушаясь,
Копыта оный твердый рогъ:
Толь былъ тогда тамъ тóпотъ сильный!
И скакъ[27] во всѣ страны обильный!

22

Клените, Ангелъ такъ велитъ,
Клените Клятвою Мазóра;
Да истребится онъ отъ взора;
Всякъ житель въ немъ да заболи́тъ:
Въ Господню пóмощь не потщились,
И въ пóмощь сильну не собщились.

23

Да будетъ Іаиль Жена
Хавéръ-Кинеева почтенна,
Во всѣхъ женахъ благословéнна!
Да препрославится Она
Всѣхъ велелѣпнѣе женъ сущихъ,
Въ шатрахъ и нá-полѣ живущихъ!

27 В Соч. *Скачъ*.

24

Просилъ онъ у Нея воды́;
Млека́ Та подала возвратно,
И Ма́сла Кравія богатно:
То изнесла все до среды́,
И съ тѣмъ, Ему отягощенну,
Подноситъ чашу позлащенну.

25

Простерла лѣвую свою
Къ гвоздю́ потомъ древянну въ плату,
А правую къ работныхъ млату;
Сісару тѣми, безъ бою,
Въ високъ до-сме́рти поразила,
Въ кой-млатомъ-гво́здь Ему вонзила.

26

Согнувся палъ къ Ея ногамъ,
Падъ, на землѣ весь растянулся;
И нѣсколько еще́ онъ гнулся,
Валяясь при издохѣ тамъ:
Но вскорѣ, гнусно безобразенъ,
Издохъ, и сталъ во вѣки мразенъ.

27

Въ окно смотрѣла часто Мать
Сісарина, и сквозь решетку;
Сама всклицала, какъ въ трещетку:
Доколѣ такъ его мнѣ ждать?
Его что-ме́длитъ Колесница?
А съ нимъ, и прочія всѣ Лица?

28

На то мудрѣйши изъ Вельможъ
Гадательствуя отвѣщали,
И купно ону улещали
Такъ Знаменитые Госпожъ:
Да и Сама себя та льстила,
Что-въ-се́рдцѣ съ ними сходно мнила.

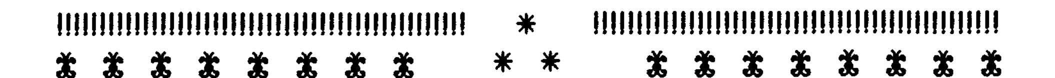
29

Корысть велику знать онъ взялъ;
Ту раздѣляетъ заслужившимъ,
И всѣмъ въ войнѣ себѣ дружившимъ:
Драгія ўтвари отъялъ;
Облекъ на рамена цвѣтнўю,
На выю возложилъ златую.

30

Такъ, Господи, Твои враги
Всегда вездѣ да погибаютъ!
А ра́вно Солнцу да блистаютъ
Возлюбшіи Тебя Слуги!
Да впредь не мўчитъ зло ни кое!
Страна да будетъ вся въ покоѣ!

КОНЕЦЪ ВСЕМУ
и
БОГУ СЛАВА.

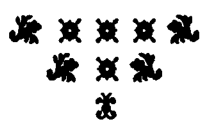


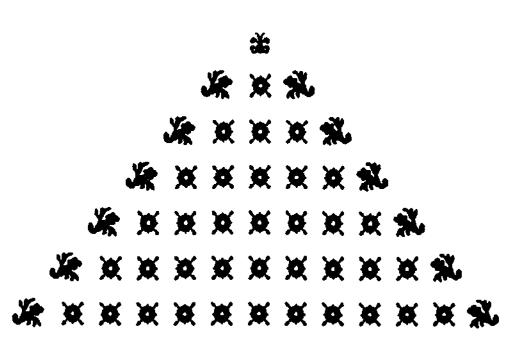
ОГЛАВЛЕНIЕ.

КОНЕЦЪ

ПѢСНИ

КОНЕЦЪ ВСЕМУ и БОГУ СЛАВА





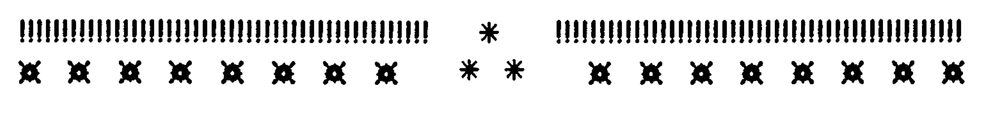
Сію Книгу писалъ я самъ всю собственною моею рукою. Чтожъ въ ней находятся по мѣстамъ приправки, и чищенныя скребенія; то все оное дѣлано мноюжъ пре́жде-еще, нежели она подана́ была въ Святѣйшій Правительствующій Сі́нодъ къ освидѣтельствованію. Того ради, да не сомнѣваются читатели о како́мъ-либо подлогѣ, удостовѣряю всѣхъ о томъ свято.

Васілій Тредіаковскій

Автограф Тредиаковского

Сію Книгу писалъ я самъ всю собственною моею рукою. Что жъ въ ней находятся по мѣстамъ поправки, и чищенныя скребенія; то все оное зделано мною жъ прежде-еще, нежели она подана была въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ на освидѣтельствованіе. Того ради, да не сомнѣваются читатели о какомъ-либо подлогѣ, удостовѣряю всѣхъ о томъ самъ.

Василій Тредиаковскій



ПРИЛОЖЕНІЕ I

ТРИ ОДЫ ПАРАФРАСТІЧЕСКІЯ

ПСАЛМА 143

СОЧИНЕННЫЯ

чрезЪ

ТРЕХЪ СТІХОТВОРЦОВЪ

изЪ которыхЪ

КАЖДОЙ ОДНУ СЛОЖИЛЪ ОСОБЛИВО.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ ІМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
cbbccxLIV.

Sic honor, et nomen diuinis Vatibus, atque
Carminibus venit - - - -

Horat. de Art. poet. vers. 400 & 401

то есть:

Симъ образомъ искусные Стïхотворцы, и ихъ
Стïхи, честь и славу себѣ получаютъ.

Горац. о Наук. Стïхотвор. ст. 400 и 401

*

* *

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ

Будучи по случаю совокупно сихъ слѣдующихъ Одъ Авторы, имѣли довольной между собою разговоръ о Россійскихъ Стіхахъ вообще, которые нынѣ, пóслѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, ужé въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ паденіемъ, нежели какъ старые бесстопные были, производятся отъ Писателей искусныхъ въ Стіхотвореніи. Разговоръ ихъ былъ нѣкоторой родъ спóра, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, ХОРЕЯ и ІАМбА, которыми нынѣ составляются Россійскіе Стіхи.

Нѣкоторой изъ нихъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопá, называемая ІАМбЪ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится съ низу въ верьхъ, отъ чего всякому чувствительно слышна высокость ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякой Героіческой Стіхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая матерія поется, долженствуетъ состоять сею Стопóю; а ХОРЕЙ, сприроды нѣжность и пріятную сладость имѣющій самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегіаческой родъ Стіхотворенія, и другіе подобные, которые нѣжныхъ и мяхкихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верьху въ низъ упадаетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Другой прекословилъ сему, и предлагалъ, что никоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя Стіхотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что ІАМбОМЪ состоящій Стіхъ равно изобразитъ слаткую нѣжность, когда нѣжныя словá приберутся, и ХОРЕЕМЪ высокое благородство, ежели Стіхотворецъ употребитъ высокія и благородныя рѣчи.

Сіе онъ утверждалъ еще, что ХОРЕЙ и ІАМбЪ коль себѣ ни противны діаметрально, для того что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а второй изъ краткаго да дол-

гаго; однако сїе ихъ сопротивленїе другъ другу не толь есть непрїятелское явно, что бы они имѣли между собою согласїя и дружбы тайно: ибо чистымъ ІАМбОМЪ состоящїй Стихъ, ежели токмо одинъ самый первый слогъ сего Стїха тише обыкновеннаго голосомъ произнесется, имѣетъ состоять въ тожъ са́мое время чистымъ ХОРЕЕМЪ; также, буде Стїхъ составленъ чистымъ ХОРЕЕМЪ, то тишайшимъ произношенїемъ перваго его одного токмо слога, составится онъ совокупно чистымъ ІАМбОМЪ.

Отъ сего онъ наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопа́ми долженствуетъ быть не заключенной, но природной и братской; а слѣдовательно, когда ІАМбЪ сприроды имѣетъ высокость, то совокупно имѣетъ оную и ХОРЕЙ; когдажъ въ ХОРЕѢ также природная есть нѣжность, то все участїе въ ней по праву должно и ІАМбУ, и для того какъ ХОРЕЙ нѣженъ и высокъ, такъ ІАМбЪ высокъ и нѣженъ.

Въ рассужденїижъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство ІАМбУ для того, что онъ съ низу въ верьхъ восходитъ, а ХОРЕЮ умильность для сего, что онъ противно ему падаетъ, сей второй говорилъ, что ежелибъ ІАМбЪ былъ высокъ и благороденъ, то бы ХОРЕЮ, какъ по прямой лїнѣѣ противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно ниску и подлу, а не умильну и нѣжну; и что ежели бы восхожденїе съ низу въ верьхъ въ Стопѣ было точнымъ зна́комъ благородства, а паденїе съ верьху въ низъ умильности, то бы Гомеровой Ілїадѣ, и Вїргїлїевой Энеїдѣ, двумъ найвысочайшимъ Героїческимъ Поэмамъ, должно было состоять АНАПЕСТАМИ, которые также восходятъ съ низу въ верьхъ, а не ДАКТІЛЯМИ, которые падаютъ съ верьху въ низъ, даромъ что ихъ количество слоговъ не состоитъ въ возвышенїи и пониженїи го́лоса, то есть въ различїи то́на, но въ протяженїи и сокращенїи онаго, то есть въ медлѣнномъ и скоромъ произношенїи: ибо сїя ихъ долгота и краткость мѣряющаяся временемъ, всячески не могла быть безъ возвышенїя и униженїя го́лоса, инако бы во всякомъ ихъ Стїхѣ была токмо Монотонїя, которой и въ Прозѣ, то есть не въ пїитической рѣчи, быть непристойно, хотя въ ней и нѣтъ пѣнїя, а они Стїхи свои произношенїемъ пѣли, то есть былъ у нихъ въ нихъ нѣкоторой родъ музыки, но въ музыкѣ Монотонїи, то

есть, оному звону го́лоса, нѣтъ мѣста, и быть ей тамъ безъ различїя го́лоса по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно. А понеже не АНАПЕСТЫ, но ДАКТIЛИ употреблены отъ сихъ великихъ Стихотворцовъ; того ради, или каждая Стопа́ ни благородна ни нѣжна собою, или всякая и благородна и нѣжна совокупно. Къ томужъ, какъ восхожденїе, или вознесенїе въ IАМбѢ не непрерывное, но токмо вскокъ смѣшенный съ скокомъ, такъ въ ХОРЕѢ нисхожденїе, или ниспаденїе не все продолжающееся, но также скокъ смѣшенный съ вскокомъ: И такъ, наконецъ, обѣ сїя Сто́пы по всему себѣ равны, такъ что одна предъ другою никако́ва преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ токмо сами въ себѣ, и къ словамъ не приложенныя, рассматриваются.

На сїе третїй изъ нихъ же предлагалъ, что и онъ въ IАМбѢ находитъ высокость, благородство и жизность; а въ ХОРЕѢ, кромѣ нѣжности, ничего не видитъ, и что ему въ Iамбїческихъ Стихахъ рѣчь важнѣишею кажется: ибо IАМбЪ, говорилъ онъ, возвышая свой голосъ, нѣсколько гордости являетъ, а ХОРЕЙ упадая, точно изображаетъ любовническое воздыханїе. И такъ IАМбЪ уже́ имѣетъ двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два го́лоса; а ХОРЕЯ защищаетъ одинъ токмо голосъ.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотятъ преодолѣть, и что притомъ сїе дѣло не можетъ рѣшиться большествомъ, чтобъ позволено такъ сказать, голосовъ: того ради онъ рассуждаетъ, сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторой высокой родъ Стїхотворенїя, а именно Оду, а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтири.

Находящему въ ХОРЕѢ съ нѣжностїю и благородство, сочинить бы Оду Хореїческую; а стоя́щимъ за Iамбїческую токмо высокость, составить Одическїе свои Стїхи IАМбОМЪ. Чрезъ сїе тотчасъ объявится, имѣетъ ли ХОРЕЙ при нѣжности высокость, а IАМбЪ при высокости нѣжность.

ЗащитникЪ ХОРЕЯ, какъ прочїе оба его называли, хотѣлъ было пространнѣе доказывать, что мнѣнїе его не въ томъ состоитъ, чтобъ онъ приписывалъ точно обѣимъ Стопамъ нѣкоторое особливое сво́йство высоты, или нѣжности, но по положенїю токмо, то есть, буде IАМбЪ собою высокъ, то онъ

совокупно собоюжъ и нѣженъ; а будѣ ХОРЕЙ собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо впрочемъ не признаваетъ онъ, какъ говорилъ выше, ничего сего въ Стопáхъ, но причитаетъ все разности словъ. Но оба прочїе не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобъ ему сочинить Оду Хореїческую, и выбрали себѣ на сїе Псаломъ сто сóрокъ третїй. Сей случай и причина сихъ трехъ Одъ, двухъ Іамбїческихъ, а одной Хореїческой, которыя нынѣ Свѣту подаются.

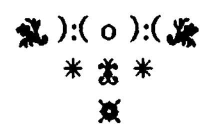
Однако подаются онѣ Свѣту не въ такомъ намѣренїи, чтобъ рассмотрѣть и опредѣлить, которой изъ нихъ лучше и великолѣпнѣе вознесся. Сїе предпочтенїе моглобы имъ быть всѣмъ троимъ обидно: ибо праведно есть, что всѣ трое не подлымъ искусствомъ сочинили свои Стїхи, и что трудный и перерывный разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображенїй, а удивительное согласїе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что всѣ добрые Стїхотворцы коль ни разно въ особливости остроту своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, и чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не относятся. Чрезъ сїе самое распознаются многїе дряхлые на Парнассъ ползущїе, которые и свои мысли не ясно иногда словами изображаютъ, и Стихомъ весьма не глаткимъ и не прáвильнымъ, и въ одной матерїи разны, а въ разности больше надлежащего другъ отъ друга далеки, для того что не знаютъ, гдѣ ихъ пунктъ неподвижный, и цель, въ которую мѣтить.

Чтожъ еще до сихъ Одъ Писателей; ихъ токмо всѣхъ троихъ имена здѣсь объявляются, то есть, что Авторы сїи именно: Александръ Сумароковъ Генеральсъ-Адъютантъ, Мїхайла Ломоносовъ Адъюнктъ при Академїи, да тожъ Академїи Секретарь Васїлей Тредїаковскїй. Но которой изъ нихъ которую Оду сочинилъ, о томъ умолчевается: знающїе ихъ свóйства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая Ода чрезъ котораго сложена.

А чтобъ, напослѣдокъ, Читателямъ не имѣть нѣкоторыя неугодности въ томъ, что, читая может быть за благорассудится кому сличить Оды съ самымъ подлиннымъ Псалмомъ, а не имѣя вскорѣ Псалтири при себѣ, можетъ онъ лишиться сего удовольствия: того ради вносится сюда оный Псаломъ весь точно.

ПСАЛОМЪ 143.

Благословенъ Господь Богъ мой, научай руцѣ мои на ополченіе, персты моя́ на брань. Милость моя́ и прибѣжище мое, заступникъ мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповахъ, повинуяй люди моя подъ мя. Господи, что есть человѣкъ, яко познался еси ему? или сынъ человѣчь, яко вмѣняеши его? Человѣкъ суетѣ уподобися, дніе его яко сѣнь преходятъ. Господи, преклони небеса и сниди, коснися горамъ, и воздымятся. Блесни молнію, и разжени я, посли стрѣлы твоя, и смятеши я. Посли руку твою съ высоты, и изми мя, и избави мя отъ водъ многихъ, изъ руки́ сыновъ чужихъ. Ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды. Боже, пѣснь нову воспою тебѣ, по Псалтири десятиструннѣмъ пою тебѣ. Дающему спасеніе Царемъ, избавляющему Давіда раба своего отъ меча люта. Избави мя, и изми мя изъ руки́ сыновъ чужихъ: ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды. Ихже сынове ихъ яко новосажденія водруженная въ юности своей: Дщери ихъ удобрены, преукрашены, яко подобіе храма. Хранилища ихъ исполнена, отрыгающая отъ сего въ сіе. Овцы ихъ многоплодны, множащыяся во исходищахъ своихъ. Воловѣ ихъ толсти. Нѣсть паденія оплоту, ниже́ прохода, ниже́ вопля въ стогнахъ ихъ. Ублажиша люди, имже сія суть. Блажени людіе, имже Господь Богъ ихъ.



ОДА ПЕРВАЯ ІАМБІЧЕСКАЯ.

БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОРЕЦЪ вселенны,
Которымъ днесь я ополченъ!
Се ру́ки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ ТЕБѢ надежду правитъ;
ТВОЯ рука меня прославитъ.

*　*
*

ЗАЩИТНИКЪ слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
ТОБОЙ почтутъ мой мя люди
Подверженны подъ скипетръ мой.
ПРАВИТЕЛЬ бесконечна вѣка!
Кого ТЫ помнишь! человѣка.

*　*
*

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходитъ:
Всѣ дни его, есть суета.
Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводитъ;
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого ТЫ, ТВОРЧЕ, вспоминаешь!
Какой ТЫ прахъ днесь прославляешь!

* *
*

О БОЖЕ! рцы мѣстамъ небеснымъ,
Гдѣ ТВОЙ божественный престолъ,
Превышше звѣздъ верьхамъ безвѣснымъ,
Да приклоня́тся въ нискїй долъ:
Спустись, да долы освятятся;
Коснись горамъ, и воздымятся.

* *
*

Да све́ркнутъ молни, громъ ТВОЙ грянетъ,
И взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
Рази врага, и не востанетъ;
Пронзи огнемъ ревущїй вѣтръ;
Смяти его пустивши стрѣлы;
И дай покой въ мой предѣлы.

* *
*

Простри съ небесъ СВОЮ' зени́цу,
Избавь мя отъ враговъ моихъ;
Подай мнѣ крѣпкую десницу,
Изми мя отъ сыновъ чужихъ:
Разрушь бунтующи народы,
И станутъ брань творящи во́ды.

* *
*

Не приклони къ ухо сло́ву:
Дѣла́ ихъ гнусны предъ ТОБОЙ.
Я воспою ТЕБѢ пѣснь нову,
Взнесу до облакъ голосъ мой,
И восхвалю ТЯ песнью шумной
Въ моей Псатирѣ многострунной.

* *
*

Дающу области, державу,
И царскій на главу вѣнецъ,
Царемъ спасеніе и славу.
Премудрый всѣхъ судебъ ТВОРЕЦЪ!
ТЫ грознаго меча спасаешь,
Даешь побѣды, низлагаешь.

* *
*

Какъ, гроздъ росою напоенный,
Сыны ихъ въ юности своей;
И дщери ихъ преукрашенны,
Подобьемъ красоты церьквей:
Богаты, славны благородны;
Стадá овецъ ихъ многоплодны.

* *
*

Волы въ лугахъ благоуханныхъ,
Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,
И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
Которыбъ ихъ не миновали.

* *
*

О ! вы щастливые народы,
Имущи таковую часть!
Послушны вамъ земля и вóды,
Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
Живущiежъ по ТВОРЧЕЙ волѣ,
Еще сто кратъ щастливы болѣ.

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕІЧЕСКАЯ.

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
БОЖЕ! ТЫ единъ превѣчный,
Сый ГОСПОДЬ вчера и днесь:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна окруженъ
САМЪ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ зарями,
О! Будь ввѣкъ БЛАГОСЛОВЕНЪ.

* *
*

Кто бы толь предивно ру́ки
Безъ ТЕБЯ мнѣ ополчилъ?
Кто бы пращу, а не лу́ки
Въ брань направить научилъ?
Ей бы мечъ извлекъ я тщетно,
Ни копьемъ сразилъ бы мѣтно,
Будебъ ТЫ мнѣ не помогъ,
Перстовъ трепетъ ободряя,
Слабость мышцы укрѣпляя,
Силъ ГОСПОДЬ, и правды БОГЪ.

* *
*

Нынѣ кругъ земный да знаетъ
Милость всю ко мнѣ ЕГО;
Духъ мой твердо уповаетъ
На Заступника СЕГО:
ОНЪ Защитникъ, Покровитель,
ОНЪ Прибѣжище, Хранитель.
Повинуя родъ людей,
Далъ ОНЪ крайно мнѣ владѣти,
Далъ правительство имѣти,
Чтобъ народъ прославить сей.

* *
*

Но смотря мою на подлость,
И на то, что-бѣднъ и малъ,
Прочихъ видя верьхъ и годность,
Чтожъ ихъ жребій не избралъ,
ВЫШНЯГО судьбѣ дивлюся,
Такъ гласа, въ себѣ стыжуся:
БОЖЕ! кто я ница тварь?
Отъ когожъ и порожденный?
Пастухо́мъ опредѣленный!
Ка́къ? о! ка́къ могу быть Царь?

* *
*

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвелЪ!
БлагЪ и щедрЪ мнѣ показался!
И по сердцу изобрѣлЪ!
Лучшель добрыхЪ и великихЪ?
Лучшель я мужей толикихЪ?
АхЪ! и всякЪ изЪ смертныхЪ насЪ,
Гниль и прахЪ есть предЪ ТОБОЮ;
Жизнь его тѣнь сЪ суетою,
Дни и ста лѣтЪ, токмо часЪ.

*   *
*

Ей! злыхЪ всяко истребляешь:
Преклони же звѣздный сводЪ,
И коль яро громЪ катаешь
Осмотри, снисшедЪ, злой плодЪ;
ЛишЪ коснись горамЪ, вздымятся;
ЛишЪ пролей гнѣвЪ, убоятся;
Грозну молнїю блесни,
ТотчасЪ сонмЪ ихЪ разженеши,
Тучей бурныхЪ стрѣлЪ смятеши:
ВозЪярись, не укосни.

*   *
*

На защиту мнѣ смиренну
Руку САМЪ простри съ высотъ,
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И прїемлетъ въ баснь и глумъ.

* *
*

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Злый скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомъ гордится;
Храбро воруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

* *
*

БОЖЕ! воспою пѣснь нову,
Ввѣкъ ТЕБѢ благодаря,
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Стройно и красно гласящихъ
Славу СПАСА всѣхъ Царей:
СПАСА и рабу Давіду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

* *
*

Преклонись еще мольбою,
Ту къ ТЕБѢ теперь лію,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мой бію:
О! чужихъ мя отъ полчища,
САМЪ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

* *
*

Сiи славу полагаютъ
Токмо въ множествѣ богатствъ,
Духъ свой гордо напыщаютъ
Велелѣпныхъ отъ изрядствъ:
Всѣ красуются сынáми,
Больше какъ веснá цвѣтами;
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрятъ,
Въ златѣ, нѣжно намащенныхъ,
Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:
Тѣмъ о ВЫШНЕМЪ не радятъ.

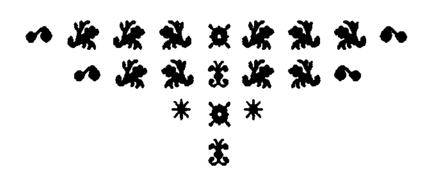
* *
*

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ довольство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
Овцы въ пóлѣ многоплодны,
И воловъ стадá породны;
Ихъ оградамъ не льзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Всѣ тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

* *
*

Васъ, толь счастїемъ цвѣтущихъ,
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Малъ чтитъ и великъ идущихъ,
Уступая жъ путь, дрожжитъ:
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тотъ народъ блаженъ,
БОГЪ съ которымъ пребываетъ;
И которой ВѢЧНА знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукрашенъ.

*



ОДА ТРЕТІЯ ІАМБІЧЕСКАЯ.

Благословенъ ГОСПОДЬ мой БОГЪ
Мою десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый,
Сотреть враговъ вснесенный рогъ

* *
*

Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ и Милость и Отрада,
Надежда въ брани и Ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.

* *
*

О БОЖЕ! что есть человѣкъ?
Что ТЫ ему СЕБЯ являешь,,
Отъ твари бо́льша быть вмѣняешь,
Котораго толь кратокъ вѣкъ.

* *
*

Онъ утро, вечеръ, нощь и день
Во тщетныхъ помыслахъ проводитъ;
И такъ вся жизнь его проходитъ,
Подобно какъ ночная тень.

* *
*

Склони, ВЛАДЫКО, небеса,
Коснись горамъ, и воздымятся;
Пусть паки на землѣ явятся
ТВОИ ужасны чудеса.

* *
*

И молнию ТВОЮ блесни
Бросай отъ странъ гремящихъ стрѣлы;
Рассыпь враговъ ТВОИХЪ предѣлы,
Какъ плевы бурей разжени.

* *
*

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой;
ТЫ съ тверди длань простри высокой,
Избавь меня отъ многихъ водъ.

* *
*

Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
Уста обильны суетою,
Десница ихъ полна враждою,
Скрываютъ въ сердцѣ лесть и ковъ.

* *
*

Но я, о БОЖЕ, возглашу
ТЕБѢ пѣснь нову повсечасно:
Я въ десять струнъ ТЕБѢ согласно
Псалмы и пѣсни приношу.

* *
*

ТЕБѢ СПАСИТЕЛЮ Царей
Давіда въ храбрости прославльшу,
Отъ лютаго меча избавльшу,
Что врагъ взмахнулъ рукой своей.

* *
*

Избавь меня отъ хищныхъ рукъ,
И отъ чужихъ народовъ власти:
И рѣчь полна тщеты, напасти;
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.

* *
*

Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ их лѣта процвѣтаютъ;
Одеждой дщери ихъ блистаютъ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

* *
*

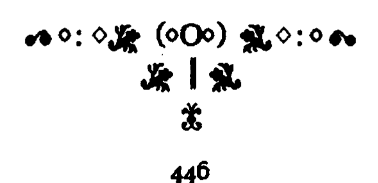
Пшеницы полны гу́мна ихъ,
Нещетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Стада́ въ травѣ воловъ толстыхъ.

* *
*

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ
Вездѣ столпами утвержденныхъ;
Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.

* *
*

Щастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтляе веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
Которымъ ВЫШНІЙ САМЪ Покровъ.



ПРИЛОЖЕНІЕ II.

СОНЕТЫ,[1] ОДА БОЖЕСТВЕННАЯ, ПСАЛМЫ 1752 Г.

СОНЕТЪ

СЪ СЛАВНАГО ФРАНЦУССКАГО ДЕ БАРÓВА[2]

Grand Dieu! que tes jügements.

Боже! коль есть правоты полнЪ Твой СудЪ престольный!
СамЪ благословляешь МилостивЪ всегда кЪ намЪ быть:
Я жЪ толь предЪ Тобою золЪ человѣкЪ юдольный,
Что весьма ужЪ трудно Правдѣ мерзости омыть.
Ей! о! Господи, грѣхЪ всякЪ мой кЪ тому довольный,
Да не можно будетЪ казней о Тебѣ избыть:
Ты преступника спастй бутто какЪ невольный;
Се вся и Щедрота хощетЪ сквернаго забыть.

*

Буди то, понеже такЪ Святости преславно;
ПлачемЪ умножаю пусть должну Ярость рáвно;
Возгреми, бей: время, за войну воюй притомЪ.

*

ПокланяемЪ мною ГнѣвЪ со страхомЪ пребываетЪ!
Но на кое мѣсто ни падетЪ во мнѣ сЪ горЪ громЪ,
Каждое Хрїстова Кровь всюду покрываетЪ.

---

[1] Рукопись тетради ДуховныхЪ Стихотворений Тредиаковского утрачена. У Тредиаковского есть еще целый ряд опубликованных стихотворений с духовным содержанием, но этим трем он придавал особое значение. Первый Сонет печатается по Смирдину, т. 1., стр. 376; второй по его первому изданию в Трудолюбивой Пчеле, за МартЪ 1759 года, стр. 187-8.

[2] Существует еще две редакции этого Сонета со значительными разночтениями. Одна была опубликована анонимно уже в 1732 г. и, как доказал Лауер (с. 51-55, там и текст), принадлежит перу В. Т. Другая напечатана в Новом и Кратком Способе в 1735 г., в котором В.Т. высказывает убеждение, что именно этот сонет J. V. Des Barreaux и является „фениксом" сонетов, которого, как предполагал ранее Boileau, еще не было создано в сонетной форме. Версия 1735 г. приводится в Избр. Произ. В. Т. (стр. 387).

СОНЕТЪ

ИЗЪ СЕЯ ГРЕЧЕСКІЯ РѢЧИ:

ΣΤΈΦΕΙ ΤΙΜῶ√ΤΑΣ ἀΥΤἠΝ ἀΡΕΤΝ

то есть:

ДОБРОДѢТЕЛЬ ПОЧИТАЮЩИХЪ ВѢНЧАЕТЪ.

Желаетъ человѣкъ блаженства непреложно.
Сему высокій чинъ, и сила тѣмъ, и честь;
Тотъ щастія себѣ въ богатствѣ чая ложно,
Приумножаетъ все, обиліе что есть.

*

Роскошствуя иной сластями, сколько можно,
Не видяжъ, ослѣпленъ, какая въ оныхъ лесть,
Благополучна мнитъ себя неосторожно;
И ихъ на всякой часъ стремится взнесть.

*

Ахъ чувствуетъ онъ самъ, тьмы цѣлы недостатка,
И множество свое зритъ малымъ безъ придатка:
Хотя достигъ конца; но милъ едва успѣхъ.

*

Иль тщетно далъ ему хотѣнія содѣтель?
О смѣртный! умудрись: безмѣрность кажда грѣхъ,
А средство всѣхъ довольствъ едина добродѣтель.

ОДА

О Непостоянствѣ Міра.[3]

Гдѣ бодрость! гдѣ веселый духъ!
Какіе мысли въ умъ вселились?
Что за нещастія случились?
Почто твой видъ толико сухъ?
    Погибло ль что, и не восстанетъ?

3 Впервые в „Стихах на разный случай“, самостоятельной части перевод. романа Езда в остров Любви (СПб., 1730) с которой и перепечатана в Избр. Произв. В. Т. (стр. 78-9). В Соч. 1752 г. вошла в значительной переработке в раздел „Од Божественных“. Печатается по Смирдину, стр. 376-8.

КакЪ! малая премѣна толь,
КЪ болѣзни сердцу давЪ начало,
КакЪ острое какое жало,
Хотя тебя не мучитЪ коль;
Однако, ты будь терпѣливый.

Что вЪ Мїрѣ постоянно есть?
Не все ль вЪ немЪ завсегда превратно?
Не всемЪ ли искони то знатно?
Не утрѣль нѣтЪ, что днешню честь?
Который красный цвѣтЪ не вянетЪ?

Сперва весна, тамЪ лѣто здѣсь;
ПотóмЪ ужЪ осень прибѣгаетЪ,
Зима жЪ наставши отнимаетЪ
И плодЪ сЪ деревЪ, и листЪ ихЪ весь,
И вóздухЪ дышитЪ особливый.

ВѣтрЪ возмущаетЪ тишину;
ТемнѣетЪ свѣтлость отЪ ненастья;
Премного вЪ щастїи нещастья;
Сей долу, тотЪ на вышину,
КакЪ бутто не спадетЪ, стремится.

У чернаго есть сЪ бѣлымЪ бой;
Есть у сухого также сЪ влажнымЪ;
У лехкаго подобно жЪ важнымЪ;
Ни ветхость, новость межЪ собой,
Не мирны и ни старость, младость.

КакЪ день, такЪ ночь есть не всегда;
Кто мощенЪ, утрѣ вотЪ бессиленЪ;
Теперь суровЪ, потомЪ умиленЪ;
ЖивЪ вЪ полдень, вЪ вечерЪ иногда
ТрудЪ бездыханенЪ всѣми зрится.

Иное ходитъ, то стоитъ;
Другое косно, третье скоро;
То тратится, иное споро;
Иное чувствїямъ вредитъ;
   Иное тѣмже чувствамъ радость.

Нѣтъ, краткимъ словомъ, ничего,
Кромѣ сотворшаго все Бога:
(Чья къ земнороднымъ милость многа
И благость и любовь Его,)
   Что было бъ во Вселенной вѣчно.

Онъ Пресвятый, Онъ есть единъ,
Онъ всемогущїй, Онъ правдивый,
Всѣвѣдущъ Онъ и прозорливый,
Надъ всемъ верховный Господинъ,
   По волѣ все располагаетъ.

Его вездѣ во всемъ есть власть;
Мы должны все повиноваться,
А малодушно не терзаться,
Что мнится наша злая часть:
   Прїимемъ токмо ту сердечно.

О! Весь желанїе мое,
Въ Тебѣ и все мое благое,
И все сокровище драгое,
Твори со мной во всемъ Твое:
Языкъ и сердце то вѣщаетъ.

Разночтения псалмов 1752 г.

ПСАЛОМЪ I.

ı

МужЪ поистиннѣ БлаженЪ,
Кой, *кЪ совѣту* [4]нечестивыхЪ
Нé-былЪ *всякой приближенЪ*
Шествïемъ для мнѣнïй льстивыхЪ.

ю

ПраведныхЪ стези вѣсть БогЪ,
И всегда ихЪ СамЪ защйтитЪ:
Путь же злыхЪ, хотя и *могЪ*,
Грóзна гибель весь похйтитЪ.

ПСАЛОМЪ VI.

ı

О не ярости во время,
Господи, мя обличи;
ЗолЪ же всѣхЪ за тяшко бремя,
И за многое тѣхЪ племя,
Не во гнѣвѣ кЪ казни повлачи.

ПСАЛОМЪ XVIII.

ı

Глупа мудрость! о! и ты
ВЪ смыслѣ разумЪ ослеплéнный!
ВашЪ доколѣ погубленный
Внѣ рассудокЪ правоты?
КакЪ! отЪ Тварей, говорите,
Вы Творца *вещей не зрйте!*

---

4 Все разночтения Псалмов Тредиаковского опубликованных в 1752 г. с ныне публикуемой рукописью выделены курсивом. Здесь приводятся толь ко те строфы Псалмов, в которых они существуют и все печатаются по Смирдину. Для более легкой ориентации здесь поставлены номера строф, которые и у Смирдина и в рукописи отсутствуют.

8

Но его свѣтъ, красота,
Толь къ себѣ не *привращаютъ*,
И ни столько просвѣщаютъ
Взоръ людскій; коль высота
Божія Закона точно,
Чтобъ пожить всѣмъ непорочно.

ПСАЛОМЪ XLII.

1

Боже! пря моя безвинна:
Ту судить благоволи;
Правды дѣло убѣли:
Отъ народажъ пребесчинна,
И отъ злобныхъ человѣкъ,
Не́мощь, что во мнѣ *трости́на*,
Восхощи исторгнуть въ вѣкъ.

ПСАЛОМЪ LXXVIII.

8

Первыхъ беззаконій днесь
По́мняй, Господи, не буди;
Нынѣ токмо не забуди,
Что ужъ ги́бнетъ родъ нашъ весь:
Скоро да Твои щедроты
Предварятъ все наше зло;
Обнищали мы зѣло,
Чу́жды Твоея доброты.

ПСАЛОМЪ CXI.

1

Щасливъ! Бо́га кто боится:
Заповѣдей всяко не престу́питъ онъ того;
Родъ его благослови́тся;
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверьхъ всего;
Славенъ и богатъ *весь* домъ;
Правда вѣчна въ *немъ* само́мъ.

2

ОнЪ какЪ свѣтЪ сїяетЪ правымЪ;
Милость и щедрота справедлива вЪ немЪ вездѣ;
Стрóитъ сердцемЪ не лукавымЪ,
Но и откровеннымЪ рѣчи и дѣлá вЪ судѣ:
ОнЪ есть непоколебимЪ;
Прямо Добрыми любимЪ.

3

Память будетЪ бесконечна,
И велико Имя во вселенной процвѣтетЪ;
Добродѣтель вЪ немЪ сердечна
ВЪ свѣтлость и вЪ блаженство беспорочнаго введетЪ;
Страха нѣтЪ отЪ слуха зла:
Не язвитЪ его хула.

4

УповаетЪ онЪ на Бога;
ЛюбитЪ чистымЪ сердцемЪ, и взывать Его готовЪ;
Крѣпость вЪ немЪ о ВышнемЪ многа,
И не устрашится *хитростей* и *лесныхЪ* словЪ:
ПрезритЪ онЪ *враговЪ своихЪ,*
Токмо что воззритЪ *на нихЪ.*

5

ОнЪ даетЪ и расточаетЪ;
На него убогимЪ твердая надежда есть:
ИхЪ отнюдЪ не забываетЪ
ТѣмЪ и вознесется вЪ силу, и вЪ *высоку* честь:
Ни хвалúмЪ *есть толь никто,*
Ни хвалить *достойней что.*

6

ГрѣшникЪ такЪ его узрѣвши,
ПриметЪ то вЪ досаду, и *впадетЪ вЪ великїй* гнѣвЪ;
ПоскрежещетЪ поблѣднѣвши,
И остервѣнится вЪ зѣльной ярости, какЪ Лéвъ:
Грѣшнику коль ни желать
Но емý вЪ вѣкЪ *погибать.*

ПСАЛОМЪ CXLIII.

NB.

Сїя Ода есть изъ трехъ оныхъ парафрастическихъ одна, которые совокупно изданы въ 1744 годѣ, и при которых положено слѣдующее спреди рассужденїе моего сочинения.

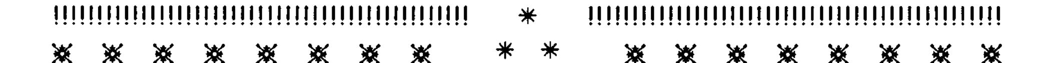
Будучи *мы* по случаю *трое* совокупно имѣли довольной между собою разговоръ о Россїйскихъ Стїхахъ вообще...[итд. без особенно важных разночтений до конца, А.Л.]5

5

Толь ничтожному познался!
Червя точно Ты призрѣлъ!
Благъ и щедръ мнѣ показался!
И по сердцу изобрѣлъ!
Лучше ль добрыхъ и великихъ?
Лучше ль я мужей толикихъ?
Ахъ! и всякъ изъ смертныхъ насъ,
Гниль и прахъ есть предъ Тобою;
Жизнь его тѣнь съ суетою,
Дни и ста лѣтъ, токмо часъ.

---

5 Тредиаковский в своей переработке вступления к переложению Псалма 143 добавил два довольно важных примечания, которые переопубликованы Тимофеевым в Избр. Соч. В.Т. (стр. 536-7)



ПРИЛОЖЕНІЕ III

ѲЕОПТІА

или

доказательство

о

БОГОЗРѢНІИ

по вещамъ созда́ннаго естества
составленное стіхами
въ шести эпі́столахъ къ Евсевію

отъ
Васілья Тредіаковскаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1754

Невидимая бо Его отЪ созданія міра
твореньми помышляема, видима суть,
и присносущная сила Его и Божество,
во еже быти имЪ безотвѣтнымЪ.

КЪ Римлян. Глав. I. Ст. 20[1]

[1] Печатаю по рукописи ЦГАДА (из архива московской Синодальной типографии), Фонд 381, ед. хр. № 1038, 246 лл. Ѳеоптія опубликована впервые И. З. Серманом в Избр. Произведениях 1961 (стр.196-322), но почему то без вступления автора „КЪ читателю", которое находится на первых 15 лл. рукописи, и которое я здесь привожу полностью не только потому, что в нем содержатся интереснейшие взгляды Тредиаковского на взаимопролинание функций поэзии и философии, но и потому, чтобы хоть частично услужить последней воле Василия Кирилловича увидеть его Псалтирь и Ѳеоптію в одном издании.
Заранее извиняюсь за возможные вкрапления ошибок в отдельные места текста, обусловленных плохим качеством микрофильма в моем распоряжении. Такие неразборчивые места, однако, мною всегда обозначены. Дальнейшие примечания в тексте В. Тредиаковского.

⁂

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Есть Существо Живое, Духовное, Самодовольное, Самобытное, Бесконечное, Безмѣрное, Вездѣсущное, Необходимое, Превѣчное, Всевѣдущее, Премудрое, Благоизвольное, Всемогущее, Всеблагое, Самовласное, Единое, Непремѣнное;

ЕСТЬ, Создательное, Промыслительное, Соспѣшительное, Вседержительное, Хранительное, Правительствующее;

ЕСТЬ, Преблагосердое, Правдивое, Праведное, Пресвятое, Всеблаженное, Владычествующее: словомЪ,

ЕСТЬ Существо Всесовершенное, и ни единаго, и ни малаго несовершенства не имѣющее, которое именуется благочесно и истинно БОГОМЪ.

Всѣ Созданія, вещественныя и бесплотныя, доказываютЪ непреоборимо Его Бытіе; и отнюдЪ, кажется, невозможно, чтобЪ кто, здраваго и несомнѣннаго Ума, не токмо могЪ утверждаться, что - НѢТЪ БОГА, но и притти о семЪ вЪ нѣкое сомнѣніе, [л. 1 об:] ЕСТЬ ли ОнЪ, и можетЪ ли БЫТЬ Таковый и Толикій. Странно бЪ о такомЪ и помыслить, не то чтобЪ слышать, кой-бы-удостовѣрялЪ, что-МірЪ сей есть Необходимый, и слѣдовательно, какЪ-состоитЪ-отЪ-Себя, такЪ и не требовалЪ онЪ Причины, которыя бЪ-Безконéчною Силою произведенЪ былЪ; и что-Движéніе вещей дѣлается Собою по ПрáвиламЪ необходимымЪ. Умозрительному, какЪ-назывáютЪ, безбожнику всемѣрно быть, мнится, невозможно.

Однако, Ісmорія, кЪ пребесчесному стыду человѣческаго Разума, утверждаетЪ, что-и-вЪ-дрéвнія времена, и вЪ новѣйшія, были безбожники, кои-не-сомнѣвáлись токмо о БожіемЪ Бытіи, но и утверждали вЪ пребезумномЪ своемЪ сердцѣ, и скверными устами, что -НѢТЪ всеконечного БОГА Создателя Міру, и разнаго отЪ Міра. Не обессиливаю Історіческія вѣрности, ни привожу ея подЪ сомненіе; только жЪ отЪйнуду познаваю, что-сЪ-превелúкою осторожностію должно вѣрить УмозрительныхЪ АтеістовЪ. Ибо кто-никчему гóдности, и пустыя суевѣрія - когда, [л. 2] или презираетЪ всеконечно, или не весьма кЪ нимЪ прилѣпляется; тотЪ

вскорѣ, безЪ всякаго Правосудія и Милосердія, кЪ безбожничіему Сонму отверстою Гортанію, отЪ простонαроднαго мнѣнія причисляется. Ничто не случается чаще, какЪ, которыи - оглαшать - Суеверіе и Лицемѣрство тщатся, тѣ, отЪ плѣнившихся ими скαредно, Безбожными суть называются, и какЪ - Безбожники злобно и сурово оклеветаемы бываютЪ. ВпрочемЪ, Безбожниками изЪ древніхЪ, по Історіи, оглашаются именно: ѲеодорЪ Кіринейскій, Крітій, ДіагорЪ, и ПротαгорЪ; а изЪ новѣйшихЪ, ПетрЪ - АретінЪ, ПетрЪ - Помпонацій, АнгелЪ - ПоліціанЪ, Іулій - Цесαрь - ВанінЪ, СтефанЪ-ДолетЪ, Матвей-КнуценЪ, и ГодофредЪ-дела-Валле.

КакЪ-то-ни-éсть; но сіе праведно, и безЪ всякаго ужé сомнѣнія, что-вЪ-нѣкоторыхЪ нечестивое надменіе вЪ такую пришло дерзость, что, да покажутЪ тонкость своего Рαзума, рαтоборствовαли они противЪ непреодолѣемыя сея Правды ЕСТЬ БОГЪ, и докαзывαли, что-БÓГА нѣтЪ, [л. 2об.] хотя вЪ сердцѣ своемЪ и не слабо обЪ истиннѣ Божіяго Бытія удостовѣрены были. Не касаясь кЪ Рассмотрѣнію, вѣдая что-по-всѣмý праву приличествуетЪ Откровенныя Богословіи Тайнозрителям опредѣлять, оставляетЪ ли всеконечно БогЪ толь нечестиваго человѣка, который-желаетЪ помрачить вЪ себѣ познаніе Богα, а отвсюду сóбранныя доказательства, коими непобѣдúмо Божія утверждается Бытность, преодолѣть стремится, и нечестіе свое утвердить тѣмЪ порѣвается дерзновенно, оставляетЪ ли, говорю, БогЪ толь законопреступнаго и беззаконнаго Человѣка такЪ, чтобЪ ему и не хотеть Бога, и не вѣрить Его, и быть БезбожникомЪ по Божественной за Безвѣріе кáзни.

Доводы, какими-обыкновéнно такóвα проклятствα суемудрыи люди напыщаются, и приводятЪ явно на опроверженіе непоколебимыя Истинны, суть слѣдующіи.

ЗіяютЪ [ЗаявляютЪ? нрзб.] 1), что-всѣ Ідéи, какіе мы имѣемЪ, единственно токмо бываютЪ отЪ тѣлесныхЪ вещей чрезЪ чувство; и потому, понеже невозможно никаковымЪ чувствомЪ познáть Бога, ясно по им [нрзб. А.Л.], что-нѣтЪ [л. 3] онаго. Но и первое сіе, и главное ихЪ доказательство, есть по всему ложное. Не всé-на-все познаніе наше есть отЪ чуствЪ: ибо какЪ-о- невещéственныхЪ, такЪ и отЪ вещества обЪ отлученныхЪ вещахЪ, на примѣрЪ, о Законѣ, о

Добродѣтели, о Благоразуміи, объ Обязательствѣ, и о Совѣщаніи, имѣемъ мы Ідéи. 2), что- Бесконéчность, есть токмо пустый Гласъ: ибо ею объявляемъ такое Существо, коего-къ-Совершенству ничего приложить не можно, и которое-есть-Всесовершéнное: на-примѣръ, Бесконечная Премудрость, ЕСТЬ Всесовершенная Премудрость, не имеющая въ себѣ ни невѣденія сáмаго малаго, ни смутности какия. 3), что-человѣческій страхъ, и боязнь будущія жизни, ввели мненіе о Божіемъ Бытіи. Не прекословлю отчасти, что-мнóгіи Народы Страхомъ и Боязнію возбуждены къ служенію Богу, и къ почитанію Его. Однако, [л. 3 об.] не слѣдуетъ изъ того, чтобъ всѣ люди всеконечно по страху токмо начали вѣрить Бога: ибо сáмый Разумъ премногія подаетъ намъ основанія, на коихъ- Бытность - Божія - я́сно и непоколебимо утверждается. 4), Что-Незнаніе причины Явленіямъ, поражающимъ чувства, привело человѣковъ къ вѣрѣ о Богѣ, для того, что они всегда присвояютъ то Божеству, чего-доказáть по незнанію не могутъ. Весь сей доводъ опровергаю: ибо познаніе причинъ, прямо къ познанію ведетъ Бога, но, напротúвъ того, Безбожіе дѣлается отъ незнанія причинъ. Безбожникъ точно и не умѣетъ произвесть начáло Душѣ и Тѣлу своему; а когдаб онъ вѣдалъ и умѣлъ, тобъ всячески не могъ не признать Бога. 5), Что-всé Припадком, или слѣпымъ Случаемъ здѣлалось, и что-Человѣки, на подобіе растущих вещей, изъ землú произошли. Но что безумнѣе сего сказано быть можетъ, какъ-что-Существá слѣпымъ Припадкомъ произошли? Поистиннѣ не возможно понять, кáкъ Тѣло и Деревцá какóва, не то что животнаго, [л. 4] толь художественно, Случаемъ не нарочным сложиться возмогло? Чтожъ человѣкамъ-есть-начáло, и что-отъ-двýхъ прежде Различнаго Пóла, Богомъ произведенныхъ, размножились, то слѣдующее доказываетъ. Первое, ежелиб древле изъ Землú Люди произникли по подобію грибнаго израстѣнія; то чегожъ ради и нынѣ тѣмже они способомъ не родя́тся? А второе, явно изъ Історій, что-Человѣческій-Родъ-со-врéменемъ расплодился. 6), Что-съ-Богомъ-Творцéмъ, которому-должно-быть-Премýдрому, Праведному, и Всемилосердому, не можно согласить, первое, что-землá толь не ярáвильна, и во многихъ мѣстахъ бесплодна; второе, что-премножество

вредительныхЪ и смертоносныхЪ обрѣтается животныхЪ, а третіе, что-Дóбрыи Люди несчáсливы, но злыи, по сáмой большой чáсти, благополучны здѣсь бываютЪ. СимЪ ли, о! Боже, превозносятся и высятся нечестивыи доводомЪ, и мнятЪ торжествовать безЪ побѣды? Паутинѧ есть сіе доказательство, которое-имЪ-кажется прекрѣпкое. Дѧ слышатЪ, и дѧ Разумѣют, [л. 4 об.] коль твердо мы Богочтители, и притомЪ кратко, на первое и второе ихЪ, отвѣтствуемЪ: Есть то Божіяго Правосудія Действо, вЪ казнь согрѣшающимЪ человѣкамЪ опредѣленное. Да ведят, чемЪ-и-третіе возражаемЪ: ибо разумная тварь не для себя особливо, но ради Будущія жизни есть создáннѧ. СверьхЪ сего, Добродѣтельныи отвнѣ токмо неблагополучными показуются, а вЪ сáмой вещи злыхЪ суть блаженнѣйшіи, для того что Благоразумно повинуются Божіей Волѣ, вѣдая, что-возмéздіе имЪ уготовѧно, за всѣ ихЪ претерпѣнія, выше ихЪ Страданія, и всеконечно неизреченное. Лучше быть такЪ нещáсливу, нежели толь, коль Безбожный, Безумну!

При отрицающихЪ явно Божество, Спінóзино злобожное Всебожіе, не токмо есть точное Безбожіе, но и сáмое тонкое и ухищренное. Чтитель искренній Божества есть, который-Бога-ГосподемЪ Міру, и Создателем, и Его жЪ [л. 5] ПреміркымЪ и, отЪ Тварей разнымЪ признавѧетЪ. Посему, необходимо должно Бенедіктѧ - Спінозу, родомЪ жи́да, отступника отЪ жидовства, прибѣгшаго кЪ Хрістіанству, но ложнаго и Хрістіанинѧ, или лучше нечестиво Хрістіанствовавшаго, включить вЪ Безбожники: ибо онЪ Бога со всѣмЪ чувствуемымЪ Естеством, и сЪ частями Его сливалЪ. Первый есть Спінóза, и почитай вЪ наши времена,[2] который покуси́лся привесть Безбожіе вЪ порядочный СоставЪ вЪ Эѳікѣ своей, расположенной МатематіческимЪ чиномЪ. ВЪ ней онЪ такЪ мудрствуетЪ неистово о Божествѣ: Одно токмо Существо есть во всемЪ Естествѣ, и то всемѣрно бесконечное, коего-прочіе вещи, мыслящіе и распростертые, суть единственно различныи Способы. Сіе Существо блядословный Спінóзѧ называетЪ БогомЪ. Слѣдовательно, по его, всѣ вещи суть вЪ Богѣ, какЪ-вЪ-нѣкоемЪ подлежащем, и БогЪ есть всѣхЪ вещей не наружняя, но внутренняя причина,

---

[2] жилЪ вЪ Голландіи, и издохЪ вЪ ней 1677 года, февраля 21 дня.

такЪ что всякая порознь [л. 5 об] вещь, изЪ Божіяго Естества всеконечно проистекаетЪ, а ложный его сей БогЪ, не имѣетЪ отнюдЪ Самопроизвольности, но действуетЪ необходимо по законамЪ своего Естества. О! Нечестіе, О! Хитрость Діавольская.

ВЪ опровеженіи проклятого Спінóзина мудрованія, достохвальнымЪ образомЪ и превосходнымЪ, хотя-и-потрудились преславныи Мужи, ГенрікЪ - МорЪ, и ПетрЪ - ПоарéтЪ; но понеже не безбѣдственно есть, предлагать заблужденіе и ложь безЪ возраженія на оную: того ради, здѣсь о томЪ кратко, но довольно и сильно потщимся. Основанія душепагубнаго Спінóзы, на коихЪ-онЪ-мнѣніе свое, исшедшее изЪ сáмого дна Адова, утверждаетЪ, суть слѣдующіе именно. 1) Такое есть Естество Существа, чтобЪ ему быть от себя, и необходимо. Сіе предложеніе праведно, когда - разумѣется - о - несозданном Существѣ, но превесьма ложно, буде слово идетЪ о Существѣ подчиненном другому: ибо зависящее отЪ другаго, [л. 6] есть и не отЪ себя, и случайно. Ктомуж, когда-говорится, что- Существó-вообщé ОТЪ-СЕБЯ́ состоитЪ; то не разумѣется, чтобЪ оно было САМОБЫ́ТНОЕ, но что-токмо-состоитЪ-О-СЕБÉ, не требуя другáго-чего кЪ своему Состоянію, какЪ-то-Спóсобы, кои-конéчно требуютЪ Существа, вЪ коемЪ-бы-имЪ быть. 2), Одно Существо не можетЪ произведено быть отЪ другаго. ДОГМАТЪ сей есть сáмый ложный: ибо чтó препятствуетЪ, чтобЪ Существу, имѣющему бесконечныи Совершенства, произвесть другое Существо сЪ границами СовершенствЪ? 3), Не можно быть вЪ Естествѣ двумЪ Существам единыя природы, то есть, какЪ-то-сáмЪ Спінóза изЪясняетЪ, имѣющим нѣчто общее между собою; для тогó, одному изЪ нихЪ стать Причиною Другому. Преисполненное лжи уставоположеніе, но токмо прикровенное личиною Правды! ГрунтЪ, или Сущность всякаго вобще Существа, есть *Раздвижность (*ἀυτονιυμβία *expansio. action des'etende*), или Расширность; БезЪ нея Существо есть не родством Совершенства или Естества, но пустота и сáмое Ничто: такЪ что, праведное описаніе или определеніе Существу,

есть сіе: Существо есть[3] Расширность, о себѣ состоящая. Слѣдовательно, какЪ-Мыслящему Существу, [л. 6 об] такЪ и Распростертому вЪ три Размѣренія, сія Расширность есть общая, но сЪ такимЪ различиемЪ, что-она́ есть и **дѣйствительная (**или расширяющая) и ***страдательная (***или расширяемая) то есть, что-пе́рвая Расширность сама́ собою дѣйствуетЪ, а другая дѣйствія пріемлетЪ, но собою празная и бездѣйственная. Необходимо мыслящее и несозданное Существо, имѣетЪ Расширность беспредѣльно действительную; мыслющее случайно, имѣетЪ действительную, и страдательную, но обое то неопредѣленно: а у простертаго в три Размѣренія, единственно есть она страдательная и опредѣленная. ЧтожЪ до другаго вЪ Сінозином сем предложеніи Пункта; то, есть ли хотя Тѣнь невозможности и прекословія вЪ томЪ, чтобЪ, Бесконечному вЪ СовершенствахЪ Существу, мощи́ произвесть Существо, имѣющее предѣлы вЪ Совершенствѣ? Кой мудрый ФілософЪ, кромѣ окаяннаго Спіно́зы, и́нако о семЪ мыслить неразвращеннымЪ своймЪ Разумом можетЪ?

КЪ всеконечному разрушенію Спіно́зина Нечестія, слѣдующія непреодолѣемыя ДОКАЗАТЕЛЬСТВА (л. 7) еще́ присовокупить можно. 1), Всеконечная Дѣйственность, и всеконечная Бездѣйственность, одного и тогожЪ не вобще́, но наличнаго Существа, Сво́йствами быть, не могутЪ: ибо явное вЪ том есть прекословіе, чтобЪ Существу страдательному токмо, быть совокупно Живому и Мыслящему; а во Всебожіи Спінозином сіе точно и есть такЪ. 2), Если бЪ всѣ твари принадлежали до Божіяго Естества; то бЪ СпінозинЪ БогЪ во многих беззаконныхЪ людяхЪ не́-былЪ БогомЪ. 3), Понеже видимЪ, что-тва́ри всегдашним премѣнамЪ суть подве́ржены ; то надлежало бЪ вѣрить, что-и-Бо́гЪ есть измѣняемый: а сіе приписывать всесовершенному Существу, всеконечно есть безмѣсно. Но не дивноль и не странно, что-и-сему́ злобожному, или правѣе безбожному мнѣнію, изобрѣлись Защитники изЪ Писателей?

---

3 ВЪ семЪ точно Разумѣ, мнѣніе фанЪ-Гелмонтово, что-духЪ и Тело, вЪ са́момЪ своемЪ первоначаліи, одинакую имѣли Естественность, можетЪ назваться правымЪ; также и Ле́йбніцевымЪ МонадамЪ, отЪ Платона взятымЪ, не безЪ правды припишется внутреннее нача́ло естественныхЪ вЪ нихЪ, какЪ-вЪ-СтіхіахЪ, вещей, премѣнЪ.

ИменножЪ, СтоффенІй вЪ Книгѣ о СогласІи Разума сЪ Вѣрою, [л. 7 об] и также ІванЪ - ТоландЪ вЪ Книгѣ наименованной АдисІдемонЪ, то есть Нестрашный ДухЪ.

Великое НещастІе Разуму и нравамЪ человѣческимЪ, не имѣть полезныхЪ КнигЪ: но несравненно бо́льшее, имѣть оные, наполненные смертоносным и душевреднымЪ ядомЪ злобожІя, и Безбожности. Читаются уже́ и помянутые оные и имЪ подобные,[4] отЪ премногих, но не отЪ всѣхЪ сЪ равнымЪ успѣхомЪ. СмысляцщихЪ повредить сІи не могутЪ: Но непросвѣщенныхЪ ФІлософІею, и не усмотрѣвающимЪ, да и не могущим усмотрѣть вЪ нихЪ лжи, каменемЪ суть претыканІя, соблазна, и душевныя смерти. Да отвратитЪ Господь! МогутЪ попасться вЪ ру́ки и нашему Юношеству, вЪ котором премного не прикоснувшихся кЪ ФІлософІи, и, можетЪ быть ктому жЪ, презирающих Божественную сІю Руководительницу, а слѣдовательно, не имѣющих надлежащІя способности кЪ достовѣрному распознанІю Истинны отЪ Лжи. (л.8) ТакихЪ КнигЪ чтенІе, можетЪ нечувствительно собщить тлетворную зловѣрІя язву, и многихЪ вринуть вЪ неисцѣльную Проказу БезбожІя, и вЪ ровЪ погибели.

Сей СтрахЪ, да даруетЪ ВсеблагІй, чтобЪ ему и быть и пребыть всегда у насЪ безЪ основанІя. Сей страхЪ, говорю я, подалЪ мнѣ причину, кЪ СочиненІю Доказательства о БытІи БожІем, и понеже для Юношества, то СтІхами, вЪ сей моей Книгѣ, названной ѲЕОПТІЕЮ, или, БОГОЗРѢНІЕМЪ. Но и безЪ всякаго Страха о БезбожІи, нѣтЪ истинны, которая бЪ-ча́стѣйшаго достойнее была напоминовенІя и утвержденІя, какЪ-Истинна о Божественном БытІи. Издревле уже́ такІи бессмысленныи появлялись, кои-сомнѣнІе имѣли о Божествѣ, и вЪ волнующейся своей страсти хотѣли не признавать онаго. О сих са́мыхЪ ДавІдЪ сЪ горестІю воспоминая говоритЪ: Рече Безумный вЪ сердцѣ своем, нѣсть Бога. [л. 8 об] Но вЪ такихЪ БезумныхЪ ничему не можно быть злѣйшему, вЪ рассужденІи ДобронравІя и БлагочестІя, какЪ-что-тако́е безумІе свое превозносятЪ они называя твердымЪ

---

4 такова́ есть Эпистола кЪ УранІи: такова и книшка, названная, ЧеловѣкЪ ма́хІна.

РазумомЪ.[5] Ложь всякаго огня, и прегордаго и всещеславнаго Сатаны достойная!

Доказательство мое раздѣлено на - шесть ЭпістолЪ, надписанныхЪ и писанныхЪ кЪ Евсевію. Сіе греческое Имя означаетЪ точно по нашему Благочестиваго. Того ради, написаны мною Эпістолы ко всякому Благочестивому, любящему Бога, и служащему чистымЪ Ему сердцемЪ; Первая,[6] доказываетЪ Божіе Бытіе доводами, взятыми изЪ сáмыхЪ внутренностей МетафізіческихЪ, а именно, изЪ Теологіи натуральныя. Вторая, кЪ томужЪ сáмому йдетЪ концу, но разнымЪ отЪ первыя путемЪ: доводы ея всѣ почéрпнуты вЪ Фізікѣ и вЪ Астрономіи: словом, обЪемлетЪ она все бесчуственное Естество. Третія, Бытіе жЪ Божіе ясно утверждаетЪ, но доводами занятыми у Механісма и у натуральныя Історіи: ибо она о прехитром Составѣ животных. Четвертая Фізіологіею и Анатоміею человѣческаго тѣла тожЪ сáмое изЪясняетЪ. Пятая, показуетЪ Псіхологіею, то есть, Душею нашею, СопряженіемЪ Ея сЪ ТѣломЪ, и БессмертіемЪ, верьховное Существо. Но Шестая и послѣдняя, Свóйства Божія Сущныя какЪ-Самостоятельныя, такЪ и Возносительныя, а изЪ сих вторых Естественных и нравственных исчисляетЪ и сочетаваетЪ. ТакЪ что, начавЪ Естественною Богословіею, и шедЪ по разным частямЪ почти всего Любомудрія вЪ срединѣ, но всюду кЪ Единой цѣли, то есть, кЪ Богу и Творцу видимых и невидимыхЪ, окончил я мое доказатльство тоежЪ Богословіею Естественною. Весь безЪ мала КругЪ Філософіи послужилЪ мнѣ кЪ Доказанію (л. 9 об) Вседержителя. И поистиннѣ, сáмое главное и первое употребленіе всякаго Знанія состоитЪ вЪ том, чтобЪ намЪ твердо увѣреннымЪ быть о сáмой же первой и главной Истиннѣ, то есть, о Создателѣ всея Твари. „Не долженствуетЪ быть „почитаемы[м] простым любопытством,[“] какЪ-то-говоритЪ

5 Esprit fort. Между сими изЪ новыхЪ не послѣдній есть ГоббесЪ, АгличанинЪ

6 СіежЪ, да отчасý ясняе невидимая Его отЪ созданія Міра, твореньми помышляема, видитЪ, то есть, да всякЪ Правовѣрный болѣе и болѣе отЪ Тварей Творца познаваетЪ.

нѣкто мудрый мужЪ[7] нынѣшняго вѣка, „высокія фізическія „размышленія, приводящія насЪ кЪ Зиждителю Свѣта. Сіе „огромное зданіе, отчасу болѣе познаваемое, подаетЪ нам „толь великое Понятіе обЪ Его Здателѣ, что-мы-чу́вствуемЪ „нашЪ РазумЪ обремененЪ удивленіемЪ и Почтеніемъ. „Особливо, Астрономія и Анатомія, представляютЪ предЪ „насЪ, са́мымЪ чувствительным образомЪ, два Великіи „Создателевы Характера: первая, Безмѣрность Его „Разстояніями, величиною, и премножествомЪ небесныхЪ „тѣлЪ; а другая, Бесконечную Его Премудрость Механікою, и „СоставомЪ животныхЪ. Истинная Фізіка [л. 10] возлетаетЪ „толь высо́ко, что-почитай премѣняется вЪ нѣкоторый РодЪ „Геологіи."

Подлинно, Філософія мнѣ была не ложным средствомЪ кЪ произведенію Доказательства: БезЪ нея, трудно и помыслить о предпріятіи. Но тщался я, сколько возможно, дабы СпособЪ доказанія не́-был-удале́нЪ отЪ понятія всѣхЪ, по крайней мѣрѣ, прилѣжнѣйшихЪ, и не имѣлЪ бы на себѣ нѣкакЪ училищнаго вида. ВпрочемЪ, зданій Метафізіческих Ъ не возможно мнѣ было не употребить вЪ первой и послѣдней Эпістолѣ; но невозможно жЪ стало ихЪ и премѣнить: Они уже давно на нашем языкѣ вЪ употребленїи, и находятся почитай всюду рассѣяны, вЪ церьковных и Богословских наших КнигахЪ, а особливо, вЪ Книгѣ Преподобнаго отца Іоанна - Дамаскина, про́званной НЕБЕСА. НѣтЪ Сомнѣнія, званія сіи не общенародныя; но и Содержаніе не простое: кова́ вещь, таковы Ея и знаки. Однако, нѣкоторое [л. 10 об] вниманіе и рассужденіе приложившему, не будутЪ они, уповаю, всеконечно невразумительны. Сего я вниманія отЪ каждаго изЪ Читателей требую прежде, а пото́мЪ уже́ даю волю хотящему, и порѣвающемуся, недостатки мои осуждать: и́нако, не слушаное дѣло

7 Фонтенель, вЪ предисловіи РазличныхЪ своихЪ Сочиненій, Том. 4

обвинится, и прежде я воспріиму наказаніе охужденія,[8] нежели законно определится; а вЪ сем будетЪ вопіющая несправедливость.

Должно ещé упомянуть о шестой изЪ моихЪ ЭпістолЪ. Когда-я-вЪ-ней-говорю́ о Божіей правдѣ, то произвожду, что-хотя - натуральная Теологія есть главнѣйшим основаніем кЪ познанію Единаго Бога; однако она недовольна самá собою, быть ЕдинственнымЪ ЗакономЪ: показываетЪ она Самá жЪ необходимую нужду вЪ Ходатаѣ за Род человѣческій, но Ходатая притомЪ необЪявляетЪ. И понеже святое Пісаніе, онаго неложно предвозвѣщаетЪ быть ІИСУСЪ - ХРІСТА Богочеловѣка: [л. 11] Того ради, ІисусЪ - ХрістосЪ и есть оный, вЪ коемЪ-человѣкамЪ была нужда, Истинный Ходатай. Слѣдовательно, Теологія натуральная отвергаетЪ токмо дверь кЪ откровенной Теологіи: вЪ сея ужé внутренностяхЪ познавается все Смотреніе о нашем Спасеніи.

ВсякЪ чувствуетЪ, что-великое есть преступленіе Безбожія; но не малое и то, которое-или-признáніемЪ токмо Бога, или признаніемЪ Его, и содержаніем разныя вѣры отЪ Хрістіанства, мнитЪ получить себѣ спасеніе. Во всякомЪ языцѣ бойся Бога, и дѣлаяй Правду, хотя пріятен Ему есть за нравственные добродѣтели; но оправданЪ ли и СпасенЪ безЪ Крещенія? Я впрочем все сіе оставляю рѣшить ХрістіанствующимЪ БогословамЪ. Мое дѣло было, чтобЪ доказать токмо Бога, и показать Естественным Разумом необходимую нужду вЪ Ходатаѣ, дабы заградить уста и Атеістам, и Деістам, и Невѣрным. (л. 11 об)

Каждому читателю покажется, мню, сЪ перваго взора Матерія моея Книги несродною сЪ Стіхами; сіе жЪ толь наипаче, что-вЪ-ны́нѣшнія времена повсюду Стіхи, по боль шой чáсти, употребляются токмо или на пустыя игралища,

---

[8] Но не должно есть смотрѣть, какЪ-безу́мный стро́читЪ:
Неискусный часто ФертЪ, вЪ гордости, порочитЪ
Цѣлу Штуку злобно, здѣлавшись сЪ неправды лихЪ,
Также бóдру смѣлость, и ругаетЪ красный СтіхЪ.
Коль бы кто ни отражалЪ всѣ его доводы,
ОнЪ свой любитЪ ложный судЪ сЪ самыя природы:
Свѣта обнаженный вовсе слабый разумЪ вЪ немЪ,
ДумаетЪ, что-знáетЪ силу тонкую во всемЪ.
Боало - Депреó, Пѣснь 4.

или на другія свѣтскія Сочиненія, возбуждающія Стра́сти. Но возводящій Помышленіе свое къ удаленной древности увидитъ, что-ПоЭзія у древних была сущею ихъ Філософіею и Теологіею. Итакъ, писать Філософствованіе Стіхами; то возводить нѣкакъ Стіхотвореніе къ первому его и достохваль ному началу. Не сіе жъ впрочем едино было мнѣ Побужденіем, чтобъ составить мое Доказательство заключеннымъ Краснорѣчіемъ: возбуди́лъ-меня-еще къ тому Примѣръ, возбудило Ревнованіе, возбудила Краткость, и наконѣцъ видимая Польза возбудила.

Многіи видимъ Примѣры Філософствовавшихъ Стіхами. Симъ образом Ціцеронъ [л. 12] описалъ Ара́тову Астрономію, симъ Маніліи Астрономіческое Содержаніе не безъ изрядства; - симъ Граціи преизрядные Эпіческіи Стіхи о Ловлѣ, симъ Лукреціи Книги объ естествѣ вещеи; симъ Віргіліи земледѣльные свои Книги, симъ Овідіи сладкія Превращенія, и мудрыи Фа́сты; симъ Колуме́лла чрежденіе Садовъ, симъ Саммо́нінъ о врачевствѣ и лѣкарствахъ, симъ изъ древнѣишихъ Эмпедо́клъ Книги объ естествѣ жъ вещеи, коему-и-подражал Эпікурскими своими Лукре́ціи,9 симъ и древнѣишіи - еще Эмпедо́кла, Гезіо́дъ Феого́нію свою; симъ напослѣдокъ и са́мый древніи нѣкто Піитъ, или, какъ мнятъ, Гоме́ръ похвальныи Богамъ Гі́мны: но да не будутъ подражаемым примѣромъ Язычники, невѣдавшіи истиннаго Бога, симъ Царь и Пророкъ Давідъ, вдохновенную Духомъ Святымъ Псалтирь, симъ всѣ Пророческіе возглашены Пѣсни; симъ и въ Благодати Пруде́нціи страданія Святыхъ; симъ Маме́ртъ о Душѣ и Страстяхъ Хрістовых, симъ Авітъ о началѣ Свѣта, о Потопѣ, и о Прешествіи чрезъ Чермное море; симъ Григоріи святый, Іерархъ Назіанза Града, Эѳіческое любомудріе; симъ многіи изъ Богодухновенныхъ Отцевъ Стіхіры Церьковные и Каноны составили, а особливо Преподобный Отецъ Іоаннъ - Дамаскинъ, но какъ? са́мую глубокую Богословію симъ образом онъ воспѣлъ. [л. 12 об]

Чесное ревнованіе есть нѣкоторый родъ непорицаемыя зависти. Случилось мнѣ взять у себя въ ру́ки Французскіи переводъ Стіхами съ Аглинскихъ По́пповыхъ Стіховъ же, а

9 Изъ новыхъ Іорданъ - Брунъ написалъ Стіхами 8. Книгъ о множествахъ Міровъ, и ихъ Бесконечности.

имя сей Книшки есть: *ОПЫТЪ О ЧЕЛОВѢКѢ [*Essai sur L'homme]. СталЪ я сію читать; читалЪ; прочелЪ. По прочтеніи, сперва́ находился вЪ крайнемЪ удивленіи, и какЪ-бы-вЪ-нѣкоторомЪ-восто́ргѣ, рассуждая, что-коль тотЪ АвторЪ удаленную мате́рію отЪ СтіховЪ, написалЪ однако превосходно Стіхами. Что-болѣе содержаніе ея памятію разбиралЪ; то больше удивленіе во мнѣ возрастало. Дошло ужé оно до толь высокія степени, что-вы́шшему быть стало не можно. НаконецЪ, перемѣнилось во мнѣ вЪ зависть, или правѣе, вЪ оное беспорочное ревнованіе. На́чалЪ я думать, не мо́жно ль-чего подобнаго составить Стіхами жЪ. Ревнивое Размышленіе придало мнѣ нѣкоторыя мысленныя кри́ла: возлетѣлЪ я ими отЪ По́ппова Опыта о Человѣкѣ, до Творца Человѣку. РассуждалЪ, понеже АвторЪ, пиша о Человѣкѣ, почерпнулЪ [л. 13] всѣ свои мысли изЪ внутренностей Метафізіки; то мнѣ и прили́чнѣе-еще быть имѣетЪ, чтобЪ, мыслящему писать о Богѣ, почерпать мои размышленія изЪ са́мыхЪ глубокостей тоя жЪ Метафізіки. И какЪ-А́глінскій писатель показалЪ дѣлом, что-нѣтЪ Матеріи, которая бЪ не могла быть описана Стіхами, коль бы она ни превысокія была Філософіи: то всеконечно и я могу - либо описа́ть Доказательство, что - Е́СТЬ БОГЪ, сЪ его жЪ Божіею Помощію, Стіхотворною мѣрою. ИтакЪ, сЪ БогомЪ на́чалЪ, сЪ БогомЪ ужé и совершилЪ.

Содержаніе моего Сочинанія, требуетЪ многихЪ и великихЪ КнигЪ, еслибЪ все то писать прозою. Каждый вѣдающій не можетЪ не согласенЪ быть со мною: видимо сіе и отЪ одной ЛейбніціемЪ написанныя цѣлыя Книги, именемЪ ТЕОДІЦЕ́И, а сочиненныя обЪ единой токмо Божіей Правдѣ. Но мнѣ надобна была Краткость: я писалЪ не для оказанія ученымЪ [л. 13 об] Словесности, но ради услугЪ Юношеству, которому-или-нé-было времени и случая обучиться училищнымЪ порядкомЪ, или нé-было отЪ имѣвшихЪ надЪ нимЪ власть позволенія, или нé-было и вЪ самóмЪ вЪ немЪ кЪ тому охоты. Извѣсно, коль Юношество есть нетерпѣливое, стремительное, и вощанóе кЪ Разным премѣнам и впечатлѣніямЪ. Пространность Сочиненія и устрашила бЪ его собою, и привела бЪ вЪ непреминуемую скуку, и тѣмЪ отвратилабЪ его отЪ чтенія. Я лишился бЪ чаемаго плода отЪ трудовЪ; а оно лишилось бы приносимыя

себѣ пользы. Въ заключенномъ, напротивъ того, Краснорѣчіи, все къ Краткости необходимо приводитъ: Число, Мѣра, Стопа́, Рі́фма, Изображеніе, са́мый Кругъ Періода. Для сего точно предпочтены́ Стіхи Прозѣ въ семъ Сочиненіи. Впрочем, хотя и тщался я о Краткости, однако о довольно полной и обстоятельной. И какъ-Разли́чіе [л. 14] услаждаетъ; то хоть Родъ Стіха и одинъ мною употребленъ, а именно, Гексаметръ: но видомъ различный, то есть, Хореіческій и Іамбіческій по премѣнамъ.

Стіхи ктому жъ и не-могутъ достовѣрно лишить намѣренныя Пользы. Сіе бесспорно, что-Ю́ношество охотнѣе читаетъ нѣчто забавное и услаждающее: едва въ комъ изъ них на́йдется Бодрость къ прочтенію толь высокія Матеріи самы́я по себѣ, какова́ есть сея Книги, важная всеконечно, а нѣкакъ угрюмовидная, и какъ - масти́тою престарѣлостію сѣдѣющая. Но какою бъ ужъ могла показаться, если бъ и не кратко была составлена, и не Стіхами? Показалась бы конечно невкусною, непріятною, горькою, пелынною. Который бы посему изъ нихъ удостоилъ мою́ Книгу своего прочтенія? И слѣдовательно, ктобъ изъ оныхъ не здѣлалъ моего труда́ тщетнымъ, а - [л. 14 об] пользы своея пустою? Но Стіхи представляютъ ея у меня красною, веселою, почитай смѣющеюся, сколько мнѣ возможно было таковою ея произвесть, и сколько Матерія могла къ украшеніямъ быть способна, и распещряться оными прилично. Особливо жъ, Согласное окончаніе или Рі́фма, есть такая Стіховъ Красота, хотя съ другой стороны́ притворная и Готіческая, что-и-съ-са́маго нача́ла неиграющимъ содержаніемъ ску́чившагося-кого, и всеконечно уже́ вознамѣрившагося не читать далѣе, привлечетъ къ продолженію чтенія поражающимъ свои́мъ Гласомъ пріятно слухи, и пресылающим добровкусность въ са́мую глубину се́рдца, а благолѣпныя изображенія во внутренность Разума: ктомужъ, Памяти она удивительно поспѣшествуетъ, и забытое скоряе [л. 15] припамятованію представляетъ, словомъ. Рі́фма, и вымышлена для услажденія токмо молодыхъ отроковъ. Сей ухищренный, но непорочный Способъ вліетъ непреминуемо цѣлительный свой Сокъ, растворенный чувствительною Сладостію, въ утробу слабосильнаго Юношества. Ка́къ же было не предпочесть Стіховъ Прозѣ въ составленіи сея Книги?

Одно ещѐ сіе напомяну, и окончу. Ежели Читатель найдетЪ нѣчто вЪ семЪ моемЪ Сочиненіи, кЪ действитель ной своей угодности, то да БлаговолитЪ [л. 15 об] восписывать не слабымЪ моимЪ СиламЪ, производившимЪ трудЪ вЪ празныя времена, и при отдохновеніяхЪ отЪ порученнаго мнѣ дѣла, но дѣйствію доказываемаго мною Вседаровитаго БОГА: сему единому да будетЪ отЪ него честь и

ПРОСЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV

Документы Архива Синода о книгах В. К. Тредіаковскаго:

1. ДОНОШЕ́НЇЕ
[в Синод иеромонахов Варлаама и Гедеона].[1]

Сегѡ Іѹлїа 22го дня прислано к намЪ нижаишымЪ из с<вя>тѣйшагѡ правителствующагѡ Сѷно́да чрез протоколиста Сѷнодалнаго Мїхаи́ла Бѣляева ѽды из нѣкїих ѰалмωвЪ Д<а>видовыхЪ, Пѣсней МωѷсеовыхЪ, и прωч: сочине́нные Академїи нау́кЪ профе́ссоромЪ ВасилїемЪ

---

[1] Все печатаемые документы находятся в папке, озаглавленной „Дело о Феоптии"; она хранится в синодальном фонде Центрального государственного архива в Ленинграде, ф.796, оп.41, ед. хр. 238.

Варлаам Лащевский (Лящевский, 1704—1774), крупнейший библеист своего времени, проповедник и драматург, с 1752 г. был ректором Славяно-греко-латинской Академии, с 1753 —архимандритом Донского монастыря и с 1754 — членом Синода; в этом качестве он принимал участие в даль нейших решениях Синода по поводу издания книг Тредиаковского. По сообщению митрополита Евгения, Варлаам вместе с Амвросием Зертис-Каменским „трудился в переводе Давидовой Псалтири с еврейскаго подлинника на российский, которая и была окончена, переписана и уже приготовлена для поднесения императрице" (*Евгений*, I, с.230, ср. также предисловие П. Горского-Платонова в кн.: *Псалтирь в переводе Амвросия*, 1878, с.22); этот перевод включен в книгу Решетникова, I-II и издан отдель но в 1878 (см. выше). О Варлааме см. *М.Лепехин, в печати;* перечень его сочинений см. в кн.: *Л.Махновець, I,* с.393—4.

Гедеон Слонимский (ум.1772) участвовал в исправлении славянской Библии и непосредственной работе над Елизаветинской Библией вместе с Варлаамом.

Обращает внимание, что „свидетельствование" псалмов Тредиаковского заняло у иеромонахов небывало малое время — 5 дней; для такой поспешности, надо думать, должны были существовать особые причины.

Тредїаковскимъ, для ѡсвидѣтельствованїя, нѣтъ ли в них чегѡ протйвнагѡ догмáтѡмъ вѣры православной: котѡрыя ѡды мы сносили с оными Ѱалмами и пѣснми, с кѡихъ те ѡды сочинены, и не іавйлось в них ничегѡ протйвнагѡ вѣрѣ православной, свидѣтелствуемъ. И оные ѡды при семъ с<вя>тѣйшему Сѵноду представляем.

Вашегѡ с<вя>тѣйшества
всенижайшїи послушанникъ

Академіи Киевскія Префектъ Іеромонах Варлаамъ
Іеромонахъ Гедеонъ

Івлїа 27 дня
1752 года

2.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѵноду изъ
Санктъпетербургской С<вя>тѣйшаго Сѵнода Канторы
ДОНОШЕНЇЕ.

По указу ЕЯ ЇМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА в Санктъпетербургской с<вя>тѣйшаго правителствующаго Сѵнода канторе слушавъ доношения академии наукъ профессора Василья Кирилова с<ы>на Тредїаковскаго которымъ представляя понапечатаніиж вСанктъпетербургской академической типографіи в прошломъ 1752м годѣ десяти Давидовых Ѱалмовъ именно 1. 6. 18. 42. 51. 78. 111. 136. 139. 143 дадесяти пророческихъ пѣснѣй сприсовокупленною коимъ Девворинoю преложенных имъ стихами, аосвидетелствованных вС<вя>тѣйшем Правителствующемъ Сѵнодѣ какъ то повелевают Указы ЕЯ ЇМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА. Нынѣ преложилъ он Тредїиаковскїй всѣ уже Давидовы Ѱалмы стихамиж, но какимъ образомъ и для какихъ причинъ, то явствуетъ в приобщенной притомъ доношеніи Книгѣ написанной Ево рукою, просит оную книгу принявъ повелѣть освидѣтельствовать, а по освидѣтельствованіи снабдить ево писменным засвидѣтелствованіем какъ то и прежде дано ему на десять токмо Ѱалмовъ дабы ему можно было издать оную без всякаго сомненія в свѣтъ в вящшую б<о>жію славу а в душевную ползу Б<о>голюбцам. ОПРЕДѢЛЕНО: с<в>тѣйшему правителствующему Сѵноду ѡбономъ представить доношениемъ и требовать означенные сочиненные профессоромъ Тредїиаковскимъ Давидовых Ѱалмовъ Стихи по

опробацїи ежели вних противный разумЪ не окажется повѣленоль будетЪ издать впечатать, сколко означенной Тредїиаковской можетЪ из своего кошта ѡныхЪ напечатать.

Смиренный СїлвестрЪ

Архїеп<ис>копЪ Санктпетербургский [2]

февраля .7. дня, 1754 года

---

[2] Сильвестр Кулябко (1701—1761), как и Варлаам и Геннадий, ученик и затем наставник Киево-Могилянской Академии (И. Смолич называет его наиболее значительным из преемников Феофана Прокоповича — см. *Смолич*, 1964, о рукописных курсах его лекций по красноречию, реторике, философии ср. *Петров*, 1904, с.290—1; *Петров*, 1875, с. 24—5, ср., в особ., с.324—8), в 1750-е гг. был одним из наиболее влиятельных членов Синода, что отчасти может объясняться его близостью к императрице. Публикуемые документы 1754—1758 гг. позволяют думать, как кажется, что главным покровителем Тредиаковского в Синоде был именно Сильвестр.

Для уяснение литературных симпатий Сильвестра (и, вполне вероятно, других членов Синода середины 1750-х гг.) следует обратить внимание на известный полемический „Гимн пьяной бороде". Этот „Гимн" был язвительной пастишью, пародировавшей антиклерикальный „Гимн бороде" Ломоносова. Пастишь была отправлена Ломоносову при письме, в котором сообщалось, что „Гимн пьяной бороде" отсылается Ломоносову „как главе российских стихотворцев «...» с такою просбою, чтоб ежели вам знаком автор часто помянутого гимна, оний ему собщили: не прийдет ли он хотя таким образом в раскаяние,«...» однако прежде сообщения «...» чтоб ви сей Имн высмотрели и по известной вашей к стихотворству способности что-нибудь в похвалу п«ь»яной голове прибавили, которыя и неописанныя здесь добродетели вам может быть известны. Ежели ж он имени своего в свет не явил «...», велите напечатать сей Имн в *Ежемесячных сочинениях:* тут он сам себя, как в зеркале увидит" (*Перетц*, 1911, с.95—6). Второе письмо было послано „к профессорам Миллеру и Поповскому", третье — Тредиаковскому. Пушкин писал: „Немногим известна стихотворная перепалка Ломоносова с Дмитрием Сеченовым по случаю Гимна бороде. Она может дать понятие в заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника." По мнению В. Н. Перетца (который опирается на свидетельство митрополита Евгения и некоторые другие даннные), автором антиломоносовского гимна был Сильвестр (см. *Перетц*, 1911); есть, кажется, основания полагать, что им мог быть и Димитрий Сеченов. Во всяком случае вполне правдоподобно, что „Гимн пьяной голове" исходил от иерарха, близкого к Синоду и отражал действительные чувства Синода по поводу сатиры Ломоносова. Все это происходит в 1757 году — почти одновременно с решением Синода печатать книги Тредиаковского; в этой связи не лишена интереса характеристика Тредиаковского в обращенном к нему письме автора „Гимна пьяной голове": „Как я никогда не надеюсь, что б Вы какое-нибудь участие принять хотели во всем том, что толко касается предосуждения нашего Закона, так и не сомневаюсь, чтоб приложенный при сем Имн вам приятен не был «...» " (там же).

3·

В журналѣ с<вя>тѣйшаго правителствующаго Сѵнода марта 3. дня 1754 года написано

По доношению санктЪпитербургской с<вя>тѣйшаго правителствующаго Сѷнода канторы с требованием указу что сочиненные и предЪявленные той канторѣ академїи наукЪ профессоромЪ Васильем Тредїаковским Давыдовых Ѱалмов стихи, ежель по апробацїи в них противный разумЪ неокажется повелится издать в печать, приказали предложить к разсуждению по прибытіи с<вя>тѣйшаго Сѵнода в санктЪ питерЪбурхЪ.

4·

С<вя>тѣйшему Правительствующему Сѷноду
Покорнѣйшее Доношение [3]
ІМПЕРАТОРСКІЯ Академїи НаукЪ отЪ Профессора
Васілья Кірілова сына Тредіаковскаго, а о чемЪ, тому Пункты

1

СочинилЪ я книгу, при семЪ предлагаемую, и на́звал ея ѲЕОПТІЕЮ. Содержание ея все-на́-все доказываетЪ токмо Бытіе Б<о>жіе. Но чего ради произвелЪ я сей трудЪ и для чего́ Стіхами; тому обЪявлены причины вЪ Предисловіи при ней же находящемся.

2

Того ради, покорнѣйше прошу С<вя>тѣйший Правитель ствующій СѷнодЪ, сию помянутую мою́ Книгу милостиво повелѣть принять, и рассмотрѣть, нѣт ли в ней противности Ц<е>р<к>ви, ЗаконамЪ и Добронравію: и буде ничего в ней противнаго не усмо́трится [какЪ-то я по чистой совѣсти и старался]; то благоволить меня снабдить писменным засвидѣтелствованіемЪ, дабы я безопасно могЪ ея сообщить обществу. Притом, покорнѣйшежЪ прошу, о подобномЪ сему засвидѣтельствованіи в рассужденіи и Ѱалтири СтіхамижЪ отЪ меня составленныя, о которой просил уже́ я прежде сего Доношеніем С<вя>тѣйший Правительствующій СінодЪ. Доношеніе писалЪ я Васілей Тредіаковскій и руку приложил. ОтЪ 28. Ноября. 1754 года.

---

3 Автограф Тредиаковского.

5·

По Указȣ ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА С<вя>тѣйшіи Правителствующій Сѵнодъ слушавъ подавшаго академическаго профессора Василія Тредїаковскагѡ Доношеніе при котором предложена гдм Тредїаковскимъ сочиненная книга называемая Феоптїею с требованнїем чтоб оную разсмотреть <...> ПРИКАЗАЛИ онȣю кн<и>гу называемую Ѳеоптїею для надлежащагѡ, неимѣется ли в ней каковой противности с<в>ятой ц<е>ркви, разсмотренїя отослать к сѵнодальному члену преос<вя>щенному Гаврїилу Еп<ис>копу Коломенскому[4] и что по разсмотренїю его преос<вя>щенства <...> представить С<вя>тѣйшему Сѵноду доношенїеемъ.

Подлинной протоколъ 1754 году декабря 21 дня подписали

Димитрій Еп<ис>копъ Рязанскій[5]

Вениаминъ Еп<ис>копъ Тферскій[6]

Гаврил Еп<ис>копъ Коломенскіи

Афанасій Архимандрітъ С<вя>тотроицкія Лавры[7]

---

4 Гавриил Кременецкий (1708–1783), воспитанник Киево-Могилянской Академии, с 1739 префект Невской семинарии, с 1748 член Синода и в 1749–1755 епископ Коломенский. В 1752 г. Тредиаковский давал ему на прочтение свое „Слово о мудрости, благоразумии и добродетели“; Гавриил, по свидетельству Тредиаковского, „еще оное и великих своих похвал удостоил“ (*Пекарский*, 1873, с.167). Неисключено, что знакомство Тредиаковского с Гавриилом относится к 1730–40-м гг., когда Тредиаковский какое-то время жил при Александро–Невской лавре (*Пекарский*, 1873, с.о).

Любопытно отметить, что Гавриил был в числе трех иерархов, которым в 1770-е гг. посвятил свои стихотворения духовные А. П. Сумароков.

5 Димитрий Сеченов (1709–1767), известный проповедник, с 1752 епископ рязанский и член Синода, в 1757 „занял первенствующее место в Св. Синоде, при совместном присутствии и Сильвестра, архиепископа Петербургского“ (*Барсов,* 1896, с.287).

6 Вениамин Пуцек–Григорович (ум. 1785), с 1753 г. член Синода и архиепископ Тверской.

7 Афанасий Вольховский (ум. 1776), с 1748 г. ректор Славяно- греко-латинской Академии, с 1753 г. архимандрит Троицкой лавры и с 1754 г. член Синода. Любопытное свидетельство о историософских и стилистических воззрениях Афанасия находим в его „Слове на Новый год“ , М., 1763: здесь Афанасий ссылается, кажется, чаще на философов античности, чем на писателей церкви; язык достаточно последовательно руссифицируется и европеизируется.

Варлаам АрхимандрітЪ Донской
ОберЪ секретарь ЯковЪ ЛеванидовЪ
Секретарь Андрей СорокинЪ

6.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѷноду
Доношенїе. [епископа Гавриила]

Минувшаго декабря 23. дня прошлого 1754 году прі Указѣ ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА изЪ С<вя>тѣйшаго Правителствующаго Сѷнода прислана ко мнѣ сочиненная академическимЪ профессоромЪ ВасиліемЪ ТредїиаковскимЪ кн<и>га называемая Ѳеоптїею для разсмотренія не їмѣется ль вЪ ней каковой противности с<вя>той ц<е>ркви. И оную книгу я чита́лЪ, и в ней никакой противности ц<е>ркви с<вя>той не присмотрѣлЪ: и о то́мЪ С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѷноду сімЪ бл<а>гопочтенно с приобщениемЪ оной кн<и>ги обра́тно представляю.

Вашего С<вя>тѣйшества послушникЪ и б<о>гомолецЪ
Смиренный Гаврил Еп<ис>копЪ Коломенскіи
генваря „25го“ дня
1755 года

7.

По Указу ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА С<вя>тѣйшій Правителствующій СѷнодЪ слушавЪ славеснаго предложенія сѷнодальнагѡ члена преосвященнагѡ Сѷлвестра Архіеп<ис>копа СанктЪпетербургскаго и Шлютелбургскагѡ что де его преосвященство сочиненные и написанныя академическимЪ профессорѡмЪ Василием Тредяковским своеручнѡ всѣ Давыдовы Ѱалмы стїхами <...> прочиталЪ, и во оных с<вя>тѣй церкви противности не находитЪ <...> ПРИКАЗАЛИ оныя свидетѣльствованныя Сѷнодальными члены книги <...> отдать вышеимянованному профессору Тредь яковскому при надлежащем <...> письменном засвидетель ствованіи.

Подлинной протоколЪ 1755го года Ѳевраля 20 дня подписали:

В октябре 1755 г. через Афанасия Тредиаковский передал в Синод „изЪяснение“ на свой извет на стихотворное переложение из 106 псалма Сумарокова; показательно при этом, что Тредиаковский именует Афанасия „мой достойнопочитаемый изда́вна Благодетель“ (письмо Тредиаковского к Афанасию от 16 октября 1755 — Русский архив, 1907, с.000)

СилвестрЪ Архіеп<ис>копЪ СанктЪпетербургскій
Димитрій Еп<ис>копЪ Рязанскій
ВениаминЪ Еп<ис>копЪ Тферскій
ГавріилЪ Еп<ис>копЪ Коломенскіи
Афанасій АрхимандрітЪ С<вя>тотроицкія Лавры
Варлаам АрхимандрітЪ Донской
ОберЪ секретарь ЯковЪ Леванидов
Секретарь Андрей Сорокин.

8.

ВпущенЪ пред собраніе Імператорской Академіи профессорЪ Васілій Тредіаковскій, который <...> что сочиненные имЪ двѣ книги <...> Сѵнодом опробованы, учинилЪ покорнейшее благодареніе и, получа благословеніе, выступилЪ<...>

9.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѵноду
Покорнѣйшее Доношеніе,

Ѡт профессора СанктЪпетербургскія ІМПЕРАТОРСКІЯ академїи наукЪ, Васілія Кирилова сына Тредіаковскаго,[8] а о чемЪ тому пункты

1.

ВЪ прошломЪ 1754м году предявилЪ я іменованныи при доношеніи с<вя>тѣйшему правителствующему сѵноду преложенную мною стихами книгу ѰалмовЪ і с пророчѣскими пѣсньми, да и еще тогож года при доношеніиж книгу, сочиненную мною также стихами, названную Ѳеоптіею, для освидѣтелствованія, дабы мнѣ можно было по времени іздать ихЪ вЪ свѣтЪ безопасно.

2.

І по темЪ моимЪ покорнѣйшимЪ доношеніямЪ и прошеніямЪ святѣйшій правителствующій сѵнодЪ благоволил, помяненные тѣ обѣ книги разсмотреть сѵнодалными членами, первую преосвященнымЪ СѵлвестромЪ архіеп<ис>копом санктЪпетербургскимЪ і шлютелбургскимЪ і архимандрітомЪ Троицкаго Алеѯандроневскаго монастыря, а вторую преосвященным ГаврїиломЪ еп<ис>копомЪ тогда

8 Копия; местонахождение оригинала неизвестно. Впервые напечатано по другой копии в *Москвитянине*, 1851, т.V, Но 19-20, с.536—540.

КоломенскимЪ і КаширскимЪ, да и снабдил меня милостиво письменнымЪ засвидѣтелствованіемЪ прошлаго 1755 года в томЪ, что в тѣхЪ книгах нікакія противности церкви с<вя>той неприсмотрено.

3.

СЪ тѣхЪ временЪ многіи із благолюбивых людей требуютЪ у меня ихЪ на прочтеніе, а иные і на преписаніе, такЪ что я ни читателей, ни преписателей всехЪ однимЪ токмо подлинникомЪ удоволствовать немогу по нынѣ. СверхЪ же того і всегда опасаюсь, чтоб преписатели невнесли в списки важных какихЪ погрѣшностей і темЪ не нанеслиб предосужденія какЪ разсматривавшимЪ просвѣщеннымЪ и благомудрымЪ сѷнодалнымЪ членамЪ, такЪ и мнѣ с правымЪ намѣреніемЪ трудившемуся, а ктомуж нѣсколко и боюсь, чтоб тѣмЪ единственым книгам, обращаемымЪ разными руками, не избиться, іли и вовся не затеряться.

4.

Сіи причины, возбудили во мнѣ желаніе нынѣ, чтоб помяненные книги напечатать церковным тѷпомЪ, какЪ по всему духовные.

5.

I такЪ, 1) желаю имЪ напечатанным быть в листЪ і обѣимЪ вЪ одну книгу, дабы расходу на нихЪ быть совокупному: ібо иныи пожелают лучше купить Ѱалтирь, а другія охотнѣе Ѳеоптію, отчего или та іли другая оставатся будетЪ, но вЪ совокупномЪ сопряженіи ни первая, ни вторая не останется, толстотаж книги в печати не превзойдетЪ удобообращаемыя мѣры. 2) ЛитерамЪ употребленнымЪ быть желаю на предисловія такЪ называемым в Московской тѷпографіи Арсеньевским, на теѯтЪ вЪ Ѱалтири ОсиповскимЪ, а вЪ Ѳеоптіи ВоскресенскимЪ, на аргументы БиблїйнымЪ, а на примѣчанія на полях КутейнскимЪ[9]. Сіе значитЪ, что я желаю предисловіямЪ быть крупнымЪ, Ѱалтирному теѯту по мѣлче предЪ предисловиемЪ, а Ѳеоптійному і того, какЪ долгостишному, і такЪ далѣе по пропорціи. 3) Орѳографіи желаю быть употребляемой вЪ церковной печати вЪ разсужденіи лiтерЪ (ѕ) (ȣ) (ѽ) (ѡ) (ѯ) (ѱ)

9 Образцы этих шрифтов (кроме кутейнского) см. в кн.: *Образцы литер*, 1826, л.3—7. В порядке убывания величины они располагаются следующим образом: арсеньевский — осиповский — воскресенский — библейный.

(ѵ), кои неупотребляются в гражданской і следовательно не находятся в моихЪ подлинникахЪ, а возвратное (э) хотя и есть в нихЪ, но вмѣсто его желаю быть вездѣ церковному (Е) вЪ печати. 4) Просодіи на односложныхЪ реченіяхЪ отнюдЪ никакой быть не желаю, ибо такія реченія почитаются в стихахЪ по количеству общими, то есть, долгія іли краткія мѣры, а острое іли тяжкое удареніе на нихЪ будетЪ повреждать всегда и неотмѣнно скансію по стопамЪ, но не желаюж быть просодіи і на реченіи двусложномЪ, іногда и трисложномЪ, слѣдующемЪ по нескланяемых предчинныхЪ частицах, каковы суть: (на) (не) (за) (по) і подобные: ібо сіи частицы часто сЪемлютЪ сЪ двусложнаго іли трисложнаго реченія удареніе на себя вЪ стопѣ, и тѣмЪ лишаютЪ возвышенія слѣдующее реченіе, какЪ то *нé-было* вместо *не-бы́ло,* будежЪ гдѣ онѣ не лишаютЪ возвышенія такое реченіе, то тамЪ быть надобно природному ударенію, какЪ-то: *за рѣкóю,* чего ради удареніямЪ находящимся вЪ подлинникахЪ, наблюдаемымЪ быть всемѣрно желаю: понеже они в нихЪ поставлены вѣзде острыми на такихЪ точно реченіяхЪ, а при томЪ і на такихЪ, кои вЪ нашемЪ языке двояко по употребленію, ударяются, какЪ напримерЪ: *тóтчасЪ* и *тотчáсЪ.* 5) РеченіямЪ полагаемымЪ под титлами, іли сіглами, быть всѣмЪ полнымЪ желаю, дабы одному стіху, при совокупленіи тітлЪ, неказатся короче пред другимЪ, да и неискусныхЪ і тупыхЪ читателей не приводит в затрудненіе: словомЪ, всѣхЪ реченій полносложных, без всякихЪ тахѵграфических сокращеній желаю. 6) ЕріковЪ и паерковЪ надЪ реченіями нигдѣ не желаю, но везде или (Ъ) или (ь) в срединѣ, какЪ то: *обЪявляю,* а не *обявляю:* ибо в семЪ состоитЪ, какЪ извѣстно, главное органіе калліграфіи. 7) ПрепинаниямЪ строчнымЪ желаю всеконечно всѣмЪ быть тѣмЪ, которыя зрятся в моихЪ подлинниках, і на тѣхЪ самыхЪ мѣстах, а особливо вопросному препинанію и по фігурѣ томуж быть желаю. 8) ЕдинитныхЪ,[10] находящихся в подлинниках моихЪ, мѣжду целыми двумя, тремя, іногдаж и многими реченіями в срединѣ, не желаю: ибо сей секретЪ есть новый, і хотя при томЪ превесма важный для опредѣленія точности в разумѣ, однако изобретенЪ для

---

[10] в копии описка: *единичныхЪ.*

гражданскія печати, въ коемъ не надъ каждымъ реченіемъ есть удареніе. 9) Літерамъ, означающимъ число, желаю быть употребляемымъ въ церковной печати вмѣсто ціфірныхъ знаковъ і римскихъ.

6.

Ежели с<вя>тѣйшій правителствующій сѷнодъ благоизволитъ опредѣлить, чтоб книгамъ симъ быть напечатаннымъ на моем іждивеніи, то покорнѣйше прошу опредѣлить печатать шесть сот токмо книгъ. І денегъ за напечатаніе не спрашивать с меня потá пока не выберется сумма, в кою станутъ матеріалы съ печатаніемъ: ібо я человѣк весма не богатый, такъ что не продавъ книгу, не могу імѣть надлежащія тоя суммы, а притомъ і приказать прислать мнѣ сюда пятдесятъ книгъ в тетратяхъ по напечатаніи, а прочимъ бы отданнымъ быть для продажи поверенны́мъ отъ меня. Но будѣ опредѣлится, чтоб імъ быть печатанымъ не на моемъ иждивеніи, то предаю в волю с<вя>тѣйшаго правителствующаго сѷнода, печатать ихъ столко, сколко угодно будетъ, однако меня трудившагося чрезъ четыре года над ними, взыскать по благоразсмотренію в нѣкоторое утѣшение за подъятые труды.

7.

Того ради, уповая на милостивое благоснисходитель ство с<вя>тѣйшаго правителствующаго сѷнода, покорнѣйше прошу оные мои рукописные книги приказать принят, і отослать их для напечатанія, по изображенному здѣсь в пятомъ пунктѣ способу, въ тѷпографію церковныя печати на моемъ, іли не на моем іждивеніи, какъ за полѣзнее разсуждено быть імеетъ. Доношеніе писал я Василеи Тредіаковскій і руку приложилъ,

апреля дня 1757 года.

10.

По Указу ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА С<вя>тѣйшій правителствующій сѵнодЪ слушавЪ поданного от профессора СанктЪпетербургскои ІМПЕРАТОРСКІЯ академїи наукЪ Василья Тредіаковскаго доношенія <...> ПРИКАЗАЛИ вышепредставленныя <...> двѣ книги <...> для напечатания в единую книгу церковными литеры цѣлаго завода[11] такимЪ образомЪ какЪ тѣмЪ доношеніемЪ <...> представлено на казенномЪ коштѣ отослать в московскую тѵпографскую кантору при указѣ <...> а по напечатаніи онаго завода в какую цѣну каждая книга обоидется <...> представить доношениемЪ немедленно а сколкѡ на ѡные книги противЪ протчихЪ причтется прибылныхЪ денегЪ то число обЪявленному профессору за таковой его немалой трудЪ и раченіе выдать в награжденіе изЪ имѣющихся быть в типографскомЪ капиталѣ от продажи тѣхЪ книгЪ прибыль ныхЪ денегЪ.

Подлинной протоколЪ подписанЪ апрѣля 11го числа 1757 года

СѵлвестрЪ Архіеп<ис>копЪ СанктЪпетербургскій
Димитрій Еп<ис>копЪ Рязанскій
Амвросій Еп<ис>копЪ Переславскій[12]

---

[11] Завод в это время равнялся 1.200 экземплярам. См. кн.: *Лyппов*, 1976, с.46.

[12] Амвросий Зертис-Каменский (1708—1771), с 1748 член Синода и в 1753—1761 епископ Переяславский и Дмитровский. В 1758 г., будучи уже членом Московской синодальной конторы, Амвросий подписал предложение не печатать книги Тредиаковского в Синодальной типографии (см. документ 20); трудно решить, какое из этих двух действий отвечало истинным убеждениям Амвросия.

В 1757 г. Амвросий цензуровал перевод Н. Н. Поповского *Опыта о человеке* А. Попа и заменил ряд строк переводчика своим текстом; в издании строки эти были напечатаны более крупным шрифтом, чем остальные. Эти исправления, видимо, показались Тредиаковскому неудачными, и об этом он писал в своем доношении в Синод от 17 сентября 1759 г. (см. документ 20).

Литературные занятия Амвросия свидетельствуют о том, что идеологические проблемы, поставленные в *Феоптии* и в *Псалтири* Тредиаковского не были ему чужды: в 1760-е гг. он предпринял прозаический перевод с древнееврейского всей Псалтири (см. об этом выше, прим. 1) и перевел с латыни *Гроциево Рассуждение против Атеистов и Неутралистов* (М., 1765), в ряде аспектов аналогичное *Трактату о существовании Бога* Фенелона, лежащего в основе *Феоптии*.

ВарлаамЪ АрхимандритЪ Донской
Секретарь Андрей Сорокин

11.

УказЪ ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКЇЯ из с<вя>тѣйшаго правителствующаго сѵнода в московскую типографию <...> вышепредставленные профессора Тредіаковского две книги <...>на казенномЪ коште отослать во оную типографию <...>

Апреля 15 дня 1757го года

12.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѵноду

Доношеніе

ОтЪ Профессора Васілья Кірілова сына Тредіаковскаго;

а о чемЪ, тому пункты: [13]

1.

ВЪ прошломЪ 1757м годѣ, Апрѣля вЪ де<нь>, просилЪ я имѣнованный покорнѣйше С<вя>тѣйшій Правительствующій СѵнодЪ, о напечатаніи в Московской Тѵпографіи КнигЪ, сочиненныхЪ мною, именно жЪ Ѱалтири и Ѳеоптіи, кои засвидетельствованы членами С<вя>тѣйшаго Правитель ствующаго Сѵнода.

2.

На оное мое покорнѣйшее прошеніе и воспослѣдствовала милостивая резолюція тогда жЪ отЪ С<вя>тѣйшаго Правительствующаго Сѵнода вскорѣ, по силѣ которыя посланы обѣ тѣ мои Книги при указѣ вЪ Московскую Тѵпографію, чтобЪ имЪ тамЪ быть напечатанымЪ.

3.

Между тѣмЪ я именованный ожидая превесьма довольное время исполненія по тому С<вя>тѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Указу, не дождался нижé начатія и понынѣ.

4.

Но нынѣ увѣдомился я чрезЪ Письма изЪ Москвы отЪ моихЪ Пріятелей, что оные мои книги, безЪ всякаго, и сáмаго малаго, предпріятія кЪ напечатанию ихЪ, оставлены совсѣм безЪ дѣйствія.

---

13 Автограф.

5.

Того ради, покорнѣйше прошу С<вя>тѣйшій Правитель ствующій Сѵнодъ, усугубить мнѣ отеческую свою милость, то есть, приказать подтвердить вторичнымъ Указомъ безотлагательное печатаніе и напечатаніе моихъ Книгъ въ той же са́мой силѣ, какъ прежде предписано: ибо вѣроятно, что, безъ такого подтвержденія, Московская Тѵпографія едваль удостоитъ когда мои Книги и припамятованія своего, не то чтобъ постаралась произвесть ихъ в Свѣтъ съ радѣніемъ, по данному Ей Указу изъ С<вя>тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода.

Доношеніе писалъ я Васілій Тредіаковскій, и руку приложилъ.

Іюня въ де<нь>, 1758.

13.

По Указу ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА С<вя>тѣйшій правителствующій сѵнодъ <...> еще указомъ ПРИКАЗАЛИ в помянутую Московскую тѵпографскую кантору о непродолжителномъ <...> сочиненных реченнымъ профессором Тредіаковскімъ дву<х> книгъ напечатаніи послать вторичнои Указъ с тѣмъ что чего ради оная тѵпографская кантора по вышеобявленому прежде посланному из С<вя>тѣйшего Сѵнода Указу тѣхъ книгъ понынѣ в печать не произвѣла о томъ прислать С<вя>тѣйшему Сѵноду отвѣтъ немедленно.

Подлинной протоколъ подписанъ июня 19го числа 1758году
Димитріи Архіеп<ис>копъ Новгородскіи
Сѵлвестр Архіеп<ис>копъ Санктпетербургскій
Веніаминъ Еп<ис>копъ Псковскій
Палладій Еп<ис>копъ Рязанскій[14]
Гедеонъ Архимандрітъ С<вя>тотроицкія Лавры[15]

14 Палладий (1721 – 1789), епископ Рязанский в 1758 – 1778 гг.

15 Гедеон Криновский (1736 – 1763), знаменитый проповедник, член Синода с 1758 г.

14.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѵноду
Московской типографской кантора
РЕПОРТЪ

Указъ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ изъ с<вя>тѣйшаго правителствующаго сѵнода сего 1758го Года Іюня от 26го дня по д №..1554м ω непродолжителномъ напечатаніи сочиненныхъ професоромъ Тредіаковскімъ книгъ Ѱалтири ї Ѳеоптіи и о протчемъ в Московской тѵпографской канторе сегож Іюля 2го дня полученъ.

Михаилъ Херасковъ[16]

Аѳанасій Пелскій[17]

15.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѵноду
Московской типографской кантора
ДОНОШЕНЇЕ

В силу полученнагω ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА їзъ С<вя>тѣйшего Правителствующаго Сѵнода Указу о непродолжителномъ печатаніи сочиненныхъ Професоромъ Василіемъ Тредіаковскимъ книгъ <...> тѵпографская кантора всепокорно доноситъ упомянутые книги поныне печатаніемъ еще не начаты за неимениемъ в Московской Тѵпографіи праздныхъ становъ из которыхъ в прошломъ 1757м году на пяти станахъ печатаниемъ производились в десть Библіи два Завода, да в четверть ωныхъ же Библій ωдинъ Заводъ на одномъ стану, Миней

[16] М. М. Херасков (1733 — 1807) был директором Синодальной типографии в 1758 — 1763 г. (ЦГИА, ф.796, оп.44, ед. хр. 378, л.7 об.).

[17] А. Пельский (ум. 1784) в 1736 — 1745 учился в Троицкой Александро-Невской семинарии, в 1745 — 1753 был учителем греческого языка и в 1753 — 1754 реторики в Славяно-греко-латинской Академии, в 1754 г. определен товарищем директора Московской типографской конторы в ранге синодального секретаря; по смерти директора Муринова отправлял директорскую должность с февраля 1756 по май 1758 г. Директором типографии Пельский стал с 1768 г. (ЦГИА, ф.796, оп. 42, ед. хр. 42, л.1; оп. 44, ед. хр. 378, л.11-12)

ЧетіихЪ два Завода на пяти станахЪ, ПатерикЪ печерскій на одномЪ стану, ЕvангеліевЪ напрестолныхЪ болшихЪ ползавода на одномЪ стану ЕvангеліевЪ напрестолныхЪ древнихЪ на двух станахЪ, Ѱалтири учебные <...> а по учиненной справкѣ оказалось в тѵпографской казнѣ ко удоволствию с<вя>тыхЪ церквеи и народному крайнѣй недостатокЪ в нижеследующихЪ и давно потребныхЪ ц<е>рковныхЪ книгах в десть Еv<анге>ліяхЪ воскресных толковых, вЪ Камень Вѣры, в бароніяхЪ, в чиновникахЪ архиерейскихЪ, в бесѣдахЪ Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, в полдесть ЇрмологіахЪ, ѰалтиряхЪ учебныхЪ с киноваремЪ и без киновари, в четверть ѰалтиряхЪ учебныхЪ с киноваремЪ, ТребникахЪ с киноваремЪ и без киновари, в РегламентахЪ обиходныхЪ, в службахЪ Іоанна Воина и в книжицахЪ о антихристѣ, и сколь скоро отпечатанія вышеупомянутыхЪ н<ы>нѣ печатаніемЪ производящихся кн<и>г имѣющіяся в Московской Тѵпографіи девятнадцать становЪ упразднятся тѵпографская кантора намѣрена была опредѣлить печатать нужно потребные ко удоволствію с<вя>тыхЪ церквей и народному церковные книги чтобЪ во оныхЪ ни малѣйшаго требующимЪ покупкою недостатка не былѡ, а по напечатаніи оныхЪ и вышеобЪявленные Ѱалтирь и Ѳеоптію в печать произвѣсть имѣетЪ без продолженія, сверхЪ же того из оныхЪ книгЪ в Феоптіи усмотрено немало на разныхЪ местахЪ сомнителное а что и на которыхЪ местахЪ имянно о томЪ учиненная выписка со мнениемЪ кЪ должному с<вя>тѣйшаго правителствующаго Сѵнода канторѣ. В силу полученнагѡ ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА из С<вя>тѣйшагѡ правителствующагѡ Сѵнода в тѵпографскую кантору прошлаго 1747 года июня 10 дня указа, которымЪ велено ежели когда в чемЪ усмотрено будетЪ какое сумнительство, то о томЪ представлять Московской С<вя>тѣйшаго Сѵнода канторѣ с надлѣжащим обстоятельствомЪ разсмотренію с требованіемЪ резолюціи представленѡ доношеніемЪ и ожидается ЕЯ ЇПМЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА Указа.

Аѳанасій Пелскі

Августа 25 дня 1758 года

і6. Вы́писка
ѡ сумни́тельствахЪ в Ѳеóптіи находя́щихся.

ВЪ ОРИГИНАЛѢ НАПИСАНО

ВЪ предисловіи кЪ читателю.

В опровержéніи прокля́того спинозина мудровáнія достохвалнымЪ образомЪ и превосходным хотя-и потрудилися преслáвныи мужи ГенрїкЪ-МорЪ, и ПетрЪ-Поарéтъ

МНѢНЇЕ

Еретїки толи́кихЪ похвалЪ от ц<е>ркви православнокаѳѡлїческой недостойны

Божественную сію́ руководи́телницу

К познанія Б<о>га руководи́телницу кажется приличнѣе.

Сей стрáхЪ да дáруетЪ всеблагій, чтобЪ ему быть и пребыти всегдá у насЪ безЪ основáнія.

Быть видится дóлжно не без основанія или безЪ искоренения ибо сіе послѣдовало с вышеположеннаго аvторомЪ довóда такóго: вели́кое несчастіе ч<е>л<ове>ку есть имѣть кн<и>ги наполненные смертоносным іадомЪ злобожія и безбожности, которые когда от не знающихЪ филосóфію читаются, могут вринуть ихЪ в неисцельную проказу безбожія и в ровЪ погибели.

Григорій с<вя>тый, іерархЪ Назїанза града

Григорій НазїанзїнЪ іерархомЪ гра́да Назїанза не былЪ, а былЪ патріархомЪ в Вѵзантіи, умолен благовѣрнымЪ Ц<а>ремЪ Ѳеодосїемъ и всѣмЪ народомЪ и воспрїялЪ тотЪ престо́лЪ: какЪ іавствуетЪ в ѡписаніи житія его вЪ минеи четьи

генваря 25 дня.

В епистолѣ первой.

Наконе́цЪ фарне́йскій о́ный дивный ГеркулесЪ,
Ста́туа и вѣры кою-ПетрЪ в свой садЪ привезЪ,
БезЪ искусныя руки и не заложились
<1, 349—351>

В союзѣ *и* тако жЪ в реченіи
вѣры сумненїе и темность

Полно вамЪ в брѣде́ утверждаться
<1, 435>

В брѣде́ рече́ніе неупотреби́тельное

В епистолѣ второй.

Но буде, напротивЪ, что в кругЪ его вертимся,
Чему, поемля то, безмѣрно мы чудимся;
То кѣмЪ в срединѣ той поставлено оно?
И равно тамЪ к чему жЪ собой прикреплено?
И какЪ есть житко все и пламенно с природы
ВотЪ самЪ и кругЪ земный, не жидокЪ, какЪ-то-во́ды,
Да грубЪ собой и твердЪ вертится отчего
В пространствѣ таковомЪ свЪтило кругЪ того,
А твердый никакой составЪ ему препоны
Не дѣлалЪ никогда ни в встрѣчу, ни в нагоны?

Пусть будетЪ механісмЪ, пусть пла́стіческій духЪ,
Кой-постоянно толь нашЪ обращаетЪ кругЪ
Пусть что́-влечетЪ спреди́, пусть с тыла подвигаетЪ
Верьховну силу все и умЪ предполагаетЪ.
Что-болѣй сила та весь движущая свѣтЪ,
В которой-ни-слѣдовЪ к непостоянству нѣтЪ,
Полезна міру есть живуща всѣмЪ выгодна,
Повсюду в грунтѣ та жЪ но в розни многоплодна:
То больше человекЪ есть долженЪ познавать
Созданіе Творца.[18]
<II, 740—759>

Ібо сіе́ хотя́ и́ подЪ догово́ромЪ положено́, однáко жЪ оное нахо́дится проти́вно с<вя>щенному писáнїю.

НебесныхЪ мы свѣтилЪ в числѣ луну зримЪ ближе,
Ходящу за землей, стоящу прочихЪ ни́же.
КакЪ-силою сія отЪемлетЪ светЪ луна
У солнца, чтоб тотЪ в нощь нам подала она.

Вышереченному с<вя>щенному писáнїю проти́вно

В епистолѣ третией.

Згибаются они землею пресмыкаясь [то есть ползающіи гады]

Земля не есть вина движущая или орудіе какое гадовЪ сгибающихся или пресмыкающихся

Мы солнце зримЪ, оно [в колико ж верст мильонов]
Есть болѣе земли́, о обществомЪ законовЪ
иль ходитЪ, иль стоитЪ в пространствіи такомЪ
<3, 271—273>

По б<о>жественному писанію солнце ходитЪ

[18] Здесь важное в поэме изложение теорий Коперника, Декарта и Ньютона – см. *Брейтшу*, 1979, с.138 –140.

Тож в малой мошке есть, что-в-китѣ, и слонѣ;
Есть голова, глаза, и тѣла слогЪ отвнѣ.
РядЪ внутреннихЪ частей есть в нихЪ и кровь, и жилы,
Утробы, сердце есть и равномѣрны силы.
<3, 297—300>

По естеству ка́жется бы́ть силѣ вЪ китѣ и слонѣ бо́лшей, а в малой мошкѣ меншей.

Когда б свершенный кормЪ нашелЪ себѣ в жизнь скотЪ;
То могЪ бы получить бессмертiе чрез тотЪ
И получилЪ бы тѣмЪ и вѣчную онЪ младость
В томЪ чувствуя всегда необычайну сладость.
Но пища вся его не совершенна здѣсь;
ЗатѣмЪ помалу онЪ и гибнетЪ тлѣя весь:
<3, 501—506>

Скоту не дано бессмертiя и вѣчныя младости опредѣленiемЪ Б<о>жiимЪ: того ради скотЪ безсмертiя и вѣчныя младости получить не можетЪ, хотя б нашелЪ кто и совершенный кормЪ себѣ в жизнь. Прочее же пищу безсмертiя виновною доказать трудно. Ибо по смерти ч<е>л<овѣ>к и без пищи есть безсмертенЪ.

Чтоб скимну вытти в свѣтЪ: без львицы и без льва
Не можно, долгЪ чтобЪ тѣ соединились два,
Взаимно в силной той внутрь склонности другЪ-кЪ-другу,
Подобному сѣбѣ и третьему вЪ услугу.
Что ж-преклоняетЪ-лвовЪ, для онаго плода,
В спряженiи своемЪ к подЪятию труда,
Который-обоимЪ какЪ тягостенЪ не мнится,
ТакЪ зелно та к тому чета-еще стремится?
Какой тотЪ по́ламЪ двумЪ, толь пребога́тый, дарЪ,
Кой вспламеняетЪ такЪ к собщению в нихЪ жарЪ?
<3, 549—558>

Рѣчь идет о рожде́нiи четвероно́жныхЪ зверей in specie, но понеже оно плодовито, и что до честных ушей, грубо положена, чемЪ болше можетЪ побудить читателя на смѣхЪ отЪ трудовЪ излишнихЪ автора, нежели ему

благодарить. Того ради лучше видится оную сократить и здѣлать повѣжливѣе.

Взаимна та любовь, магнитЪ сердецЪ небесный:
Не насЪ однихЪ, всего, что тварь, союзЪ нелесный.
Движенiй мать и цѣль, всiя природы сокЪ,
И жизнь, и красота, и красоты цвѣтокЪ.
Всегдашняя живыхЪ и ихЪ нетлѣнна сладость;
РазумныхЪ здесь чиновЪ неизреченна радость;
Вина клоняща насЪ и кЪ чести и кЪ добру.
Дающа намЪ покой, веляща быть вЪ миру́,
Цѣляща чадЪ вражды, кЪ согласiю ведуща,
Вся тихости полна, зла люта неимуща:
Бодряща слабыхЪ та, а тешаща в печаль,
Но бѣдствующихЪ всѣхЪ насЪ приводяща вЪ жаль.[19]
<3, 559—570>

Любовь, то есть скотскую похоть, магни́томЪ серде́цЪ небе́снымЪ назвать не пристойно

Мы все то зримЪ в звѣряхЪ, зримЪ в каждомЪ то животномЪ.
Махiны суть они, в своемЪ составѣ плотномЪ,
Подобны всѣ часамЪ, имѣющiе вЪ дарЪ
Внутрь всехЪ пружинЪ душевный нѣкий парЪ,
ОднакЪ при чувствахЪ всѣхЪ, премного разумѣютЪ,

Скоту разума не дано, то и разумѣть не можно, да и аvторЪ здесь себѣ противоречитЪ и механiсмωмЪ доводитЪ.

Медвѣдей, ни овецЪ, ни лвовЪ, ни лошадей,
ОтЪ случая не зримЪ, ни симЪ господЪ, людей,

Учти́вѣйшей поэ́зiи быть бы приличествовало.

---

[19] Это одно из центральных и наиболее оригинальных мест поэмы, здесь Тредиаковский формулирует свое представление о любви как источнике „движения“ в декартовском смысле и берет за основу текст I Послания ап. Павла к Коринфянам, гл.13; см. *Брейтшу*, 1979, с.196 — 198.

Но всѣ от пары тѣ подобныя родятся,
И послѣ какЪ жена и мужЪ совокупятся:
А третiяго такЪ рождающая та,
Совокупившись ужЪ с любовiю чета́,
ВЪ рожденiи своемЪ искусству не причи́на,
Составить не могла и хитрого в томЪ чина,
Не токмо жЪ составлять та не могла частей,
Но не дается ей отнюдь ниже вѣстей,
Познать бы точно, какЪ, что-оныя в утробѣ
Составилось, и есть по сродной ей особѣ.
Орудiе отецЪ, орудiе и мать.
<3, 737—749>

Раждаемогѡ ч<е>л<ове>ка не одно орудiе есть отецЪ и мать, но и Б<о>гЪ: ибо д<у>ша ч<е>л<ове>ческая не раждается от семене, но от Б<о>га вливается в тѣло ч<е>л<ове>ческое.

Хоть отЪими и мысль [:то есть скоту:]

Когда́ у скота́ смысла нѣтЪ, то не должно быть в скотѣ и мы́сли: ибо мысль происходитЪ от смы́сла.

И яица его [то есть крокодiла] онЪ смы́сленЪ находить
[то есть iхневмонЪ]

Смы́сленЪ за предписаннымЪ резономЪ до́лжно исключи́ть ка́жется.

ЧтобЪ разума в себѣ скотЪ больше насЪ имѣлЪ?

СкотЪ разума в себѣ ни много ни мало не имѣетЪ, для того что ему не данЪ.

И часто разумЪ нашЪ приводитЪ насЪ в обманЪ
Хотя намЪ и вЪ вождя и вЪ стража оный данЪ.

РазумЪ нашЪ, не помраченной и в понятiи вещей не выше нашихЪ сил вЪ обманЪ нас не приводитЪ, кромѣ того ежели разумЪ нашЪ насЪ в обманЪ приводитЪ, то кто отЪ обмана насЪ отводитЪ.

Не возражай, что-скотЪ, сЪ своимЪ побудкомЪ тѣмЪ
Нарочно буттто бЪ онЪ былЪ осужденный кѣмЪ.

ПобудкомЪ реченiе неупотребительно и невѣжливо

Когда-всегда во всемЪ исправныхЪ зрѣть намЪ ихЪ
То бЪ-разумЪ совершенЪ признать бы долг в самихЪ
[то есть скотахЪ]

Разума совершеннаго ни несовершеннаго в скотахЪ признавать не одолжаемся.

В епистоле четвертой.

Не намѣренiемЪ мудрое в благомЪ творцѣ
СмогшемЪ сЪ все, толико и попекшемся дѣльцѣ.

Б<о>га назвáть дѣльцомЪ есть весьма пóдло.

В очи наши кто всадилЪ небо, мóре, землю.

ВсажденнымЪ быть в óчи наши небу, землю и морю трополлогично не служитЪ. Б<о>гЪ толко представилЪ очам нашимЪ и зракЪ нашЪ толко понимаетЪ, а не имѣетЪ.

ЧеловекЪ по тѣлу больше могЪ и менше быть,
Если бЪ были меншѣ бѣдствiй бы нам не избыть:
Многи звѣри и скоты зá все нападали,
И конечно б не боясь насЪ они топтали.

Буде ж бы великимъ чречзвычайно всемъ суть намъ;
Яко б обжирцы были человѣки по устамъ:
Много б пищи мы в числе маломъ поглотили:
Коней и других скотовъ мы б не находили.

Бедствія намъ бываютъ не отъ меншины, и бедствіи избываемъ не величиною, и насъ топтать звѣрямъ из того нѣ следуетъ. Ѣлиб столко, сколко желудокъ вмѣщать мог, а чрѣз мѣру естьи бы не могли и обжирцами не ѣли.

Въ епистолѣ пятой.

В старь нѣки мудрецы

В ста́рь, вмѐсто в старину, весьма́ по́дло

Но по́хоть, да чрезъ то размно́житъ наше плѐмя,
Из тѣла своего кладетъ в чужія сѣмя.
Потребность та, чтоб всѣмъ слегчится тѣлом нам,
Есть способъ испражнять то все по временамъ.
Подвижность, сила есть, в движеніи б быть тѣлу,
Животныхъ тѣхъ духовъ побѣгу въ немъ и дѣлу.
<5, 233—238>

Сихъ стіховъ в б<о>гословской поѐзіи класть за крайнюю невѣжливость не надлежало, и безъ сего доказателства обойтись вѣжливѣе мо́жно.

17. ОТВѢТЪ

КакЪ на письмо Гдна Пельскаго, такЪ и на выписку о сумнительствах в Ѳеоптіи находящихся.

НА ПИСЬМО

Г<оспо>д<и>нЪ Пельский пишетЪ, что Стихи мои во Псалтирѣ попремногу не вкусны, и солію нерастворéны. Не спóрю, по латінском присловію, о вкусѣ; да и не тщеславлюсь, чтобЪ я былЪ превосходный СтіхотворецЪ: умею нѣсколько стіхи слагать, однако, вкусомЪ Просвещеннаго Архіпастыря Сѵлвестра, С<вя>тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода члена, мужа имѣющаго знаменитое просвѣщение вЪ наукахЪ, не таковы стихи мои найдены, какЪ ихЪ порочитЪ Г<оспо>д<и>нЪ Пелскій. По сему заключаю, что вкусЪ Г<оспо>д<и>на Пельскаго или безвкусный, или ядомЪ пристрастія растворенный, или наконецЪ самотщеславный, толь, что оказываетЪ себя лучшим, нежели искусство упомяненнаго Архіпастыря.

ИЗЪ ѲЕОПТІИ

На 1. мнѣніе.

Не о ЕретікахЪ дѣло; но обЪ истинныхЪ богочтителях: и сіи всякихЪ похвалЪ достойны отЪ православныя церкви.

На 2.

Нехудо, что философия есть кЪ познанію Бога Руководительница, по Пельскому; но лучше, какЪ у меня, что она божественная Руководительница: ибо *Мудрость.*

На 3.

Страху о Безбожіи отЪ чтенія нечестивыхЪ книгЪ, желаю быть у насЪ пустому, то есть, чтобы не имѣлось и подозрѣния о БезбожникахЪ: чего ради и говорю, чтобЪ ему даровалЪ Б<о>гЪ быть и пребыть у насЪ безЪ основанія. Но ежели быть ему не безЪ основанія, какЪ то исправляетЪ текст Пельскій, то ясно положатся у насЪ дѣйствительно безбожники, чего отнюдЪ не утверждаю. БудежЪ страхЪ сей есть и безЪ искоренения, какЪ то Пельскій же поправляетЪ меня; то виноваты препятствующіи ухищренно напечатанію моея Ѳеоптіи.

На 4.

За Історическое сіе Примѣчаніе благодарю. Однако, по нѣкоторымЪ ПисателямЪ ЦерковнымЪ, Григорій с<вя>тый НазіанзинымЪ называется по Назіанзу граду, что прибылЪ онЪ вЪ Константинополь вЪ 10 лѣто царствованія Уалентова; что терпѣнием и глубиною ученія успокоилЪ там Аріанския смятенія, отЪ чего прославился такЪ, что блаженный ІеронимЪ прибылЪ кЪ нему учиться б<о>гословіи; что на соборѣ, бывшемЪ при царѣ Феодосіи в Константінополѣ, НазіанзинЪ с<вя>тый подтвержденЪ Еп<ис>ко<по>мЪ; что по разгласію Еп<іс>ко<по>вЪ ЕгіпетскихЪ и МакедонскихЪ, прибывшихЪ туда вЪ сіе са́мое время, Грігорій с<вя>тый отрекся отЪ Епікопства, и пребывалЪ уединенно; и что отшелЪ ко Г<оспо>ду вЪ лѣто благодати 389, Маія 9 дня.

ИтакЪ, для разрѣшенія Пелскаго Сумнительства, да прибавится кЪ теѯту моему: *Грігорій с<вя>тый, іерархЪ Назіанза града,* предлог *изЪ* такЪ: *Грігорій с<вя>тый, іерархЪ изЪ Назіанза града.*

На 5.

НѣтЪ тутЪ ни сомнѣнія, ни темноты, но есть незнаніе Господина Пельскаго: ибо *статуа* изображающая *вѣру,* стоящая вЪ ЛѣтнемЪ Саду, а привезенная изЪ Италіи, и данная вЪ дарЪ Г<осу>д<а>рю Імператору Петру Великому отЪ Папы, не токмо не здѣлалась *собою,* но и *заложиться* не могла кЪ здѣланію безЪ искусныя рукі́.

На 6.

В РукописномЪ моемЪ подлинникѣ написано не *вЪ бредѣ* іа́мбомЪ, но *вЪ брѣдѣ* хореемЪ. Реченіе *брѣдЪ,* есть чистое Славенороссійское: но *брѣда* не токмо не употрѣбительная рѣчь, но и ничего не значитЪ.

На 7.

Ложно тутЪ находится противность Священному Писанію: ибо хотя тако Солнце около насЪ ходит, какЪ то и праведно по Писанію, хотя и по Философам, что Земля около его обращается;[20] однако в обоемЪ зрится Мудрость и

[20] Эта аргументация восходит к Феофану Прокоповичу, признававшего Коперникианскую космогонию: „если ученики Коперника и другие ученые,

всесовершенный умЪ, а следовательно и познавается ясно мудрый движеній ТворецЪ, коего бытіе я доказываю.

На 8.

Что луна всѣхЪ свѣтилЪ к намЪ ближе, что она ходитЪ кругЪ землй, или за землею, ежели земля обращается по філософамЪ, что не своймЪ свѣтомЪ свѣтитЪ, но получаемымЪ отЪ Солнца, что она всѣхЪ СвѣтилЪ есть нйже кЪ намЪ: то сіе, какЪ праведное, можетЪ ли быть противно Священному Писанію? Да и какЪ сея противности не усмотрелЪ мудрый мужЪ Преос<вя>щенный ГавріилЪ, а увиделЪ мудрочинЪ и простолюдинЪ Аѳанасій? Что жЪ написано вЪ подлинникѣ: *ходящу за землей,* то сіе не по чувствам, право, а по філософскому разумѣнію. ВЪ Священном Писаніи нѣтЪ чтобы она и около Солнца обращалась; однако сіе истинно ж по філософамЪ. Но пусть не ходитЪ около землй, да около Солнца. Всюду есть КентрЪ, около котораго она обращается. Слѣдовательно, всячески есть движеній ТворецЪ, коего тщусь доказать. Я везде говорю с предлогом договора; хоть земля обращается, и за нею Луна, хоть Солнце, и кругЪ его Луна жЪ: но всюду есть Мудрый, или правѣе бесконечно Премудрый Зиждитель Движенія.

На 9.

Видно, что Г<оспо>динЪ Пельский не весьма знаетЪ Свóйства нашего язы́ка. *Землею пресмыкаться,* не значитЪ чтобЪ земля была виною или орудіемЪ пресмыканія, но место, по которому пресмыканіе дѣлается. Творительный сей ПадежЪ, в семЪ разумѣ, совершенно есть по свóйству славенороссійскаго языка: что употребительнѣе сихЪ пословій, *плыть моремЪ, ѣхать сухимЪ путемЪ,* вмѣсто *по морю, по сухому пути?*

защищающие движение земли, могут привести в доказательство своего мнения достоверные физические и математические доводы, то тексты Св. Писания, в которых говорится о движении солнца, не могут служить для них препятствием, ибо эти тексты следует понимать не в буквальном, а в аллегорическом смысле" (*Пыпин,* III, с.201, ср. также главку *Система Коперника* в *Натурфилософии* Феофана — *Феофан,* II, с.287— 289).

На 10.

Хотя Солнце ходитЪ, какЪ то и праведно по Б<о>жественному Писанiю, хотя стойтЪ, какЪ то фiлософы мнятЪ, а однако оно нѣсколько МиллiоновЪ верстЪ болѣе землй, коя предЪ нимЪ есть точечка. Но в большомЪ и вЪ маломЪ зданiи, ясно зрится Премудрость Б<о>жiя.

На 11.

Не о силѣ вЪ частяхЪ тѣла, но о мѣрѣ частей, составляющихЪ тѣло здѣсь идетЪ слово. ИтакЪ, сомнитель ство сiе пустое и положенó для оказанiя самого малого знанiйца.

На 12.

Здесь не доказательство, но ύпоѳесiсЪ: возможно есть безсмертiе тѣлЪ, то есть цѣлость и не рѣшимость частей отЪ частей: ибо-éсть продолженiе пребыванiя ихЪ долговременное. Да продолжится мысленно пребыванiе сiе вѣчно; то и будетЪ оно безсмертное. Сiе продолженiе силЪ не бываетЪ в животномЪ Естествѣ, какЪ токмо отЪ пйщи [не касаюсь кЪ храненйю Б<о>жiему вещей]. Да положится жЪ совершенная или нетленная пйща; то и дастся невредная сила, й слѣдовательно вѣчная младость. БезсмертенЪ человѣкЪ безЪ пищи вЪ преестественномЪ, а не вЪ естественномЪ состоянiи.

На 13.

НѣтЪ вЪ том грубости честным ушам, что отЪ Б<о>га средствiемЪ дано, животнымЪ, кЪ размноженiю рода. Но и мню, что сего прикровеннѣе изобразить самЪ Пельскiй не возможетЪ. Не знаю, нѣтЪ ли удобопреклонности к соблазненiю себя в Г<оспо>динѣ ПельскомЪ; а вЪ стихахЪ моихЪ нѣтЪ соблазна: ибо они доводятЪ, что СкименЪ, напримѣрЪ, не родится на свѣтЪ слѣпымЪ случаемЪ. Не приходитЪ ли по сему, онЪ вЪ соблазнЪ и отЪ сего Святаго Изображенiя: *ВсякЪ мужескiй полЪ ложесна разверзая?*

На 14.

Любовь, душевную силу, назвалЪ я Магнитом сердецЪ небеснымЪ, а не скотскую похоть, какЪ то клевещет Г<оспо>динЪ Пельскiй. ВЪ описанiи ея такЪ я потщился, скажу сiе безЪ тщеславiя, что едва ль лучшему быть можно.

На 15.

Нижé я утверждаю, чтобЪ у скота былЪ разум; а что скотЪ нѣкакЪ разумѣетЪ, то сiя истина не преодолимая, ибо и вЪ Писанiи чтемЪ, *позна волЪ стяжавшего и́, и оселЪ ясли Г<оспо>дина своего.* Но чемЪ разумѣетЪ, того не знаю, и для того дивлюсь Премудрости Б<о>жiей. ВпрочемЪ, ложно на меня взводитЪ Г<оспо>динЪ Пельскiй, что будто я тутЪ себѣ прекословлю: ибо МеханiсмЪ тѣла какЪ ясно есть видим, такЪ и ни чемЪ не опровергаемЪ.

На 16.

Пусть составитЪ для себя учтивѣйшую Поезiю Г<оспо>динЪ Пельскiй. Но мню, что он потеряетЪ трудЪ и масло. Для моихЪ безпристрастныхЪ читателей довольно она учтива вЪ семЪ мѣстѣ.

На 17.

НѣтЪ тутЪ слова о человѣческой душѣ: о тѣлѣ токмо одномЪ. БогЪ есть первая вина составу тѣлесному по Благоволенiю; а Родители суть вторая по уставамЪ ЕстественнымЪ.

На 18.

Всуе здѣсь трудится Пельскiй: Премногими мѣстами вЪ сей эпiстолѣ я доказываю, что животныя не имѣютЪ мысли. Должно ему было, когда ужé захотѣлЪ восхитить право быть мнѣ Судiею сверьхЪ бывшихЪ Законно Судей, потверже разумѣть читаемое и умЪ свой просвѣтить лучше. КакЪ онЪ не могЪ выразумѣть, что в семЪ мѣстѣ изчисляются только разныхЪ фiлософовЪ мнѣнiя? Но какЪ, и в чемЪ животные не познаваютЪ; токмо сiе есть достоверно, что никакое животное не знает, каким образом оно сотворенó.

На 19.

СмысленЪ IхневмонЪ не умствованiемЪ, коего вЪ животныхЪ нѣтЪ, но чувственностiю, которая вЪ нихЪ есть. Слово *смысленЪ* здесь значитЪ то, что у ЛатiнЪ *индустриусЪ*, а не *рацiонабiлiсЪ.*

На 20.

Пельский крiтiкою своею выводитЪ ужé меня изЪ терпѣнiя. Подлинно, скотЪ ни много ни мало разума вЪ себѣ

не имѣетЪ: сіе самое я и утверждаю вЪ семЪ мѣстѣ. Ибо отЪ дѣлЪ, производимыхЪ животными не можно заключить, чтобЪ они не токмо разумЪ в себѣ имѣли, но и сего кольми паче, чтобЪ еще болѣе разума имѣли, нежели у насЪ, какЪ то мечтаютЪ нѣкоторые філософы.

На 21.

Здѣсь такЪ философствуетЪ Пелскій, что едва ли смыслитЪ, что самЪ говоритЪ. РазумЪ человеческій, по паденіи, такЪ сталЪ быть слабЪ, что часто ложь за истину пріемлетЪ, то есть, обманываясь сам, насЪ обманываетЪ: свидѣтельствуетЪ філософскія премногія мечтанія за истину предаемыя; свидетельствуютЪ то жЪ и еретіческія мудрованія. Г<оспо>динЪ Пельскій крітікуетЪ только для того, чтобЪ крітіковать, хотя бЪ то было косо и криво: то есть, быть бы ему только такЪ славному, какЪ Иростратy, сжегшему Ефесское капище.

На 22.

Не право, или лучше ложно говоритЪ Пельскій, что побýдокЪ слово есть невѣжливое. КакЪ отЪ Разсужденія РазсудокЪ есть вѣжливЪ и употребителенЪ; такЪ и отЪ Побужденія Побудок.

На 23.

Разума по умствованію, что совершенное и положитель ное, вЪ животныхЪ не признаваю, но нѣчто аналогичное Разуму по чувственности, что несовершенное и отрицатель ное, не токмо признавать пристойно, но и должно: ибо *позна волЪ стяжавшего й, и оселЪ ясли Г<оспо>дина своего.*

На 24.

Ежели докажется, что отЪ *Творитель ТворецЪ* подлое слово; то будетЪ также тогда и отЪ *дѣлатель дѣлецЪ.* О страсть, зависть и тщеславіе!

На 25.

Пельскій всемѣрно не разумѣетЪ силы вЪ словѣ семЪ, *всажденный вЪ очи.* Солнечные лучи, проникнувши сквозь очные оболóчки и влаги, и вЪ сихЪ преломившись, собираются в самой внутренности очей на нѣкоторую оболóчку, превесьма частою сѣточкою составленную,

называемую *ретіна,* и тамЪ на ней какЪ будто живописуютЪ образы вещей. Філософу сему надобно много-еще учиться філософіи.

На 26. 27.

СихЪ обоихЪ сумнительствЪ ПельсковыхЪ, не удостояю и отвѣта: толь они легкомысленны, а systemакомЪ стра́сти дышущи!

На 28.

Слово *встарь,* есть не подло, но уничижительно. Положено оно нарочно вЪ Уничиженіе Стариннным языческимЪ МудрецамЪ.

На 29.

На сіе то жЪ са́мое отвѣтствую, что и на 24-тое сумнительство.

На 30.

Поэзія моя́ есть не богословская, но філософская. А что Пельскій называетЪ сіи стіхи крайно невежливыми; то онЪ говоритЪ грубо, какЪ то и во многихЪ местахЪ: сучокЪ из моего гла́за вынимаетЪ, а у себя вЪ своихЪ бревна не чувствуетЪ самолюбиемЪ зараженный: естественные вещи не могутЪ быть безмѣстны, по латінской аксиомѣ, и по естественной истинѣ. Сіе мое Описаніе вЪ томЪ мѣстѣ необходимо надобное, а сдѣлано оно учтивым самым, по возможности, образомЪ. Такія вЪ нихЪ невѣжливости не призналЪ цѣломудрый ГавріилЪ, но видѣлЪ, что сіи стіхи должны быть в том мѣстѣ.

ИтакЪ, понеже нѣжному грубо Пельскому ідеи изображенные моими словами вЪ тѣх шести большихЪ стіхахЪ непріятны; то вѣроятно, что и изглашеніе *Хріста Спасителя* ему есть противно, именно жЪ, *всяко еже входитЪ во уста во чрево вмѣщается и афедрѡномЪ исходитЪ.*

ВЪ окончаніи СумнительствЪ окончаваю здѣсь и ответЪ мой, или лучше оправданіе предЪ ПельскимЪ КрітікомЪ СамозванцомЪ: ибо нéбыло его должности крітіковать, и никто, мню, сего ему не повелѣлЪ. НапоследокЪ прилагаю Спасителевы слова́: „Благій человѣкЪ отЪ Благого Сокровища износитЪ Благая, и лукавый человѣкЪ отЪ лукаваго Сокровища износитЪ лукавая".

ПисалЪ я ПрофессорЪ Васілій КѵрілловЪ СынЪ Тредіаковскій, отЪ 9 сентября, 1758 года.

18.

[Указ Синода в Московскую типографию].

По Указу ЕЯ ЇМПЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА С<вя>тѣйшій правителствующій Сѵнодъ слушавъ присланнаго из московской кантори за рукою директорскаго товарища Аѳанасья Пелскаго, а директорскою неподписанного доношенія <...> понеже означенные сочиненные профессоромъ Васильемъ Тредіаковскимъ книги Ѱалтиръ виршевая и Феоптія в ту тѵпографскую кантору для изданія в печать по доволномъ с<вя>тѣйшимъ сѵнодомъ разсмотреніи отосланы почему долженствовало было оной канторѣ тѣ книги немедленно в печать издать а какъ видно вышеупомянутымъ директорскимъ товарищемъ Аѳанасіемъ Пелскимъ оное напечатаніе удержано неделно, и паче ему за рассмотреніемъ с<вя>тѣйшаго правителствующаго сѵнода критиковать нимало ни почему не следуетъ <...> и тако оной Пелской учинилъ в ѡном весьма неосмотрително в противность Ея Императорскаго Величества указу, за что подлежитъ немалому штрафованію. ТОГО РАДИ ПРИКАЗАЛИ в московскую тѵпографскую кантору послать указъ в которой реченному Пелскому за означенные ево неосмотрителные поступки обявить репреманд с темъ ежели впред от него что в противность указаніямъ последуетъ то в силу Ея Императорскаго Величества указовъ имѣетъ быть тяшко штрафован без всякого увещенія вышеозначеные ж сочиненные помянутымъ профессоромъ Тредіаковскимъ книги <...> кои уже сѵнодомъ опробованы немедленно напечатать а по напечатаніи исполненіе оныхъ учинить<...>

Подлинной протоколъ подписанъ сентября 30 числа 1758 года

Димитріи Архіеп<ис>копъ Новгородскіи
Сѵлвестръ Архіеп<ис>копъ Санктъ петербургскій
Веніаминъ Еп<ис>копъ Псковскій

19.

С<вя>тѣйшему Правителствующему Сѷноду Московской С<вя>тѣйшагѡ Сѷнода Канторы ДОНОШЕНΪЕ

<...> С<вя>тѣйшаго Сѵнода Кантора <...> опрѣделила оную книгу в собранiи переслѣдовать, которая в собранiи Ея Канторы С<вя>тѣйшаго Сѵнода прилежнымЪ чтенiемЪ и переслѣдована. И что в ней важное найдено тому учинена с рассужденiями выписка, что и во Ѱалтирѣ изЪ единыя скорыми примѣчанiи усмотрено. И тому учинена краткая для узнанiя какимЪ штилемЪ тѣ Ѱалмы переложены Записка. И по ЕЯ ΪПМЕРАТОРСКАГѠ ВЕЛИЧЕСТВА Указу и по опредѣленiю С<вя>тѣйшаго Правителствующаго Сѷнода Канторы ВЕЛѢНО означенныя выписки послать Святѣйшему Правителствующему Сѷноду на разсмотренiе при доношенiи. И посылается с тѣмЪ: не соизволитЪ Святѣйшiй Правителствующiй СѷнодЪ обѣихЪ книгЪ Ѳеоптiи i Ѱалтыри для явствующихЪ вЪ выпискахЪ обстоятельствЪ вЪ Московской яко церковной тѵпографiи печатать отказать обо естьли те ево Тредiаковскаго сочиненiи да еще и безЪ церковной орфографии напечатать, то за нововымышленную церковную печать пред расколниками а за странныя и священному писанiю несогласныя и гнусныя матерiи пред всѣм народом будет предосудително.

Тiмофей митрополитЪ Московскiй[21]
Амвросiй Еп<ис>копЪ Переяславскiй
МисаилЪ архимандритЪ Новоспасскiй
Ϊѡанникiй архимандритЪ Савинскiй[22]
декабря .14. дня 1758 года.

---

[21] Митрополит Тимофей (ум. 1767), нерешительный союзник митрополита Арсения Мацеевича (которому, между прочим писал в 1763 г. „латинскими стихами о раздоре между членами Синода“ — *Попов*, 1912, с.380), по известным нам свидетельствам, редко проводил самостоятель ную иерархическую политику (см. *Розанов*, 1870, с.52; см. о нем также *Евгений*, 1825), написание этого доношения, кажется, не могло быть его инициативой.

[22] Иоанникий Павлуцкий (1699 — 1763), с 1750 член Московской синодаль ной конторы, с 1756 настоятель звенигородского Саввин-Сторожевского монастыря.

20.

ВЫПИСКА
имѣющихся въ Ѳеоптіи разныхъ сумнительных и противоречивых Статей.

В ОРИГИНАЛЕ НАПИСАНО
Мнятъ каждую из звѣздъ, лучей ихъ по огню,
Подобну солнцы быть и солнечному дню,
А каждую притом подобномуж свѣтящу
Ту міру тамъ сему и также свой плодящу.
То пра́вдой положивъ, не удивитсяль умъ?
И не смятетсяль он от собственных внутрь думъ,
Приемля в помыслъ свой толь силу превелику,
Премудрость такову и благость в нем толику,
Который без числа Земель толь сотворилъ
И равнымъ Благом тѣ сей нашей одарилъ?
Колико Зримых Солнцъ! Земель коли́ко нижних!
Колико тварей всѣхъ! Родовъ ко́ль непостижных!
<II, 794-805>

Но буде Звѣзды всѣ їмеютъ толко Свѣтъ,
А множества Земель подобных нашѣй нет:
И если толко кругъ Земныи сеи освѣщаетъ,
И силу и совѣтъ творца провозвѣщаютъ
То долженъ всякъ и в том Егω Власть признавать.
<II, 814—818>

РАЗСУЖДЕНІЕ СОБРАНІЯ
В си́хъ двоихъ статьяхъ множество мирωвъ и множество земель утверждается и потому явнω с<вя>щенному пїсанию сїи статьи противны суть.

Въ Епистолѣ второй
Но Солнце отъ чего въ себѣ толь постоянно?
Оно какъ зрится нам, есть пламя разлиянно:
Ктож твердый толь ему преднаписал устав.
Что волны то свои включило свѣт в границы?
И от чией же в нихъ такъ держится десницы?
Кто водитъ шаръ егω в порядочный толь круг?
Избится ктож с путей недопускаетъ вдругъ?

Иль прикрѣпленЪ к чему[23] зад у сегѡ свѣтила?
Но чьяж и прикрѣпить превозмогла так сӣла?
Твердыню вся́ку то могу́ще есть раздрать
И всяку сокрушить, и до конца пожрать,
Которая когдабЪ к нему не прилѣпилась,
Иль в ходѣб от него ближайше нагонилась,
Ктож научӣлЪ ходӣть пространнейшим путем,
Людей всѣхЪ освѣщать, и множество грѣть тѣм?
<II, 724—739>

Здѣ согла́сно с<вя>щенному пїса́нию
о теченїи солнечномЪ авторЪ умствуетЪ.

ВЪ Епистолѣ третїей
Мы солнце зримЪ оно [в колико верстЪ милїиновЪ?]
Есть болѣе земли и обществомЪ законовЪ
Иль ходит, иль стоитЪ в пространствїи такомЪ.
<III, 271—273>

А здѣ на обѣ стороны позволяетЪ

ВЪ Епистолѣ второй
Но буде напротивЪ мы вкругЪ егѡ вертимся,
Чему, поемля то, безмѣрно мы чудимся:
То кѣмЪ в срединѣ той поставленно оно?
И равно тамЪ, к чемуж собой прикрѣплено?
И какЪ? Есть житко все и пламенно с природы.
ВотЪ самЪ и кругЪ земный не жидок, как то воды
Да груб собой и твердЪ, вертится отчегѡ
В пространствѣ таковом свѣтила вкруг того?
А твердый никакой состав ему препоны
Не здѣлал никогда ни встрѣчу, ни в нагоны?
<II, 740—749>

Здѣ же Коперниковой сѵстемы держится, понѣже утверждаетЪ, что кругЪ земныи вертится, а солнце недвижимо стоит, которое мнѣнїе с<вя>тѣйшїмЪ Сѵнодом и із Поппїевой книги изключено

НебесныхЪ мы свѣтил в числѣ луну зрим ближе,
Ходящу за землѣй, стоящу прочихЪ ниже.

---

[23] в оригинале описка: *тему*

КакЪ силою сїя от'емлетЪ свѣтЪ луна
У солнца, чтоб тотЪ в нощь подала она.
<II, 828—831>

О механизмѣ и пластйческомЪ д<у>хѣ
Пусть будет механизмЪ пусть пластическїй д<у>хЪ,
Кой постоянно толь н<а>шЪ обращает кругЪ.
Пусть что влечет спреди, пусть с тыла подвигает
Верховну сйлу все и умЪ предполагаетЪ.
Что болѣй сила та весь движущая свѣтЪ,
В которой ни слѣдовЪ к непостоянству нѣт,
Полезна миру есть живущим всѣм выгодна,
Повсюду в грунтѣ та ж но в розни многоплодна:
То болше человекЪ есть доложенЪ познавать
Созданіе Творца.
<II, 750—759>

КакЪ механизмЪ, такЪ и пластїческїй Д<у>хЪ не к познанїю Творца, но болше к натурализму приведетЪ читателя. Ибо ежели будетЪ обращатся Земный кругЪ чрезЪ механизмЪ, то сему движению следуетЪ быть не от Б<о>га уже, но ѿ тогож круга, наподобїе зделанныхЪ часовЪ. А еже нї чрез пластическїй нѣкїй д<у>хЪ, то Земля наша должна быть одушевленною, и неслыханным в свѣтѣ животнымЪ.

ВЪ Епистолѣ третїей
Мы все то зримЪ в зверяхЪ, зримЪ в каждомЪ то животномЪ.
Махіны суть они, в своемЪ составе плотномЪ,
Подобны всѣ часамь, имѣющие вЪ дарЪ
Внутрь всехЪ пружинЪ душевный нѣкий парЪ,
ОднакЪ при чувствахЪ всѣхЪ, премного разумѣютЪ
<III, 587—591>

Хоть духЪ махінамЪ симЪ [то есть скотамЪ] я нѣкїй придаю
КакЪ время все часы мнѣ мѣряютЪ исправно
И расдѣляютЪ то на части сЪ сутки равно
Кромѣ жЪ пружин, ума не зрю в часахЪ я тѣхЪ.
<III, 842—845>

Не знаю, какЪ скоты непросто, но махина,
С какою наших дѣлЪ несходна ми едина
Сама собою та стоит, боронится, лежитЪ,
Та правится собой и дѣлаетЪ исправно
Собою та живит и кормомЪ равно.
<III, 435—440>

Махины суть скоты, не без души однакЪ
Бездушными назвать по опыту не такЪ
Растѣнїе и жизнь, и чувственность толь нежну,
Понятїе, мечту, мечтѣ и память смежну
Ежеминутно мы зримЪ ясно толь в скотахЪ
Что нелзя впрям сказать: д<у>ши нѣт в их тѣлахЪ
<III, 901—906>

Ежели на сїе позволить что скоты суть *махїны,* а душевный парЪ вЪ ни́хЪ мѣсто пружины, то дорогу покажемЪ и о человѣкѣ тó жЪ разумѣть, котораго и тáкЪ по обявленїю авторову вЪ предисловїи на полѣ страницЪ .14. изданною на свѣтЪ книжицею: *махїною* назвали.

ТвердятЪ пусть о скотѣ что правила он знаетЪ
Механически всѣ и точно поступаетЪ
По нихЪ во всемЪ своем по них его вес двигЪ
По нихЪ бѣжитЪ, плывет по них вертится вмигЪ,<...>
Я слыша все сїе, вотЪ толко что смѣюсь
А говорить оп том столь подлинно боюсь.
<III, 371—374, 377—378>

ВЪ Епистолѣ пятой
Неразвращенный кто услышит что всяк скот
Махїна просто есть, вдругЪ засмѣется тотЪ.
Увериться о том не можно всеконечно
И произнесшу то не выговорить пречно
Что какЪ махина та простая, по его,
Имѣет разум весь без разума всегω?
<V, 35—40>

АвторЪ самЪ то порочитЪ, что в прежнихЪ своихЪ статяхЪ с КартезїемЪ утверждалЪ сЪ тою ѡтмѣною, что скоты суть не простые, но од<у>шевленныя махіны.

ВЪ Епистолѣ третіей
Претрудно и весма чтобЪ впрям опредѣлить
Какова естества душой их надѣлить
Зиждитель восхотѣлЪ; какимЪ и жизни д<у>хомЪ,
Который по дѣлам зрим внутренним их слухомЪ.
Что знанїе в скотахЪ, пристойное им, есть;
То за обман принять не можно, ни за лесть:
Мечтанїя и чувств в них сила явно зрится
Но от какой души сїе всѣ в нихЪ творится
Незнанїе мое охотно признаю.
<III, 881—889>

Здѣ автор ѡ душахЪ скотскихЪ незнанїе себѣ приписуетЪ:

Картезїй былЪ один, кой смѣло разсудилЪ,
И махинами скотЪ простыми утвердилЪ
Дать души, по его, скотамЪ, то дать і вѣчность;
Безсмѣртную ж душам, в сем у него пречечность
Картезїй пусть твердит, что тѣ бездушны суть,
Я к бытїю в них душ другой имѣю путь;
Я знаю, что душа ихЪ есть иного рода,
О вѣчныхЪ правдахЪ нѣтЪ в ней мысли, ни довода
Различїе сїе имѣетЪ сЪ той моя
Безсмертна по себѣ; обЪ их уверен я
Что смертна есть она, что с тѣлом умирает
И что смертельность та д<у>шЪ н<а>ших не стираетЪ.
<III, 909—920>

О скотскихЪ не душей доказывать дѣлахЪ,
В безумных самому быть долгЪ тому скотахЪ.
<III, 957—958>

А здѣ знанїе

Чтоб скимну вытти в свѣтъ: без львицы и безъ льва
Не можно, долгъ чтобъ тѣ соединились два,
Взаимно в силной той внутрь склонности другъ-к-другу,
Подобному сѣбѣ и третьему въ услугу.
Что ж преклоняетъ лвовъ, для онаго плода,
В спряженіи своемъ къ подъятію труда,
Который обоимъ какъ тягостенъ не мнится,
Такъ зелно та к тому чета-еще стремится?
Какой тотъ пóламъ двумъ, толь пребогáтый, даръ,
Кой вспламеняетъ такъ к собщенію в нихъ жаръ?
Взаимна та любовь, магнитъ сердецъ небесный:
Не насъ одних, всего, что тварь, союзъ нелестный.
Движеній мать и цѣль, всія природы сокъ,
И жизнь, и красота, и красоты цвѣтокъ.
Всегдашняя живыхъ и ихъ нетлѣнна сладость;
Разумныхъ здесь чиновъ неизреченна радость;
Вина клоняща насъ и к чести и к добру.
Дающа намъ покой, веляща быть въ мирý,
Цѣляща чадъ вражды, к согласію ведуща,
Вся тихости полна, зла люта неимуща:
Бодряща слабыхъ та, а тешаща в печаль,
Но бѣдствующихъ всѣхъ насъ приводяща въ жаль.
<III, 549—570>

Соблазнительно

Но всѣ отъ пары тѣ подобныя родятся,
И после какъ жена и мужъ совокупятся:
А третіяго такъ рождающая та,
Совокупившись ужъ с любовию чета́,
Въ рожденіи своемъ искусству не причи́на,
Составить не могла и хитраго в том чина,
<III, 739—744>

Соблазнительно

Въ епистолѣ четвертой
Но пока тотъ в жилках идет сокъ еще млекомъ
Все что есть непрочно отвергается броском
Из желудка ж исходя собными трубами

[Сiи всѣ удалены многими кругами
ОтЪ органовЪ оных, коими дышим внутри]
ИдетЪ вонЪ из тѣла чрез отверстïя безЪ при.
Оное не токмо нас не истощяетЪ.
Но отЪ бремени еще смрадна облегчаетЪ.
Словом, в человѣчем столко тѣлѣ есть чудесЪ
Что конечно должно здателю быть от небесЪ
<IV, 268—277>

Аще отлучиши честное от недостойнаго, будеши яко уста моя, глаголетЪ С<вя>щенное пïсание, а вЪ сей статьи такЪ важная консеквенцïя изЪ толь подлой предидущей матерïи, наведена.

вЪ Епистолѣ пятой
Но пóхоть, да чрез то размнóжит наше плéмя,
Из тѣла своегω кладет в чужiя сѣмя.
Потребность та,чтоб всѣм слехчится тѣлом нам
Есть способ испражнять то все по временам.
<V, 233—236>

Соблазнително и срамно

вЪ Епистолѣ третьей
ТожЪ в малой мошкѣ есть, что в кυтѣ, i слонѣ;
Есть голова, глаза, и тѣла слогЪ отвнѣ.
РядЪ внутреннихЪ частей есть в нихЪ и кровь, и жилы,
Утробы, сердце есть и равномѣрно силы.
<III, 297—300>

В сравненïи кита или слона должно сказать о мошкѣ, что она неравномѣрно, но доволно для сѣбя имѣетЪ силы.

Когда б свершенный кормЪ нашелЪ себѣ в жизнь скотЪ;
То могЪ бы получить бессмертiе чрез тотЪ
И получилЪ бы тѣмЪ и вѣчную онЪ младость
В томЪ чувствуя всегда необычайну сладость.

Но пища вся его не совершенна здѣсь;
ЗатемЪ помалу онЪ и гибнетЪ тлѣя весь.
<III, 501—506>

Гдѣ сiе слышно и гдѣ написано, чтоб скотЪ отЪ совершенной пищи могЪ когда безсмертiе получить? ОдинЪ Теофраст ПарацельсЪ, не для скотовЪ, коi по мнѣнiю авторову махiны суть, но для людей искал такогω лѣкарства, чтобЪ они не умирали: но свѣтЪ сЪ того и понынѣ смѣется.

ВЪ Епистолѣ четвертой
ЗолЪ, кого в знакЪ Естество сроду запятнало;
ТакЪ плешивых и заик, рыжих так немало,
Хоть чело, и очи и лице почасту лгутЪ,
Но от моргослѣпых люди вЪ опытѣ бегутЪ.[24]
<IV, 114—117>

Сiе честным и знатным обидно и болше сатирам, а не такой матерiи прилично.

ВЪ Епистолѣ третьей
Пусть увѣряютЪ насЪ, что в каждомЪ порознь звѣрѣ
Припасены по ихЪ числу, по ихЪ и мѣрѣ,
Зародыши предЪ симЪ уж за седмь тысящЪ лѣтЪ,
ЧтобЪ каждый родЪ отЪ тѣхЪ происходил на свѣтЪ,
И никогда б отнюдь здѣсь не переводился,
ОдинЪ бы отЪ тогω, и далѣй такЪ, родился
Но что сим надлежит зародышам iмѣть,
Своих весь образЪ тѣлЪ, и так в утробѣ спѣть,
Имѣющим уже всю точную основу
Возрастстшую жЪ до мѣрЪ кЪ изшествiю готову,
То всѣхЪ животныхЪ есть созданность тѣмЪ хитряй.
УмЪ понимаяй то, смятется самЪ скоряй,
А нежель можетЪ вЪ томЪ постигнуть мудрость чудну,
Искусство все ея и хитрость столько трудну.
Во-первыхЪ должно в то всему основе быть,

[24] выпад против А. П. Сумарокова, см. *Успенский*, 1984, с. 85.

В малѣйшемЪ и всему ж размѣрѣ в той не ныть
И такЪ, чтобЪ были в ней всѣ внутреннїе части
И части сих частѣй разобранны, какЪ вЪ масти.
<III, 703—720>

Кто зародыши в семЪ разумѣ принимаетЪ, тотЪ и о душахЪ человѣческихЪ утверждаетЪ, что они не отЪ Б<о>га вЪ зачатьи вЪ тѣло вливаются но отЪ родителей вкупѣ з зародышами тѣми зараждаются. И потому лучше о сей непонятной вещи, какЪ и самЪ авторЪ признается, молчать, нежели такЪ откровенно писать и внушать народу.

Іωаннӣкій Архїмандрїтъ Савинскїй.

21.
Записка краткому примѣчанїю оявившемся вЪ Виршевой Ѱалтирѣ.

ВЪ составѣ ѰалтирномЪ
9.7. Врагу оскудѣша оружїя вконецЪ и градЪ разрушилЪ еси
Преложенїе стиховЪ

ПресталЪ ужЪ разорять Противный,
Оружїя сЪ нимЪ больше нѣтЪ;
Гради́мЪ онЪ, вЪ нихЪ творя бой славный,[25]
Хотя нанесЪ премного бѣдЪ;

17.28. Яко ты люди смиренныя спасеши и очи гордыхЪ смириши

Спасаешь кроткихЪ Ты муже́й,
НадменныхЪ мечешь какЪ-пыже́й:

20.4. Яко предварил еси его благославением благость иже положил еси на главѣ его вѣнецЪ отЪ каменя честна

[25] описка, в оригинале Тредиаковского — *живный*.

Благословляя предварилЪ
Его имѣніемЪ довольнымЪ;
ВѣнцемЪ главы верьхЪ озарилЪ,
И каменемЪ, и златомЪ го́льнымЪ,
ПоставивЪ СамЪ его престольнымЪ.

51.7. И корень твой от земли живыхЪ

Корень отЪ землй твой, льстецЪ,
Весь исчезнетЪ, духЪ не коргнетЪ.

52.4. Вси уклонишася вкупѣ не потребни быша: нѣсть творяй благое нѣтЪ до единаго

Отступили всѣ назадЪ
НѣтЪ ни одного, хоть сколько,
Не́-былЪ-ктобЪ негодный гадЪ,
И о добром мнйлЪ-бы только!

73.14. Ты сокрушилЪ еси главу зміеву дал еси того брашно людемЪ Еѳіопским Ъ

Ты расшибЪ же и главу
Змійственному Крокоділу,
ВЪ пйщу ЕѳіопамЪ милу
ДавЪ того на сладость живу,
И на множимую силу.

75.5. Просвѣщаеши ты дивно отЪ горЪ вѣчныхЪ. Смятошася вси неразумніи сердцемЪ

О! коль отЪ вѣчныхЪ, Боже, горЪ,
Ты просвѣщаешь СамЪ предивно:
Всѣ сильны сердцемЪ вЪ оный спорЪ
Творили, что-СамймЪ противно,
ВЪ смятеніе пришедши сливно.

100.4. Не прилпе мнѣ сердце строптиво уклоняющагося отЪ мене лукавого не позналЪ

Уклонялось отЪ меня
Сердце каждо развращенно;
БылЪ лукаваго кленя,
И лукавство намащéнно.

102.16. Яко духЪ пройде в немЪ и не будетЪ и не познаетЪ то мѣста своего

ВотЪ по немЪ лишЪ прóйдетЪ духЪ,
Тóтчас Ъ и попалЪ онЪ вЪ нѣты;
Мѣсто само безЪ примѣты,
И какЪ-сѣно сталЪ тотЪ сухЪ:

104.30. Воскипѣ земля ихЪ жабами в сокровищницахЪ царей ихЪ. Рече и пріидоша песіи мухи и скнипы во вся пределы ихЪ

Жабами земля вскипѣла,
Вся Палата жабЪ имѣла;
РекЪ, ПсихЪ родЪ мухЪ налетѣлЪ,
Всюду червь вшаный родился:

118.78. Да постыдятся гордіи и яко неправѣдно беззаконноваша на мя, азЪ же поглумлюсь в заповѣдехЪ твоіхЪ

Гордыи да придутЪ вЪ стыдЪ,
Что-на-мя́ они вставали;
И что-ровЪ-ихЪ-бы́лЪ изрытЪ,
ВЪ кой непрáвдой мя врѣвали;
Я пребуду не качаяйся,
Заповѣдям Ъ обучаяйся:

118.88 По милости твоей живи мя и сохраню свидѣнія устЪ твоихЪ

Оживи мя СамЪ по милости,
Сохраню законЪ безЪ гнилости:

122.4. Наипаче наполнися душа наша поношенія, гобзующихЪ и уничиженія гордыхЪ

Мы отЪ богáтѣйшихЪ мужей
Исполнены злыхЪ поношенiй!
ОтЪ гордыхЪ оныхЪ и пыжей,
Премного намЪ уничиженiй!

134.15. Идоли языкЪ сребро и злато дело рукЪ человеческихЪ уста имутЪ и не возглаголютЪ, очи имутЪ и не узрятЪ. Уши имутЪ и не услышатЪ

Язычески кумиры, злато,
Иль только иногда сребро:
Уста не говорятЪ, какЪ-блáто;
Не зрятЪ глазá, что-éсть добро;
Не слышатЪ уши, какЪ-ведрó.

143.3. Яко погна врагЪ душу мою смирилЪ есть в земле животЪ мой посадилЪ есть в темныхЪ яко мертвiя вѣка.

Се ужé погналЪ мя врагЪ,
ОнЪ попралЪ низвергши долу;
БросилЪ вЪ моракЪ, гдѣ-вѣчный страхЪ,
Бутто мéртва, мнѣ вЪ назóлу.

147.5. Дающего снѣгЪ свой яко волну, мглу яко пепелЪ посыпающаго метающаго голоть свой яко хлѣбЪ противу лица мраза его кто постоитЪ

СнѣгЪ какЪ-вóлну ниспускаетЪ,
КакЪ-бы-пéпелЪ сыплетЪ мглу;
Гололéдь какЪ-крóхи пхаетЪ:
Ктó моразЪ стéрпитЪ вЪ зиму злу?

Iоаникий АрхимандритЪ Савинский

22.

С<вя>тѣйшему Правительствующему Сѵноду Покорнѣйшее Доношеніе от Профессора Васілья Кірілова сына Тредіаковскаго, а о чемЪ, тому пункты.

1

СЪ три уже тому года, какЪ по двумЪ УказамЪ изЪ С<вя>тѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, в Московскую Печатнаго двора Контору, о печатаніи моихЪ книгЪ Ѱалтири и Ѳеоптіи, [засвидѣтельствованныхЪ С<вя>тѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Членами не токмо по сану достойнопочитаемыми, но и Мудрости и Благонравія Хрістіанскаго] нѣтЪ и понынѣ исполненія.

2

Но я нынѣ увѣдомился, что присланы изЪ Москвы вЪ С<вя>тѣйшій Правительствующій СѵнодЪ нѣкоторыя Сомнительства, или и возраженія на нѣкія места изЪ оныхЪ моихЪ книгЪ: да и видно, что сіе са́мое и есть препятствіемЪ понынѣ произведенію оныхЪ моихЪ книгЪ.

3

И какЪ я не чаю чтоб такія возраженія могли быть основательны; сіе жЪ не потому чтоб я мнилЪ себя быть высокоумно совершеннымЪ вЪ искусствѣ и погрѣшить не могущимЪ, но по сему что погрѣшностей вЪ нихЪ не признали Мужи, вѣдомаго Бл<а>горазумія, и знанія силы и дѣла, свидѣтельствовавшіи тѣ книги, и С<вя>тѣйшій Правительствующій СѵнодЪ репортомЪ удостовѣрившіи.

Того ради, покорнѣйше прошу С<вя>тѣйшій Правитель ствующій СѵнодЪ: 1), или пославЪ еще указЪ, повелѣть благословеніем своймЪ печатать помянутые мои Книги не взирая на возраженія, чаятельно неосновательныя какЪ в філософской твердости, такЪ можетЪ быть и вЪ орѳографіи: ибо орѳографія попускается быть не странная и дикая; но вся церковная; кромѣ токмо чтоб не ставить просодій над односложными реченіями; чтоб не быть надЪ оными нигдѣ тітламЪ и словотітламЪ и, чтоб не полагать в верьху ЕриковЪ и ПаерковЪ вмѣсто Ера и Е'ря — в строкѣ, а сіе давно ужé вЪ стіхахЪ употреблено покойнымЪ ѲеодоромЪ ПолікарповымЪ, но философская и богословская правость

довольно подтверждена́ и запечатлена знаменитымЪ просвѣщеніемЪ Свидѣтельствовавшихъ Преос<вя>щенныхЪ ЧленовЪ. 2), или, повелѣть мнѣ здѣлать на тѣ споримыя мѣста́ проза́їческія изЪясненія, кои служить будутЪ вмѣсто краткихЪ примѣчаній на нижнемЪ по́лѣ подЪ звѣздами: ибо невозможно СтіховЪ убавить безЪ убавленія силы в разумѣ, а поправляти ихЪ кому тамЪ, не весьма к СтіхамЪ пріобыкшему, то опасно поврежденію и Разуму и связанію, и составу СтіховЪ, какЪ то сему есть уже́ нѣкоторый примѣрЪ несчастливый.[26] 3), или, когда не угодно, по какой либо Благословной винѣ, произвесть будетЪ вЪ СвѣтЪ, то повелѣть отдать мнѣ мои книги обратно. или напослѣдокЪ 4), то опредѣлить, что С<вя>тѣйшій Правительствующій СѵнодЪ за лучшее разсудитЪ, только бЪ я отнынѣ болѣе не ожидалЪ совершенія сему дѣлу тщетно.

Доношеніе писалЪ я Василій Тредіаковскій, и руку приложилЪ. Сентября 17 дня, 1759 года.

23.

ВЪ журналѣ С<вя>тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода сентября 17 числа 1759 Года под № 5м записано,

По доношенію професора Василья Тредьяковскаго которымЪ проситЪ чтобЪ указомЪ подтверждѣнѡ бьілѡ в московскую тѵпографскую кантору о напечатанїи попрежнему указу кн<и>гЪ Ѱалтири и Феоптіи или повелѣть нынѣ здѣлать на споримыя мѣста изясненіе ПРИКАЗАЛИ на том учиня ему Тредьяковскому изЪясненіе подать для разсмотренїя С<вя>тѣйшему Сѵноду, на том ему ТредЪяковскому обявивЪ.

---

[26] имеются в виду исправления Амвросия Зертис-Каменского в переводе Н. Н. Поповского *Опыта о человеке.*

24.

С<вя>тѣйшему Правительствующему Сѵноду
Московской тѵпографской кантторы
РЕПОРТЪ

Сего 1761. го́да марта .29. дня полученнымЪ от генера́лЪ маэо́ра и кавалера, с<вя>тѣйшагѡ правителствующаго сѵно́да о́берЪ прокуро́ра кн<я>зя Алеѯѣя Семеновича Козловскаго о́рдеромЪ требовано <...> прислать в <...> Сѵно́дЪ ізвѣстїе <...> буде по которымЪ присланным изЪ <...> Сѵно́да УказамЪ никакого исполненїя не учинено и <...> Сѵноду репортовать <...> а по какимЪ ї́мянно указомЪ исполненїя не учинено, тому приложенЪ реэстрЪ <...>

Михайло ХерасковЪ
Аѳанасїй Пелскі

Ма́ия 15 Дня
.1761. года

25.

ПрисланнымЪ реэстромЪ трѣбовано
1758 года

<.>

ѡктября 13 дня о учиненїи во ѡной канторѣ директорскому товарищу Аѳанасью Пелскому за неосмотрительныя и противныя указамЪ в непечатанiи сочиненныхЪ проѳессоромЪ Третьяковским книг Ѱалтири виршевой и Ѳеоптiи поступки репремандовЪ и о немедленномЪ тѣхЪ книгЪ печатанїя.

В тѵпографскои канторѣ по справкѣ

По справкѣ со входящею 1758 года книгою такавагѡ указа в тѵпографскую кантору не получено.

※ ※ ※
※

*
* *

Судьба „ПСАЛТИРИ“ Тредиаковского.

Отношение Тредиаковского к церкви и отношение его с православным духовенством могут многое уяснить в особом складе культурной жизни России XVIII века. Ведь в развитии творчества поэта отразились крайне интересные [и историками литературы в достаточной мере не объясненные] тендеции – от секуляризации к попытке нового воцерковления культуры;[1] как очень точно замечает Ю.М. Лотман, „эволюция Тредиаковского и Карамзина – два паралельных пути от игровой периферии культуры к ее серьезному профетическому центру“[2]. В наибольшей мере профетические установки Тредиаковского воплотились в двух его поэтических трудах 1750-х годов – стихотворной „Псалтири“ и поэме „Феоптия“, Синодом расмотренных, одобренных, отправленных для печатания в Синодальную типографию, но так и не опубликованных. Какие заключения можно сделать в этой связи об отношении членов Синода к двум стихотворным книгам поэта? Не его ли профетические притязания, найденные иерархами предосудительными, оказались реальной причиной ненапечатания „Псалтири“ и „Феоптии“?

В Приложении IV печатается сохранившаяся переписка Синода по поводу этих двух книг Тредиаковского – и сразу необходимо сказать, что однозначного ответа данные документы не дают. Быть может, правильный угол зрения на Синодскую переписку даст краткое рассмотрение нескольких эпизодов из отношений Тредиаковского с духовной средой – с чего и начнем.

* * *

---

[1] Некоторые замечания о попытке о попытке воцерковления культуры во второй половине XVII века см. в книге А. М. Панченко *Русская литература в канун петровских реформ.* Л., 1984, с.102-12.

[2] Ю. М. Лотман. Ломоносов и некоторые вопросы своеобразия русской куль туры XVIII века.– в кн.: *М. В. Ломоносов и русская культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.* Тарту, 1986, с.4.

Первые литературные опыты Тредиаковского состоялись в Московской Славяно-греко-латинской академии, и приняты они были заиконоспасской корпорацией, как можно судить, весьма благосклонно. Он сочиняет две пьесы — „Язон" и „Тит, Веспасианов сын"; они ставятся на сцене — что, видимо, является свидетельством беспрецедентно высокой их оценки в Академии, на сцене которой шли сочинения заиконоспасских профессоров, а отнюдь не студентов.

Непосредственно после возвращения Тредиаковского из заграницы произошло несколько эпизодов, свидетельствующих, как казалось бы на первый взгляд, о конфронтации поэта с духовенством, по крайней мере, с некоторыми его представителями. Первый эпизод связан с публикацией в 1730 году французцкого прециозного галантного кодекса — *Езды в остров любви* Поля Тальмана, первого печатного текста новой петровской секуляризованной культуры, которая порывает с запретом на изображение любви прежней традиции.[3] О накале поднявшихся вокруг *Езды* страстей и решительном осуждении книги частью духовенства свидетельствуют обращенные к последнему (и регулярно во всех историко-литературных исследованиях цитируемые] браные слова Тредиаковского: „Но оставим этим святошам их суеверное бешенство; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это — подонки, которых в просторечии называют попами".[4] Весьма существенен как социальный оттенок слова „подонки" так и следующая затем оговорка Тредиаковского — „они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить"; действительно, другая, видимо, более высокая часть

---

3 А. М. Панченко. *Русская стихотворная культура XVII века.* Л., 1973, с.193-95, 239-40; ср. Ю. М. Лотман. *„Езда в остров любви" Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века.* — В кн.: *Проблема изучения культурного наследия.* М., 1985, с. 226-29.

4 Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse: ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops — письмо Тредиаковского И.-Д. Шумахеру от 18 января 1931 г. — В кн.: *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980, с.45. Перевод выражения „ la lie " как „подлые твари" неточен.

Любопытно, между прочим, что Иван Сечихин, апологет *Езды* Шредиаковского, отождествлял критика *Езды* с лицом духовного звания, принадлежащего нижней части иерархии. См.: *К Зоилу (Образец старинных критик].* —Москвитянин, 1953, т.2, отд. IV, с.125.

духовенства настроена достаточно благожелательно: „parmi ceux qui sont du clergé il y en a qui m'en veulent du bien"[5]

Другой эпизод, весьма любопытный и показательный, произошел около 1732 г. в связи с сочиненной Тредиаковским духовной „псальмой" — в это время „псальмы", то есть песни духовного содержания, он складывал наряду с любовными песенками. Тредиаковский был в гостях у священника монастырской слободы петербургского Александро-Невского монастыря Василия, у которого собрались высокие церковные иерархи: членны Синода Платон Малиновский и Евфимий Колетти, принадлежавшие к староцерковной партии [Евфимий был духовником Алексея Петровича и из-за этого восемь лет томился в заточении на Соловках][6], советник Синода и архимандрит Александро-Невского монастыря Петр Смелич и Илларион Рогалевский. Тредиаковский запел сочиненную им духовную песню [музыка, следует думать, также была его]. „Вот бы он сочинял девичьи песни",— сказал, „озлобясь", Платон, „оная псальма вере нашей противная и еретическая... Когда кому не без пролития крови отмстится... Не думайте, чтоб вам, бывши в чужих краях и приехав, церковь православную порочить своими ересьми ... прольется ваша еретическая кровь". Хмельного Платона стал унимать Петр и Илларион. „Говорили тому Малиновскому, напрасно де он сертдится, песнь оная никаковой ереси в себе не имеет и ежели в чем оной Тредиаковский как молодой человек погрешил, то утрем к вам песнь на дом пришлет и будет просить, об исправлении". Однако теперь „поносить" Тредиаковского стал Евфимий: „он ничего не знает и не смыслит, а то подлинно тут /то есть в псалме — А. Ш./ противности нашей греческой православной церкви"; позднее, обЪясняя свою позицию, он показывал, что критиковал псаль му за то, что в ней „написанныя наречения иностранныя, а не по правилам грамматическим, ...в тех псалмах иностранных наречиев употреблять было ненадобно..."[7] Оба обвинения крайне интересны: в первом случае деятельность поэта

5..там же.

6 И. А. Чистович. *Феофан Прокопович и его время.* СПб., 1868.

7 „Экстракт о бывшем архимандрите Платоне Малиновском" —ЦГАДА, ф.7, е. хр. 515; сохранился фрагментарно. Частично цитируется в кн.: *Чистович*, 1868, с.384-5 и *Пекарский*, 1873, с.30, 36, 38.

воспринимается как недопустимое посягновение на сакральную сферу, на которую у него нет права — „не его дело богословские сочинять вещи“; во втором случае порицанию подвергается собственно формальный уровень — а именно употребление в тексте духовного содержания „иностранных речений“[8], что может быть расценено как ересь. Показательно, что оба обвинения в модифицированном виде не раз будут высказаны позднее, и не только в отношении Тредиаковского.

Эпизод этот завершился, однако, благополучно. Наутро Тредиаковский прислал Платону текст псальмы при латинском письме, и Платон „за объявленное письмо благодарил и прощения у него просил...псальма де его, Тредиаковского, никакого в себе порока не имеет.[9] Видимо, как-то обошелся и эпизод с Евфимием.

В среде церковных лиц в те же 1730-е гг. Тредиаковский выступал как композитор, причем композитор духовный. Однажды на прослушивании сочиненного им концерта великомученице Екатерины присутствуют члены Синода во главе с Феофаном Прокоповичем[10]; после концерта Тредиаковский по указанию Феофана декламирует сатиру князя А. Д. Кантемира, порицающую непросвещенность и невежественность духовенства, что, по мнению Б. А.

---

[8] Знаменательно, что приблизительно в то же самое время — в декабре 1732 г. —уже упомянутый нами И. Сечехин считает необходимым отстаивать положение, „что позволяется в различных языках употребляти слов иностранных для лутчаго изъяснения или для красоты или просто за употребления“, харрактерно при этом, что Сечихин отождествляет своих оппонентов с консервативной духовной средой: „ Хорошо для вас книга о Бове, еще ж книга Пчела...благочестия твоего апробации достойна...из которой ты многие доводы в публичных диспутациях...у братины со учеными оными дьячками и пьяным клиром привести можешь“. *К Зоилу*, с.125-26.

[9] *Чистович*, 1868, там же; *Пекарский*, 1873, там же.

[10] О Тредиаковском-композитире см.: Б. Вольман. *Русские печатные ноты XVIII в.* Л., 1952; Л. Ф. Костюковец. 1). К истории рукописного сборника. — В кн.: Вопросы теории и истории музыки. Минск., 1976, с.216; Канты В. К. Тредиаковского из рукописного собрания ГИМ № 31/34. от 21 марта 1981 г. (программа Всероссийская научная конференция „Прошлое и настоящее русской хоровой культуры“. Л., 1981, с. 12; Н. Герасимова-Персидская. *Партесный концерт в истории музыкальной культуры*. М., 1983; М. Сохраненкова. „Музыкально-поэтическое творчество Тредиаковского.“ В кн.: *Человек—творчество—компьютор*. М., 1987; “Тредиаковский как композитор“, В кн.:*Памятники культуры. Новые открытия*. Л., 1987.

Успенского, являлось ответным ударом на выступление против „псальмы“ Платона Малиновского.[11]

Думается, не будет большим преувеличением сказать, что в перечисленных эпизодах мы видим Тредиаковского все же своим человеком в духовной среде; здесь у него есть высокопоставленые покровители [как первоприсутствующий в Синоде архиепископ Феофан Прокопович и некоторые другие синодальные члены], друзья и ценители [как архимандрит Петр Смелич]; здесь, правда, и те, которые видят у Тредиаковского уклонения от православия [ср. в этой связи обвинение Тредиаковского в том, что в предисловии к „Феоптии“ он положительно упомянул „еретиков“ католиков Мора и Петра Поарета– см. документ 16, с.470 и 17, с.478 наст. издания]. Характерно, что Синод в 1743 г. чувствует свое право и компетенцию дать отзыв о своей позитивной оценке литературных трудов Тредиаковского;[12] главным образом благодаря этому отзыву Тредиаковский смог через два года стать полноправным действительным членом Петербургской академии наук[13] – событие, не имевшее, кажется, прецедента в истории Академии. Показательно также, что в начале следующего десятилетия Тредиаковский получает от синодаль ного члена, еп. Гавриила Кременецкого и оберЪ-секретаря Синода Я. Леванидова крайне положительную оценку сочиненного им „Слова о мудрости, о благоразумии и

---

[11] Успенский, 1985, с.127-28; об отношениях между Тредиаковским и покровительствовавшем ему Феофаном см. там же, с.126–131.

[12] „ Мы...Синода члены...предложенные сочинения его виды как российском, так и латинским языком рассмотрели, и сим свидетельствуем, что оные сочинения его виды по точным правилам элоквенции произведены, что чистыми словами украшены, и что по всему тому явно есть, яко он несколь ко, но толико происшел в элоквенции...что праведно надлежащее в том искусство приписатися ему долженствует“ (Пекарский, 1873, с.100). Необходимую для производства в профессоры Академии наук аттестацию должна была дать академическая конференция, которая, в ситуации конфликта между сторонниками А. К. Нартова и иноземными академиками отказывалась от „свидетельствования“ трудов Тредиаковского под предлогом, что проект об Академии наук Петра I не предусматривал места профессора российского красноречия (см. Пекарский, 1873, с.95–100).

[13] Пекарский, 1873, с.107.

добродетели";[14] видимо, именно благодаря этому синодальному отзыву „Слово" выходит в свет.

Все это позволяет, кажется, говорить об определенной близости Тредиаковского к церковным иерархам своего времени; в этом, видимо, одно из принципиальных его отличий от позиции Ломоносова и Сумарокова, ориентировавшихся на императорский двор. Вообще, отделяют Тредиаковского от Ломоносова и Сумарокова в первую очередь представление о просветительства; Тредиаковский стоял в основном на позициях просветитель ства духовного, причем духовного просветительства нового типа, вооруженного последними достижениями естественных, точных и других наук;[15] это могло сближать его с позицией церкви, которая, в попытке реформироваться и сделаться действующей силой в послепетровской России, стремилась осознать себя как главный агент просвещения.[16] Во всяком случае собственно литературная позиция Тредиаковского на фоне современных ему поэтов достаточно редка и своеобразна: хотя он признает оду одним из главных поэтических жанров, в его собственном творчестве торжественная ода почти полностью отсутствует. В высшей мере показательно, что в *Рассуждении об оде вообще* 1734 года Тредиаковский писал, что, для того чтобы понять стилистические особенности оды,

---

[14] Как сообщал Тредиаковский, Гавриил „еще оное и великих своих похвал удостоил...читал оное и оберь-секретарь Яков Герасимович Леванидов и оочень похвалил (объявление Тредиаковского канцелярии Академии наук 11 декабря 1752 г.— Пекарский, 1873, с.167). „Слово" напечатано в *Сочинениях и переводах* Тредиаковского 1752 г.

[15] В этой связи интерес представляет собой малоизвестая работа Тредиаковского *Математические и исторические наблюдения о сыскании Пасхи*, над которой он трудился с 1737 по 1758 год; в этой „настоящей энциклопедии по русскому церковному календарю" (Невская) оригиналь ные математические рассчеты соединены с историко-научными и историко-богословскими главами. Показательно, что кроме одного парадного экземпляра, поднесенного президенту Академи наук Разумовскому, осталь ные были подарены обер-секретарю Синода Леванидову и духовным лицам. Ср. Н. И. Невская. Работа Тредиаковского по истории календаря. — В кн.: Н. И. Невская. *Петербургская астрономическая школа XVIII века.* Л., 1984, с.195—96.

[16] Эта идея принадлежит В. М. Живову.

одический „божественный язык“, русский читатель должен обратиться к Псалтири.[17]

Понятно в этом отношении, что в глазах Тредиаковского наиболее значимыми были его полное стихотворное переложение псалмов „святого пииты“ и поэму, доказывающую бытие Божие „Феоптия“ — высшее выражение его профетических интенций.

Оба сочинения создавались почти одновременно, должны были быть изданы под одной обложкой и взаимодополняли друг друга [документ 9] — как бы двумя разными путями они вели к одной цели. В предисловиях к обоим сочинениям автор говорит, в сущности, об одной задаче — о возвращении секуляризованной поэтической культуры, забывшей о своем высоко сакральном происхождении, к ее древнему и истинному источнику — Культу. В предисловии к „Феоптии“ читаем: „В нынешние времена повсюду стихи, по большей части, употребляются токмо или на пустые игралища, или на другие светские сочинения, возбуждающие страсти. Но возводящий помышление свое к уединенной древности увидит, что Поэзия у древних была сущей их философиею и теологиею. Итак, писать философствование стихами, то возводить некак стихотворение к первому его и достохвальному началу.“[18]

В то же время одна из целей переложения псалмов, „которая едва ль не действительнейшая всех прочих... доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже нигде быть подобной Высоте и

---

[17] Охотник Российский может приметить высоту слова, какова должна быть в Одах, в псалмах Святаго Пииты псалтирическаго, то есть, блаженнаго Пророка и Царя Давида: ибо псалмы не что иное, как *Оды*, хотя на российский язык не стихами переведенные, как и на прочие христианские языки, но на Еврейском все они стихами сочиненные, по тогдашнему еврейских стихов обычаю. Увидит он тут и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие слова, увидит мудрую перерывку разума, а от разума не отходящую, увидит удивительное вознесение к высоте слогом возлетающее, каково *Пиндар* и *Гораций* имеет, и каково Господин *Боало Депро* иметь приказывает; увидит и скажет, что то самый божий язык.

[18] Приложение III, с.467

Сладости, что Языческое оное и Светское Велелепие в песненых Слогах, есть токмо тень, или еще и та, Божияго и Небесного Гласа, в Давидовых Псалмах гремящего."[19]

Здесь значимо каждое слово: осуждение новой „светской" поэзии, которая вдохновляется великолепием языческой античности, не выходит за пределы аристотелианской поэтики и не поднимается выше собственных профессиональных проблем, и противопоставление ее поэзии „древней" – религиозной и культовой, поэзии „святого пророка" Ветхого Завета. В случае „Псалтири" стихотворная форма, „магия стиха" должна вновь ввести как в современную литературу, так и в обиходную культуру поэтическую псалмодию, ибо древнеславянская Псалтирь 1) стала непонятной и 2) к ее тексту сложился автоматизм восприятия; новая же стихотворная форма может даже атеистам открыть в псалмах божественный свет и „покланяемые следы божества" и тем привести их из неверия к вере. В случае „Феоптии" стихотворная форма оказывается наиболее кратким и экономным способом изложения сложной „материи" – „стихи представляют ее у меня красною, веселою, почитай смеющеюся"; „материя" же „Феоптии", как мы говорили выше, есть доказательство Бытия Божия свидетельствами современных наук.

Характерна декларация поэта – в предисловии как к „Псалтири", так и к „Феоптии"; предпринимая свой трудЪ, он ощущал божественную помощь, священное вдохновение; „предуведомление" к „Псалтири" даже завершается молитвой к Святому Духу: „да сие <...> преложение послужитЪ <...> читателям в созидание истинного разума о тебе и в приращении благодати твоея, а мне потрудившемуся <...> в очищение сердца и обновление духа <...>"[20].

Претензии поэта такимЪ образомЪ не ограничиваются только литературной или даже культурной средой – он притязает на полномочия священника, проповедника, в

---

[19] наст изд., с.5.

[20] наст. изд., с. 8

какомЪ-то смысле даже пророка[21]. Слово поэта, подобно иконе, несет в себе отблеск и энергию Мира Горнего[22]

* * *

Отдавая в 1754 г. „Псалтирь“ и „Феоптию“ на цензурное „свидетельствование“ Синода, Тредиаковский ни слова не написал о ставимых им в обоих сочинениях целях и прямо отослал синодальных иерархов к своим предисловиям: „преложил он Тредиаковский все уже псалмы стихами ж, но каким образом и для каких причин, то явствует в <...> книге, написанной ево рукой“ (документ 2), „сочинил я книгу <...> и назвал ее Феоптиею <...>. Но чего ради произвел я сей труд, и для чего стихами; тому обЪявлены причины в предисловии при ней же находящемся“ (документ 4). Итак, первыми читателями „Псалтири“ и „Феоптии“ были архиепископ Сильвестр Кулябко и епископ Гавриил Кременецкий (автор уже цитированного отзыва на „Слово“ Тредиаковского 1752 г.), и их первое суждение было за печатание обоих книг поэта.

Гавриил „свидетельствовал“ „Феоптию“ немногим больше месяца, Сильвестру на чтение „Псалтири“ понадобилось около года, в январе-феврале 1755 г. оба иерарха заявили собранию Синода, что не нашли в обоих сочинениях „святой церкви противности“ — такова была необходимая формула.[23] Синод принял решение разрешить оба сочинения к печати и дать об этом автору письменное свидетельство; примечательно, кстати, что другие члены Синода подписавшие это постановление — Варлаам Лащевский, Афанасий Вольховский и обер-секретарь Леванидов (документ 7) были прямо или

---

[21] см. главку *Спор поэта и священника* в статье В. М. Живова *Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века.*— Труды по знаковым системам. XIII.(Учен. зап. Тартусского гос. ун-та, вып. 546),1981, с.66,68.

[22] О концепции Слова в православной культуре см. Б. А. Успенский. *Пролегомена к теме:„Семиотика иконы“* с.199—202; С.С.Аверинцев. *Наследие Византии в русской традиции ощущения слова.* Доклад на Второй международной научной конференции, посвященнои 1 000-летию Крещения Руси „Богословие и духовность Русской православной церкви“. Москва, 11—19 мая 1987 (Доклад не опубликован)

[23] При ее отсутствии Синод мог не дать разрешения печатать книгу: см. *Титлинов,* 1916, с. 269—70 (примечание)

косвенно знакомы с Тредиаковским или его трудами. Как кажется, вся эта процедура „свидетельствования" заняла весьма незначительное по практике той эпохи время — обычно рассмотрение Синодом книг длилось дольше.[24]

Тредиаковский счел необходимым самолично и с соблюдением формы выразить благодарность Синоду: „Впущен пред собрание <Синода> Академии наук профессор Тредиаковский, который<...>что сочиненные им две книги<...> Синодом опробованы, учинил покорнейшее благодарение и, получа благословение, выступил".[25] Теперь ничто не препятствовало изданию „Псалтири" и „Феоптии"[26] — Тредиаковский намеревался напечатать ее на собственный счет в типографии Академии наук, как он уже не раз делал в прошлом. Однако положение Тредиаковского в Академии в 1757 г. резко ухудшилось, и издание его сочинений в академической типографии оказалось невозможным. Тогда он решил предложить Синоду напечатать обе книги „как по всему духовные" (документ 9).

Здесь необходимо сделать одно отступление. Существенно ли менял дело церковный кириллический шрифт? Ведь Московская синодальная типография наряду с

---

[24] О том, как долго оно могло затягиваться, даже если напечатания книги требовала сама императрица, свидетельствует следующая история. В январе 1749 Елизавета приказала Платону Малиновскому, в то время архиепископу Московскому, рассмотреть сочинение покойного архиепископа Феофилакта Лопатинского (он был ранее членом Синода) *Иго благо Господне и бремя его легко,* чтобы если „никакой противности не явится, то и напечатать". Платон представил отзыв в Синод только в 1757 (!) году, однако по его отзыву Синод не принял никакого определения и через 12 лет — в 1769 г. распорядился закрыть дело о печатании сочинения Феофилакта, рассудив, что „в печатании оной никакой надобности не состоит" (*Барсов,* 1901, с.982-3). Любопытно, что одновременно в 1749 г. возник вопрос относительно сочинения Феофана Прокоповича *Иго неудобь носимое,* против которого направлен данный трактат Феофилакта, книга была отыскана, послана в Москву для представления в Синод, но в Синод так и не представлена, в результате чего затерялась(там же).

[25] Документ №8

[26] В 1750-е гг. действовал порядок, установленный императрицей Елизаветий: „все печатанные в России книги, принадлежащие до церкви и до церковного учения, печатать с апробации Св. Синода, а гражданские и прочие всякие, также до церкви не принадлежащие, с апробации Правительствующего Сената" (*Барсов,* 1901, с.976).

кирилицей печатала и гражданкой.[27] Думается, предпочтение кириллического шрифта вместо гражданского было не малосущественно как для автора, так и для Синода: после известной реформы графики Петра I единое тело русской культуры как бы рассекалось надвое, на сферу светскую (сюда относились сочинения, набираемые гражданским шрифтом), и духовную (для коей сохранялась церковная кириллица).[28] Правда, в царствование самого Петра I многие чисто светские книги по прежнему набирались кириллицей, остававшейся понятнее и привычнее простому народу, но к середине царствования Елизаветы кириллица стала почти исключительным достоянием сакральной духовной или правительственной сферы - ею набирали Евангелия, Библии, Молитвословы, учительную литературу, царские манифесты.[29] Знаменательно, что типографу Вейдбрехту не было позволено печатать славянскую библию гражданскими буквами.[30] Напечатание „Псалтири" и „Феоптии" в синодаль ной типографии кириллическим шрифтом означало санкционированность их церковными властями, потверждение принадлежности обоих сочинений церковной сфере русской культуры. (В каком-то смысле это нечто параллельное словам „печатается по Высочайшему повелению" на *Истории государства Российскаго* Н. М. Карамзина и *Истории пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина). Иными словами церковный шрифт в данном случае мог еще раз выражать притязания поэта на статус церковного писателя.

---

[27] В 1765 г. гражданским шрифтом было издано более сорока пяти „Служб" на различные церковные праздники (см. *Сводный каталог,* III, с.129-133). Ряд благочестивых книг гражданкой издала синодальная типография в 1790-е гг., напр. Л.Скуполи. *Подвиг христианина против искушений.* 1794; С. В. Салтыков. *Ревность святого Иоанна евангелиста или Торжество любви. Поема в одну песнь в стихах.* 1796.

[28] См. особенно В. М. Живов. „Азбучная реформа Петра I как семиотическая проблема" - *Труды по знаковым системам,* XIX (Тарту, 1986)

[29] Другого мнения придерживается Т. А. Афанасьева. (Светская кириллическая книга в России в XVIII веке. Проблемы издания, распространения, чтения). Диссертация. Л., 1983.

[30] "Imno ne quidem hoc concessum fuit typographo Petropol. Weidbrechtio, ut excuderentur biblia slavonica literis civilibe (grazhdanskymi)" - *Korrespondence Josefa Dobrovského.* I (Praha, 1895), p. 274

В доношении Синоду Тредиаковский предлагал напечатать оба сочинения на собственный счет тиражем 600 экземпляров, прося только обождать с выплатой денег; при этом он однако намекал, что в воле Синода разрешить финансовый вопрос более благоприятным для автора образом (документ 9).

Что постановил Синод по этому доношению Тредиаковского? Как представляется, решение Синода было беспрецедентно благоприятным: в каком-то смысле оно поощряло притязания поэта на права церковного писателя, духовного просветителя. Синодальные члены - те же Сильвестр, Димитрий и Варлаам и вошедший в их число Амвросий Зертис-Каменский постановили издать Псалтирь и Феоптию церковным шрифтом целым заводом, то есть тиражем 1200 экземпляров, причем все расходы на печатание отнести за счет Синода, а выручку отдать автору „за таковой его немалой труд и рачение" (документ 10,). Обе книги немедленно были посланы в Москву в синодальную типографию с указом о печатании.[31]

---

31 Хочется подчеркнуть, что речь шла действительно о деле небывалом в истории церковного книгопечатания XVIII века; в соответствии с указом Верховного тайного совета от 4 ноября, 1727 г. Московская синодальная типография должна была издавать „только одни церковные книги, как издревле бывало" (*Полное собрание законов*, т. XVII, № 5175, с. 834; *Луппов*, 1976, с. 36). Хотя отдельные отклонения от этого правила могли делаться в сторону печатания учебных изданий (издáли, например, *Первое учение отрокам* Феофана Прокоповича) или правительственных манифестов (во время русско-турецкой войны 1736-39 гг. типография печатала кириллицей реляции о военных действиях - см. *Луппов*, 1976, с. 45; *Афанасьева*, 1983), подавляющее большинство издаваемых книг было связано со сферой богослужебной, богословской или учительной (достаточно просмотреть подряд *Сводный каталог русской книги кириллической печати* А. С. Зерновой и Т. И Каменевой) и принадлежала исключительно церковным авторам. Между тем оригинальные сочинения (даже и духовного автора), прямо не относящиеся к богослужебной или богословской сфере в 1727 - конце 1750-х гг. издавались шрифтом гражданским (например, *Умозритель ство душевное* Московского Успенского собора дьякона Петра Буслаева. СПб., 1734); показательно, что изданные кириллицей *Стихи избранные из Священного писания, служащие ко утешению всякого христианина, невинно претерпевающего заключение* канцлера А.П. Бестужева-Рюмина (М., 1763) в сущности (как указывает и само заглавие) не что иное, как благочестивая компиляция библейских текстов; литургические произведения светских авторов начинают издаваться церковным шрифтом только с середины 1790-х годов („службы" и „акафисты" Г. П. Гагарина).

В Москве однако с печатанием не торопились. Прошло полтора года, об этом Тредиаковский известился от своих московских друзей, а обе книги его все еще лежали без движения. По его новому прошению Синод в июне 1758 г. послал запрос, „чего ради оная типографская контора ... тех книг поныне в печать не произвела". Директор типографской конторы М. М. Херасков и его заместитель (на языке старой России, „товарищ") А. Пельский через несколько дней рапортовали о получении неприятного для них синодского указа, через месяц типографская контора за подписью А. Пель ского представила в Синод подробное объяснение - своего рода образец подьяческой кляузы и волокиты. В доношении типография представляла, что в минувшем 1757 году все ее пять печатных станов были заняты, по их же освобождении типография намеревается издавать *Камень веры*, Цезаря Барония, *Чиновник архиерейскаго служения*, „Беседы" Иоанна Златоустого, сочинения Григория Назианзина, учебную Псалтирь, *Знамения пришествия антихристова* Стефана Яворского, и *Службу и житие Иоанна Воина* Кариона Истомина, а по окончании печатания всех этих книг - приступить и к сочинениям Тредиаковского. Впрочем, „сверх же того", добавляла типография, в „Феоптии" усмотрены сомнительные места, противные учению церкви - объемистый их перечень прилагался (документы №№ 15 и 16). Интересно отметить, что здесь - в отличие от предыдущего документа №14 - подписи директора типографии М. М. Хераскова нет, хотя вряд ли он не знал о переписке своей типографии с Синодом по поводу сочинений Тредиаковского.

Синод передал „сумнительства" Тредиаковскому, и тот в сентябре все того же года представил подробный „Ответ", разобрав по пунктам все критические замечания А. Пельского (документ №17). Каково же оказалось суждение Синода на этот раз? Как можно судить на основании указа 30 сент. 1758г. (документ №18), Синод совершенно удовлетворился ответом

Последним поэтом, стихи которого в XVIII веке печатались кириллицей, был, видимо, Федор Поликарпов - и Тредиаковский хочет издать свои Псалтирь и Феоптию по его графике - то есть без ударений над односложными словами, выносных букв и титлов, которые затруднили бы графическое восприятие поэтического текста как стихотворного (документы 9 и 22).

Тредиаковского. Синодальные члены Димитрий, Сильвестр и Вениамин нашли действия Пельского „недельными", обЪявили ему „реприманд" за неосмотрительное невыполнение синодского указа и приказали „Псалтирь же и Феоптию, кои уже Синодом апробованы, немедленно напечатать."

Однако типография не унывала. Неприятный для нее грозный указ она смогла потерять (как показал Пельский). Одновременно оба сочинения Тредиаковского типография передала на „переследование" в Московскую синодальную контору. Момент для типографии был крайне удачный - именно в 1758 году начался крайне острый конфликт между Синодом и Московской синодальной конторой.[32] Синод требовал полного подчинения от Конторы, Контора настаивала на уравнении в правах с Синодом (кроме того, по старой традиции „московская кафедра считалась выше всех великороссийских как обновленное седалище древних московских патриархов"[33] если не формально, то в глазах многих духовных лиц).

Контора "переследовала" книги в общем собрании, опираясь на выписки, сделанные архимандритом Иоанникием Павлуцким. „Для узнания каким штилем...псалмы переложены" он выписал отдельные строфы стихотворных переложений поэта, которые сопоставлялись со славянским оригиналом - видимо, для показания, что автор предосудитель но изменяет или искажает библейский текст В „Феоптии" Иоанникий вновь обнаружил „сумнительные статьи", где положения автора якобы находились в противоречии со Св. Писанием, некоторые стихи поэмы он нашел „соблазнитель ными и срамными", - в целом его критика шла вслед за „сумнительствами" А. Пельского.

Контора нашла еще один изЪян в книгах Тредиаковского - „новомышленную церковную печать", которой публиковать „пред раскольниками ... будет предосудительно" - обвинение довольно абсурдное, ибо все орфографические нововведения

---

32 Б. В. Титлинов. „Эпизод из истории Св. Синода". - *Христианское Чтение*, 1914, с. 358.

33 *Гавриил Петров, митрополит новгородский и санкт- петербургский.* (Пг., 1916), с. 448.

поэта сводились к устранению над словами ударений и раскрытию титлов (ср. документ №9). Все эти сумнительства были посланы в Синод от имени Конторы с предложением „для явствующих в выписках обстоятельств в московской яко церковной типографии отказать“ (документ №19).

Чем обЪяснить эти действия Конторы? Кто из ее членов, слабый ли здоровьем и малоактивный митрополит Тимофей, переведенный ли в Москву из Киева в самом конце 1757 г., Амвросий (кстати, год назад будучи членом Синода, он подписал решение о печатании Феоптии и Псалтири) или архимандриты Мисаил и Иоанникий,[34] взял на себя инициативу оспорить два синодских указа об издании книг Тредиаковского? В конторской „выписке имеющихся в *Феоптии* разных сумнительных ... статей“ выделены стихи карикатурно изображающие Сумарокова и рядом с ними написано: „сие честным и знатным обидно и болше сатирам, а не такой материи прилично“[35] - прозорливость ли это пастырей или подсказка со стороны? Думается, скорее, последнее - причем тень падает на оказавшуюся под ударом после синодского указа с „репримандом“ типографию. Директор типографии Херасков, как мы видели, формально держался в стороне от критики сочинений Тредиаковского;[36] главным ее застрельщиком был бывший учитель Московской славяно-греко-латинской академии Пельский, о литературных горизонтах и симпатиях нам ничего не известно. Напрашивается, однако, предположение, что не последняя роль здесь принадлежала Хераскову, близкому другу Сумарокова, в 1750-е годы активному участнику постановок в театре Сухопутного шляхетского корпуса пьес Сумарокова, целью коих была абсолютная дискредитация Тредиаковского как писателя.

---

34 О них см. краткую сводку сведений в коментариях к документам.

35 См. Б. А. Успенский. „К истории одной эпиграммы Тредиаковского (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.)“ - *Russian Linguistics*, 8 (1984), p. 85.

36 В эти же самые годы он переводил книгу *Рассуждение против атеистов и натуралистов* (М. 1765), близкую по направленности к *Феоптии;* не исключено, что к предприятию этого литературного труда его подтолкнуло знакомство с сочинением Тредиаковского.

Нельзя исключить и других предположений - быть может синодальная типография опасалась, что выход в свет Феоптии и Псалтири, набранных (включая те ничтожные модификации, которые просил автор) церковным шрифтом, вызовет нарекания со стороны критиков более влиятельных, чем старообрядцы? Состав Синода менялся, и обвинения могли коснуться типографии. Возможно, что нежелание типографии издавать книги Тредиаковского вызвано причинами сугубо техническими - что наборщикам не хотелось переводить их текст с оригинального гражданского шрифта, которым они были написаны, на (в соответствии с его педантическими пожеланиями) - шрифт церковный (так предполагал первый издатель „сумнительств" Пельского в журнале *Москвитянин*). Возможно, и что типография нашла финансовые условия, оговоренные первым синодским указом, - отдать всю выручку Тредиаковскому - слишком невыгодными для себя.

Синод получил „Доношение" конторы, однако дело о печатании Тредиаковского не закрыл. Вступать в спор с синодальной конторой он не стал, но ведь с другой стороны вторичный указ о немедленном печатании книг Тредиаковского с угрозой тяжких штрафов за ослушание не был отменен. Наконец осенью следующего 1759 года Тредиаковский узнал о полученных из Москвы „сумнительствах" и он вновь обратился в Синод с просьбой решить еще раз его дело о печатании в синодальной типографии. Относительно вызвавших осуждение Синодальной Конторы текстов он предлагал сделать собственные „прозаические изЪяснения, кои служить будут вместо кратких примечаний" в нижней части страницы (документ №22). Синод принял его предложение: „учиня ему Тредиаковскому изЪяснение подать для рассмотрения Святейшему Синоду." О том, что под влиянием Синодальной конторы Синод принял решение отказаться от печатания книг Тредиаковского нет и намека (документ №23). Не исключено, что Синод не отвергал возможности послать в контору и третий указ о печатании.

Но Тредиаковский изЪяснений Синоду так и не представил. Это был 1759 год - год самых тяжелых его испытаний: он был отставлен от Академии наук и перебирался в Москву. Глядя на упорное сопротивление типографской конторы и

претензии московской синодальной конторы уравняться на правах с Сино- дом, он, возможно, совершенно отчаялся в надежде, что синод- ский указ будет выполнен. Судьба Псалтири и Феоптии, таким образом, была решена не Синодом, а каверзой московской типографии и наконец, отчаявшимся увидеть напечатанными свои центральные поэтические произведения писателем.

* * *

А. Шишкин, Рим

ПРИЛОЖЕНІЕ V

РАЗСУЖДЕНІЕ
о одѣ во обще

Рѣчь, Ода, съ Греческаго есть слова ωδα, которая по Россійски будучи переведена, значитъ: ПѢСНЬ. Но въ самой вещи: ОДА ЕСТЬ СОБРАНІЕ МНОГИХЪ СТРОФЪ, ТО ЕСТЬ СТАТЕЕКЪ, СОСТОЯЩИХЪ ИЗЪ РАВНЫХЪ, А ИНОГДА НЕРАВНЫХЪ СТІХОВЪ, КОТОРЫМИ ОПИСЫВАЕТСЯ ВСЕГДА И НЕПРЕМѢННО МАТЕРІЯ БЛАГОРОДНАЯ, ВАЖНАЯ, И ВЕЛИКОЛѢПНАЯ, ВЪ РѢЧАХЪ ПРЕВЕСЬМА ПІИТІЧЕСКИХЪ, И ОЧЮНЬ ВЫСОКИХЪ.

По сему описанію *Оды*, можно выразумѣть, что она благородствомъ матеріи, и высокостію рѣчеи не разнится отъ эпіческія *Поэзіи;* но краткостію своею, по тому что *Ода* насилу болѣе девятнадцати *строфъ*, хотябъ меньше десяти стіховъ каждая *строфа* имѣла, содержать можетъ; такъ же и родомъ стіха, понеже *Ода* никогда не пишется героіческимъ стіхомъ, въ Россійской *Поэзіи* тринадцатью слогами, а шестью стопами состоящимъ, весьма отъ эпіческія *Поэзіи* разнится.

Всякая мірская *пѣсня*, буде она отъ правильнаго сочинена *Пѣснотворца*, подобна есть *Одѣ* тѣмъ, что и *пѣсня* многими состоитъ *строфами*, иногда равные всѣ, а иногда неравные стіхи, въ себѣ имѣющими. Но важностію матеріи, и глубокостію рѣчеи, весьма отъ *Оды* отлична: понеже матерія *пѣснеи* часто, и почти всегда есть ЛЮБОВЬ, либо иное что подобное, и легкомысленное, и только что сердце человѣческое улещивающее; рѣчь же самая бываетъ въ нихъ иногда сладкая, а всегда льстящая, часто суетная, и шуточная, не редко мужицкая и ребячья.

Есть и еще родЪ *статеекЪ*, которои всегда какЪ около среднеи матеріи, то есть, ни очюнь благородной, ни весьма общеи, какЪ *пѣсня*, обращается, такЪ и рѣчами средними, то есть, ни очюнь высокими ни гораздо низкими, больше отЪ высокости нѣчто, нежели отЪ низкости занимающими, идетЪ. Сеи родЪ строфЪ, Французы называютЪ *стансами*. Я, правильно, или неправильно, всегда таковымЪ стіхамЪ налагалЪ имя: ПѢСНЬ, а не пѣсня, хотя бы оная *пѣснь* на голосЪ у меня положена была, хотя быжЪ и [«л. 13 об.»] просто для чтенія только предлагалася. Таковыя строфы, пѣснію отЪ меня названныя, сочинилЪ я поздравительныя новымЪ годомЪ, на голосЪ положенныя, и пѣтыя предЪ Ея ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, АННОЮ ІОАННОВНОЮ, Самодержицею Всероссїискою, Всемилостивѣишею Нашею Государынею, вЪ самыи первыи день 1733 года, которыя начинаются чрезЪ:

Новыи годЪ начинаемЪ,
Радость всѣ ощущаемЪ: и проч:

Но возвращаюся кЪ *Одѣ*. Подлинно, хотя нѣкоторые добраго вкуса не имѣющіе и противилися было, что *ПіндарЪ* Піита лvріческои на ЭллинскомЪ языкѣ, а *Горацїи* подобнагожЪ ремесла на латінскомЪ, толь совершенно Оды писали, что желающїи нынѣ вЪ томЪ искусенЪ быть, не можетЪ имЪ не последовать. Они только одни умѣли писать такЪ чудесно, когда, чтобЪ изЪявить разумЪ свои какЪ бы внѣ себя быть, перерывали сЪ умысла послѣдованіе своея рѣчи, и чтобЪ лучше воити вЪ разумЪ, выходили, буде позволено такЪ сказать послѣ *Боало*, изЪ самаго разума, удаляяся сЪ великимЪ стараніемЪ отЪ того порядка методічнаго, и исправнаго связанія Сенса, которои имѣлЪ бы отнять всю соль, весь сокЪ, или лучше, самую душу у лvріческія *Поэзїи*.

Присмотрившися кЪ величеству и совершенству неподражаемому вЪ ОдахЪ, сихЪ великихЪ вЪ древности мужеи, господинЪ *Боало Депро* СатvрікЪ Французскои, вЪ наукѣ своеи о Піитікѣ, такЪ говоритЪ о одѣ:

Son ʃtile impetueux ʃouvent marche au hazard,
Chez elle un beau desordre, eʃt un effect de l' art.

То есть:

Ея стіль устремительнои часто ходитЪ на отвагу,
вЪ неи красныи безпорядокЪ, умышленное есть искусство.

Симъ правиломъ ни кто на Французскомъ языкѣ, какъ кажется, лучше не употребилъ самого Автора *Депро*, которое онъ самымъ дѣиствомъ совершенно показалъ въ преизряднѣишеи *Одѣ*, сочиненнои по случаю взятья города *Намура* отъ Французскаго воиска. Гораздожъ не малъ Энтузїасмъ въ *Одахъ* и господина *Малгерба*, славнаго Лvрїческаго Пїиты Французскаго.

Говоря о Грекахъ, Римлянахъ, и Французахъ, не могу я умолчать о природномъ нашемъ Россїанинѣ, то есть, о Преосвященнѣишемъ Феофанѣ Прокоповичѣ, Архїепїскопѣ Великоновгородскомъ и Великолуцкомъ, Святѣишего Правительствующаго Всероссїискаго СVНОДА первенствующемъ членѣ, которои, поистиннѣ, какъ другїи *Горацїи*, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ предражаишеи своей Одѣ, сочиненнои имъ на латїнскомъ языкѣ, когда блаженныя и достославныя памяти, ПЕТРЪ ВТОРЫИ, ІМПЕРАТОРЪ и Самодержецъ Всероссїискїи, отправлялся въ Москву [«л. 14 об»] для Коронованїя, что *Горацїи* бы самъ, посмотрѣвъ оную, въ удивленїе пришолъ, и тужъ бы его Преосщенству справедливость похвалы учинилъ, которую я ему теперь отдаю. Въ неи самое начало важно, средина великолѣпна, и прямаго Эмтузїасма пїитїческаго, конецъ удивителенъ, и достоинъ во всемъ языка священноначальническаго; а наипаче *Парафразїсъ* сотаго псалма, толь къ стати, толь хитро, толь съ мудрымъ избранїемъ словъ равняющихся почти подлинныхъ высотѣ, на конѣцъ, толь разсудительно, и остро отъ его преосвященства положенъ, что симъ самымъ, кажется, и *Пиндара* и *Горацїя*, *Боало* и *Малгерба* превзошелъ онъ, и почти отнялъ у нихъ всегда зеленѣющїися Лавръ Лvрїчества. Я когда прїѣхалъ изъ Францїи въ Санктпетербургъ, и чрезъ прїятство одного мнѣ друга, въ Санктпетербургскои Імператорскои Академїи наукъ, достоинаго Адъюнкта, лишъ въ первые сталъ читать сообщенную мнѣ ту *Оду*, и почувствовалъ Энтузїасмъ Ея превысокїи, то въ толь великїи Энтузїасмъ удивленїя и самъ пришолъ, что не могъ, свидѣтельствуюся совѣстїю моею, удержаться, чтобъ съ дважды, или съ трижды не вскричать: БОЖЕ МОИ! Какъ эта Ода хорошо, и мастерски сдѣлана! Начинается сїя *Ода* тако:

Contende Felix, auspice Numine, и проч:

И понеже еще я по сїе мѣсто говорилЪ все о *ОдахЪ* чужестранными языками написанныхЪ: того ради ОхотникЪ Россїйскїи можетЪ примѣтить высоту слова, какова должна быть вЪ ОдахЪ, вЪ псалмахЪ святаго Пїиты псалтирїческаго, то есть, блаженнаго Пророка и Царя Давїда: ибо псалмы не что иное, какЪ *Оды,* хотя на Россїискїи не стїхами переведенные, как и на прочїе хрїстїанскїе языки, но на ЕврейскомЪ всѣ они стїхами сочиненные, по тогдашнему еврейскихЪ стїховЪ обычаю. УвидитЪ онЪ тутЪ и благородство матерїи, и богатство украшенїя, и великолѣпие слова; увидитЪ мудрую перерывку разума, а отЪ разума не отходящую; увидитЪ удивительное вознесенїе кЪ высотѣ слогомЪ возлетающее, каково *ПїндарЪ* и *Горацїи* имѣетЪ, и каково ГосподинЪ *Боало Депро* иметь приказываетЪ; увидитЪ и скажетЪ, что то самый божїи язык.

Оду, которую я сочинилЪ, и по причинѣ которыя сїе учинено разсужденїе, такЪ же и которую преискуснѣишїи изЪ лѵрїческихЪ ПїитЪ нѣмецкаго народа, то есть, ГосподинЪ ЮнкерЪ, вЪ Санктпетербургскои Імператорскои Академїи НаукЪ публїчнои ПрофессорЪ, благоволилЪ перевесть на нѣмецкои языкЪ, не даю я за такую, каковои еи надлежало быть по правилу; и каковыя самЪ я хвалю; но только отдаю вЪ разсужденїе искуснымЪ, объявляя имЪ, что я всячески ста- рался пїндарїзовать, то есть Пїндару во всемЪ подражать, такЪ что я вЪ неи мечЪ сердитымЪ, а трезвымЪ [«л. 15 об»] пїанство назвалЪ, и прочїя многїя, гораздо дерзновенныя употребилЪ фїгуры, сЪ великолѣпїемЪ наивозможнымЪ мнѣ словЪ, по примѣру древнихЪ *ПїитЪ Дїѳѵрамбїческих*Ъ, какЪ то видно изЪ всея *Оды*, а наипаче вЪ четвертои надесять *строфѣ*, изЪ фїгуры называемыя *Гѵпербола*, которая, хотя и чреззвычаина, и сЪ правдою мало сходна, но *Дїѳѵрамбїчества*, чтобЪ вольно было такЪ сказать, продерзостнаго закономЪ позволенная. Не меньшежЪ у меня и пятая *строфа* смѣла, которая пола- гаетЪ, что якобы сама ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО при осадѣ присутствуетЪ, и полководствуетЪ, вмѣсто чтобЪ отдать, по правдѣ, ту честь его сїятельству Графу фонЪ Мїннїху, воискЪ ЕЯ Імператорскаго Величества Генералу Фелдмаршалу.

И поистиннѣ, гдѣ указЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣваетЪ что отправлять, тамЪ Піита присутствїе самаго лица, повелѣвающаго то исполнять, можетЪ ввести, и указЪ за присутьствїе взять. Говорю *Піита* : ибо *ГісторикЪ* и *ОраторЪ* не можетЪ того учинить, а и *Піита* не всякой, да только *дїѳvрамбїческои*, каковымЪ мнѣ вЪ сеи *Одѣ* быть, за благо разсудилося.

Но буде наидется, что я вЪ томЪ нещастливЪ; то я утѣшать себя буду начальными словами изЪ однои *Оды* Горацїевои, то есть:

Pindarum quisquis ſtudet aemulari,

вЪ которои *Горацїи* даетЪ довольно знать, что ежелибЪ онЪ самЪ хотѣлЪ взлетѣть на высоту Пїндарову, то бы думалЪ онЪ про себя, что необходимо на низЪ бы имѣлЪ слетѣть.

Я не сомнѣваюсь, чтобЪ переводЪ нѣмецкои по всему красняе, и осанковатѣе, вѣдая искусство, чрезЪ пять шесть ОдЪ, господина Юнкера, не былЪ моего подлиннаго сочиненїя; однакожЪ, я то себѣ только вЪ великую ставлю славу, и за превеликое почитаю щастїе, что я могЪ чрезЪ сїю Оду изЪявить, вЪ толь радостныи случаи, ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ гарячую мою ревность, и купно чреззвычаиную радость, по должности всеподданнѣишаго Ея раба, и по собственному, кЪ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, пламенѣющему моему доброусердїю.

PART II:

RUSSIAN SACRED VERSE

from Simeon of Polock to the epoch of Deržavin

Chapters I - V

Chapter I: From Proglas to Polockij's Psalms.

Proglas" esm' / svetou evangeliju
Jako proroci / prorekli sout" prezde

(as reconstructed by Nachtigal)

The purpose of this first chapter is to establish a context for considering the heretofore much neglected religious poetry in eighteenth-century Russia. Typically, the barest nod in the direction of Old Russian Poetry is given in studies of the topic, even those with the imprimatur of the Academy of Sciences.[1] The standard excuse given is usually that Russians in medieval times were either so religious as to be afraid to modify canonic texts by setting them into verse or that they practiced strictly oral tradition of poetry, only vestiges of which were able to be recorded much later.[2]

The sad effect of this attitude is that the major corpus of the entire Old Russian manuscript fund scattered among the various repositories of the USSR has simply not been studied adequately enough to reach any definitive conclusions on these or other questions, while at the same time, most liturgical and hymnological literature, that forms the great part of the fund, has been for the most part ignored by literary scholars.[3] Yet, these are precisely the texts which must have had the greatest importance for medieval Russians, since this was the literature they were exposed to daily in the services of the Orthodox Church, while the more studied chronicles, hagiographic literature, etc. were used only on special occasions or were for strictly monastic use. In addition, it hardly stands to reason that medieval Russians, so faithful in preserving minute details of the Byzantine Christian culture that they embraced at the end of the tenth century, would be so ignorant as not to perceive that many of the texts imported for domestic use and translation were poetical texts and some of them texts of poetry.[4] Certainly they knew that in the heyday of Byzantium poetry was used almost exclusively for religious purposes,

and they must have developed texts that were perceived as poetry (not only endowed with poetic function). But where is that poetry?

The answer to this question has eluded accomplished scholars for over a century, even though it seems to have lain in their grasp. The problem in answering it may reside in the compartmentalization of our disciplines of inquiry and separation of the various disciplines of art.[5] This may be acceptable, necessary, or even desirable when dealing with subjects of the modern age; when dealing with medieval times, especially with the tenets of Russian medieval aesthetics, we must be able to change our preconceived notions about the function of art to fit the formula that was so eloquently expressed, even in the title, by the brilliant Russian mathematician, engineer and religious philosopher P. Florenskij, in an article written to prevent the destruction of one of the most famous Russian monasteries, Troice-Sergieva Lavra, and called "Xramovoe dejstvo kak sintez isskustv" (Cathedral Function as a Synthesis of Arts).[6] What Florenskij claims has been talked about on a number of occasions before and after him,[7] but never reduced to such a succinct statement of the purpose of cathedral function, where various arts interpenetrate one another to present to the participant a unified aesthetic message.

If we assume, therefore, that it was during the service in the Church, where the icon, musical chant, and liturgical text all combined with the incense the gestures of the priest to merge into one synesthetic experience, we may also assume that it was during such a service when the poetical functions of music and text merged. What is about to be proposed here requires for greater apparatus than is currently available to any Western scholar, especially in the area of manuscript availability and interdisciplinary cooperation with Russian specialists in the theory of Old Russian music. Furthermore, it should be noted that the assumption posited below is the result of deductive reasoning from the vantage point of familiarity with the problems of Russian seventeenth and eighteenth-century verse, problems which allude to the assumption being made and , in a more tangible way, constitute in themselves the outcome of the breakdown in the norm assumed below. Nonetheless, it becomes apparent from the available and published examples of Old Russian texts marked with what are presumed to be "strictly musical" notations that musical organization, musical phrasing, musical recollective signals and repetitions were not perceived in Old Russia as strictly musical information but as information intimately linked with the *performed* text.[8] Conversely, any ordinary nonmetrical text, let us say the Evangelium, received an

additional poetical function through its sung performance in the Church (even "readings" from Christ's life according to the apostles are sung in Russian Orthodox liturgy, that is, a musical metrical structure is imposed onto a narrative prose text). In other words, any literary text that was used in medieval Russia for liturgical purposes received an aesthetic reinterpretation through musical performance; in fact, it underwent a complete metamorphosis during such performance through redistribution and reordering of syntactic and morphological units of meaning into what could be called a musico-textual or musico-verbal act. In such performance the ordinary "prosaic" content of any text lost its primary informative function and gave way to the ambiguities necessitated musical phrasing and melody. As an example, one can use the following *swelling* of the ordinary word boundary and ordinary meaning in one word, GOSPOD',[9] or in a larger sample of a text from a Psalm from the twelfth century which includes some insertions in Greek (illustrations of which are given in my introduction in Russian.).[10]

The second cited manuscript was apparently written to conform to some Greek musical model, as evidenced by the presence of twenty-three unnecessary "a" vowels preceding the word *ako* (in the third line) or by the Greek words *ipe* (tell) and *pal* (again) transliterated into Church Slavic (in the seventh and eighth lines respectively), and as such represents on of the more extreme deformations of the *prosaic meaning.* Such deformations are particularly found in the Psalms found in old Russian Kondakaria.[11] But that is *not* to say that the text itself did not matter, and symptomatically enough, there are no musical notations found in Russian without an accompanying text before the late sixteenth century.[12] On the contrary, every medieval Russian *knew* the prosaic meaning of every Psalm beforehand, as well the particular quote here (let us say in the first line: *Izvedšju tmu Izdrailja ot sredy ix* [having delivered Israel from their midsts]) and what he faced in the Church performance of such a Psalm was nothing less than the "poetisation" of its *prosaic meaning* in precisely the sense modern semioticians would understand.[13] In our example the text's *poetisation* is precisely achieved by the incresed ambiguity of its meaning and not only by the mentioned *swelling* in pronunciation of Russian words, but with the presence of the Greek words as well, their effect being similar to that imparted in Macaronic Verse.

Establishing proper proof to the notion that verbal and musical cultures in medieval Russia interpenetrated each other in Florenskij's sense will doubtless require separate and intensive study, and as such is

far from the intent of the present book, but it would seem important to review some already known aspects of such a relationship as related to the Psalter, since it became subject to new approaches in versification only when established norms of its appreciation were forgotten or lost. First, it should be noted that the Psalter was a necessary part of liturgical service and was probably one of the first texts translated into Old Church Slavic.[14] Second, with time it bacame one of the most popular books in old Russia, without really losing its appeal well into the nineteenth century.[15] It served various purposes starting from its liturgical use, to being regarded as a source of Divine Wisdom (*Psaltir' tolkovaja*), and its use as a family textbook for grammar. In this connection it is helpful to realize that a Psalter manuscript positioned on a table for reading purposes was *functionally* a different object that the one used in liturgy -- a point rarely underscored in any discussions of the texts from this period; also, the Psalms in a typical *Sluzebnaja Psaltir'* (Psalter used for Divine Service) were arranged according to a different order than the one numerically sequenced in the Psalter proper. Third, Old Russian musical genres derived the majority of their names from former Byzantine genres of poetry, which were in turn based largely on the Psalms; such were, for example, *stixiry* or *kondaki*, while Russian independently formed tunes *popevki* (necessary for recognizing the special mode *glas* in a particular performance) were also remembered in conjunction with the texts of various Psalms.

It is this last point that seems to be particularly important in our discussion, since it was the very word Psalter (*Psaltir'*) that was understood by the Russians as well as, or course, by other world cultures) in a dual sense: one as a book of poetry and the other as a musical instrument,[16] -- an aspect, underscored in Russian iconography by representing the prophet David holding alternately the Book of Psalter and the instrument. Thus, it would seem no accident that one seventeenth-century manuscript expresses a belief that the principles of church music were brought to Russia by renowned *ritory* (rhetoricians, the term opposed in the text to the concept of just musicians),[17] and another, as if attempting to resurrect the lost symbiosis of *word* and *music*, exclaims: *pojte s razumom* (sing with meaning).[18] Indeed, it seems that for Old Russians there existed no substantial difference between the art of reading aloud (property to poetry) and the art of singing (property to music) since the two coincided in the church liturgy and that, furthermore, Old Russians had no need for developing a separate system of versification to divide poetry and music: the latter took upon itself the functions of both. So

ingrained was the belief in *oral* actualization of a poetic message that it is the property of Russian literary culture till the present day: revived in Lomonosov's *oratory ode*, it surfaced especially prominently in the agitations poetry of Majakovskij and overwhelmed Western audiences accustomed to visual perception of poetry in the rhetorical performances of Yevtušenko and Voznesenskij in the sixties, or in the chant-like recitals by Brodskij in the seventies.

All of the above assumptions are not to suggest that Old Russians did not comprehend the Psalter as a poetic work in its own right as well as a book of poetry. Both the quality of their translation of the Psalter, as well as the extent to which they borrowed from it in various other works of Old Russian literature suggest that they understood its inherent, strictly verbal art just as well. Rather, the above is to suggest that the Psalter realized its full poetic potential for the inhabitants of Old Russia only when performed in the church, where the literal contents of any Psalm, known beforehand already from childhood, received another interpretation through melody and chant (substituting for measure and rhythm) -- an interpretation transforming such a text into a *text of poetry*, or, at the very least, a functional equivalent to what is understood as poetry.

Of course, such *poetisation* must have occurred with any performed text, regardless of the amount of distortion to it literal meaning as witnessed in manuscript transcriptions passed to us through the ages. The majority of Evangelia readings with musical notations, for example, do not exhibit nearly as much distortion as the example quoted earlier, or do not have any distortions at all. This testifies to the fact that their contents were regarded as particularly sacrosanct to risk the deformations in literal meaning. Nonetheless, even their oral performance must have been actualized as not simply "reading" but, as still attested even today, as singing, beginning from the lower registers and ending with a coda after reaching the highest registers available to individual priests.

While the appropriate proof of the contention posited above far exceeds the purposes of this study, the contention itself does become serviceable in explaining some of the major facets of Russian literary developments in the late sixteenth and seventeenth centuries, which did not seem to have explanation before. With the development of the so-called "znamennyj" chant, Russian church melodies became far more involved and complex.[19] The more complexity was introduced into church singing, the more it witnessed a development of various

melodies at the expense of the *chant* principle itself. Gradually, Russian music became an art form in itself regardless of its accompanying texts.

This separation between the word and the music must have occurred already in the sixteenth century and it seems quite important to note that musicologists are able to decode the musical nature of texts no earlier than from this period apparently for no other reason than the possibility that only by this century the notations "znamena" and "krjuki" carry strictly musical significance. It is quite possible that earlier so-called musical texts cannot be deciphered by musicologists precisely because their notations may carry other than just musicological significance. Be it as it may, it is only in the late sixteenth century that the inhabitants of the Russian state found it desirable to experiment with new models of versification as first attested in Ukraine and later, already in the seventeenth century, in Muscovite Russia. It is generally assumed that such attempts came about as the result of intense cultural interaction with Poland in those years, but this assumption, however persuasive in reflecting actual historical realities, does not answer the basic question pertaining to the reasons the sixteenth-century Russians and Ukrainians felt compelled to adopt an entirely new system of versification. One of these reasons, one might suggest, lay in the gradual collapse of the former symbiotic relationship between the aesthetic functions of music and poetry: each of these art forms was destined to assume an independent role in subsequent Russian cultural history.

As could be expected, the Psalter, such an important book for Russia's middle ages did play a considerable role at the juncture of Russia's acceptance of syllabic versification. Before embarking on a more detailed discussion of its role in Russia's seventeenth century, we should note that versified versions of the Psalms have played a considerable role in the development of many European national literatures. Ever since Clement Marot published his much admired *Psaulmes de Davide* (1541), the possibility of producing versifed variants of the Psalms in the vernacular became a tempting challenge for many West-European poets, and in some countries, especially the Protestant such as Sweden or Germany, their role became crucial. Of England, for example, W. H. Auden declares that "it would be difficult to overestimate the debt which the technique of English verse owes to the exercise of making rhymed versions of the Psalms."[20]

In Poland which proved of special importance for Russian literary culture of the seventeenth century, Psalm adaptations became especially popular following Jan Kochanowski's exemplary *Psalterz Dawida*, published in 1578. Several developments in Polish literature following this publication deserve special mention. First, as A. Bruckner has noted, there was hardly a single poet in baroque Poland who did not attempt to produce example of religious verse. This activity often resulted in poetic competitions of several poets rendering one particular text, usually a Hymn or a Psalm.[21] Second, there was a trend among some of the more able poets, like Sep Szarzynski, Karpinski or Morzstyn, to infuse the Psalms with an element of deep lyricism and personal feeling; this often transformed their texts from the status of a mere paraphrase into a statement of personal credo.[22] Third, various poets of the late sixteenth and the seventeenth centuries used individual Psalms as a basis for creating original poems and entire new gentres such as Grabowiecki's *Setniki Rymow Duchownych* (1590) where many Psalms are rendered as Sonnets or Sep Szarzynski's *Rytmy albo wiersze Polskie* (post. hum. 1601) where Psalm paraphrases are called *Piesni* (songs). All such developments found parallels in eighteenth-century Russia, although it probably would be farfetched to claim any direct influence without further intensive study, but treat this phenomenon as a case in point of literary convergence.

As for the Russian seventeenth century, the situation is much less clear, partly on account of having been inadequately studied. While already sixteenth-century Russians felt compelled to execute some retranslations of the Psalter, Maxim Grek alone having produced two full versions,[23] it is only in the hands of Simeon Polockij that Russia received its first complete rhymed Psalter in 1680.[24] There is no doubt that it was Kochanowski's *Psalterz* that stimulated Polockij to produce his own version a hundred years later. Not only are there various excerpts (in Polish) from Kochanowski's Psalms written on the initial pages of Polockij's manuscript copy of *Psaltir' Rifmotvornaja,*[25] but there are even full stanzas of Kochanowski's Psalms utilized in Polockij's text, as in Psalm 84 where Polockij preserved the entire rhyming scheme and the sapphic arrangement of the original third stanza in Kochanowski's Psalm:

Kochanowski (Ps. 85, stz. 3):

Obrócze serca nasze juz ku sobie,
A gniew Twój dawny niechaj zgasnie w Tobie,
Gniew, któregos Ty nie zwykl niesc do wieku
Przeciw czlowieku.

Polockij (Ps. 84, stz. 3):

**Возврати Боже сердца наша къ Тебѣ,
Утоли ярость, яже на ны, въ Себѣ,
Ярость, ея же не держиши въ вѣки,
На человѣки.**

Such a pattern of borrowing, though not overwhelmingly extensive, is noticeable throughout Polockij's *Psaltir',* but Polockij did not simply borrow from the Polish example, he competed with it, as well as with the spreading practice of singing Polish Psalms at church services in Moscow, mentioned in his introduction to the Psalter.[26] In so doing Polockij was establishing a new Chuch Slavic poetic norm larely unrevised since the times of *Proglas,* -- a norm that was to affect Russia's literate populace for over a century, but was also fated to be discarded in less than half a century as a model for the Russian Parnassus.[27]

It would seem significant to point out at this juncture that just as in Kochanowski's case, Polockij's *Psaltir'* was almost immediately set to music, and it was in this accompanied form that it received its widespread popularity in eighteenth-century manuscript collections of verses and songs.[28] Indeed, it was this apriori musical rendering of his Psalms that seemed important to Polockij himself, since he supplied each of his Psalms with *glas* (mode) in which it should be sung. Furthermore, in the introduction to his *Psaltir'* he complained not so much about the practice of using Polish vernacular Psalms in Orthodox churches, but about their being *sung* without attention to the text, noting:

> ...мнози бо во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червонныя России, паче же во Велицѣй России, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюблше сладкое и согласное пѣние полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти, рѣчей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пѣния увеселяющеся духовнѣ.[29]

References to singing are in fact interspersed throughout his fully three introductions. Polockij continued the just quoted passage from his second introduction with the following revelation about the purpose of his versified Psalter:

> Да убо сладостию пѣния и поемыхЪ разумЪ содержаще разумно хвалятЪ Господа, переведохЪ псалмы славенския на различныя стиховЪ роды, имЪ же вся гласовЪ подзнаменования, яже суть на псалмы полския, приключитися могутЪ.[30]

and concluded his nonrhymed introduction in the following way:

> Сия ти, благочестивый *читателю*, извѣстивЪ, молю, да приятно *читая и поя* псалмы, моя труды воздаси ми, поне единѣмЪ ко Богу молебнаго слова о спасении души моея грѣшныя возсланиемЪ. Аз же ти здраво и весело *читати я и пѣти* чрезЪ многа лета желаю и небеснымЪ *пѣснопѣвцемЪ* причтенну быти во странѣ присно веселящихся усердствую. [italics mine, A.L.][31]

Here it should be stressed that Polockij mentions the two possible uses of the Psalms, their reading and singing, always in conjunction, as if to underscore the indivisibility of their poetic message, but a decoding still largely based on the singing performance (poemyx razum soderzaščie" as underscored in the preceding quote).

In his two rhymed introductions we can read further:

(First introduction):

ОтЪ духа пресвятаго, иже наставляше
его на *глаголы* си, он же я *пояше*...(7-8)

Тѣмже я церковь мати по вся дни *читаетЪ*,
во всякихЪ си *пѣниихЪ* их уподобляетЪ.
Полезно же и в домѣхЪ оны честно *пѣти*,-
но без *гласЪ* подложенныхЪ трудно то умѣти.
И разумЪ сокровенный спону содѣваетЪ,-
чтый бо ли *поющ* псалмы сЪ трудомЪ той знаетЪ.
ТѣмЪ во инѣхЪ языцѣх в мѣтры преведени,
разумѣти и пѣти удобь устроени.
ИмЪ же азЪ поревновахЪ, тщахся тож творити,
вЪ славенскомЪ диалектѣ вЪ мѣру устроити,

Да ся отЪ *чтущихЪ* удобь *уразумѣваютЪ*
и вЪ подложенныхЪ *гласѣхЪ* сладцѣ *воспѣваютЪ*. (21-32)

(Third introduction)
Тужде азЪ рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтеннѣй быти,
Но еже в домѣхЪ часто ю *читати*
или сладкими гласы *воспѣвати*
Во славу Богу,- ибо услаждаетЪ
рифмЪ слухЪ и сердце: чести понуждаетЪ. (17-22)

Чти, пой разумно, хвали ими Бога (65)[32]

Thus, it appears that for Polockij it was expecially a singing performance that allowed for full comprehension (*poj razumno*) of the meaning encoded in his rhymed Psalms (meaning was not substantially changed by new vocabulary, according to him, as he notes in verses 35 and 36 of his third introduction: "Tem ne divisja, vidja ino slovo, - razum edin est', rečenie novo"), or rather, oral performance of rhymed verses, in which reading and singing coincided, and that the early tenets of Russian medieval poetics were at least in partial force in Polockij's time. Significantly, even some fifty years later, in 1732, Trediakovskij will perform his first documented transposition of a Psalm through singing,[33] and still some twenty years later will express a wish that his just completed new versified version of the Psalter would soon be set to music.[34]

Yet, Polockij's measured syllabic lines rhymed in couplets imposed upon his Psalms properties subject to predominantly literary understanding of poetic rhythm, regardless of their musical actualization. He did apparently understand himself that only tonic principles of poetic organization could possibly fully coincide with musical performance, since he further commented in his second introduction:

Стиси древнихЪ святи суть, - яко вЪ псалмѣхЪ двостишия. Иная мѣрятся извѣстнымЪ слоговЪ числомЪ; тако да первый стихЪ ово есть должший, ово кратший; иная мерою состоятЪ равною, развѣ яко стиси разнствуютЪ числомЪ слоговЪ, не временЪ; обо то разнствие исполняютЪ чрезЪ ушесЪ согласование и гортанныхЪ движения или *поглощаютЪ неравенство лагодѣниемЪ и сладкопѣниемЪ*.[35]

Thus, implicitly, Polockij acknowledged that poetry without uniform syllabic count, such as the one preceding his own in Orthodox church services, was subject to tonal orchestration and ordering and hence more naturally suited to musical performance. Of course, syllabic poetry can be sung just as successfully, except that in such cases its very nature of poetic ordering is more often than not violated by elements of music that disregard syllabic count or end-rhyme. In short, despite his wishes, Polockij's *Psaltir'* was no longer suited for Florenskij's earlier mentioned formula of a "synthesis of arts."

Just as Kochanowski's Psalms earlier, Polockij's proved to be extremely popular and were included in most of manuscript collections of verse and songs of the time.[36] Yet, Polockij was not alone in producing versified versions of the Psalms in seventeenth-century Russia, as he himself mentions in one of his introductions to *Psaltir'*.[37] It is just that his is the only name permanently connected with this practice that survived in the memory of Russian literati, while most other able poets of his time were either forgotten or never widerly known, since most of their contributions remained anonymous. Today, thanks to the efforts of A. V. Pozdneev and A. M. Pančenko in decoding many involved acrostichs, we know some of their names.[38] Among them, Pozdneev mentions an acrostich forming the word "Vasilii" which might be a hybrid form between a Psalm and a panegyric to a worldly ruler, in which the first eight lines summarize the content of Psalm 46, while the subsequent lines develop separate motifs of this Psalm in conjunction with Praises of tsar Fedor:

Вси языци руками плещите,
Вси Иаковлю Богу воскликните!
Припев. Гласом (3) радования,
Во сыновство нас к себе воззвания.
Аз вем яко Господь есть превышний,
Над цари всеми земными страшнейший. *Припев.*
Сей люди нам гордые под ноги
Покори и языки царю многи. *Припев.*
Избра велий своему велию
Федору царю в достоянию. *Припев.*
Лепоте, доброте Иаковлю
Исполни уже, его же возлюби. *Припев.*
Исполнивый аще да исполнит,
Федора царя во всем унможит. *Припев.*
И вы с нами вся сия изрците

Ко Господу з сердца проглаголите. *Припев.* [39]

Such hybridization between a Psalm or canonical Prayer and the odic form was quite common in the Russian seventeenth century and, apparently, there was no clear-cut separation between the praise of God and the worldly rulers, as far as the formal features of verse were concerned. Aspects of Russian eighteenth-century literary practive often point to the converse, as will be discussed later: *Oda duxovnaja* was understood to be something different from *oda svetskaja* by poets like Lomonosov, who developed a special stanza form for the latter (AbAbCCdEEd), which he never used for the former, or Sumarokov, for whom the Psalter clearly served as a laboratory for formal verse experimentations where all kinds of strophic and rhythmic possibilities were tried, including, for example, blank verse.[40]

There were other poets in the seventeenth century who were either known or rumored to paraphrase Psalms, such as Mardarij Xonikov, Silvestr Mevedev or Dmitrij Rostovskij, but it would take considerable research to attach particular versions of Psalms to their names, unless their identity is encoded in acrostichs such as the one above or one in the case of monk German's version of Psalm 140, which reads "German monax moljasja pisax":

Господи! Возвах к тебе, услыши мя,
    егда воззову к тебе, сам призри мя.
Руку моею милостивно приими,
    молебная воздеяния вонми,
Аще бо не ты мене услышиши,
    на моления моя сам призриши,
Мне к тому несть прибежища инаго,
    о тебе сокрушаю врага злаго.
Накажи меня, праведный, сам в милости,
    ангельский и всех царю, во благости.
Христе, туне мук вечных свободи мя.

Мое моление да исправится,
    от тебе в кадило да ухается
Любовию, яко жертву приятну
    яви милость яко и преизрядну.
Спасителя нигде же обретаю,
    яко тя единаго бога знаю.
Прегрешенми бо аще и связахся,
    ибо веры никогда отлучахся,

Со гневом бо аще назриши наш грех,
абие мал обрящется во всех спех.
Христе, воскресением обнови мя.[41]

While A. V. Pozdneev shows that at the turn of the seventeenth century there were at least twenty-three different rhymed Russian (or, better in most cases, Church Slavic) Psalms (and thirteen Polish) in fourteen collections of songs extant from this period competing in popularity with Polockij's Psalms,[42] the latter gradually ousted other syllabic Psalms in later collections and became the norm toward the middle of the eighteenth century. It was this norm against which Trediakovskij rebelled when he composed his own complete version of the Psalter in 1753. In so doing, as well as in initiating a renewed interest in Psalm transposition twenty years earlier,[43] he set a precedent for Psalm adaptation in the neoclassicist epoch -- an activity that became so popular among the poets of the eighteenth century that W. H. Auden's words abou the role of the Psalms in England can be applied equally well to Russian literature.

By the time of Trediakovskij's contribution to this area, much had changed in Russian literary consciousness. If one were to compare for instance Psalm 90 as rendered by three different poets within the span of some sixty years, one could notice that the changes in aesthetic norm for poetry were much more rapid and interesting in this period than formerly conceded:

Polockij's version:

Иже помощи вышняго вручится,
Въ кровѣ небесна Бога водворится
Господу речетъ: заступникъ мой еси,
Ты ми надежда живый на небеси:
Онъ мя отъ сѣти ловящихъ избавитъ,
Слово мятежно далече отставитъ.
Плещима Своима будетъ осѣняти
Крылы Своими отъ бѣдъ защищати.
Истинна Его щитомъ тя покрыти
Отъ страха нощна имать: и хранити
Отъ стрѣлы, яже во дни прелѣтаетъ,
Отъ вещи яже во тмѣ прехождаетъ.
Отъ сряща и отъ полуденна врага,
Токмо уповай на Бога всеблага.

Тысяща падетЪ отЪ лѣвыя страны,
Тма отЪ десныя ты не близу раны.
Ей очима ти будеши смотряти,
Юже БогЪ имать мзду грѣшнымЪ воздати,
Не прiидетЪ зло кЪ тебѣ, ни сближится
Тѣлу ти рана, БогомЪ сохранится.
АнгеломЪ завѣтЪ изволитЪ сказати,
Еже тя во всѣхЪ путехЪ сохраняти.
На рукахЪ вземше имутЪ тя носити,
Дабы о камень ноги не язвити.
Аспида и Льва будеши ты прати,
По ВасилискомЪ и ЗмiемЪ ступати.
Слыши бо, что БогЪ о тебѣ вѣщаетЪ:
Яко онЪ на Мя выну уповаетЪ,
Избавлю его, имамЪ покрывати;
Яко потщися имя Мое знати.
ВоззоветЪ ко Мнѣ, хощу и, внушити,
Изму отЪ скорби, имамЪ прославити.
Долготою дней Мною исполнится,
Спасенiе Ми оному явится. [44]

Prokopovič's version

ВсякЪ себе вЪ помощь Вышняго предавый
живетЪ подЪ кровомЪ Божией державы.
Той вездѣ радость обрѣтаяй многу
веселымЪ гласомЪ возопиетЪ кЪ Богу:
Ты мой ЗаступникЪ, Ты мой и щитЪ твердый,
вЪ Тебѣ надежда, Ты БогЪ милосердый!
О, блаженЪ еси, вЪ Бозѣ уповая
ОнЪ бо отЪ тебе отвратитЪ вся злая,
ИзметЪ отЪ сѣти ловецЪ злонадежныхЪ
и предочиститЪ отЪ словесЪ мятежныхЪ.
ОнЪ своихЪ раменЪ и своихЪ крылЪ щитомЪ
тебе покрыетЪ предЪ всякимЪ навѣтомЪ.
Истинна его, аки стражЪ оружный,
тебе отвсюду оградитЪ вЪ часЪ нужный.
Не страшенЪ тебѣ нощный вранЪ и стрѣлы,
ими же сѣетЪ злый случай вЪ день бѣлый;
Ни блѣдный примракЪ, вЪ тмѣ людей страшащий,
ниже бѣсЪ черный, вЪ полудни ходящий.
И будетЪ егда отЪ обоей страны
тысяща и тмы упадетЪ на брани,

Но къ тебѣ въ той часъ и время то злое
не приближится бѣдство ни малое.
А надъ врагами узриши твоими
достойну казнь, самъ сый невредимый.
Богу бо себе вручаю твоему
имаши Бога въ крѣпость незыблему.
Не прийдетъ къ тебѣ зло люто до зѣла,
рана твоего не угрызнетъ тѣла.
Велитъ Богъ своимъ Слугамъ велелѣпнымъ
стрещи тя вездѣ окомъ неусыпнымъ.
На рукахъ возмутъ и на всякомъ пути
не дадутъ тебѣ ногъ твоихъ преткнути.
Стрѣнетъ иногда Аспидъ звѣрь нелѣпый,
или Василискъ, или Левъ свирѣпый,-
На тыхъ безвредно будеши ступати
и по Змiевыхъ хребтахъ шествовати.
Слыши Самаго неложное Слово,
тебѣ ко всякой помощи готово:
Въ Моей онъ силѣ надежду имѣетъ,
и сила Моя онаго покрыетъ.
Познай Мя, Бога, Азъ готовъ внимати,
егда Мя будешъ на помощь взывати.
Съ нимъ есмь во скорби и подамъ избаву
и еще къ тому неложную славу,
И дамъ вѣкъ ему долгий и пространный
и введу его въ животъ обѣщанный. [45]

For Trediakovskij's text see Part I[46]

Polockij's contibution meets the general understanding that syllabic poetry largely depended on feminine verbal grammatical rhymes (at least Polockij seems to have fancied them considerably) and in his Psalm 90 one finds amidst eighteen couplets comprising this work as many as fourteen (or 77%) rhymed in verbs. Jiří Levý has pointed out that if syllabic writers would only rely on feminine endings they would have been able to exhaust no more than 39% of the Russian dictionary,[47] but it stands to reason that if they would rely, as Polockij did, on the preponderance of couplets rhymed in verbs alone, the percentage would have been much smaller. This must have been realized even by Prokopovič who in his freer adaptation of the same Psalm employs in twenty-three couplets ten adjectival and eight gammatically mixed rhymes; only three couplets (or 13%) have strictly grammatical rhymes in verbs. Hence his version can be considered a

major departure from Polockij's system of versification. This observation holds true even when the entire corpus of Prokopovič's poetry is compared to that of Polockij, but it is facilitated by comparing the author's departures from identical models, such as this Psalm. In light of the previous discussion, it would seem also important to note that Prokopovič's Psalm survived only as a Song.[48]

Trediakovskij's version testifies to already monumental changes which had happened on the Russian Parnassus within a half of a century. Of course, it is a Psalm that conforms to the principles of syllabic-accentual poetry, rendered in ten six-line stanzas with a preponderance of masculine rhymes (aBBaCC), half of them grammatical and half mixed. Rhymes rendered strictly in verbs constitute less than 25% of the text and a relatively sizable group of rhymes is composed of pronouns (ot vsego / dlja togo, vsex / tex, tvoim / svoim, skoro ja / vsja moja, k tomu / Emu), which constitutes a recognizable peculiarity of Trediakovskij's style. As opposed to Prokopovič, Trediakovskij employs only one grammatical rhyme with adjectives (zloe / blagoe) and by far the largest group of rhymes is of grammatically mixed type, with pronouns again playing an important part in them (Boga / mnoga, ščitom / v tom, On Sam / bedam, zdes' / ves', dolgotoju / nimalo toju).

Within the span of an additional sixty years after Trediakovskij, there were at least four times as many poets producing further variants of Psalm 90, eight of which were published and will be entered in future volumes of our publication. These new syllabo-tonic Psalms that invaded the Russian literary scene in the second half of the eighteenth century differed from their syllabic counterparts in more than simply metrics. Many were marked by a high degree of individualization and some of them served, as will be demonstrated later, as the sole means of personal expression available to poets at the time. Finally, they often defied the conventions of verse then prevalent; in fact, in some cases they ceased to be Psalms and were transformed into unique amalgams of genres.

For all their importance for the eighteenth-century Russian literature, Psalms formed only a part of the total body of versified religious works, and it would be a methodological error not to mention, at least in passing, other kinds of religious verse composed in the seventeenth century that descended into the post - Trediakovskij epoch. Among the most dominant ones in the lower strata of the populace were the so-called *psal'my* and *kanty* hymns, conforming to

the principles (and continuing the traditions) of Ukrainian and Russian seventeenth-century poetics. Despite suggestions to the contrary,[49] these works apparently did not affect the upper strata of eighteenth-century poetry to any great extent, except for Trediakovskij,[50] but cannot be ignored since they appear in numerous hand-written collections of verse.[51] The striking thing about these collections is that they often freely combined syllabic and syllabo-tonic poetry,[52] continuing this practice well into the nineteenth century, which attests to the fact that the revolutionary changes introduced by the literary elite were not readily accepted, or perhaps even understood, by the lower orders.[53] At the same time, most *rukopisnye sborniki* do not exhibit any tangible organizing principles as to manner style or genre preferences of their owners and usually can only be classified either by their thematic content as "religious only" vs. "mixed," or by their functional purpose as "song books" vs. "plain."

Psal'my and *kanty* entered predominantly into song-books with mixed contents (but with religious verses always dominant) and both were obviously understood as poetry made for singing purposes. In this sense they were not much different from the Psalms proper and, indeed, all were lumped together as *stixi duxovnye* in such collections. It appears that the term *stixi*, though derived from the Greek *stixos*, must have carried for seventeenth-century Russians primarily a musical sense (similar to *stixiry*, but less defined). Even today Old Believers refer to most of their Holy Songs as *stixi*.[54] Among these verses were devotional and panegyric addresses to various holy personagbes, but predominantly to Christ, the Virgin Mary and the Holy Spirit, and verses devoted to Church holidays. Many of these were engendered in Ukrainian schools of learning, especially in L'vov and Kiev, to which sites they had migrated from Poland.

Among the more interesting developments in seventeenth-century Russian poetry were productions of full poetic cycles developing individual canonic Orthodox prayers or cycles devoted to important religious holidays. Particularly prominent in this respect were *Perlo mnogocennoe* by Kirilo Trankvilion-Stavrovec'kij, *Imnologija*...by Pamvo Berinda, Tarasij Zemka and others, and *Rifmológion* by Polockij. In *Perlo mnogocennoe* we are given a set of lyrical poems transforming individual verses of the Lord's Prayer into extended philosophical panegyrics, all united under the title "Poxvala Prenasvjatejšej Persone Otcevskoj," and followed by religious panegyrics to other members of the Holy Trinity, Virgin Mary, Angels, Apostles, Martyrs and other personages worthy of adoration; all these

are in turn followed by "poxvaly" (praises) on occasion of various Church holidays, with those devoted to Nativity and Resurrections being the most elaborate and involving fully five speakers or voices. *Imnologija si est pesnoslovie, albo, pesn' prez časti pismom movlenaa na den' V"skresenia Gospoda našego Iisusa Xrista* similarly develops individual verses of the Eastern Hymn "Christ is risen" with each poem composed by a different contributor.[55]

Simeon Polockij's *Rifmológion* continues and expands this tradition established by Ukrainian writers. His familiarity with their texts of poetry is established already in one of his earliest "declamations," *Metry,* with which he met tsar Aleksej Mixajlovič in Polock in 1656 and more than half of which copies another (anonymous) declamation, *Prosfonima,* published in L'vov in 1591 and dedicated to metropolitan Mixail Rogoža.[56] Similarly, his *Vertograd Mnogocvetnyj* does not greatly depart in its thematics from the encyclopedic manuscript collections of verse with didactic content produced in Ukrainian seminaries and monasteries in the early seventeenth century.[57] In his magmun opus *Rifmológion* he devotes over four hundred folia of the entire manuscript to creating religious panegyrics centered on two topics: Christmas and Easter.[58] In this work he exhibits rhetorical design quite contrary to modern theories of literary function, which posit a model clearly separating the roles of the author, text and receiver and assign to one and the same text a number of possible interpretations that depend on the level of knowledge of the code by various readers. In such model the unity of the encoded message depends solely on one author, while the number of possible readings of the same text is multiple. Polockij does the reverse. He composes a number of texts fictionally produced by various personages in a human hierarchy that are all encompassing the same topic, celebration of Christmas or Easter, and will in all their multiplicity of voices presumably reach the same receiver -- the Lord and serve the same end -- His celebration. Thus, he has *Stisi na Roždestvo Xristovo* spoken or sung by the following persons: "K Carju ot Careviča," "ot služaščix," "ot syna ko otcu v pečali sušču," "ot rab," "K gosudarne Carevne ot gosudarja careviča," "ot staricy," "ot vnuka k deduške," etc., twenty-five entries in all on just this topic. Of course, no attempt is made by Polockij at speech individualization of various personae: they all are given perfect seventeenth-century Russian Church-Slavic; instead the final effect is that of a chorus, with individual voices performing extended permutations of the same motif of Christ's Birth, as can be seen by reviewing initial couplets of succeeding poems, the first of which starts with

Христосъ родися, людие хвалите,
   Богъ воплотися, вси ся поклоните,

and the following poems continue:

Светъ присносущный ныне намъ сияетъ,
   истинно солнце весь миръ озаряетъ...

Велия радость в мире днесь сияетъ,
   дева Мария Христа намъ раждаетъ...

Божие слово имже мир создася
   днесь сокращено въ мире показася...

Радости весь миръ ныне исполнися
   Божие слово во плоти явися... etc.[59]

Within each poem such motifs are reiterated in succeeding stanzas in the following manner:

Первовечному отъ отца рожденну,
   Божию слову, отцу с естественну...

Богъ безначальный начало приемлетъ,
   творецъ отъ твари тело днесь заемлетъ...

Ессеовъ корень есть благословенный
   яко отъ него жезлъ есть изращенный...

Земнаго рода днесь обновление,
   Богъ совершаетъ чрезъ воплощение...

Богъ мира Христосъ ныне намъ открися,
   самъ Богъ во плоти на земли явися... etc.[60]

As with his Psalms, Polockij supplies each entry with directions for its accompaniment, beginning with the first *irmos* and continuing this series in its numerical sequence, until is is exhausted. Thus, it could be said that Polockij invariably understands religious poetry as still intimately tied to music and vocal performance. Such a conception of poetry with religious content is indeed carried into the eighteenth-century collections of religious verse, the owners of which

as alluded to earlier (p. 24), did not seem to care about the generic appurtenance of individual poems; they freely mixed syllabic Psalms, *kanty*, and *psal'my* with syllabotonic Psalms, *Odes*, *Prayers*, and *Hymns* from different periods of Russian literary history -- all under one title (if entitled at all): *stixi duxovnye*, the principal organizing principle of which seems to have been their musical nature coupled with their religious content.[61]

This ignoring of genre barriers in religious verse also affected the genre conscious Parnassus of the eighteenth century, often presenting us with insurmountable taxonomic difficulties. The problem resided in dealing with numerous religious genres (*molitvy*, *stepenny*, *stixiry*, etc.) that did not have their equivalents in the classicist canon and since these genres from the Russian "medieval" tradition were already outmoded in that century, various poets chose to lump them together and call their paraphrases *ody duxovnye*, despite the fact that many of these were not at all odes. At the same time, it would often happen that a work formerly published as sacred ode would later be republished with a different genre designation such as Sonnet, Madrigal, Elegy or Song.[62]

Furthermore, there was not even unanimous agreement on the term *oda duxovnaja*. Different kinds of religious verse were given the following summarizing titles: *Ody Božestvennye* (Trediakovskij), *Ody duxovnye* and *Stixotvorenija duxovnye* (Sumarokov), *Filosofičeskie ody ili pesni* (Xeraskov), *Ody duxovnye iz raznyx psalmov Davida* (Bogdanovič), and numerous other *Imny*, *Pesni Božestvu*, etc. All this obviously created a whirlwind in the nomenclature of genres, especially when religious poetry was further subdivided by its functional modes, such as in one of the most authoritative texts of poetics of this priod, writted by A. Bajbakov, in which Psalm 42 was given as an example of "poèzija Elegijačeskaja Erotičeskaja" (erotic Elegiac poetry) and Psalm 142 was identified as "poèzija Treničeskaja" (mournful Elegiac poetry [the term *Treničeskaja* derived from the Polish example by Kochanowski's *Treny*, it would seem]).[63]

It should come as no surprise then that *oda duxovnaja* remained undefined among the poets who practiced it widely for the entire duration of the century. There were no apparent criteria for delimiting this genre (if it could be considered indeed as a separate genre), except for its religious content. Its size varied from a few lines to several hundred verses and all forms of stanzas and meters were tried in it. Its other attribute, its musical nature, seems to have become

largely lost for the poets of the eighteenth century, although it may have existed as an additional subconscious unifying element in their thinking, particularly because most interesting experiments in euphonic organization and rhythm were carried in this century within its boundaries.[64] After all, Russia's first musical journal of the century, *Muzykal'noe Uveselenie* of 1775, carried, among its other entries from Western sources, musical accompaniments to three Russian Sacred Odes, Sumarokov's Psalm 36 and two of Xeraskov's works, while the journal as a whole was devoted almost exclusively to sacred music with accompanying sacred texts.[65] Yet, by and large, newly found principles of metrics asserted themselves as independent organizing elements and carriers of poetic meaning, and led religious verse away from music

Among the first known syllabo-tonic variants of religious verse in general, and Psalms in particular, in Russia are the works of two German Protestant pastors Gluck and Paus, who tried their hand at Russian poetry at the beginning of the eighteenth century. While their works were obviously meant to be used for Church purposes, the two pastors had an interest in versification and in their renditions of Psalms they tried to impose the German metrical system onto their Russian texts. This often resulted in texts that were clumsy and, moreover, quite distant from the original. Consider, for example, Paus's version of Psalm 36, verse 5, which reads in Church-Slavonic "Otkryj ko Gospodu put' tvoj, i upovaj na nego, i toj sotvorit":

Кто Богу путь свой открываетЪ
    и веру соблюдетЪ ему
Того онЪ дивно заступаетЪ
    черезЪ всякия скорби й беду
Кто уповаетЪ на Христа
    Не строитЪ на песочная.[66]

V. N. Peretc, a scholar who devoted considerable attention to these two German pastors, maintained that they, rather than Trediakovskij, should be considered the originators of the syllabo-tonic tradition in Russia.[67] But Peretc's suggestion is strained. There is no historical evidence that these two (quite mediocre) poets had any influence on the subsequent developments of Russian poetry. Peretc's entire argument rests on a juxtaposition of their works with those of Trediakovskij and his *Novyj i Kratkij Sposob*..(1735). Yet, Trediakovskij did not really carry out fully and consistently his established principle of syllabo-tonic verse and its meter in the

immediate years following the publication of his *Sposob*. In a way, he only established the recognition of a foot (preferably trochaic), while he chose to retain the "ideal" thirteen-syllable line (with a caesura after the seventh syllable) from syllabic poetry. Actually, Peretc himself recognized this.

What Peretc failed to mention in connection with his study was the fact that it was Lomonosov who first consistently implemented Trediakovskij's pioneering theoretical views in practice. Or, rather, what Peretc should have done was to discuss the poetry of Gluck and Paus in connection with Lomonosov and not with Trediakovskij, especially since he himself mentioned how deeply Lomonosov's letter "O pravilax Rossijskago stixotvorstva" (1739) affected Trediakovskij.[68] Essentially his whole argumentation is self-defeating. He does not convince us that the two German poets had in any way influenced Trediakovskij or that he was even familiar with their works. And since there is no trace of evidence of their relationship to Lomonosov, how could they have affected "the whole of Russian verse to Puškin?"[69]

Thus, while it is indeed true that Gluck's and Paus's versions of Psalms are among the first attested examples of syllabo-tonic verse in Russia, the two German pastors remained unknown to those literary circles that were destined to bring about a change in Russian literary culture.

The beginnings of syllabo-tonic paraphrases of the Psalms as a national cultural phenomenon were directly tied with the work of Trediakovskij, as mentioned earlier.[70] It was also apparently with him that the Psalms were first discussed as a corpus of Odes, as will be shown in the next chapter. Thus, it is in his hands that the Psalms became a legitimate *genre* in the realm of genres recognized by the canons of poetry and an art separate from music. In a way, the fact that the Psalms were entered into a corpus of Odes is by no means surprising, since in Hebrew the Psalter literally meant *The Book of Praises*. Furthermore, for Trediakovskij the Psalms and other psalm-like Biblical Songs served as a direct link to the past -- as the poetic genre *par excellence* -- a root, from which all poetry originated and all of which was essentially odic, or, if we are to quote him directly, poetry

> была священнейшею и первейшею Философиею, которая съ начала вековъ образу жития научала, путь

показывала к добродетелямЪ, и провождала по немЪ а особливо, *прославляла Бога*, и Его Величие и свойства.[71]

In this way, Trediakovkij's concept of the Sacred Ode united Russian eighteenth-century poetry with some aspects of the Russian cultural past, and specifically with the beginnings of Russian letters, since such texts of poetry as *Proglas, Poxvala Carju Simeonu, Azbučnaja Molitva,* Cyril's *Poxvala Grigoriju Nazianzinu* are simply nothing else than Sacred Odes, as well as with the heritage of the sixteenth and seventeenth centuries. After Trediakovskij, this genre began to embrace all kinds of religious verses, often with only a tenuous relationship to the odic mode. Invariably, however, at the core of this genre stood the poetics of the Psalms, and it is to their history in the framework of the eighteenth-century literary culture that one must turn attention.

Chapter II: The First Russian Trio and the Harp of David.

A MODEST BEGINNING.

The year 1744 would have probably been like any other year in the life of Holy Russia had it not been for the appearance of a comet which flashed into the heavens at the year's onset and at the height of the winter's whiteness. For common Russians, such celestial signs were much more important markers of history than for subsequent historians writing about these times from a secular perspective, dividing history by the rise and fall of prominent rulers or conveniently timing entire epochs of cultural history to fit neatly into the metric hierarchy of decades and centuries. They comfortably ignored the irony that both their calendar divisions as well as their very profession had come about as a result of studying the heavens. Quite predictably, therefore, this particular year, even though heralded by a comet first noticed on the Day of Epiphany, passed generally unnoticed in the annals of official Russian history; nothing momentous seemingly happened that year -- some major wars had ended (the last one with Sweden just the preceding year), others had not yet begun; the present Empress Elizabeth had mounted to the throne in 1741 and by now held it securely, the first Academic Expedition to the Russian northern shores had ended over a year earlier with much fanfare, and the lot of peasants did not improve in this year.

But for those contemporaries deriving signs and omens from celestial displays the event was surely significant for they all remembered too well the bloody Aurora Borealis that filled the Russian skies at the accession to the throne of their former Empress Anna in 1730, as if foreboding the succeeding decade of terror most

eighteenth-century Russians would rather erase from their memory.[72] And of course they could be proven right, since there is hardly a year that does not bear some significance for subsequent history, a significance measured by a particular point of view. Indeed, even in a haphazard manner, if one were to select but two memorable events of 1744 that proved important for the future Russian history, then one should surely mention the abolition of the death penalty or the arrival of a young German princess from a relatively insignificant principality, who was destined to become in less than two decades the absolute monarch of Russia and to rule that great land for more than a third of a century -- Catherine the Great.

In the realm of Russian literary history, the periodization of which is still largely and quite inappropriately subjected to the sociopolitical view of Russian history with its own set of divisions and chronologically important events, the year 1744 proved later quite memorable and, as I will attempt to demonstrate in comparison with the previous decade, even significant. For one thing, the year marked the death of a brilliant Russian poet and diplomat, Prince Antiox Kantemir in Paris, who almost single-handedly was responsible for passing onto his Western acquaintances such as Voltaire or Montesquieu some basic concepts of Russian history and contemporary cultural life.[73] With Kantemir's death, one could justifiably argue, an entire epoch of Russia's engagement with syllabic poetry ended; he was the last major poet to have practiced this system of versification consistently throughout his life.[74] The year also marked the birth of another future giant of Russian literary culture, responsible not so much for his writing talents as for his ability to disseminate literature to the widest audience possible in his time, that is, the famous publisher Nikolaj Novikov. His birthdate was flanked in the adjacent two years by the births of two other future literary luminaries, the foremost Russian poet of the epoch, Gavrila Deržavin, and Denis Fonvizin -- the only eighteenth-century playwright whose comedies have successfully survived the test of time; they continuously remain a part of the repertory.

Whether eclipsing the Russian epoch of the domination of syllabic poetry or foreshadowing the cultural ferment of Catherine's age, the year proved significant for the literary consciousness of the present, or rather, of its immediate past. In the preceding year of 1743, and barely noticed at the time, a modest booklet of twenty-two pages was published by the Academy of Sciences in St. Petersburg that listed its year of publication as 1744 on its title page, as if its contributors by

some act of sheer clairvoyance wished to secure for it the importance accorded to the oncoming heavenly body. Entitled *Three Transposed Odes of Psalm 143 by Three Poets Each of Whom Composed One Separate Ode,*[75] it bore certainly an unambiguous, one could even say immodest epigraph from Horace: *Sic honor, et nomen divinis Vatibus, atgue Carminibus venit...* .None of the three participants in this book, Vasilij Kirillovič Trediakovskij, Mixail Vasil'evič Lomonosov or Aleksandr Petrovič Sumarokov, were ever known in their subsequent literary careers to have been excessively humble in their own self-appraisals, but two of the three had already accomplished so much in the preceding several years that they had every right to be boastful. After all, in less than a decade from 1735, Trediakovskij and Lomonosov had succeeded in laying detailed foundations for an entirely new system of Russian versification based on the prosodic properties of the Russian language. While most scholars quite understandably trace the beginnings of this *syllabic-accentual*[76] or *syllabo-tonic* principle (which gave rise to all modern Russian versification) to the first pioneering theoretical and practical works of Trediakovskij and Lomonosov,[77] or even somewhat earlier,[78] it would be perhaps equally proper to begin the history of Russian modern verse from the date of the appearance of this particular book, since it marks the first use of a *shared* system of values by three different poets -- thus, an aesthetic phenomenon[79] and a cultural fact, rather than an individual theoretical contribution.[80]

The book scored such an impressive array of significant literary achievements for both the immediate and subsequent literary practice in Russia that it should certainly receive a more emphatic appraisal than it has in the past. First, it was unique in being the first deliberate literary competition centered on a simultaneous presentation of three versions of the same text by three different authors, and set a precedent for further simultaneous competitions modelled on the same principle.[81] The book did not reveal the names of the authors in connection with the individual texts, and left to the readers the responsibility of deciding the attribution and quality of individual entries. These principles of anonymity in printed form and solving literary problems through poetic tournaments subsequently became the major ingredients in the newly rising code of literary ethics and aesthetics: practically all poetic contributions to the literary journals throughout the century were either anonymous or signed with pseudonyms or initials of names, and much of the current literature of the time can be best described as a series of variants competing for the best rendition of one and the same text, subject or theme.[82]

Second and more important observation for the present study is the fact that it was a Psalm,. rather than any other model, that was selected by the three participants to rest in practice their agreements and disagreements in adopting an entirely new system of versification for Russian. As one can read in the opening lines of the introduction: "Buduči po slučaju sovokupno six sledujuščix Od Avtory, imeli dovol'noj meždu soboju razgovor o Rossijskix stixax voobšče..."[83] Therefore, the paraphrase of Psalm 143 was not meant as a peripheral event but as a testing ground for verse in its entirety. The principle of testing out new ideas on the poetic material of the Psalms later became a dominant characteristic in the work of a number of poets, notably Sumarokov and Trediakovskij. In choosing a Psalm over any antique classical poem, as they could have done following Western preferences of their time, the three poets were simultaneously erecting bridges to the past poetic practices in Russia they were otherwise trying to eliminate or improve.

Third, as mentioned before, the transpositions of the Psalm 143 were called Odes. The view of Psalms as Odes must have originated with Trediakovskij as early as 1734, when he touched upon the subject in his short treatise on the genre of the Ode, published as an afterword to his *Oda Toržestvennaja o zdače goroda Gdanska*, noting:

> ... ОхотникЪ Россійскіи можетЪ примѣтить высоту слова, какова должна быть вЪ ОдахЪ, вЪ псалмахЪ святаго Піиты псалтиріческаго, то есть, блаженнаго Пророка и Царя Давіда: ибо псалмы не что иное, какЪ *Оды*, хотя на Россіискіи не стіхами переведенные, как и на прочіе хрістіанскіе языки, но на ЕврейскомЪ всѣ они стіхами сочиненные, по тогдашнему еврейскихЪ стіховЪ обычаю. УвидитЪ онЪ тутЪ и благородство матеріи, и богатство украшенія, и великолѣпие слова; увидитЪ мудрую перерывку разума, а отЪ разума не отходящую; увидитЪ удивительное вознесеніе кЪ высотѣ слогомЪ возлетающее, каково *ПіндарЪ* и *Гораціи* имѣетЪ, и каково ГосподинЪ *Боало Депро* иметь приказываетЪ; увидитЪ и скажетЪ, что то самый божіи языкЪ.[84]

Lomonosov and Sumarokov must have been in essential agreement, at the time of their published competition on other matters, with Trediakovskij on the inclusion of all the Psalms into the genre of Ode.

Later, however, both must have changed their minds in some degree, since they developed a special designation for their future Psalm transpositions: the *oda duxovnaja,* or Sacred Ode. For both of them this concept must have denoted some special variant of the Ode even on the formal level, since Lomonosov developed a special stanza form (aBaBccDeeD) for *oda svetskaja* (secular Ode), which he never used for *oda duxovnaja,* and Sumarokov, in his transpositions, tried all kinds of strophic and rhythmic possibilities, including blank verse, which he never attempted in his other Odes.[85]

It seems that Trediakovskij, on the other hand, did not compartmentalize the Psalms into such an exclusive rubric (even though he did use the Psalms for some special stanzaic experiments); he avoided the term *oda duxovnaja* for designating his select Psalm contributions that appeared in 1752, preferring the term "*Ody Božestvennye.*" He seems to have done so in order to underscore his belief that Psalms and other Biblical Songs were the highest achievement worthy of emulation, higher than Pindaric or Anacreontic Odes; in short, they were perfect Odes to his liking or *soveršennye,* as he called them in 1752.[86] Trediakovskij might have derived the term *božestvennye* (Divine) that he used as the title for his religious verse from his earlier postulate that all Psalms are reflection of Divine language or "božij jazyk."[87]

Whatever their future differences were to be, the fact that these three poets agreed in principle that all psalms were odes influenced future generations of Russian poets to regard psalms in the same light. This resulted in the already noted confusion in nomenclature of other kinds of religious verse in the canons of poetry. Subsequent poets must obviously have deduced that since all psalms could be called odes, then psalmodic hymns, songs and chants, and most other religious poems could be called odes as well.[88]

The fourth, previously relatively ignored aspect of this competition was signaled by the title itself -- *Tri Ody Parafrastičeskie...* that is, adaptation of the Psalms enters into the domain of problems of translation. Psalm paraphrases were in fact a special kind of translation, since the problem resided not in competing with examples from entirely different poetic cultures and languages, but with examples of already established religious and poetical values in Russia's own culture and language. Such intralingual paraphrase was no longer a kind of neo-classicist "fair play" where variants of the same exemplary texts competed in various languages to approach the

normative value of their Greek and Latin originals. Instead, Psalm transpositions bordered in Russia on a total rejection of the native Church-Slavic linguistic norm by creating a new literary or, better, poetic language norm. As if emphasizing this point, the three participants in the literary competition of 1743 decided to place a canonic text of their selected Psalm before their own contributions; the Psalm was entered there as a normative text, separated from the succeeding transpositions and was contained, unlike the texts that followed, in the space of one page. The Psalm was not called an ode, only its versions were so identified. It was a norm yet to be matched. In order to appreciate fully the immense undertaking by these three poets, one must remember that a so-called *literatunyj jazyk* (literary language) did not exist at the time; in fact there was no codified Russian language to speak of, or as V. V. Vinogradov characterized these times, "voprox ob edinoj obščenacional'noj norme russkago jazyka... ešče ne mog byt' rešen."[89] Consequently, the Psalm transpositions of Trediakovskij, Lomonosov and Sumarokov should be considered as their serious attempt to transform the Church-Slavic original (rather than to translate it) and to create thereby a new poetic norm and a new literary language.

At the same time, it could be argued that much poetic significance encoded in the Church-Slavic Psalms was lost in their everyday performance in church by readers who, as Trediakovskij would later put it, "vozdux tokmo bija svoimi izglašenijami bez razumenija,"[90] and that a new awareness of the poetical nature of the Psalms could be generated only when the norm established by such everyday performances was violated. Clearly, by Trediakovskij's time, the medieval union between poetic and musical functions was no longer understood in common church services, as he so colorfully states above. Thus, in these new transpositions, church chant and reading were replaced by poetical rhythm and diction, an canonical unidirectional understanding gave way to poetic ambiguity of meaning; this resulted in another transformation of the norm and a semantic metamorphosis of the text. It is probably precisely for this reason that although Russia, at least to her own satisfaction, would later produce Russian Homers, Pindars and Racines, no poet has ever claimed or earned the right to be called a Russian David, and no rhymed versions of Psalms were ever adopted for liturgical use as was common in many Western countries. From the point of view of Russian Orthodoxy, the synesthetic function of the liturgical act achieved through the synthesis of various art forms could never be replaced by independent poetic function alone.

The fifth aspect of the introduction to *Tri Ody*... was the belief that each poet could be stylistically recognized by the initiated and even that individual transpositions of this Psalm reflected the personal qualities of respective poets: "...kotoroj iz nix kotoruju Odu sočinil, o tom umalčevaetsja: znajuščie ix svojstva i dux totčas uznajut sami, kotoraja Oda črez kotorago složena."[91]

Naturally Psalms, perhaps like no other literary genre of the ensuing epoch, lent themselves to the expression of personal feelings and beliefs and became used for these purposes by a number of poets. The trend toward this personal expression of "dux" (spirit) in the Psalms was started most notably by Lomonosov, beginning precisely with his transposition in this publication, where he changed the modality of the Psalm to suit his own defense against the imprisonment imposed on him at the time by the state authorities.[92] Consider, for instance, the changes on the lexical level in verse eight of this Psalm, which reads in the original "ixže [synov cuždix, A.L.] usta glagolaša suetu, i desnica ix, desnica nepravdy" and Lomonosov's stanza eight corresponding to it:

> Вѣщаетъ *ложь* языкъ *враговъ*,
> Уста обильны суетою,
> Десница ихъ *полна враждою*,
> *Скрываютъ въ сердцѣ лесть и ковъ*.

[italics mine, A.L.]

The changes introduced here by Lomonosov are certainly not oriented toward recapturing the essence of an ancient text in a new language, but at using the background of the Psalm to highlight a contemporary personal problem. It is for this reason that he transforms the passive "synov cuždix" and "nepravdy" into the active "vragov" and "lož'", supplementing the newly found image of *enemies* with an additional series of attributes of evil, such as *full of hostility*, *hiding flattery*, and *evil thought*. Intensifying the polarity between the righteous man and his enemies, Lomonosov at the same time succeeded in producing the most economic and faithful transposition of the Psalm in fifteen iambic quatrains, or sixty verses, some of which preserved verses of the original very faithfully (e.g. verse one of the original: "Blagosloven Gospod' Bog moj" and Lomonosov's verse one: "BLAGOSLOVEN" GOSPOD' moj BOG").

Such vacillation on Lomonosov's part between introducing textual integrity and biographical echoes into his Psalm transposition were symptomatic of the character of his future work with the Psalms, just as the changes his other two colleagues introduced remained typical for theirs. Trediakovskij, for example, exhibited as early as in this transposition his inordinate tendency toward amplification of Biblical imagery, transforming the quoted verse eight into a full-fledged ten-line stanza (tenth in his version):

Преклонись еще мольбою,
Ту къ ТЕБѢ теперь лiю,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мой бiю:
О! чужихъ мя отъ полчища,
САМЪ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

In fact, this particular stanza repeats in some sense another treatment of verse eight in Trediakovskij's eighth stanza (the last four lines of which read: "A desnica xiščnyx six, / Est' desnica nepravdiva; / Duš ix skvernost' nečestiva: / Tem spasi mja ot takix") revealing Trediakovskij's future penchant for redundancy as an additional rhythmic element to repetition which is at the heart of Biblical poetry.[93] Not surprisingly, Trediakovskij's version is by far the longest of the three, comprising one hundred thirty verses and arranged into thirteen ten-line trochaic tetrameter stanzas, more than doubling Lomonosov's transposition.

Sumarokov's contribution practically omits verse eight from consideration, which, together with other omissions, transforms his transposition into a hymn to God's greatness uncomplicated by animadversions on the personal plight of the prophet. Later Sumarokov would often produce transpositions conveniently entitled *Iz" psalma...* (From a Psalm), betraying his interest in reducing the emotional complexities of certain Psalms into single images, ideas or themes or treating them as perfect entities for rhythmic experiments in poetry.[94]

There were other implications for the rest of the century connected with the publication of Psalm 143, though these could not

have been perhaps envisioned at the time. It stimulated all three poets to continue versifying the Psalms as a literary activity, resulting in completion of the entire Psalter by two of the three participants; most other poets of that century, as well as those of the first half of the nineteenth century, felt also compelled to contribute their talents to Psalm transposition. It set a precedent for further competitions modelled on the principle of 1743. It also established a renewed interest in the Bible as a source of inspiration for poetry and, by doing so, it colored the emerging school of Russian classicism making it a very special kind of classicism, in many ways different from its French model, where sacred verse was not important. As a matter of fact, toward the end of the century, Biblical imagery invaded other, non-religious genres of Russian poetry. Finally, poetic transpositions of Psalms played a major role in the development of the Russian literary language; this can be observed by studying the progressive contributions to the same Psalms by different poets in the course of the century.

The resultant corpus of Psalm transpositions which followed the example of Trediakovskij, Lomonosov and Sumarokov, set in 1743, can be perhaps best (though not nearly exhaustively) demonstrated by a thick, two volume publication from the turn of the century, entitled *Polnoe Sobranie Psalmov Davida, Poèta i Carja, preložennyx kak drevnimi tak i novymi rossijskimi stixotvorcami iz prozy stixami...*, [95] which listed over one thousand entries by several dozens of poets. While incomplete despite the title,[96] it was indeed the most comprehensive collection of this type in Russia and proved to be extremely popular, since there were two additional reissues within the span of three years. The collection included essentially all the Psalms that appeared on the pages of a number of eighteenth-century journals and almanachs; the study of these Psalms is central to our understanding of eighteenth-century literary sensibility.

Finally, it should probably be restated that the idea of publishing this small booklet with such far-reaching consequences, as well as the publication itself, came about in the latter part of 1743,[97] and one would be justified in asking how the comet of early 1744 fits into the line of rhetorical persuasion attempted in this chapter. Whether by Providence or simply by accident of history, the fact remains that the year 1744 is the year by which this event entered into the consciousness of Russian literary culture and that some eight years later even Trediakovskij will refer to 1744 as the year in which the competition took place.[98] It was also in this year of the comet that the last eloquent

defence of syllabic poetry was made by Kantemir in *Pis'mo Xaritona Makentina k prijatelju o složenii Rossijskix stixov,*[99] published as if out of phase with the actual developments of Russian literary history. Celestial displays of all kinds, on the other hand, were to become the subject of admiration by the poets developing the boundaries of the sacred ode as an extension of their activity in the area of Psalm transpositions. One such ode created by Lomonosov at the approximate time of writing the paraphrase of Psalm 143 and entitled *Evening Meditation on the Majesty of God on the Occasion of the Great Northern Lights* was destined to become one of the most admired odes of the entire century and entered virtually all comprehensive anthologies of Russian literature.[100]

Since the booklet did play a vital role in the development of Russian sacred verse, as well as verse in its entirety, and since it will be referred to on many other occasions in this study, it seemed appropriate to reproduce its original contents in the Appendix I (Priloženie I) in its entirety, preserving its original pagination and much of its graphic design.

Chapter III: M. V. Lomonosov's Experiments in Syllogism.

Of the three poets dominating the Russian literary scene in the 1740s and early 1750s, only Mixail Lomonosov can be properly said to continue select vestiges of the preceding literary norms of both Russia and Germany. Nurtured from childhood on Polockij's *Psaltir'*, Lomonosov supplemented his literary education by studying poetics and rhetoric in the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, which still espoused seventeenth-century literary tastes, and later he acquainted himself thoroughly with the Western literary practice during his stay in Germany. Even though Lomonosov was by vocation a student of the natural sciences and was to become one of the most respected Russian scientists of his age, his analytical mind did not prevent him from cultivating in poetry concepts generally distant from traditional empiricism; he preferred to concentrate on expositions of feelings, excitement and emotion over the rational verisimilitude. His inordinate reliance on hyperbole, oxymoron, and paradox, combined with the sound orchestration in his poems, marked his interest in the emotive properties of poetic communication and led many recent historians and critics of literature to treat him as a baroque poet.[101]

Lomonosov learned much of his poetics from Christian treatments of various Biblical sources and especially the Psalter. Principally known in his time as a writer of splendid odes, he infused his panegyrics to the rulers with imagery often derived from various Psalms or with full quotations such as in the last stanza of *Pervye Trofei ego Veličestva Ioanna III . . .*, his first ode published under his full name in 1741:

Прекрепкий Боже, сильный царь,
Что всю рукою держишЪ тварь,
ЗришЪ, что враги встаютЪ напрасно,
ЖезломЪ карай ихЪ мести самЪ...

In 1742 Lomonosov used Biblical quotations in his first ode to Elizabeth I, creating an amalgam of religious paraphrase with worldly praise very much like Polockij or Prokopovič had done before him. In this ode God no longer speaks to the anointed prophet, but to Elizabeth. He states among other things:

Тобой поставлю судЪ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить
Тобой добротамЪ мзду дарить...[102]

Yet, in his strictly religious panegyrism, Lomonosov separated, as mentioned earlier, the sacred ode even on a formal level. His Psalm transpositions, for example, are composed entirely of quatrain lyrics, which were never used in his court lauds. Lomonosov set out to versify further Psalms following his debut in the Psalm transposition of 1743, but in contradistinction to Trediakovskij and Sumarokov, who later succeeded in completing entire versified versions of the Psalter, Lomonosov never produced anything on such a scale. Had he intended to do so , he must have abandoned the idea by 1749 when he wrote to his mentor, Tatiščev:

СоветЪ вашего превосходительства о преложении псалмовЪ мне весьма приятенЪ, и я самЪ кЪ тому охоту имею, однако две вещи препятствуютЪ. Первое - недосуги...второе - опасение, ибо я не смею дать в преложении другаго разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеютЪ.[103]

This *opasenie* (apprehension) of producing anything but a properly corresponding equivalent to both the Biblical original as well as to its Church-Slavonic reading indeed could have played a major role in Lomonosov's decision to refrain from future adaptations of Psalms following the publication of his seven Psalms (Nos. 1, 14, 26, 34, 70, 143, and 145) in his first Collected Works of 1751[104] and one extra Psalm 116 published some three years earlier in his first edition of *Ritorika.*[105]

Conversely, it is equally possible to assume that Lomonosov never intended to transpose the Psalter in its entirety and chose to concentrate on a few carefully selected Psalms to further his own, at times very specific, ideas and needs. It has been noted several times in past scholarship that Lomonosov often encoded individual Psalms with biographical details of elements of extraliterary significance. Such was the case in the already-mentioned paraphrase of Psalm 143 where he greatly polarized the contrast between the image of a *righteous man* and his *enemies* to express his personal plight at the time.[106] Similar kinds of polarization at the expense of the canonical reading of the text is evident in most of the seven Psalms published in 1751,[107] since concern about his own *enemies* at the Academy loomed large indeed for Lomonosov during the years of his intensive work on Psalm adaptations.[108] In fact, one may observe a peculiar order in the sequencing of these seven Psalms -- an order of an organized and developed rhetorical statement that seeks to justify, to convince, *o spravedlivosti udostoverit'* (to gain certainty of justice)[109] -- an order centered precisely around the problem of *enemies* and the concept of *righteousness* and resolved in the following complex syllogism: While one's enemies are strong (Psalms 26, 34, 70), God is much stronger (Psalm 143), for he lives above the stars (Psalm 14); thus, when one is with God and follows His laws (Psalms 1 and 14), then one is righteous (Psalm 1) and his enemies are not simply personal enemies, but enemies of God -- the evil sinners who shall be smitten to dust (Psalms 1 and 145). M. Suxomlinov has already spoken of a *hidden order* in the sequencing of Lomonosov's Psalms, but he did not develop his point further.[110] My contention here is that Lomonosov ordered each of his Psalms to correspond to a particular aspect of what was known in the Church-Slavic rhetoric as *Xrija* (Greek XPEIA) -- a ready made formula (from Byzantine times) for organizing a statement on any topic of significance. Though Lomonosov essentially ignored the *Xrija* structure in his *Ritorika* of 1744, he felt compelled to detail its components in the revised edition, where he noted the following:

> Хрия есть слово, которое изЪясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека...
>
> Хрия состоит из осьми частей которые суть: 1. приступ [*poxvala* in 1748, A.L.], 2. парафразис, 3. причина, 4. противное, 5. подобие, 6, пример, 7, свидетельство, 8. заключение. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изЪясняется

предложенная тема чрез распространения. В третией присовокупляется довольная к доказательству причина. В четвертой предлагается противное, то есть, что предложенному в теме учению в противность бывает, тому противное действие последует. Пятую часть составляет подобие, которым тема изЪясняется, купно и потверждается. Шестая часть доказывает примером историческим. Седьмая утверждает мнением или учением древних авторов, которое сходствует с предложенною темою. Осьмая часть содержит в себе краткое увещательное заключение всего слова.[111]

As we can observe, the *Xrija* is comprised of eight parts. In Lomonosov's first publication of his works in 1751 there were seven Psalms. We also know that two years prior to that publication Lomonosov worked on the transposition of Psalm 103 (later discovered among his manuscripts and published for the first time in 1784), but Lomonosov did not complete this Psalm, which might have been planned as the eighth part of the suggested *Xrija* design.

It must be pointed out that despite the apparent agreement in the number of parts (the *building blocks* of *Xrija*), there is no explicit relation of Lomonosov's Psalms to such a structure; indeed, Lomonosov never mentioned such a relationship and used only prose examples for the development of his *Xrija* illustrations. The suggestion advanced here is for the implicit presence of a *Xrija* design behind the unveiling of successive stages of the syllogistic argument mentioned above.

Lomonosov practiced *Sillogism* (syllogism) as a rhetorical device in his *Ritorika* (revised edition). He worked out a five-part prose structure for the following syllogism: "Vsjak, kto zakon xranit, est' Bogu prijaten, no vsjak dobrodetel'nyj čelovek zakon xranit; dlja togo vsjak dobrodetel'nyj čelovek est' Bogu prijaten."[112] Our group of seven Psalms is devoted to a similar theme and, as will be demonstrated later, functions as a group of interrelated elements.

The first Psalm, in place of the *pristup* (exordium) in *xrija* (or *pervaja posylka* [premise] in *syllogism*) introduces the general thesis: "Blažen, kto k zlym v sovet ne xodit / . . . / No volju tokmo podvergaet / Zakonu Božiju vo vsem . . ." (Psalm 1, stanzas 1 and 2). Lomonosov's beginning in the mentioned syllogism in prose began:

"Kol' blagopolučen tot, kto vo vsex putjax svoix zakon Gospoden sobljudaet..."[113] The similarity is indeed striking. The ground is being prepared for the entire argument (the entire "theme", so to speak) to evolve with each succeeding Psalm. The three invariants -- God, the righteous man, and the evil ones (right in the first line Lomonosov replaced the canonic *nečestivye* with *zlye*) -- are introduced here and are to be present in every Psalm. The resolution is also hinted at here: "No paguboj smjatutsja grešny / Kak vixrem vosxiščennyj prax" (stanza 4) or "Ot grešnyx vzor svoj otvraščaet / I zlobnyj put' ix pogubit." (stanza 6). Virtually the same resolution as the one achieved here is repeated in the last Psalm 145; examples of this will be given later.

The second Psalm in Lomonosov's ordering (Psalm 14) can be considered as a part expanding the thesis through *rasprostranenija* (expansions), as it should in an ideal *xrija* sequence according to Lomonosov. And Psalm 14 is, in fact introduced in the *Ritorika* (though not in its role in constructing a *xrija*), as a *bona fide* example of "uveličenie slova črez rasprostranenie."[114] While the first Psalm characterizes the righteous man through passive or negative inferences mainly ("Blažen, kto k zlym v sovet *ne xodit, / ne xočet* grešnym v sled stupat'...*No volju tokmo* podvergaet...V *nezloblivyx* svoix delax etc. [italics mine, A.L.]), Psalm 14 expands the characterization of the righteous one by cataloguing his virtues and elevating him almost to the proximity of God himself:

[Stanza 1]
Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верьхъ священный горнихъ мѣстъ?

[Stanza 2]
Тотъ, кто ходитъ непорочно...

We should also note here that the first line in the second stanza cited here ties it directly to the first Psalm (its first and second lines, especially). This kind of echoing effect is present in all of Lomonosov's Psalms and is an additional unifying feature producing a closely knit structure indeed. The first two Psalms are tied in yet another way: they do not exhibit the voice of a lyrical *I*, in fact, there is not even a *third person* voice present; they are homiletic in nature, and theit tone resembles the tone of the Commandments.

With Psalm 26 (third in Lomonosov's sequence), we encounter a dramatic shift from an impersonal voice to a lyrical *I - He* (God) or *I - Thou* relationship, preserved until the second stanza of the last Psalm, where another shift returns the whole series back to an impersonal voice. The *I - God* relation in this Psalm, functioning as a pendulum, is the basic structural component in this Psalm; *God* is referred to by a series of synonyms, while the "I" is carried through its various declensional forms or is implied by verbal constructs. Let us attempt to demonstrate this pendulum effect by citing below the first seven stanzas of this Psalm and by printing all references to God in capitals (including his works and deeds), all references to the "I" in italics, and the mentions of the enemies (as well as the "neutral text") in small print:

ГОСПОДЬ, СПАСИТЕЛЬ *мнѣ* и СВѢТЪ
кого *я убоюся ?*
ГОСПОДЬ САМЪ жизнь *мою* БЛЮДЕТЪ,
кого *я устрашуся ?*

во злобѣ плоть *мою* пожрать
противны устремились,
но злой совѣтЪ хотя начать,
упадши, СОКРУШИЛИСЬ.

хоть полкЪ противЪ *меня* восстань;
но *я не ужасаюсь.*
пускай враги воздвигнутЪ брань,
на БОГА *полагаюсь.*

Я только отЪ ТВОРЦА *прошу*,
чтобЪ в ХРАМЪ ЕГО *вселиться;*
и больше в свѣтѣ *не ищу*,
какЪ вЪ ОНОМЪ *веселиться.*

вЪ СЕЛЕНИИ СВОЕМЪ ПОКРЫЛЪ
меня ОНЪ вЪ день печали,
и неподвижно УКРѢПИЛЪ,
какЪ злые окружали.

ВОЗВЫСИЛЪ ОНЪ *мою* главу
надЪ всѣхЪ враговЪ ужасныхЪ:

я, жертву принося, *зову*
ЕМУ въ псалмахъ согласныхъ.

УСЛЫШИ, ГОСПОДИ, *мой* гласъ,
когда къ ТЕБѢ *взываю*,
и СОХРАНИ на всякой часъ;
къ ТЕБѢ *я прибегаю.*

etc. [all italics and changes in the text appearance are mine, A.L.]

This Psalm also introduces the *pričina* (cause) part of the *xrija* in the second stanza: "Vo zlobe plot' moju požrat' / protivny ustremilis'." The text as a whole is tied to the previous Psalm 14 by two parallel rhetorical questions in the first stanza (but while in the former Psalm these questions are purely rhetorical, here they are asked by the lyrical "I"), as well as by the elevation of the "I" to stand before the throne of God: [stanza 4]: "Ja tol'ko ot Tvorca prošu, / čtob v *xram ego* vselit'sja"; [stanza 5]: "V *selenii svoem* pokryl / menja on . . ."; [stanza 6]: "*Vozvysil on* moju glavu" etc.. In addition, Psalm 26 is connected to Psalm 1 by such references as *zloj sovet* (stanza 2) or "Nastavi, Gospodi, na put'" (stanza 11).

Psalm 26 represents three relationships, *I, Thou* and the *evil men*, in a delicate balance, where the "I" is protected from the forces of enemies by a protected "shield" of God (V selenii svoem *pokryl...I nepodvižno ukrepil* / Kak zlye okružali" [stanza 4]). Psalm 34 presents a condition with this protective "shield" removed so to speak and, therefore, could be considered as the fourth part of the *xrija* where, according to Lomonosov, *predlagaetsja protivnoe* (contradistinction is presented). In this Psalm Lomonosov felt especially compelled to intensify the colors, to substitute most of the Biblical references to sinners with the *evil ones*. This was noted already by I. Z. Serman, who wrote:

> Так в своем переложении 34-го Псалма Ломоносов проводит тему *зла* через все произведение, от начала до конца, исползуя при этом все возможные формы основы зла...В тексте 34-го псалма *зло* встречается только три раза, у Ломоносова, как мы видели выше, - четырнадцать раз. Вместо разнообразия и конкретности тех бед и напастей, жертвой которых стал *герой* псалма, Ломоносов

нашел общее и объединяющее понятие *зло* и сделал его тематическим стержнем своего переложения...[115]

We should point out that this change introduced here mirrors the changes made already in the first Psalm and can be especially understood or justified by the presence of the above-mentioned underlying structure which unites all seven Psalms in resolving the tripartite relation discussed above. Otherwise, such a radical change would not be called for, since it would also violate Lomonosov's "fear" of changing the meaning of the Psalms, however slightly.

Since God's protective powers are not active in this Psalm, the plea is made for God's judgement and decision to punish the wrong-doers. As in the previous Psalm, Lomonosov enters a biographical detail into his rendition -- the element, "I budi *našej pri* rešitel'" (And be the judge of *our dispute*; stanza 23), is absent in the canonical Psalm. Changes are also made here for the purpose of cross-reference to Lomonosov's previous transpositions, e.g. "Vo xrame vozvešču velikom / Preslavnuju xvalu Tvoju" (stanza 18) almost coincides with the Biblical reading except for the word *xram* that alludes to the beginning of Psalm 14. Or, "Da sil'nyj gnev Tvoj zlyx *vosxitit*, / kak burnym vixrem legkij prax" (stanza 5) alludes generally to Psalm 1, but the word *vosxitit* refers specifically to Lomonosov's fourth stanza in this Psalm, etc.

The fifth Psalm (No. 70) recaptures the techniques and the dynamism of the two previous Psalms and points to the resolution of the syllogism: "Ty k propasti menja postavil, / Čtob ja svoju pogibel' zrel; / No skoro, obratjas', izbavil / I ot glubokix bezdn vozvel" (stanza 20) and "Kovarnyx sila postyditsja, / Kotory iščut mne bedy" (last stanza). Psalms 143 follows Psalm 70. However, from the very first stanza it treats the problem of enemies as essentially solved: "Blagosloven Gospod' moj bog, / Moju desnicu *ukrepivyj* / I persty v brani *naučivyj* / *Sotret' vragov* vznesennyj rog." Still, it does not really explain *how* the problem was solved.

The key to the answer may lie in the unpublished Psalm 103, which is devoted to a depiction of the sheer power of God. My contention here is that Psalm 103 was supposed to have followed Psalm 70 in Lomonosov's grand *xrija* design for his syllogism. The sixth part of it, according to Lomonosov, *dokazyvaet primerom istoričeskim* (proves [the proposition] by a historical example), and what could be a better proof of God's power than the one seen in the

creation itself, and the universe, in this Psalm. However, though possibly conceiving it as a proof, Lomonosov never managed to finish this majestic Psalm and, thus, never reached the final line that related the Psalm to the theme of his *xrija*: "Da isčeznut grešnicy ot zemli, i bezzakonnicy, *jakože ne byti im* " [italics mine, A.L.].

There is another piece of evidence that Lomonosov intended Psalm 103 to precede Psalm 143. The fifth stanza of Psalm 143 "Skloni, rožditel', nebesa, / Kosnis' goram, i vozdymjatsja, / Da paki na zemli javjatsja / Tvoi užasny čudesa" is a direct quote from Psalm 103, while being also a part of the 143rd Psalm. It should be said that these two Psalms must have been thought by Lomonosov as linked together, since they are the only Psalms that have the A-b-b-A rhyming pattern.

The last, 145th Psalm encapsulates the whole syllogistic structure, and, as all closing parts should do, it points to the beginning of the xrija; it does so by the already mentioned shift in its second stanza to the original, impersonal voice (marked especially in its fourth stanza which starts "Blažen tot, kto..." and recalls the first line of the first Psalm "Blažen, kto..."). The last stanza of this Psalm essentially repeats the last stanza of the first Psalm:

[Psalm 1, last stanza]
Господь на праведныхЪ взираетЪ,
И ихЪ вЪ пути своемЪ хранитЪ;
ОтЪ грѣшныхЪ взорЪ свой отвращаетЪ,
И злобный путь ихЪ погубитЪ.

[Psalm 145, last stanza]
Господь пришельцевЪ сохраняетЪ,
И вдовЪ прiемлетЪ и сиротЪ;
ОнЪ дерзскiй грѣшныхЪ путь скончаетЪ,
ВЪ Сiонѣ будетЪ в родЪ и родЪ.

Incidentally, this Psalm is also based on a syllogism of its own ans is introduced in Lomonosov's *Ritorika* (of 1784) as an example of *razdelitel'nyj sillogism* in § 273, where Lomonosov stated:

...первая посылка разделительного силлогизма может быть оставлена, и вместо оной положен быть краткий приступ, как то видно в псалме 145-м, который основан на следующем разделительном силлогизме:

Или уповать на Бога или на князей, сынов человеческих; но уповать на них не надежно; следовательно, лучше уповать на Бога.

The fact that Lomonosov's Psalms were based on the intensification of polarities inherent in them[116] puts the untrustworthy rulers (of this Psalm) into the camp of the enemies and, thus, the evil sinners. Lomonosov's choices in the selection of the Psalms were very careful, as demonstrated earlier, and could not, therefore, be accidental. This, in turn, could not have been overlooked by his contemporaries and students, and Lomonosov's Psalms established a precedent for viewing Psalmodic poetics as a fertile ground for the expression of personal views on society, rulers, and matters of life in general.

Thus, for example, Deržavin's famous experience with Psalm 81 should come as no surprise to us. It really does not matter whether Deržavin did express his personal political views in his Psalm (and most historical evidence suggests that he certainly did not advocate any revolution); what really does matter is that there were sufficient *grounds* (established in previous uses of Psalms for political causes particularly in Western Europe and partly in Russia by this time) for Catherine II to think so, and that Deržavin in fact cited Lomonosov's Psalm 145, ironically enough, in connection with the defense of his own use of Psalm 81.[117]

Lomonosov's Psalms were followed in the publication of 1751 by three other odes, *Oda, vybrannaja iz Iova, glavy 38, 39, 40 i 41, Utrennee* and *Vecernee razmyšlenie o Božiem Veličestve* in that order. For some reason it has often become a practice to publish the latter two Meditations in reverse order (as in the already cited Morozov publication of select Lomonosov's poetry in 1965). Yet, as it was the case with the Psalms, the order of these three odes seems to be essential for a fuller understanding of Lomonosov's exposition of the poetic material. These odes are interconnected with each other in a thematic way because each ode explores the question with which the preceding ode ended. Thus, while the last stanza of *Job* starts

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителеву власть,

the first stanza of the succeeding *Morning Meditation* ends with the motto of the entire ode:

Представь, каковЪ Зиждитель самЪ!

Similarly, the last ode, Evening Meditation, depicts the grandeur of creation in the multitude of Stars (while the preceding ode was concerned only with one Star -- the Sun) and, by treating the *Aurora Borealis* phenomenon as a miracle of the Creator's works, unites all three with an ending that could simultaneously be called a rhetorical question and an enthymeme:

И что малейшихЪ дале звѣздЪ?
Не сведомЪ тварей вамЪ конецЪ?
Скажите жЪ, коль великЪ ТворецЪ?

The multitude of *tvari* (species) mentioned here was, of course, depicted in Lomonosov's *Job* and *zvezdy* (Stars) were the subject of both *meditations*, while the last line in this excerpt referred to the very subject of all three of these odes.

While connected with each other, the three odes are also tied to the preceding Psalms in a similar manner, just as the last chapters of *Job* are connected to the preceding ones in the full version and provide an answer to the plight and suffering of Job. The lyrical *persona* of Lomonosov's Psalms is in a similar plight, and is as much convinced of his righteousness as Job was. It might be therefore entirely possible that Lomonosov's reasons for not completing further transpositions of the Psalms or of his version of Psalm 103 did not rest in his stated "fear" of producing alternate readings of canonical texts (as mentioned in the letter at the outset of this discussion). Rather, Lomonosov's choices were dictated by metatextual designs of ordering his publication in such a way as to *lead* his readers to the *apriori* selected final chapters of *Job* and the two *Meditations*, all three of which are extended glorifications of God. Since Psalm 103 is also such an Ode in essence, its inclusion in the midst of a sequence of Psalms dealing with an image of "ever-suffering Lomonosov" (easily derived by implication from Lomonosov's ordering of texts), would have probably been counterproductive to Lomonosov's aims. Lomonosov might also have felt that its inclusion would be redundant, since much of its thematic material echoes the subject matter of the last chapters of *Job* transposed by him.[118]

On the other hand, the last three works differ in many ways from the Psalms that precede them. As opposed to the Psalms rendered exclusively in quatrain lyrics, the paraphrase of *Job* consists

of fourteen octaves, and the two *Meditations* of fifteen sestets (when counted together) -- a strophic organization never again to be repeated by Lomonosov. In contrast to the Psalms, where the unifying subject matter was the plight of a righteous man, the crux of these odes is in their uninhibited praises of God; thus, they are a special kind of Ode, distinct from both the Psalms and the odes to the rulers (the latter always composed in ten-line strophes) -- the Sacred Ode proper.[119]

It is preeminently this difference, graphically accentuated by the differences in strophic arrangement, that forces the reader of Lomonosov's first *Sobranie raznyx sočinenij* to return to the Psalms and re-examine them as a unified group. It is a group of texts that does not rely on the *expected* declamatory devices of Lomonosov's other odes,[120] nor does it seek to overwhelm its readers "ukrašenno i vitievato, pod kakoju-nibud' figuroju."[121] Rather, their appeal is made to logic and moral persuasion; in short, Lomonosov's Psalms did not start as his first Ode would "Vostorg vnezapnyj um plenil / Vedet na ver'x gory vysokoj..." but with the "Blažen, kto k zlym v sovet ne xodit..." -- thus, the spirit of the *homily* gains ascendancy over that of rhetorical *excitement*, a notable change in rhetorical departure.

The idea of Lomonosov's Psalms being concretely patterned along the lines of *xrija* design will have to remain regrettably a hypothesis, since it is based solely on a close reading of the texts rather than on a direct comment by the author himself. But there is no doubt that his Psalms function as an organized syllogistic medium, a *progymnasmatic* exercise in *epideictic* oratory (in which *xrija* figured as only one in dozens similarly constructed *progymnasmata* for various occasions and purposes). That its message was understood is evident from some of the reactions of the poets and, later scholars. It was to this message and to this design that Sumarokov turned his attention four years later, answering Lomonosov when it became his turn to publish his own select group of Psalms in the first year of printing of *Ežemesjačnye sočinenija*, as will be discussed in the next volume.[122]

Finally, it should be perhaps stressed that no attempt was made here to minimize the individual importance of every one of Lomonosov's Psalms as a self-contained poetic entity. His Psalms proved extremely popular with the reading public of his time and entered numerous manuscript collections of verse in the latter part of the eighteenth century.[123] Later, undoubtedly reflecting popular tastes, they were included as the first entries in Rešetnikov's collection of eighteenth-century Psalms,[124] and Puškin, generally hostile after the

Lycee years to the principle of Lomonosov's poetry, summed up, nevertheless, this overwhelming Russian appreciation of Lomonosov's religious verse, stating:

> ...переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его [Lomonosova, A.L.] лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему.[125]

⁂

Chapter IV: Trediakovskij's Contrapuntal Syntax

Vasilij Kirilovič Trediakovskij must have spent at least twenty years in his preoccupation with the Psalms, beginning his interest as early as 1732,[126] if not before, and culminating in the completion of his versified Psalter in 1753. Even then his long-time efforts in this area did not cease, though his creative energies in composing transpositions of the Psalms had to be rechanneled into endless attempts to get them published.[127] Trediakovskij's last years, however, were most unfortunate, and he died in extreme poverty without ever seeing what he considered as his two pivotal works, *Feoptija* and the *Psaltir'*, in print.[128] In fact, Trediakovskij's experience with the earliest renderings of the Psalms seemed to foreshadow the fate of his *Psalter*, as one may gather from a document of 1732 cited by Pekarskij:

> ...при пении ТредиаковскимЪ сочинения своего псалмы, оный [архимандрит Платон] Малиновский, для лучшего вразумления, велел тоё псалму оному Тредиаковскому... говорилЪ, что оная псалма вере нашей противная и еретическая...[129]

Similar objections were raised in 1757 by the printing office of the Holy Synod concerning Trediakovskij's *Feoptija*, citing "sumnitel'stva v Feoptii naxojaščiesja,"[130] and since Trediakovskij insisted to have his *Psaltir'* published together with *Feoptija* (even on the same paper and in the same format),[131] both works were shelved for posterity and did not appear in print.[132]

Nevertheless, Trediakovskij did have a chance to publish both his views on the Psalms and some of his transpositions during the ascending and peak years of his literary and academic fame. As was noted in the beginning of this chapter, he advocated using the Psalms as perfect examples of the Ode genre as early as 1734 and, it should be stressed, considered them the only domestic tradition that could rival the Odes in other languages.[133] On the same occasion he commented at

length on the then-current paraphrase of Psalm 100 by Feofan Prokopovič, noting:

> Говоря о ГрекахЪ, РимлянахЪ, и ФранцузахЪ, не могу я умолчать о природномЪ нашемЪ Россїанинѣ, то есть, о ПреосвященнѣишемЪ Феофанѣ Прокоповичѣ, Архїепїскопѣ ВеликоновгородскомЪ и ВеликолуцкомЪ, Святѣишего Прави- тельствующаго Всероссїискаго СVНОДА первенствующемЪ членѣ, котораи, поистиннѣ, какЪ другїи *Горацїи,* толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся вЪ предражаишеи своей Одѣ, сочиненнои имЪ на латїнскомЪ языкѣ, когда блаженныя и достославныя памяти, ПЕТРЪ ВТОРЫИ, ІМПЕРАТОРЪ и СамодержецЪ Всероссїискїи, отправлялся вЪ Москву для Коронованія, что *Горацїи* бы самЪ, посмотрѣвЪ оную, вЪ удивленїе пришолЪ, и тужЪ бы его Преосщенству справедливость похвалы учинилЪ, которую я ему теперь отдаю. ВЪ неи самое начало важно, средина великолѣпна, и прямаго Эмтузїасма пїитїческаго, конецЪ удивителенЪ, и достоиннЪ во всемЪ языка священноначальническаго; а наипаче *ПарафразїсЪ* сотаго псалма, толь кЪ стати, толь хитро, толь сЪ мудрымЪ избранїемЪ словЪ равняющихся почти подлинныхЪ высотѣ, на конѣцЪ, толь разсудительно, и остро отЪ его преосвященства положенЪ, что симЪ самымЪ, кажется, и *Пиндара* и *Горацїя*, *Боало* и *Малгерба* превзошелЪ онЪ, и почти отнялЪ у нихЪ всегда зеленѣющїися ЛаVрЪ ЛVрїчества. Я когда прїѣхалЪ изЪ Францїи вЪ СанктпетербургЪ, и чрезЪ прїятство одного мнѣ друга, вЪ Санктпетербургскои Імператорскои Академїи наукЪ, достоинаго АдЪюнкта, лишЪ вЪ первые сталЪ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалЪ ЭнтузїасмЪ Ея превысокїи, то вЪ толь великїи ЭнтузїасмЪ удивленїя и самЪ пришолЪ, что не могЪ, свидѣтельствуюся совѣстїю моею, удержаться, чтобЪ сЪ дважды, или сЪ трижды не вскричать: БОЖЕ МОИ! КакЪ эта Ода хорошо, и мастерски сдѣлана! Начинается сїя *Ода* тако:
> *Contende Felix, auspice Numine,* и проч:[134]

Trediakovskij's enthusiasm for the paraphrase in question seems to be indeed genuine, and it may well be the case that it was Prokopovič's example which played the decisive role in Trediakovskij's future interest in Psalm transpositions. Since Prokopovič's Psalm 100 was

composed as an *Ode* commemorating the coronation of Peter II, Trediakovskij might have engendered his own view of all Psalms as model Odes in connection with this event. Some twenty years later Trediakovskij expanded his view of the Psalms as models for all poetry, stating:

> ...доказать бы многимЪ, кои, углубляясь вЪ ПіндаровЪ и АнакреóнтовЪ, не мнятЪ ужé нигдѣ быть подобной Высотѣ и Сладости, что-Язы́ческое оное и Свѣтское Велелѣпіе вЪ пѣсненныхЪ СлóгахЪ, есть токмо тѣнь, или еще-и-тá, Божіяго и Небеснаго Гласа, вЪ ДавідовыхЪ ПсалмахЪ гремящего.[135]
>
> СловомЪ, вЪ ПсалмахЪ единственный и точный есть óбразЪ превосходныхЪ и прекрасныхЪ ПіитіческихЪ Изображеній, сердце, душу, и умЪ вЪ преестественный нѣкій восторгЪ порѣвающихЪ и восхищающихЪ.[136]

Despite Trediakovskij's failure to have his entire Psalter published, he did succeed in demonstrating select examples of his work in his first *Collected Works* of 1752, which contained ten Psalms (Nos. 1, 6, 18, 42, 51, 78, 111, 139, and 143) and all the Psalmodic Songs.[137] Among the most noticeable aspects of Trediakovskij's first collection of sacred odes is the incredible variety of stanzic arrangements, ranging from quatrains to ten-line stanzas and exhausting every possible option of strophic length between this lower and upper limit at least twice in the entire collection of twenty-two entries. While some aspects of Trediakovskij's interest in the *Stanza* form will be covered in this section, his use of it as an important rhythmic device will be explored in our discussion of Sumarokov. Another interesting feature of Trediakovskij's organization rests in his selection of meters: while all his Psalms are rendered in the trochaic meter, the rest of his *ody božestvennye* are iambic. This observation becomes especially curious when compared with his entire Psalter, in which he used both meters to almost the same degree. It is as if Trediakovskij wanted to defend his own trochaic transpositions of the Psalms against Lomonosov's exclusive reliance on the iamb in the latter's *Collected Works* published a year earlier, and selected only trochaic transpositions of the Psalms from his nearly completed Psalter. In his Psalmodic Songs, on the other hand, Trediakovskij elected to use exclusively iambic meter perhaps to prove that he could use both meters equally effectively. The fact that Trediakovskij had Lomonosov in mind can be ascertained from several other apparent coincidences, such as the fact that

Trediakovskij's first and last Psalms are the same as those used by Lomonosov, as well as that Trediakovskij elected to reprint the entire foreword from the booklet *Tri Ody*...(discussed before) on the relative merits of using trochee and iamb, prefacing his revised version of Psalm 143. Thus, the spirit of competition in the realm of Psalm transpositions continues for Trediakovskij in the early 1750s, as it will for Sumarokov three years later.

If Trediakovskij selected trochaic Psalms of 1752 to reaffirm his views on metrics, his transposition of the entire Psalter a year later was in a way a pivotal realization of his life-long quest, spanning at least two decades and culminating in the last three years of intense work in this area.[138] Trediakovskij must have considered his Psalter the best application of his theoretical views as posited in *Sposob* of 1735 proving, he hoped, his competence not only as a literary theoretician, historian and scholar, but also as a poet. It is for this reason that in his introduction he emphasized, among other things, the inspirational nature of the Psalms, producing a fiery, sermon-like, almost baroque rhetorical statement on their personal relevance to him:

> Все обоняю вЪ ПсалмахЪ Велико, Величественно, Велелѣпно! Все дышущее БожiимЪ ДухомЪ, благоухающее Святостiю, и вѣщающее БожественнымЪ краснорѣчiемЪ ощущаю! вЪ нихЪ красуется Небо сЪ златозарными Свѣтилами, и сЪ силами ПолковЪ и КруговЪ ихЪ неисчетныхЪ; вЪ нихЪ шумно рыщетЪ, вЪ торжественномЪ возмущенiи, воздухЪ сЪ тучами, сЪ громомЪ, сЪ молнiями; вЪ нихЪ земля вЪ заклепахЪ своихЪ и твердыняхЪ, сЪ горами и холмами скачетЪ; вЪ нихЪ море сЪ безднами играетЪ, а рѣки и источники вЪ веселiи плещутЪ; вЪ нихЪ огнь и са́мый ЕѳирЪ ликовствуетЪ бурно; вЪ нихЪ вся Тварь, весь родЪ вещества, все Естество, вЪ превыспреннихЪ мѣстахЪ и преисподнихЪ, трепещетЪ присутствiя Владычня, трясется отЪ облистанiя Его, внемлетЪ вЪ ужасѣ мановенiе вседержавныя Десницы, вЪ страхѣ чуди́тся всемогущей Силѣ, отЪ непостижимыхЪ судебЪ премудрости Его оцепенѣваетЪ, неизреченную Благость превозноситЪ, предЪ ВѣличествомЪ Его благовѣетЪ: вЪ нихЪ все хвалитЪ Го́спода, и хвалится са́мо свои́мЪ преверховнымЪ СодѣтелемЪ и ЦаремЪ.[139]

It is also in this connection that Trediakovskij posited his view of the Psalms as sources of all "superb and splendid poetic Portrayals," and by so doing, as well as by selecting the very manner of writing about the Psalms (as witnessed in the above quotation), he was reviving some elements of Old Russian (rather than contemporary Western) literary aesthetics.[140] On the other hand, he felt that the poetics of the Psalms would be best recaptured by applying his new system of versification, giving free reign to "true" *lyric verse*, and not that of Polockij, whose transpositions were of questionable poetic merit, as he stated further:

> Преложение Сімеона Пóлоцкаго, есть не токмо не Лíрíческое, но и какова бЪ было изЪ Поэзіи вида, определить не безЪ трудности; а что притомЪ-онó-еще какЪ-вездѢ, такЪ и вЪ Сáфіческой его Строфе не Стихами, [выключая Рíфму, которая-отнюдЪ не составляетЪ Стіха по внутренности, но извнѢ токмо украшаетЪ оный], о томЪ ужé между искусными нѢтЪ ни малаго сомнения. Сие впрочемЪ сказано не вЪ укорЪ Чеснóму и Ученому Мужу, успшему ужé о ГосподѢ: я вѢдаю, что-о-мéртвыхЪ или ничего, или сЪ похвалою говорить должно. Но понеже вЪ его время Стихотворенíе наше не имело-еще ПравилЪ, нé-было приведено вЪ порядокЪ; то каждый не можетЪ не чувствовать, что недостатокЪ былЪ сЪ нашея стороны, а не вЪ немЪ.[141]

In a way, Trediakovskij competed with Polockij as Polockij had competed with Kochanowski, replacing the Polish vernacular poetic norm with the syllabic, rhymed verses of Church Slavonic or *slavenskij jazyk*, as he called it. Even some of their argumentation for producing their respective versions is the same. If Polockij in 1680 complained that many Russians "became accustomed to singing [Polish] Psalms, understanding little or not at all the language,"[142] Trediakovkij was to assert that his contemporaries also did not understand the poetic significance of even the Church Slavonic Psalms in everyday church performances, in which the readers "only beat the nearby air with pronouncements without understanding their contents," as he put it.[143] He also expressed his hope that his *Psaltir'* would soon be set to music, as the Psalters of Polockij and Kochanowski had been earlier, thus becoming the standard poetic version in Russia.[144]

If Trediakovskij's Psalter was to become the new standard and the only Russian version which captured, as he believed, the essence of *Boźestvennoe krasnorečie* (Divine rhetoric) and *Velelepie* (Supreme Beauty [see Psaltir' p. 4]), it would be assured of such success not only because of the manner in transposing individual Psalms into syllabo-tonic verse, but also through periodic displays of scholarly erudition, which Trediakovskij imbedded in the prefaces to individual Psalms, betraying what could be called his *encyclopedic* approach to the Psalter. These often lengthy prose introductions, used to separate various versions of the Psalms (which were not, incidentally, supplied to his Psalms in the *Collected Works* of 1752), seem at the same time to have been used by Trediakivskij for several other important reasons. Among other things, they prepared the reader for changes introduced into a particular Psalm, as they justified these changes by embedding them in the general summary of a Psalm. Usually these changes were in line with canonical Orthodox interpretations of particular Psalms, as it is in the case with Psalm 2 whose introduction is followed by a text featuring the name of Christ, thus forming an anagoge:

Introduction:

> ДавідЪ показываетЪ симЪ ПсалмомЪ достовѣрность свою́, что-намѣреніе Царей и НародовЪ, противившихся ему, будетЪ тщетно, и что, несмотря́ на ихЪ стремительство, БогЪ, помазавшій его вЪ Царя, утвердитЪ ему Царство. Увѣщаваетъ онЪ ихЪ, покориться воли Божіей, и ему служить, дабы не навесть имЪ на себя мщенія Его. Сей ПсаломЪ есть Пророческій, и возносится кЪ Го́споду нашему ІисусЪ-Хрісту.

First stanza:

> Почто Язы́ки возмутились?
> Народы взяли вЪ мысль тщету?
> Цари землі́, на злобу ту,
> Представши сЪ Князи сЪединились
> На Го́спода толь Своего,
> И купно на Хріста Его![145]

On other occasions Trediakovskij did not enter any variant readings into the texts of introductions; in such cases they were only summaries of the contents, as is the case with Psalm 4, which has the following introduction:

Давідъ проситъ пóмощи на своихъ враговъ. Увѣщаваетъ сихъ, оставить свой умышленія, и покориться волѣ Божіей, учредившей его Царемъ. Объявляетъ онъ, что-надѣется-на-Единаго-Бóга, и что-твéрдое упованіе на Его милость творитъ его Давіда благополучнѣйшимъ, нежели любящіи мірское въ сáмомъ крайнемъ своемъ преспѣяніи.[146]

It should be noted that even in such summaries there were verbal resonances, such as *Uveščevaet ix, pokorit'sja vole Božiej, utverdivšej ego Carem*, etc. in these two Psalms, coupled with such beginnings as *David pokazyvaet, David prosit, David ob"javljaet* (in Psalm LXI), etc., that one can speak of Trediakovskij's attempt to produce interdependent rhythmic units in prose, as if paralleling the thematic interdependence of most Psalms.

Sometimes Trediakovskij engaged an expanded *tolkovanie* (discussion of the meaning) as in the case of Songs of Ascent preceding his version of Psalm 119:

Впрочемъ, сей Псаломъ надписанъ ПѢСНІЮ СТЕПЕНЕЙ, какъ - и - слѣдующіи четырнатцать во всей Каѳисмѣ, отъ Еврейскаго слóва МАГАЛОТЪ. Слово сіе не токмо значитъ СТЕПЕНЬ, но и ПРЕВОСХОДНОСТЬ. Чего ради, нѣкоторыи толкователи, пріемля сіе слово въ послѣднемъ второмъ знаменованіи, мнятъ, что Псалмы сея Каѳісмы названы ПѢСНЬМИ ПРЕВОСХОДНЫМИ, за ученіе содержащееся въ нихъ. Другіи, толкуя сіе слово СТЕПЕНЬМИ, утверждаютъ, что-сіи-Псалмы-сочинены́, да воспѣваются отъ приходящихъ въ Іерусалимъ на торжественныи празники; сіежъ для тогó, чтобъ имъ было чемъ себя упражнять въ святыхъ размышленіяхъ, при затверженіи ихъ Псалмовъ, которыи-воспѣты бы имъ въ Собраніи. Третіи Толкователи прилагаютъ сіе Слово къ возвращенію изъ Вавілонскаго плѣна, и думаютъ, что-сіи-Псалмы- посвящены́-особливо на воспоминаніе того Избавленія. Четвертыи, переводя тожъ слово СТЕПЕНЬМИ и ВОСХОЖДЕНІЯМИ, возносятъ сіи Псалмы къ чину Священныхъ пѣвцовъ, упоминаемыхъ въ первой Книгѣ Паралїпоменонъ [Лѣтописей или Дополненій] въ Главѣ 25. и содержатъ, что - они - были - воспѣваемы - отъ - Левітовъ, когда - они - восходили - на - СТЕПÉНЬ Моисееву, для чтенія на ней Закона, какъ-то-объявляется въ Главѣ 9. въ Стіхѣ 4. Нееміи.[147]

Last, Trediakovskij in many of these "introductions" defined the generic nature of certain Psalms by such statements as: "Sej Psalom est'

Molitva" (This Psalm is a Prayer [in Psalms 3, 16, 60, etc.]) or "Sej Psalom est' Učenie" (This Psalm is a Teaching [Ps. 14, etc.]); other genres like "Pesn' blagodarstvennaja" (Song of gratitude [Ps. 17]), "Poxvala" (Encomium [Ps. 102]) or "Nastavlenie" (Sermon, Psalm 31) were mentioned.

All this characterizes Trediakovskij as a peculiar type of a poet, a poet who was at the same time a compiler, a scholar, a thinker and a public servant (public demand for his Psalms is repeatedly mentioned and appealed to in the introduction to his Psalter), even a bit of a theologian. Like Lomonosov earlier, Trediakovskij was very much concerned with recapturing the "razum" (meaning) of individual Psalms, but unlike his talented compatriot, Trediakovskij was not deterred by the difficulties of such a task and, arming himself with several versions of the Psalter (in the introduction he mentions the Greek Septuagint -- *semidesjatnyj* -- Psalter and two versions, Latin and French, of the Hebrew Psalter), he went ahead with his work. But his versified versions of the Psalms produced new ambiguities which he felt had to be countered within the texts by *razum grammatičeskij* (grammatical coherence), as well as by his prose introductions:

> ...добирался я, по возможности, до желаемыя мнѣ вЪ Славенской Псалтирѣ ясности, которую-разлить-всюду и по преложенію моему всемѣрно тщался; чего ради и каждаго Псалма Літера́льную силу кратко изЪяснилЪ, и положилЪ такія Описанія предЪ всякимЪ.[148]

Trediakovskij's dual concern with clarity (*jasnost'*), on one hand, and the principles of *Divine rhetoric* (*Božestvennoe krasnorečie*), on the other, resulted in a peculiar manner of Psalm renderings, which could be perhaps best described as based on a technique of retardation in exposition of poetic material where economy was one of the least desired objectives. In many of his Psalms, Trediakovskij used *variable repetition* of complete poetic lines, homonyms, synonyms and words based on the same root, all intended to call the reader's attention to the previous idea or image: such repetitions were not used in a refrain-like manner, but rather consisted of constantly changing nuances of meaning in individual images and utterances introduced earlier. As such, they constituted no longer simply repetitions, but images and phrases with changed modality, or repeated signals in new contexts. Thus, Trediakovskij's rhythm of poetics can be considered akin to what is called "back beat" in contemporary music or regressive (e.g. one that

is based more on a recollection of a signal than on an expectation or anticipation of it, as it happens with simple rhyme, for example). Such reflexive devices reached back not only to the preceding verse-line, but interpenetrated verse-lines of the entire stanza, and, it might be said that his ordering in the Psalm transpositions is contrapuntal, rather than linear. Consider Psalm 107 as a case in point:

Stanza 1:
Мое готово сердце, Боже,
Готово, Боже, сердце все;
Хваленіе пою я се,
И воспою во славѣ тоже:
Встань сЪ гусльми Арфа днесь моя́,
И самЪ востану рано я.

Almost every word in this stanza has a doublet either on morphological or semantic levels, creating an incredibly organized, closely knit structure of interpenetrating units of meaning: *Moe* - *moja* (lines 1 and 6), *gotovo* - twice (lines 1 and 2), *serdce* - twice (lines 1 and 2), *Bože* - twice (lines 1 and 2), *xvalenie* - *slave* (lines 3 and 4), *poju* - *vospoju* (lines 3 and 4), *ja* - twice (lines 3 and 6), *vstan'* - *vostanu* (lines 5 and 6), *gusl'mi* -*arfa* (line 5), *dnes'* - *rano* (lines 5 and 6). Some of these could be expanded into a whole series of echoing elements, such as those of the personal pronouns *moe* - *ja* - *moja* - *sam* - *ja*, the first of which begins and the last ends this stanza and constituting, therefore, its primary vertical axis of meaning, or those of verbs linked in a gradation *poju* - *vospoju* - *vstan'* - *vostanu*, forming the lateral vertical axis.

All this demonstrates beyond any doubt that Trediakovskij's method of transposition was far from being haphazard and that Trediakovskij did not suffer from lack of talent, as has been too often said, but rather that his method involved a great deal of poetic craftsmanship. Clearly, Trediakovskij attempted through this principle of textual echoes to recreate some of the basic mechanisms of rhythmic organization found in Biblical passages and only intensified the repetitive element in his transposition. On the other hand, while interesting as an organizing principle, his method often resulted in a high degree of redundancy, which accounts for Trediakovskij's versions of Psalms being usually twice as long as those of his contemporaries.

Perhaps, repetition of key elements was also Trediakovskij's way of assuring what he called *clarity* in emotive aspects of verse, such as depicting the intensity of a prayer in Psalm 141 through a gradation of rhymed verbs *vopijal - pomolilsja - prolijal - izvestilsja* in stanza 1, among other elements of repetition noted below:

Я кЪ Господу вЪ гласѣ вопіялЪ;
Я кЪ Богу гласомЪ помолился:
ПредЪ НимЪ мольбу я пролїялЪ,
ОнЪ о печали-бЪ извѣстился.

Here we can observe the following doublets: *Ja* - three times, *k Gospodu - k Bogu, v glas - glasom, vopijal - pomolilsja, pomolilsja - mol'bu, nim - on,* not to mention such obvious organizational features as rhyme and an emphatic progression at the beginning of the lines: *Ja k Gospodu - Ja k Bogu - Pred nim - On.*

When used sparsely, such repetitions proved to be an effective rhythmic device, like in the first stanze of Psalm 2, quoted earlier, in which we have two rhetorical questions and the following semantic doublets: *Jazyki - Narody, Cari - knjazi,* and *Gospoda - Xrista.* Overuse of such repetitions at times produced a more static effect, such as in Psalm 8, verse 1 "O! Gospodi, Gospod' naš Bog!" or in the second stanza of Psalm 5 in which he attempts to render the intensity of prayer:

О! Царь мой, о! и Боже мой,
Вонми и гласЪ, и вопль презѣльный:
Тебѣ молюсь, Тебѣ, рабЪ Твой,
Взывая Тя, о! Беспредѣльный.

This stanza crowded with synonymous expressions shows another feature of Trediakovskij's poetics of reflection. He often took the fancy of pondering over the same line or the same single idea (as in this case) or image (below), expanding a Biblical utterance into a full stanza. Such is the case with Psalm 62, where he transforms the Biblical verse "v zemli puste i neproxodne i bezvodne" into the following passage captured in the second stanza:

Въ пустой скитаюсь я землѣ,
Въ землѣ не токмо непроходной,
Но удаленной и безводной,
Подверженной всегдашной мглѣ,
Не здравой, блатной, и бесплодной.

K. B. Jensen and P. F. Moller have recently published an article in which they perceptively observed Trediakovskij's insistence on tautological effects.[149] They have also ventured to broaden their discussion, based on a single Psalm (143), to form a general opinion on the essence of the poetical styles of the three poets -- Trediakovskij, Lomonosov and Sumarokov.[150] In Trediakovskij's case they noted a "tendency to amplification and tautology," "rhetorical profusion and verbocity," "insistent and heavy style," all under a section entitled: "Trediakovskij's quantitative rhetoric."[151] Many of these observations are apt descriptions of Trediakovskij's approach to Psalm paraphrase, but they cannot apply to Trediakovskij's total literary output or even to any consideration of his "style at that particular time,"[152] if there is such a phenomenon at all. As a matter of fact, one could effectively argue that Trediakovskij, as opposed to Lomonosov or Sumarokov, never found his literary style, and spent his life in an unceasing search for one, ending his literary career with a sum of varied approaches to literature and literary genres. L. Timofeev summed it up perhaps rather too neatly, but still far more accurately, when he observed:

> В отличие от Ломоносова, стремившегося к строгому единству стиля, что так отчетливо и сказалось в его теории трех стилей, Тредиаковский стремится к *многостильности* речи, причудливо объединяя и архаизмы, и просторечия, и неологизмы и т.д., теоретически обосновывая эту позицию в «Предызъяснении» к „Тилемахиде“[153]

While not entirely agreeing with Timofeev's term *mnogostil'nost' reči* (multi-styled speech) since there was no agreed upon, normative, "odnostil'nost' reči" at the time, we could bring forth numerous examples that he does not use to illustrate his statement, such as the first two stanzas of Psalm 129:

О! Господи, Тебя зову
Изъ мѣстъ къ себѣ я преглубокихъ:
Услыши, Господи, реву;
Услышь мой гласъ въ мѣстахъ высокихъ.

Да внемлютЪ ушеса Твои
Взывающую Тя молитву,
И всѣ моленія мои;
ВнявЪ, отжени грѣховну битву.

One can observe in this short excerpt all kinds of clashing forms like the archaic dual *usesa* and the vulgarism *revu,* superimposed upon each other, an open-ended imperative *uslyši* and a closed one *uslyš'* -- all this on a morphological level, not to mention semantically contrasted or opposed words as *zovu - revu, preglubokix - vysokix, Tvoi - moi, Molitvu - bitvu* that are used in his rhymes.

In contrast to both previously mentioned views, it appears that a discussion of Trediakovskij's style as "insistent and heavy" or as expressed by *multi-styled speech* is not entirely productive, at least as far as his Psalms are concerned and even prejudicial in the former case. Perhaps it would be more advantageous here to talk of his *method,* rather than his style, since it appears that his stylistic considerations were overruled by a unified "master plan" centered on raising the instantaneous emotive character of each poetic line by a reversal of an expected syntactic progression or by a "flashback" to the previous informational signal by means of tautological effects, partly discussed earlier. Trediakovskij's Psalms could not be appreciated by speed reading; his work resembles the art of making tapestries, where every movement forward necessitates a backward motion and every color, in order to be recognized as such, requires at least two threads. Thus, Trediakovskij probably would not have shared the contemporary view positing that the poetic function of a text is proportional to the amount of ambiguity in the information transmitted by it. Instead, he would have probably argued for an optimum amount of information presented as clearly as possible in a superior poetic text (see his argument for *jasnost'* [clarity]), but the ideal poetic text itself must have been for him a necessarily complex and carefully constructed stratum of available lexical and semantic material.

Furthermore, it was a craft of the maker that separated *Divine rhetoric* from ordinary speech and not the lexical material itself; hence, Lomonosov's theory of literary styles was epistemologically foreign to Trediakovskij. That is not to say, of course, that he had no preferences in the choice of lexical elements; (he argued on numerous occasions for a maximal utilization of *slavenskij jazyk* in literature), but it was the *way* those elements were used that mattered to him the most. Above

all, it was a complexity and unpredictability of poetic syntax that elevated art above ordinary means of communication. Consider the first stanza of Psalm 130:

О! Господи, не вознеслось
Мое внутрь сердце, ни взноситься
Очами мнѣ когда-далось;
Не тщался годрымЪ разгласиться.[154]

Such a neo-Horatian complexity in syntax appears especially frequently when Trediakovskij attempts to reiterate the message or an image. So, in the first stanza of Psalm 89 he undoubtedly strove for a full depiction of God's timeless presence. The result was the following:

Господи! Ты былЪ всегда
НамЪ прибѣжище вЪ родЪ роды:
Прежде нежель го́ры, во́ды,
И была-земля́-когда,
Прежде Мiра сЪ человѣки;
Ты́-СамЪ, отЪ вѣковЪ и вЪ вѣки.

This stanza demonstrates, apart from its syntactic complexity, perhaps better than other examples, what I have called the *contrapuntal* nature of Trediakovskij's work -- a method, involving perception of the entire stanza at once, in addition to its reading line by line. Note that each verse line in this stanza contains a referent of time, while each successive line functions as a flashback with such referent to the preceding one, as well as to the first, e.g.: *vsegda - v rod - rody - prezde - kogda - prezde - ot vekov i v veki*; at the same time, the last line encapsulates the whole stanza into a closed unit by a mirror-like reiteration *Ty-sam, ot vekov i v veki* of the semantic message in the first line: *Gospodi, Ty byl vsegda.* Such organizational features were simply overlooked by his critics, who accused him of inability to write intelligibly, as if that were his stated goal. Such critics ignored the fact that Trediakovskij was ready to sacrifice the smoothness of syntax to other aesthetic values and also the fact that Trediakovskij elevated the complexity of syntax itself to the level of poetic norm, such as it was, for the most part, in Latin poetry, for instance.

Most of Trediakovskij's tautological effects, however, did not serve only as organizational and rhythmic elements. They also reflected his peculiar philosophical approach to Psalm paraphrase. Upon prolonged reading of Trediakovskij's Psalter one gets an

impression that he strove for a total decoding of individual locutions in the Psalms. On the whole, he was faithful to the text; but he supplemented it with his own parables and truisms absent in the original, as in the case of Psalm 116 (discussed in Russian introduction), in which he expanded the short, essentially panegyric Psalm into a full-fledged parable. He transformed even shorter, microscopic utterances and endowed them with philosophical supplements. Consider the verse "Dal esi veselie v serdce moem" from Psalm 4 and his treatment of this line at the beginning of the fifth stanza:

Ты взвеселилЪ мой духЪ Тобою
Обильнѣе, нежЪ тѣхЪ была
Велика радость суетою...

Similarly, in the same Psalm, the verse "V mire vkupe ousnu i počiju, jako ty Gospodi edinago na oupovanii vselil mja esi" received the treatment of a full (sixth) stanza:

ИтакЪ, уснувЪ почію твердо,
Но и вЪ спокойствіи моемЪ:
ЕдинЪ Ты, Боже, милосердо
Меня Единаго вЪ ТвоемЪ
ВселилЪ покоѣ безопасна,
И ни кому ужЪ не подвласна;
На тя надѣюсь житіемЪ.

Especially prominent are the inversion "Edin Ty, bože, miloserdo / Menja Edinago v Tvoem" and the last line antonym *žitiem* to the first line *usnuv počiju* suggesting the image of death.

On the whole, Trediakovskij's *Psaltir'* could be perhaps better characterized as akin to ornamental verse and finding its roots more in medieval poetics than in contemporary literary concerns -- a sort of refined and changed version of the the *pletenie sloves* style. On the other hand, Trediakovskij's constant "opening up" of key utterances in Psalms is more akin to baroque vacillations on meaning: His Psalms could be viewed as multiple labyrinths of endless shifts in word semantics, since for Trediakovskij there was usually a whole world of interpretations beyond a rather straightforward Biblical utterance. Hence his semantic doublets (triplets, quadruplets, etc.) cannot be really called tautologies, as they were by Jensen and Moller, because their effect is that of variations on a theme, not just its repetition.

Some Biblical passages are assumed by Trediakovskij to have allegorical meanings that are to be explained in the process of textual progression, as in the case of Psalm 118, stanza 35:

Твой ЗаконЪ мнѣ есть Фанарь,
ОнЪ моимЪ ногамЪ СвѣтильникЪ;
Лучь же отЪ его всѣхЪ зорь,
СвѣтЪ стезямЪ, кЪ дѣламЪ БудильникЪ;...

Other quotations are transformed from similes and metaphors to extended allegories such as in the verse "Snidet dožd' na duno, i jako kaplja kapljuščaja na zemlju" from Psalm 71 which Trediakovskij rendered in the following way:

КакЪ-дóждь онЪ снидетЪ на руно,
Или какЪ-дóждичекЪ росистый
На-лýгЪ, гдѣ-бы́ло кошенó,
И нáчалЪ паки быть травистый.

The last line in the above passage does not seem to fit syntactically with the rest of the stanza, which brings us to another curious aspect of Trediakovskij's manner of transpositions -- namely, his rather free understanding of poetic license. An erudite scholar, Trediakovskij allowed grammatical incongruences (such as in Psalm 96 where he found a quite elegant solution to the canonic "Oblak i mrak okrest ego" in the transposition "Mrak oblak ego obstali" were it not for the third person plural ending of the verb, unwarranted by the subject *mrak* in the singular), colloquialisms, vulgarisms (such as *lis' mne zavyt'* in Psalm 4, *zuby vybil mlatom* in Psalm 3, etc.), rhyming soft and hard endings (*otnjud'* and *ljud* in Psalm 13), all kinds of archaic constructions and seeming anarchy in syntax, as one could readily sense from most of the quoted selections. Yet, beneath this multitude of lexical choices, syntactic arrangements and stylistic levels, coupled with a surprising degree of stanzaic experimentation,[155] Trediakovskij's Psalter strikes one with a unified conceptual approach behind his work[156] -- a "master plan" which seems to overpower purely stylistic considerations and which undoubtedly deserves further study in the future.

Ultimately, the extent to which Trediakovskij succeeded in achieving the limits of *Divine rhetoric* by his transpositions will be judged by readers separated from his time by well over two centuries:

this seems hardly fair to the learned poet who stood at the very doorstep of modern Russian literary history. On the other hand, the twentieth-century literary scholars generally prove to have formed a much more receptive audience to Trediakovskij's efforts in literary theory and practice than his contemporaries ever accorded him.

With this in mind, let us close this cursory discussion of Trediakovskij's Psalter with a selection from the *Psalms of Praise* that summarized most of the noted organizational principles of Trediakovskij's poetics employed as suggested to evoke the combined feelings of clarity and solemnity, and achieved by the means of semantic clustering and imagery echoes. Other important means of poetic organization, such as internal rhyme and euphonic orchestration, although prevalent in his poetics, were not discussed in this subchapter. Even though they function as additional elements of repetition and thus reinforce the basic mode of Trediakovskij's transposition, they are generally sufficiently transparent devices for any attentive reader and do not merit separate discussion here. Nonetheless, they might be noted briefly at least in closing, since they graphically illustrate what I attempted to call the contrapuntal manner of Trediakovskij's style. The euphony in the first stanza from Psalm 145 is centered around the realization of each phoneme comprising the initial word *Xvali* with an added sybillant *s*, while the entire stanza is penetrated with the obvious progression of interrelated units of meaning *Xvali - xvali - poxvala - vnemli - vosxvalju - vozglasno*:

Хвали, душа моя; хвали
НадЪ всѣми Гóспода Всесильна;
Ему будь похвала умильна;
Всегда едину ту внемли:
ВЪ жизнь Бога восхвалю прекрасно,
Пока есмь, буду пѣть возглáсно.

As one can notice, each verse line reintroduces both, euphonically and semantically, the initial concept of the praise by the means of morphological and semantic echoes, just as variable melodies do in the vertical analysis of counterpoint. Needless to say, this particular example also happily illustrates what Trediakovskij might have meant by his dictum that all Psalms can be considered as Odes and, thus, seems a particularly suitable selection for closing this separate discussion of Trediakovskij's Psalms.

Inevitably, further insight into the stylistic principles of any author is gained through comparison with the product of another; a comparison of Trediakovskij and Sumarokov follows in the next volume.

Chapter V: Other Forms of Sacred Verse by Trediakovskij.

V. 1. Apart from their contributions in the realm of Psalm transpositions, the three progenitors of modern Russian literature composed other examples of religious verse, some of which proved influential in the later fifties and early sixties, some much later, and, together with the Psalms, played an important part in the development of Russian verse. Some of them were set verse forms, such as the Sonnet (*sonet*) and the Stance (*stans*),[157]others were less sharply defined forms of meditative poetry with religious content, such as the Meditation (*razmyšlenie*) or the Prayer (*molitva*). Although these verse forms were apparently viewed at their inception as separate generic entities, they were later in many instances lumped together, both by their former and later contributors, and assigned to the realm of the Sacred Ode, with their religious content evidently seen as their sole distinguishing feature.

This tendency toward the odic or the panegyric in poetry equally affected some other non-religious genres of poetry, especially so in the seventies,[158] but in verse with religious content a disregard for genre barriers happened much earlier. Thus, Lomonosov (whose range of examples of different kinds of poetry was already far more limited in a generic sense than that of his two compatriots) viewed his own two companion Meditations (*Razmyšlenija* [o Božiem Veličestve]), composed as such in the 1740s, as Odes as early as in the 1750s and referred to them as Odes later in his writing.[159] A similar situation occurred with some of the writings of Trediakovskij and Sumarokov as well as with the works of the poets prominent in the 1760s, as it will be shown below and in the next chapter. However, for the time being, it seems prudent to treat these works as distinctly separate forms of religious verse.

Two principal categories of religious verse prominent throughout the century will not be discussed in this chapter. One of

them is the group of nine psalm-like Songs, traditionally considered as part of the Psalter and referred to as Psalmodic Songs in Christian tradition. It contains the two Songs of Moses, Songs of Deborah, Isaiah and the Three Holy Children, etc. The group was not evidently considered as separate from the Psalms by the poets transposing such Songs and does not warrant separate discussion. The other category consists of independently composed panegyrics to God, such as the mentioned Lomonosov's *Meditations* or select Sumarokov's Hymns, which, together with a select group of free transpositions of various sacred texts, gave rise to the Solemn variant of the Sacred Ode and will be discussed separately in the last chapter.

V. 2. *The Holy Sonnet.*

With time passing it may become more and more difficult to point to an aspect of verse that was not first attempted by Trediakovskij, as scholars unravel more of his previously unknown literary activities, or activities forgotten by time. As for the sonnet form, it now seems certain that its first printed appearance in Russia in 1732 was authored by no one else than Trediakovskij.[160] It was a Russian version of the then famous French sonnet "Grand Dieu! tes jugements sonet remplis d'equite" by J. V Des Barraux, which in its original French version reads:

Grand Dieux! tes jugements sont remplis d'equite;
Toujours tu prends plaisir a nous etre propice;
Mais j'ai tant fait de mal que jamais ma bonte
Ne me pardonnera sans choquer ta justice.

Qui, mon Dieu! la grandeur de mon impiete
Ne laisse a ton pouvoir que le chois du supplice;
Ton interet s'oppose a ma felicite,
Et ta clemence meme attend que ja perisse.

Contente ton desir, puisqu'il t'est glorieux!
Offense-toi des pleurs qui coulent de mes yeux,
Tonne, frappe, il est temps, rends-moi guerre pour guerre!

J'adore, en perissant, la raison qui t'aigrit.
Mais dessus quel endroit tombera ton tonnerre
Qui ne soit tout couvert du sang de Jesus-Christ!

In 1735 Trediakovskij restructured his first contribution to conform to his newly established principle of versification and rendered it in heroic hexameter, the form most closely corresponding to the French Alexandrine. In 1752 this Sonnet was again published in Trediakovskij's *Collected Works* and again with changes reflecting further developments in Russian poetic practice after the famous theoretical and practical contributions of Lomonosov. Since he produced fully three versions of the same text, one may assume that Trediakovskij attached particular importance to it and reproduce each of them in their entirety:

1732 Version[161]

Боже! коль Твои судьбы правости суть полны!
Благоволяешь всегда ЩедротенЪ кЪ намЪ быти!
ПредЪ Тобой я только золЪ человѣкЪ дольны,
Что Правдѣ Твоей трудно мя весьма простити.

*

Ей! мой Боже! грѣхи ужЪ мои предовольны
Не могутЪ, хоть Ты силенЪ, всяко мукЪ избавить:
Ты самЪ вЪ моемЪ блаженствѣ яко бы невольны,
Милость Твоя меня вся хощетЪ погубити.

*

Буди же по Твоему, ибо Твоя воля,
Гнѣвись на слезы, нынѣ что моя есть доля,
Греми, рази, пора; будь противну противный:
Я чту причину что такЪ Тя ожесточаетЪ.
Но по коему мѣсту поразить мя, Дивный?
Всюду бо ХРІСТОВА Кровь меня покрываетЪ.

1735 Version[162]

СОНЕТЪ

Боже мой! Твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь Ты всегда кЪ намЪ ЩедротенЪ быти;
Но я тако предЪ Тобой человѣкЪ золЪ дольны,
Что ужЪ Правдѣ мя Твоей трудно есть простити.
Ей! мой Господи! грѣхи что мои довольны,
То не могутЪ и Тобой всяко мукЪ избыти:
Ты вЪ моемЪ блаженствѣ самЪ будто бы не вольны,
Вся и Милость мя Твоя хочетЪ погубити.

*

Буди же по-Твоему, то когда Ти славно,
Слезы на мои гнѣвись, очи льютЪ что явно;
ИнЪ греми, рази, пора; противна противный

*

Чту причину, что Тебя такЪ ожесточаетЪ;
Но по мѣсту поразишь каковому, Дивный?
Мя всего ХРІСТОВА Кровь щедро покрываетЪ.

For the 1752 Version see Appendix II[163]

There are several points to be made in connection with this sonnet, no matter which of Trediakovskij's versions one chooses. First, Des Barreaux's sonnet (along with several other sonnets such as Benserade's *Job*) was one of the most popular sonnets in seventeenth-century France.[164] Second, it represents an example of a special devotional invocation of the Deity in Sonnet form typical of early and mid-seventeenth century literature throughout Europe -- the so-called Holy Sonnet as it was known in England at the time (particularly popular among the Metaphysical poets with John Donne's Book of the *Holy Sonnets* being perhaps the best known example), or *Geistliche Sonett* as it was called in Germany; in France, among its numerous practitioners, one should at least mention Jean de La Ceppede (c. 1550-1622) whose contribution to this form of about a half thousand religious sonnets contained in his *Theoremes Spirituels* (1613-21) was especially remarkable. Third, its mode of expression is close to the panegyrism of the Ode and it differs from the Ode only in being always a much more structured entity (limited to fourteen verse-lines as any sonnet would be), in fact, in its English version (which preceded Trediakovskij's first transposition only by one year) this sonnet was referred to as a "noble Hymn."[165] Fourth, by choosing a Holy Sonnet as a model for the Sonnet form, Trediakovskij, as with his Psalms, was in all earnestness opening the doors of Russia's Parnassus to the crux of all literary thematics of the Baroque period, the problems of Christian faith, "the terrible mysteries of which cannot be brightened up by means of devices of poetry," as Boileau would exclaim,[166] mounting himself to the top of France's Parnassus some fifty years before Trediakovskij and banishing from it most forms of poetry with Christian content.[167]

As opposed to Boileau who, in his *L'Art Poetique,* felt that the preceding epoch had not produced a singly noteworthy sonnet) and that "in vain do a thousand authors hope to arrive at one; that lucky

phoenix is still to be found"),[168] Trediakovskij felt that Des Barreaux's sonnet was just such a *phoenix*:

> Оный сонетъ толь преизрядно на французскомъ сочиненъ языкѣ, что насилу могутъ ли ему подобные найтися. Подлинно, что сей токмо можетъ темъ фениксомъ назваться, каковаго господинъ Боало Депро въ Наукѣ своей о Пiитiкѣ, говоря о сонетахъ, желаетъ. Въ немъ коль матерiя важная и благочестивая, толь и стиль есть красный и высокiй. Нѣкоторыи изъ французовъ, предлагая правила о рѣторикѣ, за наилучшую штуку, въ рассужденiи красноречiя, сей въ примѣръ кладутъ. Я хотя переводнымъ и не могу равняться съ подлиннымъ, ибо и не мнѣ трудно то учинить, однако стихомъ нашимъ героическимъ, какъ мнѣ возможно было, такъ хорошимъ написалъ.[169]

Even though Trediakovskij's 1735 version approximates the original fairly closely, his 1752 transposition is a remarkable testament to Trediakovskij's dexterity to change his own set ways: in it he both departs from his formerly favored strictly grammatical rhyme as well as introduces frequent masculine endings, absent in the text of 1735. At the same time, he proves himself as a quite independent translator by removing the original's rhetorical question in the *accumen* (or *chute*), subsequently reinstated by Sumarokov (as shown below). It seems that as demonstrated in his work with the Psalms, Trediakovskij in the early fifties attempted to remove ambiguities from model texts or to explain them in peculiarly his fashion.

The last thing that should be mentioned in connection with this sonnet is that Trediakovskij never offered it to his readers in connection with a Psalm or any other *Sacred Ode*, as has become often the practice with poets after him. Perhaps he felt that *epigrammatic poetry* (within the context of which he mentioned sonnets in both of his *Sposobs*) was too trivial for an inclusion into the corpus of *lyrical poetry*, the leading genre of which (and the only one named by him under that rubric in 1752) was the Ode.

Des Barreaux's sonnet attracted the interest not only of Trediakovskij, but of other Russian poets. Sumarokov turned his attention to the Sonnet form well after his Boileau-like Epistles of the later forties and his choices of model texts for sonnets again testify (as was the case with the Psalms and Fables) that he did not share

Boileau's aesthetic views in their entirety. Just as Trediakovskij did, but far more intensely in his practice, Sumarokov must have felt that seventeenth-century literature offered some remarkable sonnets. His first sonnets he ever published were translations of the three sonnets by the German Baroque poet Paul Fleming (1609-40) which he wrote to commemorate his two visits to Russia. It should be noted that all three are apostrophic Sonnets (to Moscow) and that Sumarokov succeeded most admirably in recapturing the rhythm of the originals, as has been shown by R. Lauer.[170] The next three were the "French" Sonnets, as Lauer calls them,[171] forming a mini-cycle of interrelated texts, as did the former three, not only by virtue of the fact that they were all probably based on French sources, but because they shared in certain compositional solutions conceived by Sumarokov.[172]

What should be stressed about this second set of sonnets for the purposes of our study is that they were again concerned with topics prominent during the Baroque period, the *paradoxes* of suffering both in life and in death ("Rodilsja, žil v slezax, v slezax i umiraju," first sonnet), of the transient nature of beauty (second Sonnet) and of an infant's aborted life ("I, ne rodjas' ešče, smert' žalostno vkusil," third sonnet),[173] the very theme of *Death* lurking at every stage of human life (Sumarokov arranged the sonnets in reverse representations of life stages, with the first sonnet depicting the old man, the second a woman in her prime years, the third as aborted infant), -- all these have a decidedly Baroque flavor and were ill-fitted for the strictly classicist aesthetic system Sumarokov supposedly entertained at the time. The very fact that Grot found it *possible* to mistakenly ascribe the second sonnet to the pen of Deržavin (a poet removed from Boileau's precepts by a century), and publish it as such,[174] speaks of the laxity of threads by which these sonnets would be suspended within the system of neo-classicist values, if they indeed belonged there in the first place.

It is particularly in the context of such Baroque topics in his first six sonnets that Sumarokov's choices of religious sonnets do not seem at all surprising. The first to follow (if one omits his parodic "Sonet naročito sočinenyj durnym skladom" of 1755) was Sumarokov's version of Des Barreaux's sonnet in 1756 and written in unmistakable competition with Trediakovskij's version. The context within which he decided to print his version was also remarkable: it was published together with a transposition of Psalm 70 (in the fourth subsection of the February issue of *Ežemesjačnye sočinenija* under the heading "*Oda duxovnaja i perevod soneta,*") rendered previously in print only by Lomonosov. In this Psalm Sumarokov matches Lomonosov stanza

for stanza (both versions have twenty four quatrain stanzas) and in certain cases preserves Lomonosov's rhymes; st the same time, while really adapting Lomonosov's version of the Psalm, Sumarokov goes out of his way to rephrase and often neutralize Lomonosov's changes. Needless to say, the spririt of competition begun by the example of the Psalm 143 did not leave Sumarokov in the mid-fifties and will be discussed more closely in the next volume. Here, I find it serviceable to reproduce here only the Sonnet:

Переводъ Французскаго сонета, сочиненія Баррова.[175]

Великій Боже! Твой исполненъ правдой судъ,
Щедроты отъ Тебя имѣти смертнымъ сродно,
Но въ беззаконіи всѣ дни мои текутъ,
И съ правосудіемъ простить меня не сродно.

Долготерпеніе ты долженъ окончать
За тьму моихъ грѣховъ по правости устава,
И милосердіе днесь должно умолчать.
Того теперь сама желаетъ слава.

Во мщеньи правѣдномъ Ты тварь свою забудь;
Пренебрегай токъ слезъ и темъ доволенъ будь,
Греми, рази, свою Ты ярость умножая!

Хотя и трепещу, я чту Твой гнѣвъ стеня,
Но въ кое место Ты ударишь, поражая,
Не крыла чтобы гдѣ Хрїстова кровь меня?

The reason for citing the full text of Sumarokov's Psalm 70 in its 1756 reading in the next volume will be to note and compare a number of changes subsequently introduced into this Psalm.[176] However, for this discussion we should not loose sight of the fact that Sumarokov apparently understood these two works as being intimately linked at the time of their first publication. Apart from their obvious religious content, the two works were united in two other important ways: On the one hand, they offered his readers competitive transpositions of works previously attempted by his two rivals (Psalm 70 by Lomonosov and Des Barreaux's sonnet by Trediakovskij), on the other, the sonnet offered a syllogistic variant to the lyrical treatment of the redemptive nature of Divine Truth presented in the Psalm. In other words, the first line of the sonnet "Velikij Bože! Tvoj ispolnen *pravdoj* sud" ties in with the concluding two lines of the Psalm: "jazyk moj budet

naučat'sja / Na vsjak den' *istinne* svjatoj" (italics mine A.L.). Thus, the premise of the sonnet's syllogism is based on the conclusion of the Psalm, which was being pre-empted in the text of the Psalm by such lines as "Izbav' mja *pravdoju* tvoeju" (stanza 2) or "Napolnju mir tvoej xvaloju, / Tvoeju *pravdoj* vse mesta" (stanza 15); in fact Sumarokov later changed the penultimate verse-line of the Psalm in his revised version to repeat once more the word *pravda* (Dux *pravde* budet naučat'sja," instead of the word *istinna* cited above). Also, the invocation of God ("Na tja, o Bože!" in the Psalm and "Velikij Bože!" in the sonnet) in the opening verse-lines of both works must have united them in the minds of his readers. Finally, it is of no less importance to note that Sumarokov united one work from the Old Testament and one expressing recent Christian teleology to further the impact of the syllogism encoded in the latter: While the Prophet in his Psalm can only rely on God's "whim" for being saved from his enemies and learns the Truth through manifestations of the Biblical God's sheer power, as stated, for example, in the last stanza,

КакЪ станетЪ злоба посрамляться,
Твоей низверженна рукой,
ЯзыкЪ мой будетЪ научаться,
На всякЪ день, Истиннѣ святой,

a Christian can rely not only on God's *justice* and *Truth* (stated at the outset of the sonnet), but also on Christ's redeeming blood:

Хотя и трепещу, я чту Твой гнѣвЪ стеня,
Но вЪ кое место Ты ударишь, поражая,
Не крыла чтобы гдѣ Хрïстова кровь меня?

Obliquely stated, while in Biblical times one had to be righteous to be saved and even then God's protection was not necessarily assured, in Christian times even sinners (those that would be formerly smitten to dust) were protected from God's powerful wrath by the shield of Christ's sacrifice.

Trediakovskij and Sumarokov both succeeded in producing one additional sonnet each after the mid-fifties. Trediakovskij's Sonnet, subtitled "Iz seja grečeskija reči: to est': 'Dobrodetel' počitajuščix venčaet,'" first appeared in Sumarokov's *Trudoljubivaja pčela* in 1759. This work, as was noted by R. Lauer,[177] can be considered as a peculiar answer to the lateral theme of Sumarokov's sonnet "Kogda vstupil ja v svet, vstupiv v nego, vopil" in which *honor, glory* and *wealth*

(*čest', slava i bogatstvo* mentioned in verse nine) seemed to have been the only achievements in the otherwise dreary existence recollected by the dying *persona*. Trediakovskij, it appears, selected these "accomplishments" (despite the fact that Sumarokov certainly did not use them for the *forte* of his rhetorical impact) and rejected them in favor of *dobrodetel'* (Charity). Incidentally, Trediakovskij, while disapproving of *honor* and *wealth*, did not mention *glory* in his catalogue of suspect virtues, and inserted in its place (into the triad) the interrelated concepts of *rank* (*čin*) and *power* (*sila*) in verse two. This substitution can probably be explained as conditioned by facets of Trediakovskij's biography: Having often suffered from the abuse of power associated with rank, including one physical chastisement that almost cost his life,[178] it must have been easy for him to recollect such incidents in poetry with didactic content; at the same time, a denial of the concept of *glory* would have been tantamount to self-abnegation, since Trediakovskij rarely failed to bestow upon himself the claim to its halo for his various reforms in Russian versification.

Thus, if one indeed elects to read Trediakovskij's sonnet in conjunction with Sumarokov's sonnet of 1755, one can come to the conclusion that two (and not just one) virtues, *dobrodetel'* explicitly and *slava* implicitly, were regarded by him as the most desirable (or "Sredstvo vsex dovol'stv" as he exclaims in the last verse). As opposed to his first sonnet, Trediakovskij's Sonnet on the virtue of Charity has a decidedly didactic tone, underscored in its second publication within the preface to the twelfth volume of Rollin's *Roman History* in which, as L. I. Timofeev noted, Trediakovskij used the sonnet to express the moral equivalent to the entire work translated by him.[179] Faced with the evidence of such dissimilar entities as Trediakovskij's two sonnets are in their rhetorical impact, the first orchestrated as a Hymn and the second as a Sermon, one could conclude that Trediakovskij (despite the scarcity of further examples) reaffirmed at the end of his life the view of the Sonnet as a verse form expressing any content, or, as he would say "Materija eja est' tož" samaja, kotoraja i vseja Poezii."[180] At the same time, one may point out that despite their differing modes of expression, one of holy panegyrism and the other of civil moralizing, the two sonnets can be considered as thematically unified in that they posit complementary sets of Christian values in philosophy and ethics. Both are religious poems.

Sumarokov's understanding of the Sonnet's function in poetry appears to have been somewhat different. Even though he paid only scant attention to it in his Epistles on Poetry, he did compose an

adequate number of examples to reconstruct his *modus operandi vis-a-vis* this form. The first thing that one notices recollecting just the first verses of sonnets representing different cycles and period of writing, such as "O ty, sojuznica Gol'štinskija strany" (first Sonnet in the translation of Fleming), "O suščestva sostav, bez obraza smešennyj" (third Sonnet in the second group), "Velikij Bože! Tvoj ispolnen pravdoj sud" (Des Barreaux's Sonnet) or "Žestokaja toska, otčajanija doč'!" (his last Sonnet to be reproduced below), is their emotional fabric -- a fabric closer to Lomonosov's principle of *vozbuždenie strastej* (excitement of passions) than to Sumarokov's own *razum* (ratio) in Poetics. Sumarokov's last sonnet, "Na otčajanie . . .," is especially telling in this respect, because it represents the culmination of Sumarokov's activity in this area and because, among its other interesting aspects, it has the following utterance in verses seven and eight: "Terzaj menja, toska, i rvi moi ty členy, / *Lišaj menja uma*, dux muča den' i noč!" (emphasis mine, A.L.). Here is its full text:

СОНЕТЪ
на
ОТЧАЯНІЕ.

Жестокая тоска, отчаянїя дочь!
Не вижу лютыя я вЪ жизни перемѣны:
вЪ лѣса ли я пойду или вЪ луга зѣлены,
Со мною ты вездѣ и не отходишь прочь.

Пугаюся всево, погибла сердца мочь:
И дома, гдѣ живу, меня стращаютЪ стѣны:
Терзай меня тоска и рви мои ты члены,
Лишай меня ума, духЪ муча, день и ночь!

Препровождаю дни единою тоскою;
КЪ чему жЪ такая жизнь, вЪ которой нетЪ покою:
И можно ли тогда бояться умерѣть?

Я тщетно вЪ жалобахЪ плоды сыскать желаю;
КЪ тебѣ, о Боже мой, молитву возсылаю:
Не дай невинного вЪ отчаянїи зрѣть!

Although separated, in its first publication in 1769,[181] from his last sonnet contribution by over a dozen years, Suamrokov's "Na otčajanie" does not substantially differ from his other sonnets; it merely substitutes the voice of the representative *persona* with a

personal voice. Indeed, R. Lauer convincingly discusses this work as being intimately tied with the second group of the "French" sonnets published in 1755.[182] In addition, it also bears a striking resemblance to many other religious poems of approximately equal length published in the late fifties and early sixties (these will be discussed in the next volume) in that it is a Holy Sonnet as well. As such it has been entered into Sumarokov's second book of collected religious poetry (of 1773-4), *Nekotoryja duxovnyja sočinenija,*[183] the last one directly supervised by him.

Finally, it unites all of Sumarokov's sonnets (including his didactic, "Ne trat', krasavica, ty vremeni naprasno" and the parodic, "Vid, boginja, tvoj vsegda očen' ves' nravnyj") in demonstrating his concern for developing the *lyric* mode, a concern similar to that of his work with the Psalms, as well as Odes -- models of lyric poetry *par excellence* in his time. In other words, while in Trediakovskij's hands the Sonnet remained defined only by its prescribed format and understood as a variant of *epigrammatic* poetry in its traditional scholastic sense,[184] regardless of its mode of expression, in Sumarokov's practice the Sonnet is further limited by its range of emotive diction, in addition to its formal aspects. The thematic variability of Sumarokov's sonnets is, of course, much richer than Trediakovskij's, but even in his didactic Sonnet Sumarokov's tone is that of *personal* advice on matters of love rather than *choric* appeal present in most works of didactic nature.

Significantly enough, Sumarokov's only parodic Sonnet reflects virtually identical concerns as those of his parodic Odes. He gives an example of a poorly composed love Sonnet, exaggerating Trediakovskij's attempts to duplicate some aspects of *precieuse* lyrics, but also an example of a genre and of the problems of stylistic execution in which he is himself keenly interested. Thus, it appears that Sumarokov's beginnings in the Sonnet form, modelled on Fleming's baroque panegyrics to Moscow, foreshadowed his ultimate understanding of the Sonnet as a *lyric* genre, perfectly fitting its seventeenth-century sense. All his sources and models can be traced to the literary consciousness that just preceded Boileau and it is no wonder that he also decided to produce two examples of the Holy Sonnet, so typical for the period from which he drew his inspiration. His last Sonnet not only returns to the baroque embrace of *paradox* in human life without God, but is one of the first poems in Russia dealing with the topic of *ennui* (toska), a *cliche* topos of Russian Romantic and early post-Romantic poetry. In this last sense, Sumarokov's

contribution may not have been original (certainly not by its publication date of 1769), but reflected similar themes begun by the poets centered around the journal *Poleznoe uveselenie* in 1760, a topic for the next volume.

V. 3. The "middle" Ode (*Stance, Stans, Pesn'*)

Apart from his postulates on the subject of the Solemn Ode (*Oda Toržestvennaja*) and his inclusion of the Psalms into its corpus, Trediakovskij established two other levels for the Ode. One he called "pesnja" (Song), reserved almost exclusively for worldly concerns (*mirskaja pesnja*) and most frequently dealing with the subject of love,[185] and he assigned to it a low statue.[186] The other he called "pesn'" and had the following to say about it:

> Есть и еще родЪ *статеекЪ*, которои всегда какЪ около среднеи матерїи, то есть, ни очюнь благороднои, ни весь ма общеи, какЪ *пѣсня*, обращается, такЪ и рѣчами средними, то есть, ни очюнь высокими ни гораздо низкими, больше отЪ высокости нѣчто, нежели отЪ низкости занимающими, идетЪ. Сеи родЪ строфЪ, Французы называютЪ *стансами*. Я, правильно, или неправильно, всегда таковымЪ стїхамЪ налагалЪ имя: ПѢСНЬ, а не пѣсня, хотя бы оная *пѣснь* на голосЪ у меня положена была, хотя быжЪ и просто для чтенїя только предлагалася. Таковыя строфы, пѣснїю отЪ меня названныя, сочинилЪ я поздравительныя новымЪ годомЪ, на голосЪ положенныя, и пѣтыя предЪ Ея ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, АННОЮ ІОАННОВНОЮ, Самодержицею Всероссїискою, Всемилостивѣишею Нашею Государынею, вЪ самыи первыи день 1733 года, которыя начинаются чрезЪ:
>
> *Новыи годЪ начинаемЪ*, [187]

He then goes on to quote as a sample of this kind of poetry his own "Pesn'," composed as a combination of an aeonic ode and a panegyric "kant" to the Empress Anna "on the first day of the year 1733," referring to it in the same context as "*strofy*, pesniju ot menja nazvannyja."[188] Since Trediakovskij composed only two texts which he named "Pesn'" and since both of them were dedicated to Anna, his statement "bol'še ot vysokosti nečto . . . zanimajuščimi" should be taken as referring strictly to matters of style, while the subject matter

could have been as lofty as any. Indeed, it is precisely in this sense that he returns to this matter a year later in his *Sposob*, noting:

> Но что таковая (he means here his Ода вымышлена в славу Правды...) и подобная пѣснь, каковы у ФранцузовЪ стансами называются, между одами и простыми пѣснями, вЪ разсужденiи стиля, место имѣетЪ и что она больше нѣчто отЪ высокости у оды, нежели отЪ низости у пѣсенЪ занимаетЪ, о томЪ уже я обЪявилЪ..[189]

It is interesting to note that Trediakovskij, while mentioning *Stanza*, refers strictly to its French usage and omits its earlier Italian origin, upon which he did touch in his discussion of the Sonnet.[190] He must, therefore, mean its late sixteenth and seventeenth-century French actualization which encompassed primarily verses of meditative character and included reflexive poetry on matters of life and death, Psalm transpositions and other similar topics.[191]

While Tredikaovskij did not compose an overwhelming number of works under the rubric of "Pesn'," he did publish in 1730 one Ode on the topic of *vanitas* that would seem to conform both to his principles with regard to "Pesn'" and to the topics practiced within the confines of *Stances* in seventeenth-century France. This "Oda o nepostojanstve mira" seems to have been particularly important to Trediakovskij, since he attached to it in the same year his own French version and since it is one of the few texts from this first edition that he later restructured to conform to syllabo-tonic principles. In its revised, 1752 version, the text reads as printed in the Appendix II.[192]

On the formal level this particular poem introduced a quite complex rhyming pattern, executing the tail-rhyme pattern for the first four verses in each stanza and, in addition, rhyming all last verse-lines of odd and even stanzas (AbbAc BddBe FggFc HiiHe . . . etc.). At the same time, this poem was entered by Trediakovskij as the last item (No. XXII) under the rubric of "Ody Božestvennye," the first twenty-one of which consisted entirely of *transpositions* (of Psalms and Biblical Psalmodic Songs), thus being the only "original" text in their midst. It is for this reason, as well as for its generally uniform meditative tone (opposed to the concepts of *stile impetueux* or *beau desordre* that Trediakovskij quotes, borrowing from Boileau, as attributes for the Solemn Ode),[193] quite typical for French seventeenth-century *Stances* on *vanitas*, in addition to his obvious preoccupation with the stanzaic form itself (and particularly with the concept of what

Kvjatkovskij would call "zamknutost'" typical, according to him, of *Stansy*)[194] that one may advance a hypothesis of Trediakovskij's attempt here to create another Russian equivalent to the French *Stances*. After all, while essentially repeating what he had previously said about "Stansy," Trediakovskij added an important modification in 1752:[195]

> Но сказать праведнее, Стансы их все тожЪ что Оды, но токмо нежные, и непарящіе в высоту.

Parenthetically, it is in this same modified treatise on the Ode that he advanced the idea of the Psalms as being *perfect* models for the *Solemn* Odes (as opposed to "any" odes), noting:

> вЪ нихЪ рѣки возвращаются вспять кЪ своимЪ источникамЪ; моря расступаются и убѣгаютЪ; холмы, скачутЪ; горы таютЪ какЪ воскЪ и исчезаютЪ; небо и земля слушаютЪ и внушаютЪ сЪ почтеніемЪ и вЪ молчаніи; все естество приходитЪ вЪ движеніе и колеблется отЪ лицá своего Зиждителя: увидитЪ он и скажетЪ, что то по сáмой истиннѣ есть Божій языкЪ. Таковá долженствуетЪ быть совершенная Ода, а особливо благородную матерію воспѣвающая.[196]

Thus, it would appear that Trediakovskij theoretically envisioned at least three stylistic levels and five thematic variants of the Ode. They could be perhaps best described by making the following table:

I. The Solemn Ode (Oda Toržestvennaja)

I. 1. Oda Poxval'naja. Example: Oda Toržestvennaja o zdače g. Gdanska (1734)

I. 2a. Oda Božestvennaja (Soveršennaja). Example: All the Psalms (1753)

I. 2b. (or II. 1) Oda Božestvennaja ("Sočinennaja lično")

Example: "O nepostojanstve mira," (1730 &1752)

II. The Stanza (Stans, Strofy, Pesn')

II. 1. (or I. 2b) Oda Božestvennaja. Example: same as I. 2b.

II. 2. Pesn' (mirskaja). Example: "Pesn'... petaja pred... Annoju... 1733 goda."

III. The Song (Pesnja)

III. 1. Pesnja (mirskaja). Example: "Pesenka ljubovna," (1730)

As can be seen, this table does not attempt to resolve the question whether Trediakovskij indeed envisioned his *Ode on the Inconstancy of the World* as belonging to the Stanza variant of the Ode or to the Solemn Ode, since his theoretical classification appears rather confused on this point; in fact, he theoretically opposes his concept of *Pesn'* only to the concept of *Pesnja* and not so much to the *Ode*. But since in such opposition Trediakovskij characterized *Pesnja* as dealing exclusively with worldly (*mirskie*) topics, he must have meant that his concept of *Pesn'* may involve holy themes. It must be also pointed out that the table does not fully represent Trediakovskij's sub-categories of "Oda Poxval'naja" (some of them being "Privetstvennaja" and "Blagodarstvennaja," as posited in his *Works* of 1752),[197] since this might have brought an unnecessary confusion into the discussed topic. There is another connection discussed on account of oda and pesn' discussed at greater length in my Russian Introduction.

Be it as it may, neither Trediakovskij nor his compatriots, Lomonosov and Sumarokov, produced an adequate number of such "middle" odes before 1760 to formulate a conclusive definition of their

respective views on this subject. For example, Trediakovskij does not explain whether his "Strofy poxval'nye Rossii" or "Strofy poxval'nye poseljanskomu žitiju" belong to the concept of *Pesn'*, although he does publish them together with two items entitled as *Pesn'*.[198] Some of Sumarokov's *molitvy* could very well be discussed in connection with Trediakovskij's revised (in 1752) definition of *Pesn'*, except that Sumarokov's separation of the Solemn Ode and the "middle" Ode moves along different lines than Trediakovskij's. Despite such ambiguities in definition, or perhaps precisely on account of them, the concept of the "middle" Ode is productively revived in the early 1760s by M. M. Xeraskov and other contributors to his journals, and both his and Sumarokov's further contributions will be the subject of the ensuing study.

ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ * * * ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ

NOTES

NOTES to CHAPTER I:

*

1. One of the most inclusive summarising treatments of the subject is given by A. M. Pančenko, "Knižnaja Poèzija drevnej Rusi" in *Istorija Russkoj Poèzii*, v. 1 (L.: AN SSSR, 1968), pp. 26-52. In this, in most respects excellent article, Pančenko unfortunately devotes only one half of its contents to the poetry of what can be properly called "The Book Poetry of Old Russia," the rest of his study deals with aspects of seventeenth-century Russian verse, an area in which his role as a leading contemporary scholar cannot be simply questioned. Nonetheless, the former half discusses two possible sources of Old Russian poetry: One, its early Church-Slavic syllabic heritage and two, its other, theoretically likely but rarely attested in practice, sources with a particular mention of the role of *skomoroxi*. With respect to the first source one can only mention the despite the presence of engaging studies of such eminent authorities as A. I. Sobolevskij, N. S. Trubeckoj, or R. O. Jakobson (references to their contributions are given later) proving, it would seem, beyond any doubt syllabic nature of early Church-Slavic select Hymns and Prayers, it remains yet to be demonstrated to what extent did the syllabic poetry, common to all Slavs, enter into the consciousness of early Russians as *poetry*, or rather, as a *system of poetry* functional in their aesthetics. Surely, if that were the case, Old Russians (of let us say the thirteenth century) would readily apply such a system to the entire *Psalter* or the *Song of Songs*, the foremost two cycles of poetry from the Bible. And yet, this does not seem to be the case in Old Russia, nor are poems with demonstrable syllabic count particularly prevalent.

2. Some attempts to break the tenets of medieval Russian system of versification, such as Professor Picchio's *isocolic* theory, were undertaken quite recently, but none of them has proved entirely convincing. We shall not cite all the numerous studies devoted to aspects of Old Russian oral poetry, since most of them base their discussion on texts transcribed in the eighteenth and nineteenth centuries. L. N. Emel'janov's "Ustnaja narodnaja poèzija," published in the same volume as Pančenko's article quoted above (pp. 13-25) seems to be representative of the general state of such studies, as well as superior to some in the sense that it does not make excessively far-reaching claims about the nature of the Old Russian oral poetry, as many others do without any proper documentation whatsoever.

3. Hymnological literature has been studied, of course, by noted Russian musicologists such as V. F. Odoevskij, D. V. Razumovskij, V. M. Metallov, F. N. Findejzen, N. D. Uspenskij and M. Bražnikov, as well as some Western scholars (all references given in bibliography or in discussions of particular quotations), but rarely by literary scholars.

Part of the problem in studying Old Russian manuscripts is in deciding what belongs to the area of literary inquiry and what does not. Western scholarship almost

without exception reduces this problem to a simple binary opposition: *original* vs. *translational* literature. Whatever is deemed an original work of literature receives an automatic plus sign and the work is studied in greater detail to ascertain its merit relative to other such positively marked works of what was decided beforehand to be literature. Of course, this post-romantic notion of originality does not do a great service to the study of medieval Russia, since by far the greatest number of texts in its corpus is translational. Russian scholars, already in the nineteenth century, developed a different polarity to deal with this problem; their terminology is a more fortunate opposition between *literatura* and *pis'mennost'* (loosely translated as "literature" vs. "writing" or *fiction* vs. *not-necessarily-fiction*, subcategories being: *perevodnaja literatura i perevodnaja pis'mennost'* [Translational literature and writing]), but their choices for entries into any standard anthology of Old Russian literature still largely reflect subservience to the code of originality or fictionality. That is not to say that literary scholarship ignores the original literary works that were the sources for Russian translational activity in the middle ages (primarily Byzantine models), rather, it prefers to ignore Old Russian translations of them on the pretext that they are derivational, and therefore, not interesting.

Fortunately, as opposed to literary scholars, linguists cannot be accused of such shortsightedness and it is due to primarily their efforts that some of the earliest Slavic poetry was decoded as such, even though much of it could be considered derivational. Among the names that particularly come to mind in connection with not only poetry, but also music, one should mention N. N. Durnovo, A. A. Potebnja, A. I. Sobolevskij, N. S. Trubeckoj, R. O. Jakobson (particularly his studies of the early sixties; for all references consult bibliography). Less fortunately, many of them concentrated their efforts on decoding panegyrics and prayers from the earliest epoch of Slavic literacy, -- texts that could be easily embraced by any contemporary Slavic nation as part of their national heritage. This is particularly explained by their admitted interest in establishing the cultural dimensions and influence of Old Church Slavic -- the Slavic *lingua sacra* in its classic period in order to be able to discuss particular changes as they occurred in the history of separate Slavic tongues in the last ten centuries. However, as opposed to their well-rounded approach to the heritage of OCS, their studies of individual Slavic language histories concentrate primarily on the problems of spoken languages as witnessed in manuscripts, or, rather on languages as means of communication instead of poetics in communication, thus, for the most part ignoring texts with musical notations and particularly those that distort such communication. Whenever they study hymnological texts, on the other hand, and this happens far too infrequently, they are, as a rule, interested in reconstructing some "ideal" form of poetic communication, such as syllabic system of versification, their syllabic nature being proof of poetics instead of the attested distortions. Part of the premise of this study deals with the assumption that such deformations need not be taken as inhibiting the sense of the presence of a poetic system, but are in themselves poetic, and point to a different sense of poetic perception than heretofore admitted.

4. The only source of extensive and serious inquiry into the problem of poetics in Russian liturgical translational texts from the eleventh to roughly the end of the fifteenth centuries is the seminar offered by Professor N. A. Meščerskij that I attended on two occasions at Leningrad University. When will his brilliant studies on this subject reach the stage of publication in a collected format of a book form is only known to Soviet editors.

5. The results of such compartmentalization often lead to serious misunderstandings of the nature of a particular form of art from this period. Such misunderstandings occur not only among narrow specialists, but in the midst of scholars with incredibly wide reach of erudition, such as in the case of V. Ključevskij who felt, for instance that

Old Russian *vitas* of Saints can be ligitimately used as historical sources for recreating their actual historical biographies, without regard to the fact that the primary role of a *vitae* was to establish a particular Saint's credentials for *sainthood*, modelled on former lives with or without regard to the actual biography. In other words, had Ključevskij bothered to keep the dominant function of *žitie* in mind, he wouldn't have reached such questionable statements like:

> Žitie Sergija *ne čuzdo* literaturnyx osobennostej . . . No èto žitie *govorja voobšče, bogače faktičeskim soderžaniem* v sravnenii s drugim proizvedeniem Epifanija i soobščaet gorazdo bol'še živyx čert, vozmožnyx so storony sovremennika. [italics mine]

in *Drevnerusskija žitija Svjatyx kak istoričeskij istočnik* (M.: 1871), p. 102.

Similar lapses occur, ironically enough, in the scholarship of a man who would be, and in fact *was*, one of the first to point out serious deficiencies in the line of reasoning given by Ključevskij by clarifying the imminent role of a literary genre, such as *žitie* certainly had, in the aesthetics of Russian medieval writers, D. Čizevskij. As if attempting to broaden, for instance, his discussion beyond the confines of strictly literary significance, an attempt in itself quite admirable, he would write about music:

> References to songs and music in old monuments of literature are *merely fortuitous*. In most cases they are references to "devilish" or "laic" songs condemned by Christian writers. Musical instruments (psaltery, pipes, tambourines, horns) are also mentioned, but we do not know *whether they were popular at that time* nor when they became so. [Italics mine, A.L.]

in *History of Russian Literature* ('S-Gravenhage: Mouton, 1960), p. 12. Now, the point about the mention of such musical instruments as psaltery, pipes, tambourines or horns is of course not whether they were popular at that time or not, but rather that they abound in the *Psalter* and that their mention in the context of a literary work most likely testifies to the popularity of the *Psalter* and not the mentioned instruments. Thus, neither their mention, nor, for that matter most likely references in Old Russian literature are ever merely fortuitous. (I am indebted for the second quotation to I. R. Titunik).

6. P. Florenskij's mentioned article was first printed in the journal *Makovec*, I, 1922, pp. 28-35, later circulated by the Russian *samizdat*, and just recently republished in his *Sobranie Sočinenij*, I (YMCA, Paris, 1985), 41-62.

7. See particularly Trubeckoj in bibl.

8. There is no need to dwell at this point on offering proofs to similarity betwen musical phrase and a line of verse, between variations in music and frustrated expectation in poetry, etc. The fact remains that music and poetry are discussed in the twentieth-century scholarship as separate disciplines, while in, let us say, folk poetry or the biblical times of David such a separation may have seemed absurd.

Despite some surface similarities, however, what is about to be proposed here substantially differs from the *syncretic* theory of Old Russian verse as posited byL. I. Timofeev in *Očerki teorii i istorii russkogo stixa* (M.: 1958), in which he assigns to the poetry practiced by early Russians the concept of *muzykal'no-rečevoj stix* (musico-verbal verse) as opposed to strictly verbal forms of verse (*rečevoj stix*), evident in various stages of Russian literary development, but roughly taking the following progression in its diachrony: syllabic poetry with variable syllabic count -- syllabic

poetry with the set number of syllables -- syllabo-tonic poetry -- tonic poetry (see particularly p. 203). What separates Russian *musico-verbal* verse from its strictly *verbal* counterpart is the reliance of the latter on rhyme properties of rhythmic organization, or as he writes on p. 187:

> Členenie reci na sintaksičeski zakončennye časti i estestvenno voznikavšee intonacionnoe srodstvo ix i sozdavalo vozmožnost' dlja razvitija ritmičestki funkcionirujuscego zvukovogo povtora na koncax fraz, to est' rifmy, kraesoglasija, kak ee spravedlivo nazyvali starinnye russkie stixotvorcy. Naoborot, pri naličii napeva ritm i sam po sebe byl v dostatočnoj mere oščutim, i poėtomu rifm v muzykal'no-rečevom stixe ne voznikalo; xotja zvukovye povtory v nem byli široko rasprostraneny, no oni ne polučali ritmoobrazujuščej funkcii.

In other words, while entirely agreeing with Timofeev that musical rhythm could have taken upon itself the function of verbal rhythm and probably did, the rhythm itself did not probably account for the performed texts to be perceived as poetic, an assumption Timofeev holds. At the same time, the texts discussed here are in fact texts with musical notations from the period in question, and their poetics is presumed to come about as occurring through deformation of the ordinary, prosaic meaning of such texts by the properties of music. No assumptions are being forwarded here as regards the poetic nature of the so-called folk songs and folk poetry at the base of Timofeev's argument, since their transcription came about much later. In any case, the argument posited below concerns itself strictly with liturgical poetics as a separate form of art.

9. For this example, please, see my Russian introduction p. xix. The quote taken from N. Findejzen, *Očerki po istorii muzyki v Rossii*, v. 1 (M.-L.: 1928), p. 90.

10. For illustration, please see my Russian introduction, pp. xix-xx, which is reprinted from N. Uspenskij, *Drevne-russkoe pevčeskoe iskusstvo* (M.: 1967), table VII.

11. Uspenskij, upon his analysis of *Blagoveščenskij* kondakarion (attributed to the early twelfth century) notes (on pp. 38-9) that such "deformations" of the prosaic Russian content of the text occurred particularly in the Psalms, which also abounded with the Greek word insertions, found in kondakaria. Uspenskij feels that despite the extreme popularity of *kontakia* [I employ this transliteration when referring to the Greek sources] singing in Byzantium, they were less popular in Russia since they preserved, he attempts to prove, non-Russian (Byzantine) manner of musical execution, and thus, were doomed to disappear toward the end of the fourteenth century (p. 49). Russian texts marked with strictly *znamennaja* notation, on the other hand, were to survive and develop primarily because they did not deform the prosaic content of the accompanied text to such an extent.

While there certainly could be found objections to these Uspenskij's assumptions (such as the fact that both *kondakari* and texts with strictly *znamennaja* notation had a fairly large universe of commonly employed signs and that no one had yet decoded the proper actualization of either form of notation before the fifteenth century), I would like to restate at this point that the example quoted above (and taken from Uspenskij's book) was selected precisely because it offered one of the more extreme deformations of the prosaic meaning, yet one that would not hinder its comprehension as a text endowed with poetic function. Incidentally, the fact that *kondakarnaja* notation disappeared by the end of the fourteenth century does not testify yet to the fact that its performance was not popular earlier, but rather that this particular form of art either disappears or that its peculiarities may be handled by that

time by the evolved *znamennaja* notation. Indeed, most early Russian mentions of musical performances are references to the performance of *kondaki* (rather than other forms) that Uspenskij himself uses to reestablish some of the tenets of early Russian musical culture. Among them, he paraphrases the habit of musical performance in *Pečerskij* monastery, as attested in *Povest' vremennyx let* under the year 1062:

> V konce obeda, pered podačej sladkogo bljuda, igumen delal znak domestiku. Poslednuj, prinjav ot nego blagoslovenie, priglašal lučšego pevca iz monaxov. Tot stanovilsja na verxnej stupen'ke pomosta, na kotorom stojal igumenskij stol, i zapeval glasovyj napev troparja, posle čego obedajuščie vse peli ètot tropar'. V eto že vremja domestik proxodil meždu stolami, za kotorymi sideli monaxi, i sobiral iz nix xor. Ètot xor stanovilsja niže igumenskogo stola, polovina pevcov s pravoj storony i polovina s levoj. Stojavšij na pomoste solist načinal pet' pervuju vvodnuju strofu prazdničnogo kondaka, a xory podpevali ego refren. Zatem domestik i solist klanjalis' igumenu i šli k monastyrskomu ekonomu ot kotorago polučali denežnoe voznagraždenie. Po polučenii voznagraždenij sam domestik stanovilsja v seredinu xora i pel vtoruju, povestvovatel'nuju strofu kondaka, xor že, kak i pri ispolnenii solistom vvodnoj strofy kondaka, podpeval ego refren. (p. 25)

Later Uspenskij establishes convincing parallels with similar singing practices at the Byzantine Court. Needless to say, however, that if even monk performers received money for such singing (incidentally a practice similar to what Russian eighteenth-century poets would get for their performances of Odes) then the *art* of *kondak* must have been one of the highest aspirations of early Russian culture, rather than its nemesis as he suggests later.

12. There are, of course, some alphabetically arranged lists of musical notation signs dating even to the fifteenth century, but these *azbuki* are very rare then as noted by M. Bražnikov, *Drevne-russkaja teorija muzyki* (L.: 1972), p. 25. In any case, such *azbuki* can only explain the manner of expression of a particular part of the text, but not the pitch or the melody of its singing, or as Bražnikov concedes:

> Nikakaja pevčeskaja azbuka ne možet dat' vpolne točnogo ključa ni k ponimaniju teoretičeskix osnov znamennogo penija, ni k pročteniju rjadovoj rukopisi.
>
> Vsjakij perevod pevčeskoj rukopisi, sdelannyj na osnovanii izvestnyx azbuk, *neizbežno budet zaključat' v sebe otstuplenija ot napeva*, kotoryj byl by ispolnen pevcom togo mesta i vremeni, k kotorym otnosjatsja dannaja pevčeskaja azbuka i rukopis'. (p. 67)

At this point it would be perhaps proper to suggest that the notations themselves carried primarily *rhetorical* signals for decoding of their meaning and not strictly musical significance as Bražnikov would want them to have. (See also quote 17)

13. In fact, one of them, B. A. Uspenskij establishes that even contemporary Old Believers preserved two kinds of Old Church-Slavic pronunciation, one for strictly communicative everyday purposes and the other, what he calls, *liturgical pronunciation*, the prosaic content of which is especially difficult to reestablish by simple listening, in *Arxaičeskaja sistema cerkovnoslavjanskogo proiznošenija* (M.: 1968), particularly pp. 12-13. Since this type of pronunciation occurs only in a liturgical setting (p. 7) and since it for the most part does not affect dialectal speech of Old Believers, B. Uspenskij feels that one may indeed speak of a certain type of bi-lingualism among the Old Believers (p. 88), the liturgical part of which may be derived

from the earliest forms of the special liturgical pronunciation in Kievan Russia (pp. 97-100).

14. As B. V. Sapunov notes, the *Psalter* was one of the eight books needed as the minimal corpus of texts necessary for liturgical service in "Nekotorye soobraženija o drevnerusskoj knižnosti XI-XIII vekov," *T. O. D. R. L.*, XI (M.-L.: 1955), p. 323.

15. One could, at this point, quote G. A. Gukovskij who notes:

> Psaltir' izdrevle byla odnoj iz naibolee populjarnyx knig v Rossii i v XVIII veke ne utratila svoiego avtoriteta. Ona čitalas' kak edva-li ne samyj ljubimyj liričeskij sbornik, vosprinimalas' neposredstvenno èstetičeski i okazyvala neizmernoe vlijanie na xudožestvennoe myšlenie èpoxi.

"K voprosu o russkom klassicizme," in *Poètika*, IV (L.:Academia 1928), pp. 138-9.

16. One should note that each of the "dictionaries" from the later sixteenth and early seventeenth centuries, such as *Kniga glagolemaja Alfavit* (1596), *Azbukovnik* (first edited by Saxarov) and *Leksikon slavenorosskij* (of Berinda, 1627) lists Psalms in this dual sense (see in Findejzen, p. 185).

17. See "Predislovie, otkudu i ot koego vremeni načesja byti v našej rustej zemli osmoglasnoe penie . . ." in V. Undol'skij "Zamečanija o cerkovnom penii v Rossii," *Čtenija v Obščestve istorii i drevnostej rossijskix*, III (1846), pp. 19-23.

18. "Predislovie k irmologu Soloveckago monastyrja" in *ibid.*, p. 39.

19. As N. Uspenskij notes:

> Esli v XII-XIII vekax, a častično ešče i v XIV veke širokoe ispol'zovanie psalmodii vyzyvalis' slabym razvitiem melodiki, to dlja masterstva Moskovskoj Rusi eto -- sredstvo dostiženija xudožestvennogo raznoobrazija. (p. 134)

At the same time, Bražnikov notes transformation of musical thought happening in about the fifteenth century:

> Azbuki svidetel'stvujut o glubokix izmenenijax, proisšedšix v praktičeskom primenenii znamennoj notacii i naxodjaščixsja v svoju očered' v glubokoj vnutrennej svjazi s pererožDeniem muzykal'nogo myšlenija russkix raspevščikov. Èti izmenenija, v častnosti, svjazany s iz" jatiem iz pevčeskoj praktiki kondakarnogo penija. (p. 60)

In other words, this could serve as an additional proof that by the fifteenth century the symbiosis of musical and verbal poetic functions are disappearing, or simply lost, and that music becomes an independent art form.

20. W. H. Auden, Introduction to *Poets of the English Language, Elizabethan and Jacobean Poets, Marlowe to Marvell*, II (N.Y.:1950), xv.

21. A. Bruckner, "Poezja Polska Wieku XVII," *Dzieje Literatury Pieknej w Polsce*, I (Krakow: Polska Akademia Um., 1935), p. 251

22. Consider, for example, the opening lines of Psalm 130 (or Psalm 129 in the Western numeration: *De profundis clamavi ad te, Domine*) translated first by Kochanowski as "W troskax glebokix ponurzony, / Do Ciebie Boze niezmierzony, / Wolam . . ." and later by Sep Szarzynski in the following way: "W grzechach srogich ponurzony, / Ze wnetrznosci serca mego, / Wolam Boze miezmierzony!" Note that

Sep preserved Kochanowski's rhyming words in this excerpt, but amplified the personal vein of the Psalm (e.g. *Ze wnetrznosci serca mego*). It is this "Poezia wnetrza" (as Jan Blonski chose to entitle one of his chapters aptly depicting the craft of Sep in his very revealing, though in certain respects provocative, book *M. S. Szarzynski i Poczetki Polskiego Baroku* [Krakow: 1967]), that sets Sep Szarzynski miles apart from his contemporary, essentially Renaissance, poet Kochanowski, and allows us to consider his poetry as a sign of baroque times.

23. Consult A. I. Ivanov, *Literaturnoe nasledie Maksima Greka* (L.:1969), 40-4.

24. Polockij actually finished his final manuscript copy of the Psalter already in 1678 as can be seen from G. I. M., Sinod. Sobr. No. 237, but its first printed version appeared in Moscow in 1680.

25. G. I. M., Sinod. Sobr. No. 661

26. We cannot even guess who were all the authors of these Polish Psalms (mentioned in the second "prose" introduction of Polockij's *Psaltir*) sung in Russian churches, since we do not even know that these were all versified Psalms. It should be remembered that Poland was plagued in these years by religious strife that resulted in numerous translations of the Bible (which, as Czeslaw Milosz notes in *The History of Polish Literature* [London: 1969] greatly affected the development of the Polish literary language) as well as separate versions of the Psalms attached to various religious orientations.

Even if one turns attention to separate editions of the Psalter such as *Psalterz, albo Koscielne spievanie krola Dawida* (of 1532), Mikolaj Rej's *Psalterz Dawidow* (1546), the first rhymed and now forgotten *Psalterz Dawida* in Poland rendered in 1558 by Rej's close friend Jakub z Lublina, Kochanowski's Psalter completed in 1578 and set to music by Gomolka two years later, Maciej Rybynski's rhymed *Psalmy monarchy i proroka sw. Dawida* completed by 1598 as a direct response to and in competition with Kochanowski's *Psalterz*, or Jakub Wujek's famous Psalter (1594), one will have plenty of Polish sources just from the sixteenth century alone that could have affected Russian literature, as well as singing practices in Russian churches. Fortunately, Russians of the late seventeenth century seem to have preferred Kochanowski's Psalms as attested by A. V. Pozdneev who notes that of the fourteen most popular Polish Psalms in the seventeenth-century manuscript collections of songs, all were Kochanowski's in his unpublished dissertation *Rukopisnye pesenniki SVII-SVIII vv. -- Iz istorii sillabičeskoj poèzii* (M.: 1956), p. 21.

Perhaps it should also be noted that in the collections of songs studied by Pozdneev were other religious verses in Polish, which made up about a half of the total number of entries, as he notes in "Nikonovskaja škola pesennoj poèzii," *T. O. D. R. L.*, XVII (M.-L.: 1961), p. 419. Unfortunately, most of these Pozdneev mentions only in passing and does not attempt to attribute them to their respective Polish sources. While such attribution may prove difficult, the mere number of Polish entries in such song-books already testifies to the verity of the quoted Polockij's remark as well as to the intensity of Polish influence in seventeenth-century Russian literature.

It would seem also significant to point out that, as Pozdneev shows in another study, by far the greatest majority of entries in such song-books were religious poems. Their numbers become evident from the following Pozdneev's argument in which he attempts to justify his interest in the curious and unusual facets of literary history:

Vsego v upomjanutyx 17 rukopisnyx sbornikax soderžitsja 380 knižnyx pesen . . . i iz nix pol'skix -- 160. Èti pol'skie pesni byli u nas dostatočno populjarny: bol'šinstvo iz nix vstrečaetsja v sbornikax po 5-8 raz, a nekotorye daže po 11. Poètomu (?, A.L.) osobyj interes predstavljajut pesni popadajuščiesja po odnomu razu . . . Iz 380 proizvedenij, vpadajuščix v rukopisnye sborniki, 360 -- pesni duxovnye a svetskix tol'ko 20. Pol'skie pesni v nix tože bol'šej častiju duxovnye a svetskix -- edinicy, no imenno oni i predstavljajut najbol'šij interes v častnosti svoim soderžaniem.

"Svetskie pol'skie pesni v russkix rukopisnyx pesennikax XVII v.," *Pol'sko-Russkie literaturnye svjazi* (M.: 1970), 58. It goes without saying that a better understanding of Russo-Polish literary contacts as attested even on the pages of such collections would be facilitated by concentrating on the most popular works first, which had not been seriously done since the time of the late V. N. Peretc.

27. Please note Trediakovskij's response to Polockij's *Psaltir'* discussed in Chapter IV.

28. Polockij's Psalms gradually replaced Polish verses from the *rukopisnye sborniki* and continued to constitute often more than half of the entries, or as I. Z. Serman notes, there is almost no such a collection of songs that would omit Polockij's Psalms. "*Psaltyr' rifmotvornaja* Simeona Polockogo i russkaja poèzija XVIII v., " *T. O. D. R. L.*, XVIII (M.-L.: 1962), 224.

29. Quoted from S. Polockij, *Izbrannye sočinenija* (M.-L.: 1953), 213.

30. *Ibid.*, pp. 213-4, italics mine, A.L.

31. *Ibid.*, p. 214.

32. *Ibid.*, pp. 211 and 215-6, italics mine.

33. See Pekarskij's document quoted in Chapter IV.

34. V. K. Trediakovskij's manuscript copy of *Psaltir'*, C. G. A. D. A. Fond 381, No. 1037, p. vi, or turn to the present edition, p. 6.

Trediakovskij's introduction to his *Psaltir'* (as well as Psalms 14, 81, 103, 116 and 145) was recently published by Volgograd Pedagogical Institute. In its already published version, then, we can read:

> Bylo v mysli položit' każdyj psalom na raspev. No sie mnogo b u menja otnjalo vremeni nadobnogo mne po dolžnosti na drugoe nužnejšee i poleznejšee. Togo radi, preporučaju preklad golosov drugim, imejuščim dar musičeskogo tvorenija...
> *Venok Trediakovskomu* (Volgograd: 1976), 8.

35. Polockij, 213, italics mine.

36. Polockij's Psalms were popular actually well until the beginnings of the nineteenth century since even the seminaries -- centers of learning at the time, were not ready to dispense with syllabic poetry for a long time, or as V. N. Peretc noted:

> ...v polovine XVIII v. psal'my xranjatsja preimuščestvenno v srednem, esli možno tak vyrazitsja, klasse, pri čem podderžku otživajuščej svoj vek sillabičeskoj poèzii okazyvajut vyxodcy iz duxovnyx škol, gde ešče xranilis' tradicii Feofana Prokopoviča... K koncu veka i v ètoj srede zamečaetsja novoe

vlijanie: koe gde v sbornikax, narjadu s sillabičeskimi stixotvorenijami popadajutsja uže ody Lomonosova.

"K voprosu o repertuare stixov u staroobrjadcev" in *Istoriko-literaturnyja izsledovanija i materialy*, v. I, pt. 1 (SPb.: 1900), 394-5.

37. Polockij, first introduction:

> Necii prežde mene negli načinaxu,
> no za trudnosti mnogi ot dela prestaxu (p. 211)

38. Here one should particularly mention such Pozdneev's studies as "Pesni-akrostixi Germana," *T. O. D. R. L.*, XIV (1958), 364-70; "Rukopisnye pesenniki XVII-XVIIIvv." in *Učenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo zaočnogo pedagogičeskogo instituta*, I (M.: 1958), 5-112; "Nikonovskaja škola pesennoj poèzii," *T. O. D. R. L.*, XVII (1961), 419-28; and "Poet XVII veka German (master akrotixa)" in Československá Rusistika, v. XIV, 4 (1969) and such A. M. Pančenko's contributions as his Introduction and Commentary to *Russkaja sillabičeskaja poèzija XVII-XVIII v.v.* (L.: Bibl. poeta 1970) and his book, *Russkaja stixotvornaja kul'tura XVII veka* (L.: 1973), 280 pp. which proved particularly instrumental in decoding some of the names mentioned below.

39. Reprinted from A. Pozdneev's *Nikonovskaja Škola* . . ., *Op. cit.*, 420.

40. Please, refer to Sumarokov's section in the forthcomming Volume III.

41. Reprinted from *Russkaja sillabičeskaja poezija* . . ., 99-100.

42. See his Dissertation, *Rukopisnye pesenniki* . . ., 21-22.

43. See Trediakovskij's *Postscript* to *Oda Toržestvennaja o zdače goroda Gdanska* . . . (SPb.: 1734), the fifth unnumbered page.

44. Reprinted from *Polnoe Sobranie Psalmov Davyda* . . ., II (M.: Tipogr. Rešetnikova, 1812) 110-11.

45. Reprinted from I. P. Eremin, ed., *Feofan Prokopovič. Sočinenija.* (M.-L.: 1961), 224-5.

46. For future references from Trediakovskij's Psalter consult this edition. Since the Psalms follow their numerical sequence, citation of page numbers would be redundant. This particular Psalm appears in Trediakovskij's manuscript *Psaltir'*...on ff. 257-9.

47. J. Levý, Kombinační možnosti verše," *Československá Rusistika*, VII, 2 (1962), 77.

48. See I. P. Eremin's notes to *F. Prokopovič*... 490.

49. P. A. Bessonov stated rather unequivocally that

> Psal'my i Kanty, v duxovnom i svetskom svoem rode, sut' prjamoe načalo i ob"jasnenie tvorčestvu Lomonosova i Deržavina, ix nastroeniju, ix predmetam, v častnosti Odam svetskim i duxovnym, preloženijam Psalmov, stixotvornym Razmyšlenijam i t.d....

Kaliki Perexožie, 3 (M.: 1863), xli. This statement could have been applied to some early works of Trediakovskij (such as to *Stixi Poxval'nye Rossii*, where Trediakovskij employs a series of vivat exclamations that were often used in the "kanty" of the Petrine period, or to *Pesn'...k ... Koronacii Anny* [1730], where he chose to use such epithets as *Krasnejše solnca i zvezd sijajušča* and *Porfiroju zlatoj odeta* usually employed in panegyrics to the Virgin Mary in such works), but as applied to Lomonosov or Deržavin the statement would have to be dramatically revised.

50. See fn. 49.

51. Some of the more popular *psal'my* were published by Jakov Dobrynin in *Duxovnye i toržestvennye psal'my* (M.: 1799).

52. See, for example, the so-called "Jakutinskij sbornik" from the early second half of the eighteenth century (G. I. M., Muz 2473), which has Lomonosov's and Trediakovskij's Psalms combined with numerous *psal'my*. Although syllabotonic examples of poetry entered the books of Rhetoric used in seminaries of that period rather early (a good example here may be the manuscript rhetoric *Norma Artis Poesios* [Ex Libris Ioannis Zubatoff], B.A.N., O. R. R. K. -- 4.3.3., from 1761 [date entered on f. 2], which combined the Latin text with examples from Lomonosov's Russian poetry), seminaries themselves really did not cease to utilize syllabic examples until the end of the century. Quite typical of textbooks from the end of the eighteenth century is one from *Vologodskaja duxovnaja seminarija* (G.B.L., F 218, Sobr. Otd. Ruk. 518) or one from Vjatskaja seminary (B.A.N., O.R.R.K., Vjatsk. 150). See also Peretc's quote in fn. 36.

53. On some occasions, one may encounter curious hybrids of syllabic and syllabotonic poetry as in *Oda v Poxvalu Materi Božiej, Carice Nabese i Zemli Sočinennaja Pantametrom* (G.B.L., M 37, Bol'šakov 127, f. 62), the first stanza of which I quote below, which despite the title does not offer any meter, since it does not use any recognizable one foot:

Krasota neba devo o prekrasna
Vsego gospoža zemna kruga vlastna
tja vo vsex rodax byti nesravnennu
ispoveduem i neizrečennu
o Marie vsex slavnuju caricu
samocvetnikov solnce nazarnicu
poxvalit' teper' tja xotja i tščusja
no veliku zrja i xvalit' styžusja.

As one can see, there is just a fixed number of syllables (eleven) in each line and the presence of a caesura, graphically stressed in the original text (dating to no earlier than 1747).

54. Among some most interesting studies devoted to Old Believers in recent years, I would like to point particular attention to two articles in *Russkie pis'mennye i ustnye tradicii i duxovnaja kul'tura* (M.: Moscow University, 1982), since they complement each other both in the region they study and deductions they assume. The first, written by S. E. Nikitina and entitled "Ustnaja tradicija v narodnoj kul'ture russkogo naselenija Verxokam'ja," traces the bi-focal nature of *stix* function among the Old Believers of that region and comes to the conclusion that "the question of religious verse (*duxovnyj stix* among Old Believers) as a genre cannot be solved without considering its musical and verbal bi-focality at the same time." (p. 124). Nikitina notes such interesting details as:

> ... penie s knigoj v rukax ešče ne označaet penija točno po knige. Ona často služit liš' psixologičeskoj oporoj: nam udavalos' nabljudat', kak ispolnitel' vodit pal'cem po knige, a poet ne sovsem tak, kak napisano -- poet, kak prinjato v ustnoj tradicii. (p. 121)

and proceeds to cite some other instances by which *stixi duxovnye* are particularly remembered through *singing* (rather than *reading*) practice. She further states:

> V muzykal'noj tkani tak že, kak i v slovesnoj strukture, otražaetsja dvojstvennaja priroda stixa kak žanra muzykal'nogo fol'klora i "vyxodca" iz liturgičeskogo penija: stix -- èto most, soedinjajuščij kul'tovuju muzyku s muzykoj fol'klora. (p. 122)

M. B. Černyševa's article "Muzykal'naja kul'tura russkogo naselenija Verxokam'ja" (pp. 127-50) is really a continuation of the study of the same group of Old Believers from a musicological perspective. She again quotes local people as referring to *duxovnye stixi* primarily in terms of singing, such as "Ja pomnju, kogda mamon'ka byla, dak eti stixi šibko basko peli," or "Po peniju ja za ljud'mi privykala" and "Ne každoj stix umeeš' pet', raznye golosa èti vse nado znati." (pp. 145 and 146) Černyševa is primarily interested in establishing correlation between the folk song and *duxovnyj stix* and often operates with such terms as *vzaimodejstvie napeva i slovesnogo teksta* (p. 136) or *struktura melodiki javljaetsja obščim "slovom"... ritmika že igraet žanroobrazujuscuju rol'* (p. 137), coming to the following conclusion:

> ... ritmika zdes' -- osnovnoj ryčag, preobrazujuščij stilistiku drevnerusskoj poglasicy v stilistiku duxovnago stixa i sbližajuscij ee s narodnoj pesnej. (p. 145)

55. *Perlo...* and *Imnologija...* were recently published (with other examples of early Ukrainian poetry) in *Ukrains'ka Poèzija. Kinec' XVI počatok XVII st.* (Kiev: Naukova Dumka, 1978), 431 pp.

56. This borrowing was first noted by N. I. Praškovic, "Iz rannix deklamacij Simeona Polockogo," *T. O. D. R. L*, XXI (1965), 29-38.

57. Compare, for instance, with *Kievo-Mixajlovskij* or *Zagorovskij* manuscript collections, as published in *Ukrains'ka Poezija* . . ., 89-136.

58. It is simply inexplicable how could I. P. Eremin, after spending years on examining Polockij's *Rifmologion* manuscript come to the following conclusion:

> *Central'noe mesto* v sostave "Rifmologiona" Simeona zanimajut ego tak nazyvaemye "knižicy," napisannye po povodu sobytij v žizni carskoj sem'i . . . "Knižic" ètix pjat'. . . . [italics mine, A.L.]

in "Simeon Polockij -- poet i dramaturg," postscript to Polockij's *Sočinenija...* p 287. Anyone who has seen this manuscript (G.I.M., Sinod. Sobr. 287) can easily recollect that of its 654 ff *more than one half* of the *initial* folia is devoted to the religious panegyrics celebrating Christmas and Easter. These verses form two separately entitled cycles of poetry and are united under the title *Rifmologion*. The other five booklets mentioned by Eremin are *attached* to this manuscript by being separated from its initial corpus by a number of blank pages. Since these are, futhermore, separate, individual creations (known to have been composed on separate previous occasions as separate entities), they occupy anything but "central" place in this manuscript. In

fact, the central or major part of *Rifmologion* -- the two cycles of religious panegyrics have never been published or discussed in any detail.

59. The quoted examples were initial couplets of the following separate poems: *Stisi na Roždestvo Xristovo glagolanii v cerkvi, Stisi na Roždestvo Xristovo k Gosudarju Carju, K gosudarju Carju ot gosudarja careviča na Roždestvo Xristovo, Ot služaščix na tožde,* and *Na tožde ot syna ko otcu v pečali sušču* (ff. 1-30 in Polockij's own pagination).

60. Examples quoted here are the initial couplets of succeeding stanzas in the first poem (ff. 2-5 in Polockij's numeration).

61. There were also variant titles, such as *psal'my duxovnye* or *pesni duxovnye.* One zealous collector from the early nineteenth century even called his collection *Psalmy Duxovnye* (meaning Religious Psalms), B.A.N., O.R.R.K. Uspenskij No. 102.

62. Examples will be provided in Chapter IV.

63. Appolos [A. D. Bajbakov], *Pravila Piitičeskija o stixotvorenii . . .*, (M.: Univ. tip., 1785).

64. See Lomonosov's "euphonic" theory in *Ritorika* and Sumarokov's experiments with rhythm in his Psalms in Chapter III & in Vol III resp..

65. See particularly pages 12-13 (for Sumarokov), 15 and 24 (for Xeraskov).

66. B.A.N., O.R.R.K., 26.3.42, f. 9

67. Peretc, *Istoriko-lit. issledovanija . . .*, v. 3, p. 425.

68. *Ibid.*, p. 67.

69. *Ibid.*, p. 425.

70. Apart from the mentioned paraphrase of Psalm 90 by Prokopovič, two Kantemir's Psalms (Nos. 36 and 72) survived from the post-Petrine times, but these are also, of course, syllabic.

71. V. K. Trediakovskij, "Mnenie o načale Poèzii i stixov voobšče" in *Sočinenija Trediakovskago*, I (SPb.: 1849), 186.

NOTES to CHAPTER II:

*

72. The effect of Aurora borealis mentioned here on the superstitious people of his time and its subsequent linkage with the manner of Biron's rule is noted, for example, by Christof Herman von Manstein in *Memoirs of Russia: Historical, Political, Military from the Year 1727-1744*... (London: 1770), 36.

73. Dimitri S. von Mohrenschildt summed Kantemir's role perhaps most economically:

> One of the pioneers in the transplanting of French culture to Russia, Kantemir was, at the same time, one of the first representatives of a new Russia, characterized by enlightenment and progress, which was then beginning to attract the interest and admiration of contemporary French society.

Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France, Columbia University Studies of English and Comparative Literature, No. 124 (N.Y.: 1972), 37.

74. Syllabic versification, as noted in chapter I, did not cease its existence overnight and continued to be practiced well to the end of the century particularly in distant seminaries and provincial institutions of learning, but it became bankrupt as a viable vehicle for Russian verse with the advent of Trediakovskij's and Lomonosov's reforms.

75. *Tri Ody Parafrastičeskie psalma 143 sočienennyja črez trex stixotvorcov iz kotoryx každoj odnu složil osoblivo* (SPb.: Imp. A.N., 1744) 22 pp. The book is reproduced here in Appendix I.

76. B. O. Unbegaun, *Russian Verisification* (Oxford: 1963), 8-85.

77. The history of Russian syllabo-tonic verse is traditionally begun by citing Trediakovskij's *Novyj i kratkij sposob k složeniju rossijskix stixov s opredeleniem do sego nadležaščix nazvanij.* (SPb.: Imp. A.N., 1735) and with Lomonosov's formal response to it in a letter "O pravilax rossijskago stixotvorstva," addressed to the Academy from abroad in 1739, but rarely has it been pointed out that these were still individual efforts, far from being assured to succeed in the context of their time.

78. See Peretc's discussion of Gluck and Paus in the previous chapter.

79. Aesthetic function here is understood in the terms first defined by Jan Mukařovský in *Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty* (Praha: 1936) and involving apriori collective awareness of an aesthetic norm.

80. It could be argued, for instance, that Meletij Smotrickij's *Grammatika* of 1619 had potentially as far-reaching implications as Trediakovskij's *Sposob*, and even though Smotrickij composed verses conforming to his new principles, they had no influence in the future history of Russian verse. Conversely, Trediakovskij's or even Lomonosov's innovations of the thirties could have proven abortive experiments like Smotrickij's, however "natural" or attractive they might have been in utilizing some inherent qualities of Russian. In other words, far too often it has been posited that Trediakovskij and Lomonosov were *bound* to succeed primarily because they took into account variable stress properties of Russian, suggesting as it were historical determinacy in the development of poetry form systems that ignore some natural

properties of spoken language to systems that utilize them as fully as possible. While examples could be easily found to counter such a view (consider the role of "*zaum*" among Russian Futurists, for example), it seems necessary to stress that Trediakovskij and Lomonosov succeeded for a number of other reasons, such as that their systems were fairly sophisticated, or that they were good propagandizers of their own craft and that they established an audience which they continuously coerced. Above all, however, Trediakovskij, Lomonosov and Sumarokov formed a critical audience for themselves as the booklet *Tri Ody* demonstrates, as well as a mini-school of literature propagating the tenets of poetry it was still developing.

The fact that Trediakovskij-Lomonsov's syllabo-tonic principle was far from being necessarily bound to succeed is signified by its outright rejection by Antiox Kantemir's "Pis'mo Xaritona Makentina k prijatelju o složenii stixov Russkix" in *Kvinta Goracija Flakka Desjat' Pisem Pevoj Knigi perevedeny s Latinskix stixov na Ruskie i primečanijami iz"jasneny ot znatnogo nekotorogo znatoka do stixotvorstva s priobščennym pri tom pis'mom o složenii Ruskix stixov.* (SPb.: Imp. A.N., 1744), § 20. Kantemir's knowledge of the properties of the spoken Russian language was probably better than that of either Trediakovskij of Lomonosov at the time, and it still remains a question as to what would have happened had Kantemir lived in Russia in those years and participated in the group advancing principles of syllabo-tonism. Certainly, his views would have to have been reckoned with since he was considered as the most accomplished poet in those days.

81. The significance of this first truly theoretical literary competition in Russia is discussed at length by G. A. Gukovskij in an article "K voprosu o russkom klassicizme," *Poėtika*, IV (L.: Akademia, 1928), 126-48. There is one point in this otherwise outstanding study that should be corrected in order to avoid further confusion on the subject. Gukovskij leads the reader to mistakenly assume that Trediakovskij was behind the following statement:

> . . . on (Trediakovskij) [parentheses and name inserted by Gukovskij, A.L.] rassuždaet, sočinit' vsem trem nekotoroj vysokoj rod stixotvorenija, a imenno odu, a dlja sego vybrat' odin Psalom iz Psaltiri. Naxodjaščemu v Xoree s nežnostiju i blagorodstvo, sočinit' by odu xoreičeskuju; a stojaščim za Iambičeskuju tokmo vysokost', sostavit' Odičeskie svoi stixi Iambom. Č r e z s i e t o t č a s o b" ja v i t s ja, imeet li Xorej pri nežnosti vysokost', a Iamb pri vysokosti nežnost' (kursiv moj Gr.G.)

(*Ibid.*, 128-9). Perhaps it was from this, quite possibly unintended, mis-identification that some further scholarship assigned to Trediakovskij the idea of originating the competition. Nonetheless, a closer reading of the text assures us that this was not the case. We are quite certain that it was Trediakovskij who wrote the introduction to *Tri Ody*, but in the passage just quoted by Gukovskij, we confront the reported speech of either Lomonosov or Sumarokov by Trediakovskij and not of Trediakovskij. Otherwise, the paragraph immediately following the quoted passage would not make any sense; in it Trediakovskij, defending himself, stated:

> Zasčitnik XOREJA, kak pročie oba ego (Trediakovskogo, A.L.) nazyvali, xotel bylo prostrannee dokazyvat', čto mnenie ego ne v tom sostoit, čtob on pripisyval točno obeim sim Stopam nekotoroe osoblivoe svojstvo vysoty, ili nežnosti, no po položeniju tokmo, to est', bude IAMB soboju vysok, to on sovokupno sobojuž i nežen; a bude XOREJ soboju nežen, to on takže pritom i vysok: ibo vpročem ne priznavaet on, kak govoril vyše, ničego sego v Stopax, no pričitaet vse raznosti slov. No oba pročie ne xoteli ot nego ničego bol'še

slyšat', da tokmo *sklonili ego* k tomu, čtob emu sočinit' Odu Xoreičeskuju, i vybrali sebe na sie Psalom sto sorok tretij. Sej est' slučaj i pričina six trex Od, dvux Iambičeskix, a odnoj Xoreičeskoj, kotoryja nyne svetu podajutsja.
Tri Ody. . ., pp. 5-6 (italics mine, A.L.)

Thus, it was either Lomonosov's or Sumarokov's idea to set up a competition, the goal of which was to prove something that Trediakovskij deemed unprovable. In this and in some other respects, Trediakovskij showed himself quite advanced in theoretical thought for his time, as Gukovskij himself noted:

V dannom slučae Trediakovskij predvosxitil sovremennoe učenie o proizvedenii, kak o sisteme, a ne summe elementov; emu vidno bylo, čto v ètoj sisteme ustanavlivaetsja, v zavisimosti ot okružajuščix i vzaimoobuslovlennyx elementov, konkretnoe naznačenie otdel'nogo èlementa-priema, čto priem ili èlement, vzjatyj otvlenčenno, -- est' potencija različnyx osmyslenij. (*Ibid.*, 128)

82. As Gukovskij noted elsewhere and in particular in the article "O Russkom Klassicizme," the concept of genre (or model text) preeminence was not a fictional but a functional aesthetic reality and continued:

. . . v seredine XVIII veka, daže ešče v 80-x godax . . . poèty, ispoveduja teoriju podražanija podlinnym obrazcam prekrasnogo, i na praktike posledovali ej. Oni svobodno čerpali kak otdel'nye motivy i detali, tak i sxemy celyx p'es u svoix predšestvennikov. Osnovoj ix tvorčestva voobšče byla kniga, pročitannyj tekst, gotovaja slovesnaja kostrukcija.
in *Poetika*, V (L.: Akademia, 1929), 24.

83. *Tri Ody* . . ., p. 3.

84. Postscript to *Oda Toržestvennaja o zdače goroda Gdanska* . . ., (SPb.: Imp. A.N., 1734), the fifth unnumbered page.

Here it should be noted that while it was one of Boileau's odes that served for Trediakovskij as a model, Trediakovskij definitely departed on the theoretical plane from Boileau's negative attitude toward *vers sacres* and treated them as poetical examples on a par with Greco-Roman poetry. Thus, despite the fact that later it was again Trediakovskij who first translated Boileau's *Discourse* on poetry into the Russian language, it did not make him, as some have argued, a neo-classicist in his conceptual thinking.

85. Although Lomonosov, in his early works referred to his versified Psalms as *paraphrastic* odes, in his "Otčet o nezaveršennyx i zaveršennyx . . . rabotax" of 1764 he called them *ody duxovnye* (*Polnoe sobranie sočinenij*, v. 10 [M.-L.: 1957], 251). Sumarokov named his first independently published transposition of Psalms *ody duxovnye* as well, in *Ežemesjačnye sočinenija*, September (SPb.: 1755), 251.

86. V. K. Trediakovskij, *Sočinenija i perevody kak stixami tak i prozoju*, v. 2 (SPb.: 1752), p. 34.

87. *Oda* . . . *Gdanska*, the fifth unnumbered page of the postscript.

88. It appears that for eighteenth-century Russian literary culture the word "oda" did not designate only the narrow confines of a genre in its classicist conception, but was equivalent to any or all the following concepts: *lyrical poetry, elevated style, high*

genre, cultured taste, lofty thought, and *overwhelming imagery,* or whatever else might have been implied by the progenitor of such an extended understanding of the Ode, Trediakovskij, when he, lumping all Psalms into the corpus of the Ode in 1734, exclaimed, "primetit' vysotu slova, kakova dolžna byt' v Odax" (*Ibid.*). Consequently, it should not be surprising to find at the beginning of the nineteenth century a statement of the then influential A. F. Merzljakov which, at face value, seems to be a reversal of Trediakovskij's motto that "all Psalms are Odes":

> David . . . odin možet zamenit' dlja nas Pindara, Alceja i Flakka. Božestvennaja Psaltir' ego predstavljaet *obrazcy dlja vsex rodov liričeskago pesnopenija*: dlja vysokogo ili toržestvennago, dlja spokojnago, ili filosofskago, i dlja elegičeskago ili pečal'nago, nežnago...

"O genii, ob izučenii poeta, o vysokom i prekrasnom," *Vestnik Evropy* Part 66 (SPb.: 1812), 64 (italics mine, A.L.). The statement makes it clear that Merzljakov did not share the view of Trediakovskij; instead he argued that Psalms provide ample examples of all genres of poetry, but he meant to say the same thing as Trediakovskij, e.g. "all Psalms are magnificent poetry."

A synthesis of these contrasting views came about in N. F. Ostolopov's famous *Slovar' drevnej i novoj poèzii* (SPb.: 1821) which chose to avoid the term *oda duxovnaja* and mentioned Psalms under the rubric of Hymns:

> . . . zaključim stat'ju sledujuščimi zamečanijami: 1) čto Imny dolžny byt' samoe vysokoe stixotvorenie iz vsex liričeskix: ibo čto možet byt' vyše čuvstvija istinnago blagogovenija k Božestvu? 2) čto pri vsem ix parenii dolžny oni poražat' estestvennoju prostotoju; poeliku iskrennost' nesovmestna s vysokoparnostiju, otzyvajuščejusja iskustvom, kotoroe možet proizvesti tvorenie ves'ma obrabotannoe, no xladnoe, i 3) čto sverx proizvedenij piitičeskix, drevnix i novyx, dlja lučšego uspexa sego roda nadležit čitat' i perečityvat' božestvennogo Psalmopevca Davida; -- tam povsjudu najdete i vysokoe v izobraženii i prekrasnoe v čuvstvovanijax. (v. I: 216)

In this way, Ostolopov escaped the pitfalls of connecting the Psalms with any literary genres and, at the same time, named them the source of all high poetry.

89. V. V. Vinogradov, "Osnovnye ètapy razvitija russkago literaturnogo jazyka," *Russkij jazyk v škole,* 4 (M.: 1940), p. 7.

90. V. K. Trediakovskij's introduction to his unpublished *Psaltir', Op. cit.,* p. iv.
91. *Tri Ody . . .,* p. 6.

92. Lomosov was at the time under house arrest, which he considered as totally unjustified.

Similar changes conditioned by biography were introduced by Kantemir into his two extant Psalms 36 and 72, and were recorded in P. A. Efremov's notes to these Psalms in *Sočinenija, Pis'ma i Izbrannye Perevody Knjazja Antioxa Dmitrieviča Kantemira,* v. I (SPb.: Tip. Glazunova, 1867), pp. 293 and 295.

93. Discussion of Trediakovskij's poetics follows in chapter IV.

94. Discussion of Sumarokov's Psalms will come in vol. III..

95. A. Rešetnikov, ed. (M.: Tip. Rešetnikova, 1808).

96. This publication excluded the entire Psalter of Trediakovskij (except for his ten Psalms published in 1752), since the editors were probably unaware of its existence, some Psalms of Kapnist and Bobrov and other poets, and, curiously enough, most of the then contemporary Psalm transpositions by Deržavin.

97. Acc. to *SPb. Vedomosti* the booklet was published in August, 1743 in 350 copies.

98. Trediakovskij, *Sočinenija...* v. II (1752) in the preface preceding Psalms 143.
99. *Op. cit.*

100 Lomonosov did not respond in poetry to the appearance of the mentioned comet, but he did take note of it by supplying a Russian introduction to the then published Heinseus's book *Opisanie v načale 1744 goda javivšejsja komety* as noted in A. A. Morozov's *M. V. Lomonosov* (M.: 1955), pp. 294-5. The first major Russian poet to write a poem specifically celebrating the appearance of a comet will be only M. Xeraskov in 1767.

NOTES to CHAPTER III:

*

101. Among the first to posit such a view of Lomonosov was D. Čiževskij in *History of Russian Literature, Op. Cit.*, pp. 419-28 and among Soviet scholars especially A. A. Morozov in "Problema Barokko v Russkoj literature," *Russkaja Literatura*, No. 3 (1962), pp. 3-38, as well as in his other articles on Lomonosov of the 1960's. Lomonosov figures as the lonely representative of Russian Baroque poetry in H. B. Segel's comparative survey *The Baroque Poem* (N.Y.: Dutton, 1974), pp. 190-95.

102. Part of the eighth stanza in "Oda na Pribytie Ee Veličestva Velikija Gosudaryni Imperitricy Elisavety Petrovny iz Moskvy v SanktPeterburg 1742 goda po koronacii" as quoted in Lomonosov's *Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol'zu ljubitelej krasnorečija...* (a manuscript of 1744, Arxiv AN SSSR, Fond 20, op. 3, No.47) under §93.

103. Lomonosov, *Polnoe...* v. 10: 462.

104. *Sobranie raznyx sočinenij v stixax i proze Mixajla Lomonosova*, I (SPb.: 1751), pp. 5-34. I am using this edition for republishing Lomonosov's Psalms in Appendix VI in this book.

105. *Kratkoe rukovodstvo k krasnorečiju*... (SPb.: 1748), § 269.

106. As early as 1911, V. Dorovatovskaja wrote:

> Imeja mnogo vragov, vsegda stanovjas' s nimi v rezkie otnošenija. Iskustvenno razžigaja nenavist', i tak imejuščuju dostatočno pišči, Lomonosov, konečno, legko prinjal žestokuju i neumolimuju, po otnošeniju k vragam, poèziju psalmov. Takim obrazom, vybor tex ili drugix stanic Biblii ne byl u Lomonosova slučajnym, i legko ob"jasnim iz osobennostej ego ličnosti i iz faktov ego biografii.
> "O zaimstvovanijax Lomonosova iz Biblii" in V. V. Sipovskij's *M. V. Lomonosov: 1711-1911* (SPb.: 1911), p. 40.

Further along (p. 40-41), commenting on Lomonosov's treatment of individual Psalms, Dorovatovskaja noted, among other examples, Psalm 26:

> Takže avtobiograficeskie čerty mogut byt' otmečeny v pereloženii 26-go psalma... Nebol'šie izmenenija, vnesennyja Lomonosovym v ètot stix, vpolne sootvetstvujut ego biografii.

A. A. Morozov, in his introduction to *M. V. Lomonosov, Izbrannye Proizvedenija* (M.-L.: 1965), p. 25, made similar observations regarding Lomonosov's transposition of Psalm 143:

> Lomonosov sumel v perelagaemyj psalom vložit' strast' i energiju i daže otrazit' svoi ličnye pereživanija, svoj protest protiv okazannoj emu nespravedlivosti. Rabotu po pereloženii psalma on vypolnil naxodjas' pod arestom, posle ožestocennyx stolknovenij s akademičeskimi verxami, počti sploš' sostojavšimi iz inozemcev.

Among others who have commented on Lomonosov's biographical detail in Psalms were D. K. Motol'skaja in *Istorija russkoj literatury*, III (M.-L.: AN SSSR, 1947), pp. 340-42, and I. Z. Serman, *Poetičeskij stil' Lomonosova* (M.-L.: ANSSSR, 1965) 39-42.

107. Serman, *Poetičeskij stil'* . . ., notes just such a method of polarization in Psalm 34, for instance.

108. It does seem plausible to agree with A. A. Morozov's view "otnesti datirovku bol'šinstva 'duxovnyx od' Lomonosova k periodu meždu 1743 i 1747 gg. Otsutstvie ètix tekstov v Ruk. Rit. 1744 i Rit. 1748 ešče ne svidetel'stvuet ob ix bolee pozdnem napisanii..." (See his argument on pp. 527-9 in Lomonosov's *Izbrannye* . . . *Op. cit.*).

109. Lomonosov, *Kratkoe rukovodstvo k ritorike...* [of 1744], §1.
110. M. E. Suxomlinov, *M. V. Lomonosov. Polnoe sobranie sočinenij*, I (SPb.: 1891), 37-8.

111. Lomonosov, *Polnoe sobranie sočinenij* (1950-83), vol. 7: 295-7. One should note that Lomonosov worked on his revised version of *Ritorika* precisely in the years of his intense interest in Psalm transpositions and used some Psalms (such as Ps. 14, 116 and 145) as illustrations to his points of discussion in its 1748 version.

112-13. Lomonosov, *Polnoe sobranie...*(1950-83) vol. 7, p. 312.
114. *Ibid.*, p. 137.
115. Serman, *Poetičeskij stil'* . . ., 40-1.

116. As an example additional to those already discussed by previous commentators, one could return to Psalm 1 where Lomonosov strove to intensify the polarity between *blažen muz* and *nečestivye* by marked morphological changes: The original word *nečestivye* was changed by Lomonosov in four places into a sequence *zlye - grešnye* (twice) - *zlodei* which ended in a shift (in the last verse of the Psalm), from a passive construction "i put' nečestivyx pogibnet" into an active "I zlobnyj put' ix pogubit." Comprehension of such authorial changes is, of course, facilitated not only by elements of Lomonosov's biography, but also by understanding the terms of his overall underlying principle in the sequencing of his psalms.

117. Ja. Grot, *Sočinenija Deržavina*, I (SPb.: Imp. A.N., 1864), 114-5.

118. The dependence of Psalm 103 on the last chapters of *Job* has been noted on numerous occasions in the past, and most recently by Morozov in Lomonosov's *Izbrannye* . . ., 528.

119. Additional discussion of these three odes will follow in Volume IV.
120. Organizational features of Lomonosov's strophic arrangements in *oratory* odes are discussed at length by Jurij Tynjanov in "Oda kak oratorskij žanr," Poetika, III (L.: Akademia, 1927), 102-28.

121. Lomonosov, *Ritorika* of 1744, § 125.
122. *Ežemesjačnye sočinenija*, September (SPb.: 1755), 251-61. Cf. Vol. III.
123. Among the manuscript collections of verse that contain Lomonosov's Psalms and other sacred odes, perhaps the following should be mentioned: G.I.M. 938; G.I.M. Vaxr. 562, No. 19; G.I.M. Vaxr. 562, Nos. 6 and 8; G.I.M. 1122; G.I.M. Bars. 2443; G.I.M. Muz. 2473; G.I.M. Uvar. 553; G.B.L. Tix 502; G.B.L. Bol's. 98; etc.
124. Cf. *Polnoe... Davida* under all the Psalm numbers completed by Lomonosov.
125. A. S. Puškin, *Polnoe sobranie sočinenij*, 7 (M.-L.: 1951), 29-30.

NOTES to CHAPTER IV:

*

126. P. P. Pekarskij cites Trediakovskij's singing one of his *psal'ma* to a group of Church dignitaries in 1732 (*Istorija Akademii Nauk*, II [SPb.: 1873], 36-8. Henceforth *IAN-II*). Of course, his *psal'ma* may not have been transposed from any Psalm, but an independent creation. It must have contained, however, reworking of some religious text, Trediakovskij's interpretation of which angered Malinovskij, as quoted just in the passage bellow.

127. Pekarskij amply illustrates Trediakovskij's efforts ot publish his *Psaltir'* and *Feoptija* in 1755 and in 1757 (*IAN-II*, 173-7 and 203-5). However, he does not publish all the pertinent documents, related to this case. Our edition fills this gap in the Appendix IV, followed by the Postcript to these documents written by A. Šiškin.

128. Trediakovskij envisioned to have these works printed on a special expensive paper and in matching sizes of volumes as is noted by Pekarskij (*IAN-II*, 174).
129. Pekarskij, 36-7.
130. *Ibid.*, 204-5.

131. Trediakovskij was even willing to publish these two works at his own expense ("na moem košte," Pekarskij, 174).

132. For an exhaustive further account of Trediakovskij's troubles in publishing his philosophical treatise *Feoptija* and the eventual dismissal of this work by the Synod see I. Z. Serman's notes to its first publication in V. K. Trediakovskij, *Izbrannye proizvedenija*, L. I. Timofeev, ed. (M.-L.: 1963), 507-12. Unfortunately, this edition published *Feoptija* without Trediakovskij's own introduction to it. In order to have this work finally accessible in its entirety, I decided to publish Trediakovskij's "Introduction" in this volume as Appendix III.

133. Trediakovskij, *Oda... Gdanska*, fifth unnumbered page in the postscript.
134. *Ibid.*, third and fifth unnumbered pp. in the postscript.
135. Trediakovskij, *Psaltir'*, iv.
136. *Ibid.*, iii.
137. Cf. *Sočinenija i perevody kak stixami, tak i prozoju Vasil'ja Trediakovskago*, 2 vols. (SPb.: 1752), vol. II.

138. Trediakovskij mentioned in his letter to Razumovskij that he started the work on his *Psaltir'* in 1750 (see Pekarskij, 173). Apart from his own work with the Psalms, Trediakovskij must have been asked to review Ivan Gorlickij's *Istoričeskoe i slovesnoe Psalmov iz"jasnenie* (SPb.: 1741) since his hand-written comments (as noted by Eugene Bešenkovskij) are present thoughout this manuscript (present location in private hands, but the last known location in *Russica* Bookstore, N.Y.). This copy of the manuscript is attributed by Bešenkovskij to be written on a paper form the 1740s or early 1750s.

139. Trediakovskij, *Psaltir'*, iv.
140. *Ibid.*, iii.
141. *Ibid.*,
142. Polockij, *Izbrannye . . .*, 213.

143. Cf fn 91.
144. Trediakovskij, *Psaltir'*, vii.
145. *Ibid.*, 5.
146. *Ibid.*, 9.
147. *Ibid.*, 350. Since Trediakovskij's Psalms follow in his manuscript their natural numerical sequence, further references to their pagination are omitted.

148. Please, reffer to the present edition in all other quotations.

149. K. B. Jensen and P. F. Moller, "Paraphrase and Style," *Scando-Slavica*, SVI (Copenhagen: 1970), 57-73.

150. *Ibid.*, 58: "We feel that the three paraphrases of the same model provide us with a rare opportunity of examining these three significant poets' style at that particular time."
151. *Ibid.*, 59.
152. *Ibid.*, 58.
153. Introduction to V. K. Trediakovskij, *Izbrannye* . . ., 45.

154. It is interesting to note how often poets violated their own theoretical stand. Note in this lead stanza to Psalm 130 the excessive use of enjambments and compare this observation with the following Trediakovskij's statement: "Prežnie naši stixi . . . ves'ma podverženy sim perenosam. Sej porok v nix nesnosen." *Sočinenija...* v. 1, p. 9.

155. The actual statistical figures for his Psalms are as follows:

Stanza Format (x-lines):	4	5	6	7	8	9	10
No. of Trochaic stanzas	322	59	109	16	62	70	121
No. of Iambic stanzas	263	61	127	51	88	32	121
Total No. of stanzas:	585	120	236	67	150	102	242

No. of verse-lines per specified stanzaic arrangement:

Trochaic verse-lines	1,288	295	694	112	496	630	1,210
Iambic verse-lines	1,052	305	762	357	704	288	1,210
Total No. of verse-lines:	2,340	600	1,416	469	1,200	918	2,420

No. of Psalms involved in a specified stanzaic arrangement:

Trochaic Psalms	30	7	10	2	7	6	8
Iambic Psalms	33	6	13	8	9	4	8
Total No. of Psalms:	63	13	23	10	16	10	16

Perhaps, it is interesting to point out that the average number of stanzas per Psalm is nine or ten; the two exceptions are the seven-line stanza with an average of only six such stanzas per Psalm, and the ten-line stanza with a high number of fifteen such stanzas per Psalm. Thus, the ten-line stanza must have been perceived by Trediakovskij as being most desirable for longer Psalms.

156. I. Z. Serman, comparing Psalms 70 of Lomonosov and Trediakovskij, partly commented on this: "U Trediakovskogo inaja, čem u Lomonosova, *sistema* obrazov-ponjatij... T. nasyščaet svoe preloženie psalma slovami nesinonimičeskimi... [stremjas'] k maksimal'nomu raznoobraziju vyraženija osnovnoj temy" in *Russkij Klassicizm* (L.: 1973), 65-66, (italics mine, A.L.).

NOTES to CHAPTER V:

*

157. For a recent and an incredibly thorough study of Russian eighteenth-century set verse forms, see Reinhard Lauer's *Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanza und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* (Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1975), 447 pp. (henceforth referred to as Lauer).

158. See the entire Chapter IV in Lauer and particularly pp. 217-24. Deržavin's poetic practice, which began about at this time, of course finalized such developments.

159. Beginning in his *Sobranie raznyx sočinenij* . . . (1754).
160. *Primečanija k [Sanktpeterburgskim] Vedomostjam*, XXVI (April 3, 1732), 132.
161. *Ibid.*
162. Reprinted from Trediakovskij, *Izbrannye*... 387, but adapted to its original orthographic appearance.

163. Reprinted from Aleksandr Smirdin's *Sočinenija Trediakovskago*, I (SPb.: 1849), 563-4.

164. Cf. Chr. Asselineau, *Histoire du Sonnet* (Alencon: 1856), 31-33 quoted in Lauer, 52.
165. As quoted in Lauer, 53.

166. In my quote I have slightly modified Ernest Dilworth's translation of Nicolas Boileau-Despreaux's *L'Art Poetique* in Boileau, *Selected Criticism* (Indianapolis, New York: Bobbs-Merrill, 1965), 29 which will be generally used here as the source for my translations and referred to as Boileau.

167. Boileau, Canto III, 29.

As for Trediakovskij, however, one cannot say that by a mere transposition of a Sonnet with Baroque elements, or even by his translational activity of texts crucial to the Baroque sensibility (such as the mentioned Psalms, or the perfectly *precieuse* novel, *Le voyage a l'ile d'Amour* (1730) of Paul Talemane, and his other programmatically non-classicist activity) makes him an anti-classicist in his theoretical thinking.

168. Boileau, Canto II, 20.
169. Trediakovskij's Sposob (1735) in *Izbrannye* . . ., 386-87.
170. Lauer, 84-7.
171. Lauer, 88.
172. Lauer, 88-93.

173. It is interesting that commentators of these Sonnets, such as Lauer or Berkov (in Sumarokov's *Izbrannye* . . ., 534) before him, insist on citing the French models: Tritan L'Hermite, J. B. Rousseau, Pierre de Ronsard and Jean Hesnault were mentioned as possible sources for these Sonnets. Indeed, Hesnault's Sonnet, "Toi qui meurs avant, que de naitre," does seem to offer an unmistakable model for the third Sumarokov's Sonnet in this group, but as for the former two, one could just as easily search in German literature of the first half of the seventeenth century, particularly in

the works of Paul Fleming and Andreas Gryphius, whoses works were replete with such topics.

174. Cf. Ja. Grot, *Sočinenija Deržavina...*, III, 64.

175 Printed together with Psalm 70 in *Ežemesjačnye sočinenija*, February (1756), 141-6, with the Sonnet on the last page of this interrelated pair of texts.

176. The changes are too numerous to list separately for the purposes of this study, but can be easily studied when compared with the more accessible Sumarokov's *Polnoe*. They include various typographical items, such as the removal of commas in line 8 or of the capital letters in the words *Pokrovitel'* and *Spasitel'* (lines 21 and 23, resp.), grammatical corrections (such as *kovo, evo* into *kogo, ego* in lines 42-4), as well as rewriting of either entire lines or entire stanzas (particularly the last two stanzas).

177. Lauer, 98
178. See Timofeev's description of the incident of Trediakovskij's beating by Volynskij in 1740, in which he received over one hundred nearly mortal blows to his body in Trediakovskij's *Izbrannye...*, 12-14.
179. In *Ibid.*, 529-30.

180. In the seventh Chapter of his 1752 *Sposob*, he lists Sonnets under the rubric of *Epigrammatic* poetry (§ 6), from which this quote is taken.

181. A. Sumarokov, *Raznyja stixotvorenija*. SPb. 1769, p. 63.
182. Lauer, 92-93,
183. SPb., [1773-4], pp. 222-3.
184. Cf. fn. 180.
185. Trediakovskij, *Oda... Gdanska*, first unnumbered page of postcript:

> No važnostiju materii, i glubokostiju rečej, ves'ma ot" *Ody* otlična: poneže materija *pesnej* často, i počti vsegda, est' LJUBOV'. libo čto podobnoe, i legkomyslennoe, i tol'ko čto serdce čelovečeskoe uleščivajuščee;

See Appendix V, pages 536-540 in this volume, for the reprinted text of his postscript.

186. In *ibid.*, continuning the same sentence Trediakovskij mentions that the level of its "Reč" (Speech in terms of style) is often "mužickaja i rebjač'ja."
187. In *ibid.*
188. Ibid.
189. Trediakovskij, Izbrannye...,411-2.
190. In Ibid., 386-7.
191. Consult D. Janik's *Geschichte der Ode und der "Stanses" von Ronsard bis Boileau* (= Ars poetica. Texte und Beitrage zur Dichtungslehre und Dichtkunst, Bd. 2) Bad Homburg v.d. Hoh-Berlin-Zurich, 1968, as cited in Lauer, 409.
192. Its 1735 version is republished in *Izbrannye...*, 78.
193. Boileau, Canto II
194. Kvjatkovskij, 282.
195. See *Sočinenija* (1849), I, 279.
196. In *ibid.*, 281.
197. In *ibid.*, 293-304.
198. In *ibid.*, 401 & 406

!!! * !!!

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ПСАЛМЫ ЛОМОНОСОВА

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА I

1

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,[1]
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ кто въ пагубу приводитъ
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

2

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

3

Какъ древо, онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

---

[1]..Псалмы 1, 14, 26, 34, 70, и 145 здесь печатаются по малодоступному Собранію разныхъ сочиненій въ Стіхахъ и въ Прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая. Имп. АН., 1751 г., в котором они помещены на первых страницах книги (стр. 5-34). Тредиаковский мог прореагировать только на это издание в своих Соч. 1752 и в своей Псалтири. Разночтения с более поздними изданиями и с рукописными пометами 1751-го года не приводятся, так как они достаточно обстоятельно представлены в его Полном Собрании Сочинений, 11 тт., М.-Л. 1950-83 (тт. 7-8). Псалом 103й, который не вошел в издание Соч. 1751, снабжен комментарием. Текст Псалма 116, также не вошедшего в это издание, комментирую в моем вступлении к Псалтири Тредиаковского. Текст Псалма 143, который в это издание вошел, дан в его версии 1743 г. в Приложеніи 1.

4

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобливыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

5

И такъ злодѣи не возстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдъ.

6

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубитъ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА XIV

1

Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верьхъ священный горнихъ мѣстъ?

2

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

3

Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

4

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ,
И предъ нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

5

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА XXVI

1

Господь, Спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся ?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ,
Кого я устрашуся ?

2

Чтобъ въ злобѣ плоть мою пожрать
Противны устремились.
Но злой навѣтъ хотя начать,
Упадши, сокрушились.

3

Хоть полкъ противъ меня восстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На БОГА полагаюсь.

4

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ Его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въономъ веселиться.

5

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.

6

Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я, жертву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

7

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю.

8

Я къ свѣту Твоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И отъ всещедраго Творца
Пріемлю лучь вседневный.

9

Отъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не отвратися;
Да взыдетъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.

10

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ
И далъ жить въ благоденствѣ.

11

Настави, Господи, на путь
Святымъ Твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крепящагося въ ономъ.

12

Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницей покрывай
Отъ клеветаній ложныхъ.

13

Я чаю видѣть на земли
Всевышняго щедроты,
И не лишиться николи
Владычнія доброты.

14

Ты, сердце, духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдствіемъ не колеблись,
На Бога полагайся.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА XXXIV

1
Суди обидящихъ, Зиждитель,
И отъ борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,
Заступникъ и Спаситель мой.

2
На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щитъ,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда противникъ мнѣ грозитъ.

3
Здержи стремленіе гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ.
Увѣрь въ напастяхъ обстоящихъ,
Что я въ покрытіи твоемъ.

4
Гонители да постыдятся,
Что ищутъ зла души моей,
И съ срамомъ вспять да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.

5
Да сильный гнѣвъ твой злыхъ восхититъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ.
И Ангелъ твой да не защититъ
Бегущихъ, умножая страхъ.

6
Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангелъ мстящею рукою
Ихъ, вслѣдъ гоня, да устрашитъ.

7
Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что на меня ярясь напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

8
Глубокій, мрачный ровъ злодѣю
Въ пути да будетъ сокровенъ;
Да будетъ сѣтію своею,
Что мнѣ поставилъ, уловленъ.

9

Душа моя возвеселится
О Покровитекѣ своемъ,
И радостію ободрится
О заступленіи твоемъ.

10

Съ тобою кто себя сравняетъ?
Всѣ кости, Боже мой, гласятъ:
Твоя власть сильныхъ сокрушаетъ,
Что бѣдныхъ разтерзать хотятъ.

11

Уже свидѣтели возтали
Неправедные на меня,
И, стыдъ оставивъ, вопрошали
О томъ, чего не знаю я.

12

Наносятъ мнѣ вражду и злобу,
Чтобъ тѣмъ мне за добро воздать,
И бѣдной духъ мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13

Но какъ они ослабевали,
Тогда постомъ я и мольбой
Смирялъ себя, дабы возстали
Противники мои въ покой.

14

Какъ брату своему я тщился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождать,
И сѣтуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ здержать.

15

Они, однако, веселятся.
Какъ видятъ близъ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ровъ, гдѣ мнѣ упасть.

16

Смятенный духъ во мнѣ терзаютъ,
Моимъ паденьемъ льстя себя;
Смеются, нагло укоряютъ,
Зубами на меня скрыпя.

17

Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злость ихъ будешь Ты взирать?
Не дай, не дай Ты львову чреву
Животъ мой до конца пожрать!

18

Во храмѣ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу Твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тьмахъ народа воспою.

19

Не дай врагамъ возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорствомъ возгордиться
И помизанiемъ очей.

20

Хоть мирныя слова вѣщали
И ласковъ видъ казали внѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли
И сѣти соплетали мнѣ.

21

Мнѣ пагубы, конечно, чая,
Всѣ купно стали вослицать;
Смѣяться, челюсть разширяя:
Намъ радостно на то взирать!

22

Ты видѣлъ, Господи, ихъ мѣрзость;
Отмсти и злобнымъ не стерпи;
Отмсти безъсовѣстную дерзость,
И отъ меня не отступи.

23

Возстани, Господи, Зиждитель,
Взойди на Твой святый престолъ,
И буди нашей при рѣшитель,
Спаси отъ нестерпимыхъ золъ.

24

Подвигнись правдою святою,
Суди насъ, Господи, суди,
Не дай имъ поругаться мною,
Суди, и мнѣ не снисходи.

25

Не дай имъ въ злобѣ похвалиться,
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердцѣ веселится,
Что мы могли его пожрать!

26

Посрамленны да возмятутся,
Что ради злымъ моимъ бѣдамъ;
И сверьхъ главы да облекутся
Мои противны, въ студъ и въ срамъ.

27

Но тѣмъ дай вѣчную награду,
Что оправдать меня хотятъ;
Взирая на мою отраду,
Великъ Господь нашъ, говорятъ.

28

Языкъ мой правдѣ поучится,
И истиннѣ святой Твоей.
Тобой мой духъ возвеселится
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

ПРЕЛОЖЕНIЕ ПСАЛМА LXX

1

Въ Тебѣ надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся отъ студа.

2

Святою правдою Твоею
Избавь меня отъ злобныхъ рукъ,
Склонись молитвою моею,
И сокруши коварныхъ лукъ.

3

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ,
И бренной сей и тлѣнной груди
Стѣна, защита и покровъ.

4

Спаси меня отъ грѣшныхъ власти,
И преступившихъ Твой законъ,
Не дай мнѣ въ челюсти ихъ впасти,
Зіяющи со всѣхъ сторонъ.

5

Въ терпѣніи моемъ, Зиждитель,
Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней,
Помощникъ мой и Покровитель,
Пристанище души моей.

6

Отъ чрева матерня Тобою
И отъ утробы укрѣпленъ,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возженъ.

7

Враги мои чудясь смѣются,
Что я кругомъ объятъ бѣдой:
Однако мысли не мятутся,
Когда Господь Заступникъ мой.

8

Превозносить Твою державу,
И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣпіе и славу,
Отъ устъ да устремится гласъ.

9

Во время старости глубокой,
О Боже мой! не отступи;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увядши члены укрѣпи.

10

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотятъ,
Уже о мнѣ единогласно
между собою говорятъ:

11

Погонимъ, Богъ его оставилъ;
Кого онъ можетъ преклонить?
Отъ насъ бы кто его избавилъ?
Теперь пора его губить.

12

О Боже мой! не удалися;
Покрой меня рукой Своей,
И въ помощь ниспослать потщися
Объятой зломъ душѣ моей.

13

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузятся
Которые мнѣ ищутъ зла;
Да на главу ихъ обратятся
Коварства, плевы и хула.

14

Надежду крѣпку несомнѣнно
Въ Тебѣ единомъ положу,
И прославляя беспремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

15

Отъ устъ моихъ распространится
О истиннѣ Твоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчится,
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

16

Твою я крѣпость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что Ты мой былъ Покровитель,
Во вѣки буду поминать.

17

Тобою, Боже, я наставленъ
Хвалить Тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославленъ
Чрезъ весь Тобой созданный свѣтъ.

18

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

19

Твоя держава возвѣстится,
И правда, мною до небесъ;
О Боже! кто Тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ?

20

Ты въ пропасти моря поставилъ,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обратясь избавилъ
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

21

Щедроту Ты свою прославилъ,
Меня утѣшить восхотѣлъ,
И скоро, обратясь, избавилъ,
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

22

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу Твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

23

Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувства насладятся
Души спасенныя Тобой.

24

Еще языкъ мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварныхъ сила постыдится,
Которы ищутъ мнѣ бѣды.

ПСАЛОМЪ CIII.

1

Да хвалитъ духъ мой и языкъ[2]
Всесильнаго Творца державу,
Великолепіе и славу,
О Боже мой, коль Ты вѣликъ!

---

[2] В Сочинения 1751 г. не вошел. Печатается по его первому изданию 1784 г., так как в настоящее время этот вариант стал мало доступным, в то время как читатели XVIII века имели возможность ссылаться только на этот текст. В Полном собрании сочинений (т. 8), в котором оно печатается по подлиннику, не даются разночтения с версией 1784 г. а просто упоминаются „серьезные отступления от подлинника“(8, с.950). Кстати, отступления от „подлинника“ не такие уж серьезные (все они в

2

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета,[3]
Шатры подобно предъ Собой.[4]

3

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крилами вихровъ шумъ наводишь,[5]
Когда на нихъ летаешь Ты.

4

И воли Твоея послы,
Какъ устремленiя воздушны,
Всесильнымъ манiемъ[6] послушны
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

5

Ты землю твердо основалъ,
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы,
И вѣчну непреклонность далъ.

6

Ты бездною ея облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь раждается и снѣгъ.[7]

7

Ихъ воля, Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенiя мутятся,
И въ тучи, устрашась, тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.

8

Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь Ты стремнины,
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

духе употребляемых словосочетаний автора) и совсем возможно, что существовал уже утраченый другой рукописный вариант псалма.

3 В ПСС: „бессчета“ вм. безъ счета

4..В ПСС: „пред Тобой“ вм. предъ Собой

5 В ПСС: „ветров“ вм. вихровъ

6 В ПСС: „маниям“ вм. манiемъ

7 Прим. ППС по подлиннику: Гдѣ дождь [згущается] раждается и снег.

9

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничемъ бы внизъ не преклонились,
Опричь Твоихъ безмѣрныхъ силъ.[8]

10

Изъ горъ въ долины льешь ключи,
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя;
Журчатъ для сладкого покоя,
Между горами текучи.

11

И напаютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя питаютъ;
Онагри[9] ждутъ, какъ въ жаждѣ таютъ,[10]
Отрады отъ руки Твоей.[11]

12

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.

13

Ты свыше влагу льешь горамъ.
Плодами землю насаждаешь,
И всѣхъ живущихъ насыщаешь[12]
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

14

Растишь въ поляхъ траву для стадъ;
Намъ разны зелія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

---

8 В ПСС: „Кроме Твоих“ вм. Опричь Твоихъ.

9 Примечание издателей: Онагръ, Греческое наименованіе; а по Россійски дикій Оселъ.

10 В ПСС: „И ждутъ ослы, как“вм. Онагри ждутъ, какъ

11 Прим. ПСС по подлиннику: Отрады [из твоих ключей] от руки Твоей.
На полях против строфы 11 написано
Огонь, дым [свистъ] звук взревел
И брег тряхнул хребтом

12 В ПСС: „И все народы насыщаешь“ вм. И·всѣхъ живущихъ насыщаешь.

15

ХлѣбЪ силой нашу грудь крѣпитЪ,
НамЪ масло члены умягчаетЪ;
Вино вЪ печали утѣшаетЪ,
И сердце радостью[13] живитЪ.

16

ДревамЪ даешь обильный тукЪ;
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый.
Насаждены вЪ Ливанѣ кедры,
МогуществомЪ всесильныхЪ рукЪ.[14]

⁂

ПСАЛОМЪ CXVI.

Хвалите Господа, всея земли языки,[15]
Воспойте Вышняго, вси малы и велики,
Что милость ОнЪсвою вовѣкЪ поставилЪ вЪнасЪ,
И истина Его пребудетЪ всякїй часЪ.

⁂

ПСАЛОМЪ CXLIII.
Текст в Приложенiи I[16]

⁂

[13] Прим. ПСС: *В подлиннике многоточие* .

[14] Переложение Ломоносова обрывается на этом месте не заканчивая дальнейших 19 стихов псалма. Автор мотивирует это решение в письме Татищеву следующим образом: „Так принявшись перелагать на стихи прекрасный Псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: «змiй сей, его же создал еси ругатися ему», вместо: «се кит, его же создал еси презирати оное (то есть море, его пространство)».“ (см. ПСС, т. 10, стр. 462) Действительная ли это причина, или отговорка, судить теперь трудно. Важным, однако, остается то обстоятельство, что Симеон Полоцкий, которого Ломоносов читал с детства, закончил свое переложение именно на этом же месте.

[15] В Соч. 1751 не вошел. Впервые в Риторике 1747 г. (см. ПСС, т. 7, стр. 315) Обычно в собраниях сочинений М. Л. пропускается. См. мои комментарии о нем во вступительной статье о Псалтири В.Т.

[16] Вошел в Соч. 1751. Ограничиваюсь, однако, здесь только изданием 1743 года. Дальнейшие варианты легко проследить по ПСС.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА CXLV.

1
Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду петь въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

2
Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

3
Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость ихъ и власть минетъ.

4
Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

5
Нещетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту.

6
Творящего на сильныхъ ницу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ Нему возопіютъ.

7
Господь оковы разрѣшаетъ,
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

8
Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ;
Онъ дерзскій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

⁂

Redaktionelle Anmerkung

Die vorliegende Edition ist der zweite Teil des Bandes 4 der ostslavischen Reihe der „Biblia Slavica“; die Teile dieses Bandes besorgt Prof. A. Levitsky, Brown University — Providence, USA. Angesichts der Bedeutung der russischen Psalmennachdichtungen erschien es zweckmäßig, neben einem Kommentar in russischer Sprache auch eine ausführliche Zusammenfassung auf englisch zu bringen. Die Druckvorlage hat Prof. Levitsky hergestellt. Auf Beschluß der Herausgeber wurde sie für den Druck übernommen.

Biblia
Slavica
III · 4/b

*

Trediakovskij,
Psalter 1753

* *
*